ИСТОРІЯ ФИНЛЯНДІИ.

М. БОРОДКИНЪ.

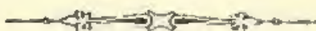
ИСТОРІЯ ФИНЛЯНДІИ.

ВРЕМЯ

ЕКАТЕРИНЫ II и ПАВЛА I

СЪ ПОРТРЕТАМИ, ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, ПЛАНАМИ И КАРТОЙ 1789 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Государственная Типографія
1912

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

2007065986

СЪ ГЛУБОКОЙ СЕРДЕЧНОЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

ПЕТРА АРКАДЬЕВИЧА

СТОЛЫПИНА.

„Съ любовью вѣчной и святой
Онъ помнилъ о странѣ родной".

М. БОРОДКИНЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

ВРЕМЯ ПАВЛА I.

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

Конецъ XVIII столѣтія въ исторіи Финляндіи ознаменованъ главнымъ образомъ борьбой шведскаго короля Густава III съ повелительницей Россіи—Екатериной II.

И Екатерина и Густавъ составили эру въ ходѣ развитія своихъ государствъ. Ихъ царствованія прославлены прежде всего рѣдкими личными качествами обоихъ. Ихъ имена вдохновляли многихъ талантливыхъ людей и нерѣдко окружались таинственной прелестью легенды. У обоихъ много ума, блеска, энергіи, изящества и въ то же время много рисовки, противорѣчій и крупныхъ недостатковъ. Желая скрасить и прикрыть свои недочеты, Екатерина много писала, Густавъ много говорилъ. Они всегда были озабочены привлеченіемъ и расположеніемъ къ себѣ всѣхъ. Оба сложные и своеобразные характеры. Ихъ жизнь—романъ, ихъ борьба—полна драматическаго интереса.

Ихъ и тянуло другъ къ другу и отталкивало. Они сходились въ общихъ передовыхъ стремленіяхъ вѣка, въ расположеніи къ наукѣ и искусству, въ любви къ изящному и остроумному. Они жаждали взаимныхъ похвалъ, желали плѣнять другъ друга и своеобразно ревновали.

Онъ—позеръ и неисправимый мечтатель, она—страстная женщина, но въ политикѣ все подчиняла разсчету. Онъ насаждалъ вокругъ себя все французское, она—перевоплощалась въ обликъ и духъ своихъ подданныхъ.

Здравая политика подсказывала имъ сближеніе и союзъ: наша граница была опасно близка къ столицѣ, а Швеція постоянно чувствовала тиски сосѣднихъ государствъ. Но въ вѣяніяхъ вѣка они соперники и потому не только не сблизились, а наносили другъ другу наиболѣе чувствительные удары.

Профессоръ В. А. Бильбасовъ, много поработавшій надъ изученіемъ времени Екатерины, отмѣтилъ нѣкоторыя особен-

ности происходившей между Россіей и Швеціей войны 1788—1790 г.г. Но курьезовъ такое обиліе, что они трудно поддаются перечисленію.

Задумавъ кампанію, Густавъ крикливымъ и „сумасшедшимъ“ ультиматумомъ потребовалъ возвращенія всей Финляндіи. На свой дерзкій вызовъ онъ позволялъ отвѣтить лишь да, или нѣтъ. Его планъ быстраго и внезапнаго нападенія на Петербургъ смѣлъ и превосходенъ.—Наши войска находились на югѣ, гдѣ съ трудомъ одолѣвали Турцію. Пруссія вооружалась. Англія субсидировала Густава. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ примчался изъ Москвы, желая склонить Екатерину къ уступкамъ. Князь Потемкинъ, спасая честь и цѣлость Имперіи, совѣтовалъ возвратить Крымъ, заключить союзъ съ Пруссіей и миръ со Швеціей.

Однако успѣхъ не сопровождалъ оружія Густава. Былъ, правда, моментъ, когда стекла дрожали въ домахъ Кронштадта, а въ Петербургѣ, при вѣтрѣ съ моря (29 мая 1790 г.), пахло порохомъ. Но у Красной Горки геройски сражался А. И. Крузъ, а столицу ободряла своимъ поведеніемъ сама Императрица, которая распоряжалась „comme au quartier général“.

Не было надлежащаго успѣха и на сторонѣ русскихъ потому, что во главѣ нашей арміи стоялъ сперва „петиметръ“ и „сущій болванъ“, а затѣмъ—„глупый и упрямый графъ“. Флотомъ, послѣ умнаго и храбраго С. К. Грейга, командовалъ водяной кунктаторъ В. Я. Чичаговъ, а на его судахъ плавали матросы, никогда не видавшіе моря.

Часть войска была отправлена къ границѣ на подводахъ. Но.... даже наши курьеры того времени ѣздили тихо. Подрядчики поставляли столь дурныхъ лошадей, что (между Ораніенбаумомъ и Петербургомъ) курьерамъ приходилось иногда ходить пѣшкомъ.

Война закончилась миромъ, заключеннымъ плохо-воевавшими генералами, которые вели переговоры почти подъ открытымъ небомъ, въ глухой деревенькѣ, тайно отъ европейскихъ кабинетовъ.

Армія и флотъ Россіи были переполнены иностранными офицерами. На театрѣ военныхъ дѣйствій не малую роль играли авантюристы.

А сколько драматизма въ положеніи Густава III? Неожиданно онъ попадаетъ въ среду бунтующихъ своихъ офицеровъ.

Со всѣмъ своимъ флотомъ онъ оказался запертымъ въ непріятельской бухтѣ. При Роченсальмѣ онъ потерпѣлъ рѣдкое пораженіе и торжествовалъ блестящую побѣду. Среди боевыхъ дѣйствій на одной окраинѣ королевства, онъ узнаетъ о нападеніи врага на другую отдаленную часть своихъ владѣній. Въ перерывѣ военныхъ операцій, онъ схватывается, на риксдагѣ, съ своими смертельными внутренними врагами. Наконецъ, въ разгарѣ общаго веселья и бальной музыки рука озлобленнаго аристократа наноситъ ему смертельную рану.

Среди эпизодовъ своеобразной войны 1788 г. первое мѣсто занимаетъ, конечно, заговоръ анъяльскихъ мятежниковъ. Онъ имѣлъ значительное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій, но еще болѣе важнымъ онъ является по своимъ политическимъ послѣдствіямъ. Волны его вліянія докатились до нашихъ дней.

Что такое современная Франція?—спрашивалъ знаменитый И. Тэнъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ,—продолжаетъ онъ,—нужно знать, какъ развивалась эта Франція, или, что еще лучше, присутствовать въ качествѣ зрителя при ея образованіи.

То же повторимъ и мы. Что такое современная политическая Финляндія? Только изучивъ ея прошлое, можно понять ея настоящее. Только прослѣдивъ ходъ ея политическихъ мыслей, возможно уяснить себѣ ея поведеніе послѣднихъ лѣтъ.

Обращаясь къ ея прошлому, легко замѣтить, что купель современной политической Финляндіи — Анъяла. Тамъ она получила свое крещеніе. Тамъ, въ дни анъяльскихъ замѣшательствъ, камень за камнемъ возводился фундаментъ политическаго строенія Финляндіи изъ матеріала, накопленнаго въ предшествовавшее время.

Анъяла имѣетъ свою исторію и ее необходимо здѣсь припомнить.

Съ того дня, когда Великій Петръ приказалъ поспѣшно вбить первыя сваи для новой своей столицы на болотистыхъ берегахъ Невы, финляндцы почувствовали, что въ судьбѣ ихъ родины должна произойти коренная перемѣна. Съ этого времени многіе изъ нихъ стали проникаться двоякими склонностями и стремленіями. Однихъ одолѣвали сомнѣнія, въ состояніи ли будетъ Швеція удержать за собой Финляндію. — У

другихъ—особенно во время войны 1741 — 1742 г.г., какъ результатъ бродившаго недовольства „шведскими притѣсненіями“, — замелькали мысли о созданіи изъ Финляндіи самостоятельной единицы. Манифестъ Елизаветы Петровны отъ 18 марта 1742 г. явился послѣдствіемъ извѣстнаго настроенія среди финляндцевъ. Представитель Россіи въ Стокгольмѣ, Бестужевъ-Рюминъ, донесъ Императрицѣ, что въ Финляндіи наблюдается недовольство, и „нѣкоторые финляндцы въ тайнѣ питаютъ надежду, что великое княжество Финляндское можетъ сдѣлаться чѣмъ то самостоятельнымъ, подъ покровительствомъ Россіи“.

Указанныя условія вызвали появленіе манифеста 1742 г. Занятіе Финляндіи русскими войсками также было рекомендовано нашей власти. Это предложеніе исходило отъ членовъ Стокгольмской оппозиціи. Партійное озлобленіе шведовъ зашло такъ далеко, что ему приносились въ жертву первѣйшіе интересы королевства. По словамъ М. Бестужева, „добрые шведскіе патріоты“ представляли исключительному усмотрѣнію русскаго правительства покорить Финляндію или оставить ее за Швеціей.

Финляндскій писатель Г. Лагусъ указалъ, что никто другой, какъ извѣстный профессоръ абоскаго университета Г. Г. Портанъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній 1771 года, выразилъ мысль о Финляндіи „какъ особомъ отечествѣ съ своими воспоминаніями и собственными надеждами“ (ett särskildt fosterland med egna minnen ock eget hopp.). Но такъ какъ Портанъ презиралъ все русское, то его не причислили къ группѣ мѣстныхъ измѣнниковъ.

Если среди финляндцевъ все болѣе и болѣе распространялась мысль о возможности устроить свою родину въ видѣ особаго независимаго политическаго цѣлаго, то виною тому прежде всего было слабое шведское правительство, а затѣмъ безумные партійные раздоры „періода свободы“. — Уже въ 1723 году, т. е. вслѣдъ за Ништадтскимъ миромъ, растерявшіяся шведскія власти просили Петра I своимъ флотомъ обезпечить королевству наслѣдника престола, въ лицѣ герцога Голштинскаго. Война Елизаветы Петровны со Швеціей окончилась возвращеніемъ ей большей части завоеванной Финляндіи, подъ условіемъ избранія на престолъ Адольфа-Фридриха Голштейнъ-Готторпскаго. Непосредственно за миромъ въ Або,

русскіе вновь (въ 1743 г.) обезпечиваютъ спокойствіе Швеціи, присылкою въ Стокгольмъ отряда генерала Я. Кейта.—Все это ставило Швецію въ глазахъ Европы въ извѣстное вассальное отношеніе къ Россіи. И неудивительно, если послѣ того представитель Россіи при стокгольмскомъ дворѣ, баронъ І. Корфъ, держится повелительнаго тона и грозитъ войной, въ случаѣ неисполненія шведами воли его августѣйшей Монархини.

Что же касается партійной борьбы, то она окончательно затмила въ политическихъ дѣятеляхъ всякій здравый смыслъ и заглушила въ нихъ послѣдніе отзвуки голоса совѣсти. Партія шляпъ оплачивалась французскимъ золотомъ, партія шапокъ—русскимъ. Въ досадѣ на то, что представители крестьянскаго сословія были устранены изъ состава всевластнаго секретнаго комитета риксдага, предсѣдатель крестьянской куріи, Уловъ Хокансонъ (Olof Håkanson) совѣтывалъ барону Корфу склонить Императрицу занять своими войсками границу Финляндіи. Въ концѣ 1740-хъ годовъ, съ подобнымъ же предложеніемъ обратилась къ нашему стокгольмскому министру, графу Н. Панину, партія шапокъ, съ ихъ руководителемъ Самуиломъ Окергіельмомъ (Sam. Åkerhjelm). Они желали, чтобы при помощи русскихъ и датскихъ войскъ сокрушены были въ предѣлахъ Швеціи ихъ политическіе противники — шляпы.

Наконецъ, на политической аренѣ показался родоначальникъ финляндскихъ измѣнниковъ — Адамъ Фреденшерна. Въ 1749 году онъ представилъ графу Н. Панину проектъ русско-датскаго операціоннаго плана противъ Швеціи и Финляндіи. Въ поясненіяхъ къ плану Фреденшерна писалъ: „Кажется, что Россія въ своихъ операціяхъ сперва должна задуматься надъ тѣмъ, чтобы, по возможности, дружескимъ образомъ, стать господиномъ Финляндіи“. Это тѣмъ легче исполнить, что финны недовольны шведскими притѣсненіями. Во время войны на бѣдныхъ жителей Финляндіи выпадаетъ въ три раза болѣе тяжелое бремя, чѣмъ на шведовъ; выдающіеся финляндцы лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія достигаютъ высшихъ постовъ въ королевствѣ; въ области торговли финны окружены стѣсненіями. Тѣмъ вѣроятнѣе расположить къ себѣ финновъ, — продолжаетъ Фреденшерна, — что они помнятъ заботливое обхожденіе съ ними во время послѣдней войны (1741—1742), когда русскіе проявили состраданіе и оказы-

вали имъ обильную помощь. Привлечь сердца финновъ надо, кромѣ того, прокламаціями, съ обѣщаніями Императрицы содѣйствовать ихъ стремленіямъ, безъ желанія пріобрѣтенія пяди земли. Фреденшерна рекомендуетъ въ своихъ мотивахъ не только не препятствовать пересылкѣ товаровъ въ Швецію—что явится доказательствомъ дружелюбнаго отношенія русскихъ къ Финляндіи—но ничего не брать у крестьянъ безъ полной оплаты. Мало того, надо перевезти изъ финляндскихъ гаваней 30—40 тысячъ бочекъ ржи и предложить ихъ по дешевой цѣнѣ населенію Швеціи. Далѣе въ планѣ указываются наиболѣе удобныя мѣстности для трехсторонняго нападенія на Швецію.

Но предлога для активнаго дѣйствія у Россіи не имѣлось. Фреденшерна представилъ его. Онъ прислалъ проектъ новой Формы Правленія, составленный секретнымъ комитетомъ риксдага. Желаніе ввести новую Форму Правленія дѣйствительно вызывало необходимость вмѣшательства Россіи, такъ какъ она гарантировала неприкосновенность внутренняго управленія Швеціи. Къ счастью русское правительство отнеслось къ дѣлу серьезно и крайне осмотрительно, зная, что шведскія политическія партіи въ своихъ интересахъ способны на любую продѣлку. Наши власти потребовали оригиналъ проекта новой Формы Правленія. Его не оказалось. Выяснилось, что онъ былъ подложный.

Обманъ разоблачился, но Фреденшерна не отказался отъ своихъ домогательствъ. До сихъ поръ онъ не говорилъ объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи; напротивъ, онъ настаивалъ на отказѣ русскихъ отъ всякихъ земельныхъ пріобрѣтеній.— Но осенью 1749 года онъ внушилъ графу Панину новую мысль, увѣряя, что если бъ Елизавета Петровна ввела свои войска въ Финляндію, можно было бы созвать для великаго княжества особый сеймъ. По его мнѣнію, все это тѣмъ легче сдѣлать, что у Финляндіи имѣются такіе же основные законы, какъ у Швеціи, и что конституція королевства зависѣла, слѣдовательно, „отъ добровольнаго присоединенія свободнаго и независимаго народа". Фреденшерна, поясняя свою мысль, прибавилъ, что Финляндія была присоединена къ Швеціи не столько оружіемъ, сколько по добровольному соглашенію. Изъ этого далѣе слѣдовало, что существующая политическая связь можетъ быть нарушена Финляндіей въ виду того, что

Швеція перестала выполнять свои союзныя обязательства. Фреденшерна находилъ, что безъ труда можно будетъ побудить финскій сеймъ порвать унію со Швеціей.

Въ Россіи отнеслись сочувственно къ новой идеѣ, но никоимъ образомъ не соглашались взять на себя иниціативы дѣла и ввести войска въ Финляндію. Помощь и сочувствіе обѣщались новому плану лишь въ томъ случаѣ, если финны сами отдѣлятся отъ Швеціи.

Извѣстно, что изъ всей этой затѣи ничего не вышло. Но мысль о самостоятельной Финляндіи родилась, планъ ея осуществленія обсуждался и самая идея болѣе не умирала. (I. R. Danielson. Die Nordische Frage in den Jahren 1741—1751).

Таковъ тотъ политическій багажъ, который унаслѣдовало поколѣніе финляндцевъ ко времени Густава III и Екатерины II.

Когда началась война 1788 года, ничтожная кучка политическихъ дѣятелей пыталась создать независимую Финляндію. Глава этой кучки — Г. М. Спренгтпортенъ—исправленное и дополненное изданіе А. Фреденшерна. Нѣкоторыя мысли Фреденшерна опредѣленно сквозятъ въ главныхъ положеніяхъ проекта Спренгтпортена. Не оказавъ никакой существенной услуги Россіи, дѣятели 1788 г. домогаются получить отъ нея денегъ на учрежденіе собственнаго банка и три крѣпости, для обезпеченія границы будущаго своего государства. При Екатеринѣ вредные планы и мечты, какъ несогласовавшіеся съ государственными интересами Россіи, были отклонены. Но, къ сожалѣнію, ненадолго.

Повернувъ страницу исторіи, вы, къ своему изумленію, прочтете, что при взлелѣянномъ ею внукѣ мечты анъяльцевъ были близки къ осуществленію: съ ними совѣтуются въ Борго, имъ дается капиталъ на учрежденіе банка, имъ приносится въ даръ кровное завоеваніе Петра Великаго—Выборгская губернія, изъ которой спѣшно и грубо изгоняются русскіе, вслѣдствіе того, что новые господа усмотрѣли въ нихъ „піавокъ“, „сорную траву“ и „налакированныхъ медвѣдей“.

Итакъ, корни совершенно исключительныхъ событій времени присоединенія Финляндіи уходятъ въ анъяльскую почву, зараженную измѣной и своеволіемъ. Съ рѣдкой наглядностью устанавливается, что событія 1788 г. и 1808—1809 г.г.— звенья одной непрерывной исторической цѣпи.

Но этого мало. Стоитъ только припомнить главныя мысли и дѣйствія анъяльцевъ, чтобы безъ труда установить ихъ преемственность въ положеніяхъ и поведеніи современныхъ намъ политическихъ дѣятелей Финляндіи. Мятежные анъяльцы, вмѣсто того, чтобы слушаться своего короля и воевать съ непріятелемъ, принялись обсуждать дѣйствія Его Величества. Конечно, говорили они, іезуитски оправдывая свои дерзкіе поступки, мы солдаты, но въ то же время мы граждане и обязаны озаботиться охраненіемъ своихъ гражданскихъ правъ. И разъ король неправильно началъ наступательную войну, то мы отказываемся сражаться.

Съ этого же времени въ политическій догматъ финляндцевъ открыто и распространенно возводится условная преданность королю, условное вѣрноподданство. Каждый финляндскій гражданинъ сталъ признаваться высшимъ непогрѣшимымъ судьею дѣйствій своихъ коронованныхъ правителей и мѣстныхъ властей. Если этотъ судья—отдѣльный финляндецъ—съ своей личной точки зрѣнія находилъ требованія и распоряженія властей неправильными, то считалъ себя не только въ правѣ отказаться отъ ихъ исполненія, но и противодѣйствовать имъ. „Такъ какъ король, нашъ государь, отнялъ наши права, расторгъ связывающія насъ узы, игралъ своими клятвами, то и намъ также вполнѣ дозволено нарушить связи, соединяющія насъ съ нимъ, и, въ качествѣ законныхъ защитниковъ правъ угнетеннаго гражданина, обратить его къ справедливости“. Таковы подлинныя слова финляндца Г. М. Спренгтпортена. „Если, — прибавляетъ онъ, желая особенно подчеркнуть справедливость своихъ словъ и поиронизировать надъ противниками его мнѣнія,—это разсужденіе не согласно съ логикою прусскаго солдата, то оно согласуется съ понятіями крестьянина съ береговъ Саймы“.

Подобныя выраженія раздаются по всей современной намъ Финляндіи, они въ устахъ всѣхъ политическихъ дѣятелей. Особенно усердно стала культивироваться въ Финляндіи идея условной преданности со времени приступа Россіи къ объединительнымъ мѣропріятіямъ. Въ декабрѣ 1904 года газета „Fria Ord“ разсуждала такъ: манифестомъ 3 февраля 1899 года въ Финляндіи введено единовластіе, и вслѣдствіе этого единовластія „граждане освободились отъ своихъ обязанностей“. Вы, русскіе,—говорятъ постоянно финляндцы,

сотнями органовъ своей печати,—незаконно ввели въ Финляндіи уставъ о воинской повинности, правила 3 февраля 1899 года, постановленія общегосударственнаго законодательства и т. п. Вы нарушили наши финляндскіе законы, вы не соблюли клятву вѣрности нашей конституціи, и тѣмъ самымъ мы освободились отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Россіи. Мы въ правѣ не итти на призывы въ воинскія присутствія, мы законно можемъ не платить вамъ военнаго налога, мы справедливо не признаемъ вашего общегосударственнаго законодательства. Вы напрасно заставили насъ страдать во время Восточной войны 1854—1855 г.г.; вы неосновательно хотите, чтобы сыны Финляндіи шли умирать въ Хиву или Арменію; мы требуемъ особаго флага для нашего торговаго флота, чтобы его не разстрѣливали вмѣстѣ съ русскимъ, и т. д. и т. д. . . .

Ясно, что ученіе Фреденшерна и Спренгтпортена обрѣло въ Финляндіи особенно благопріятную почву и согласуется съ политическимъ міровоззрѣніемъ финляндскихъ политиковъ.

„Есть разница,—говоритъ финляндское изданіе,—между рабскимъ повиновеніемъ и вѣрноподданническою преданностью свободнаго гражданина, которая можетъ требовать даже сопротивленія и мятежа противъ властей". Конечно, между рабскимъ повиновеніемъ и вѣрноподданнической преданностью есть разница, но далѣе по пути толкованія финляндскихъ философовъ, юристовъ и политическихъ дѣятелей итти нельзя, такъ какъ невозможно изъ вѣрноподданническаго долга выводить, какъ это дѣлаютъ они, право мятежнаго сопротивленія власти.

Офиціальнаго признанія «право сопротивленія» нигдѣ въ Европѣ не получило. Знаменитый философъ Кантъ начисто и категорически отрицалъ его. «Сопротивленіемъ» пользовались, но лишь захватнымъ образомъ и исключительно въ эпохи революцій.

Идея права сопротивленія—революціонная идея. Признать ее, значитъ фактически упразднить правовое состояніе общества, узаконить мятежъ, бунтъ, революцію.

Нельзя допускать даже пассивнаго сопротивленія, ибо между пассивнымъ и активнымъ сопротивленіемъ нѣтъ точной грани. Растлѣвающее значеніе всякаго сопротивленія для общества не подлежитъ сомнѣнію.

Финляндцы нашихъ дней говорятъ и пишутъ: если чиновникъ усмотритъ, что тотъ или иной законъ изданъ неконституціонно, безъ соблюденія основныхъ законовъ края, онъ можетъ не исполнять его. Иначе говоря, не монархъ, не высшее правительство ставится на стражѣ закономѣрности законодательныхъ актовъ, а мелкій чиновникъ, иногда малограмотный носитель мундира того или иного вѣдомства. Монархъ и высшее правительство по этой финляндской юриспруденціи не имѣютъ права требовать отъ чиновника исполненія закона, если этотъ чиновникъ единолично соизволилъ признать актъ незакономѣрнымъ.

Нѣтъ страны, гдѣ бы представителямъ исполнительной власти предоставлено было право входить въ разсмотрѣніе конституціонности законовъ. Даже въ Англіи и Сѣверной Америкѣ едва можно усмотрѣть ничтожные зачатки чего-то подобнаго. Во Франціи, Германіи, Австріи исполнительная власть не пользуется правомъ, на которое претендуютъ финляндцы.

По мнѣнію извѣстнаго юриста Лабанда, высокая политическая обязанность изслѣдовать и констатировать фактъ соотвѣтствія закона конституціи принадлежитъ правителю страны. Въ Германіи не отдѣльный судья или чиновникъ исполнительной власти, а императоръ является стражемъ и охранителемъ имперской конституціи. (Laband. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, I, 433, II, 43). Всѣ эти прерогативы императорской власти политиканствующіе финляндцы переносятъ на свое чиновничество и даже на каждаго отдѣльнаго гражданина.

Отсюда ведетъ свое начало и второе, наблюдаемое въ Финляндіи явленіе. Финляндецъ требуетъ отъ властей исполненія законовъ, но самъ считаетъ себя въ правѣ, протестуя, переступать ихъ безпрепятственно.

Такимъ образомъ исторія устанавливаетъ, что идеѣ условной преданности финляндцевъ насчитывается полтораста лѣтъ. Полтора столѣтія они взращивали эту идею, лелѣяли ее, руководились ею.

Психологія анъяльскихъ мятежниковъ жива въ ихъ потомствахъ. Духъ анъяльцевъ сохраняется въ финляндскихъ политическихъ дѣятеляхъ. Знамя, поднятое въ Анъялѣ, неизмѣнно воодушевляло послѣдующія поколѣнія. Отцы и дѣти, внуки и правнуки руководились одними и тѣми же мыслями,

прибѣгали къ одинаковымъ пріемамъ, для достиженія общей всѣмъ имъ цѣли.—Финляндскіе политическіе дѣятели—одинъ продолжающійся родъ. Когда мы внимаемъ заявленіямъ современныхъ финляндскихъ политиковъ и правовѣдовъ, намъ слышится голосъ Фреденшерна и Спренгтпортена: та же логика, тѣ же фразы, и все это точно окаменѣло въ скалистой Финляндіи.

Такое совершенно исключительное значеніе аньяльскаго мятежа для всей послѣдующей исторіи Финляндіи побудило насъ развернуть передъ читателемъ его подробности и обрисовать его главныхъ дѣятелей. Надо же, наконецъ, намъ, русскимъ, знать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло въ Финляндіи, какія идеи впитали въ себя политическіе руководители финскаго народа въ теченіе прошлыхъ вѣковъ, какія мечты они облюбовали, къ какой цѣли и какими путями стремились. „Не зная прошлаго народа, можно ли принимать какія-либо мѣры для него въ настоящемъ и будущемъ“,—неоднократно повторяла Екатерина II.

Итакъ, идеи Спренгтпортена прочно привились и пустили глубокіе корни, но самъ онъ, его личность, симпатіей въ Финляндіи не пользуется. О пользѣ, оказанной имъ Финляндіи, съ похвалой отзывались лишь фантазеръ и фразеръ Фридрихъ Сигнеусъ, генералъ русской службы Отто Фуругельмъ, отыскивавшій финляндскіе документы въ архивахъ Имперіи, да В. Экелундъ въ краткомъ біографическомъ наброскѣ 1877 г. По ихъ словамъ, Спренгтпортенъ заслужилъ полную признательность своихъ соотечественниковъ. А въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія профессоромъ Ирье Конскиненомъ была сдѣлана попытка возвести его въ національные герои финляндской государственности. Онъ восхвалилъ его патріотизмъ и самоотверженіе, посвятилъ ему особое сочиненіе (Yrjö Maunu Sprengtportista ja suomen its enäjsyydestä) и издалъ его переписку (Correspondance officielle de George Magnus Sprengtporten, gouverneur-général de Finlande an 1808—1809). Онъ призналъ его доблестнымъ сыномъ родины, сумѣвшимъ отвратить отъ Финляндіи опасность владычества, основаннаго на побѣдахъ.

Но Ирье-Коскинену далъ внушительную отповѣдь профессоръ К. К. Тигерстедтъ особой монографіей, въ которой ярко оттѣнены низкія и своекорыстныя цѣли и побужденія Спренгт-

портена. По стопамъ К. Тигерстедта пошли и остальные писатели края, касавшіеся личности и дѣятельности Спренгтпортена.

Въ мѣстной изящной литературѣ фигура Спренгтпортена лишь однажды выступила въ образѣ Донъ-Жуана въ произведеніи Якова Аренберга „Роялисты и Патріоты“ (Rojalister och Patrioter—1902 г.). Анъяльскій заговорщикъ Іегергорнъ, указывая на обожаемаго финляндскою молодежью генерала Спренгтпортена, поучалъ юнаго офицера, что въ лицѣ Спренгтпортена ожидается отечественный Вашингтонъ, который возьметъ въ свои руки политику края. Но такъ говорилъ Іегергорнъ, человѣкъ, отмѣченный клеймомъ измѣнника. Далѣе вниманіе Як. Аренберга привлекаетъ слѣдующая картина: Спренгтпортенъ, стоя на яхтѣ, восхищается красотами своей родины. Изъ его восторженнаго гимна вытекаетъ, что Финляндія несравненно прекраснѣе Голландіи и Франціи.— „Да, генералъ правъ,—замѣчаетъ другой изъ патріотовъ,— Финляндія чудесна. Неужели эта прекрасная и богатая страна не добьется той самостоятельности, которой она заслуживаетъ. Неужели достойный финнъ не можетъ самъ управлять любимой страной, тогда какъ онъ умѣетъ—что несравненно труднѣе—изъ года въ годъ защищать ее въ кровавыхъ войнахъ.. Если бы ему было предоставлено, подъ покровительствомъ могущественныхъ сосѣдей, свободно распоряжаться ею, то страна была бы избавлена отъ необходимости являться, въ каждый человѣческій возрастъ, мѣстомъ схватокъ прихотей единодержавныхъ правителей и ихъ честолюбія, по собиранію лавровъ для собственнаго храма славы.—Бѣдный крестьянинъ, который въ потѣ лица и въ тревогѣ пашетъ свою землю для полученія скуднаго пропитанія, не опасался бы, что вѣнцомъ его труда будутъ сожженныя избы и дѣти, умерщвленныя на поднятыхъ имъ поляхъ.... Финнъ самъ долженъ быть хозяиномъ въ своемъ домѣ.... Необходимо покончить съ тираніей. Древо свободы должно когда нибудь быть посажено на этой землѣ“....

Таковы отношенія финляндцевъ къ ученію и личности Спренгтпортена....

Въ остальныхъ частяхъ настоящаго труда мы старались подробнѣе развить тѣ событія, которыя оставались до сихъ поръ менѣе извѣстными, и дать посильный очеркъ финляндской культуры конца XVIII столѣтія.

Наибольшую помощь оказали намъ: капитальный трудъ К. Т. Однера (Sveriges politiska historia under Konung Gustaf III s regering—1903), лекціи В. Ф. Головачева (Дѣйствія русскаго флота въ войнѣ со Шведами въ 1788—1790 г.г.) и изслѣдованіе К. Тигерстедта объ Анъялѣ и Спренгтпортенѣ (Göran Magnus Sprengtporten.—Anjala förbundet). К. Однеръ далъ возможность освѣтить запутанныя причины войны 1788 г. и сложную личность Густава III. Трудъ В. Ф. Головачева, сплошь основанный на архивныхъ первоисточникахъ, помогъ намъ представить вполнѣ правдивую картину морскихъ эпизодовъ, игравшихъ первостепенное значеніе въ войнѣ 1788—1790 г.г. Вторая часть прекрасной монографіи профессора К. Тигерстедта, которой мы пользовались при описаніи Анъяльской конфедераціи, все еще остается неизвѣстной въ Россіи. Я. К. Гротъ и К. Ф. Ординъ имѣли случай познакомить русскихъ только съ первой половиной работы Тигерстедта. Мы пытались исчерпать вторую.

„Письмо,—сказалъ кн. Вяземскій,—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ". Письма и записки дышатъ и трепещутъ истинной жизнью. Помня это, мы, гдѣ возможно было, придерживались указаній современниковъ, обильно пользуясь ихъ письмами, дневниками и указаніями. Въ этомъ отношеніи намъ посчастливилось. Показанія очевидцевъ и современниковъ настолько обильны, что нѣкоторыя событія могли быть почти сплошь разсказаны ихъ словами по запискамъ и воспоминаніямъ Храповицкаго, Грибовскаго, Гарновскаго, П. В. Чичагова, Сегюра, Ланжерона, Тучкова, гр. К. Стедингка, Экмана, Хохшильда, І. А. Эренстрема, Sillen'a, а также по письмамъ и документамъ, напечатаннымъ въ „Сборникахъ И. Р. Ист. Общ.", въ „Матеріалахъ по исторіи русскаго флота", въ монографіи Е. Тегнера о Г. М. Армфельтѣ и др.

Достоинства записокъ названныхъ русскихъ авторовъ—общеизвѣстны. Особое мѣсто среди этихъ воспоминаній занимаетъ въ данномъ случаѣ дневникъ А. В. Храповицкаго. Состоя личнымъ секретаремъ Императрицы и являясь иногда во дворецъ по нѣсколько разъ въ день, онъ былъ свидѣтелемъ не только офиціальныхъ распоряженій, но и тайныхъ думъ и волненій Монархини. Ему она давала разныя порученія, съ нимъ не разъ совѣтовалась и бесѣдовала,

отъ него не скрывала даже своихъ сердечныхъ дѣлъ. Дневникъ Храповицкаго изобилуетъ отмѣтками, относящимися къ войнѣ 1788—1790 г.г. Наиболѣе богатъ ими первый періодъ боевыхъ столкновеній. Императрица и ея дворъ съ бо́льшимъ вниманіемъ и волненіемъ слѣдили за наступленіемъ Густава III, чѣмъ за побѣдами Потемкина надъ турками. И не удивительно: Петербургу грозила весьма серьезная опасность, которой онъ избѣжалъ лишь вслѣдствіе ряда случайностей. Дневникъ Храповицкаго съ точностью хорошаго барометра отражаетъ малѣйшія колебанія военной и политической атмосферы, почему почти всѣ его записи неизбѣжно находили себѣ мѣсто въ описаніяхъ историковъ, касавшихся событій 1788—1790 г.г. Намъ отмѣтки Храповицкаго также сослужили роль путеводной звѣзды.

Изъ шведовъ, воспоминаніями и письмами коихъ мы пользовались, наиболѣе близко къ власти стояли Г. М. Армфельтъ, I. А. Эренстремъ и гр. К. Стедингкъ; они всѣ пользовались особымъ довѣріемъ и расположеніемъ Густава III. Эренстремъ состоялъ его личнымъ секретаремъ. Армфельтъ и Стедингкъ корреспондировали съ королемъ. Экманъ находился въ томъ боевомъ лагерѣ, который охваченъ былъ волненіемъ анъяльцевъ. Хохшильдъ руководился слухами, ходившими среди вліятельныхъ сферъ Стокгольма, а Силле́нъ описалъ лишь то, чему свидѣтелемъ онъ былъ, плавая на королевскомъ «Амфіонѣ». Заимствовать свѣдѣнія изъ подобныхъ источниковъ, значитъ черпать изъ самой эпохи. Всѣ перечисленные источники въ то же время служатъ оправдательными для насъ документами.

Когда имѣешь дѣло съ прошлымъ такой страны, какъ Финляндія, которая принадлежала двумъ сосѣднимъ государствамъ, и исторія коей составляется въ значительной мѣрѣ изъ соприкасающихся частей исторіи того и другого, то очень трудно найти между ними правильную равнодѣйствующую.— И если мы позволили себѣ иногда болѣе распространиться о шведскихъ событіяхъ и лицахъ, то извиненіе наше кроется въ предположеніи, что они менѣе извѣстны русскому читателю.

Что касается исторіи Выборгской губерніи за XVIII столѣтіе, то она займетъ въ нашемъ изложеніи особый томъ.

Подобно предыдущимъ нашимъ работамъ, и эта книга не болѣе, какъ новый камень, заложенный въ основу будущихъ

болѣе широкихъ и обстоятельныхъ историческихъ построеній и обобщеній.

Поможетъ Богъ, и

«Нашъ скромный трудъ не пропадетъ: изъ искры возродится пламя».

Время Екатерины II.

Съ портрета Рослéна.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

I.

Екатерина II «Минерва Гиперборейская». Окраины.

Вольтеръ назвалъ Екатерину II великой; раньше его принцъ де-Линь выразилъ надежду, что Европа утвердитъ за ней название Catherine la grande. Оба они были поклонниками личности Императрицы; первый писалъ, что его сердце, подобно магниту, постоянно обращено къ сѣверу; второй признался, что былъ зараженъ «екатеринофильствомъ». Другихъ ослѣпляла торжественность и великолѣпие ея двора, ея искусство царствовать, блескъ и громъ побѣдъ ея славныхъ сподвижниковъ. «Никто подобно ей,—писала Императрица Елизавета Алексѣевна,—не усвоилъ себѣ искусства царствовать». Третьи (какъ, напримѣръ, Гаррисъ) иронизировали надъ Екатериной, воображавшей, что она держала скипетръ, тогда какъ въ ея рукахъ находилось только опахало. Ея добрыя качества, — прибавилъ англичанинъ, — преувеличены, ея недостатки умалены. — Кюстинъ пошелъ дальше и назвалъ ея царствованіе длинной комедіей, которой она обманывала Европу. Четвертые, подобно Погодину, колебались и мучились сомнѣніями, то превознося, то осуждая ее. Она не велика, «а очень средняя»; но отчего при ней было много хорошаго? Она была очень и очень умна, но «и много пятенъ на себѣ оставила». «Карамзинъ! Зачѣмъ ты написалъ ей похвальное слово?» «Екатерина,—писалъ Фридрихъ Великій,—служитъ укоромъ для многихъ монарховъ, закоченѣвшихъ на своихъ тронахъ и не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о великихъ дѣлахъ, какія она приводитъ въ исполненіе. Во Франціи четыре министра не работаютъ столько, сколько эта женщина, которую слѣдуетъ зачислить въ ряды великихъ людей»!

«Прошу васъ не называть меня болѣе Екатериной Великой,—писала сама она Гримму (22 февр. 1788 г.); во первыхъ потому, что я не люблю прозвищъ; во вторыхъ, мое имя Екатерина Вторая; въ третьихъ, я не желаю, чтобъ про меня кто-нибудь

сказалъ, какъ про Людовика XV, что прозвище не соотвѣтствуетъ лицу».—Вольтеру и Гримму она сообщила, что Екатерина лучше издали.

Надо полагать, что «Като» издали дѣйствительно казалась болѣе привлекательной, чѣмъ вблизи. Но многіе изъ подходившихъ къ ея исторической могилѣ не только срывали увядшіе цвѣты, но безжалостно топтали ея заслуженные лавры.

Одно несомнѣнно, что она занимала «une grande place dans l'histoire», что она была женщиной необыкновенной, и что «ей нельзя не удивляться».

Дочь мелкаго герцога ангальтъ-цербтскаго, имѣвшаго чинъ генерала прусской службы и состоявшаго комендантомъ Штетина, она сдѣлалась Сѣверной Семирамидой и наполнила міръ своимъ именемъ. До маленькой принцессы, вслѣдствіе близкаго сосѣдства огромной Россіи, рано дошли разсказы о Бѣломъ Царѣ, его великихъ побѣдахъ, большомъ богатствѣ, несмѣтныхъ полчищахъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что еще 14-ти-лѣтней дѣвочкой она стала мечтать сдѣлаться русской царицей.

Желаніе укрѣпить прусское вліяніе при петербургскомъ дворѣ побудило Фридриха II сдѣлаться сватомъ дочери своего коменданта. Въ Россію Софія-Августа отправилась лишь съ дюжиной сорочекъ да нѣсколькими платьями, сшитыми на деньги, высланныя Елисаветой Петровной на путевые расходы. Въ наставленіи, данномъ отцомъ, значилось:... «униженно оказывай уваженіе императрицѣ и милостивыми взорами смотри на слугъ и фаворитовъ государя». Поѣздка въ Москву напоминала ей пріятный сонъ. Она быстро осмотрѣлась и освоилась съ своимъ новымъ крайне труднымъ положеніемъ. «Я могу примаровиться ко всякимъ характерамъ,—сказала она впослѣдствіи, — уживусь, какъ Алкивіадъ, и въ Спартѣ, и въ Аѳинахъ».

При первомъ же свиданіи съ своимъ женихомъ она услышала отъ него: «я влюбленъ въ фрейлину Лопухину и желалъ-бы на ней жениться, но готовъ жениться и на тебѣ, такъ какъ этого желаетъ тетка». Четырнадцатилѣтняя ангальтка рѣшила понравиться жениху, Елизаветѣ и народу.

Скоро состоялись присоединеніе къ православію, помолвка и бракосочетаніе (въ 1745 году) свѣтлѣйшей принцессы, нареченной Екатериной, съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Между молодыми супругами сразу обнаружился полный разладъ. Даже въ теченіе медоваго мѣсяца «дорогой супругъ» не удостаивалъ

Екатерину Алексѣевну особымъ вниманіемъ. Петръ Ѳедоровичъ проводилъ время среди лакеевъ и грубыхъ голштинскихъ солдатъ, не выпуская изо-рта трубки. Рядомъ съ его спальней находилась псарня. Не стѣсняясь, онъ разсказывалъ молодой супругѣ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Екатерина, напротивъ, обладала выдающимися способностями, живымъ характеромъ и большой наблюдательностью. Въ то время, когда Петръ Ѳедоровичъ убивалъ свой огромный досугъ кукольнымъ театромъ, игрой въ солдаты, съ многократными переодѣваніями въ разные мундиры, а иногда читалъ разсказы о разбойникахъ, грабившихъ по большимъ дорогамъ, Екатерина Алексѣевна, не любимая мужемъ и мало замѣчаемая при дворѣ, въ теченіе 18 лѣтъ, внимательно прислушивалась къ окружающему, все обдумывала, а главное—читала и читала. Она прочла хронику Тацита, Діалоги Платона, Духъ Законовъ Монтескье, сочиненія Вольтера, Исторію Германіи Барра и др. Она была «неравнодушна къ русской коронѣ» и потому рѣшила ждать и все перенести. Вольтеръ «пріучилъ ее въ это время мыслить», Монтескье, Тацитъ и другіе расширили кругозоръ ея міросозерцанія.

Въ 1761 г. Петръ Ѳедоровичъ вступилъ на Всероссійскій престолъ. Дворецъ наполнился дымомъ солдатскаго кнастера и запахомъ портера.—«Наше время—сказалъ шталмейстеръ Нарышкинъ,—уходило на ѣду, питье и на то, чтобы творить сумасбродство». Правда, политическое чистилище XVIII в.—тайная канцелярія—была закрыта и появился указъ о правахъ дворянства. Но они не могли искупить отрицательныхъ сторонъ царствованія Петра III. Для всѣхъ стало очевиднымъ ограниченность его ума, его презрѣніе къ русскимъ, его распутство. «Затащили меня въ эту проклятую Россію, гдѣ я долженъ считать себя государственнымъ арестантомъ, тогда какъ, если-бы оставили меня на волѣ, то теперь-бы сидѣлъ на престолѣ цивилизованнаго народа», сказалъ Петръ Ѳедоровичъ, узнавъ объ освободившемся шведскомъ тронѣ. Ропотъ на нѣмецкое иго увеличивался и становился открытымъ. «Онъ не похожъ на государя», говорили придворные (Болотовъ).

9 іюня на торжественномъ обѣдѣ, въ присутствіи 400 лицъ, Петръ Ѳедоровичъ грубо оскорбилъ Императрицу бранными словами и готовъ былъ отдать распоряженіе объ ея арестѣ. Ранѣе онъ думалъ объ ея заточеніи въ монастырь.—Монашескій клобукъ на головѣ, наполненной идеями Вольтера и энциклопедистовъ... Нѣтъ, это невозможно! Мѣра терпѣнія переполнилась. «Я не намѣрена, какъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный, просить убѣ-

жница у англійскаго короля,—писала Екатерина Алексѣевна великобританскому послу,—потому что рѣшилась: или царствовать, или погибнуть».

Уже въ 1756 г. она сблизилась съ представителемъ Англіи сэромъ Чарльзомъ Уилльямсомъ, и, благодаря его помощи, получила въ долгъ деньги отъ Англіи [1]). Теперь Екатерина, болѣе чѣмъ когда-либо, старалась снискать расположеніе нужныхъ ей людей. Къ концу іюня 1762 г. въ ея партіи насчитывалось 40 офицеровъ и около 10.000 нижнихъ чиновъ.

До открытаго столкновенія враждующихъ лагерей дѣло не дошло.—«Его священное величество случай» выручилъ Екатерину. 29 іюня Петръ III отрекся отъ престола и отвезенъ былъ въ Ропшу, а 6 іюля 1762 г. Алексѣй Орловъ писалъ Императрицѣ: «Матушка, милосердная государыня, какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось. Не повѣришь вѣрному своему рабу.—Но какъ передъ Богомъ скажу истину.—Матушка.—Готовъ идти на смерть, но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь, матушка,—его нѣтъ на свѣтѣ. Но никто сего не думалъ» и т. д. Оказалось, что «бывшій Императоръ Петръ III скончался отъ геморроидальнаго припадка».

Въ первыхъ манифестахъ (отъ 28 іюня и 13 іюля 1762) Екатерины говорилось объ опасности, грозившей государству, о томъ, что законъ нашъ православный «возчувствовалъ свое потрясеніе», что съ самимъ «злодѣемъ» Россіи миръ заключенъ былъ, что всѣ «обозрѣли въ немъ (Императорѣ) малость духа къ правленію столь великой Имперіей», что въ немъ не усмотрѣли даже «малыхъ» знаковъ посредственнаго любочестія, что онъ усиленно просился въ свое отечество «Голстинію» и пр. [2]).

Гр. Н. Л. Воронцовъ укорилъ Екатерину за произведенный переворотъ. Она подвела его къ окну, изъ котораго видна была толпа народа и войска. «Вы видите, не я дѣйствую, я только повинуюсь». Въ указѣ, данномъ въ день восшествія на престолъ гр. З. Г. Чернышеву, она собственноручно писала: «Понеже желаніемъ всего народа, а паче Божіимъ всемогущимъ вспомоществованіемъ, мы вступили самодержавно на Всероссійскій престолъ». И впослѣдствіи она не разъ говорила, что пріяла всероссійскій престолъ изъ рукъ Божіихъ не для собственнаго удовольствія, а для вящаго блага и славы отечества.

Екатерина, имѣвшая право только на регентство до совершеннолѣтія своего сына Павла Петровича, путемъ революціи достигла

престола. Это обстоятельство въ значительной мѣрѣ продиктовало программу ея царствованія и объясняетъ многое въ ея внутренней и внѣшней политикѣ. Явилась необходимость унять «великій ропотъ на образъ правленія послѣднихъ лѣтъ», нужно было удовлетворить чувству національнаго достоинства, поднять внѣшнее значеніе Россіи, искоренить привычку гвардіи къ дворцовымъ переворотамъ и т. д. Приходилось уплатить по счету.

Екатерина говорила, что она не изъ числа змѣй, вскормленныхъ за пазухой и потому желала уплатить Россіи долгъ благодарнаго сердца. «Ангальтинка» искренно и просто сознала, что она всѣмъ обязана Россіи. Отсюда ея сердечное отношеніе къ новому отечеству. Въ своихъ запискахъ она рѣзко осуждаетъ Петра Ѳедоровича за пренебреженіе къ Россіи. Русскій народъ она признавала особеннымъ въ цѣломъ свѣтѣ, одѣленнымъ «догадкою, умомъ и силою». «Ни одна исторія,—по ея мнѣнію,—не давала лучшихъ и болѣе великихъ людей, чѣмъ наша». «Я люблю эту исторію до страсти». «Россія велика сама по себѣ», писала она. И мы видимъ, что идея о величіи Россіи никогда не покидала ее. Этотъ великанъ, заснувшій подъ снѣжнымъ покровомъ, всегда привлекалъ ея вниманіе и возбуждалъ ея руссофильство [3]). «Я не Лифляндская императрица, а всероссійская», сказала она и это напоминаніе звучитъ гордымъ сознаніемъ величія Россіи. Складъ ея мыслей, ея чувства, ея политика сдѣлались вполнѣ русскими. Русскій національный характеръ она старалась придать всему своему царствованію и надо признать, что весьма замѣтно перевоплотилась въ русскую и съ тонкимъ искусствомъ исполнила свои трудныя обязанности Русской Царицы.

По происхожденію и воспитанію она могла осуждать принципъ доставшейся ей власти. Но на практикѣ получилось иное. Екатерина признавала свою душу республиканской, но на дѣлѣ она крѣпко держалась самодержавія.

Много было разговоровъ по поводу проекта гр. Н. И. Панина. Къ чему сводилось предложенное имъ учрежденіе Императорскаго Совѣта? Верховное мѣсто Совѣтъ, по мысли гр. Панина, учреждалось для того, чтобы «оградить самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя». Въ манифестѣ, которымъ имѣлось въ виду установить Императорскій Совѣтъ, повторялось, данное 6 іюля 1762 г., обѣщаніе «непоколебимо утвердить форму и порядокъ, которымъ, подъ императорскою самодержавною властью, государство навсегда управляемо быть должно» [4]).

Въ 1788 г. Екатерина писала князю де-Линь: «Я была воспитана въ любви и уваженіи къ республикамъ; но опытъ убѣдилъ меня, что чѣмъ болѣе собирается народу для разсужденія, тѣмъ болѣе слышно безразсудныхъ рѣчей». Не только опытъ побуждалъ ее держаться принципа самодержавія, но и ея собственное внутреннее влеченіе и рядъ вѣскихъ соображеній. У Беккарія значилось: право устанавливать законы принадлежитъ всему обществу. Этого положенія Екатерина не приняла. Она написала: право давать законы принадлежитъ ея особѣ, «содержащей всю власть въ своихъ рукахъ». Въ «Наказѣ» она заявила: «Государь въ Россіи есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства». Лучше, говорила она, повиноваться одному господину, нежели угождать многимъ. И она полностью исполняла то, что требовалъ долгъ самодержицы. Отъ принциповъ самодержавія Екатерина не отходила еще и потому, что нѣкоторые западные ученые подтверждали ихъ цѣлесообразность, особенно въ ея рукахъ. «Правительство тогда только хорошо, писалъ Вольтеръ, когда оно едино; не должно быть двухъ властей въ одномъ государствѣ». Ла-Ривьеръ былъ глубоко убѣжденъ, что при абсолютной монархіи счастіе народовъ достигается надежнѣе и полнѣе, чѣмъ въ республикѣ. Ла-Ривьеръ громко и публично проповѣдывалъ, что наслѣдственная монархія есть лучшая форма правленія, и что человѣкъ по природѣ своей необходимо долженъ быть управляемъ деспотомъ [5]). Когда же предъ Императрицей развернулись печальныя послѣдствія созыва Національнаго Собранія во Франціи, она твердо заявила, что пока жива, въ Россіи не будутъ разыгрывать роль законодателей адвокаты и прокуроры.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ силу разныхъ условій Екатерина II въ ранней молодости питала большую наклонность къ либеральнымъ идеямъ. Она считала полезнымъ, чтобы будущій самодержецъ Россіи также могъ щегольнуть и блеснуть либеральными идеями, почему приставила къ нему Лагарпа. Но съ теченіемъ времени она замѣтно отклонялась отъ философскихъ ученій и съ 1785 г. совершенно оставила ихъ. Практическій умъ Императрицы скоро оцѣнилъ ихъ мечтательность. Любопытны бесѣды, происходившія между депутатомъ отъ либеральной Европы, Дидро, и Самодержавной Правительницей. Онѣ сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

— «Почему Россія управляется хуже Франціи?»

— Потому что свобода личности сведена здѣсь къ нулю, верховная власть слишкомъ сильна.

— Помните-ли вы, что говорите съ неограниченнымъ государемъ?

— Да, но съ государемъ справедливымъ и просвѣщеннымъ.

— Ничего нѣтъ легче,—признается Дидро,—какъ приводить въ порядокъ государство, лежа на подушкѣ.

. . . .

— Петербургъ,—продолжалъ остроумный французъ, — это городъ «дворцовъ», окруженный пустырями. Нужны не одни дворцы, нужны улицы—рядъ домовъ городскаго промышленнаго населенія. Законъ остается на бумагѣ, нѣтъ общественнаго контроля.

. . . .

— Коммиссія (Наказа) «благородный актъ отказа отъ законодательной власти».

— Вы, значитъ, совѣтуете мнѣ устроить парламентъ на англійскій образецъ?

. . . .

«Это болтовня, не обнаруживающая ни знанія, ни дѣла, ни проницательности, ни благоразумія», писала потомъ Екатерина Гримму. Дидро въ ея глазахъ строилъ воздушные замки. «Я долго и часто бесѣдовала съ Дидро, признавалась Императрица, но болѣе ради любопытства, чѣмъ съ пользою. Еслибъ я довѣрилась ему, пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи: законодательство, администрацію, политику, финансы, я должна была бы все уничтожить ради его непрактичныхъ теорій. Я ему откровенно сказала: г. Дидро, я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что внушилъ вамъ вашъ блестящій умъ; но изъ вашихъ общихъ принциповъ, которые я вполнѣ понимаю, можно составить очень хорошія книги и лишь очень дурное управленіе страною. Во всѣхъ высшихъ преобразовательныхъ планахъ вы забываете различіе нашихъ положеній: вы трудитесь надъ бумагою, которая все терпитъ—она гладка, покорна и не представляетъ препятствій ни вашему воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ, какъ я, императрица, работаю на человѣческой шкурѣ, которая, напротивъ, очень раздражительна и щекотлива».

Политику Екатерина считала своей стихіей. Политика сдѣлалась ея кумиромъ. Внѣшняя ея политика увѣнчалась блестя-

щимъ успѣхомъ. «Тщетны россамъ всѣ препоны», восторженно вѣщалъ поэтъ. «У меня лучшая армія въ цѣломъ мірѣ», сказала Екатерина одному иностранцу. Картина ея царствованія представляетъ много красивыхъ деталей, и внѣшній общій видъ Россіи ея времени имѣетъ много внушительнаго и привлекательнаго. Въ 1781 г. гр. А. А. Безбородко представилъ слѣдующіе цифровые итоги государственной дѣятельности Екатерины.

«Въ теченіе 19-ти лѣтъ:

«Губерній образовано по новому положенію	29
«Городовъ учреждено и обстроено	144
«Конвенцій и договоровъ заключено	30
«Побѣдъ одержано.	78
«Законовъ и учрежденій издано	88
«Распоряженій по облегченію народа	123
	492»

Изъ этого общаго числа на внутреннія дѣла Имперіи приходилось 384 дѣла.

Изъ 34 лѣтъ царствованія 17 лѣтъ борьбы внѣшней или внутренней на 17 лѣтъ отдыха. Недаромъ преемникъ Екатерины въ циркулярѣ, разосланномъ къ европейскимъ дворамъ по вступленіи на престолъ, называлъ Россію «единственною въ свѣтѣ державой, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе».

Результаты внѣшней политики огромные: разбита Оттоманская имперія, присоединенъ Крымъ съ нѣсколькими важными гаванями на Черномъ морѣ, произведенъ раздѣлъ Польши. Территорія Европейской Россіи увеличилась съ 83.876 до 95.173 кв. миль, и установлена была полная безопасность южной границы. Вмѣстѣ съ завоеванной территоріей населеніе увеличилось на 7 мил. душъ обоего пола. Число жителей имперіи съ 19 мил. въ 1763 г. къ 1796 г. возросло до 36 мил.—Армія съ 300.000 человѣкъ доведена была до 500.000; флотъ, въ 1757 г. состоявшій изъ 21 линейнаго корабля и 6 фрегатовъ, въ 1790 г. считалъ въ своемъ составѣ 67 лин. кораблей и 40 фрегатовъ; сумма государственныхъ доходовъ съ 16 мил. руб. поднялась до 69 мил., т. е. увеличилась болѣе чѣмъ вчетверо; успѣхи промышленности выразились въ умноженіи числа фабрикъ и заводовъ съ 500 до 2.000 (по другимъ свѣдѣніямъ съ 984 до 3161.—М. И. Туганъ-Барановскій); отпускъ русскихъ товаровъ за границу увеличился съ 13 до 57 мил. руб., а ввозъ съ 8 до

39 мил. руб.; ростъ внутренняго оборота обозначился еще выпускомъ монеты въ 34 года царствованія на 148 мил. руб., тогда какъ въ 62 предшествовавшіе года ея выпущено было только на 97 мил. Значеніе финансовыхъ успѣховъ Екатерины ослаблялось однако тѣмъ, что видное участіе въ нихъ имѣлъ питейный доходъ, который въ продолженіе царствованія увеличенъ былъ почти вшестеро и къ концу его составлялъ почти третью часть всего бюджета доходовъ. Притомъ Екатерина оставила болѣе 200 мил. долга, что почти равнялось доходу послѣднихъ $3\frac{1}{2}$ лѣтъ царствованія. (Проф. Ключевскій).

Требованіе, предъявляемое къ истинному просвѣщенію, возросло, и отъ него ожидалось уже не только развитіе ума, но насажденіе «добронравія».

Разрѣшено основывать частныя типографіи. Изъ числа всѣхъ напечатанныхъ въ Россіи за XVIII в. книгъ на царствованіе Екатерины приходится болѣе 84%.

Въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики она старалась имѣть своимъ образцомъ и руководителемъ русскаго генія—Петра Великаго. Несомнѣнно, что Ея Величество, какъ выразился де-Линь, «нашло въ мастерской Петра Великаго нѣкоторый запасъ строительнаго государственнаго матеріала». Екатерина имъ разумно воспользовалась. Какъ у него, польза Россіи являлась ея первой политической заповѣдью. Имя Петра дѣйствовало на нее обаятельно.—Портретъ его находился на ея письменномъ столѣ и красовался на ея табакеркѣ. Въ ея присутствіи нельзя было дать неодобрительнаго отзыва о великомъ преобразователѣ Россіи. Присоединеніемъ Курляндіи и пріобрѣтеніемъ Крыма она продолжала политику Петра. Полагаемъ также, что и Елизавета Петровна во многихъ отношеніяхъ значительно облегчила начинанія Екатерины.

Россія прочно заняла мѣсто великой державы и стала въ военномъ отношеніи считаться первоклассной въ Европѣ; кромѣ того, даже по признанію англичанъ, она являлась очень почетнымъ «морскимъ государствомъ». Фридрихъ II въ 1770 г. называлъ ее страшнымъ могуществомъ, отъ котораго черезъ полвѣка будетъ трепетать вся Европа, а кн. Безбородко въ концѣ своей политической карьеры говорилъ молодымъ русскимъ дипломатамъ: «не знаю, какъ будетъ при васъ, а при насъ ни одна пушка въ Европѣ безъ позволенія нашего выпалить не смѣла».

Но, перевернувъ страницу, мы увидимъ иную картину. Тутъ насъ поражаетъ невѣжество чиновниковъ, не имѣвшихъ иногда

ни малѣйшаго понятія о законахъ, низкій нравственный и умственный уровень духовенства, безграмотность вельможъ, широкій развратъ, повальное взяточничество.

Нравы екатерининскаго времени приходится признать неудовлетворительными. Князь Щербатовъ, служившій при дворѣ Екатерины II, исторіографъ и публицистъ, человѣкъ образованный и патріотъ съ твердыми убѣжденіями, собралъ въ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» свои воспоминанія, наблюденія и размышленія о нравственной жизни русскаго общества XVIII в. Нарисованная имъ картина мрачна; «плачевное состояніе, о коемъ токмо должно просить Бога, чтобы лучшимъ царствованіемъ сіе зло истреблено было».

Будучи еще великой княгиней, Екатерина писала: «противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать рабами людей: они всѣ рождаются свободными».—Изучая западныхъ законодателей, Екатерина давно теоретически осуждала крѣпостное право.—Для облегченія крѣпостнаго состоянія почва была подготовлена отмѣной обязательной службы дворянства. И, тѣмъ не менѣе, она ничего не сдѣлала для искорененія этого великаго зла. Она любила красивыя слова и положенія философовъ, но ихъ идеи не проникли во все ея существо, не увлекли ее, она для нихъ ничѣмъ не жертвовала. Крѣпостнымъ людямъ принадлежала только ихъ душа, все остальное помѣщику. Въ законѣ крестьянинъ-кормилецъ «или шляхетскій подданный» оставался «мертвъ». Екатерина писала противъ рабства, но закрѣпостила вольную Малороссію. Крѣпостное право достигло при ней своей кульминаціонной точки. Уничтожила пытку, но тайная канцелярія процвѣтала. Екатерина любила просвѣщеніе, но Новиковъ, распространившій первый лучъ его, перешелъ изъ рукъ Шешковскаго въ темницу, Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь. Въ 1775 году Екатерина лишь секретно объявила всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ канцеляріямъ свою волю о свободѣ вѣроисповѣданія.

«Правосудіе,—говоритъ Н. М. Карамзинъ,—не цвѣло въ сіе время . . . . Екатерина дала намъ суды, не образовавъ судей, дала правила безъ средствъ исполненія . . . . Чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ; дворъ забылъ языкъ русскій; отъ излишнихъ успѣховъ европейской роскоши дворянство одолжало . . . Екатерина — великій мужъ въ главныхъ соображеніяхъ государственныхъ —являлась женщиною въ подробностяхъ монаршей дѣятельности, дремала на розахъ, была обманываема; не видала, или не хотѣла видѣть многихъ злоупотребленій . . . .»

Во внутреннихъ дѣлахъ многое было начато и брошено недодѣланнымъ на полпути. «Я умѣла только начинать, ничего не доводя до конца». По другому ея признанію: у нея не было системы [6]).

Къ концу царствованія Россія почти не знала другихъ денегъ, кромѣ мѣди и ассигнацій. Серебра въ казначействѣ было такъ мало, что заходила рѣчь о перечеканкѣ въ монету столовыхъ сервизовъ государыни.

Политическіе замыслы Екатерины были обширны: она мечтала изгнать турокъ изъ Европы и возстановить греческую имперію, предоставивъ ея корону своему внуку Константину.— Слава ея побѣдъ звонко пронеслась по Европѣ, какъ и вѣсти о роскоши ея двора и высокихъ ея личныхъ качествахъ. Царствованіе Екатерины — блистательный періодъ въ русской исторіи. Россія была высоко поднята ею во мнѣніи Европы. Но эта слава, эти побѣды, этотъ блескъ стоили дорого государству; они разстроили ея финансы и истощили народонаселеніе рекрутскими поборами [7]).

Душа Екатерины была многообъемлющей, какъ ея царство; на все она откликалась, но не глубоко. Умъ ея не былъ творческимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина желала добра Россіи, но у нея не оказалось, какъ у Петра В., въ достаточной мѣрѣ непреклонной энергіи, не было беззавѣтной преданности идеѣ. И въ концѣ концовъ государство превращалось въ пьедесталъ личной ея славы.

Большимъ и справедливымъ укоромъ Екатеринѣ является широко практиковавшійся ею фаворитизмъ. Онъ, правда, существовалъ въ Россіи до нея и обошелъ всѣ придворные круги Европы. Елисавета Англійская, Марія Шотландская, Христина Шведская и многія др. отмѣтили свои имена въ этой области; но любовная одиссея Екатерины съ частыми перемѣнами фаворитовъ разрослась въ обширную хронику. Карамзинъ, говоря о нравахъ тогдашняго двора, спрашиваетъ: «богатства государственныя принадлежать-ли тому, кто имѣетъ единственно лицо красивое?» Екатерина была исключительная женщина въ умственномъ, моральномъ и физическомъ отношеніи и не хотѣла понять, что вмѣстѣ съ другими подчинялась закону женственности [8]).

Фаворитизмъ стоилъ Россіи колоссальныхъ денегъ.

«Ея великолѣпіе ослѣпляло,—писалъ А. С. Пушкинъ—привѣтливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбіе сей хитрой женщины утверждало ея владычество. Производя сла-

бый ропотъ въ народѣ, привыкшемъ уважать и пороки своихъ властителей, оно возбуждало гнусное соревнованіе въ высшихъ состояніяхъ, ибо не нужно было ни ума, ни заслугъ, ни талантовъ для достиженія второго мѣста въ государствѣ. Много было званныхъ и много избранныхъ.... но одно лишь имя Потемкина будетъ отмѣчено рукою исторіи» [9]).

Фаворитизмъ, несомнѣнно, слабая сторона царствованія Екатерины, и одинъ Потемкимъ этой стороны не искупаетъ.

Екатерина не могла прожить дня, не прибѣгнувъ къ перу. Перомъ она управляла своимъ царствомъ, перомъ она воздвигала себѣ памятникъ. Фридрихъ В. писалъ въ назиданіе потомству «Histoire de mon temps», Екатерина составляла—свою собственную. Ея передача фактовъ явно тенденціозна [10]). Тѣмъ не менѣе «Ея записки» имѣли огромное значеніе при оцѣнкѣ ея личности, ея царствованія. Недостатки «Записокъ» устанавливаются лишь теперь, когда онѣ успѣли уже оказать большое вліяніе въ дѣлѣ утвержденія Екатерининской славы.

«Только потому, — пишетъ Валишевскій, — что Екатерина открыла силу общественнаго мнѣнія и сумѣла использовать ее, она и могла сыграть свою великую роль въ исторіи. Престижъ Екатерины въ Европѣ былъ почти всецѣло основанъ на восхищеніи, которое она внушала Вольтеру; а этого восхищенія она сумѣла добиться и поддерживала его съ необыкновеннымъ искусствомъ». Она-же открыла и впервые ввела въ политику рекламу, какъ могучее орудіе управленія.

Открыла она эти секреты благодаря своему недюжинному уму, и воспользовалась ими, благодаря литературному таланту.

Когда гр. Александръ Романовичъ Воронцовъ сообщилъ изъ Лондона объ оскорбительныхъ для Россіи статьяхъ и прибавилъ, что онъ безсиленъ что-либо предпринять противъ нихъ, Екатерина отвѣтила: «На сіе есть три способа: 1, зазвать автора, куда способно и поколотить его; 2, деньгами унимать или уничтожать и 3, писать въ защиту, а у двора, кажется дѣлать нечего». Екатерина хорошо сумѣла употребить на служеніе своимъ цѣлямъ и свое, и чужое перо. (Зибель.) «Le gazetier de Cologne en fera de bruit»—вотъ магическій доводъ для Екатерины. Съ общественнымъ мнѣніемъ она считалась. Она была очень ревнива къ своей славѣ. Любила, когда ее изображали «Минервой» и не

хотѣла перейти въ потомство со слабостями и слезами обыкновенной женщины.

Она вела обширную личную корреспонденцію съ искусно выбранными лицами. Въ числѣ ея корреспондентовъ состояли: «его литературное величество» Вольтеръ, про котораго говорили, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ четырехъ королей (Пруссіи, Швеціи, Даніи и Россіи), не считая второстепенныхъ принцевъ и принцессъ, великихъ герцоговъ, маркграфовъ; баронъ Фридрихъ-Мельхіоръ Гриммъ—этотъ полу-нѣмецъ, полу-французъ, съ которымъ переписка длилась болѣе двадцати лѣтъ; докторъ Іоганъ Георгъ Циммерманъ, ганноверскій ученый; знаменитость вѣка—математикъ-энциклопедистъ Д'Аламберъ и такая же знаменитость—Дидро, аббатъ Шаппо д'Отрошъ, г-жа Жоффренъ (M-me Geoffrin)—обладательница блестящаго салона въ Парижѣ. Станиславъ Понятовскій называлъ ее «милой маменькой», Іосифъ II въ Вѣнѣ останавливался у окна ея кареты и разговаривалъ съ нею.—Далѣе слѣдуетъ создатель конной статуи Петра В., влюбленный въ искусство, Фальконетъ, воинъ и писатель князь де-Линь, г-жа Біельке (урожденная Гротусъ), жившая въ обширномъ торговомъ центрѣ—Гамбургѣ, Штакельбергъ, Олсуфьевъ и князь Потемкинъ, особенно въ періодъ нахожденія его при южной арміи. Вотъ длинный списокъ корреспондентовъ Екатерины.

Такимъ образомъ оказывается, что она одинаково сумѣла привлечь «холоднаго Д'Аламбера, страстнаго Дидро, скептика Вольтера и суроваго Фальконета». Это показываетъ, что она превосходно играла на струнахъ человѣческаго сердца.

Въ распоряженіи Императрицы находилась, если не «армія писателей», то «департаментъ ума», члены котораго работали на пользу Россіи кто, получая пенсію, кто изъ-за ласковаго словца. Каждому корреспонденту давалась задача, соотвѣтствовавшая его положенію и способностямъ. Екатерина извлекла изъ нихъ ту пользу, которую желала. Они являлись орудіями въ ея рукахъ, ея эхомъ. Ея письма—публицистическія статьи; ея переписка замѣняла политическую газету. Екатерина «читала и перечитывала» свои письма и вообще тщательно отдѣлывала всю эту эпистолярную литературу и вкладывала въ нее много ума. «Фернейскій патріархъ» имѣлъ милліонъ читателей, и его перомъ прославлялась Россія и поносились враги Екатерины; сила его таланта приводила къ тому, что обаяніе Екатерины даже послѣ польскихъ дѣлъ не только не умалялось, а напротивъ, на нее смотрѣли, какъ на

«умиротворительницу» Польши. Онъ громилъ турокъ и поляковъ, какъ враговъ цивилизаціи. Въ письмахъ Екатерины къ Вольтеру ему предлагался матеріалъ для составленія. «Siècle de Catherine II, какъ pendant къ Siècle de Louis XIV». Вольтеръ не идеализировалъ своего положенія. «Когда я былъ у Вольтера,—пишетъ князь де-Линь,—кто-то выразилъ желаніе прочесть его «Histoire de Russie». «Вы съ ума сошли, сказалъ ему Вольтеръ. Если вы хотите узнать что-нибудь о Россіи, читайте Лакомба—тотъ не получалъ ни медалей, ни мѣховъ». Полнымъ безкорыстіемъ и независимостью выдѣлились, кажется, немногіе, въ родѣ князя де-Линь или Фальконета. Остальные знали за что они служили «Минервѣ Гиперборейской».

Спеціальнымъ «посланникомъ русской императрицы по литературной части» въ Парижѣ являлся баронъ Гриммъ. Онъ пользовался блестящей синекурой и служилъ литературнымъ термометромъ своего времени, устно разнося содержаніе писемъ повелительницы Россіи по салонамъ Парижа. Гриммъ нуженъ былъ Екатеринѣ какъ агентъ, какъ коммиссіонеръ, который покупалъ ей картины и статуи, библіотеки, медали и эстампы, уплачивалъ пенсіи, которыя она выдавала, раздавалъ пожертвованія, которыя она дѣлала. Корреспонденты нужны были ей, какъ клакеры для хора похвалъ. Она жила одобреніемъ общества, какъ артистъ—аплодисментами.

БАРОНЪ ГРИММЪ.

Полной откровенности въ заграничныхъ письмахъ Екатерины, конечно, нѣтъ. Она преслѣдовала личныя и государственныя цѣли и сообразно этому составляла свои посланія и записки. Вотъ почему она сообщала Д'Аламберу, что въ Россіи «болѣе свободы» (plus de liberté), чѣмъ во Франціи, Вольтера увѣряла въ томъ, что «Россія пользуется полною терпимостью», а г-жѣ Біелке посылала «тріумфальные бюллетени» о побѣдахъ. 14 іюля 1788 г. Екатерина, говоря, напримѣръ, объ аванпостной стычкѣ со шведами, сообщала Потемкину: «пушку отъ нихъ отняли и человѣкъ сто шведовъ на мѣстѣ осталось». Тѣмъ-же перомъ, какъ выразился В. А. Бильбасовъ, она писала Гримму: «шведы потеряли 150 человѣкъ и двѣ пушки».

Екатерина всегда оставалась себѣ на умѣ. — Она отлично знала, что ея письма не останутся тайной, ихъ будутъ читать и комментировать. Дневникъ Храповицкаго этого не скрываетъ. «Читано 21 янв. 1791 г. мнѣ письмо на французскомъ языкѣ собственноручно къ Циммерману писанное, которое нарочно черезъ Берлинъ по почтѣ отправится, чтобы тамъ, раскрывъ, увидѣли, что всѣ усилія враговъ Россіи произвели ея славу и побѣду»... «Хочу доказать пруссакамъ,—прибавила Императрица,—что ихъ не боимся». Подобная же помѣтка имѣется въ дневникѣ подъ 6 февр. 1791 г.: «Послано письмо къ Циммерману въ Ганноверъ по почтѣ, черезъ Берлинъ, дабы чрезъ то дать знать прусскому королю, что турокъ спасти не можетъ». Далѣе слѣдуетъ поучительное добавленіе: «Я такимъ образомъ смѣнила Шуазёля, переписываясь съ Вольтеромъ». Подъ 16 сент. 1791 г. у Храповицкаго, по поводу письма къ тому же Циммерману, отмѣчены слова Императрицы: «Я такимъ образомъ подъучила короля Шведскаго» [11]).

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ХРАПОВИЦКІЙ (1749—1801).

Признательные корреспонденты сообщали Екатеринѣ все, что дѣлалось въ Парижѣ, Гамбургѣ и другихъ городахъ. Они знакомили Императрицу съ общественнымъ мнѣніемъ, вербовали для нея офицеровъ, ученыхъ, художниковъ, инженеровъ.

Екатерина переписывалась съ учеными и философами, раздавала имъ пенсіи, воздвигала руками Фальконета памятникъ Петру В. и пр. и никому поэтому не пришло въ голову, что за этой излишней роскошью образованности часто скрывался недостатокъ въ предметахъ первой необходимости. Покупка картинъ знаменитостей заставляла предполагать, что финансы въ порядкѣ, слѣдовательно, земледѣліе процвѣтаетъ, сельское населеніе многочисленно. Въ Европѣ росло уваженіе къ Россіи. Екатерина поль-

зовалась всеобщимъ одобреніемъ. «Можно ли было считать варварской страной государство, куда приглашали Беккарія, для составленія уголовныхъ законовъ, гдѣ положенія Монтескье сдѣлались государственными правилами, гдѣ Дидро былъ желаннымъ гостемъ?» [12]).

Россія для многихъ рисовалась землей обѣтованной. Передъ Европой Россія была всегда задрапирована въ «величественныя складки просвѣщенія и философіи». Екатерина умѣла ослѣплять зрителей прекрасной обстановкой [13]).

«Въ какое время живемъ мы,—писалъ Вольтеръ Дидро,—Франція преслѣдуетъ философію, и скиѳы ей покровительствуютъ». Онъ называетъ Екатерину самой блестящей звѣздой Сѣвера, «ибо всѣ другія звѣзды оставили бы Дидро умереть съ голоду». «Мы втроемъ: Дидро, Д'Аламберъ и я воздвигаемъ вамъ алтари; вы сдѣлали меня язычникомъ. Мы всѣ миссіонеры, проповѣдующіе вѣру въ св. Екатерину» [14]).

Подобное-же признаніе сдѣлано съ другой стороны Екатериной: «Знаете-ли, что это Вольтеръ ввелъ меня въ моду; онъ очень хорошо заплатилъ за вкусъ мой къ его сочиненіямъ».

Въ виду этого, кажется, правъ тотъ, кто сказалъ Александру Павловичу: «Хотя ваша августѣйшая бабушка заслужила безсмертіе въ Россіи, но пріобрѣла она его во Франціи». Искусно льстя писателямъ и мыслителямъ запада, она привлекла къ себѣ творцовъ общественнаго мнѣнія, которые и надѣлили ее славой и безсмертіемъ.

«Но со временемъ, пророчилъ А. С. Пушкинъ, исторія оцѣнитъ вліяніе ея царствованія на нравы, откроетъ жестокую дѣятельность ея деспотизма, подъ личиной кротости и терпимости; народъ, угнетенный намѣстниками, казну, расхищенную любимцами; покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, отвратительное фиглярство ея столѣтія и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ (нареканія) Россіи» [15]).

Но съ другой стороны исторія скажетъ: да, она проявила много самолюбія, но это самолюбіе благородное, происходившее изъ уваженія къ умственному господству, изъ желанія получить одобреніе просвѣщеннаго міра. Польза Россіи приносилась несомнѣнная. «Тріумфальный бюллетенъ» разносился по Европѣ.

Кромѣ того, надо вникнуть въ ея положеніе. Державинъ льстиво воспѣвалъ ее въ «Фелицѣ»; чувства и мысли пословъ

падали къ ея стопамъ; сановники на куртагахъ и салонахъ ждали ея взглядовъ, «кусокъ эмали или нѣсколько тысячъ бѣлыхъ негровъ» (Ден. В. Давыдовъ). Бецкій въ учебныхъ заведеніяхъ, Елагинъ въ театрахъ, князь Вяземскій въ сенатскихъ докладахъ жужжали ей похвалы и восторженные гимны. Она была женщиной и этимъ многое объясняется. Исторія не забудетъ также, что она принесла на тронъ умъ, полный философскихъ идей, значительный характеръ, рѣдкую трудоспособность, Она работала съ 6 ч. утра до 10 вечера, находя, что человѣкъ счастливъ только тогда, когда трудится. Системы она не знала, но несомнѣнно желала общаго блага, болѣла за Россію, гордилась ея величіемъ и славой. Она уважала чужія заслуги, усиленно искала талантовъ. Трудность ея положенія вытекала еще изъ «несправедливости и противозаконности вступленія ея на престолъ» [16]). «Курцъ-галопомъ» ей приходилось проходить между крайностями пылкаго Орлова и тяжеловѣснаго Панина. Она знала цѣну національнымъ интересамъ и никогда не поступалась ими.

Она предприняла широкую реформу областнаго управленія и суда. При учрежденіи губерній ею руководило желаніе передать большинство должностей по мѣстному управленію въ руки сословій, приблизить власть къ населенію. Ея реформа оказалась жизнеспособной, хотя цѣльной продуманной системы она не дала [17]).

«Въ ея дѣятельности были промахи, даже крупныя ошибки, въ ея жизни остаются рѣзкія пятна»... Но историкъ, пробираясь осмотрительно среди похвальныхъ словъ и обличительныхъ памфлетовъ, видитъ, что она оставила послѣ себя обширныя земельныя пріобрѣтенія, учрежденія, планы, идеи. Она въ значительной мѣрѣ подготовила Россію къ воспріятію новыхъ болѣе свободныхъ идей и болѣе высокихъ культурныхъ началъ.

Просвѣтительный вѣкъ Запада былъ проникнутъ мыслію, что хорошими законами все можно исправить.—Этого-же положенія держалась и Екатерина: въ законахъ и указахъ она видѣла надежнѣйшее средство къ достиженію своихъ государственныхъ цѣлей. Въ виду этого она начала съ «легисломаніи».

Уложеніе 1649 г. Алексѣя Михайловича устарѣло. Въ грудѣ новыхъ законовъ трудно было разобраться. Въ январѣ 1765 г. мы застаемъ Императрицу уже за работой по составленію извѣст-

*

наго «Наказа». Охваченная «законобѣсіемъ» (législomanie), она пишетъ руководство, долженствовавшее направить все въ области права и закона къ «блаженству» подданныхъ. Изъ подъ пера самодержавной повелительницы Россіи вышло нѣчто столь либеральное, что не могло быть допущено въ обращеніе даже въ передовой Франціи. «О эти аксіомы способны опрокинуть стѣны», сказалъ Никита Панинъ, ознакомясь съ положеніями «Наказа». Екатерина чувствовала себя какъ дома въ средѣ общихъ французскихъ политическихъ идей, широкихъ положеній и ходячихъ фразъ Европы. Книга «президента» Монтескье была ея молитвенникомъ; Беккарія и энциклопедисты XVIII в.—ея вдохновителями. Ихъ отвлеченное умствованіе она желала положить въ основу русскаго политическаго закона, упустивъ изъ вида, что ни одно законодательство Европы не опиралось на ихъ идеалы и мечты. Вскорѣ въ сантиментально-гуманной работѣ утопіи Запада столкнулись съ русской дѣйствительностью, русская реальная жизнь встрѣтилась съ философскими отвлеченностями.

Для разсмотрѣнія «Наказа» въ 1767 г. въ Москву было созвано 545 депутатовъ. Они должны были представить желанія и нужды населенія, принести «свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи». Они засѣдали въ Грановитой палатѣ. Имъ надлежало составить новое Русское Уложеніе.

Работы законодательной комиссіи начались чтеніемъ Большаго Наказа. Дивились депутаты, слушая «исповѣдь здраваго смысла» Императрицы. Никогда, ни прежде, ни послѣ, власть не говорила съ народомъ такимъ гуманнымъ языкомъ и не высказывала такихъ «вольнолюбивыхъ изреченій». Депутаты не вѣрили своимъ ушамъ: ихъ называютъ гражданами, имъ говорятъ о равенствѣ и свободѣ, у нихъ есть права, у власти есть обязанности. «Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ. — Вольность состоитъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно.—Слова не вмѣняются никогда въ преступленіе.—Всякое наказаніе, которое не по необходимости налагается, есть тиранское.—Великое несчастіе въ государствѣ не смѣть свободно говорить своего мнѣнія».—Депутаты пролили слезы, прослушавъ заключительныя слова Наказа.

Но услыхавъ въ Москвѣ голосъ представителей Россіи, Екатерина поняла, что «Наказъ—болтовня». Наказъ—книжная теорія,

а великая Россія оставалась заслоненной отъ Императрицы «господчиками» изъ дворянства. Пріѣхавъ въ Казань и увидавъ «до 20-ти народовъ, которые не похожи другъ на друга», Екатерина, кажется, вновь задумалась надъ Наказомъ и писала Вольтеру: «Прошу васъ представить себѣ, что эти законы должны служить и Азіи и Европѣ» . . . что надо «сдѣлать платье, которое-бы годилось для всѣхъ» (20-ти народовъ) [18]).

Изъ громкой затѣи ничего не вышло. Екатерина «обожгла себѣ пальцы». Болотовъ предвидѣлъ подобный исходъ: грома было достаточно, людей оторвали отъ домовъ множество, денегъ истрачено бездна, «вранья, крика и вздора было много», а дѣла вышло мало.

Да и у самихъ философовъ слово расходилось съ дѣломъ. Они противодѣйствовали освобожденію крестьянъ. Простой народъ, по ихъ мнѣнію, нужно было «школить, какъ медвѣдей»; торжество разума они допускали у благородныхъ людей, но не у «канальи» (sic); «народъ —это быки, которымъ нужно ярмо, погонщикъ и кормъ». Они полагали, что освобождать или не освобождать крестьянъ—право помѣщиковъ, а не Императрицы.

То же повторилось съ нашими «рыцарями свободы и законности». Въ Наказѣ пытка была осуждена, но гласно Екатерина не рѣшилась ее отмѣнить. Дѣлу освобожденія крестьянъ Комиссія Уложенія сочувствія не выразила. Наказъ теоретически ставилъ вопросы, на которые практика жизни не отвѣтила. Наказъ остался преимущественно литературнымъ произведеніемъ.

Грянулъ громъ большой войны и главари воспользовались общимъ переполохомъ, чтобы уйти отъ запутавшагося и труднаго дѣла. Около сотни засѣданій, бывшихъ въ теченіе полутора лѣтъ, остались безрезультатными. По закрытіи дѣйствій Большой Комиссіи, ея предсѣдателю А. И. Бибикову порученъ былъ осмотръ финляндской границы.—Комиссія же болѣе не возобновлялась.

Для правильной исторической оцѣнки всего дѣла съ «Наказомъ», справедливость требуетъ добавить, что «цѣль (кодификація), и средства (участіе выборныхъ), и даже общее направленіе работъ (реформа уголовнаго законодательства въ гуманномъ духѣ и въ интересахъ дворянскаго сословія)—все это Екатерина получила готовымъ отъ своей предшественницы Елизаветы Петровны [19]).

«Наказъ» надѣлалъ много шуму, но польза его весьма относительная. Наказъ, по мѣткому слову кн. П. А. Вяземскаго, болѣе книга политической нравственности, чѣмъ практической политики [20]).

Отъ «общаго дворянства» Выборгской губерніи въ Москву, въ депутатскую коммиссію для составленія Уложенія, избранъ былъ «его сіятельство поручикъ, дѣйствительный каммергеръ, членъ адмиралтейской коллегіи и разныхъ орденовъ кавалеръ, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ».—Наказъ, данный ему Выборгскимъ дворянствомъ, весьма обширенъ. Въ немъ говорилось, что вѣрноподданные «справедливѣйшую причины имѣли» себя подъ скипетромъ Ея Императорскаго Величества «счастливыми почитать».—«Сердца наши жертвуютъ Ея Императорскому Величеству за то вѣчное благодареніе и прославленіе имени Ея». Зная, какое важное значеніе имѣютъ земные законы, дворяне «съ глубочайшимъ раболѣпіемъ» доносили о шведскихъ правахъ, что они иногда «пространно толкованы быть могутъ».—Провинціямъ, завоеваннымъ въ силу Ништадскаго и Абоскаго мирныхъ трактатовъ, «надлежало было состоять только подъ тѣми законами, которые въ означенныхъ провинціяхъ до завоеванія оныхъ силу ту имѣли, однако-жъ всѣ въ Швеціи публикованныя учрежденія въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ и по нынѣ принимаются такими дѣйствительными законами, что на основаніи оныхъ всѣ дѣла производятъ, несмотря на то, что Кексгольмская и Выборгская провинціи съ 1710 г. подъ шведскою державою болѣе не состояли». Вслѣдствіе этого, дворяне просили всемилостивѣйшаго повелѣнія, дабы публикуемыя въ Швеціи новыя учрежденія до нихъ «болѣе не касались и въ законы приняты не были». «Напротивъ чего только въ Кюменегородской провинціи и шведскія права, обнародованныя еще до заключенія Абоскаго мирнаго трактата, въ законъ служить могутъ».

Далѣе дворяне просили, чтобы отъ ихъ фрельсевыхъ правъ «коронньмъ крестьянамъ не могли происходить новыя какія отягощенія», чтобы «финляндскимъ кораблямъ всемилостивѣйше пожалованы были всѣ преимущества россійскаго флага», дабы въ казенныхъ дачахъ накрѣпко «наблюсти, чтобъ каждый крестьянинъ ежегодно нѣсколько земли къ пашнямъ прибавилъ и обработывалъ до тѣхъ поръ, пока отъ хлѣбопашества въ поляхъ довольное пропитаніе имѣть можетъ; а въ выжиганіи лѣсовъ учинить запрещеніе». Наконецъ, «общее дворянство, припадая къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всеподданнѣйше проситъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи имъ тѣхъ привилегій и преимуществъ, коими шведское дворянство въ сихъ завоеванныхъ провинціяхъ пользовалось, по колику оныя привилегіи и съ само-

державными монаршескими правами Ея Императорскаго Величества согласны быть могутъ» [21]). Кромѣ графа И. Г. Чернышева, представителями Выборгской губ. были графъ Головкинъ и изъ Фридрихсгама Антонъ Ната. Они защищали наличное особое положеніе Финляндіи.

Въ Екатерининской комиссіи окраиннымъ вопросамъ пришлось удѣлить серьезное вниманіе, особенно въ то время, когда зашла рѣчь о привилегіяхъ балтійскаго дворянства. Остзейцы просили о занесеніи ихъ привилегій въ новое уложеніе. Представители глухихъ русскихъ провинцій возстали противъ подобнаго домогательства.—Депутатъ ярославскаго дворянства Толмачевъ заявилъ, что для «общаго блага» и «по извѣстнымъ правительству недостаткамъ этихъ правъ», а также «для предупрежденія происходящихъ отъ жителей смежныхъ губерній преступленій, въ которыя они впадаютъ по причинѣ разности законовъ и отъ незнанія оныхъ», необходимо «сочинить законы одинаковые для всѣхъ ея величеству подданныхъ народовъ». Къ этому мнѣнію присоединились депутаты 34 разныхъ частей Россіи.—Депутатъ Тульской губерніи Шишковъ, обратясь къ маршалу собранія Бибикову, сказалъ: «Постановляемые нынѣ законы должны быть въ завоеванныхъ губерніяхъ тѣ же самые, которые и у насъ будутъ». Надо единодушно думать объ «общей всѣхъ пользѣ». Законы-же для рижскаго рыцарства въ XV и XVI вѣкахъ, написанные подъ титуломъ «Божіею и папы Николая милостію», нынѣ не могутъ быть его правилами, ибо у нихъ нѣтъ уже ни стола архіепископскаго, ни такого непріятеля, съ которымъ бы рижское рыцарство могло постановлять войну и миръ. Капитуляція, оружіемъ вынужденная, не есть отличная выслуга плѣнника, но великодушіе побѣдителя. Поэтому не сдѣлаетъ-ли больше чести означеннымъ губерніямъ, если онѣ будутъ называться не завоеванными, но одного съ нами общества равными гражданами, а это иначе быть не можетъ, какъ только тогда, когда они будутъ находиться подъ одними съ нами законами. Лифляндія и Эстляндія не есть иное царство; климатомъ-же, земледѣліемъ и другими упражненіями не разнится съ русскими жителями, слѣдовательно и подъ законами одинаковыми съ нами могутъ и должны быть». Это мнѣніе также встрѣтило поддержку въ средѣ многихъ депутатовъ.

Представитель воронежскихъ дворянъ Титовъ добавилъ: такъ какъ «лифляндцы и эстляндцы не несутъ многихъ тягостей, ко-

торымъ подвержены русскіе подданные другихъ губерній, то, что въ разсужденіи сего, и жители этихъ областей сравнить съ прочими, и чтобы на сей конецъ Россійская Имперія имѣла для всѣхъ подданныхъ одинаковый законъ».

Со стороны лифляндцевъ и эстляндцевъ послѣдовало возраженіе, съ указаніемъ на то, что «права и привилегіи лифляндскія вполнѣ соотвѣтствуютъ расположенію живущаго подъ нимъ народа», что присяга ими вѣрно соблюдалась, подати уплачивались и что «блаженство лифляндцевъ» состоитъ «въ ненарушимомъ оставленіи ихъ правъ и привилегій». Ихъ депутатъ заключилъ свое мнѣніе тѣмъ, что «капитуляція есть договоръ съ двухъ сторонъ», что ненарушимость его «высочайше конфирмована», и что намѣреніе предшествовавшихъ ораторовъ отмѣнить договоръ «весьма дерзновенно». Такое заявленіе было поддержано прибалтійцами.

Депутатъ города Романова (Яросл. губ.) Демидовъ въ своемъ отвѣтѣ указалъ коммиссіи, что собранія «древнихъ привилегій», на которыя часто ссылались «въ подлинникѣ нигдѣ не находятся». Демидовъ полагалъ, что «благородное лифляндское дворянство, наслаждаясь подъ россійской державой столь многими благодѣяніями, которыми оно до того никогда не пользовалось, само пожелаетъ вступить съ Россіей въ соединеніе и, составивъ одно государственное политическое тѣло, будетъ благоденствовать подъ одними законами и правами, не касаясь исповѣданія вѣры».

Орловскій депутатъ Похвисневъ выразилъ пожеланіе, чтобы «всѣ, находящіеся подъ россійской державой народы управляемы были одинаковыми законами для того, что такое единство весьма много споспѣшествуетъ славѣ и могуществу всей Имперіи».

Есиповъ—депутатъ отъ казанскихъ дворянъ—также стоялъ за одинаковые законы для всѣхъ подданныхъ россійскому скипетру народовъ. Облегченное положеніе присоединенныхъ даетъ поводъ думать, что «побѣдители оставляются въ небреженіи, а благоденствуютъ побѣжденные; найдутся и такіе, которые подумаютъ, что въ такомъ случаѣ полезнѣе быть побѣжденнымъ, чѣмъ побѣдителемъ. Есипову странно слышать, что въ россійской державѣ нѣкоторые «судятся чужими правами, установленными отъ государей, которые до нихъ никакого дѣла не имѣютъ».

Лифляндскій депутатъ В. фонъ-Блуменъ высказалъ положеніе, что господа, желающіе уничтоженія привилегій, «посягаютъ на власть, которая конфирмовала эти привилегіи,... трогаютъ тѣхъ

великихъ императоровъ, которые прежде ихъ утверждали»..., а лифляндцы оказались бы недостойными мирныхъ договоровъ, утвержденныхъ торжественными присягами, если бы перестали неотступно просить объ ихъ сохраненіи.

Но русскіе представители не были поколеблены подобными доводами и продолжали настаивать, «что равенство гражданъ въ томъ состоитъ, чтобы всѣ были подчинены однимъ законамъ».

Въ приведенныхъ преніяхъ—полный прообразъ преній, возникшихъ впослѣдствіи по финляндскимъ привилегіямъ. Русскіе депутаты времени Екатерины II прекрасно отклоняли домогательства окраинцевъ, проявивъ при этомъ государственное пониманіе и способность разобраться въ сложномъ политическомъ вопросѣ. Они вѣрно оцѣнили истинные интересы Россіи, правильно представили подлинное русское общественное мнѣніе и хорошо разглядѣли вредныя стороны нарождавшагося провинціализма.

Мнѣніе Императрицы по окраинному вопросу было весьма опредѣленное. Она высказала его въ секретнѣйшемъ рескриптѣ (отъ 9 декабря 1768 г.) на имя Лифляндскаго генералъ-губернатора Броуна и въ секретнѣйшемъ наставленіи генералъ-прокурору кн. Александру Вяземскому. Въ первомъ документѣ она признала, между прочимъ, что финляндскіе города Выборгъ и Фридрихсгамъ «состоятъ на своихъ правахъ, привилегіяхъ и имѣютъ свои магистраты» [22]).

Во второмъ она писала (въ 1764 г.): «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія, суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было; однако же, и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи, есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупость. Сіи провинціи, также и смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы они перестали глядѣть, какъ волки къ лѣсу» [23]).

Монета рубль Сестрорѣцкаго монетнаго двора.

При Екатеринѣ II продолжалось обрусѣніе Выборгской губ. Наравнѣ съ другими частями Россіи, въ Финляндіи было введено намѣстничество. Нѣкоторыя тяжелыя наказанія шведскаго времени были смягчены. Предполагался

переводъ шведскихъ законовъ на русскій и нѣмецкій языки. Въ трибуналахъ Выборгской губ., взамѣнъ нѣмецкаго языка, водворялся русскій.

Согласно устройству, данному Сенату въ 1763 г., третій его департаментъ вѣдалъ всѣ дѣла по провинціямъ и областямъ, которыя вошли въ составъ Россіи, и управлялись еще на основаніи особыхъ законовъ. И дѣйствительно, разныя дѣла Выборгской губ. рѣшались Сенатомъ. Такъ, напр., въ Выборгѣ было заложено нѣсколько строеній слишкомъ близко къ крѣпости. Военная коллегія, признавъ все неудобство подобной застройки, въ состояніи была лишь при посредствѣ Сената побудить губернскую канцелярію воспретить дальнѣйшее возведеніе зданій (П. С. З. № 12879, 24 апр. 1769 г.). Въ 1763 г. указомъ Сената было прекращено дѣланіе мѣдной монеты въ Систербекѣ. Сенатъ раскритиковалъ предложеніе гр. Каменскаго о порядкѣ набора рекрутъ въ Выборгской губ. и о продажѣ геймотовъ. Въ 1786 г. Выборгскую губ. ревизовали сенаторы Воронцовъ и Нарышкинъ.

II.

Густавъ III. Свиданія владыкъ Сѣвера. Форма Правленія 1772 г.

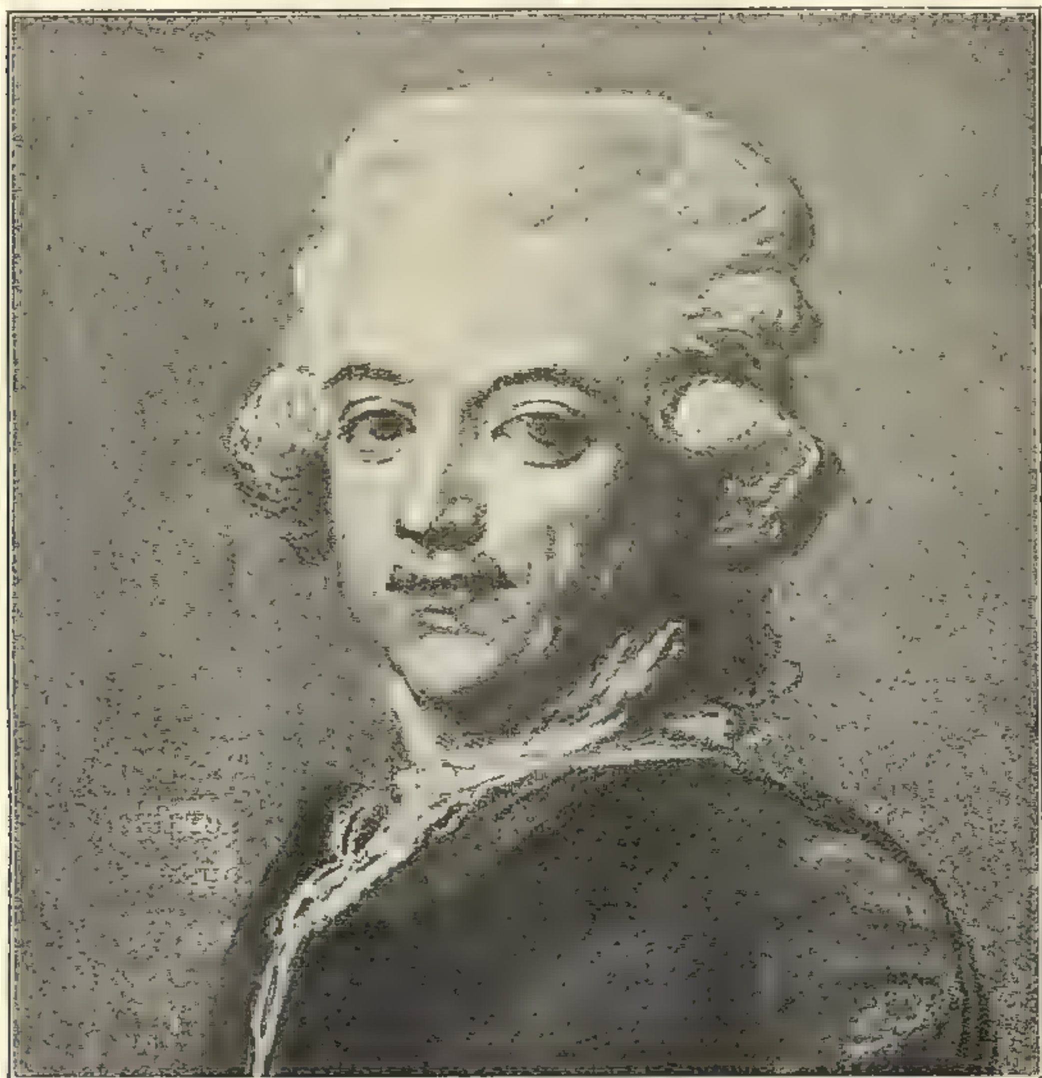
Наслѣдникъ шведскаго престола, кронпринцъ Густавъ, воспитанный на французской литературѣ, естественно, сдѣлался горячимъ поклонникомъ Франціи. Вольтера онъ называлъ «святымъ, котораго почитаетъ вся Европа».—Парижъ, платя Густаву любезностью, прозвалъ его королемъ философовъ. Находясь во Франціи (въ 1771 г.), онъ былъ свидѣтелемъ ропота, пронесшагося противъ абсолютизма. Дочь маршала Ришелье—графиня Эгмонтъ — сказала Густаву: «Довольствуйтесь абсолютизмомъ обаянія вашей личности и не ищите абсолютизма по праву». Въ той-же Франціи онъ узналъ, что народъ—безличная масса,—хотя и признается единственнымъ повелителемъ, но лишенъ возможности направлять дѣятельность своихъ представителей и наблюдать за ними. Густава плѣняла идея цезаризма, его восхищалъ ancien régime и блескъ двора Людовиковъ, онъ преклонялся предъ Густавомъ II Адольфомъ.

Во Франціи его застигла вѣсть о смерти отца, во Франціи онъ подписалъ присягу на вѣрность конституціи своего королевства.

Въ періодъ свободы (frihetstiden), начавшійся съ 1720 г., королевская власть въ Швеціи была низведена до такой степени, что въ государственныхъ дѣлахъ не нуждались даже въ подписи монарха, а сановники, имѣя штампъ съ высочайшимъ именемъ, прикладывали его по своему усмотрѣнію. Власть сосредоточена была въ риксдагѣ; государственный совѣтъ являлся исполнителемъ требованій господствующей партіи народныхъ представителей.

Члены риксдага проникали во всѣ области управленія; они направляли внѣшнюю политику, ведя иногда переговоры съ иностранными державами черезъ свои собственные органы, помимо короля и совѣта; они принимали и браковали модели оружія, издавали постановленія о пищѣ; они устраивали фабричную дѣя-

тельность; они заключали контракты съ подрядчиками и т. д. Особенно сильно ихъ занимали назначенія на должности, и нерѣдко указывали, кто долженъ быть назначенъ королемъ на ту или другую вакансію. Вмѣсто того, чтобъ держать себя въ предѣлахъ надзора и выраженіемъ одобренія или неудовольствія вліять на ходъ правленія, они увлекались захватомъ деталей

ШВЕДСКІЙ КОРОЛЬ ГУСТАВЪ III.

исполненія; между тѣмъ извѣстно, что представительное собраніе никогда не можетъ дѣйствовать въ области исполнительной съ достаточнымъ знаніемъ дѣла и безупречной послѣдовательностью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сохранился старый, далеко непохвальный, обычай, ставившій сословія судьями политическихъ преступленій. Отсюда произошли тѣ печальной памяти комиссіи чиновъ риксдага, которыя производили разслѣдованія иногда при помощи пытки и постановляли жестокіе приговоры.

Риксдаги двояко препятствовали направленію правительвенныхъ дѣлъ: во 1-хъ, своимъ непосредственнымъ вмѣшатель-

ствомъ въ эти дѣла, а, во 2-хъ, самымъ своимъ составомъ. Всѣ сословія риксдага, исключая крестьянскаго, состояли изъ чиновниковъ. Пасторовъ и представителей горожанъ въ періоды сессій на мѣстахъ замѣняли викаріи. Что-же касается дворянской куріи, то въ ней насчитывалось иногда болѣе тысячи членовъ, изъ коихъ большинство находились на военной или гражданской службѣ. Во время созыва риксдага они спѣшили оставить службу, не стѣсняясь даже тѣмъ, что приходилось бросать ее на произволъ судьбы, или прерывать занятія въ судахъ и учрежденіяхъ; небрежность простиралась такъ далеко, что армія оставлялась безъ офицеровъ въ непріятельской странѣ. Соединеніе обязанностей службы и риксдагскаго права въ одномъ лицѣ особенно вредно вліяло на дѣло. Сегодня они равноправные члены риксдага, завтра одинъ изъ нихъ начальникъ, а другой—его подчиненный. Ясно, что нормальныхъ отношеній между ними не будетъ. Представимъ себѣ другое возможное положеніе. Оберъ-офицеръ, не стѣсняясь, выступаетъ въ риксдагѣ противъ своего начальника. Въ теченіе мѣсяцевъ и годовъ они пререкались въ палатахъ какъ равные. Какъ будетъ послѣ этого младшій молчать и подчиняться старшему въ лагерѣ и казармѣ?

Верховная власть во всемъ безъ сопротивленія попала въ руки чиновъ риксдага, или, какъ въ 1755 г. выражались, одни только чины риксдага имѣли власть при королѣ, пользовавшемся властью, ограниченною законами. Конечно, и чины риксдага были подчинены законамъ, но этого не желали признать, потому что «законодатель стоитъ выше, а не ниже закона».

Свобода была у нихъ не болѣе, какъ слово, означавшее оппозицію королю, пока они сами обладали высшей властью.

Вслѣдствіе того, что чины риксдага непосредственно завѣдывали иностранными дѣлами, разныя державы стремились повліять на нихъ и среди нихъ найти себѣ приверженцевъ. Отсюда подкупы и интриги. Риксдаги, подобно польскимъ сеймамъ, являлись «періодическими большими рынками», на которыхъ почти открыто продавались государственные интересы [25]).

Шведскій генералъ какъ-то въ шутку сказалъ семилѣтнему Густаву, что онъ будетъ вторымъ Густавомъ Адольфомъ. «То, что вы теперь говорите, какъ лесть, когда нибудь пожалуй будетъ правдою», отвѣтилъ кронпринцъ. Онъ росъ, волнуемый мечтами о славѣ. Голова его была полна примѣрами дѣяній Густавовъ, Христины, Карла XII. Видя приниженное и зависимое положеніе

отца, онъ сказалъ ему: «Король сталъ куклою въ государствѣ, на которую только въ торжественные дни надѣваютъ регаліи». Господствовавшая партія вмѣшивалась даже въ избраніе королевской прислуги. Съ такою ролью не могъ примириться новый глава Швеціи.

Графиня d'Egmont писала Густаву III: «Мое первое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ вамъ удалось уничтожить то развращеніе, которое господствуетъ въ вашихъ риксдагахъ, потому что тамъ, гдѣ царствуетъ корыстолюбіе, добродѣтель безсильна. Чтобъ достичь этой важной цѣли, ваше царство должно быть независимо отъ какой либо другой власти». Этого можно было достигнуть путемъ усиленія королевской власти, но ее нельзя было превращать въ своевольную.

Стремленіе расширить королевскую власть проявлялось въ Густавѣ настолько опредѣленно еще въ бытность его кронпринцемъ, что тогда уже партіи подумывали о лишеніи его правъ по престолонаслѣдію. Теперь-же, сдѣлавшись обладателемъ короны, онъ сталъ исподволь реализировать мечты своей молодости [26]).

Забыты были Руссо и его проповѣдь первобытной простоты, забытыми оказались возгласы о народномъ суверенитетѣ. Густава вдохновляла идея сильной власти, его голову стала заполнять мысль о Балтійской Имперіи его предковъ, о присоединеніи къ Швеціи Норвегіи.

Все это шло въ разрѣзъ съ политической программой Россіи послѣднихъ десятилѣтій. Первой инструкціей, данной гр. И. А. Остерману (13 авг. 1762 г.), Екатерина II требовала прекратить всѣ попытки къ возстановленію самодержавной власти шведскаго короля. Мало того, она находила, что то значеніе, которое пріобрѣталъ сенатъ въ Швеціи (съ 1756 г.), управлявшій «самовластно жребіемъ всей націи», также не соотвѣтствовало интересамъ Россіи. «Аристократическое присвоеніе власти и правъ одному сенату» русское правительство считало нарушеніемъ главныхъ началъ шведской Формы Правленія. Въ 1764 г. Остерманъ получилъ новую инструкцію, въ которой настойчиво подчеркивалась необходимость сохраненія конституціи 1720 г.

Узнавъ о занятіи престола своимъ родственникомъ Густавомъ III, Екатерина немедленно повелѣла перевести въ распоряженіе ея представителя въ Швецію 100.000 рублей. Отецъ Густава III, шведскій король Адольфъ-Фридрихъ, былъ родной братъ матери Екатерины II—Іоанны Елизаветы. — Бывшій

голштинскій герцогъ и епископъ любскій Адольфъ-Фридрихъ получилъ шведскій престолъ, благодаря настоянію Императрицы Елизаветы Петровны. Но политика признательности не знаетъ.

Въ апрѣлѣ 1771 г. Екатерина писала: «Король шведскій получилъ въ Парижѣ извѣстіе о кончинѣ его родителя, чѣмъ наши искони ненавистники французы и воспользовались дачею нѣкоторой недоимочной субсидіи..... Если бъ (шведы) дерзнули на злое предпріятіе, то я персонально готова оборонять и умереть на оборонѣ той части границы нашей, честь коей никому уже не уступлю»....[27]).

На первыхъ-же порахъ обстоятельства сблизили Густава съ барономъ Яковомъ Магнусомъ Спренгтпортеномъ—уроженцемъ Финляндіи, однимъ изъ лучшихъ офицеровъ шведской арміи. Утомленный безпорядками самовольнаго риксдага, баронъ сталъ совѣтовать королю покончить съ вліяніемъ сословій и проявить диктаторскія полномочія.—Король не сразу внялъ совѣтамъ Якова Спренгтпортена, но кончилъ полнымъ одобреніемъ его плана. Для того, чтобы подготовить къ перевороту нѣкоторыхъ дворянъ партіи шляпъ, основанъ былъ риксдагскій клубъ «Svenska botten» (Шведскій край). Король выразилъ недовольство подобнымъ клубомъ и тѣмъ ввелъ въ заблужденіе окружающихъ.

Полгода засѣдалъ уже риксдагъ 1771—1772 года. Густавъ говорилъ ему о необходимости возстановленія согласія между партіями. Популярность короля росла. Печать помогала ему.—Прошло нѣкоторое время и партійныя пререканія возобновились. Между тѣмъ за спиной риксдага продолжалось приготовленіе къ перевороту. Яковъ Спренгтпортенъ настаивалъ на необходимости разогнать риксдагъ съ тѣмъ, чтобы затѣмъ не собирать его въ теченіе 12-ти лѣтъ. Представитель Франціи, графъ Верженъ, совѣтовавшій Густаву, хотя-бы временно, взять въ свои руки всю законодательную и исполнительную власть, согласился помочь Якову Спренгтпортену, хвалилъ блестящія качества короля, но осуждалъ его склонность къ приключеніямъ и интригамъ. Не нравился графу также недостатокъ искренности у короля и его склонность внимать недостойнымъ совѣтникамъ.

Молчаливый, дѣятельный, недовѣрчивый и честолюбивый Яковъ Спренгтпортенъ вѣрилъ въ успѣхъ своего дѣла. Графъ Верженъ обѣщалъ субсидировать предпріятіе. Взволнованный король говорилъ, что его хотятъ подчинить игу Россіи.

Среди тайныхъ приготовленій къ перевороту, Густавъ короновался, а его совѣтникъ К. Шефферъ выработалъ проектъ новой Формы Правленія.

Тѣмъ временемъ партіи вновь окончательно раскололись, королевство посѣтилъ голодъ, обнаружилось разстройство бюджета. Густавъ сдѣлалъ шаги къ сближенію съ Россіей. Нашъ представитель, Остерманъ,—этотъ «сатрапъ въ русскомъ вассальномъ государствѣ»—продолжалъ подкупы. Въ риксдагѣ его вліяніе уменьшилось, но члены правительства внимали его голосу. Тайные планы короля открылись. Остерманъ плохо вѣрилъ сообщеніямъ, что Якову Спренгтпортену дана полная довѣренность дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Такая довѣренность однако существовала, хотя предусмотрительный король плохо ее подписалъ и печать не отличалась ясностью [28]).

Король имѣлъ свиданіе съ Остерманомъ, говорилъ о дружескомъ расположеніи къ Императрицѣ и о своемъ намѣреніи просить разрѣшенія риксдага поѣхать въ Россію.

Як. Спренгтпортену надлежало поднять финскія войска, увлечь гарнизонъ Свеаборга и распространить пламя недовольства дѣйствіями сословныхъ представителей по всей Финляндіи. Одновременно должно было вспыхнуть возстаніе въ Сконіи. Революцію имѣли въ виду кончить въ Стокгольмѣ. Ворвавшійся въ городъ Як. Спренгтпортенъ, долженъ былъ арестовать государственныхъ совѣтниковъ и руководителей риксдага, а затѣмъ предложить сословіямъ принять новую Форму Правленія.

При содѣйствіи своего крамольнаго брата Гёрана (Георгія) Магнуса Спренгтпортена, безъ труда удалось подговорить эскадронъ драгунъ, расположенный въ г. Борго. Они присягнули королю. Затѣмъ заговорщики отрѣзали сообщеніе Гельсингфорса съ остальнымъ краемъ и съ маленькимъ отрядомъ быстро и энергично овладѣли Свеаборгомъ. Коменданта арестовали; гарнизонъ обѣщалъ подъ присягой съ оружіемъ въ рукахъ встать на защиту правъ короля. Губернаторъ и магистратъ Гельсингфорса также присягнули. Спренгтпортенъ донесъ королю о достигнутыхъ успѣхахъ, но обѣщалъ прибыть въ Стокгольмъ только тогда, когда революція охватитъ весь край. Въ Або обнаружились признаки противодѣйствія, но до открытаго его проявленія дѣло не дошло.

Наконецъ, отрядъ Як. Спренгтпортена, состоящій изъ 780 чел., готовъ былъ переправиться въ Швецію. Между тѣмъ король отлично исполнялъ свою роль, не давая повода заподозрить своихъ

революціонныхъ намѣреній. Со дня вступленія на престолъ, Густавъ старался казаться равнодушнымъ къ захваченной аристократами власти, но пріобрѣталъ среди крестьянъ, особенно далекарлійцевъ, нужную ему популярность. Онъ не имѣлъ обычнаго режима. Былъ веселъ, привѣтливъ. Однако причастился и, на случай неудачи, озаботился участью своихъ сторонниковъ. Наканунѣ переворота, притворяясь беззаботнымъ и легкомысленнымъ, онъ далъ концертъ и устроилъ «супе».

Риксдагъ и Совѣтъ готовились подавить возстаніе; Густаву угрожаетъ арестъ.—Утромъ, 19 августа, когда хотѣли захватить короля, онъ вышелъ изъ затрудненія, благодаря своей находчивости и спокойствію. Сѣвъ на лошадь, онъ ѣдетъ въ казармы арсенала, указываетъ офицерамъ на необходимость переворота и получаетъ ихъ согласіе. Возвратясь во дворецъ, гдѣ находилась гвардія, онъ съ жаромъ рисуетъ офицерамъ народное бѣдствіе и говоритъ о цѣпи, скованной золотомъ иноземцевъ. «Клянусь вамъ, что я болѣе всякаго шведа ненавижу самовластіе. Принужденный защищать мою независимость и свободу отечества отъ дерзкихъ вельможъ, я васъ спрашиваю: хотите-ли вы присягнуть мнѣ съ тою вѣрностію, которая всегда отличала шведскій народъ при Густавѣ Вазѣ и Густавѣ Адольфѣ? Если вы согласны, я охотно подвергну жизнь мою опасности на благо отечества». Настала минута грознаго молчанія, но она скоро прошла. «Мы готовы пожертвовать жизнь за ваше величество» былъ отвѣтъ. Густавъ подвязалъ руку бѣлымъ платкомъ. Это былъ условный знакъ. Офицеры послѣдовали его примѣру. Къ Государственному Совѣту былъ приставленъ караулъ. Секретная комиссія разошлась, не предпринявъ ничего для защиты прежняго порядка управленія. Король обратился съ рѣчью къ собраннымъ солдатамъ, онъ увлекалъ и воспламенялъ ихъ преданность. Всѣ поклялись. Имъ роздали денегъ. Присягнулъ магистратъ. По городу прошелъ слухъ, что король арестованъ. Тогда онъ съ обнаженной шпагой проѣхалъ по городу, при общемъ восторгѣ народа.—«Къ оружію, братья,—кричалъ одинъ изъ коноводовъ шапокъ, мчавшійся по улицѣ,—шведы, погибаетъ ваша свобода». Его арестовали.

Иностранные министры были приглашены къ королевскому столу; они поздравили Густава. Остерманъ отъ поѣздки во дворецъ уклонился. Король просилъ посланниковъ сообщить своимъ дворамъ о происшедшемъ и прибавить, что въ отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ ничто не измѣнилось. Такимъ образомъ въ

нѣсколько часовъ, безъ капли крови, совершенъ былъ государственный переворотъ.—Утромъ Густавъ едва не былъ арестованъ, вечеромъ онъ распоряжался, какъ тріумфаторъ. Густавъ увѣрялъ каждаго, что ни прусскій король, ни русская императрица не будутъ спорить противъ установленной формы правленія. 20 августа присягали коллегіи и граждане. Для Густава настало время громко высказать свои излюбленныя мысли, которыя плѣняли его въ Парижѣ.

21 августа созванъ былъ риксдагъ. Густавъ въ королевскомъ одѣяніи, сопровождаемый свитой и драбантами, вошелъ въ залъ. Членамъ риксдага было заявлено: кто не прибудетъ на засѣданіе— тотъ недругъ короля и государства. Окруженные войсками и угрожаемые пушками, собрались (вчера еще всесильные) депутаты сословій. Главные ихъ руководители были арестованы; сословіямъ не дали сговориться. Тремя ударами серебрянаго молотка Густавъ потребовалъ вниманія и произнесъ рѣчь, полную жизни, энергіи и теплоты.

Государство на краю гибели, — сказалъ король; — въ странѣ голодъ, но партіи продолжаютъ враждовать; большинство поставило себя выше закона. Свобода превращена въ деспотизмъ аристократіи. Въ риксдагѣ сказываются чужія намѣренія и вліянія. Король желаетъ только пораженія своеволія, желаетъ обезпечить свободу основными законами времени Густава-Адольфа. Рѣчь короля въ цѣломъ была осужденіемъ прошлаго и программой будущаго. Такой «рѣчи осужденія» никогда еще не выслушивали сословія Швеціи.

Затѣмъ король приказалъ прочесть новую Форму Правленія, выработанную Ульрихомъ Шефферомъ и состоявшую изъ 57 статей. Новый законъ былъ принятъ безъ единаго замѣчанія общими возгласами. Тальманы безпрекословно его подписали. Король и представители обмѣнялись присягами. Густавъ запѣлъ псаломъ: «О, Боже, тебѣ мы обѣщаемъ». Все кончилось тѣмъ, что король разрѣшилъ членамъ риксдага поцѣловать свою руку. Арестованныхъ освободили. Остерманъ совѣтовалъ одному члену риксдага протестовать противъ новой Формы Правленія, но тотъ призналъ за лучшее молчать.

Во введеніи къ Формѣ Правленія 1772 г. говорилось, что «мы по несчастному опыту узнали, что злоупотребляя именемъ благородной свободы, многіе изъ нашихъ согражданъ присвоили себѣ самовластіе» . . . . которое поддерживалось даже «чуже-

страшною силою». А потому новымъ закономъ устанавливалось, что «государствомъ имѣетъ управлять король . . . . король, а никто другой». Онъ же являлся толкователемъ закона. Государственный Совѣтъ будетъ составляться по его личному выбору и имѣть совѣщательный голосъ. Король давалъ права дворянства, замѣщалъ высшія должности, созывалъ риксдагъ. Но онъ не имѣлъ права начинать наступательной войны, налагать новыхъ налоговъ, издавать новаго закона безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ. Все это риксдагъ 1772 г. нашелъ нужнымъ утвердить для шведской «свободы и безопасности». Чины государства объявили, что имѣютъ «величайшее отвращеніе къ королевскому единодержавію (envåldet) или такъ называемому абсолютизму, считая за величайшее счастье, честь и выгоду быть и жить вольными, независимыми, издающими законы». . . . Таковы главнѣйшія положенія принятаго основного закона.

Одно изъ этихъ положеній—право риксдага санкціонировать войну — стоитъ для Россіи постоянной арміи на границѣ, какъ писалъ ея представитель Императрицѣ Екатеринѣ II. Риксдагъ лишился законодательной иниціативы и сохранилъ лишь право соглашаться или не соглашаться на установленіе новыхъ налоговъ. Право самообложенія осталось, но оно, по утвержденію шведскаго юриста Montan'a, никогда не играло столь важной роли, какъ, напримѣръ, въ Англіи [29]).

Впослѣдствіи, въ разговорѣ съ I. А. Эрнстремомъ, король сказалъ: «Мнѣ было 24 года, когда приняли Форму Правленія: она могла быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ менѣе двусмысленна, но моя неопытность благопріятствовала нѣкоторымъ предложеніямъ».

Во всякомъ случаѣ ударъ Густава былъ смѣлый и сильный. Всемогущество партій было сокрушено. Надъ всѣмъ возвысилась единая власть короля. Швеція вернулась къ порядку, установленному въ 1720 г. Сословное представительство меркло въ тѣни монархической власти.

Як. М. Спренгтпортенъ запоздалъ со своей помощью. Онъ высадился на шведскій берегъ лишь въ началѣ сентября, т. е. послѣ переворота. Король принялъ его особенно милостиво. «Васъ, послѣ Бога, я долженъ благодарить за спасеніе отечества», писалъ къ нему Густавъ. Як. Спренгтпортену были назначены награды и даны новыя почетныя назначенія.

Густавъ III дѣйствовалъ рѣшительно, но путей отступленія себѣ не отрѣзывалъ. Онъ далъ Як. Спренгтпортену, какъ мы

*

видѣли, предписаніе вывести часть войска изъ Финляндіи, для задуманной революціи 1772. Впослѣдствіи Густавъ спросилъ Як. Спренгтпортена: «Замѣтили-ли вы подпись мою на приказѣ»? «Нѣтъ», отвѣтилъ Спренгтпортенъ. «Я остерегся подписать такъ, какъ всегда подписывалъ: я измѣнилъ свой почеркъ; если бы мы не имѣли успѣха, государственные чины отрубили-бы намъ голову, а я отказался-бы отъ своей подписи, какъ вовсе не сходной съ моею» [30]).

АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ РЕВОЛЮЦІИ 1772 г.

Риксдагъ продолжалъ засѣдать до 6 сентября, разсматривая вопросы, предложенные королемъ. При его закрытіи, представители сословій осыпали короля лестными благодарностями.

Въ странѣ переворотъ былъ принятъ общимъ одобреніемъ. Въ Финляндіи-же народъ недоумѣвалъ, такъ какъ, по его представленію, король всегда имѣлъ ту власть, о которой говорили, что онъ теперь только пріобрѣлъ ее.

Шведы любятъ эту страницу своей исторіи. Густавъ III побѣдилъ почти исключительно силой своей личности, своей свѣтлой вѣры въ идеалы жизни. Все это дѣйствуетъ, какъ эффектная сцена театральной пьесы. Король окруженъ войсками. Его привѣтствуетъ ликующій народъ. Все озарено лучами ласковаго и привѣтливаго лѣтняго солнца. Онъ великодушно забываетъ

оскорбленія періода свободы. Онъ обѣщаетъ стать на стражѣ вольностей и никому не мстить. Забыты были взаимныя обиды и неудовольствія. «Я не хочу иного напитка, кромѣ воды Леты», сказалъ Густавъ.—Все это должно было дѣйствовать обаятельно на шведовъ. Благо государства—величайшая справедливость—и въ немъ оправданіе Густава. Пришлось установить порядокъ посредствомъ «закона силы», такъ какъ благосклонность и великодушіе не вліяли.

Итакъ, въ Швеціи все обошлось безъ потрясеній.

Хуже сложились обстоятельства на международной аренѣ. Политическій горизонтъ не предвѣщалъ ясной погоды. Иностранныя державы, пораженныя переворотомъ, готовы были вмѣшаться въ дѣло, справедливо находя, что при новомъ режимѣ труднѣе будетъ вліять на политику Швеціи.

Густавъ революціей 1772 г. порвалъ путы, связывавшія руки короля, и сбросилъ опеку Россіи, вмѣшивавшейся во внутреннія дѣла его государства. Россія, вмѣстѣ съ Пруссіей и Даніей, желала сохраненія въ Швеціи прежней Формы Правленія, ограничивавшей власть шведскихъ королей.

Король Пруссіи, Фридрихъ II, сообщилъ своему племяннику: «Изъ письма вашего величества, отъ 21 августа, я узналъ о счастливо совершенномъ измѣненіи Формы Правленія въ Швеціи. Однако, неужели вы думаете, что это событіе ограничится удачей внутренней революціи въ вашемъ государствѣ? Развѣ вы забыли, что Россія, Данія и я самъ были порукой охраненія уничтоженной теперь Формы Правленія? Я опасаюсь, что послѣдствія этого событія поставятъ ваше величество въ положеніе хуже прежняго . . . Вы какъ бы кинжаломъ прикоснулись къ моему сердцу . . . Я не вижу исхода этому дѣлу»[31]) . . «Я думаю—отвѣтилъ Густавъ своему дядюшкѣ Фридриху II,—вы признаете во мнѣ вашу кровь, какъ я призналъ въ чувствахъ вашего величества сердце моего дяди» . . . .

Екатерина иронизируя писала Вольтеру, въ концѣ 1772 г.: «Кстати, что вы скажете о революціи въ Швеціи? Въ четверть часа или еще менѣе народъ лишился тамъ своей конституціи и своей свободы. Въ продолженіе двадцати минутъ представители сословій, окруженные войсками, обсудили 57 пунктовъ, изъявили свое согласіе и подписали ихъ. Я не знаю, можно ли назвать это кроткою властью, но ручаюсь, что Швеція лишена своей

свободы, и что король въ этомъ государствѣ имѣетъ такую-же деспотическую власть, какую имѣетъ король французскій. И это могло совершиться не болѣе, какъ черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ король и народъ дали клятву соблюдать взаимныя права». Г-жѣ Бьельке Императрица сообщила (24 авг. 1772 г.): «Я нахожу, что молодой шведскій король не придаетъ большого значенія самымъ торжественнымъ клятвамъ и увѣреніямъ, которыя онъ высказываетъ. За день до революціи онъ объявилъ бунтовщиками и виновными христіанстадскій гарнизонъ, а на другой день принялъ ихъ сторону. Никогда законы ни въ какой странѣ не были такъ нарушаемы, какъ въ Швеціи при этомъ случаѣ, и я вамъ ручаюсь, что этотъ король такой-же деспотъ, какъ сосѣдъ мой султанъ: ничто не удерживаетъ его». Ясно, что Екатерина не желала признать Густава самодержавнымъ.

Остерманъ продолжалъ возбуждать недовольство въ пограничныхъ провинціяхъ: Финляндіи, Помераніи и Сконіи. Не зная о ходѣ возстанія, возбужденнаго Як. Спренгпортеномъ въ Финляндіи, Екатерина послала 50 тыс. рублей Остерману, съ указаніемъ помѣшать государственному перевороту. Въ присутствіи Императрицы состоялось совѣщаніе. Прочитаны были сообщенія, полученныя изъ Выборга. Рѣшено было ограничиться демонстраціями на границѣ, куда высланы были подкрѣпленія, да въ военныхъ гаваняхъ Кронштадта и Ревеля, гдѣ приступили къ снаряженію галеръ. Апраксинъ и Чернышевъ получили предписанія осмотрѣть пограничныя крѣпости. «Можно утвердительно сказать—говоритъ С. М. Соловьевъ,—что извѣстіе о шведскихъ событіяхъ было самое непріятное по внѣшнимъ дѣламъ, какое до сихъ поръ получила Екатерина». Въ переворотѣ она видѣла побѣду Франціи и предугадала, что все это поведетъ къ столкновенію Швеціи съ Россіей.

Шведовъ, недовольныхъ новымъ порядкомъ и искавшихъ убѣжища въ Россіи, велѣно было принимать безпрепятственно.

Въ это время посланецъ короля, баронъ Таубе, имѣя бѣлую повязку на рукавѣ, подобно участникамъ переворота въ Стокгольмѣ, прибылъ въ Петербургъ съ письмомъ отъ Густава. Оно успокоило нѣсколько Императрицу и министровъ, но не умалило ея досады. Однако, сопоставивъ депеши Остермана и донесеніе Чернышева о его поѣздкѣ, рѣшено было: въ виду плохого состоянія крѣпостей и нахожденія нашихъ войскъ въ Польшѣ и Турціи, держаться «дефенсивы» (обороны). Екатерина отвѣтила Густаву холодно, но

миролюбиво. Остерману приказано было имѣть довольный видъ, но продолжать поддерживать недовольство въ Швеціи и узнать, нѣтъ-ли въ ней принца, готоваго сдѣлаться нашимъ союзникомъ. [32]) Пришлось проглотить досаду и выжидать болѣе удобнаго времени. Мы въ состояніи были только проявить «оказательство» движенія къ шведской границѣ. Послѣ-же пріѣзда барона Таубе признали, что «надобно оставаться въ покоѣ». Панинъ писалъ Остерману длинныя наставленія, но они сводились къ требованію благоразумія и къ совѣту «оставаться въ пассивномъ примѣчаніи и бдѣніи». Бдительнымъ окомъ Остерману рекомендовалось слѣдить за Шонской провинціей (Скопія) и Финляндіей [33]).

Изъ сообщенія графа Панина англійскому представителю при петербургскомъ дворѣ, Гуннингу, видно, что Россія имѣла намѣреніе въ теченіе зимы показать равнодушіе къ шведской революціи, въ надеждѣ, что къ веснѣ въ Финляндіи сосредоточено будетъ достаточное количество войска, чтобы поддержать наши требованія. Предполагалось снарядить 20 линейныхъ кораблей. Данія должна была выставить 12 кораблей и 15 тыс. норвежцевъ у шведской границы. Королю Пруссіи надлежало осадить шведскую Померанію. Отъ Англіи разсчитывали получить помощь флотомъ и деньгами. - Вооруженныя такимъ образомъ четыре державы, должны были потребовать отъ Швеціи возстановленія Формы Правленія 1720 г.

Густавъ понялъ, что наибольшая опасность грозила со стороны Россіи, почему сейчасъ-же, послѣ своей революціи, принялся за укрѣпленіе финляндской границы. Главнымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, король назначилъ Августина Эренсверда. Но онъ отжилъ свой вѣкъ и представлялъ лишь тѣнь былого. Въ Финляндіи закупались запасы, производились наборы, вооружался флотъ; Свеаборгъ приводился въ боевую готовность. Изъ Швеціи тайно доставлялись амуниція и огнестрѣльные припасы. Шла разработка плана обороны.

Въ то-же время производилась попытка установленія союза между Швеціей, Франціей и Россіей, но Екатерина оставила это предложеніе безъ отвѣта.

Остерманъ не прерывалъ сношенія съ партіей шапокъ, которая не покидала желанія вернуться къ Формѣ Правленія 1720 г. Но значеніе Россіи уменьшилось и деньги ея мало вліяли.—Графъ Панинъ сообщилъ Остерману, что вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла Швеціи немыслимо, пока не состоится заключеніе мира съ Турціей.

Между тѣмъ переговоры въ Бухарестѣ были сорваны. Въ Русской Финляндіи находилось только 50 тыс. войска. Помощи противъ Швеціи просили даже у хана татарскаго. Крѣпости, правда, приводились въ порядокъ, флотъ снаряжали, но въ боевыхъ силахъ чувствовался замѣтный недостатокъ.

Въ то-же время Швеція,—хотя и продолжала свои вооруженія и поиски союзниковъ во Франціи и Испаніи,—заискивала у Россіи. Въ Петербургъ прибылъ Фридрихъ фонъ-Нолькенъ, для врученія Великому Князю Павлу Петровичу ордена Серафима, но въ сущности съ цѣлью незамѣтнаго приближенія къ Императрицѣ и сообщенія ей преданности Густава и возбужденія недовѣрія къ Пруссіи. Король, имѣя въ виду возобновленіе союза съ Россіей, подумывалъ о поѣздкѣ въ Петербургъ, но ей противодѣйствовалъ Верженъ. [34])

Всѣ указанныя обстоятельства побудили Россію оставить свои воинственные замыслы и гр. Панинъ отвѣтилъ Остерману въ миролюбивомъ тонѣ на доброжелательныя завѣренія Швеціи.

Такимъ образомъ грозовыя тучи 1773 г. разсѣялись.

Король получилъ согласіе Екатерины на пріѣздъ въ Россію, но отъ этого визита ничего не ожидали. Екатерина писала (въ янв. 1774 г.) госпожѣ Бьельке:... «По неравенству нашихъ лѣтъ предвижу, что онъ будетъ страшно скучать со мною... Онъ французъ съ головы до ногъ.... Я (же) не могу терпѣть подражанія... Я не могу круглый годъ заниматься стихами и пѣснями, или щеголять остротами».... Близкіе Густава боялись, что онъ, по пылкости своего темперамента, скомпрометируетъ себя несоотвѣтственнымъ поведеніемъ. Кромѣ того, во Франціи родилась мысль, вмѣстѣ съ Швеціей, поднять Порту на Россію. Людовикъ XV скончался. Густавъ, желавшій уже отказаться отъ поѣздки, послѣ смерти повелителя Франціи, яснѣе понялъ значеніе дружбы съ Екатериной и вновь сталъ думать о свиданіи съ нею. Франція продолжала отговаривать его отъ этого шага.—Густавъ сдался и написалъ Екатеринѣ, что, вслѣдствіе запоздалой свадьбы своего брата, вынужденъ отложить поѣздку въ Петербургъ. Екатерина не осталась въ долгу и отвѣтила: «Москва (гдѣ въ это время находилась) нѣсколько дальше отъ Стокгольма, чѣмъ Петербургъ»; поэтому вернула королю его обѣщаніе пріѣхать; она избавила его тѣмъ отъ необходимости придумывать извиненія, «такъ какъ онъ, конечно, не посмѣетъ пріѣхать» [35]).

Настал лучшій шестилѣтній періодъ царствованія Густава. Онъ весь предался исполненію своего долга по отношенію къ народу. Духъ свободы рѣялъ надъ государствомъ, оплодотворяя разныя отрасли управленія и народной жизни. Печать пользовалась значительной свободой. «Только при этой свободѣ,— говорилъ король,—правители узнаютъ свои ошибки, услышатъ жалобы населенія и, наконецъ, въ состояніи иногда убѣдить народъ въ неосновательности его жалобъ. Пытка была отмѣнена, поощрялось земледѣліе, учреждались фабрики, сокращено было число праздничныхъ дней, съ торговли сняты нѣкоторые прежніе путы, вслѣдствіе чего предметы вывоза восточной Финляндіи получили безпрепятственный доступъ на ближайшіе рынки Россіи. Реализація 1777 г. поправила денежныя дѣла, внѣшній заемъ поднялъ банковые билеты. Въ этотъ періодъ существовало полное взаимное довѣріе между королемъ и народомъ.—Онъ переписывался съ учеными и (въ 1786 г.) учредилъ академію.

Король,—по мнѣнію кн. А. И. Вяземскаго, посѣтившаго въ то время Стокгольмъ,—достоинъ любопытства. «Послѣ того знатнаго начала своего царствованія чрезмѣрно учтивъ не токмо съ чужими, но и своими.... Теперь на лаврахъ почиваетъ, ибо, исключая веселья всякаго рода, всѣ остальныя дѣла идутъ министерскими руками, но зато пышность и блескъ двора (являются) главнымъ пунктомъ его упражненіевъ» [36]).

Счастливый періодъ не былъ продолжителенъ.

Нашъ представитель при шведскомъ дворѣ, А. К. Разумовскій (съ мая 1786 г.), предпринялъ нѣсколько поѣздокъ внутрь страны, внимательно присматриваясь къ окружающему. Его глазамъ Швеція представилась въ весьма темныхъ краскахъ. Повсемѣстная неурядица, бѣдность, пьянство и распущенность... Всѣ были недовольны, всѣ жаловались и, не стѣсняясь, указывали иностранцу на язвы своей страны.. Высшее сословіе, воспитанное французами, было чуждо всякому проявленію народнаго духа, думало только о матеріальныхъ выгодахъ и, пользуясь монополіей винокуренія, наживалось на счетъ народной нравственности и здоровья. Органы правительства были продажны... Всюду властвовалъ личный произволъ. Всѣ бранили правительство [37]).

Въ первые-же годы царствованія Густава во многихъ областяхъ Швеціи вспыхнули крестьянскіе мятежи, вслѣдствіе непомѣрныхъ поборовъ и всякаго рода произвольныхъ дѣйствій чиновниковъ. Король послалъ юстицъ-канцлера для ревизіи

мѣстныхъ органовъ. Въ своемъ отчетѣ онъ представилъ прискорбную картину дезорганизаціи всей административной системы [38]).

Въ Финляндіи ссоры между крестьянами и помѣщиками разгорались въ разныхъ мѣстахъ, и они свидѣтельствуютъ какъ объ унаслѣдованной враждебности между дворянствомъ и ихъ подчиненными, такъ и о неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи края. Причины ссоръ и недоразумѣній были разнообразны. Многіе крестьяне добивались попасть въ непосредственную зависимость отъ казны. Недовольствію содѣйствовали также неоднократныя заявленія короля объ игѣ аристократовъ. Но, прежде всего, жалобы вызывались, конечно, самовольными налогами (gärntor) и тягостными работами (поденщиной). Многихъ крестьянъ арестовали. Были случаи, когда вынуждены были прибѣгнуть къ военной силѣ, чтобы обуздать возставшихъ. Крестьяне отказывались отъ исполненія своихъ обязанностей, снаряжали депутаціи въ Стокгольмъ, подавали жалобы. Ихъ направляли то въ судебныя, то въ административныя учрежденія, гдѣ, однако, управы на господъ не находили. Непослушныхъ крестьянъ хватали или насильственными мѣрами, подобно А. Х. Рамзаю, пытались понудить къ повиновенію. Въ отчаяніи они иногда прибѣгали къ поджогамъ (какъ, напр., въ Верелѣ). Случалось, что мѣрами кротости удавалось успокоить ихъ, но при этомъ въ отношеніи своихъ законныхъ правъ они обыкновенно ничего не выигрывали.

Яковъ Спренгтпортенъ пользовался большой популярностью. Къ нему обратились нѣкоторые крестьяне. Онъ принялъ ихъ сторону и осудилъ поведеніе помѣщиковъ. Взявъ слово съ крестьянъ не прибѣгать къ насиліямъ, онъ многихъ освободилъ изъ-подъ ареста и упрашивалъ помѣщиковъ быть справедливыми. Король милостиво одобрилъ всѣ его распоряженія, выразивъ, однако, желаніе впредь не освобождать самовольныхъ и дерзкихъ.

Болѣе продолжительными и опасными оказались крестьянскіе безпорядки въ Кареліи. Они явились прямымъ послѣдствіемъ революціи, произведенной Густавомъ III. У крестьянъ Кареліи родилось представленіе, что тяжелые налоги и поденщина уничтожены. Губернаторъ нѣсколько разъ (въ 1773, 1775, 1776 и 1778 годахъ) собиралъ крестьянскіе сходы и предостерегалъ народъ отъ ложныхъ слуховъ. Ничто не помогло. Народъ роптал на налоги, и жалобы направлялись въ Стокгольмъ. Въ 1778 г. крестьяне отказались отъ уплаты налоговъ и прибѣгли къ небольшой ручной расправѣ. Возникло судебное дѣло. Оно разсматри-

валось въ гофгерихтѣ (въ Вазѣ) и Стокгольмѣ. Крестьяне, не имѣя защитника, были осуждены. Одни подверглись заключенію въ карательной тюрьмѣ Свеаборга, а 203 человѣка, въ томъ числѣ 4 ребенка, были присуждены къ тѣлесному наказанію по жребію, каждый десятый человѣкъ. Для приведенія приговора въ исполненіе, прибылъ адъютантъ короля, который вообще стоялъ за примѣненіе строгаго наказанія. Жители скрылись въ лѣса. Жалкимъ обманомъ ихъ вызвали въ деревню и захватили военной силой [39]).

Финляндія, вслѣдствіе своей отдаленности, вообще не привлекала особаго вниманія шведскаго правительства [40]), но въ «періодъ вольностей» о ней проявлена была нѣкоторая забота. Послѣ того, какъ Финляндія дважды была завоевана русскими, шведская администрація старалась сдѣлать финновъ довольными своей участью.

Густавъ III, болѣе своихъ предшественниковъ, заботился о Финляндіи и чаще другихъ посѣщалъ ее, выражая интересъ къ благосостоянію мѣстнаго населенія. Если Финляндія являлась теперь предметомъ нѣкоторыхъ заботъ правительства, то объяснялось это ея пограничнымъ положеніемъ и той помощью, которую она оказала при переворотѣ 1772 г.

Первая поѣздка Густава III по Финляндіи состоялась въ маѣ 1775 г. Король посѣтилъ Або, Гельсингфорсъ, Свеаборгъ, Ловизу и Тавастгусъ. По старому обычаю, онъ принималъ каждаго, являвшагося къ нему съ прошеніемъ или жалобой, и такимъ образомъ приходилъ въ непосредственное общеніе съ обывателями края, хотя обыкновенно направлялъ просителей въ подлежащія учрежденія.

Во время своей поѣздки по Финляндіи, король имѣлъ много доказательствъ вѣрности и преданности населенія въ лицѣ тѣхъ подданныхъ,—преимущественно духовнаго, городского и крестьянскаго сословій,—которыя привѣтствовали его въ городахъ и на почтовыхъ станціяхъ [41]).

Желая проявить свою благосклонность, король имѣлъ въ виду назначать въ финляндскую администрацію лицъ, знакомыхъ съ мѣстными порядками и языками. Въ 1775 г. онъ приказалъ приступить къ новой раскладкѣ податей въ Финляндіи, такъ какъ неравномѣрное обложеніе чувствовалось здѣсь особенно сильно.

Густавъ осмотрѣлъ войска и главные пункты обороны. По его желанію, образованы были двѣ новыя губерніи: Саволаксъ-Карельская, съ главнымъ городомъ Куопіо, и Улеоборгская, къ которой

присоединили городъ Каяну съ его окрестностями. Для удобства управленія центръ Таваступско-Нюландской губерніи перенесенъ былъ изъ Гельсингфорса въ Тавастгусъ, а Кюменьгородскій—изъ Ловизы въ Гейнола. Чтобы соединить Улеоборгъ съ Вазаской губерніей и Саволаксомъ прокладывались пути черзъ обширные лѣса. Съ цѣлью соединенія Тавастгуса съ Тамерфорсомъ, приступлено было къ прорытію новаго канала. О состояніи гофгерихта въ Або, укрѣпленій въ Свеаборгѣ и Свартгольмѣ, о дѣятельности Абоскаго ландсгевдинга и пр. король отозвался съ похвалой. Въ то-же время онъ усмотрѣлъ, что въ Финляндіи имѣлись фогты, болѣе властные и деспотическіе, чѣмъ короли.

Вообще Густавъ остался очень доволенъ своей поѣздкой, страной и народомъ. «Это страна,—сказалъ онъ,—изъ которой многое можно сдѣлать». Въ населеніи онъ замѣтилъ честность, преданность королю и хорошія качества, а также образованіе и воспитаніе. Много заботы проявлено было Густавомъ III о колонизаціи Финляндіи, при чемъ для вспоможенія переселенцамъ онъ основалъ особый фондъ и освобождалъ ихъ въ теченіе 15 лѣтъ отъ всѣхъ податей.

«Я полагаю,—писалъ постоянно самодовольный король,—что моя поѣздка по Финляндіи не скоро забудется, и она составитъ эпоху въ ея исторіи». Геранъ М. Спренгтпотенъ, заявленіе котораго можно считать выраженіемъ общаго мнѣнія Финляндіи, писалъ королю: «Вашего Королевскаго Величества поѣздки по этой странѣ не были напрасны; о, если бы такое-же счастье повторилось еще разъ!».

Король, похваливъ абоскій гофгерихтъ, повысилъ ему жалованье. Замѣтивъ, что онъ не справляется съ количествомъ дѣлъ, подлежащихъ его разсмотрѣнію, Густавъ рѣшилъ учредить второй гофгерихтъ. Торжество открытія Вазаскаго гофгерихта состоялось впослѣдствіи въ Стокгольмѣ, въ присутствіи короля, произнесшаго рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «Держите въ равновѣсіи вѣсы правосудія. Страхъ и опасеніе не должны наклонять ихъ. Бѣдный и приниженный долженъ обрѣсти въ гофгерихтѣ справедливость».

Во время поѣздки Густава по Финляндіи (1775 г.), въ Москву, привѣтствовать Императрицу, посланъ былъ Левенгауптъ. Съ отвѣтомъ Екатерина отправила гр. А. Шувалова. Онъ былъ дурно принятъ королемъ, а члены семьи Густава вовсе не пожелали его видѣть. Какъ на причину такого отношенія къ

гр. Шувалову, указывали на его вызывающее и невоспитанное поведеніе. Возвратясь въ Москву, онъ жаловался.

Опять стали вспыхивать зловѣщіе огни. Представителю Швеціи сдѣлали запросъ о вооруженіяхъ королевскихъ войскъ. Во главѣ нашей дипломатіи стоялъ теперь Остерманъ, котораго въ Стокгольмѣ замѣнилъ Панинъ. Благодаря послѣднему дѣло не дошло до разрыва, и съ этого времени въ Панинѣ шведы видѣли своего вѣрнаго друга.

Король дѣйствительно готовился къ войнѣ. Въ особой промеморіи онъ набросилъ свои мысли на случай столкновенія [42]). По его мнѣнію, надлежало врасплохъ напасть на Петербургъ и тѣмъ сдѣлать непріятный сюрпризъ Екатеринѣ. За дипломатической и военной помощью Швеція обратилась къ старой союзницѣ—Франціи. Версаль охотно откликнулся, хотя престарѣлый министръ Морепа посовѣтовалъ Густаву не дразнить чванности сосѣдей. Швеція и Финляндія вооружились; созывались матросы и солдаты; Свеаборгъ обезпечивали отъ внезапнаго нападенія...

Сосѣди, вооружаясь, продолжали переписываться, какъ родственники. Густавъ искалъ случая къ сближенію. Случай представился. Въ 1776 г. состоялось бракосочетаніе Великаго Князя Павла Петровича съ Маріей Ѳедоровной (Вюртембергской). Въ Стокгольмъ, съ увѣдомленіемъ, посланъ былъ князь Куракинъ. Его приняли хорошо. Король разсыпался въ наилучшихъ завѣреніяхъ и выразилъ желаніе посѣтить Екатерину.

Въ іюнѣ 1777 г. Густавъ пріѣхалъ въ Петербургъ инкогнито, подъ именемъ графа Готландскаго. Въ русской Финляндіи высокаго путешественника встрѣтилъ начальникъ дивизіи графъ Брюсъ, но не собралъ своихъ полковъ, вслѣдствіе ихъ дурного состоянія. Въ Петербургѣ король остановился въ посольскомъ домѣ.

Густавъ и Екатерина встрѣтились впервые. «Свиданіе ихъ происходило съ изъявленіемъ взаимныхъ горячихъ родственническихъ чувствованій». Искренности со стороны Императрицы нельзя было обнаружить, такъ какъ она давно не долюбливала его, какъ противника русской политики, и не могла простить ему революціи 1772 г. Она считала его человѣкомъ, у котораго нѣтъ ni loi, ni foi. Онъ же стремился изгладить прежнее дурное впечатлѣніе и расположить въ свою пользу повелительницу великой

Имперіи. Густавъ, зная свою способность очаровывать собесѣдниковъ, употребилъ всю силу своего вліянія, чтобы расположить къ себѣ сердце могущественной родственницы. Его слабость къ этикету, его широкая фантазія и другія его качества вызывали ея сатирическія замѣчанія. У графа Готландскаго «во всемъ проглядываетъ необыкновенное желаніе нравиться всѣмъ. Мы жи-

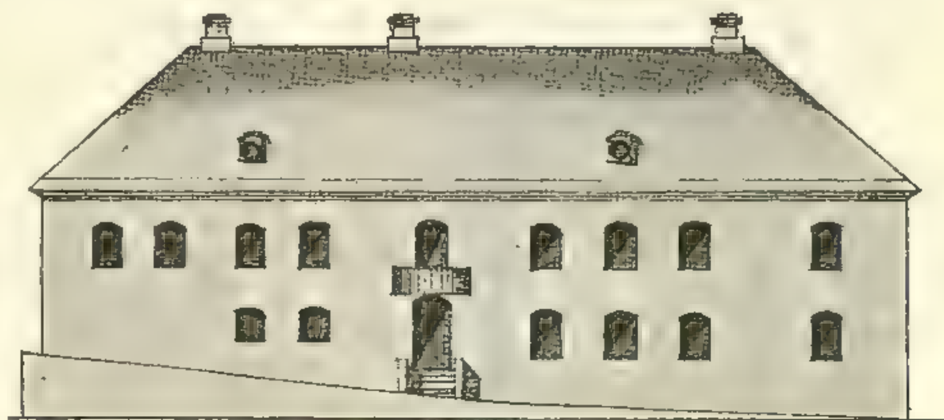

ЕКАТЕРИНА II И ГУСТАВЪ III.

вемъ дружно, какъ подобаетъ двоюроднымъ сестрѣ и брату. Свита всюду ѣздитъ. Весело ли имъ—не знаю; они ложатся спать тогда, когда мы встаемъ» [43]). Блестящій дворъ Екатерины, ея политика, ея очаровательная личность произвели на Густава сильное впечатлѣніе. Она нѣсколько измѣнила свое предубѣжденіе, но не сблизилась съ нимъ. Если судить о свиданіи по запискамъ французскаго представителя Корберона, то между сошедшимися двумя величинами чувствовалась невыносимая натянутость. Густавъ посѣтилъ академію наукъ и учебныя заведенія, Потемкинъ

показалъ ему гвардейскіе полки, Чернышевъ—флотъ. Панинъ, Потемкинъ, Чернышевъ были очарованы королемъ.

Между русскими шелъ разговоръ о томъ, что Густавъ «пріѣхалъ посмотрѣть, не можетъ ли чего либо (изъ бывшихъ шведскихъ земель) получить обратно» [44]). Графъ Ульрихъ Шефферъ просилъ графа Панина ничего не предпринимать противъ новой Формы Правленія. Графъ Панинъ отвѣтилъ, что король можетъ не опасаться вмѣшательства, пока его дѣятельность ограничится внутренними дѣлами. Панинъ прибавилъ, что Императрицѣ желательно имѣть доказательства одобренія Формы Правленія со стороны риксдага. При свиданіи Густавъ поспѣшилъ объяснить Екатеринѣ, что революціей 1772 г. онъ, противъ своей воли, причинилъ ей нѣкоторую непріятность. Въ этомъ разговорѣ она, между прочимъ, сказала: «Я люблю миръ и не начну войны, но если на меня нападутъ, то буду защищаться». Корберонъ утверждаетъ, что у Густава «мало ума, твердаго, основательнаго, глубокаго, необходимаго для властелина». На русскихъ онъ произвелъ большое впечатлѣніе вслѣдствіе того, что они «цѣнятъ только внѣшность».

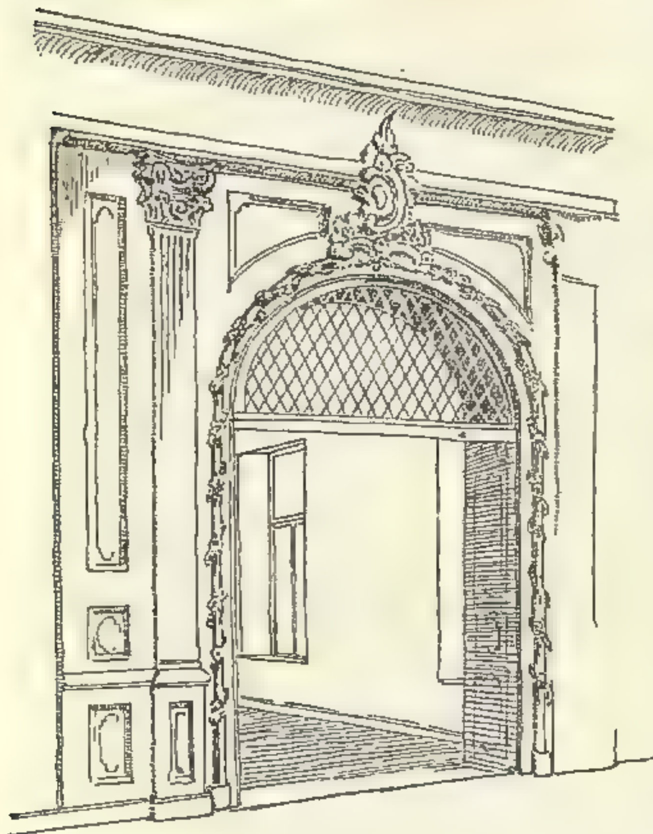

ДОМЪ ВЕКРОТА.
Въ немъ имѣла пребываніе Екатерина II во время посѣщенія Выборга

Густавъ остался очень доволенъ своей поѣздкой. Король находилъ, что партія шапокъ теперь имъ раздавлена, а интригамъ аристократовъ положенъ предѣлъ. «Теперь у меня есть кое-какой кредитъ въ Петербургѣ», сказалъ Густавъ. Одинъ изъ сенаторовъ заявилъ нашему представителю: «Вы сдѣлали короля совершенно русскимъ. Вы его избаловали. Мы его отошлемъ вамъ назадъ». Но поѣздка обошлась дорого, и она дала поводъ къ выраженію въ Швеціи неудовольствія на расточительность короля. Послѣ отъѣзда Густава III, между нимъ и Императрицей завязалась весьма дружественная и интимная переписка. Между прочимъ, Густавъ писалъ ей: «Я помню время, когда жаждалъ доказательствъ вашей дружбы, какъ лестныхъ знаковъ уваженія великой государыни, прославляющей свой вѣкъ... Въ величайшей монархинѣ

я узналъ и самую любезную женщину своего времени»... Они называли другъ друга «братомъ» и «сестрой»; красиво, умно и игриво комментировали свою придворную и семейную хронику, затрагивали литературную и художественную жизнь. Но попытки Густава использовать свою поѣздку и дружбу для нуждъ Швеціи не удались. Шутками и подтруниваніями Екатерина искусно отклоняла всякіе политическіе его намеки.

Съ разныхъ сторонъ Густаву сообщали, что Екатерина не вѣритъ въ прочность его чувствъ. Но въ перепискѣ ей нравился непринужденный тонъ, и она охотно придерживалась его. Густавъ расписывалъ, напримѣръ, опасность, грозившую сѣверу отъ замысловъ Пруссіи. Екатерина отвѣчала: «если Шефферъ и Панинъ узнаютъ о нашей частной перепискѣ, они пригрозятъ намъ розгой. Какую фигуру представляли бы изъ себя братъ и сестра, если бы les papas принялись ихъ распрашивать?».

Двери въ домѣ Векрота, сохранившіяся со времени Екатерины II (нынѣ Выборгскій почтамтъ).

Цѣль поѣздки короля не была достигнута. Онъ вложилъ въ нее слишкомъ мало утонченности и недостаточно послѣдовательности и настойчивости. Ни въ личныхъ переговорахъ, ни въ дружеской перепискѣ Густавъ не добился признанія со стороны Екатерины новаго режима, ни ея согласія на разрывъ съ Даніей.

Въ 1778 г. король созвалъ риксдагъ, которому объявилъ свое убѣжденіе, что «пока онъ и Императрица живы, война между Швеціей и Россіей, сдѣлалась невозможной» [45]). На этотъ разъ представителямъ сословій пришлось болѣе заняться славословіемъ дѣйствій короля, чѣмъ содѣйствіемъ ему по управленію. Они присутствовали при крещеніи кронпринца; банковая комиссія благодарила короля за проведеніе реализаціи. Новые налоги риксдагъ пытался опредѣлить на срокъ, но ему пришлось вотировать ихъ

на неопредѣленное время. Законъ о свободѣ вѣроисповѣданій прошелъ съ нѣкоторыми ограниченіями.

По словамъ шведскаго историка Гейэра, сеймъ (1778 г.) былъ «политическимъ зрѣлищемъ, которое король далъ міру о себѣ. Передъ его игривымъ воображеніемъ каждый актъ его политической жизни превращался въ зрѣлище. Бѣда его въ томъ и заключалась, что онъ не умѣлъ отличать дѣйствительности отъ иллюзіи; существенная между ними разница и была причиной гибели Густава». Между королемъ и членами риксдага не было полнаго пониманія и довѣрія. Всѣ чувствовали, что подъ внѣшнимъ его либерализмомъ таилось сильное самовластіе.

Обмѣнъ любезностей не прекращался. У Густава родился наслѣдникъ. — Императрица послала въ Стокгольмъ официальное посольство съ поздравленіемъ. Король воспользовался случаемъ и съ помпой отпраздновалъ при своемъ дворѣ день рожденія Екатерины II. Ужинъ былъ накрытъ на сценѣ. Передъ королевскимъ столомъ красовалась большая декорація съ именемъ Императрицы, геніями и эмблемами.

Осенью 1777 г. Густавъ III писалъ Екатеринѣ: «Если бы вы не были императрицей, то можно бы надѣяться видѣть васъ въ Стокгольмѣ, а теперь надо искать случая, чтобы насладиться этимъ счастьемъ, поѣхавъ въ маленькій финляндскій городишко, провести съ вами два-три дня». Такое свиданіе состоялось только въ 1783 г. въ Фридрихсгамѣ.

Но уже ранѣе этого Екатеринѣ II пришлось самостоятельно побывать въ Финляндіи.

17 іюля 1772 г. она выѣхала къ Вуоксенскому порогу Иматра. Ее сопровождали гр. Кир. Гр. Разумовскій, гр. Захаръ Гр. Чернышевъ и гр. Ив. Гр. Орловъ, бригадиръ, унтеръ-шталмейстеръ В. М. Ребиндеръ и др. Для всѣхъ требовалось 26 экипажей и 129 лошадей. Въ карету Императрицы запрягалось 10 лошадей. Лошади брались также отъ полковъ, расположенныхъ по пути слѣдованія Монархини. Въ Бѣломъ островѣ она имѣла обѣденный столъ. Въ Кюрелѣ, или Красномъ Селѣ, принадлежавшемъ графу Чернышеву, былъ ужинъ и ночлегъ.—На границѣ губерніи ее встрѣтилъ и сопровождалъ Выборгскій вице-губернаторъ, ген.-м. Ник. Ник. Энгельгардтъ. Въ Выборгѣ Императрица остановилась въ домѣ купца Векрота, гдѣ ей имѣли счастье предста-

виться разные чины, представители духовенства и горожанъ. Оберъ-комендантомъ города состоялъ Ступишинъ. 19 числа Государыня прибыла къ Вуоксѣ и, по переправѣ, на паромѣ, на лѣвый берегъ рѣки, остановилась для обозрѣнія порога Иматра. Къ ея прiѣзду поставлены были двѣ убранныя бесѣдки: одна—у начала порога, другая—у его конца; бесѣдки были соединены деревянными мостиками съ лѣстницами и перилами. Въ присутствiи Августѣйшей путешественницы «по ревущимъ водамъ» были спущены нѣсколько порожнихъ лодокъ и бочекъ. Величественное

ВИДЪ ВОДОПАДА ИМАТРА.

зрѣлище дикой красоты доставило удовольствiе высокой посѣтительницѣ. Многочисленной толпѣ народа роздано было нѣсколько денегъ. Отобѣдавъ въ красивой мызѣСитола, Императрица отправилась обратно и вернулась въ столицу 21 iюля [46]).

Мѣстомъ свиданiя коронованныхъ родственниковъ въ 1783 г. избранъ былъ Фридрихсгамъ—ближайшiй русскiй городъ къ шведскимъ владѣнiямъ.—Въ запискѣ къ Безбородко Императрица спрашивала: имѣются-ли въ Фридрихсгамѣ дома, въ которыхъ можно жить? Затѣмъ она предписала заготовить до 200 лошадей, подвинуть къ Фридрихсгаму полкъ—другой и послать туда лейбъ-казаковъ [47]). Изъ письма Императрицы къ Потемкину, мы узнаемъ, что

Густавъ III, получивъ отъ Франціи субсидію, устроилъ въ Тавастгусѣ лагерь (гдѣ собралъ до 7 тыс. войска) и поѣхалъ туда, чтобы подать видъ демонстраціи противъ Россіи [48]). Во время осмотра, лошадь короля, испугавшись пушечнаго выстрѣла, сбросила его на землю, причемъ онъ переломилъ себѣ лѣвую руку. «Нечего сказать, вотъ довольно неловкій герой, который упалъ такимъ образомъ передъ своими войсками»,—писала Екатерина кн. Потемкину. «Я умираю отъ страха, чтобы дурная дорога не увеличила вашихъ страданій»,—писала она Густаву. Свиданіе пришлось отложить на недѣлю.

15 іюля Ея Величество выѣхала изъ Царскаго Села, въ сопровожденіи графа Ив. Чернышева, гр. Безбородко, фаворита Ланского, княгини Дашковой и др.—Въѣздъ въ Выборгъ сопровождался пушечной пальбой, колокольнымъ звономъ и музыкой. Городъ украсился гирляндами, а вечеромъ—разноцвѣтными фонарями. На лѣстницѣ дома купца Векрота, въ которомъ остановилась Императрица, стояли дѣвицы въ шелковыхъ одеждахъ, съ корзинами въ рукахъ; при шествіи Монархини онѣ осыпали путь ея цвѣтами.

Вечеромъ 17 іюня состоялся въѣздъ Императрицы въ Фридрихсгамъ. Спереди и съ боковъ ея кареты скакали по-парно 30 прекрасно обмундированныхъ казаковъ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Въѣхала, какъ и въ Выборгъ, при пушечной пальбѣ, звонѣ колоколовъ и звукахъ трубъ и литавръ. Мальчикъ въ пастушеской одеждѣ удостоился поднести отъ городского юношества сочиненіе. У ратуши, противъ дома Императрицы, стоялъ щитъ, украшенный разными картинами и надписями [49]).

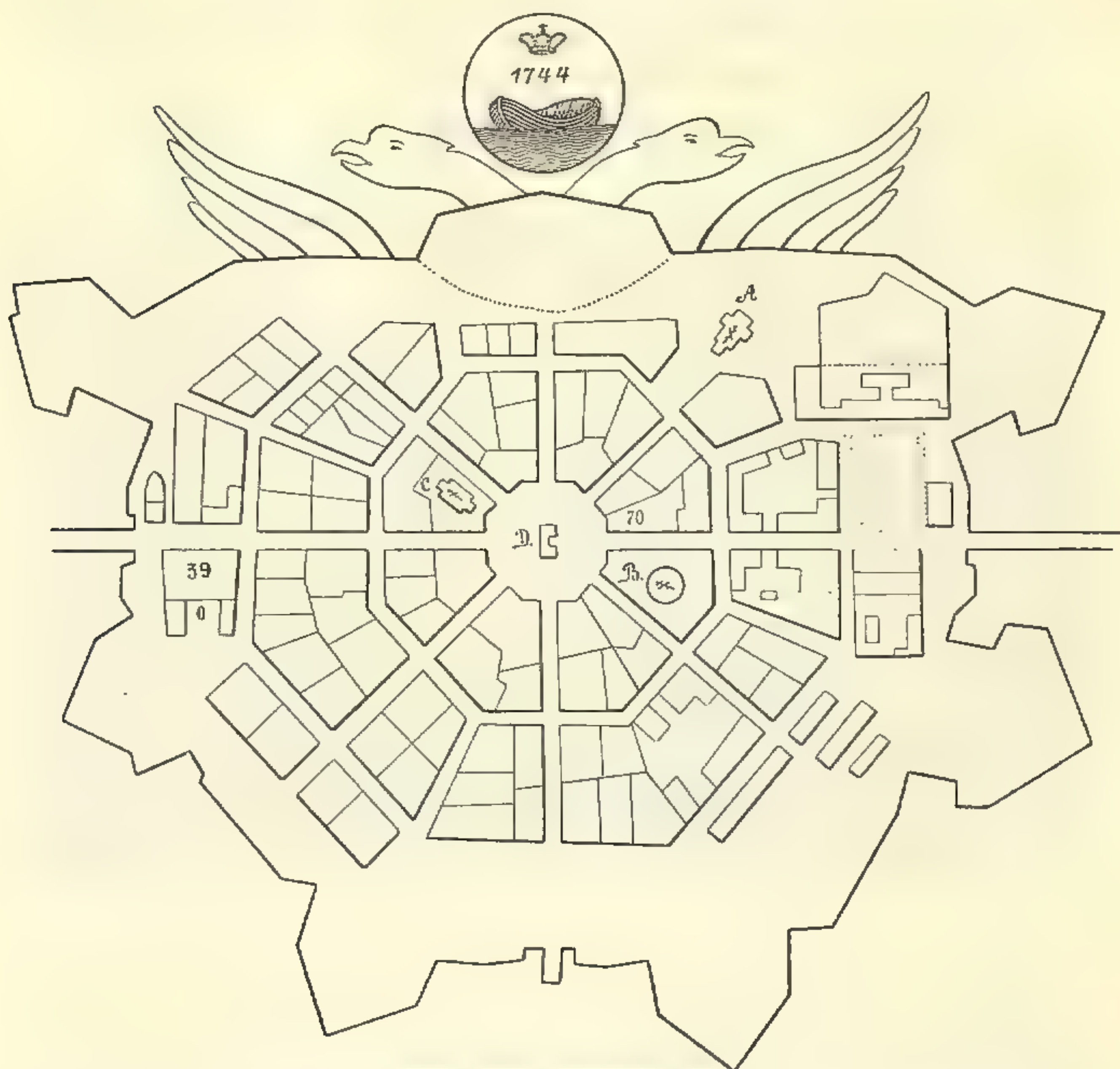
Для высокихъ посѣтителей города были наняты два смежныхъ дома; между ними устроили галерею, для свободнаго сообщенія. Говорятъ, что былъ построенъ особый театръ, въ которомъ «итальянскіе пѣвцы и французскіе актеры наперерывъ старались украсить торжество дружбы обоихъ властительныхъ геніевъ сѣвера» [50]).

«Комнаты мои,—писала Екатерина Великому Князю Павлу Петровичу,—низки и нѣтъ возможности отворить ни одного окна, такъ что спертый воздухъ и вой вѣтра положительно оглушаютъ меня до такой степени, что чуть голова не кружится» [51]).

Нѣсколько ранѣе Екатерина II изъ Фридрисхгама сообщила наслѣднику престола общее свое впечатлѣніе, вынесенное изъ поѣздки по Финляндіи. «Начиная съ Выборга въ продолженіе

*

всего дня мы видѣли только двухъ птицъ, да и то были ворона да рыболовъ; въ этой странѣ совсѣмъ не видать живыхъ существъ, даже комаровъ нѣтъ, которыхъ здѣсь не водится, мы не встрѣчали ихъ отъ самой Осиновой Рощи, за то камней въ безчисленномъ множествѣ; сама почва кажется каменистая, жители

ПЛАНЪ ГОР. ФРИДРИХСГАМА.

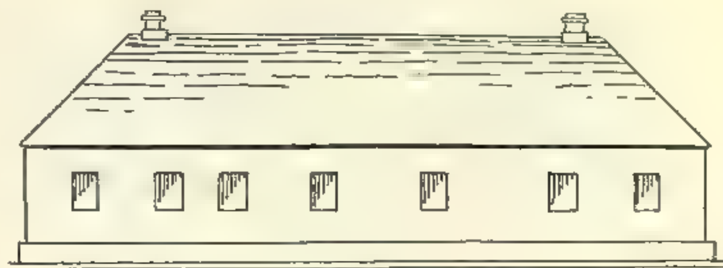
В. Православная церковь.—Д. Ратуша 1797 г.—С. Комендантскій домъ; мѣстопребываніе (въ 1783 г.) Густава III.—№ 70. Мѣстопребываніе Екатерины II въ 1783 г.—№ 39. Мѣстопребываніе въ 1788 г. Вел. Кн. Павла Петровича.

рѣдки, такъ же какъ и плодоносная земля; финляндцамъ, однако, удается уничтожать каменья и обращать ихъ въ пахатную землю; дѣлается медленно, но всетаки дѣлается, и я не преувеличиваю, говоря, что мы видѣли тысячи подобнымъ образомъ обращенныхъ въ землю каменьевъ» [52]).

Императрица милостиво приняла представителей мѣстнаго населенія. Во время этого представленія, по свидѣтельству очевидца, не было никакого порядка: всѣ столпились около монархини.

Дамамъ она подставляла щеку для поцѣлуя, но тѣ, не зная этикета, цѣловали ее въ уста, заставивъ ее нѣсколько разъ прибѣгнуть къ платку.

Совмѣстное пребываніе въ Фридрихсгамѣ коронованныхъ главъ продолжалось три дня. Императрица уже ранѣе сообщила королю, что не возьметъ съ собой церемоніймейстера, «такъ какъ мы оба любимъ не стѣснять себя»; свиданіямъ приданъ былъ совершенно интимный характеръ. Императрица проявила особенную любезность, хотя она не любила визитовъ королей, «потому что обыкновенно эти личности скучныя, нелѣпыя (insipides), при нихъ нужно быть на вытяжкѣ» [53]). Ей была представлена свита короля, въ которую входилъ Густавъ Армфельтъ, ф.-Эссенъ, Вреде, Франкъ и Таубе. «У меня сложилось твердое убѣжденіе,— читаемъ въ запискахъ Е. Р. Дашковой,—что коронованныя особы не бываютъ искренны другъ съ другомъ; мнѣ даже кажется, что, несмотря на обоюдную любезность и на просвѣщенный умъ, онѣ въ концѣ концовъ становятся въ тягость другъ другу, такъ какъ общеніе между ними отягчается и усложняется политикой». Въ то же время кн. Дашкова нашла Густава III очень умнымъ, образованнымъ и краснорѣчивымъ.

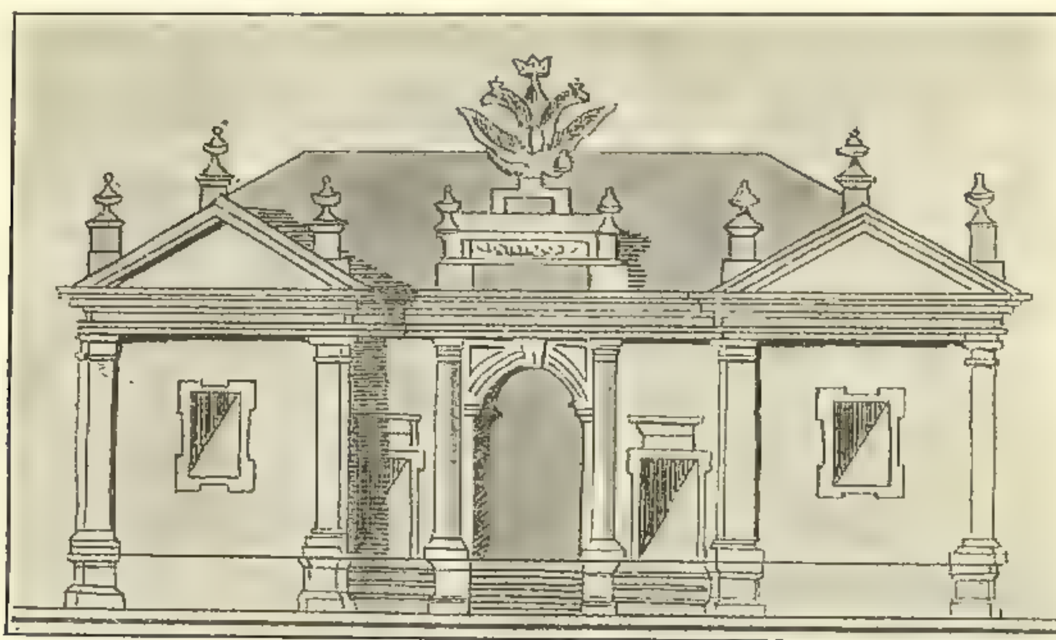

Во время посѣщенія Фридрихсгама въ 1783 г. въ этомъ домѣ имѣла пребываніе Екатерина II.

Роли съ той и другой стороны были хорошо разыграны. Сосѣди разстались холодно. «Обмѣнявшись направо и налѣво поцѣлуями Іуды,—значится въ дневникѣ Армфельта,—мы разстались». Екатерина II въ письмѣ къ кн. Потемкину сообщила: «Я только нашла, что онъ (Густавъ) чрезвычайно былъ занятъ своими уборами и охотно держался передъ зеркаломъ» [54]). Король, если вѣрить его письмамъ, остался «чрезвычайно доволенъ своей поѣздкой». Между тѣмъ главная цѣль его свиданія и на этотъ разъ не была достигнута, хотя въ Европѣ распространилось мнѣніе о болѣе тѣсномъ сближеніи между Россіей и Швеціей. Въ теченіе шести лѣтъ Густавъ старался пріобрѣсти дружбу и довѣріе Императрицы; въ Фридрихсгамѣ онъ разсчитывалъ пожать плоды своихъ стараній: заключить союзъ съ Россіей, на условіи предоставленія Даніи въ жертву его мести. Онъ лично, тайно отъ

своихъ министровъ, набросалъ проектъ договора, который, однако, успѣха не имѣлъ [55]).

Видѣнная Императрицей часть Финляндіи особенно не понравилась ей. «Мѣсто это такъ хорошо, что можетъ служить ссылкой», сообщала она своему сыну [56]). «Когда, наконецъ, выберемся изъ этого чистилища. Царское Село—рай въ сравненіи съ этой отвратительнѣйшей стороной. Всѣхъ тѣхъ, которые на будущее время не хорошо будутъ отзываться объ окрестностяхъ Петербурга, я буду присылать на жительство на нѣсколько дней сюда». Еще рѣзче она отозвалась о Финляндіи въ письмѣ къ Гримму: «Боже мой! Какая страна! Какъ можно было проливать человѣческую

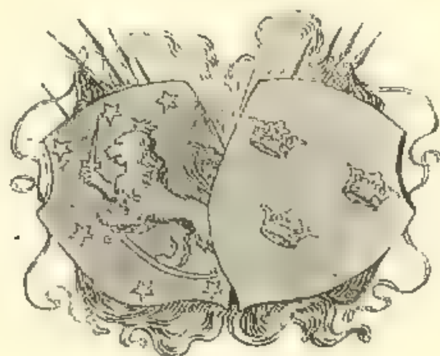
Каменное строеніе того дома, въ которомъ останавливалась Екатерина II въ 1783 г. въ Фридрихсгамѣ.

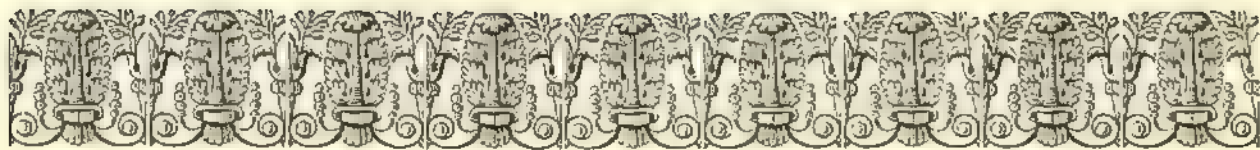
кровь для обладанія пустыней, въ которой даже коршуны не хотятъ жить» [57]). Король получилъ въ даръ богатую карету, которую съ большимъ трудомъ на телѣгахъ доставили въ Фридрихсгамъ. Своей доступностью и снисходительностью Екатерина расположила къ себѣ сердца жителей этого края.

Дружеская переписка продолжалась послѣ фридрихсгамскаго свиданія. Екатерина получила отъ Густава, между прочимъ, книги по исторіи Швеціи, хвалила его ученость, когда онъ для нея составилъ обзоръ ихъ содержанія и увѣряла его, что она смотритъ на него, какъ на самаго достойнаго члена нашей академіи наукъ. Но при всемъ томъ ни Густавъ, ни Екатерина не забывали политическихъ вопросовъ.

Екатерина дала знать своему представителю въ Копенгагенѣ, что если на Данію нападутъ, она будетъ защищать ее. Густавъ

приказалъ разоружить эскадру, приготовленную въ Карлскронѣ, а самъ уѣхалъ въ Италію искать субсидій и союзниковъ.—«Говорятъ,—писала Екатерина Густаву въ Венецію, осенью 1783 года, что вы намѣрены напасть на Финляндію и идти прямо къ Петербургу, по всей вѣроятности, чтобы здѣсь поужинать. Я, впрочемъ, не обращаю вниманія на такую болтовню, въ которой выражается лишь игра фантазіи». «Вашего Величества добрая сестра-кузина, другъ и сосѣдка», гласила подпись подъ этимъ письмомъ [58]). Узнавъ, что король изъ Рима отправился въ Парижъ, Екатерина сильно разгнѣвалась. Теперь она иначе не называла его, какъ «Донъ-Густавъ» и «Король-пикъ».—Дѣло клонилось къ разрыву. Существовалъ еще шнурокъ, за который ухватилась Повелительница Россіи, желая избѣжать нападенія со стороны Швеціи, шнурокъ этотъ—право риксдага санкціонировать наступательную войну, но времена измѣнились, ея представитель въ Стокгольмѣ, Морковъ, не смогъ болѣе создать прежней сильной оппозиціи, а Густавъ смѣлой рукой обрѣзалъ послѣднее, сдерживавшее его, препятствіе: въ моментъ начатія войны онъ игнорировалъ риксдагъ. «Нужна война, характеризующая мое царствованіе», рѣшилъ онъ, и сталъ готовиться къ ней, какъ къ заговору.

III.

Финляндія конца XVIII в.

Вторая половина XVIII столѣтія довольно богата записками путешественниковъ, посѣтившихъ Финляндію. Сопоставляя ихъ свидѣтельства, получается слѣдующая картина мѣстнаго быта.

Крестьянскіе дома хорошо были построены. «Мужики живутъ очень изрядно,—писалъ князь А. М. Вяземскій,—и мнѣ кажется избыточнѣе чѣмъ наши». У крестьянъ виденъ достатокъ.

«Женскій полъ,—по мнѣнію князя А. М. Вяземскаго,— безпримѣрно хорошъ, особливо ртомъ и зубами». Женщины одѣвались заботливо.

При ѣздѣ на почтовыхъ, лошади запрягались гусемъ. Путешественникъ видѣлъ сани, которыя остроумно ставились, въ случаѣ надобности, на четыре колеса.

Главное ихъ занятіе составляли земледѣліе, гонка смолы, скотоводство, извозъ, охота и рыбная ловля. Зимой финны занимались изготовленіемъ сѣтей и колесъ, рубкою лѣса, приготовленіемъ дровъ. Лѣтомъ, кромѣ сѣнокоса, жатвы и т. п., финны охотились, стрѣляли деревянными стрѣлами изъ тяжелаго лука. Чтобы не портить шкуры бѣлокъ, конецъ стрѣлы закруглялся. Лукъ не подымали къ глазу, а упирали его себѣ въ бокъ. Съ большой отвагой велась ими охота на тюленей.

Джузеппе Ачерби—ученому итальянскому путешественнику, проѣхавшему на сѣверѣ въ 1798—1799 г.г. и котораго финляндскій писатель назвалъ великимъ лгуномъ,—казалось, что финляндцы пользовались счастливой жизнью, проявляли склонность къ музыкѣ и поэзіи. Ихъ музыкальный пятиструнный инструментъ (харпа—harpa) представлялся грубымъ подражаніемъ цитрѣ древнихъ грековъ; на немъ финнъ выражалъ всѣ свои чувства; подъ его звуки онъ танцовалъ и декламировалъ. Ихъ музыка своеобразна и подобіе ея не встрѣчалось у другихъ народовъ.

Женитьба не обходилась безъ свахи. Принятіе подарка жениха означало согласіе невѣсты. На свадьбѣ всегда присутствовало лицо, способное рѣчисто говорить и импровизировать стихи. Послѣ введенія реформаціи пѣвцы импровизаторы исчезли.

Танцы состояли изъ прыжковъ и скачковъ женщины. Разнообразія въ движеніяхъ не было, не проявлялось ни малѣйшей страстности, не мѣнялось даже выраженія лица. Они танцовали съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, какъ будто имъ платили за эти упражненія. Движенія были неуклюжи, у женщинъ нельзя было наблюсти ни малѣйшихъ признаковъ граціи. Путешественникъ Clarke усмотрѣлъ въ танцахъ финновъ нѣчто заимствованное какъ у шведовъ, такъ и у русскихъ; музыку ихъ онъ сравнилъ съ жужжаніемъ и бормотаніемъ [59]). Стоявшее на столѣ пиво разбавлялось водой и потому вовсе не опьяняло. Красивыхъ женщинъ І. Ачерби не видалъ; черты лица ихъ были грубы, туловище безформенное; длинные кафтаны и короткія юбки не способствовали пріятному впечатлѣнію.

По наблюденію Клерка (Эдварда, Даніели), финны очень любили табакъ и вино и вслѣдствіе этого легко попадали въ кабалу къ купцамъ.

Число жителей Аланда путешественникъ Іосифъ Ачерби опредѣляетъ на 1792 г. до 11 т. Многіе изъ нихъ доживали до преклонныхъ лѣтъ (109 и 120 лѣтъ). По характеру аландцы описаны какъ народъ живой, услужливый, съ изобрѣтательнымъ умомъ, храбрый и ловкій. За 56 лѣтъ среди нихъ оказалось только 7 убійствъ и 7 иныхъ преступленій. Ихъ одѣяніе и обстановка свидѣтельствовали о достаткѣ. Ихъ жилища—просторны и опрятны. Почти у каждаго крестьянина имѣлась своя вѣтреная мельница.

Не столь доброжелательный отзывъ даетъ путешественникъ Clarke. Онъ порицаетъ аландцевъ за ихъ нечистоплотность и стремленіе къ вымогательству. Онъ же утверждаетъ, что они давали водку своимъ груднымъ дѣтямъ (?).

Штальмейстеръ Іосифъ Маршаль,—проѣзжавшій по Эстерботніи и Саволаксу въ 1769 г.,—изъ разговоровъ съ мѣстными купцами въ Вазѣ узналъ, что многіе жители, сманенные русскими, убѣгали въ Россію. «Эмигранты уѣзжали не столько изъ-за нужды, какъ изъ-за вознагражденій, которыя русскіе эмиссары обѣщали всѣмъ, кто пожелаетъ поселиться въ Россіи». А. Ф. Шёльдебрандъ указываетъ, что отличительной чертой жителей кирхшпиля Кеми, являлся прекрасный ростъ и привлекательная наружность.

Князь А. М. Вяземскій, проѣхавшій по береговой полосѣ Финляндіи въ 1782 г., удивленъ, что она не только имѣла достаточно хлѣба для пропитанія своего населенія, но была еще въ состояніи отправлять его въ Швецію. Его поразила затѣмъ рѣдкая честность жителей. Въ краѣ не слышно было о воровствѣ и грабежахъ по дорогамъ, хотя-по словамъ англичанина Клерка—наклонность финновъ къ преступленіямъ была значительна, во всякомъ случаѣ, болѣе чѣмъ у лапландцевъ и шведовъ.

Князь А. И. Вяземскій отмѣчаетъ необыкновенную нечистоту въ Эстерботніи. Здѣсь замѣчалась бóльшая бѣдность, чѣмъ въ южной Финляндіи.

Шёльдебрандъ отмѣчаетъ замѣтное гостепріимство. «Извѣстные или неизвѣстные путешественники всегда находятъ радушный пріемъ особенно въ пасторскихъ домахъ, гдѣ имъ иногда предлагаютъ отличное угощеніе. Народъ очень доброжелателенъ, когда съ нимъ обращаешься ласково, но онъ никогда не проститъ оскорбленіе, и месть его часто бываетъ кровавая».

Въ 1791 г. посѣтили Финляндію два французскихъ эмигранта Fortia de Piles и Boisgelin de Kerdu. Гельсингфорсъ,—по ихъ описанію мизерный городъ, улицы его страшно плохо вымощены. Число жителей доходило до 1000 человѣкъ. Но «avec toute vérité», на улицахъ можно встрѣтить столько-же коровъ, какъ и людей. Князь А. И. Вяземскій (въ 1782 г.) насчиталъ въ немъ отъ 10 до 12 каменныхъ домовъ.

Прибавимъ мимоходомъ, что въ одномъ изъ этихъ путешественниковъ, подымавшихся далеко на сѣверъ, въ Стокгольмѣ узнали Луи-Филиппа — будущаго короля Франціи.—Революція заставила ихъ временно покинуть родину. Скитаясь по Швеціи и Финляндіи, они собрали значительный матеріалъ для своего изданія «Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe». Ихъ проводникомъ по городу Або былъ Флеммингъ—владѣлецъ имѣнія Рунагорденъ, а поставщикомъ разныхъ свѣдѣній о Финляндіи и финнахъ—профессоръ Портанъ. По легендѣ, сохранявшейся на сѣверѣ, одному изъ таинственныхъ путешественниковъ колдунья якобы предсказала, что ему суждено носить корону. — Объ нѣкоторомъ расположеніи Луи-Филиппа къ сѣверу и извѣстномъ его отношеніи къ полярнымъ странамъ свидѣтельствуютъ слѣдующія обстоятельства. Будучи королемъ Франціи, Людовикъ-Филиппъ въ 1838 г. снарядилъ и щедро поддержалъ многолѣтнюю научную экспедицію французскихъ ученыхъ и художниковъ на Нордкапъ,

Шпицбергенъ, Лапландію и Финляндію. Руководителемъ экспедиціи былъ извѣстный естествоиспытатель Gaimard. И, наконецъ, одна изъ послѣднихъ картинъ художника Biard'a (1841 г.) представляетъ Людовика-Филиппа въ утлой ладьѣ, плывущей по рѣкѣ Муоніо черезъ бурливую быстрину [60]).

Въ Вазѣ, по опредѣленію кн. А. И. Вяземскаго, домовъ двѣсти, всѣ они маленькіе и дурные, всѣ деревянные, въ два жилья.

ГОРОДЪ ВАЗА.

Борго очень некрасивъ, а Ловиза «похожъ на остальные».

Гамле-Карлебю состоялъ изъ 5 продольныхъ и 5 поперечныхъ улицъ; въ немъ жило 31 торговецъ, 328 семействъ или всего 3.367 человѣкъ. Таможенный доходъ достигалъ въ 1781 г. до 2027 риксдалеровъ съ вывоза и 2125 риксдалеровъ съ привоза (Ачерби).

Нюкарлебю самый худшій городъ,—писалъ Портанъ Калоніусу,—какой мы встрѣтили на всемъ пути: плохо расположенъ, плохо выстроенъ, нѣтъ жизни, нѣтъ способныхъ торговцевъ. Маленькій-же сосѣдній Якобстадъ, напротивъ, имѣлъ 19 большихъ и малыхъ судовъ, изъ которыхъ 14—15 ходили заграницу.

Брагестадъ проявлялъ бойкую торговую дѣятельность. Въ немъ господствовало единодушіе, патріотизмъ и esprit social, тогда какъ въ Улеоборгѣ царствовалъ злостный духъ, недруже-

любіе и склонность къ тяжбамъ; «весь этотъ значительный городъ не имѣетъ ни одного отправляющагося за границу судна; довольствуются по старому торговлею съ Стокгольмомъ и обираніемъ народа [61]).

Въ Улеоборгѣ—три верфи; губернаторъ предписывалъ соблюдать большую предупредительность по отношенію къ именитымъ иностранцамъ. Число его жителей доходило до 4-хъ тыс.

Путешественникъ замѣтилъ, что провинція копировала обычаи столицы, проявляла склонность къ игрѣ и роскоши. Свое удовольствіе къ кому-либо финны выражали тѣмъ, что ласково хлопали его по спинѣ.

ГОРОДЪ ТОРНЕО.

Торнео былъ ранѣе другихъ описанъ Мопертюи (Maupertuis), и это описаніе сложилось не въ пользу города. Торнео представлялъ ужасное зрѣлище, когда въѣзжалъ въ него французскій ученый: дома были погребены подъ снѣгомъ, Реомюръ опустился до 37°. Итальянецъ увидѣлъ Торнео лѣтомъ и потому отзывается о немъ благосклоннѣе; въ городѣ насчитывали до 600 жителей. Городъ имѣлъ общественный бульваръ и сады, термометръ показывалъ 27° жары. Въ Торнео небольшое движеніе, и городъ красиво расположенъ.

Або въ описаніи князя А. И. Вяземскаго (1782 г.) рисуется весьма порядочнымъ городомъ, имѣвшимъ много каменныхъ строеній и лавокъ. Его купечество довольно богато. Городъ тянулся по сторонамъ рѣки, и берега его обложены были камнемъ.

Або, имѣя 102 улицы съ переулками, раздѣлялся на пять кварталовъ и пять таможенъ. Имѣлъ 1100 строеній. По опредѣленію

князя А. П. Вяземскаго, изъ нихъ до 50 каменныхъ, нѣкоторые въ четыре этажа. Въ 1780 г. въ городѣ находилось 2048 семействъ. Число жителей въ 1796 г. равнялось 8104 чел., или вѣрнѣе 9330 чел. Правительственныя зданія возведены были изъ камня.

Въ Або «единственное зданіе, достойное примѣчанія»—это библіотека, имѣвшая отъ 6 до 10000 томовъ. Больше всего историческихъ сочиненій. Когда король въ 1752 г. осматривалъ библіотеку, онъ сказалъ: «очень мало Bücher». Для пріобрѣтенія новыхъ сочиненій ей отпускалось 150 риксдалеровъ. Въ городѣ имѣлось только одна типографія.

Видный готическій соборъ св. Генриха одинаково служилъ для молитвенныхъ нуждъ какъ шведовъ, такъ и финновъ. Его башня, крытая мѣдью, вынесла нѣсколько ударовъ молніи.

Городъ управлялся двумя бургомистрами—полицейскимъ и судебнымъ. Городская стража состояла изъ 35 чел. при одномъ офицерѣ. Городъ имѣлъ три пожарныхъ трубы, больницу на 40 чел., два табачныхъ и одинъ сахарный заводъ, двѣ верфи; въ 1780 г. закрылся винокуренный заводъ. Абоскіе «негоціанты» являлись владѣльцами 14 кораблей. Торговыя сношенія Або простирались до Кадикса, Генуи, Лиссабона, Бордо и Амстердама. Вывозъ достигалъ 7187, а ввозъ—104,970 риксдалеровъ.

Для своей защиты городъ соорудилъ: 4 башни, высокую стѣну, земляной валъ и двойной ровъ.

По переписи 1749 г. въ городѣ насчитывалось 3830 финновъ и 1870 шведовъ.

Або отправлялъ за-границу сало, лѣсъ, желѣзные товары и даже хлѣбъ. Въ 1781 г. ушло 19 судовъ, пришло 16. Изъ этого числа 9—принадлежали горожанамъ.

Натаніэлю Вилліаму Враксалль, который въ 1774 г. проѣздомъ въ Россію посѣтилъ Финляндію, Або показался плохенькимъ городишкою въ варварской странѣ.

Города Финляндіи являлись рынками для сбыта произведеній сельскаго простонародья. «Промышленность для городовъ, земледѣліе для селъ». Таковъ былъ девизъ періода меркантилистовъ. Города раздѣлялись: на стапельные (stapelstäder), имѣвшіе право ввозной и вывозной иностранной торговли, на приморскіе (sjöstäder), пользовавшіеся правомъ ввозной иностранной торговли, и на uppstäder, т. е. такіе города, которымъ предоставлено было лишь право торговли съ шведскими городами. Королевская

власть явилась защитницей городскихъ интересовъ, въ виду того, что они совпадали съ интересами казны. Большіе города пользовались привилегіями, шедшими въ явный ущербъ мелкихъ и среднихъ городовъ. Або захватилъ въ свои руки почти $^3/_4$ всей торговли. Западные города Финляндіи получили стапельное право и это, въ свою очередь, повело къ экономической самостоятельности Эстерботніи.

Во второй половинѣ XVIII в. появилось различіе между мануфактурами и фабриками.—Фабрики пользовались тогда особымъ покровительствомъ. Регламентація промышленности дошла до крайнихъ предѣловъ.

Густавъ III былъ поклонникомъ либеральныхъ экономическихъ воззрѣній физіократовъ и Адама Смита. Но политическія его стремленія побудили отступить отъ началъ промысловой свободы въ угоду городскому сословію, оказавшему ему помощь въ расширеніи королевской власти. Городское сословіе получило въ 1789 г. грамоту привилегій (23 февр.), въ силу которой за нимъ сохранялись преимущества такъ - называемаго Product-Placat'a (1724 г.), изданнаго въ свое время, въ подражаніе извѣстнаго Акта Мореплаванія Оливера Кромвеля; кромѣ того, городскому сословію дано было право торговли и промысловъ, сказано было, что лицамъ, не принятымъ въ цехи, нельзя будетъ заниматься ремеслами.

Въ 1789 г. сельскіе жители получили разрѣшеніе продавать повсюду свои сельскія произведенія. Это разрѣшеніе явилось послѣдствіемъ жалобы крестьянскаго сословія.

Свобода торговли хлѣбомъ была объявлена королевскимъ постановленіемъ 30 ноября 1780 г.

Въ началѣ XVIII в. производство хлѣба въ Финляндіи очень увеличилось. Ранѣе она едва могла покрывать мѣстную потребность, теперь въ состояніи была ежегодно вывозить нѣсколько сотъ тоннъ хлѣба. Производство хлѣба могла увеличить главнымъ образомъ западная часть края. Южныя части отдавались преимущественно торговлѣ и судоходству. Въ области промышленной усилилось: лѣсопильное дѣло, металлургическое производство, селитровареніе; умножились также мельницы и кирпичные заводы.

Постановленія о торговлѣ почитались настолько важными, что введены были въ общее уложеніе, гдѣ составили особый отдѣлъ.

До XVIII в. закономъ не было опредѣлено отношеній землевладѣльца къ праву на минералы и металлы въ нѣдрахъ земли.

Земельная собственность давно уже раздѣлялась во всей Швеціи на три вида: 1) Фрельсовыя земли. Эти участки, принадлежа частнымъ лицамъ, оставались совершенно освобожденными отъ какихъ бы то ни было повинностей. 2) Скаттовыя земли. Съ 1789 г. за крестьянами было утверждено на нихъ право собственности. Владѣльцы этихъ земель несли всякаго рода повинности. 3) Коронные гемманы (геймaты), или казенные хутора. Они отдавались во временное владѣніе мѣстнымъ жителямъ, но, начиная съ 1789 г., ихъ предоставлено было покупать «въ скатовыя права», т. е. въ собственность всѣмъ, исключая крестьянъ.

«Равно свободный народъ долженъ имѣть и равныя права. Посему всѣ сословія впредь пользуются правомъ пріобрѣтать поземельную собственность во всемъ государствѣ»—гласилъ Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г.

Въ «періодъ свободы» экономическія науки проникли въ высшія учебныя учрежденія. Экономическіе вопросы трактовались въ многочисленныхъ мелкихъ и крупныхъ сочиненіяхъ, которыя составлялись уже не на латинскомъ, а на родномъ языкѣ, чтобъ сдѣлать ихъ болѣе доступными для публики. Даже романы того времени содержали въ себѣ экономическія разсужденія и удостоивались за это особой похвалы критики [62]).

Какъ видно, время свободы Швеціи не безъ основанія прозвано было экономическимъ періодомъ.

Часто повторявшіеся неурожаи и стихійныя бѣдствія края, а также разореніе во время «малой разрухи» вызвали рядъ мѣропріятій. Послѣ Ништадтскаго мира списали со счетовъ всѣ неуплаченныя подати и установлено было нѣсколько льготныхъ лѣтъ, въ теченіе коихъ оброки не взимались.

Подобныя мѣропріятія приносили свои плоды и окрыляли надежды на будущее. Когда профессоръ Гаддъ, въ 1752 г., привѣтствовалъ короля Адольфа-Фридриха въ Або, отъ имени академіи, то выразилъ увѣренность, что Финляндія въ скоромъ времени въ богатствѣ въ состояніи будетъ сравниться съ Голландіей. Подобныя свѣтлыя ожиданія не разъ замѣчались въ экономическихъ статьяхъ.

Жизненная философія времени свободы стремилась пріятнымъ образомъ выдвинуть все полезное (utile dulci). Воспитаніе гражданина для плодотворнаго труда являлось высшей задачей какъ науки, такъ и общества.

Густавъ III часто, какъ это практиковалось и ранѣе, въ періодъ свободы, издавалъ мѣстныя экономическія постановленія, касавшіяся одной Финляндіи. Онъ стремился прочнѣе сплотить эту восточную окраину съ остальными частями своего королевства, зная, насколько финны оставались недовольны шведскимъ правительствомъ.

Правительство, въ началѣ 1770 г., съ разныхъ сторонъ получало представленія, въ которыхъ указывалось на необходи-

ГОРОДЪ УЛЕОБОРГЪ.

мость для Финляндіи окончательнаго размежеванія общинъ, основанія новыхъ городовъ, улучшенія путей сообщеній, раздѣленія губерній, учрежденія новыхъ судебныхъ установленій и т. д. Все это король внесъ въ свою программу.

При посѣщеніи Финляндіи, король въ 1775 г. въ Або издалъ указъ о размежеваніи въ Финляндіи. Этимъ указомъ рѣшенъ былъ важный принципіальный вопросъ. До тѣхъ поръ пространныя лѣсныя мѣстности и пустыри находились въ рукахъ поселянъ. Деревни и кирхшпили въ Эстерботніи, Саволаксѣ и Кареліи владѣли выгонами въ размѣрахъ, далеко превосходившихъ дѣйствительныя ихъ потребности. Чтобы облегчить воздѣлываніе земли и постройку жилища, въ новое межевое постановленіе внесено было мнѣніе правительства, существовавшее со времени

Густава Вазы, что обширные дальные выгоны принадлежатъ казнѣ. Вообще межеваніе (storskifte) принесло огромную пользу краю, и Густавъ III не безъ основанія считалъ раздѣленіе поземельной собственности главнымъ условіемъ экономическаго развитія Финляндіи. Производилось оно комиссіями, въ составъ которыхъ входили представители отъ обывателей кирхшпиля и землемѣровъ.

Чтобы побудить жителей Саволакса и Кареліи «заниматься землепашествомъ и луговодствомъ», даровано было полное освобожденіе отъ податей тѣмъ изъ нихъ, которые воздѣлывали новыя «постоянныя» поля, а за новые постоянные луга оброкъ уменьшался на половину. Новоселовъ же, по тому же указу, освобождали отъ податей на 15 и даже 20 лѣтъ.

На риксдагѣ 1786 г. Густавъ III сообщилъ, что благодаря возникшему землепашеству въ пустыряхъ создалось до 2.000 новыхъ хозяйствъ. На риксдагѣ 1800 г. Густавъ-Адольфъ считалъ, что Финляндія обогатилась въ теченіе двадцати лѣтъ (съ 1777 по 1797 г.г.) двумя тысячами новооброчными манталами.

Министръ Финансовъ, графъ Іоганъ Лильенкранцъ, при учрежденіи новыхъ городовъ, старался предоставить ихъ жителямъ право «свободно производить всякую торговлю и заниматься фабричной и ремесленной дѣятельностю». Система Лильенкранца впервые примѣнена была къ Таммерфорсу въ 1779 г. Жители города получали право производить всякую торговлю, всякій фабричный и ремесленный промыслъ, которымъ они обучались, независимо отъ старыхъ постановленій и цеховыхъ уставовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ освобождали отъ податей на 20 лѣтъ. Подобнымъ же образомъ создались Куопіо въ 1782 г. и Каскё въ 1785 г. Посадъ Гейнола возникъ въ 1779 г. съ льготами лишь для ремесленниковъ. Въ 1780 г. Тавастгусъ перенесенъ былъ на другое мѣсто и ему даровано было 20 льготныхъ лѣтъ.

Фабричное производство Финляндіи въ то время не процвѣтало. Началась разработка лишь нѣкоторыхъ новыхъ желѣзныхъ рудъ. Устроены были желѣзные заводы въ 1795 г. въ Маріефорсѣ и въ 1798 г. въ Эстермюра (Östermyra).

Мореходство, а въ связи съ нимъ и судостроительство, быстро подвигалось впередъ. Стапельная льгота Эстерботнійскихъ городовъ утверждена была въ 1777 г.

Полезныя мѣропріятія времени Густава III вызвали въ Финляндіи значительный интересъ къ земледѣлію. Больше чѣмъ прежде

привилегированныя лица, особенно чиновники, стали посвящать себя этой дѣятельности. Между ландсгевдингами (губернаторами) замѣчалось соревнованіе въ дѣлѣ поднятія земледѣлія. Стоимость имѣній возросла, а цѣна на жито обычно поддерживалась закупками казны для ея магазиновъ. Всюду земледѣльцы жаловались на недостатокъ рабочихъ рукъ. Въ то же время слышалось недовольство на медленность межеванія [63]).

Тунельдъ въ своей географіи 1794 г. опредѣляетъ вывозъ изъ Финляндіи въ 45.000 бочекъ (среднимъ числомъ) ежегодно.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ начало XIX столѣтія.

А Портанъ считаетъ, что вывозъ 1795 г. достигъ даже до 150.000 бочекъ.

Первый таможенный тарифъ Швеціи относится къ 1667 г. Онъ составленъ былъ въ духѣ меркантилизма, который долго господствовалъ въ королевствѣ. Къ концу XVIII в. меркантилизмъ съ строго покровительственными тарифами снова возобладалъ. Доходы отъ таможенныхъ пошлинъ были очень незначительны.

Водка стала извѣстной въ Финляндіи съ конца XV ст. Туземное ея производство началось въ XVI ст. Такъ какъ не существовало запрещенія курить вино въ уѣздѣ, то оно начало распространяться и въ селахъ. Первыя ограниченія права винокуренія установлены въ началѣ XVIII в. Винокуреніе сдѣлалось объектомъ обложенія. Въ 1775 г. Густавъ III объявилъ винокуреніе регальнымъ правомъ казны. Винокуреніе сдавалось съ торговъ, по округамъ, въ аренду на 10 лѣтъ. Разсчеты на круп-

*

ную прибыль не оправдались и казна начала сама курить вино. Результаты также оказались плохими. Продажа водки шла вяло и дошло до того, что правительство приказало губернаторамъ убѣждать населеніе покупать и пить какъ можно больше! [64])

Появилось тайное винокуреніе и связанное съ нимъ судебное преслѣдованіе. Все это вызывало неудовольствія и на риксдагѣ 1778 г. сословія добивались права каждому землевладѣльцу курить вино для собственнаго употребленія, но Густавъ на это не согласился.

Въ 1787 г. винокуреніе предоставили владѣльцамъ гейматовъ, подъ извѣстными условіями.

Корчмы и гостинницы очень рано сдѣлались въ Финляндіи объектомъ законодательной регламентаціи. Законъ желалъ оградить обывателей отъ насильственнаго постоя и вторженія въ частныя жилища. Поэтому предписывалось въ уѣздахъ и на большихъ общественныхъ дорогахъ устраивать постоялые дворы или ямскія станціи, на которыхъ проѣзжимъ давались ночлегъ, ѣда и средства къ передвиженію (skjuts). Эти станціи назывались гастгеберами или гастгеберскими дворами. Они содержались лишь на большихъ трактахъ и подчинены были высшему надзору ландсгевдинговъ.

Въ половинѣ XVI ст. въ Швеціи были учреждены и «государственный генеральный почтмейстеръ», и «почтовые носильщики», которые содержались крестьянами на разстояніи 2—3 миль другъ отъ друга. Они носили гербъ на груди, имѣли почтовый рожокъ, копье или алебарду. Первоначально они ходили пѣшкомъ. Затѣмъ появились конные почтальоны [65]).

Въ старину врачебное искусство тѣсно было связано съ аптечнымъ дѣломъ. Первоначально врачъ являлся обыкновенно аптекаремъ. Первые аптекари въ Швеціи и Финляндіи были нѣмцы, они странствовали по странѣ; къ нимъ обращались за совѣтами и лекарствами.—Аптечный регламентъ изданъ въ 1799 г.

На основаніи регламента шведской коммерцъ - коллегіи (27 мая) 1782 г. евреямъ было воспрещено пріѣзжать или селиться въ Финляндіи.

Экономическіе успѣхи замѣтно подняли благосостояніе прибрежныхъ жителей.—Наиболѣе поднялись Або и Гельсингфорсъ, вслѣдствіе торговаго обмѣна въ нихъ разныхъ цѣнностей.

Здѣсь же наиболѣе почувствовалась нужда въ дешевомъ и и доступномъ кредитѣ.

На скандинавскомъ сѣверѣ давно укоренилась мѣдная валюта. — Въ 1776 г. ее замѣнило серебро, рядомъ съ которымъ выпускалось и золото. Преобладавшей монетной единицей явился серебряный риксдалеръ (въ 48 шиллинговъ). Его стали вытѣснять изъ обращенія банковые билеты, а также облигаціи конторы государственныхъ долговъ. Въ финансовой системѣ чувствовалась путаница вслѣдствіе того, что въ обращеніи находились три рода риксдалеровъ: специе-риксдалеръ, такъ-называемый банко-риксдалеръ и государственно-долговой риксдалеръ. Номинально они считались въ одной цѣнѣ, но фактически курсъ на нихъ былъ различенъ. Эта неурядица особенно давала себя знать въ Финляндіи, которая въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ оставалась отрѣзанной отъ метрополіи [66]).

Въ административномъ отношеніи Финляндія раздѣлялась на лены или губерніи; во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ ландсгевдингъ или губернаторъ. Согласно инструкціи (1687, 1723 и 1734 г.г.),—изъ которыхъ послѣдняя дѣйствовала болѣе 150 лѣтъ (до 1894 г.),—на него возлагалось наблюденіе за исполненіемъ во всемъ законности, онъ обязанъ былъ способствовать развитію земледѣлія и сельскаго хозяйства, онъ слѣдилъ за мантальной перепиской, поддерживалъ во всемъ интересъ короля и пр. Ему подчинены были бургомистры въ городахъ, коронные фохты (исправники) и ленсмана (земскіе полицейскіе чиновники) въ селахъ и деревняхъ.

Въ 1785 г. въ шведской Финляндіи считалось около 680.000 жителей. О ростѣ населенія свидѣтельствуютъ слѣдующія статистическія данныя:

Въ 1750 г.—въ Финляндіи было . . .	421.537 ч.
» 1760 » » » »	491.067 »
» 1770 » » » »	560.984 »
» 1780 » » » »	663.887 »
» 1790 » » » »	705.623 »
» 1800 » » » »	832.659 »

Университетъ въ Або продолжалъ оставаться центромъ, гдѣ производилась планомѣрная работа на пользу края.

Вступленіе на престолъ Густава IV Адольфа дало новый толчокъ экономическимъ стремленіямъ Финляндіи. Когда онъ незадолго передъ тѣмъ посѣтилъ Або, профессоръ Тенгстрёмъ отъ имени университета привѣтствовалъ его въ 1796 г. рѣчью, въ которой говорилъ, что Финляндія, благодаря предыдущему про-

должительному миру, достигла такого благосостоянія, что крестьяне, по окончаніи послѣдней войны, не просили, какъ прежде, и не нуждались въ какомъ-либо облегченіи по взносу обычныхъ податей.

Экономическая литература на финскомъ языкѣ по прежнему была скудна. Финскіе календари продолжали издаваться шведской научной академіей и содержали въ себѣ неизмѣнно экономическія статьи въ очень плохомъ переводѣ.

Въ 1797 г. состоялось учрежденіе Экономическаго общества въ Або, принесшаго очень существенную пользу Финляндіи. Его дѣятельность не ограничилась областью земледѣлія, сельскаго хозяйства и промышленности. Это общество положило начало дисконтному банку, заботилось о прививкѣ оспы, о народныхъ школахъ, скотоводствѣ и рыболовствѣ; впослѣдствіи оно основало Мустіальскій земледѣльческій институтъ и проявило не малую заботу въ дѣлѣ распространенія по краю картофеля.

«Послѣ Померанской войны (1762 г.) финскіе солдаты въ своихъ ранцахъ принесли картофель, который съ тѣхъ поръ понемногу стали разводить въ Финляндіи».—Такъ разсказывалъ З. Топеліусъ о распространеніи картофеля въ Финляндіи въ своей книгѣ Bokon om Vårt Land. Его версія пользовалась широкой извѣстностью. Однако мы ее принять не можемъ, ибо знаемъ, что еще въ 1752 г. губернаторъ Норденшельдъ писалъ въ своемъ отчетѣ: «Я посадилъ довольно много картофелю, котораго въ округѣ (Ловизѣ) болѣе не имѣлось для посадки, но котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ ввезли сюда многими бочками на казенный счетъ, для раздачи и посѣва» [67]).

Въ теченіе XVIII столѣтія общій умственный уровень края замѣтно поднялся. Обученіе народа попрежнему сосредоточивалось преимущественно въ рукахъ духовенства.

Въ XVII вѣкѣ пріемъ въ школу сопровождался особой церемоніей. Новички приходили къ ректору, имъ выдавали бѣлое одѣяніе, на голову возлагали вѣнокъ, въ руку давали раскрашенную палку. Затѣмъ ихъ вели въ школу, гдѣ одинъ изъ учениковъ старшаго класса изображалъ епископа, съ митрой и посохомъ. Новички становились передъ нимъ на колѣни, а онъ читалъ надъ ними латинскую молитву. Другой ученикъ, изображавшій пробста, трижды ударялъ каждаго новичка молоткомъ

по головѣ, произнося по латыни фразу о тупости поступавшаго, которую можно было исправить съ помощью святой Троицы. Затѣмъ говорилъ латинскую рѣчь ректоръ, и новичковъ вели въ церковь.

Эта церемонія просуществовала до середины XVIII столѣтія.

Занятія въ школахъ XVIII вѣка начинались въ 5 часовъ утра. За неимѣніемъ прислуги, порядокъ и чистоту въ помѣщеніи поддерживали ученики перваго класса. Ученики старшаго класса наблюдали за порядкомъ въ отсутствіи учителя. Старшіе начальники вообще жестоко обращались съ младшими, и этотъ «пеннализмъ» просуществовалъ до конца столѣтія.

Первый часъ уходилъ на спѣвки, пѣлись псалмы. Дисциплина поддерживалась тѣлесными наказаніями, плетью, а также карцеромъ. Плеть состояла изъ гибкихъ березовыхъ прутьевъ, связанныхъ въ пучокъ.

Учителями въ травіальныхъ школахъ состояли: ректоръ, конректоръ, два коллеги и апологистъ. Жалованье давалось преимущественно натурой—хлѣбомъ. Школьники въ вакантное время, по двое, обходили приходы крестьянъ, собирая подарки, т. е. деньги, съѣстные припасы и матеріи. Кажется, иногда дѣло не обходилось безъ насилія, ибо вообще школьники вели себя «отвратительно».—Правительство запретило подобные обходы, но они тѣмъ не менѣе производились до конца XVIII столѣтія.

По воскресеньямъ учениковъ собирали въ школы къ 9 часамъ утра, оттуда ихъ вели въ кирку, для слушанія проповѣди. По окончаніи ея, учениковъ вновь отводили въ школу, гдѣ ихъ спрашивали содержаніе прослушанной проповѣди.

Изъ разсказовъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, намъ извѣстно, что университетъ въ Або насчитывалъ до 500 студентовъ. Плохой двухъэтажный домъ совершенно не соотвѣтствовалъ достоинству этого учебнаго заведенія (1759 г.). Въ отдѣльномъ каменномъ домѣ помѣщалась Laboratorium Chymicum [68]).

Занятія дѣлились на два семестра. Преподавались право, медицина, латинскій и французскій языки. По одной теологіи университетъ имѣлъ трехъ профессоровъ, по философіи—девять.

При университетѣ состоялъ еще музыкальный директоръ, три преподавателя изящныхъ искусствъ, одинъ—фехтованія, танцевъ. Имѣлось четыре ботаническихъ сада [69]).

Условія времени едва ли особенно благопріятствовали ученымъ работамъ. Содержаніе университетскихъ преподавателей было

скудное. Тѣмъ не менѣе періодъ Густава отмѣченъ наибольшимъ развитіемъ научныхъ знаній и вліяніемъ ихъ на жизнь общества.

Между профессорами шведскаго и финскаго происхожденій всегда господствовала старая ревность. Послѣдніе всегда жаловались на притѣсненіе.

Клеркъ отдаетъ Абоской академіи преимущество передъ Упсальскимъ университетомъ, находя въ послѣднемъ болѣе распу-

УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ АБО (второе зданіе направо, а первое—лабораторія).

щенности и якобинскихъ воззрѣній, а въ первомъ—миръ и дисциплину.

Пріемъ въ число студентовъ въ XVII и въ началѣ XVIII ст. былъ обставленъ рядомъ своеобразныхъ церемоній. Liber studios'ы злоупотребляли спиртными напитками. На праздникахъ корпорацій вино и пиво уничтожалось бочками. Гдѣ студенты, тамъ не обходилось безъ дракъ и дебошей, чему способствовали многочисленные кабаки и пивныя. Парики и шпаги у студентовъ вышли изъ употребленія уже въ началѣ XVIII ст.

Лучшимъ украшеніемъ университета за все XVIII столѣтіе былъ Генрихъ Габріель Портанъ (1739 –1804 г.), родившійся въ Таваступской губерніи. Подобно нашему М. В. Ломоносову и вообще всѣмъ выдающимся лицамъ, жившимъ на зарѣ культурной жизни того или другого народа, Портану, въ силу необходимости,

пришлось быть энциклопедистомъ и излагать своей аудиторіи все, начиная съ древнихъ классическихъ языковъ и кончая археологіей и нумизматикой. — Разъ въ недѣлю онъ, руководствуясь газетами, пояснялъ студентамъ заграничныя событія и такимъ образомъ вводилъ ихъ въ кругъ интересовъ обще-европейской жизни. Портанъ первый изъ ученыхъ абоскаго университета отдался изученію финской народной поэзіи, особенностей финской народности и финской старины и своими трудами много содѣйствовалъ развитію финской исторіи, географіи и языка. Онъ же обратилъ вниманіе на сравнительное изученіе финско-угрскаго языка. Это былъ страстный патріотъ, охваченный «маніей» ко всему финскому. Своими трудами онъ поднялъ дремавшее національное чувство.

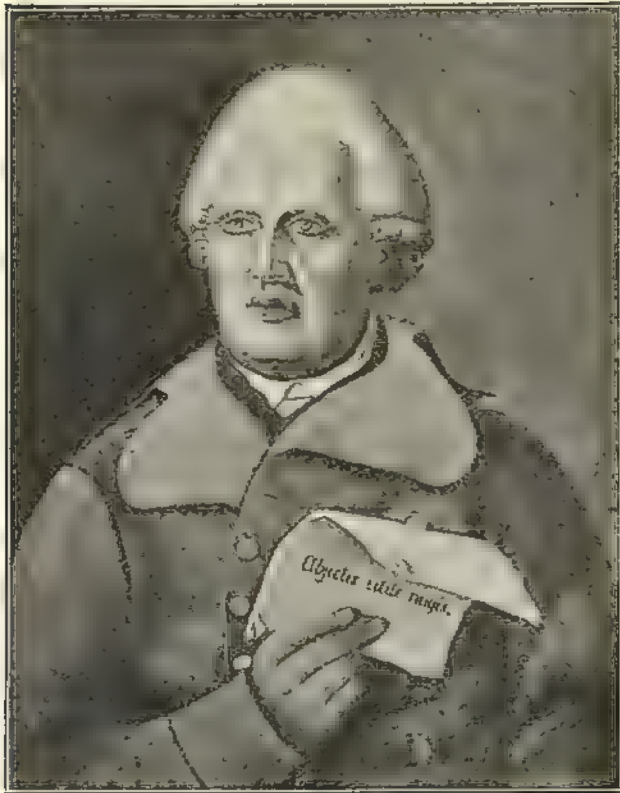
Портанъ постоянно указывалъ на родину, Финляндію, какъ на объектъ изслѣдованія; онъ находилъ, что ея языкъ, народъ, природа, нравы, ея судьбы, однимъ словомъ—всѣ ея особенности достойны научной обработки и любовной защиты со стороны ея собственныхъ сыновъ [70]).

Въ 1795 г. (19 марта) Портанъ писалъ Калоніусу: «Я получилъ отъ путешествующаго по Россіи добраго механика горнаго совѣтника Нордберга забавное письмо, въ которомъ говорится, что я могу черезъ Pallas'а получить отъ русской императрицы прогонныя деньги, если пожелаю посѣтить живущихъ въ Русскомъ государствѣ различныя племена финской націи, для изученія ихъ рода, общности ихъ языка, нравовъ и пр. Но я очень благодаренъ за подобную комиссію. Еслибъ я въ молодые годы имѣлъ случай получить такую поддержку, я, пожалуй, поддался бы искушенію воспользоваться ею; теперь же я къ Россіи и ко всему, что до нея касается, питаю такой страхъ, что не имѣю охоты ѣхать даже въ Петербургъ,—куда меня часто приглашаютъ многіе изъ моихъ бывшихъ учениковъ,—не только пуститься въ глубь земли этихъ варваровъ. Но всетаки я желалъ бы, чтобы кто-нибудь изъ молодыхъ способныхъ людей совершилъ эту поѣздку, прежде чѣмъ всѣ различныя племена будутъ совершенно слиты съ Россіей» [71]).

Портанъ—отецъ финской исторіи. Онъ издалъ хронику о финляндскихъ епископахъ (Pauli Juusten Chronicon episcoporum finlandensium, annotationibus et sylloge monumentorum illustratum), снабдивъ ее примѣчаніями. Этимъ трудомъ положено было основаніе финляндской исторіографіи. Благодаря ему, Европа впервые

получила опредѣленныя свѣдѣнія о Финляндіи. Его трудами пользовался Шлоссеръ.

Портанъ видѣлъ зависимость Финляндіи отъ Швеціи въ научной области и въ то же время предчувствовалъ, что поднявшаяся историческая волна должна ихъ разъединить, и Финляндія, въ силу географическихъ условій, должна принадлежать Россіи. Но, тѣмъ не менѣе, онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ Г. М. Спренгтпортена.

ПРОФ. ПОРТАНЪ.

Габріель Лагусъ замѣчаетъ, что стремленія Портана содержали въ себѣ оппозицію Швеціи, которая безусловно вспыхнула бы, даже еслибъ Финляндія не была отдѣлена отъ метрополіи, но этого Портанъ самъ не предчувствовалъ. «Нашъ народъ ненавидитъ русскихъ и ихъ покровительство» [72]).

Портанъ былъ дитя просвѣтительнаго вѣка. Такимъ онъ и остался. Будучи усерднымъ защитникомъ свободы печати, онъ возмущался всякимъ ея ограниченіемъ. Особенно его озлобляло, когда правительство цензурными распоряженіями старалось охранять чистоту евангельскаго ученія, въ интересахъ духовенства. «Кто отецъ варварскаго циркуляра духовному капитулу относительно сохраненія стараго правовѣрія (ortodoxin)? спрашиваетъ Портанъ и характеризуетъ этотъ циркуляръ, какъ позоръ вѣка». Вообще Портанъ не былъ поклонникомъ богословія. Въ 1796 г. Портанъ писалъ Калопіусу: «Смѣшно, что не стыдятся говорить о свободѣ печати, когда даже всякій призракъ ея отнимается у націи. Если называть свободой печати право восхвалять, то въ такомъ случаѣ она имѣется и въ Россіи» [73]).

Изъ молодыхъ ученыхъ, примкнувшимъ къ Портану, извѣстенъ К. Ганандеръ (1741—1790), выработавшій, по матеріалу Портана, финскую и шведскую миѳологію.

Самостоятельное мѣсто среди ученыхъ того времени занялъ Яковъ Тенгстрёмъ (1755—1832) своими историческими работами,

которыя по округленности изложенія далеко превзошли труды Портана.

Лучшимъ представителемъ въ области права оказался Матіасъ Калоніусъ (1737—1817). Онъ занялъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ среди юристовъ сѣвера какъ своими основательными познаніями, особенно въ римскомъ правѣ, такъ и по умѣнью преподавать свой предметъ. Онъ замѣтно расширилъ значеніе права, какъ науки, и содѣйствовалъ поднятію общаго уровня финляндскаго чиновничества.

Якову Гадолину принадлежитъ заслуга одного изъ ученыхъ, много потрудившихся надъ разработкой новѣйшей химической науки.

Среди учебныхъ заведеній Финляндіи конца XVIII ст. видное мѣсто занимаетъ военная школа въ Хапаніеми. Со дня своего возникновенія она была поставлена весьма раціонально и получила хорошій учительскій составъ, влагавшій душу въ порученное ему дѣло.

Исторія возникновенія военной школы не многосложна. Въ 1779 г. полковникъ Г. М. Спренгтпортенъ, командовавшій саволакской бригадой, подалъ королю докладную записку, прося его величество принять на счетъ казны кадетскую школу, которую онъ, Спренгтпортенъ, основалъ и нѣкоторое время содержалъ въ своемъ имѣніи Брахелинна. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ докладѣ излагалась польза перевода школы въ казенный геймать Хапаніеми, Рантасальмскаго прихода, и учрежденія ея штата изъ надзирателя, трехъ офицеровъ-руководителей, одного священника - законоучителя, преподавателя исторіи и географіи, учителя языковъ, фехтовальщика, 16 кадетъ и необходимаго числа прислуги.—Стоимость школы была исчислена въ 1.000 риксдалеровъ [74]).

ПРОФ. КАЛОНІУСЪ.

Король, «съ большимъ удовольствіемъ» узнавъ о «похвальномъ стараніи» полковника Спренгтпортена начать военное воспитаніе молодежи почти на свой счетъ, одобрилъ всѣ его предложенія 23 іюля 1779 г., и школа открыла свою дѣятельность первоначально въ единственномъ городѣ всего округа, Куопіо, пока въ

Хапаніеми возводились нужныя строенія. Первымъ начальникомъ школы былъ Мёллеръ, простоявшій во главѣ ея около двухъ десятилѣтій. Первый контингентъ учениковъ состоялъ почти исключительно изъ сыновей окрестныхъ дворянъ. Задача школы ограничивалась удовлетвореніемъ потребностей саволакской бригады.

МАІОРЪ МЁЛЛЕРЪ.

По прошествіи нѣкотораго времени, было установлено, что школа открыта не только для дворянскихъ юношей изъ Саволакса, но и изъ всей Финляндіи. Опредѣленнаго возраста для пріема кадетъ не было установлено, а говорилось лишь, что ни одинъ юноша не долженъ оставаться долѣе шести лѣтъ въ заведеніи. Постановленіе требовало, чтобы молодежь основательно была обучена: богословію и морали, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, фортификаціи, артиллеріи, черченію, французскому, нѣмецкому и прежде всего русскому языкамъ, верховой ѣздѣ, фехтованію и, наконецъ, «экзерциціи».

Учебный уставъ давалъ разумный совѣтъ «имѣть въ виду природныя наклонности молодежи, чтобъ каждый могъ получить болѣе основательное обученіе въ тѣхъ частяхъ, къ которымъ онъ болѣе способенъ и къ которымъ онъ отъ природы имѣетъ види-

ВОЕННАЯ ШКОЛА ВЪ ХАПАНІЕМИ.

мую наклонность». Далѣе въ наставленіи, между прочимъ, говорилось: «Должно обращать вниманіе на то, чтобы ни одинъ юноша не пристращался къ куренію табака, потому что такая привычка можетъ привести не только къ несчастію отъ неосто-

рожнаго обращенія съ огнемъ, . . . но и къ потерѣ времени и денегъ; куреніе, начатое въ молодыхъ годахъ, легко можетъ повести къ неряшеству, недопустимому военной дисциплиной . . .».

Занятіямъ въ школѣ удѣлялось ежедневно по 8 часовъ. Кромѣ ареста, никакія другія наказанія не допускались.

Началась война 1788—1790 г.г. Хотя Хапаніеми находился на разстояніи $2^1/_2$ миль отъ государственной границы, и ближайшіе бои происходили около Нейшлота, тѣмъ не менѣе школа была расформирована, и кадеты взяты на дѣйствительную службу.

По окончаніи войны, школу возобновили. Маіоръ Мёллеръ, узнавъ объ этомъ, оставилъ свою профессуру въ Стокгольмѣ и поспѣшилъ къ любимому дѣтищу. Съ новой энергіей онъ отдался воспитательной дѣятельности. Училище вновь открылось 10 окт. 1798 г. Въ этомъ же году оно было значительно расширено [75].

Въ наукѣ по прежнему царилъ латинскій языкъ. Въ остальныхъ областяхъ господствовалъ языкъ шведскій.

КАДЕТЪ 1780 г.

Шведская поэзія прочно обосновалась въ Финляндіи, особенно со времени появленія талантливаго доцента Іогана Генриха Чельгрена (Kellgren, 1751—1795), который въ старыхъ изданіяхъ опубликовалъ рядъ стихотвореній, обратившихъ на себя вниманіе и по благозвучію языка, и по изяществу формы. Его другъ и сослуживецъ по университету Авраамъ Никласъ Клевбергъ пріобрѣлъ извѣстность риторическими одами. Вскорѣ всѣхъ ихъ затмилъ своими пѣснями Михаилъ Францѐнъ (1772—1847). Отъ его произведеній повѣяло новымъ міромъ семьи, солнечнымъ свѣтомъ и веселымъ дѣтскимъ лепетомъ.

Литература на финскомъ языкѣ состояла исключительно изъ духовныхъ книгъ, сочиненій экономическаго характера и популярныхъ изданій.

Взамѣнъ схоластики стало выдвигаться естествознаніе.

На изданія, касавшіяся религіозныхъ темъ, существовалъ значительный запросъ, но онъ плохо удовлетворялся, вслѣдствіе

того, что издателями религіозныхъ книжекъ являлись обыкновенно шведы, плохо или совсѣмъ не знавшіе финскаго языка. Почему печатали, напримѣръ, положенія подобныя тому, что женщина создана для супружескаго несчастія. Финны просили защиты и вмѣшательства правительства въ это серьезное дѣло. Оно отозвалось, но мало. Вообще при Густавѣ III важныя постановленія относительно рѣдко переводились на финскій языкъ, хотя содержаніе главныхъ законовъ въ «періодъ свободы» принято было переводить на языкъ народной массы.

Типографское дѣло развивалось медленно; однако въ концѣ XVIII столѣтія было уже издано нѣсколько большихъ книгъ. Въ 1764 г. около Або была открыта первая писчебумажная фабрика.

Въ 1770 г. въ Або учреждено было общество любителей словесности Аврора (Aurora fôrbundet или sâllskapet), имѣвшее цѣлью возбужденіе интереса къ финскому языку и просвѣщенію финскаго народа.

Это общество, подобно многимъ литературнымъ обществамъ того времени, являлось тайнымъ орденомъ, почему его внутренняя жизнь мало извѣстна. Главнымъ учредителемъ какъ общества, такъ и газеты при немъ, повидимому былъ епископъ Меннандеръ. «Аврора» не была литературнымъ обществомъ въ обычномъ смыслѣ слова; ея задача состояла въ томъ, чтобы разными способами содѣйствовать всестороннему развитію Финляндіи. Его уставъ начинался красивымъ указаніемъ, что «любовь къ нашему отечеству и забота о чести Финляндіи дали поводъ къ учрежденію общества, въ дѣйствительной пользѣ котораго не можетъ быть никакого сомнѣнія». Общество «Аврора» прекратило свое существованіе около 1780 года.

Оно издавало «Вѣдомости» (1771—1778), которыя выходили подъ именемъ «Åbo tidningar» и «Åbo Tidning». Редакторомъ газеты долгое время состоялъ Портанъ. Но такъ какъ ея страницы наполнялись свѣдѣніями по исторіи и географіи Финляндіи, а также мелкими замѣтками, но не злободневнаго характера, то интереса она не возбуждала, хотя патріотическое ея направленіе не подлежало сомнѣнію. Дѣятельное участіе въ газетѣ, вмѣстѣ съ Портаномъ, принималъ Яковъ Тенгстрёмъ. Изданіе скоро прекратилось.

Въ 1776 г. пробстъ Антти Лизеліусъ началъ издавать листокъ на Финскомъ языкѣ (Suomen Kieliset Tieto Sanomat— Научныя извѣстія). Онъ интересовался преимущественно земле-

дѣліемъ и хозяйственными вопросами. Газета просуществовала только годъ, не возбудивъ къ себѣ интереса, несмотря на то, что національное направленіе замѣтно уже росло.

Духовная литература наполнялась преимущественно переводами.

Шведскій языкъ преобладалъ въ литературѣ, поэзіи, администраціи, школѣ и судѣ. Народъ, не понимавшій этого языка, терпѣлъ придирки и притѣсненія. «Когда подумаешь,—писалъ Портанъ въ 1796 г.,—сколько угнетенія, давленія и обмана переноситъ народъ отъ чиновниковъ, то не удивляешься, что для него господинъ и врагъ—равнозначущія понятія» [76]).

Одинъ изъ мѣстныхъ губернаторовъ (фонъ-Пальмбергъ) находилъ справедливымъ полное искорененіе финскаго языка; онъ допускалъ его только гдѣ-либо на границѣ съ Лапландіей.

Время Густава содѣйствовало подъему искусствъ, театральныхъ и музыкальныхъ обществъ. Интересъ къ изящнымъ искусствамъ выразился не столько въ настоящемъ творчествѣ, сколько въ стремленіи къ убранству домовъ красивой обстановкой и утварью. Родился сперва художественный диллетантизмъ. Появившіеся таланты, вродѣ ваятеля Эрика Кайнберга (1771—1816), жанроваго художника Александра Лауреуса (1783—1823) и портретиста Густава-Вильгельма Финберга (1784—1833), не находя достаточнаго поля дѣятельности въ Финляндіи, удалялись въ Швецію.

Имѣется основаніе предполагать, что въ то время, когда католическая западная Европа увлекалась религіозными мистеріями, эти церковныя представленія проникли и въ Финляндію.

Въ царствованіе Густава III Финляндія ознакомилась съ сценическимъ искусствомъ. Извѣстно, что въ 1783 г. въ Финляндію прибыла первая странствующая театральная труппа. Конечно, ее приходится признать чѣмъ-то вродѣ пародіи на современныя труппы. Ни талантами, ни костюмами, ни обстановкой она похвалиться не могла. Зрителями труппы являлась преимущественно немногочисленная молодежь. «Артисты» этихъ странствующихъ труппъ влачили самое жалкое существованіе. Свои представленія давали обыкновенно въ табачныхъ сараяхъ, помѣщавшихся вблизи города. Перекочевывали изъ города въ городъ на телѣгахъ, нагруженныхъ ихъ жалкимъ скарбомъ.

Активная музыкальная жизнь въ Финляндіи стала обнаруживаться въ самомъ концѣ столѣтія, по основаніи въ 1790 г. въ

Або «Музыкальнаго общества». Изъ концертовъ конца XVIII в. въ Або заслуживаетъ упоминанія тотъ, на которомъ (1797 г.) присутствовалъ, лежа въ постели, раненый Костюшко.

Положеніе духовенства, сдѣлавшееся впослѣдствіи столь завиднымъ въ Финляндіи, въ теченіе XVIII ст. не представляло особенно привлекательныхъ сторонъ.—Помѣстья ихъ (или бостели) были ограничены, дома малы. Пасторамъ самимъ приходилось заботиться о трудныхъ земледѣльческихъ работахъ, и вообще пропитаніе доставалось имъ не легко. Объѣзды приходовъ, для полученія жалованья, для оказанія помощи больнымъ, причащенія, насажденія грамотности и дисциплины отнимали много времени и представляли не мало трудностей.

Участіе финляндцевъ около середины XVIII в. (1756 г.) въ шведскихъ риксдагахъ было очень ограничено. Недворяне составляли отъ $1/7$ до $1/8$ всей численности депутатовъ, а дворяне, вѣроятно, $1/30$. Большихъ расходовъ требовали поѣздки въ Швецію на риксдаги; онѣ, впрочемъ, окупались сближеніемъ съ вліятельными властями и лицами, дававшими возможность получить лучшій приходъ или передать свой сыну или родственнику. Но въ XVIII ст. депутатскіе оклады достигли приличнаго размѣра, и пасторы добивались возможности попасть представителями на риксдагъ, гдѣ они, участвуя въ разныхъ комиссіяхъ, оказывали существенную пользу своему краю.

Помощники пасторовъ—капеланы—жили въ плохихъ строеніяхъ, часто въ избѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ съ кухней. Тяжелое и мало обезпеченное положеніе духовенства заставляло ихъ постоянно ходатайствовать на риксдагахъ объ облегченіи налоговъ, увеличеніи окладовъ, о дарованіи пасторскимъ усадьбамъ фрельзовыхъ правъ и т. п.

Одѣяніе пасторовъ,—первоначально длинная мантія, волочившаяся по землѣ,—мѣнялось исподволь, въ силу обычая. Обязательно носимая борода также уступила обычаю брить ее вмѣстѣ съ усами. Жены пасторовъ старались модничать наравнѣ съ состоятельными женщинами королевства.

Правительство стремилось къ тому, чтобы пасторы не вносили въ свои проповѣди политики и партійныхъ раздоровъ, въ виду того, что поученія ихъ иногда оказывали существенное вліяніе на проведеніе въ краѣ извѣстныхъ мѣропріятій.

Пасторы всегда интересовались практическимъ направленіемъ и экономическими вопросами и въ одно время, увлекаясь уче-

ніемъ Линнея, примѣшивали къ теологіи не мало естествознанія. Даже въ университетѣ ими защищались диссертаціи на тему о томъ, «что долженъ дѣлать пасторъ, чтобы улучшить хозяйство». Среди абоскихъ епископовъ были выдающіеся изслѣдователи природы. Духовенство работало надъ осушкой болотъ, углубленіемъ пороговъ, распространеніемъ картофеля и т. п. Многіе изъ пасторовъ, благодаря своимъ ораторскимъ способностямъ, принесли большую пользу дѣлу народнаго просвѣщенія. Настало затѣмъ время увлеченія идеями раціонализма, но населенію оно ничего хорошаго не принесло. Вообще же духовенство проявляло почтенную дѣятельность: пасторъ основалъ первую финскую газету, пасторъ собиралъ поэтическія сокровища финскаго народа, пасторы содѣйствовали ознакомленію съ собственной страной и народомъ.

Епархіальное начальство проявило замѣтную заботу о замѣщеніи вакансій въ приходахъ достойными кандидатами, умѣющими проповѣдывать слово Божіе, нравственно безупречными и чуждыми увлеченія спиртными напитками. Тѣмъ не менѣе находились, конечно, личности, которыя темными «стокгольмскими путями», при посредствѣ злата и сребра, пріобрѣтали себѣ пасторскія мѣста, роняя такимъ образомъ высокое званіе въ глазахъ народа. Пасторскія должности особенно охотно занимались шведами. При Густавѣ III предоставленіе пасторскихъ мѣстъ тому или другому лицу превратилось въ открытую торговлю. Они часто не знали языка народа, почему не принесли той пользы своей паствѣ, которую отъ нихъ ожидали и на которую были способны. Ихъ проповѣди представляли нерѣдко причудливую смѣсь шведскихъ, финскихъ и латинскихъ словъ (Talimodo, dilecti, klagar brudet ôfver....).

Вопросъ о религіозной свободѣ былъ впервые поднятъ на риксдагѣ въ 1778 г. Духовенство высказалось противъ нея, другія сословія ретиво отстаивали. Два года спустя изданъ былъ манифестъ о религіозной свободѣ, распространенный затѣмъ по Европѣ во французскомъ и латинскомъ переводахъ.

Въ сферахъ враждебныхъ церкви началъ распространяться піетизмъ, благодаря особенно двумъ братьямъ Эриксонамъ. Въ Эстерботніи сказалось мистико-религіозное направленіе, основаніе которому было положено нѣмецкимъ философомъ Яковомъ Бемомъ. Въ 1798 г. мистикъ Ев. Валленбергъ—человѣкъ безнравственной жизни—сталъ отрицать бракъ.

Нѣкоторое религіозное движеніе въ сѣверной части Сатакунты и въ южной Эстерботніи вызвала своими воодушевленными

проповѣдями крестьянка Анна Рогель. Раціоналистическое воззрѣніе запада проникло нѣсколько въ высшее сословіе и въ среду духовенства. Ученіе Руссо о превосходствѣ естественнаго состоянія человѣка имѣло своихъ приверженцевъ также и въ Финляндіи.

Въ разсматриваемый періодъ во всей Европѣ значительную роль играло массонство. Папа Климентъ XII предалъ его анаѳемѣ, инквизиція преслѣдовала его, но ничто не помогало. Принцы, правители, аристократы становились въ ряды его послѣдователей. Фридрихъ Великій, герцогъ Шартрскій (будущій Филиппъ Эгалите), Гельвецій, Вольтеръ, большинство будущихъ героевъ великой революціи—всѣ были членами разныхъ ложъ. Массонство совершало свое торжественное шествіе по Европѣ.

Въ Россію оно проникло ранѣе Екатерины II, умъ которой не выносилъ «массонныхъ глупостей». Утверждаютъ, что въ 1787 г. въ Россіи считалось до 145 ложъ. Гр. Р. Л. Воронцовъ, князья Голицыны, Апраксины, Трубецкіе, Сумароковъ, историкъ Болтинъ, ген. Меллиссино, Елагинъ, Новиковъ и др. считались массонами.

Наибольшей свободой и широкимъ покровительствомъ массонство пользовалось, кажется, въ Швеціи, гдѣ оно водворилось уже въ 1735 г., и гдѣ короли Адольфъ-Фридрихъ († 1771 г.), Густавъ IV и Карлъ XIII открыто содѣйствовали его распространенію. Послѣдній, будучи еще герцогомъ Зюдерманландскимъ, по ночамъ въ пустынномъ паркѣ совершалъ таинственныя заклинанія. Въ Швеціи массонство «славилось древностью и чистотою правилъ». Въ 1776 г. русскіе массоны завели сношенія съ массонами Стокгольма. Главная стокгольмская ложа посвятила въ высшія степени ордена кн. А. Б. Куракина и кн. И. С. Гагарина.

Въ Финляндіи массонство стало распространяться примѣрно съ 1756 г.—24 іюня этого года тамъ была учреждена ложа Св. Іоанна—Св. Августина, получившая свое названіе въ честь ген.-м., впослѣдствіи фельдмаршала, графа Августина Эренсверда (р. 1710, † 1772), извѣстнаго основателя крѣпости Свеаборга и шведской шхерной флотиліи. Ложа была учреждена родственной ложей въ Стокгольмѣ St. Jean Auxiliaire. Фактическая ея дѣятельность началась въ день Августина, т. е. 28 августа н. ст., 1758 г. въ городѣ Або. Первымъ ея предсѣдателемъ былъ ротмистръ коннаго лейбъ-гвардіи полка, впослѣдствіи гофмаршалъ, Іонъ Іеннингсъ (John Jennings, р. 1729 † 1773 г.). Въ 1762 г. дѣятельность ея

перенесена была въ Стокгольмъ. Ея мастеръ Іеннингсъ, участвовавшій въ риксдагѣ, въ качествѣ предсѣдателя ложи, имѣлъ право устраивать ея засѣданія по мѣсту своего нахожденія. Въ августѣ того же года ложа эта перенесла свою дѣятельность въ Гельсингфорсъ—быть можетъ въ виду основанія Свеаборга и расположеннаго тамъ военнаго начальства. Гроссмейстеромъ ложи въ Гельсингфорсѣ состоялъ ландсгевдингъ Нюландской и Тавастгуской губ. баронъ Гансъ Генрихъ Бойе. По его просьбѣ, старшины города Гельсингфорса предоставили старое помѣщеніе городскаго ратгауза для собраній массонской ложи, за ежегодную плату въ 100 далеровъ мѣдью.

Въ Гельсингфорсѣ происходили торжественныя празднества ложи въ теченіе 1763 и 1764 г.г., то въ день Іоанна Крестителя, то—Св. Августина. Но когда открытъ былъ слѣдующій риксдагъ въ Стокгольмѣ, въ январѣ 1765 г., на которомъ участвовали многіе члены ложи, дѣятельность ея снова пріостановилась въ Финляндіи и она перенесена была въ Стокгольмъ. Послѣ 1766 г. ложа вновь вернулась въ Гельсингфорсъ, и говорятъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ рыцарскій домъ, находился домъ массоновъ. Это было красное одноэтажное строеніе, имѣвшее нѣсколько таинственный видъ, вслѣдствіе того, что окна его постоянно были закрыты ставнями.

Около 1777 г. основана была въ Гельсингфорсѣ ложа Св. Андрея шотландскаго, подъ названіемъ Phoenix. Подобная же ложа существовала въ Стокгольмѣ съ 1767 г. О происхожденіи ея имѣется слѣдующее свѣдѣніе, почерпнутое изъ засѣданія Шведской Земельной Ложи въ Стокгольмѣ (апр. 1777 г.). «Рѣшено, что члены шотландской ложи Phoenix въ Стокгольмѣ распредѣлены будутъ между двумя ложами Св. Андрея L'innocente и Блестящая Звѣзда. Предсѣдатель герцогъ Карлъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что если обстоятельства потребуютъ, чтобъ въ Финляндіи учреждена была ложа Св. Андрея и братъ Бьёрнбергъ будетъ избранъ мастеромъ этой ложи, то она можетъ называться Phoenix'омъ, чтобъ такимъ образомъ, происшедшимъ соединеніемъ, это названіе не исчезло изъ дѣлъ шведскаго массонства. Въ числѣ шотландскихъ ложъ Св. Андрея въ Швеціи значилась также и ложа Phoenix въ Гельсингфорсѣ, подъ № 6. Эта ложа прекратила свою дѣятельность въ октябрѣ 1813 г.

Вскорѣ послѣ вышеупомянутаго рѣшенія 1777 г. мастеръ ордена, герцогъ Карлъ, въ засѣданіи Шведской Земельной ложи

(Svenska Landlogen) 2-го мая 1777 г., заявилъ, что онъ «выдалъ konstitutorial брату Толлю, который назначался надзирателемъ надъ ложами въ Сконіи, Финляндіи и Помераніи. Въ качествѣ генералъ-адъютанта Его Величества Толлю являлось удобнымъ посѣщать эти края.

Въ Або, повидимому, имѣлось въ виду учредить т. н. Стюартскую ложу (Stuartsloge). Разсказывали, что въ засѣданіи Большой Шведской Земельной ложи 20 января 1778 г. мастеръ ордена, герцогъ Карлъ, прочиталъ конституторіальныя письма (konstitutionsbref) капитулу въ Або, а также въ трехъ другихъ городахъ; письма содержали въ себѣ указанія на то, что упомянутые капитулы, или Стюартская ложа, будутъ состоять подъ надзоромъ большого капитула въ Стокгольмѣ, называемаго «L'Illuminé». Стюартской же ложѣ въ Або будутъ подчинены всѣ дѣйствующія въ Финляндіи ложи. Провинціальнымъ мастеромъ въ Финляндіи назначался президентъ furtherаго гофгерихта, баронъ Аксель Лейонхуввудъ. Между тѣмъ о дѣятельности Стюартской ложи въ Або нѣтъ никакихъ свѣдѣній, хотя считали за достовѣрное, что капитулы были учреждены какъ въ Финляндіи, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ и начальниками ихъ герцогъ Карлъ назначалъ способныхъ братьевъ-массоновъ.

Надзоръ за ложами въ Финляндіи герцогомъ Карломъ (въ 1777 г.) былъ порученъ графу Толлю. Надо полагать, что его замѣстилъ «высокопросвѣщенный братъ, Magister Templi сѣвернаго пріората IX провинціи», баронъ Бьёрнбергъ.

Массонство имѣло значительный успѣхъ въ Финляндіи, почему герцогъ Карлъ рѣшился воздвигнуть и освѣтить въ Гельсингфорсѣ новый храмъ темпліеровъ. Онъ тогда же, въ мартѣ 1786 г., вмѣсто Бьёрнберга, уполномочилъ «высокопросвѣщеннаго брата этого священнаго ордена Magister Templi и geraldicus magnus и великаго Guardian сѣвернаго пріората этой провинціи, брата Густава-Адольфа Рейтергольма, барона», въ качествѣ legatus a latere герцога Карла, имѣть надзоръ и слѣдить за дѣйствующими въ Великомъ Княжествѣ капитулами и ложами, при чемъ этой должности присвоены были тѣ же права и прерогативы, какими пользовался самъ гермейстеръ, герцогъ Карлъ.

На основаніи этой власти Рейтергольмъ имѣлъ нѣкоторое время надзоръ и попеченіе о дѣлахъ массонскаго ордена въ Финляндіи.

Къ числу массоновъ принадлежалъ также генералъ гр. Поссе— начальникъ войскъ въ Финляндіи.

Завоеванія массоновъ въ Финляндіи произведены были не безъ затрудненій.

Массонство, какъ и другія общества, выдѣлялись множествомъ знаковъ отличій, принадлежащихъ различнымъ степенямъ; этими знаками члены украшали себя во время празднествъ ордена.

15 марта 1803 года король Густавъ Адольфъ издалъ всѣмъ ландсгевдингамъ страны указъ, по которому, за исключеніемъ массонскаго ордена, находившагося подъ непосредственнымъ покровительствомъ самого короля, всѣмъ орденскимъ обществамъ, подъ угрозою роспуска ордена, приказано было представить на разсмотрѣніе и окончательное одобреніе свои клятвенные и обязательные формуляры, а также отчетъ о цѣли общества. Слѣдствіемъ сего было то, что большинство этихъ обществъ прекратили свое существованіе. Но тѣмъ не менѣе массонскій орденъ продолжалъ свою дѣятельность какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи, здѣсь,— даже еще нѣсколько лѣтъ послѣ ея отдѣленія отъ Швеціи. Однако послѣ этого отдѣленія дѣятельность ордена въ Финляндіи весьма ослабѣла, потому что она уже не имѣла сношеній съ ложами въ Швеціи, а въ царствованіе Императора Николая I окончательно запрещено было массонство въ 1826 г. [77]).

Профессоръ Лагусъ говоритъ, что «самосознаніе Финляндіи въ XVIII столѣтіи не было плодомъ какихъ либо особенныхъ политическихъ событій и вызванныхъ вслѣдствіе этого неудовольствій настоящимъ положеніемъ или желаніемъ какихъ-нибудь сильныхъ захватовъ, а также оно не родилось вслѣдствіе военныхъ призывовъ, исходившихъ отъ частнаго лица или партіи, которыя, по указанію исторіи, предложили націи собраться вокругъ своего знамени. Развитіе этого самосознанія отражаетъ культурно-историческій, а не политическій интересъ, это—ровный, непрерывный тихій трудъ на благо родины и для пріобѣтенія большей ясности наличныхъ формъ національной жизни, изъ которой возростала все болѣе горячая любовь къ особой финской землѣ. Инстинктивное чувство къ родинѣ, прирожденное всѣмъ народамъ, постепенно перешло, подъ вліяніемъ матеріальнаго и идеальнаго труда, въ болѣе высокое и болѣе историческое чувство— въ патріотизмъ; провинція Финляндія становилась въ сознаніи ея сыновъ все болѣе дѣйствительной родиной. Этому развитію общественнаго мнѣнія, самому прекрасному въ нашей исторіи

XVIII вѣка, благопріятствовали обстоятельства. Тогда, когда предыдущее столѣтіе дѣлило свои интересы между теологическими и религіозными вопросами и тѣмъ, что происходило на поляхъ брани, XVIII столѣтіе выставило другіе идеалы, отчасти имѣвшіе свои корни въ общемъ теченіи идей того времени, которыя все выше стали подымать мирныя занятія, а отчасти въ упавшемъ престижѣ шведскаго и финскаго оружій. Преимущественное экономическое и историческое направленіе, которое науки по этимъ причинамъ приняли въ Финляндіи, возбудило въ молодомъ образованномъ поколѣніи опредѣленную охоту посвящать свое вниманіе родной странѣ и переживаемой тамъ жизни [78]).

IV.

Разрывъ. Воинственный планъ Густава III.

Вступленіе на шведскій престолъ, въ февралѣ 1771 г., Густава III нѣсколько обезпокоило Екатерину II. Предчувствіе не обмануло ее. Голова ея вновь коронованнаго двоюроднаго брата была богата проектами; энергія, боевые порывы и огромное честолюбіе переливались въ его крови.

ЕКАТЕРИНА II.

ГУСТАВЪ III.

Произведя государственный переворотъ (1772), Густавъ долго не могъ рѣшить, съ кѣмъ изъ своихъ сосѣдей—Даніей или Россіей—начать войну [73]). Съ теченіемъ времени, онъ чаще и чаще сталъ мечтать о завоеваніи отнятыхъ у Швеціи Петромъ Великимъ и Елизаветой Петровной провинцій и о возстановленіи утеряннаго международнаго положенія. Король горѣлъ желаніемъ вернуть Швеціи ея славное прошлое и своимъ царствованіемъ напомнить время Густава-Адольфа. Первые счастливые шаги сдѣлали Густава III кумиромъ народа, но обстоятельства скоро столкнули его съ этого лучшаго пьедестала. Раненое самолюбіе побуждало обрѣсти новые пути къ возвышенію. Онъ понималъ, что къ намѣченной высокой цѣли ведутъ два пути: одинъ путь—общественныхъ реформъ, бережливости, жертвъ; другой—военной славы. Первый путь долгій и тернистый, второй—блестящій, скорый и громкій. Французское воспитаніе и природный складъ характера порывисто толкали его руку къ мечу. Путемъ боевыхъ подвиговъ онъ разсчитывалъ быстро увѣнчать себя лаврами и народнымъ расположеніемъ.

Россія не давала ему покоя. Она росла въ послѣднее время также за счетъ Швеціи, она вырвала у Скандинавіи гегемонію на сѣверѣ; по слѣдамъ отступающихъ дружинъ Карловъ и Густавовъ она вошла въ Европу. Не въ характерѣ Густава было исполнять вторую роль среди европейскихъ государей и потому уже въ запискѣ его, относящейся къ 1775 г., говорилось: «Все клонится къ войнѣ въ настоящемъ или въ будущемъ году: необходимо, не теряя ни одной минуты, готовиться къ борьбѣ. Чтобъ окончить возможно скорѣе такую войну, я намѣренъ всѣми силами напасть на Петербургъ и принудить такимъ образомъ Императрицу къ заключенію мира».

Начиная съ 1783—1784 гг., когда порвались дружественныя его отношенія съ Екатериной II, искры недовольства стали показываться то въ Стокгольмѣ, то въ Петербургѣ. Рѣзкіе отзывы о Густавѣ замелькали въ письмахъ Екатерины. Король, обуреваемый жаждой славы, собирался тогда напасть на Данію и, для обезпеченія успѣха, старался поднять Турцію на Россію. Онъ зналъ, что такіе шаги не забываются сосѣдними государствами и ему постоянно грезилось, что Россія выжидаетъ лишь случая, чтобы унизить и раздавить его. Неувѣренность въ прочности своего трона и въ сохраненіи захваченныхъ переворотомъ 1772 г. правъ побуждала его работать надъ планомъ борьбы и особенно—надъ планомъ внезапнаго нападенія на сосѣда. Уже въ 1780 г. Швеція затратила огромныя суммы на сооруженіе флота, что сильно обезпокоивало честнаго адмирала К. Эренсверда, который относился отрицательно къ завоевательнымъ стремленіямъ короля. Надъ флотомъ трудились во всѣхъ гаваняхъ Финляндіи и Швеціи [80]).

Не проходитъ затѣмъ года безъ тревогъ и опасеній. Густавъ заграницей заботливо подготовлялъ свои наступательные планы. Дружба «съ сестрой-кузиной и сосѣдкой» замѣтно обрывалась.

Въ 1784 году воинственные замыслы Густава заставляютъ русское правительство крѣпко подумать объ охраненіи границъ Финляндіи въ виду того, что весной этого года король обозрѣлъ тамъ войска и крѣпости, а, по договору съ Франціей, Людовикъ XVI обѣщалъ, при приведеніи Швеціи въ оборонительное состояніе, уплатить, сверхъ ежегодныхъ пособій, еще 6 мил. ливровъ.

Въ апрѣлѣ 1784 г. Аркадій Ивановичъ Морковъ (1747—1827) видѣлся съ Густавомъ III въ Италіи.—Оригинальное свиданіе и бесѣда состоялись въ одномъ изъ придѣловъ или часовенъ храма св. Петра, за занавѣсомъ, гдѣ они оставались незамѣчен-

ными. Морковъ предложилъ королю разорвать, заключенный до него, наступательный и оборонительный союзъ съ Турціей. Густавъ же, имѣя виды на Данію, желалъ, чтобы Россія отказалась отъ союза съ нею.—Морковъ не принялъ его условій, Густавъ остался вѣренъ Турціи.

Во время бесѣды король запальчиво заявилъ, что онъ можетъ быть, если не полезнымъ другомъ, то по крайней мѣрѣ безпокойнымъ непріятелемъ, и что отъ шведской границы не такъ далеко до Петербурга. Морковъ отвѣтилъ: также далеко какъ отъ русской границы до Або.

— Я съ вами согласенъ, но и вы должны согласиться, что вѣдь Петербургъ важнѣе Або.

— Правда, государь, но я полагаю, что онъ не такъ доступенъ.

— На это нельзя разсчитывать; могутъ представиться обстоятельства, когда доступность сдѣлается почти одинаковою.

— Но, говоря откровенно, неужели ваше величество разсчитываете на такія обстоятельства, которыя позволятъ вамъ подойти къ Петербургу безъ необходимости оглядываться назадъ?

Это укололо Густава, такъ какъ Морковъ намекалъ на шведскую аристократію.

Бесѣда длилась два часа подъ сводами знаменитаго храма. Стороны разошлись недовольныя другъ другомъ. Разставаясь, король сказалъ, что ѣдетъ въ Парижъ, т. е. что болѣе въ союзѣ Екатерины не нуждается.

Послѣдствія этого свиданія отразились въ инструкціи, данной Моркову: «Двоякость, притворство, злоумышленія шведскаго короля противу сосѣдей обнажены его разговорами съ вами въ Римѣ»... Моркову надлежало поэтому возродить въ Стокгольмѣ русскую партію и попытаться отдалить короля отъ націи. Въ инструкціи чувствовалось острое недовольство Екатерины. Электричество войны накапливалось.

Сношенія со Швеціей пріобрѣтали особое значеніе. Въ Стокгольмѣ А. И. Моркова опасались болѣе нежели представителей другихъ державъ. Онъ не былъ склоненъ къ заискиваніямъ и уступкамъ. Однажды Густавъ, показывая ему свой великолѣпный дворецъ, сказалъ, указывая на шведскіе трофеи: «Вотъ русскія знамена, отбитыя при Петрѣ I и въ слѣдующихъ войнахъ». «Да,—отвѣтилъ находчивый Морковъ,—они стоили вамъ трехъ областей» [81]).

Въ маѣ 1785 года, датскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при С.-Петербургскомъ дворѣ, Сенъ-Сафоренъ, намекалъ нашему вице-канцлеру, «что по извѣстіямъ его двора въ Швеціи разныя военныя приготовленія продолжаются, и что положено быть лагерю въ Финляндіи, куда и самъ король намѣренъ ѣхать».

Въ маѣ же 1785 г. министръ иностранныхъ дѣлъ Швеціи, графъ Крейтцъ, писалъ шведскому посланнику въ Парижѣ: «Если Россія потерпитъ неудачи (во время войны), кто можетъ предусмотрѣть послѣдствія всего этого? Какія громадныя выгоды могутъ произойти для Швеціи? Какую пользу изъ этого можетъ извлечь просвѣщенный монархъ? Эта неудача Россіи можетъ стать самой славной минутой царствованія короля и счастливѣйшей для его народа» [82]).

Въ 1786 г., 1-го апрѣля, посолъ Великобританіи, Фицгербертъ, еще яснѣе высказался графу Остерману о видахъ Густава III.— «Король шведскій говорилъ, что не только не имѣетъ причины опасаться Россіи, но можетъ еще заставить себя почитать, имѣя снаряженными 15 кораблей и 15,000 войска, которое въ случаѣ нужды ему не трудно удвоить» [83]).

Въ этомъ году русскіе дали ничтожный поводъ Густаву къ тревогѣ и раздраженію посылкой въ Финляндію генерала, которому поручено было, подъ предлогомъ путешествія, осмотрѣть укрѣпленія и дефели, а также разузнать о настроеніи умовъ.

Но истинныя и болѣе глубокія причины, побудившія Густава въ 1788 г. неожиданно и безъ объявленія войны броситься на Россію, не будутъ понятны безъ исторіи риксдага 1786 г.—Густаву Армфельту и многимъ другимъ король говорилъ, что русская война явилась послѣдствіемъ этого риксдага. Густавъ III утверждалъ даже, что риксдагъ 1786 г. былъ ея единственной причиной [84]). Давно обдумывая войну съ Екатериной, Густавъ предварительно желалъ, при помощи сословныхъ представителей, улучшить финансовое положеніе страны.

Риксдагъ былъ созванъ на 1-е мая 1786 г. Депутаты съѣхались; но управлять ими было не такъ легко, какъ прежде. Оппозиція, руководимая Акселемъ фонъ-Ферзеномъ, воспользовалась случаемъ, чтобы высказаться; этого домогались и другія сословія. Оппозиціонные депутаты собирались въ домѣ русскаго посланника Моркова. Большинство предложеній короля было отклонено. Король просилъ милліонъ риксдалеровъ на запасные магазины, но сословія

ассигновали лишь незначительную сумму. Экстраординарные налоги были утверждены только на четыре года. Шумныя пренія возбудилъ также вопросъ о винокуреніи. Король, видя, что при такихъ условіяхъ нельзя урегулировать финансовъ, закрылъ риксдагъ 23-го іюня рѣчью, въ которой онъ, между прочимъ, сказалъ: «королямъ необходимо обращаться къ потомству, ибо порицанія и похвалы современниковъ несправедливы». Гордости короля былъ нанесенъ жестокій ударъ. Риксдагъ 1786 г. навсегда остался однимъ изъ самыхъ горькихъ его воспоминаній.

Финансы пребывали въ прежнемъ печальномъ положеніи. Виды на заграничные займы рушились. Срокъ французской субсидіи скоро истекалъ. Вновь созвать риксдагъ, послѣ того, что случилось въ 1786 г., представлялось для Густава совершенно немыслимымъ. Передъ сословными представителями онъ могъ выступить теперь только тріумфаторомъ, а не челобитчикомъ.

За риксдагомъ 1786 г. «послѣдовали дни,—разсказываетъ Оксеншерна,—въ которые Густавъ предавался полному отчаянію; онъ находилъ, что вся любовь народа на вѣки утеряна, что тотъ, кто когда то былъ такъ любимъ, какъ онъ, болѣе никогда не могъ возвратить сердецъ, порвавшихъ такія прочныя узы». К. Стедингкъ, по возвращеніи изъ Франціи, былъ пораженъ враждебнымъ отношеніемъ шведовъ къ своему королю [85]).

Исходъ изъ создавшагося положенія заключался въ томъ, чтобы вновь явиться спасителемъ народа, героемъ и повелителемъ, подобно тому, какъ это происходило въ 1772 г. Расположеніе народа дастъ средство сокрушить ненавистную оппозицію, которая такъ глубоко его оскорбила и омрачила его славу въ глазахъ Европы. Войной нужно и можно было отвлечь общественное мнѣніе въ другую сторону. На войну, какъ на якорь спасенія, указывали, слѣдовательно, разныя обстоятельства.

Охваченный этой фантазіей и крѣпко вѣруя въ свою счастливую звѣзду, Густавъ еще болѣе освоился съ мыслью, что необходимо съ боя взять любовь народа и восторжествовать надъ своими внутренними врагами.

Случай скоро представился. Россія была вовлечена во вторую войну съ Турціей. Русская армія сосредоточена на югѣ; весь сѣверъ великой имперіи оказался оголеннымъ. Теперь или никогда! И какъ азартный игрокъ, Густавъ ринулся въ рискованное предпріятіе... Король находился въ театрѣ Дротнингсгольма, когда пришло извѣстіе о томъ, что Турція объявила войну Россіи.

По окончаніи первой пьесы, онъ поспѣшилъ въ городъ, гдѣ затѣмъ провелъ двѣ ночи въ переговорахъ и совѣщаніяхъ. Онъ отправилъ въ разныхъ направленіяхъ нѣсколько дипломатическихъ бумагъ [86]).

Помимо указаннаго важнаго на международной аренѣ обстоятельства, внутри королевства было замѣчено, что представитель Россіи (сперва Морковъ, а затѣмъ А. К. Разумовскій), начиная съ 1785 г., старался вновь создать въ Стокгольмѣ свою партію, на подобіе существовавшей въ періодъ свободы (frihetstiden). Правда, риксдагъ 1786 г. показалъ, что духъ партій значительно измѣнился и съ русскимъ министромъ вступили въ сношенія лишь мало-уважаемые партійные дѣятели, руководители же оппозиціи большею частью держались въ сторонѣ. Только военныя приготовленія короля вновь собрали болѣе значительную оппозицію вокругъ русскаго министра.

Задумавъ войну, Густавъ упорно вооружался, произвелъ заемъ въ Амстердамѣ, наводилъ въ Россіи нужныя справки, а Екатерину продолжалъ увѣрять въ своемъ миролюбіи.

Въ Петербургъ, въ качествѣ развѣдчика, отправленъ былъ шведскій лазутчикъ, баронъ А. Л. Штирнельдъ (A. L. Stiernold). Передъ отъѣздомъ, въ январѣ 1788 г., онъ посѣтилъ нашего представителя при стокгольмскомъ дворѣ, гр. А. К. Разумовскаго, отъ котораго получилъ рекомендательное письмо къ вице-канцлеру Остерману. Разумовскій описалъ его, какъ выдающагося «патріота», предназначеннаго играть политическую роль у себя на родинѣ. Король же отзывался о Штирнельдѣ, какъ о «непріятномъ и очень подозрительномъ человѣкѣ» [87]).

Въ Остзейскій край (въ 1787 г.) король послалъ ловкаго и образованнаго Іоганна-Альберта Эренстрема. «Вы сами видѣли, сказалъ ему Густавъ, что въ Европѣ все готовится къ войнѣ. Неизвѣстно, можетъ ли Швеція избѣгнуть ее. При такой неизвѣстности осторожность требуетъ заранѣе принять мѣры и пользоваться возможными благопріятными обстоятельствами. Меня съ разныхъ сторонъ увѣдомили, что въ Лифляндіи и Эстляндіи дворянство очень недовольно потерею ненарушимо сохраненныхъ со времени Петра I привилегій. Я хотѣлъ бы узнать достовѣрно, въ чемъ дѣло и такого ли оно рода, чтобы Швеція, въ случаѣ войны съ Россіей, могла извлечь изъ нея какую-нибудь пользу. Я назначилъ васъ добыть это важное для меня и для государства свѣдѣніе, и я увѣренъ, что никто лучше васъ не можетъ исполнить мое желаніе въ этомъ отношеніи». Вскорѣ король вторично при-

звалъ Эренстрема и болѣе опредѣленно выразился на счетъ своихъ воинственныхъ намѣреній. «Я готовъ,—сказалъ онъ,—встрѣтить, если нужно, своихъ враговъ. Мой флотъ въ хорошемъ состояніи, армія въ полномъ комплектѣ, и въ магазинахъ припасовъ въ изобиліи; въ орудіяхъ, порохѣ и снарядахъ недостатка нѣтъ. На счетъ денегъ не такъ благополучно, но, чтобы достать ихъ, средства всегда найдутся» [88]).

Въ январѣ 1788 г. Густавъ III впервые условно рѣшилъ напасть на Россію [89]). Весной 1788 г. слухи о предстоящей войнѣ были столь упорны, что Эренстремъ поспѣшилъ домой изъ своей командировки.

ГР. АНДРЕЙ КИРИЛЛОВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ.

Свѣдѣнія о шведскихъ вооруженіяхъ стали доходить до Петербурга съ конца 1787 г. Ихъ сообщалъ главнымъ образомъ русскій представитель при стокгольмскомъ дворѣ, графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій. Густавъ III познакомился съ нимъ въ Неаполѣ и выразилъ желаніе видѣть его дипломатомъ въ Швеціи. Король считалъ графа Разумовскаго свѣтскимъ человѣкомъ, преданнымъ удовольствіямъ, а потому безопаснымъ въ политическомъ отношеніи. И дѣйствительно, Разумовскому было только 35 лѣтъ. Красивый, образованный, онъ блисталъ въ обществѣ и очаровывалъ всѣхъ французскими манерами и языкомъ. «Сіе теперь мѣсто тебѣ поручается знатное и важное по его связи», писалъ ему отецъ 26 мая 1786 г... Король... запосчивъ... Реляціи твои пиши больше по русски» [90]). Но сынъ регистроваго казака по русски не умѣлъ уже составлять своихъ депешъ. Полиціймейстеръ Стокгольма

доложилъ королю, что нѣтъ основаній подозрѣвать его въ иныхъ интригахъ, какъ «celles de l'amour et de galanterie». Своему молодому замѣстителю Морковъ внушилъ, что герцоги Зюдерманландскій и Остроготскій осуждены на вѣчную незначительность; первый вспыльчивъ и преданъ пороку пьянства, а кронпринца пріучили къ театральной пышности трона. Согласно требованію своей Повелительницы, А. К. Разумовскій казался гордымъ, равнодушнымъ, и полупрезрительно относился къ бравадамъ короля. Его шпіоны не спускали глазъ съ дѣятельности военнаго вѣдомства, самъ же онъ расточалъ увѣренія націи въ миролюбіи Россіи.

Первое появленіе А. К. Разумовскаго при шведскомъ дворѣ было блистательное. Однако въ кругъ приближенныхъ короля онъ не вошелъ.

Взаимныя отношенія короля и Разумовскаго быстро испортились. Г. М. Армфельтъ утверждалъ (16 мая н. с.), что король ненавидитъ Разумовскаго болѣе, чѣмъ всю русскую націю, вмѣстѣ взятую. Король обвинялъ графа Разумовскаго въ томъ, что онъ открыто распространялъ свое неудовольствіе въ столицѣ, старался подорвать авторитетъ верховной власти въ Швеціи и вообще нарушалъ предѣлъ своихъ обязанностей. «Замѣтьте, пожалуйста, писала Императрица Гримму, что шведскій король всегда казался доволенъ графомъ Разумовскимъ. Помниться, у меня есть письмо, въ которомъ онъ отзывается о немъ съ особой похвалой, и онъ никогда не жаловался ни на графа, ни на его предшественниковъ» [91]).

Графъ Разумовскій проникъ въ намѣреніе Густава воспользоваться турецкой войной, для нападенія на Россію, но Петербургъ въ своемъ самомнѣніи не вѣрилъ графу и не приготовлялся надлежащимъ образомъ къ оборонѣ. Государыня долго держалась того мнѣнія, что «шведы войны вести не будутъ», а приготовлялись лишь для вида къ военнымъ дѣйствіямъ, чтобы «поквитаться съ турками въ пятимилліонахъ» [92]).

Порта обязывалась уплачивать Швеціи въ теченіе 10 лѣтъ по 1 мил. піастровъ ежегодно, а въ случаѣ объявленія войны Россіи—еще особое вознагражденіе за военныя издержки.

До 1783 г. Екатерина не мало кокетничала со своимъ стокгольмскимъ сосѣдомъ; шведскій посланникъ былъ предметомъ ея исключительнаго вниманія. И потому ни въ Россіи, ни въ Швеціи не хотѣли вѣрить воинственному задору Густава, но, прибавляетъ графъ Ферзенъ, «mais que d'un cerveau un peu dérangé

ou peut tout attendre» (но отъ разстроеннаго мозга можно всего ожидать). Екатерина думала, что можно остаться «при демонстраціи на демонстраціи». Она не комплектовала своихъ войскъ изъ опасенія дать поводъ къ нареканіямъ. Она писала: «чаю, поодумается». «Надѣюсь, что все на рѣчахъ кончится». Ясно, что Императрица долго не хотѣла вѣрить, что ей можетъ грозить серьезная опасность со стороны Швеціи. «Мой пріятель, графъ Андрей Разумовскій,—пишетъ Ланжеронъ въ своихъ мемуарахъ,—съ полною откровенностью сообщилъ мнѣ о его безуспѣшныхъ стараніяхъ обратить вниманіе своего двора на опасность, которой Россія легко могла подвергнуться съ этой стороны. Такъ какъ государи никогда не ошибаются, графъ Разумовскій тогда очутился въ немилости, или по крайней мѣрѣ показывали видъ нерасположенія къ нему, хотя лишь временно; въ концѣ концовъ, однако, Императрица, умѣвшая цѣнить его образъ дѣйствій, отдала ему полную справедливость и воспользовалась имъ для другихъ дипломатическихъ сношеній». Графъ С. Р. Воронцовъ, въ началѣ 1797 г., утверждалъ, что Екатерина, если бы обратила сразу должное вниманіе на предупрежденія Разумовскаго, могла принять соотвѣтствующія мѣры и наказать Густава отнятіемъ у него Финляндіи [93]).

«Напрасно министры единодушно убѣждали Императрицу задержать флотъ для защиты береговъ, читаемъ у гр. Сегюра, уже три фрегата вышли въ море». Императрица не хотѣла вѣрить, что государь незначительной страны, безъ союзниковъ и денегъ, бросится на Россію.

Въ ноябрѣ 1787 г. Совѣтъ въ Петербургѣ, разсмотрѣвъ донесеніе гр. А. К. Разумовскаго изъ Стокгольма, постановилъ: въ виду безпокойнаго нрава Густава и его легкомыслія, укомплектовать гарнизоны въ Ревелѣ и Аренсбургѣ, а графу Брюсу предписать «имѣть точныя свѣдѣнія о всемъ въ шведской Финляндіи происходящемъ», на что ему ассигновать около тысячи рублей [94]).

Въ январѣ (25 н. с.) въ Гагѣ—около Стокгольма—собрался тайный военный совѣтъ короля, въ которомъ его главный совѣтникъ Толль представилъ обширный планъ войны съ Россіей. По его мнѣнію, слѣдовало сдѣлать нападеніе на самую столицу, а такъ какъ дорога туда заграждена была крѣпостями какъ съ финской, такъ и съ эстляндской стороны Финскаго залива, то флотъ долженъ разбить непріятеля на морѣ и затѣмъ высадить армію въ Ора-

ніенбаумѣ, послѣ чего откроется возможность взять Петербургъ и Кронштадтъ, въ дни общаго переполоха, вызваннаго неожиданнымъ нападеніемъ.—По мнѣнію короля, этотъ переполохъ еще болѣе увеличится политическою революціею, такъ какъ имѣлось въ виду возвратить Великому Князю Павлу то положеніе, которое отняла у него его мать, Екатерина, въ 1762 г. Это великое предпріятіе надлежало выполнить арміи, которая, по разсчету Толля, состояла лишь изъ 15.500 воиновъ. Шведскаго историка Т. К. Однера не безъ основанія удивляетъ смѣлость подобнаго плана, составленнаго человѣкомъ, который несомнѣнно былъ-бы порядочнымъ главнымъ интендантомъ или военнымъ министромъ, но никоимъ образомъ не компетентнымъ военачальникомъ [95]).

23-го марта 1788 г. графъ А. К. Разумовскій писалъ, что по слухамъ, въ Карлскронѣ «вооружаютъ 12 кораблей и нѣсколько фрегатовъ, что вмѣсто августа лагерь въ Финляндіи назначенъ на іюнь» [96]). Однородныя увѣдомленія присылались очевидно и раньше, такъ какъ уже 20 марта 1788 г. въ Госуд. Совѣтъ была внесена записка графа А. А. Безбородко «о мѣрахъ осторожности со стороны Швеціи», на случай «нечаяннаго нападенія, либо покушеній со стороны короля прусскаго». Записка предлагала подготовить флотъ, крѣпости и сухопутныя войска. Приложены были, въ видѣ справокъ, планы и росписанія 1784 г., составленные тогда на случай шведской диверсіи. Графъ рекомендовалъ также послать «генерала въ Финляндію, для осмотра всего поправленія что надлежитъ, безъ огласки, для примѣрнаго назначенія плана, и мѣстъ для лагерей и другихъ распоряженій, не дѣлая однако никакой тревоги и и не оказывая безпокойства и опасенія». По части политической графъ Безбородко въ запискѣ своей говоритъ: «графа Разумовскаго наставить, какое ему имѣть поведеніе въ сихъ обстоятельствахъ, и, въ случаѣ покушеній и возможности, постараться возбудить въ Финляндіи и Швеціи волненіе, чего ради онъ долженъ будетъ при наблюденіи за поступками короля и его креатуръ употребить всемѣрное попеченіе, утверждать добронамѣренныхъ къ нашей сторонѣ, умножать число ихъ пріобрѣтеніемъ новыхъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, внушать имъ, что у насъ не могутъ быть никакіе противъ Швеціи замыслы, что мы желаемъ ей покоя и возстановленія ея вольности, и что собственная отечества ихъ польза наилучшимъ для нихъ будетъ служить убѣжденіемъ отвращать легкомысленную короля ихъ рѣшимость на какое либо предпріятіе» [97]). Одновременно правительство Екатерины II было

озабочено привлеченіемъ на русскую службу опытныхъ и способныхъ офицеровъ изъ иностранцевъ.

23-го марта опять была разсмотрѣна новая депеша графа Разумовскаго, причемъ Совѣтъ постановилъ предоставить иностранному департаменту составить нужныя наставленія «послѣдуя твердости духа, съ которымъ Ея Императорское Величество на сіи дѣла взираетъ». Кромѣ того, графу позволено было обнадежить шведскаго полковника Г. М. Армфельта милостію и покровительствомъ Императрицы, «въ случаѣ если принужденъ будетъ прибѣгнуть къ намъ» [98]).

Изъ дальнѣйшихъ протоколовъ Государственнаго Совѣта царствованія Императрицы Екатерины видно, что сообщенія объ увеличивающихся вооруженіяхъ Швеціи не прекращались въ теченіе апрѣля и мая. «Въ Швеціи производятся вооруженія болѣе нежели думали». Въ Стокгольмѣ состоялось «чрезвычайное собраніе» сената, въ которомъ король объявилъ «мнимую свою опасность отъ Россіи». «Король около 20-го іюня отправится въ Финляндію». Подобными заявленіями пестрятъ страницы протоколовъ.

И дѣйствительно, въ началѣ мая король зашелъ такъ далеко, что начальникъ войскъ въ Финляндіи, Поссе, получилъ отъ него повелѣніе приготовить все къ походу, пополнить магазины и вооружить крѣпости. Только наивные шведы могли вѣрить, что король, сосредоточивая значительныя войска въ Финляндіи, имѣлъ въ виду открыть риксдагъ въ Або, съ цѣлью провозглашенія себя самодержавнымъ.

Приготовленія короля оказались настолько всесторонними, что въ Швеціи занялись даже изготовленіемъ фальшивой русской золотой монеты. Имѣется свѣдѣніе, что чеканились также русскіе мѣдные пятаки, вѣроятно, для того, чтобы расплачиваться ими въ русской Финляндіи [99]).

Въ то же время король продолжалъ увѣрять всѣхъ въ своемъ миролюбіи и заявлять, что имѣетъ точныя свѣдѣнія о намѣреніи Россіи напасть на него [100]).

Дѣйствительность не подтверждала словъ короля. На границѣ все было спокойно. Даже начальникъ финскихъ войскъ, графъ Ф. Поссе, увѣрялъ, что русскіе и не думали о нападеніи [101]).

Шведскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ, баронъ Нолькенъ отлично зналъ, что главныя силы, которыми въ то время располагала Россія, были отправлены на турецкій театръ военныхъ

дѣйствій, и что въ окрестностяхъ столицы оставался самый незначительный гарнизонъ. Онъ не только донесъ объ этомъ (въ началѣ 1788 г.) своему повелителю, но прибавилъ, что Россія на сѣверѣ можетъ думать только объ оборонѣ и о мирѣ съ сосѣдними государствами. Въ мартѣ баронъ повторилъ, что Россія не думаетъ начинать войны съ Швеціей, вслѣдствіе разстройства финансовъ и незначительныхъ силъ, разбросанныхъ въ плохо оборудованныхъ крѣпостяхъ Финляндіи. Въ началѣ апрѣля баронъ Нолькенъ навѣдывался партикулярнымъ образомъ о причинахъ ходившихъ въ городѣ воинственныхъ слуховъ. Вице-канцлеръ отвѣтилъ, что основой такимъ слухамъ могутъ служить только свѣдѣнія о вооруженіяхъ въ Карлскронѣ, о пополненіи хлѣбныхъ магазиновъ въ шведской Финляндіи и о назначеніи тамъ лагернаго сбора.

Король Швеціи строилъ свои разсчеты главнымъ образомъ на неподготовленности Россіи къ войнѣ. Но этого Густаву было мало. Конституція Швеціи не давала королю права начинать по своему усмотрѣнію войны. Для наступательныхъ дѣйствій требовалось согласіе риксдага. Вооруженія близились къ концу, а поводовъ къ начатію войны Россія не давала. Король метался въ поискахъ за фактами, которые дали бы ему возможность обвинить Екатерину въ коварныхъ замыслахъ. Особенно раздражали его депеши барона Нолькена, полныя заявленій объ особомъ миролюбіи императрицы. О вооруженіи же Швеціи Нолькену приказано было говорить, что онъ никакихъ инструкцій по этому вопросу не имѣетъ.

Разгнѣванный депешами Нолькена, король 5-го мая (24 апр.) отправилъ въ Петербургъ фонъ-Моріана, въ качествѣ курьера, съ ордеромъ, которымъ ясно давалось понять посланнику, чего отъ него требуютъ. Густавъ находилъ, что его послѣднія сообщенія крайне «слабы» и поверхностны. Излишне хладнокровный министръ,—по мнѣнію короля,—беретъ на себя тяжелую отвѣтственность; «усиленное подозрѣніе въ этомъ отношеніи скорѣе явилось бы достоинствомъ, чѣмъ порокомъ». Поэтому король обязывалъ барона сообщать все, что ему извѣстно, не скрывая малѣйшихъ подробностей. Курьера надлежало вернуть при первой возможности.

10—21-го мая маіоръ Моріанъ возвратился въ Стокгольмъ съ новою депешею Нолькена. Въ ней уже говорилось, что въ Кронштадтѣ вооружаются около 20 линейныхъ кораблей и 8 фрегатовъ, изъ которыхъ 15 линейныхъ судовъ и 6 фрегатовъ предназначены для Архипелага, остальные же для Балтійскаго моря,

но кажется очень трудно будетъ набрать экипажъ для всего флота, а также для 32 небольшихъ негодныхъ галерныхъ судовъ, которыя будутъ приводить въ порядокъ. Для 6.000 человѣкъ, которые отправятся въ Средиземное море, устраивается лагерь въ Ораніенбаумѣ; а въ большомъ Царско-Сельскомъ лагерѣ находятся 20.000 человѣкъ, но кажется это число преувеличено. «Въ высшей степени затруднительное положеніе Россіи удерживаетъ ее отъ вмѣшательства одновременно въ войну съ двумя державами». «Императрица несомнѣнно преисполнена несправедливымъ негодованіемъ противъ вашего величества, но не настало еще время разразиться этому гнѣву; пока имѣется въ виду возстановить миръ съ Портой». Однако нельзя быть увѣреннымъ, чтобъ гордый нравъ императрицы не соблазнилъ ее на необдуманное рѣшеніе, особенно теперь, когда въ отсутствіе Потемкина никто не смѣетъ возражать ей. Ясно, слѣдовательно, что этой депешей Нолькенъ—насколько позволяла ему совѣсть—шелъ навстрѣчу воинственнымъ стремленіямъ короля [102]).

Король повелѣлъ Ф. Аспу снять копію съ послѣдней депеши Нолькена, исключивъ при этомъ нѣкоторыя мягкія и сдержанныя замѣчанія посланника. На этой копіи король отмѣтилъ, какъ принято дѣлать на оригиналахъ, время ея полученія. Аспъ составилъ также промеморію по поводу свѣдѣній, которыя, повидимому, доставлены были другимъ лицомъ [103]).

Эти исправленные документы должны были не только убѣдить совѣтъ Швеціи въ необходимости обширныхъ вооруженій, но и напугать его. Король созвалъ совѣтъ на 11—22-е мая и, видимо, остался имъ вполнѣ доволенъ, такъ какъ писалъ Г. М. Армфельту: «сегодня я перешелъ Рубиконъ, или, чтобы точнѣе выразить правду, совѣтъ меня перевелъ черезъ него. Я не думалъ, чтобъ старики могли быть столь оживленными и мужественными».

Императрица, какъ видно, была хорошо освѣдомлена о томъ, что происходило въ Стокгольмѣ, такъ какъ 28-мая писала Гримму: «Вотъ мой многоуважаемый братъ и сосѣдъ, тупица, затѣваетъ вооруженія противъ меня на сушѣ и на морѣ. Онъ сказалъ своему сенату рѣчь, въ которой изложилъ, что я вызываю его на войну, что-де въ томъ удостовѣряютъ всѣ донесенія его здѣшняго посольства. Эти донесенія онъ приказалъ прочесть, и его сенатъ сказалъ своему барину, что его величество всегда правъ; по выходѣ же изъ сената, каждый говорилъ, что его

*

величество дѣлаетъ отчаянныя натяжки изъ донесеній своего посланника, который говоритъ какъ разъ противное тому, что ему приписываетъ его величество. Между тѣмъ его величество, по выходѣ изъ сената, отдалъ приказаніе вооружить галерный флотъ и двинуть въ Финляндію семь полковъ; надобно думать, что они теперь уже выступили въ походъ. Если онъ меня атакуетъ, я, надѣюсь, сумѣю оборониться и, обороняясь, буду говорить, что его слѣдуетъ посадить въ сумасшедшій домъ; если же не атакуетъ, то скажу, что онъ еще болѣе полоумный, поступая такъ, какъ онъ поступаетъ, съ цѣлію оскорбить меня» [104]).

Въ Швеціи торопливо осуществлялась мобилизація. Въ то время, какъ Моріанъ ѣздилъ въ Петербургъ за подходящими для короля свѣдѣніями, Толль отправился въ западную и южную Швецію, съ цѣлью высылки изъ разныхъ крѣпостей оружія и аммуниціи въ Карлскрону, гдѣ снаряжался флотъ, а главному адмиралу графу К. Эренсверду предписано было тайно приготовить еще три линейныхъ корабля и одинъ фрегатъ.

Король тщательно скрывалъ отъ народа и сановниковъ свои завоевательные замыслы, зная глубокое отвращеніе шведскаго дворянства къ воинственной политикѣ и недовѣріе его къ власти, вызванное государственнымъ переворотомъ 1772 г. Обстоятельства побуждали короля довольствоваться указаніями своего тайнаго военнаго совѣта, въ составъ котораго входили генералы Толль, Рутъ и Отто Вреде. Но эти лица, какъ видно изъ словъ самаго Густава, являлись болѣе исполнителями его желаній, чѣмъ совѣтниками. «Только Провидѣнію извѣстно, вернусь ли я съ войны, или нѣтъ; если я въ ней погибну, то, вѣроятно, вся ненависть и злоба народа обратится противъ васъ, господа, такъ какъ всѣ думаютъ, что вы мнѣ присовѣтовали ее. Поэтому я вручаю вамъ эти подлинники протоколовъ, изъ которыхъ видно, что вы не совѣтовали мнѣ начинать войну, и что я одинъ по собственной своей волѣ и вслѣдствіе сообщеній, сдѣланныхъ мнѣ моими министрами при иностранныхъ дворахъ, предпринялъ этотъ походъ» [105]). Густавъ въ свою очередь считалъ войну роковой, предопредѣленной судьбой. «Il faut une guerre pour caractériser un règne». Теперь, по его мнѣнію, наступило время войною дать значеніе своему царствованію.

Флоту надлежало быть готовымъ къ выходу въ море не позже 30 мая 1788 г. Такъ какъ это приказаніе состоялось въ мартѣ, то пришлось работать днемъ и ночью. Такая торопли-

вость неизбѣжно должна была отразиться на боевой готовности судовъ.

Король такъ увлекся увѣренностью своего торжества надъ беззаботнымъ непріятелемъ, что въ государственномъ совѣтѣ воскликнулъ: «Если успѣхъ увѣнчаетъ наше оружіе, я между памятниками русской гордыни пощажу только одинъ памятникъ Петру Великому, чтобы выставить и увѣковѣчить на немъ имя Густава» [106]).

Съ другой стороны Екатерина была слишкомъ раздражена, чтобы видѣть опасность въ истинномъ освѣщеніи.

Король работалъ съ лихорадочнымъ жаромъ; часто онъ съ разсвѣтомъ ложился спать и своевременно опять былъ за работой.

По два раза въ день онъ посѣщалъ галерныя верфи, съ цѣлью ободренія рабочихъ. Повѣренному по дѣламъ Франціи, котораго встрѣтилъ въ оперѣ, онъ сказалъ, что это была чудеснѣйшая минута въ его жизни, болѣе прекрасная, чѣмъ день революціи въ 1772 г. «Европа станетъ судить меня, я иду подготовить себѣ мѣсто, которое впослѣдствіи займу въ исторіи». Своей сестрѣ король писалъ: «Мнѣ лестно, что въ концѣ моего поприща не придется опровергать того мнѣнія, которое Европа составила обо мнѣ въ началѣ моего царствованія». Густавъ видѣлъ въ себѣ единственнаго монарха въ Европѣ, который осмѣлился противиться императрицѣ [107]).

Въ концѣ мая 1788 г., отправляя своего брата, Карла Зюдерманландскаго, съ флотомъ въ море, Густавъ просилъ его при случаѣ дать ему подходящій поводъ для начатія военныхъ дѣйствій. Герцогъ Карлъ разсказывалъ своей супругѣ, что король ему намекнулъ о своемъ желаніи начать войну, и потому герцогъ могъ бы дать кому нибудь изъ своихъ подчиненныхъ секретныя и устныя приказанія начать ссору съ русскими, но когда герцогъ потребовалъ положительнаго повелѣнія короля, то тотъ отвѣтилъ: «Mais mon frère, vous ne devez point être si délicat» [108])!

Въ то же самое время, когда король такимъ образомъ совѣтовалъ брату доставить ему поводъ къ войнѣ, онъ писалъ своему министру въ Копенгагенѣ письмо, въ которомъ тономъ глубокаго убѣжденія выставлялъ Россію, какъ несомнѣнную зачинщицу, потому что она начала вооружаться гораздо ранѣе шведовъ. «Если теперь»,—продолжалъ онъ,—«положеніе ухудшится, и одинъ другому не захочетъ уступить, если варварскія недисциплинированныя нехристіанскія войска нападутъ на мои границы и

тѣмъ вызовутъ войну, я беру въ свидѣтели всю Европу, чтобъ доказать мою невиновность въ нарушеніи мира на сѣверѣ, и я, по примѣру великихъ королей, корону которыхъ ношу, поддержу шведское имя и вмѣстѣ съ тѣмъ честь ольденбургскаго дома и, если возможно будетъ, также великое имя, которое мнѣ дано, и страшное обязательство, которое я надѣюсь исполнить» [109]).

Таковы слова короля; его дѣйствія были иныя. Деньги онъ «негосипровалъ» въ Голландіи. Въ Финляндіи готовился лагерь. Магазины наполнялись. Генералъ Поссе объѣзжалъ границу. Естественно, что Екатерина «взяла приличныя случаю осторожности, дабы пакости какой не приличной не учинилъ»,—какъ значится въ ея письмѣ къ Потемкину [110]).

При первомъ болѣе опредѣленномъ извѣстіи (въ мартѣ 1788 г.) о вооруженіи Швеціи, Екатерина мужественно заявила въ запискѣ, внесенной на память военному совѣту, что «императрица Анна Іоанновна въ подобномъ случаѣ велѣла сказать, что въ самомъ Стокгольмѣ камня на камнѣ не оставитъ» [111]).

Въ своихъ депешахъ А. К. Разумовскій просилъ воздержаться отъ наступательныхъ дѣйствій. Екатерина твердо рѣшила не начинать войны и поводовъ къ разрыву не давать. «Вездѣ воспрещенъ былъ первый выстрѣлъ».

«Я шведа не атакую, онъ же выйдетъ смѣшенъ», сказала Екатерина, узнавъ, что слухи приписывали ей намѣреніе напасть на Карлскрону. «Мы шведа не задеремъ, а буде онъ начнетъ, то можно его проучить»... «Мы гостилите не начнемъ»— значится въ дневникѣ Храповицкаго (7, 8, 21-го іюня 1788 г.). Видимо, что своимъ поведеніемъ императрица надѣялась сохранить миръ; но тѣмъ не менѣе она была «примѣтно» неспокойна: тревожно изучала карту пограничныхъ мѣстъ Финляндіи, часто письменно совѣтовалась съ Потемкинымъ, отдавала приказанія. «Теперь набиваютъ голову Грейгу», какъ выразился Храповицкій 9-го мая и т. п. Въ разговорѣ со своимъ секретаремъ Храповицкимъ, Екатерина спросила: «Croyez-vous que ce fou m'attaquera»?

Императрица и Спренгтпортенъ, выслушивая свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Густава III, сказали: «Кажется король хочетъ избавиться отъ Финляндіи (se défaire de la Finlande)» [112]).

Въ концѣ мая императрица жила надеждой, что Густавъ пришлетъ «комплиментъ» и останется доволенъ этой демонстраціей [113]). Нѣсколько позже (4—15-го іюня) императрица писала Потемкину:

«Мнѣ кажется, они не задерутъ, а останутся при демонстраціи. Осталось рѣшить лишь единый вопросъ: терпѣть ли демонстрацію? Если бы ты былъ здѣсь, я бы рѣшилась въ пять минутъ что дѣлать, переговоря съ тобою. Если бы слѣдовать своей склонности, я бы флоту Грейгову да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію: въ сорокъ лѣтъ шведы паки не построили бы корабли; но сдѣлавъ такое дѣло, будемъ имѣть двѣ войны, а не одну. Начать намъ потому никакъ не должно, что если онъ насъ задеретъ, то отъ шведской націи не будетъ имѣть по ихъ конституціи никакой помоги, а буде мы задеремъ, то они дать должны; итакъ полагаю, чтобъ ему дать свободное время дурить, денегъ истратить и хлѣбъ съѣсть».

Чтобы не подать поводовъ къ серьезнымъ недоразумѣніямъ, въ началѣ войны было строго запрещено «на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ говорить о дѣлахъ политическихъ, о распоряженіяхъ военныхъ и умножать неосновательные и неприличные толки, подъ штрафомъ, за преступленіе сего установленнымъ» [114]).

Скоро герцогу Зюдерманландскому представился случай примѣнить инструкцію короля. Изъ Кронштадта была отправлена маленькая эскадра, изъ трехъ линейныхъ кораблей и четырехъ транспортныхъ судовъ, подъ начальствомъ вице-адмирала В. П. фонъ Дезина; она предназначалась для Средиземнаго моря, такъ какъ война со Швеціей представлялась для нашихъ властей еще мало вѣроятной. 11-го (22) іюня русскія суда повстрѣчались съ шведскимъ флотомъ. Трактата о салютаціи со Швеціей не было заключено. Россія салютовала нечетнымъ числомъ, Швеція— четнымъ, поэтому нельзя было установить равнаго салюта. Герцогъ Карлъ потребовалъ салюта шведскому флоту. В. П. фонъ Дезинъ, вполнѣ правильно, ссылаясь на Абоскій трактатъ, отказалъ въ салютѣ. Герцогъ настаивалъ, обѣщая въ случаѣ надобности поддержать свое требованіе вооруженной силой. Шведскій флотъ былъ поставленъ въ боевой порядокъ и русскому вице-адмиралу оставалось отсалютовать. Фонъ Дезинъ согласился салютовать «его королевскому высочеству, какъ августѣйшему родственнику императрицы». На его 15 выстрѣловъ шведы отвѣтили восемью.

Русская эскадра направилась къ Копенгагену. Герцогъ сдѣлалъ все, чтобъ поссориться съ русскимъ адмираломъ; онъ самъ отмѣтилъ, что дѣйствовалъ даже противъ инструкціи, которая воспрещала «провокировать» русскихъ. Случай завладѣть частью русскихъ морскихъ силъ былъ упущенъ. По прибытіи въ Ганге,

герцогъ получилъ новыя приказанія отъ короля: онъ не долженъ пропустить ни одного русскаго корабля изъ Финскаго залива, пока императрица не согласится на требованія Густава; если обстоятельства потребуютъ, онъ долженъ силою воспрепятствовать ихъ выходу, и если онъ побѣдитъ, то обязанъ преслѣдовать русскій флотъ до самаго Кронштадта, уничтожить его тамъ и взять или истребить Кронштадтъ [115]).

Швеція, поддерживаемая сочувствіемъ Пруссіи и Англіи и получивъ деньги, шла полнымъ ходомъ къ войнѣ. Порта обѣщала субсидію въ 14 мил. піастровъ [116]). Перлюстрація прусскихъ и шведскихъ писемъ, произведенная русскимъ посломъ въ Варшавѣ, Штакельбергомъ, показывала, что Густавъ жилъ надеждой возвратить Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Курляндію. Въ Россіи обдумывали, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Между прочимъ разсчитывали повліять на короля возбужденіемъ оппозиціи и указаніемъ на конституцію. Согласно этимъ указаніямъ, графъ Разумовскій передалъ 7—18-го іюня шведскому министру иностранныхъ дѣлъ записку слѣдующаго содержанія:

«Ея Императорское Величество все свое царствованіе сохраняла съ королемъ и націей шведскою доброе согласіе и миръ, постановленный въ Абовѣ, не подавая никакого подозрѣнія къ нарушенію, и теперь желаетъ продолженія онаго, тѣмъ болѣе, что занята весьма важною войною съ Портою. Въ засвидѣтельствованіе того Ея Императорское Величество сообщила всѣмъ дружественнымъ державамъ, а равномѣрно и его шведскому величеству о предметѣ посылки въ Средиземное море россійскаго флота. Въ разсужденіе же разнесеннаго по поводу сего слуха о производимыхъ въ Швеціи вооруженіяхъ, съ россійской стороны не для вызову, но изъ единой предосторожности отряжено было въ Финляндію весьма посредственное число войскъ, и въ Балтійское море отправлена по ежегодному обыкновенію эскадра для обученія мореходцевъ, къ чему Швеція никогда не показывала никакого подозрѣнія, ниже малѣйшаго вниманія, да и Ея Императорское Величество взирала спокойно на великія вооруженія, производимыя въ Швеціи, и наблюдала совершенное молчаніе, пока движенія заключались внутри королевства; но какъ графъ Оксенштіернъ королевскимъ именемъ объявилъ, что сіи вооруженія обращены противъ Россіи, подъ предлогомъ, будто она намѣрена наступательно дѣйствовать противъ Швеціи, —(объявилъ) министру двора, состоящаго въ тѣснѣйшемъ съ Россіею союзѣ, и который конечно не могъ

того скрыть отъ него, графа Разумовскаго, то Ея Императорское Величество не можетъ болѣе отлагать объявленія своимъ Императорскимъ словомъ его величеству королю и всѣмъ изъ шведской націи участвующимъ въ правленіи о несправедливости сихъ его подозрѣній и увѣряетъ о миролюбивыхъ своихъ расположеніяхъ къ нимъ всѣмъ. Но если таковое торжественное увѣреніе сочтется недовольнымъ, то Ея Императорское Величество рѣшилась ожидать всякаго происшествія, съ тою надежностью, какову внушаетъ какъ непорочность ея предпріятій, такъ и довольство ея средствъ, предоставленныхъ ей Богомъ и которыя всегда обращала она къ славѣ своей Имперіи и къ благоденствію своихъ подданныхъ» [117]).

Записка графа А. К. Разумовскаго явилась искрой, упавшей въ костеръ. Густавъ не могъ скрыть своего удовольствія и воспользовался ею, какъ предлогомъ для дипломатическаго разрыва. Въ письмѣ короля къ Г. М. Армфельту читаемъ: «Графъ Разумовскій представилъ намъ дружественную ноту, но какъ въ нее, къ счастью, вкралось выраженіе, которое повидимому отдѣляетъ короля отъ націи, то мы воспользуемся этимъ, чтобы опредѣлить нашу позицію, или, выражаясь дипломатическимъ языкомъ, занять болѣе рѣшительное положеніе». «Значитъ,—говорится далѣе,—госпожа Екатерина не желаетъ воевать съ нами; но дѣло дойдетъ до войны; вѣрьте мнѣ, отъ судьбы не уйдешь» [118]).

12—23 іюня, въ то время, когда началась посадка шведскихъ войскъ на суда, королевскій церемоніймейстеръ Бедоаръ прочелъ графу Разумовскому слѣдующій отвѣтъ Густава: «Король изъ записки русскаго посланника усмотрѣлъ, что онъ старается отдѣлить короля отъ народа, что впрочемъ довольно согласно съ правилами, русскимъ дворомъ часто оказанными. Король, однако, не можетъ думать, чтобы такое объявленіе было предписано графу Разумовскому русскимъ дворомъ, и поэтому будучи удивленъ и оскорбленъ непристойнымъ и противнымъ спокойствію государства изъявленіемъ, король не можетъ отнынѣ признать графа Разумовскаго долѣе посланникомъ Россіи, предоставляя себѣ по прибытію въ Финляндію отвѣчать Императрицѣ черезъ шведскаго посланника, находящагося въ Петербургѣ. Теперь же король требуетъ, чтобы графъ Разумовскій не имѣлъ болѣе никакихъ сношеній съ шведскими министрами, выѣхалъ изъ Швеціи не позже, чѣмъ черезъ недѣлю—въ разсужденіи того, что въ представленіи его нарушены начальныя основанія правленія и должное уваженіе къ королевской особѣ» [119]).

Въ тотъ-же день представителямъ иностранныхъ державъ была сообщена записка графа Оксеншерна, въ которой говорилось: «Король видитъ въ образѣ дѣйствій русскаго посланника ту самую систему раздора, которую всегда старались распространять и предшественники графа Разумовскаго. Сначала король еще не вѣрилъ, что русскій посланникъ старается привести націю въ заблужденіе; но графъ Разумовскій своей запиской отъ 18-го іюня прекратилъ всѣ сомнѣнія, обращаясь не только къ королю, но и ко всѣмъ, въ правленіи участвующимъ, и даже къ самому народу, для увѣренія ихъ о расположеніяхъ императрицы и о пріемлемомъ ею въ спокойствіи ихъ участіи. Всякій посланникъ не долженъ и не можетъ изъявлять расположенія своего государя кому либо другому, кромѣ государя, при которомъ онъ уполномоченъ. Всякая иная власть для него чужда; всякій иной свидѣтель для него излишенъ. Таковъ законъ, таковъ непремѣнный всѣхъ европейскихъ кабинетовъ обычай. Король поэтому оскорбленъ наичувствительнѣйшимъ образомъ и не считаетъ болѣе графа Разумовскаго посланникомъ императрицы, которая не могла-же предписать выраженія, столь противныя кореннымъ шведскимъ законамъ и отдѣляющія короля отъ государства».

Екатерина II, не желавшая войны и не дававшая повода къ ней, разсуждала такъ: «Что вызываетъ разрывъ? Если высылка посланника, то я сіе еще не почитаю разрывомъ; а разрывъ именую на сей случай либо объявленіе войны, либо начатіе гостилите»[120].

20-го іюня въ русской столицѣ состоялось засѣданіе совѣта для обсужденія депеши графа Разумовскаго. Совѣтъ нашелъ поступокъ короля несоотвѣтствующимъ доброму согласію между обѣими державами и оскорбительнымъ для петербургскаго двора. Въ виду того, что королевскій поступокъ показываетъ явное стараніе его изыскать поводъ къ разрыву, необходимо назначить главнаго начальника сухопутныхъ войскъ. Отъ 21-го іюня въ дневникѣ Храповицкаго значится: «Велѣно объявить барону Нолькену, что поступокъ его короля окончилъ здѣсь его миссію и пребываніе». У императрицы «примѣтна» досада. «Надо быть Фабіемъ (сказала она), а руки чешутся, чтобы побить шведа».

О запискѣ графа Разумовскаго, поданной (7—18-го іюня) королю, среди дипломатовъ и сановниковъ шли разные толки. И графъ Бернсторфъ, и графъ Герцбергъ (представители Даніи и Пруссіи) не одобрили попытки русскаго двора отдѣлять короля отъ его подданныхъ, но въ то же время они осудили и посту-

покъ Густава III; Бернсторфъ находилъ, что обращеніе короля съ русскимъ министромъ безпримѣрное въ исторіи; Герцбергъ же усмотрѣлъ, что Густавъ III зашелъ далеко, выславъ Разумовскаго изъ государства, тогда какъ онъ могъ ограничиться перерывомъ съ нимъ всякихъ сношеній и подачей жалобы его двору. Графъ Сегюръ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что въ столицѣ нѣкоторыя лица считали образъ дѣйствій посланника неосторожнымъ и слишкомъ сильно вызывающимъ короля на рѣшительныя мѣры. Въ средѣ иностранныхъ дипломатовъ шелъ слухъ о рѣзкихъ выраженіяхъ князя Потемкина, порицавшаго чрезмѣрную смѣлость Разумовскаго. Сегюръ находилъ упреки, дѣлавшіеся Разумовскому, несправедливыми. «Будучи свидѣтелемъ всѣхъ ложныхъ слуховъ, онъ вынужденъ былъ объявить громко не только королю, но и націи, и даже всей Европѣ, что намѣренія государыни клонились къ миру» [121]). Что касается императрицы, то она, какъ кажется, была совершенно довольна графомъ Андреемъ Кирилловичемъ; въ ея многочисленныхъ письмахъ къ Потемкину, въ которыхъ подробно говорится о разрывѣ съ Густавомъ, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ неудовольствія по поводу дѣйствій Разумовскаго. Безбородко, а быть можетъ и Остерманъ, находили, что Разумовскій, вмѣсто того, чтобы, по крайней мѣрѣ, отсрочить разрывъ, возбудилъ своей нотой чрезмѣрное раздраженіе шведскаго правительства. Морковъ же, близкій другъ Разумовскаго, защищалъ его, доказывалъ несостоятельность сдѣланныхъ ему упрековъ [122]).

Графъ Сегюръ, спрошенный императрицею о поступкѣ Густава, отвѣтилъ: «Въ этомъ дѣлѣ самое замѣчательное то, что посолъ самодержавной государыни оказываетъ такое вниманіе къ самостоятельной націи, и что ея король этимъ обижается» [123]).

Въ письмѣ къ Гримму (отъ 21 іюня 1788 г.) императрица дала волю своимъ мыслямъ и чувствамъ. «Сэръ Джонъ Фальстафъ, отправляясь моремъ въ Финляндію, велѣлъ сказать графу Разумовскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ Стокгольма за то, что я не питаю никакихъ непріязненныхъ замысловъ ни противъ него, ни противъ его народа. Онъ выставилъ предлогомъ, что его чести противно, когда называютъ его народъ рядомъ съ нимъ самимъ; онъ, стало быть, хочетъ совсѣмъ вычеркнуть изъ употребленія имена народовъ. Вотъ величайшій деспотъ изъ королей, какого когда-либо видано. Сэръ Фальстафъ—дурной родственникъ и дурной сосѣдъ; его несправедливость по отношенію ко мнѣ нѣчто неслыханное; я передъ нимъ никогда ни въ чемъ не была виновата; я кормила

его финляндцевъ нѣсколько лѣтъ, когда въ Финляндіи былъ голодъ; онъ никогда ни на что не жаловался. Его величество доказываетъ, что, незаконно завладѣвъ неограниченною властью, пользуется ею на горе своимъ подданнымъ. Всякій король, всякій государь первое лицо своего народа, но одинъ король не составляетъ всего народа. Неужели упомянуть о шведскомъ народѣ значитъ обидѣть короля? По какому праву онъ беретъ на себя судить русскаго посланника? Онъ высылаетъ его за то, что онъ упомянулъ о шведскомъ народѣ: развѣ есть законъ, которымъ это запрещено? Онъ переходитъ отъ одного оскорбленія къ другому: по его приказанію шведская эскадра потребовала салюта отъ трехъ нашихъ судовъ, что противно 17 статьѣ трактата 1743 г.» [124]).

Послѣ 23 іюня разгнѣванный Разумовскій удвоилъ свое усердіе въ дѣлѣ возбужденія населенія. Онъ писалъ Остерману, что онъ не преминетъ воспользоваться различіемъ, которое онъ сдѣлалъ между королемъ и націей «и если хоть малѣйшій еще патріотизмъ шевелится въ жилахъ шведовъ, то я сдѣлаю все, чтобъ вновь разбудить его, пока я еще нахожусь между ними» [125]).

Въ тотъ же день (12—23 іюня), когда гр. Разумовскому былъ врученъ отвѣтъ на его записку, король выѣхалъ въ Финляндію.

Но какъ! Въ этомъ историческомъ торжествѣ большого стиля король желалъ походить на Густава-Адольфа, для чего заказалъ себѣ особый оперный костюмъ. «Король шведскій себѣ сковалъ латы, кирассу, броссары (наручки) и квиссары (набедренники) и шишакъ съ преужасными перьями»,—писала Екатерина Потемкину. «Если желаешь получить настоящее впечатлѣніе о настроеніи Густава III, то прочти его напыщенное письмо къ Г. М. Армфельту (отъ 12—24 іюня 1788 года)», сообщаетъ своему пріятелю Аксель Оксенштерна, сопровождавшій его въ этомъ походѣ. Король писалъ: «Мой выѣздъ великолѣпенъ... Я буду спокоенъ и одолѣю природу... Мысль о великомъ предпріятіи, которое я затѣялъ, весь этотъ народъ, собравшійся на берегъ, увѣренность, что я спасу Оттоманскую имперію, что имя мое сдѣлается извѣстнымъ въ Азіи и Африкѣ,—всѣ эти мысли овладѣли моимъ духомъ... На русскую ноту я буду отвѣчать черезъ моего министра въ Петербургѣ, когда приму начальство надъ моимъ войскомъ. Рубиконъ перейденъ. Я объявилъ сенату это рѣшеніе и всѣмъ девяти министрамъ была объ этомъ разослана подробная нота. Послѣ того я объявилъ объ учрежденіи новой степени ордена Меча».... [126]).

«Своимъ войскамъ въ Финляндіи и шведамъ Густавъ велѣлъ сказать, что онъ намѣренъ превзойти дѣлами и помрачить Густава-Адольфа и окончить предпріятіе Карла XII».

Екатерина, выражая всегдашнее свое веселое настроеніе и склонность къ острымъ замѣчаніямъ, не могла оставить этого безъ коментарія и прибавила: «Послѣднее сбыться можетъ, понеже сей (Карлъ XII) началъ разореніе Швеціи».

Мечтами Густавъ услаждалъ фантазію и усыплялъ разумъ; но скоро, однако, его постигло горькое разочарованіе, ибо его надежда,—какъ пишетъ историкъ К. Однеръ,—что война снова оживитъ шведскій національный духъ, оказалась иллюзіей. Войной король надѣялся вырваться изъ той душной атмосферы, которая его окружала. И этотъ разсчетъ не оправдался.

По прибытіи Густава въ Финляндію, надлежало отвѣтить императрицѣ.

Отвѣтъ былъ составленъ. Завѣдывавшему иностранными дѣлами, Акселю Оксеншерна, и еще одному приближенному пришлось потратить нѣсколько дней, чтобы убѣдить короля отказаться отъ нѣкоторыхъ выраженій его задорнаго ультиматума и тѣмъ избѣжать насмѣшекъ Европы. «Онъ сердился на наши мнѣнія и злобно смотрѣлъ на меня четыре дня». Только и можно было добиться того, что король вычеркнулъ названіе 10—12 провинцій, возвращенія которыхъ онъ требовалъ отъ Россіи [127]).

Послѣ многихъ упрековъ въ ультиматумѣ по адресу Россіи, Густавъ крайне высокомѣрно ставитъ рядъ условій возстановленія мира. Онъ требуетъ возмѣщенія своихъ убытковъ, разоруженія русскаго флота, увода нашихъ войскъ отъ границы, съ правомъ самому остаться вооруженнымъ до заключенія Россіей мира съ Турціей, для которой требуетъ Крыма, а себѣ—уступки на вѣчное время всей Финляндіи и Кареліи съ губерніей и городомъ Кексгольмомъ, «такъ какъ все оное уступлено Россіи мирными договорами Ништадтскимъ и Абовскимъ, установляя границу по Систербекъ».

Въ письмѣ же къ Нолькену отъ 25 іюня (6 іюля), при которомъ препровождался ультиматумъ Императрицѣ,—было заявлено: «Но изъ этихъ предложеній я не могу уступить ни единаго слова. Мое желаніе, мое безусловное повелѣніе заключается въ слѣдующемъ: вы должны объявить, что отвѣтъ, требуемый вами, долженъ быть простое *да* или *нѣтъ*, что это мое послѣднее слово, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта я буду

считать его объявленіемъ войны, тѣмъ болѣе, что открытіе военныхъ дѣйствій русскими войсками въ Саволаксѣ близъ Нейшлота даетъ мнѣ право на подобныя же мѣры. Не забудьте, что это тѣ же самыя провинціи, которыя Петръ I возвратилъ бы Швеціи, если бы не умеръ Карлъ XII, и что въ 1741 году самъ отецъ графа Остермана предлагалъ уступить Швеціи Кексгольмъ для избѣжанія войны, что Выборгъ въ Ништадтскомъ договорѣ былъ бы возвращенъ Швеціи, если бы шведскіе комиссары—и да будетъ это сказано къ вѣчному ихъ позору—не были подкуплены, и что, наконецъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ Россія, ради сохраненія мира, должна принести нѣкоторыя жертвы. Однимъ словомъ, вы должны объявить, что ни вы, ни я въ отношеніи къ этимъ пунктамъ не въ состояніи принять иного отвѣта, кромѣ *да* или *нѣтъ*. Мое единственное желаніе заключается въ опредѣленіи удобныхъ границъ. Позволяя вамъ объясняться въ этомъ духѣ и смыслѣ, я, однако, запрещаю вамъ подавать поводъ къ мнѣнію, что я готовъ согласиться на какое либо смягченіе моихъ требованій. Я опасаюсь, что Россія желаетъ лишь выиграть время, но я рѣшился не терпѣть этого» [128]).

Густавъ поступилъ не по-рыцарски. Екатерина очень была разсержена нотой, переданной Шлафомъ (Cr. Cchlaff), которую въ письмахъ и бесѣдахъ называла «сумашедшею».

Въ виду того, что въ нотѣ упоминалось о Пугачевѣ, Екатерина сказала: «il cite son confrère Pouhascheff». Вмѣстѣ съ Императрицею и кн. Кауницъ «не могъ надивиться нелѣпости ноты шведской».

Императрица отвѣтила Густаву манифестомъ 30 іюня 1788 года, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «...кого не удивятъ коварство, насиліе и вѣроломство, сопровождающія злыя предпріятія противъ Россіи короля шведскаго? Когда онъ въ Швеціи насильственнымъ образомъ ниспровергнулъ постановленія, сохранявшія власть сената и вольность народную, достигая тѣмъ самодержавія, мы по сію пору не употребили права воспротивиться тому, яко явному нарушенію обѣтовъ гласныхъ въ трактатѣ Нейштадскомъ, подтвержденномъ въ его пространствѣ и послѣднимъ Абовскимъ, въ чаяніи, что сіе происшествіе не поколеблетъ блага Швеціи» [129]).

Объ ультиматумѣ Густава III двухъ мнѣній не существовало: онъ былъ осужденъ поголовно всѣми. «Мнѣ кажется,— сказалъ императрицѣ французскій посланникъ графъ Сегюръ,—«что

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА
Всероссійская.

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ.

Договоры вѣчнаго мира Россіи со Швеціею въ Нейстатѣ и въ Абовѣ взаимно утвержденные, ни чемъ съ НАШЕЙ стороны не нарушены. По существу послѣдняго воцарился въ Швеціи Дядя НАШЪ Адолфъ Фридерикъ Герцогъ Голстинскій; слѣдственно и сынъ его, а НАШЪ Братъ двоюродный нынѣ владѣющій Густавъ Третій воспріялъ свое достояніе отъ того же подвига усердствовавшей ихъ дому Россіи.

Таковымъ образомъ, прежде, чемъ какую либо вину сей войны знаемъ, внесены уже въ предѣлы НАШЕЙ Имперіи дѣйствія оной образомъ сроднымъ токмо хищнымъ варварамъ, а не просвѣщеннымъ Европейскимъ Державамъ, которые не подъемлютъ оружія не предваривъ о причинахъ къ тому убѣждающихъ. По сему указали МЫ НАШЕЙ здѣшней Арміи подъ предводительствомъ Генерала Графа Мусина-Пушкина итить во встрѣчу нападающаго на НАШУ область непріятеля, а флоту подъ начальствомъ Адмирала Грейга дѣйствовать на морскія Шведскія силы. Всѣ НАШИ вѣрноподданные, которымъ объявляемъ прискорбнымъ духомъ толь наглое вѣроломство, пролейте теплыя молитвы, каковы и МЫ возносимъ ко Всевышнему Богу, да предидетъ Его всесильная благодать ополченію НАШЕМУ, и судъ Его правый преклонится къ тому, чтобъ мужество потомковъ въ пораженіи новаго врага нагло возставшаго противу Россіи ни чем неповинной, достигло той же славы, съ которою предки защитивъ Отечество торжествовали надъ онымъ. Данъ въ Царскомъ селѣ Іюня 30 дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1788 г. Царствованія же НАШЕГО въ двадесятъ седьмое.

На подлинномъ подписано собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Іюля 1 дня 1788 года.

шведскій король, очарованный обманчивымъ сномъ, вообразилъ себѣ, что уже одержалъ три значительныя побѣды». По мнѣнію того же Сегюра, даже султанъ «не посмѣлъ бы обратиться въ такомъ тонѣ къ слабому господарю Молдавскому...» «Даже самъ Фридрихъ Великій,—замѣчаетъ по поводу этой записки одинъ изъ современниковъ, датчанинъ,—даже этотъ знаменитый полководецъ, во главѣ побѣдоноснаго войска и имѣя полную казну, не осмѣлился бы сдѣлать такихъ мирныхъ предложеній, которыя скорѣе можно было бы счесть за объявленіе войны». Датскій посланникъ Сенъ-Сафоренъ отозвался, что «сіе твореніе можетъ происходить только отъ помѣшательства въ умѣ и что вообще поступки короля Шведскаго неслыханные и предъ всѣмъ свѣтомъ обнажаютъ злые его замыслы противъ Россіи». Въ письмѣ къ Гримму отъ 8 іюля Императрица называетъ ноту пресловутой, «которая, мнѣ кажется, можетъ считаться образцовымъ произведеніемъ нелѣпости и горячечнаго бреда. Густавъ, — прибавляетъ она, — ведетъ себя совсѣмъ, какъ какой-нибудь выскочка».

Къ этимъ причинамъ войны съ Швеціей прибавимъ донесеніе отъ 2—13 іюня 1788 года русскаго министра Симолина изъ Парижа: «По слухамъ было извѣстно, что шведскій король рѣшился на производимое имъ противъ насъ вооруженіе, въ разсужденіи того, что Порта обѣщала ему три милліона піастровъ, если онъ воспрепятствуетъ нашему флоту выдти въ нынѣшнемъ году изъ Балтійскаго моря. Шведскій тамъ посолъ баронъ Сталь получилъ изъ Царьграда большой пакетъ для препровожденія къ своему двору» [130]).

«Богъ будетъ между нами судьею. Трудно сіе время для меня, это правда, но что дѣлать?—писала императрица кн. Потемкину.—Надѣюсь въ короткое время получить великое умноженіе, понеже отовсюду везутъ людей и вещей . . . Rira bien qui rira le dernier; la justice, la raison et la vérité sont de notre côté». Съ Даніей у Екатерины былъ заключенъ союзъ еще въ 1773 г.—Турція, Англія и Пруссія не торопились исполнить своихъ обѣщаній по отношенію къ Швеціи.

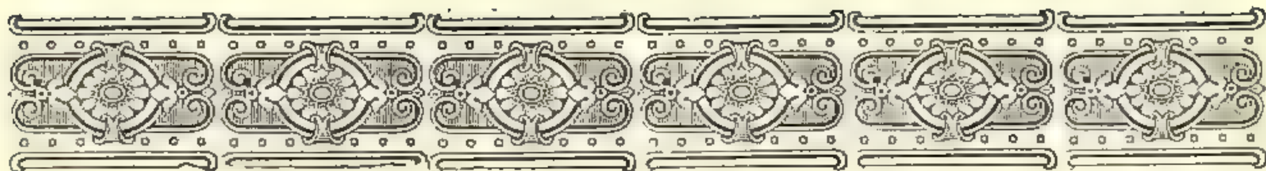
Въ іюнѣ внезапно изъ Москвы пріѣхалъ гр. Алексѣй Григ. Орловъ Чесменскій пугать императрицу шведской войной; Екатерина ему отвѣтила: «У страха глаза велики» [131]). Кауницъ совѣтовалъ Екатеринѣ отказаться отъ земель, пріобрѣтенныхъ по первому раздѣлу Польши, Потемкинъ предлагалъ возвратить туркамъ

Крымъ. Но душа Екатерины была болѣе мужественная, чѣмъ у этихъ совѣтниковъ. «Ради Бога не пущайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно. Когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ-ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ».

Посланникъ шведскій уѣхалъ чрезъ Полоцкъ, «дабы глаза шведскіе не видѣли того, что происходитъ въ Финляндіи и Лифляндіи».

КУРЬЕРЪ.

V.

1788 годъ. Бойцы одѣваютъ доспѣхи. Нейшлотъ. Гогландъ. Фридрихсгамъ. Литературная борьба.

Лучшіе боевые генералы—Суворовъ, Румянцевъ-Задунайскій, князь Долгоруковъ-Крымскій, князь Репнинъ—находились на югѣ. Оставались А. Я. Брюсъ, но онъ,—по опредѣленію Императрицы,—«не имѣлъ головы» и «какъ дураку ввѣрить такую важную часть», гр. И. П. Салтыковъ—но онъ «глупъ и упрямъ», Н. И. Салтыковъ—«нуженъ сидѣть въ военной коллегіи», графъ Ѳ. Е. Ангальтъ,—но онъ «вздумалъ дурачиться и мы почти въ ссорѣ». «Je ne sais quelle mouche l'a piqué» (не знаю, что за шмель его ужалилъ), писала Императрица, когда гр. Ангальтъ требовалъ «чина и команду», какъ условія своего участія въ войнѣ 1788 г. Когда графъ заявилъ, что «qu'il ira planter des choux», Императрица отвѣтила: «bon voyage» (Онъ пойдетъ капусту сажать. Добрый путь).

ГР. В. П. МУСИНЪ-ПУШКИНЪ.

Выборъ остановился на гр. Валентинѣ Платоновичѣ Мусинъ-Пушкинѣ, хотя онъ «оказалъ свое не смысліе»; о немъ сама Екатерина писала князю Потемкину, что сидѣлъ въ военной коллегіи «аки сущій болванъ», не «растворяя» устъ «ниже мухи

*

съ носу не сгонитъ» [134]). Ланжеронъ съ своей стороны находилъ, что графы Иванъ и Николай Салтыковы, гр. Брюсъ, гр. Валентинъ Мусинъ-Пушкинъ и др. не заслуживали чести быть упомянутыми въ его запискахъ: «Между этими господами могутъ находиться весьма честные люди, но навѣрное ни одного генерала» [135]). Графъ Вал. Пл. Мусинъ-Пушкинъ (1735—1804) въ чинѣ секундъротмистра конной гвардіи участвовалъ въ переворотѣ 1762 г., а въ 1783 г. былъ назначенъ состоять при Вел. Кн. Павлѣ Петровичѣ, вмѣсто Н. И. Салтыкова.—По отъѣздѣ князя Потемкина изъ Петербурга, гр. Мусинъ-Пушкинъ занялъ вице-президентское кресло въ военной коллегіи.—Онъ отличался необыкновенною честностью и прямотой. Добръ, ласковъ, слабохарактеренъ, нерѣшительный, доступный чужому вліянію. Никакихъ талантовъ. Уживался со всѣми. Былъ счастливъ. Любимъ прекраснымъ поломъ. Видный, рослый [136]). Его отца Петръ В. называлъ «племянникомъ». Екатерина считала себя «персонально обязанной» Мусину-Пушкину. Въ 1787 г. онъ былъ назначенъ въ Совѣтъ Императрицы. Лично храбрый, онъ оказался совершенно негоднымъ полководцемъ.

Лица, окружавшія неспособнаго военачальника, гр. Мусинъ-Пушкина, также не могли считаться особенно хорошими командирами. «Пронырливый» Иванъ Михельсонъ признавался наиболѣе пригоднымъ для командованія кавалеріею; впрочемъ онъ старательно велъ свое дѣло и довольно счастливо пользовался обстоятельствами. Датчанинъ Нумсенъ оказался человѣкомъ талантливымъ, но плутоватымъ; онъ не зналъ ни одного русскаго слова, а чрезмѣрная тучность мѣшала его дѣятельности . . . «Изъ генераловъ сухопутныхъ здѣсь очень мало путныхъ»,—читаемъ въ письмѣ графа Безбородко. Фонъ-Сухтеленъ—голландецъ, въ инженерной наукѣ человѣкъ искусный, да Реккъ . . . Прочіе всѣ, начиная съ бывшаго Бахуса-Волкова, вамъ знакомы. Съ подобными не далеко зайдешь» [137]). Въ генералахъ ощущался такой недостатокъ, что Екатерина готова была взять «съ Москвы хотя изъ отставныхъ или неслужащихъ».

Такова общая характеристика высшаго командняго состава нашей арміи, отправленнаго въ Финляндію.

23 іюня 1788 г. послѣдовало назначеніе гр. Мусинъ-Пушкина главнокомандующимъ нашими войсками. «Съ полуумными и глупыми трудно имѣть дѣло», сказала о немъ Императрица, и тѣмъ не менѣе онъ два года оставался во главѣ финляндской

арміи. Рано она убѣдилась, что онъ «вялъ, непредпріимчивъ и воистину командовать не умѣетъ», но замѣстителя не имѣлось.

Графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ, вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, далъ (въ іюлѣ 1788 г.) слѣдующія свѣдѣнія. Гарнизоны въ крѣпостяхъ «превеликій имѣютъ въ людяхъ недостатокъ». Вся первоначальная охрана столицы не превышала 8 тыс. чел., раскинутыхъ отъ Сердоболя до Абборфорса [138]). Что-же касалось нашихъ пограничныхъ крѣпостей, то онѣ находились почти въ полуразрушенномъ состояніи. Ихъ гарнизоны состояли изъ увѣчныхъ инвалидовъ. Только Кексгольмская крѣпость была приведена въ оборонительное состояніе. Самонужнѣйшая Выборгская крѣпость исправлялась. Фридрихсгамскую крѣпость обнесли новымъ палисадомъ, но порядочной осады долго выдержать не могла. Ея исправленіе требовало «великаго числа людей», которыхъ «ни за какія деньги сыскать не можно». «Давыдовская крѣпость не иное что есть, какъ ретраншаментъ». Вильманстрандская весьма худа. Она также, какъ и прочія, находилась «въ брошенномъ состояніи».

ГР. Я. А. БРЮСЪ (1732—1791).

«Для всѣхъ общій пунктъ ретирады назначенъ Выборгъ», гдѣ имѣлось нѣсколько болѣе 5 тыс. войска. Изъ письма В. Кн. Павла Петровича къ супругѣ (отъ 3 іюля 1788 г.) мы узнаемъ, что эти войска находились въ хорошемъ состояніи.

Въ Выборгскомъ намѣстничествѣ начальствовавшимъ состоялъ генералъ-аншефъ гр. Яковъ Александровичъ Брюсъ, а правителемъ—генералъ-поручикъ Карлъ Христіановичъ фонъ-Гюнцель [139]). Выборгскимъ оберъ-комендантомъ былъ баронъ Карлъ Ивановичъ Дельвигъ въ чинѣ генералъ-поручика.

Гр. Я. А. Брюсъ (1732—1791) возвысился главнымъ образомъ благодаря своей женѣ (П. А. Брюсъ), занявшей исключительное положеніе наперсницы Екатерины II, пока не была изобличена Императрицей въ связи съ фаворитомъ И. Н. Корсако

вымъ. Я. А. Брюсъ—грубый, суровый, недалекій, точный исполнитель велѣній Императрицы. Скончался 1791.

Кронштадтъ также укрѣплялся. Еще въ 1785 г., по приказанію Императрицы, въ немъ заложено было адмиралтейство и гавани приводились въ порядокъ, подъ наблюденіемъ адмирала С. К. Грейга. Въ 1787 г. въ немъ возведено было нѣсколько полевыхъ укрѣпленій и строились плавучія батареи, для укомплектованія которыхъ прислано было 150 обученныхъ артиллеристовъ. Въ Петербургѣ формировались артиллерійскіе батальоны. Для нихъ брались также и мастеровые. Комендантъ просилъ и людей, и офицеровъ. Канцелярія Главной Артиллеріи и Фортификаціи написала во всѣ крѣпости Финляндскаго департамента, что «въ ея распоряженіи людей больше нѣтъ въ артиллерійскомъ корпусѣ, а чтобы для пальбы коменданты помогли людьми изъ гарнизонныхъ полковъ и обывателей» [140]).

Во время войны артиллерійскою частью обороны завѣдывалъ артиллеріи генералъ-поручикъ Петръ Ивановичъ Меллисино, состоявшій въ то же время главнымъ директоромъ артиллерійскаго корпуса [141]). Какъ онъ самъ, такъ и офицеры корпуса въ 1788—1789 г.г. оказали существенную услугу родинѣ. Прежде всего, въ теченіе двухъ лѣтъ, они выпустили 90 молодыхъ офицеровъ и отправили въ армію три артиллерійскихъ батальона. При кадетскомъ корпусѣ обучили 1.300 морскихъ и 200 гвардейскихъ артиллеристовъ. Въ 1790 г. офицеры корпуса строили укрѣпленія въ Сюстербекѣ (Сестрорѣцкѣ). Державинъ, посѣтивъ этотъ корпусъ (въ 1792 г.), не безъ основанія писалъ: «Поистинѣ, я почти не видалъ никогда столь пріятнаго позорища (зрѣлища) для сердца и ума, и особенно любя отечество. Вы (генер. Меллисино) ему пріуготовляйте достойнѣйшихъ сыновъ для споспѣшествованія къ его благоденствію и для его защиты. Я, кажется, видѣлъ и Спарту и Аѳины» [142]).

Военный Совѣтъ Императрицы, учрежденный въ 1768 г., состоялъ (въ 1788 г.) изъ военныхъ генераловъ: гр. Якова Алекс. Брюса, Николая Иван. Салтыкова, Валентина Платон. Мусинъ-Пушкина, вице-президента адмиралтействъ-коллегіи гр. Ивана Григорьевича Чернышева и изъ слѣдующихъ гражданскихъ чиновъ: д. т. с. гр. Андрея Петровича Шувалова, кн. Алексѣя Алексѣевича Вяземскаго, гр. Ал. Ром. Воронцова, вице-канцлера Ив. Андр. Остермана, т. с. Степ. Ѳед. Стрекалова и т. с. Петра Вас. Завадовскаго. Такимъ образомъ, въ военномъ совѣтѣ менѣе

всего было военныхъ спеціалистовъ. Совѣтъ дѣйствовалъ робко и тормозилъ рѣшительныя мѣропріятія. Императрица была права, сказавъ: «они все останавливаютъ», но тѣмъ не менѣе не брали на себя отвѣтственности за военныя дѣйствія.

На общемъ планѣ кампаніи Екатерина надписала: «Мнѣ лучше нравится дефензива, нежели офензива; сія послѣдняя требуетъ много точности и подробностей, отъ водяного пути зависящихъ; да сверхъ того входъ въ Финляндію финнамъ будетъ въ тягость, а теперь они насъ менажируютъ» [143]).

12 іюля 1788 г. Н. И. Салтыковъ подалъ Государынѣ вѣдомость о войскахъ, сосредоточенныхъ въ Финляндіи. Ихъ оказалось: 15.131 чел. пѣхоты, да кавалеріи 3.168 чел., итого 18.299.

Внутренняя сила арміи неизбѣжно предопредѣляетъ ея успѣхи или неудачи. «Всѣмъ, конечно, извѣстно, писалъ Андр. Ив. Вяземскій въ 1774 г., что слава и безопасность государства состоитъ въ солдатахъ, и что та земля, которая имѣетъ по своимъ силамъ многочисленную и въ лучшемъ порядкѣ содержимую армію, та и безопаснѣе» [144]).

При Екатеринѣ II, какъ писалъ профессоръ Д. Ѳ. Масловскій, установленъ прочный фундаментъ нравственныхъ традицій русскаго войска. Въ области дисциплины Румянцевъ требовалъ приведенія нижнихъ чиновъ «въ приличное военнымъ людямъ состояніе». Потемкинъ находилъ, что «солдатъ есть названіе честное» и потому старался поднять его нравственное достоинство. Знаменитый Суворовъ внушалъ своимъ «чудо-богатырямъ» милостивое обращеніе съ побѣжденными и обывателями. «Не обижай обывателя, говорилъ онъ солдатамъ, онъ тебя кормитъ и поитъ».

Картина общаго состоянія военной силы въ Имперіи Екатерины II, нарисованная современниками, покрыта густымъ слоемъ мрачныхъ красокъ. «Императрица Екатерина, какъ женщина, продолжаетъ Тучковъ, не могла заниматься устройствомъ войска», но въ то же время она крайне ревниво относилась къ военной славѣ. «Всѣ военные люди, видѣвшіе тогда русскую армію, согласятся, продолжаетъ С. А. Тучковъ, что пѣхота была въ лучшемъ видѣ, нежели конница. Она одѣта была по-французски, а обучалась на образецъ прусскій. Но излишнее щегольство, выправка и стягиваніе солдатъ доведены до крайности. Голова солдата причесана была въ нѣсколько буколь. Красивая гренадерская шапка и муш-

кетерская шляпа были только для виду, а не для пользы. Онѣ едва держались на головѣ, и потому ихъ прикалывали проволочной шпилькой къ волосамъ, завитымъ въ косу. Приклады ружья были выдолблены и положено было въ оные нѣсколько стеколъ и звучащихъ черепковъ, а сіе для того, что при исполненіи разныхъ ружейныхъ пріемовъ, чѣмъ больше всего тогда занимались, каждый ударъ производилъ звукъ». Выправку солдатъ Тучковъ

Форма обмундированія русскихъ войскъ времени Екатерины II. Гвардейскіе офицеры.

называетъ безчеловѣчной. «Вотъ тебѣ три мужика, говорилъ полковой командиръ капитану, сдѣлай мнѣ изъ нихъ одного солдата».

«Солдаты, пишетъ генералъ-поручикъ Ржевскій, чисто и прекрасно одѣты, но вездѣ стянуты и задавлены, такъ что естественныхъ нуждъ солдатъ отправлять не можетъ: ни стоять, ни ходить, ни сидѣть покойно ему нельзя. Тесакъ, какъ огонь горитъ; но полоса заржавѣла, вмѣстѣ съ ножнами. Ружье, какъ зеркало, чисто, но не можетъ цѣлко выстрѣлить отъ уродливой ложи». Тоже почти повторено въ запискѣ князя А. И. Вяземскаго.

Графъ С. Р. Воронцовъ сожалѣетъ, что въ лучшую въ мірѣ пѣхоту великороссіянъ допущено много инородцевъ: онъ предлагаетъ брать ихъ «въ деньщики, фурлейтеры, въ матросы».

Благодаря трудамъ фельдцейхмейстера времени Императрицы Елизаветы Петровны, графа Шувалова, артиллерія, по мнѣнію Тучкова, была поставлена довольно удовлетворительно.

Полковые командиры, по словамъ графа Ланжерона, стараясь подражать Потемкину, являлись «величайшими вельможами въ Европѣ» и сибаритами. Послѣ главнокомандующаго, ихъ положеніе представлялось наилучшимъ, въ виду того, что они пользовались неограниченной деспотической властью и матеріальной

Форма обмундированія русскихъ войскъ времени Екатерины II. Гвардейскіе солдаты.

обезпеченностью. Они имѣли къ своимъ услугамъ нѣсколько сотъ лошадей и огромные (въ 200 чел.) оркестры; по своему вкусу они экипировывали ввѣренные имъ полки. Утопая въ роскоши, они проводили время среди метресъ, въ попойкахъ, за картами и не знали иного труда, кромѣ труда отдачи приказаній.

Въ письмахъ къ графу Безбородко, гр. С. Р. Воронцовъ сильно негодуетъ на то, что нашу армію наполнили недостойными генералами и офицерами, что полки не для службы созданы, а для наживы и «какъ аренды любимцамъ всемогущаго (временщика) отдаются» [145]).

«Чувство товарищества мало развито среди офицеровъ, потому что они могутъ, по желанію, переходить изъ полка въ полкъ,

что ослабляетъ эту взаимную связь» [146]). Графъ Ланжеронъ строго осудилъ офицеровъ за ихъ малое развитіе и малыя военныя познанія. Особенно рѣзко онъ отозвался объ офицерахъ гвардіи. Онъ пишетъ даже, что «гвардія составляетъ позоръ и бичъ русской арміи». «Но, прибавляетъ онъ, я также встрѣчалъ между офицерами людей честныхъ и хорошо воспитанныхъ». Офицеры состоятъ изъ всего, что есть наизнатнѣйшаго и богатѣйшаго въ Россіи. Храбрость русскихъ офицеровъ графъ Ланжеронъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія [147]). Неустрашимость русскихъ офицеровъ отмѣчена также италіанцемъ Mailha, удивлявшимся робости тѣхъ же храбрецовъ передъ своими генералами.

Гренадеръ русскихъ войскъ времени Екатерины II.

Въ офицерской средѣ немало находилось иностранцевъ. Россійскими штабъ-офицерами,—какъ утверждаетъ генералъ Ржевскій,—переодѣты были иностранные камердинеры, купцы и учителя [148]).

Графъ С. Р. Воронцовъ говоритъ, что казна обкрадывалась съ невообразимымъ безстыдствомъ и бѣдные солдаты безчеловѣчно лишаемы были тѣхъ ничтожныхъ денегъ, на которыя они имѣли право. Безчеловѣчное отношеніе къ солдатамъ принуждало ихъ къ побѣгамъ. «Я видѣлъ нашихъ храбрыхъ соотечественниковъ цѣлыми тысячами на службѣ у пруссаковъ и австрійцевъ; а лица, бывшія въ Швеціи, увѣряли меня, что въ Стокгольмѣ и Готенбургѣ они видѣли слишкомъ двѣ тысячи русскихъ, служившихъ въ шведской арміи» [149]).

Армія пополнялась главнымъ образомъ рекрутскими наборами. При наличности крѣпостного права, отъ наборовъ страдали помѣщики, у которыхъ отнималась часть ихъ имущества и дохода, но страдала и Россія, страдала армія, понижая свои качества.

И несмотря на все это, русская армія, по признанію графа Ланжерона, являлась одной изъ лучшихъ въ Европѣ. Таковой ее дѣлали главнымъ образомъ безцѣнныя качества нашего солдата: его храбрость, хладнокровіе, выдержка, понятливость, ловкость,

дисциплинированность . . . Офицеры — сибариты, солдаты— спартанцы. Солдатъ не роптал. Царю и отечеству онъ былъ предапъ. Русскаго солдата,—по заявленію Фридриха II,—легче было убить, чѣмъ побѣдить. Въ своихъ сообщеніяхъ князь де-Линь ставитъ русскаго солдата чрезвычайно высоко, дивится его выносливости, благоговѣетъ передъ его преданностью долгу. Князь де-Линь высказываетъ убѣжденіе, что съ русскимъ солдатомъ можно взять не только Очаковъ, но самый Царьградъ, что русское войско «только тогда не одерживаетъ побѣды, когда его не ведутъ въ бой». Иностранные писатели—современники царствованія Екатерины—единогласно восхваляютъ русскаго солдата. «По наружности русскій солдатъ— «истинное изображеніе прочности»; когда онъ хорошо веденъ, онъ способенъ сдѣлать все, и все предпринять». Русская пѣхота—это стѣна . . . Быть можетъ на землѣ нѣтъ націи болѣе способной къ войнѣ, чѣмъ русская . . . Русскіе солдаты по темпераменту суровы, по предразсудку— храбры, по привычкѣ—послушны, а совокупность этихъ качествъ каждой личности составляютъ основаніе хорошаго войска» [150]).

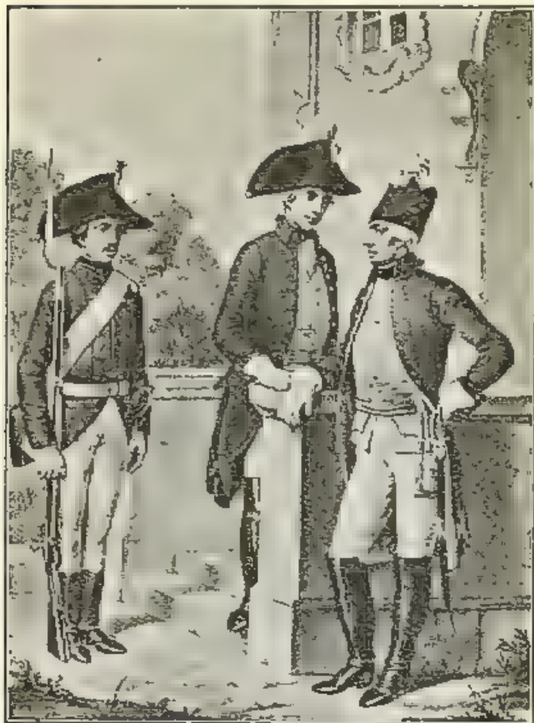
Въ русскомъ лагерѣ, пишетъ современникъ событій—шведъ, «я видѣлъ много красивыхъ, прекрасныхъ солдатъ, хорошо одѣтыхъ, чистыхъ, дисциплинированныхъ»; кромѣ того, онъ видѣлъ сильныхъ лошадей, удобныя лазаретныя повозки, снаряженныя для спокойствія больныхъ.

Русскій военный оркестръ времени Екатерины II.

Русскій лагерь онъ нашелъ не въ полномъ порядкѣ, не всѣ солдаты были изъ лучшихъ; особенно поразила шведа полковая музыка, состоящая изъ многихъ разнообразныхъ хорошихъ инструментовъ. Палатки были новыя, хорошія; въ каждой палаткѣ помѣщались отъ 10 до 12 человѣкъ. Полковникъ производилъ обученіе баталіона, какъ показалось шведу, ради хвастовства. Единственно хороши были ружейные пріемы, но марши и эволюціи никуда не годились [151]).

Южной арміи, воевавшей противъ турокъ подъ начальствомъ Потемкина, Екатерина ослаблять не желала, почему воспретила вызывать изъ нея полки и повелѣла гвардіи выступить въ финляндскій походъ. Остальные полки и судовыя команды пополнялись штрафованными, дворниками, ямщиками, даже цыганами и каторжниками. До 1800 добровольцевъ поступило въ ряды войска. «Находящимся здѣсь въ городѣ (Петербургѣ) господамъ помѣщикамъ предложено давать въ солдаты, кто сколько пожелаетъ, дворовыхъ людей. Гр. Безбородко даетъ 10, г. Заводовскій тоже, г. Волховскій одного». т. д. [152]).

Рядовой и офицеры штатной команды Выборгскаго Намѣстничества (1787—1796).

Произведенъ былъ вольный наборъ, а также наборъ мелкопомѣстныхъ дворянъ.

Впослѣдствіи вызваны были киргизы, калмыки, мещеряки и башкиры. Пока-же башкиръ и калмыковъ разсчитывали собрать до 2 тыс. Генералъ Игельстрёмъ донесъ, что башкиры ранѣе сентября прибыть не могутъ [153]).

Для защиты Петербурга Екатерина думала еще росписать городъ на кварталы и поручить оборону вооруженнымъ жителямъ [154]).

Изъ праздношатающихся церковниковъ набирали 2 баталіона. Изъ ямщиковъ и мѣщанъ имѣли въ виду сформировать войско «на казацій образецъ», но Потемкинъ долго не высылалъ нужныхъ старостъ. Императрица намѣревалась сдѣлать заемъ у русскихъ богачей.

Кирасы для полка Наслѣдника дѣлались на Систербекскомъ заводѣ [155]).

Неожиданное нападеніе вѣроломнаго врага вызвало замѣтный подъемъ патріотизма. Солдаты шли на войну безъ дневокъ. Крестьяне охотно давали подводы. «Простой народъ у насъ короля шведскаго хотятъ бить кнутьями и на него ужасно сердиты», писала Екатерина къ Потемкину. Усердіе и охота народная противу сего новаго непріятеля велики, не могутъ дождаться драки. Рекрутъ везутъ и посылаютъ отовсюду» . . . Солдаты

говорили, вѣроломца за усы приведемъ. «Диспозиція духовъ (sic) у насъ и въ его войскѣ въ мою пользу» [156]). Ген.-маіоръ I. I. Арбеневъ говорилъ Императрицѣ, что, ведя въ Финляндію измайловцевъ, «съ роду не видалъ людей толь усердныхъ» [157]).

Сегюръ удивлялся скорости, съ которой приготовились къ встрѣчѣ Густава, повторивъ слова Ея Величества, «qu'un grand Empire a de grandes ressources».

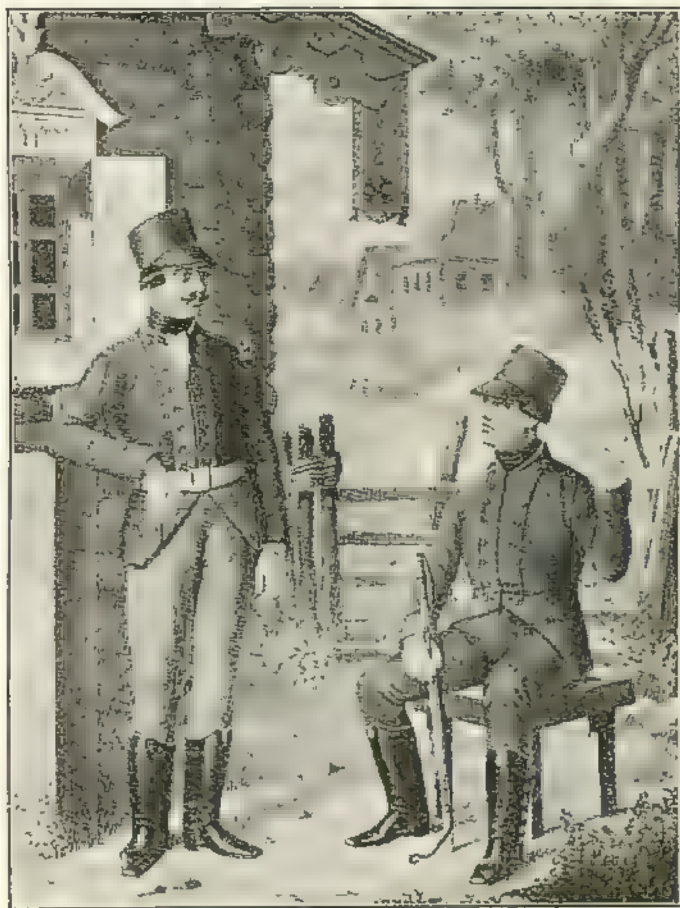
У Красной Горки лагеремъ расположился гвардейскій отрядъ, подъ командою ген.-м. Н. А. Татищева.

Общее состояніе нашихъ сухопутныхъ силъ на сѣверѣ нельзя было признать удовлетворительнымъ. Вотъ почему гр. Остерманъ, въ разговорѣ съ прусскимъ посланникомъ, высказалъ предположеніе, что, при объявленіи войны новой какой-либо державой, Россіи придется ограничиться одной обороной [158]).

Если-бы всѣ полки, отправленные въ Финляндію, «были въ комплектѣ и исправны», получилась бы грозная армія.

Въ дѣйствительности на финляндскомъ театрѣ войны было сосредоточено, вмѣстѣ съ прежними (къ 19 іюля), всего до 25 тыс. человѣкъ [159]).

«У насъ теперь въ Финляндіи 20 баталіоновъ пѣхоты, казаковъ 800, два полка кирасировъ; я думаю,—писала Императрица кн. Потемкину 17 іюля 1788 г.,—что съ рода въ Финляндіи столько не было» [160]).

Обозные (извощики).

Густавъ III получилъ плохое военное наслѣдство. Ему достались полуразрушенныя крѣпости, пустые запасные магазины, плохая артиллерія, на половину негодное начальство. Дисциплина находилась въ упадкѣ.— Флотъ не отвѣчалъ требованіямъ времени. Борьба политическихъ пар-

тій особенно губительно отразилась на войскахъ. Въ періодъ вольностей созданіе Карла XI было почти разрушено: внѣшность поселенной системы сохранилась, но духъ ея отлетѣлъ. Одинъ риксдагъ отмѣнялъ то, что было введено другимъ. Экономическія заботы вызвали пренебреженіе къ воинскому духу. Уровень военнаго образованія понизился; воинскія упражненія сократились до minimum'а.

Размѣры пенсіи были скромные, почему офицеры напрягали всѣ усилія, чтобъ выслужить полное число лѣтъ и получить высшій пенсіонный окладъ. Старые и болѣзненные оставались на службѣ, вакансіи открывались рѣдко. Все это привело къ установленію т. н. аккордной системы, сущность которой заключалась въ томъ, что офицеръ, считавшій себя болѣе неспособнымъ къ службѣ, продавалъ свое мѣсто за извѣстную сумму (Ackordsumm), которая являлась для него дополненіемъ пенсіи. Первоначально аккордная сумма устанавливалась по взаимному соглашенію договаривавшихся; но въ 1769 г. сумму опредѣлили закономъ для каждаго чина. Система продажи своихъ мѣстъ привела къ наполненію высшихъ должностей арміи лицами, неспособными командовать и имѣвшими возможность оплатить свое новое служебное положеніе. Съ другой стороны, офицеръ, желавшій обезпечить родную семью аккордомъ, естественно оберегалъ свою жизнь отъ вражескихъ пуль, трудностей и опасностей походовъ. Убитый на войнѣ оставлялъ свою семью безъ обезпеченія; напротивъ, ловкій и пронырливый лѣнтяй всегда успѣвалъ во время продать свою должность.

Густавъ, видя растлѣвающее вліяніе аккордной системы на воинскій духъ и дисциплину, воспретилъ торговлю мѣстами; но обычай оказался сильнѣе королевскаго повелѣнія и должности попрежнему продавались.

Густавъ былъ созданъ для войны, хотя самъ не обладалъ качествами полководца. Въ молодые годы его держали вдали отъ военнаго дѣла. По вступленіи же на престолъ, онъ удѣлилъ много вниманія и заботъ арміи. Его политическія стремленія, его любовь къ родинѣ побудили заняться обороной государства. Честолюбіе толкало его на широкую политическую арену. Желаніе играть роль въ Европѣ требовало хорошо устроенной военной силы.

Въ 1773 году, надвигавшаяся съ востока военная гроза вызвала учрежденіе финляндской комиссіи обороны, съ цѣлью снаряженія, обмундированія и вооруженія финскихъ войскъ, Тогда же состоялось повелѣніе возстановить «варьерингъ» (т. е. ре-

зервъ). Содержанiе резервистовъ возложено было на руты и рустальты, которымъ помогала казна [161]).

Когда миновала опасность 1773 г., въ Швецiи стали думать объ общемъ преобразованiи армiи, причемъ имѣли въ виду упразднить аккордную систему, возстановить на прежнихъ основахъ поселенныя войска, съ ихъ лагерными сборами и воинскими упражненiями; хотѣли, при посредствѣ обоза, добиться подвижности полковъ, пересоздать кавалерiю, обновить артиллерiю, раздѣлить армiю на бригады и пр. [161]).

Для возстановленiя дисциплины у короля не хватило послѣдовательности и настойчивости. Его строгость не достигла цѣли, его справедливость не была одинакова по отношенiю къ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Болѣе послѣдовательности онъ проявилъ въ дѣлѣ возсозданiя флота, почему и результаты получились лучшiе.

Среди военныхъ преобразованiй часто приходилось оглядываться на Финляндiю. Она требовала особыхъ заботъ. Въ 1775 г., когда вновь грозила разразиться военная буря, шведы считали Финляндiю потерянной, если нападенiе на нее произведено будетъ зимою [162]). Единственной серьезной мѣрой для ея охраненiя нѣкоторые признали удаленiе одной части войска въ Або и необходимость запереть другую въ Свеаборгѣ. Въ 1776 г. оборона Финляндiи была выдвинута на первый планъ; власти имѣли въ виду обезпечить ее отъ зимняго нападенiя.—Деньги были отпущены на исправленiе Свеаборга и Тавастгуса. По контрактамъ, заключеннымъ правительствомъ съ рустгальтерами и рутовыми крестьянами, они обязаны были давать выставляемымъ ими поселеннымъ солдатамъ пищу и плату на проѣздъ къ мѣсту лагерныхъ сборовъ. Это вызывало безконечные споры между хозяевами и солдатами. Поэтому постановлено было, взамѣнъ пищи и прогонныхъ денегъ, взимать пассеволансныя деньги. Изъ этихъ взносовъ составился фондъ для снабженiя полковъ провiантомъ, обозомъ, лошадьми и проч. Правительство имѣло въ виду создать для армiи также постоянный запасъ; но ландсгевдинги не въ состоянiи были первоначально побудить рустгальтеровъ и рутовыхъ крестьянъ выставить нужное число пригодныхъ людей.—Опытъ далъ удручающiе результаты, и пришлось все преобразовать. Впослѣдствiи финскiе резервы сдѣлались постоянными; они ежегодно собирались для обученiя на 14 дней. Ихъ численность составила въ сложности 4.000 чел. Много заботъ удѣлили тогда же (1775 г.) Саволаксу и Карелiи, откуда русскiе могли зайти

во флангъ шведамъ и отрѣзать имъ пути отступленія. Шведы имѣли здѣсь пѣшихъ егерей и карельскихъ драгунъ. Населеніе уже ранѣе выразило желаніе охранять границу и на свой счетъ устраивать упражненія въ искусствѣ владѣть оружіемъ. Правительству оставалось только дать ему соотвѣтствующихъ начальниковъ, но до времени Густава III въ этомъ отношеніи ничего не было сдѣлано [163]).

Истиннымъ организаторомъ обороны Саволакса и Кареліи явился Гёранъ Спренгтпортенъ. Во время поѣздки по Финляндіи, Густавъ III посѣтилъ его домъ и одобрилъ его планы преобразованія саволакскихъ войскъ. Въ Саволаксѣ Г. Спренгтпортенъ быстро занялъ первое мѣсто. Онъ пріобрѣлъ общее уваженіе и довѣріе подчиненныхъ. Его нововведенія оказались вполнѣ цѣлесообразными и полезными. По повелѣнію короля, онъ выработалъ общій планъ обороны Финляндіи противъ русскаго нападенія, но, за отсутствіемъ денегъ, онъ не былъ осуществленъ [164]).

Въ моментъ объявленія войны, наличное шведское войско не представляло грозной боевой силы. «Офицеры во всѣхъ странахъ радуются войнѣ, здѣсь-же, въ Швеціи, они были первыми, чуть ли не единственными, которые начали кричать противъ нея» [165]). «Они спрашивали,—говоритъ Адлербергъ,—кто выплатитъ имъ акорды, кто будетъ заботиться о ихъ женахъ и дѣтяхъ, въ случаѣ они падутъ. Невоенный духъ, который проявился такимъ образомъ, былъ послѣдствіемъ поселенной системы, съ ея удобствами дворянской жизни въ бостеляхъ и аккордной системы, дѣлавшей офицера, ради его семьи, непригоднымъ для лишеній войны [166]). Король исключилъ изъ состава риксдага 1786 г. военное начальство, на что рыцарскій домъ подалъ апелляцію. Распоряженіе короля явилось вмѣшательствомъ въ то, что военные считали своей главной привилегіей. Со временъ короля Карла XI вошло въ обычай призывать военныхъ начальниковъ въ риксдагъ. Какое значеніе они придавали этому, видно изъ того, что, когда въ 1760 году мощный тогда совѣтъ воспретилъ явку офицеровъ на риксдагъ, большинство пренебрегло запрещеніемъ, и, даже въ дни военныхъ дѣйствій, оставивъ армію въ Помераніи, явились въ Стокгольмъ [167]). «Я видѣлъ,—говорилъ впослѣдствіи король Густавъ III,—какъ эти ослушники цѣлыми шайками являлись въ Дротнингсгольмъ и еще хвастались своимъ непослушаніемъ; это меня поражало: съ тѣхъ поръ я питалъ презрѣніе къ этимъ людямъ, жертвовавшимъ интересомъ и честью государства своимъ личнымъ разсчетамъ».

Къ этому еще прибавился оппозиціонный духъ, который всосали старые офицеры въ періодъ вольности и замѣтно вліялъ на младшихъ во время послѣдняго риксдага. На этотъ духъ воздѣйствовали два распоряженія короля: постановленіе о свободѣ слова и печати отъ 7 декабря 1787 г. и постановленіе о винокуреніи, изданное 3-го марта 1788 г., которое было понято, какъ правонарушеніе, ибо военныхъ оно лишало возможности винокуренія для домашняго употребленія, т. е. права, принадлежащаго каждому другому гражданину [168]).

Всѣ эти признаки не предвѣщали ничего хорошаго, особенно въ военное время.

Большая часть финскихъ войскъ, согласно военному плану, стянута была первоначально къ Гельсингфорсу и Свеаборгу; сюда же доставлены были на шхерной флотиліи 15—16000 чел. шведскихъ сухопутныхъ войскъ. Всего Густавъ располагалъ почти 30000 чел., да еще 12000 морского войска, составлявшими экипажъ его флотовъ. Въ составѣ войскъ Густава III находилось около 15000 финской пѣхоты и кавалеріи, да финская шхерная флотилія, состоявшая изъ двухъ шхерныхъ фрегатовъ, 15 галеръ и другихъ меньшихъ судовъ съ экипажемъ въ 5000 чел. Слѣдовательно, Финляндія выставила до 17000 войска. Большая часть этой значительной арміи предназначена была для высадки въ Ораніенбаумѣ, близъ Петербурга, подъ начальствомъ самого короля [169]).

Рѣшивъ воевать съ Россіей, королю нужно было поднять общественное настроеніе финляндцевъ противъ русскихъ. Это дѣло Густавъ поручилъ своему любимцу Г. М. Армфельту, который пускалъ въ ходъ всякіе благовидные и неблаговидные предлоги, лишь бы достигнуть цѣли. Задача его оказалась тѣмъ болѣе трудной, что на русской сторонѣ границы приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы не подать повода къ ссорамъ и недоразумѣніямъ: воспрещено было носить оружіе, сняты были пограничные караулы и пр. Подобныя миролюбивыя мѣропріятія на шведской сторонѣ растолковывались, какъ хитрыя попытки русскихъ усыпить бдительность своихъ враговъ. Чтобы раздражить русскихъ, Г. М. Армфельтъ предложилъ королю приказать останавливать нашихъ курьеровъ. Распространенъ былъ слухъ, что финнамъ придется сражаться съ свирѣпыми татарами и язычниками. У шведовъ ощущался большой недостатокъ въ деньгахъ; услужливые клевреты короля объяснили это народу тѣмъ, что русскій министръ въ Стокгольмѣ А. К. Разумовскій разграбилъ почту, везшую казен-

ныя деньги. Нелѣпому разсказу повѣрили и Г. М. Армфельтъ, радуясь успѣху своихъ измышленій, восклицалъ: «и это хорошо». «Тысяча глупыхъ разсказовъ»,—пишетъ баронъ Г. М. Армфельтъ своей графинѣ изъ Элиме, 20 іюня 1788 г.,—«частью обезкуражили, частью раздражили ихъ (шведскихъ солдатъ); между прочимъ говорилось, будто-бы императрица повелѣла переодѣть 80000 бабъ, чтобы прогнать ихъ»; они повѣрили и этой сказкѣ. Разжигая охоту финновъ къ войнѣ, Г. М. Армфельтъ съ удовольствіемъ доносилъ королю, что старанія его увѣнчались успѣхомъ. Взятую на себя роль въ этой «комедіи» Г. М. Армфельтъ исполнялъ съ такимъ усердіемъ, что не предупредилъ объ истинномъ положеніи дѣла даже своего дядю, барона К. Армфельта, назначеннаго главнокомандующимъ.

ГУСТАВЪ АРМФЕЛЬТЪ.

Но медаль имѣла и оборотную сторону.—Въ Финляндіи ощущалась повсемѣстная нужда, вслѣдствіе прошлогодняго голода; это обстоятельство внушало большія опасенія, такъ какъ извѣстно было, что «съ пустымъ желудкомъ финнъ добра не сдѣлаетъ».

Рядомъ съ недостаткомъ въ провіантѣ и деньгахъ, обнаружились большіе недочеты въ вооруженіи и обмундированіи. Артиллерія оказалась въ самомъ жалкомъ состояніи.

Еще печальнѣе было то, что духъ и настроеніе въ войскахъ оказались не воинственными, особенно въ частяхъ, расположенныхъ въ Гельсингфорсѣ и Свеаборгѣ. Общій тонъ въ Гельсингфорсѣ былъ таковъ, что Г. Армфельтъ запретилъ своимъ офицерамъ посѣщеніе города. Изъ писемъ Г. М. Армфельта къ королю видно, что настроеніе было явно безпокойное и трусливое. Жены покидали своихъ мужей и переѣзжали въ Швецію. Особенное малодушіе и страхъ проявилъ командующій войсками въ Финляндіи, генералъ графъ Поссе. Нерѣдко онъ восклицалъ: «только религія воспрещаетъ мнѣ пустить себѣ пулю въ лобъ».

Письмомъ (отъ 11-22 мая 1788 г.) король увѣдомилъ Г. М. Армфельта, что онъ «перешелъ Рубиконъ» и скоро начнется война.—Одновременно подобное же увѣдомленіе получилъ

гр. Поссе. Происходилъ какой то военный совѣтъ, когда пришелъ молодой полковникъ Нюландскаго полка Г. М. Армфельтъ. Поссе плакалъ, проклиналъ все и вся, грозилъ покончить съ собой и т. п. Общее поведеніе присутствовавшихъ представлялось настолько страннымъ, что Г. М. Армфельтъ, несмотря на свою молодость и неопытность, долженъ былъ сказать собравшимся: «Ваше поведеніе меня удивляетъ; вамъ даны опредѣленныя приказанія и ихъ слѣдуетъ исполнить точно и немедленно. Если вы полагаете, что мы будемъ разбиты русскими,—тѣмъ хуже для васъ. Если бы въ моемъ лагерѣ нашелся одинъ солдатъ съ такими мыслями, я прогналъ бы его. При нападеніи на насъ, мы должны защищаться par tous les diables; а если желаемъ сами напасть, то обязаны къ тому приготовиться. Пустыя разсужденія излишни; трусость вредитъ нашему собственному достоинству и дѣлу короля». Разъ мечъ обнаженъ, долгъ воина повиноваться [170]). Картину дорисовываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ І. А. Эренстремъ, у котораго читаемъ: «Офицеры шведскихъ полковъ, перевезенныхъ въ Финляндію, были вообще противъ войны. Множество маленькихъ билетиковъ, одинаковой формы и величины, написанныхъ буквами изъ квадратовъ и прямыхъ линій, были разосланы съ цѣлью дѣйствовать преимущественно на унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Они содержали: предостереженіе не слушаться, если имъ прикажутъ перейти государственную границу съ Россіею; зачинщики незаконной и несправедливой войны, особенно генералъ Толль, будутъ на слѣдующемъ риксдагѣ привлечены къ отвѣтственности и присуждены къ смертной казни [171]).

Наиболѣе огульное неповиновеніе проявили офицеры финскихъ Абоскаго и Бьернеборгскаго пѣхотныхъ полковъ. Неясные слухи о предстоящихъ какихъ то переворотахъ распространялись въ то же время среди шведскаго общества. Едва войска сосредоточились въ Финляндіи, какъ одновременно и въ лагерѣ, и въ Стокгольмѣ пошли разговоры о томъ, что цѣль ихъ сборовъ увеличеніе суверенной власти короля, на предполагаемомъ риксдагѣ въ Або.—По другимъ слухамъ,—чтобы помѣшать этому—Свеаборгскій гарнизонъ готовъ былъ стать во главѣ возстанія, къ которому обѣщали примкнуть отряды арміи и флота своимъ отказомъ перейти границу. Третьи говорили, что часть флота, встрѣтивъ короля на морѣ, арестуетъ его и послѣ этого начнется революція.

Въ это же время «Клинкъ и Іегергорнъ,—говоритъ аудиторъ Шультцъ,—старались внушить арміи не только убѣжденіе въ

незаконности войны, но и сомнѣніе въ невозможности для края ея выполненія; вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли, что Финляндія могла бы избѣжать ужасовъ войны и добыть себѣ неописуемыя выгоды, еслибъ она, подъ покровительствомъ Россіи, объявила себя самостоятельной» [172]).

Два мѣсяца спустя плоды броженія разныхъ полковъ сказались въ Аньяла.

Первоначально Густавъ имѣлъ въ виду поставить во главѣ своихъ войскъ престарѣлаго графа Хорда, находившагося въ Берлинѣ. Въ отвѣтѣ королю онъ указалъ на свой преклонный возрастъ, но самъ отъ назначенія не отказался. «Сему человѣку мы спасли животъ, ибо покойная Императрица Елизавета Петровна, имѣя его плѣнникомъ, не выдала шведамъ, кои хотѣли его казнить», сказала Екатерина [173]).

Выборъ короля остановился на баронѣ К. Г. Армфельтѣ.— Онъ родился въ 1724 г., слѣдовательно, ему шелъ 62 годъ; онъ былъ участникомъ войны 1741—1742 г.г.—Почти вся его служба протекла въ Финляндіи, отчасти среди Нюландскихъ драгунъ, отчасти въ Нюландской губерніи, гдѣ онъ состоялъ сперва вице-губернаторомъ, а затѣмъ начальникомъ губерніи.

Подъ начальствомъ этого стараго барона Карла Густава Армфельта отрядъ финскихъ войскъ приведенъ былъ къ рѣкѣ Кюмени, т. е. къ границѣ русско-шведскихъ владѣній. Главная часть отряда, численностью въ 2000 чел., стояла при Элиме, Кельтисѣ и Аньяла, въ ожиданіи переправы черезъ рѣку, тогда какъ меньшій отрядъ, въ 900 чел., подъ командой его племянника, полковника Густава Маурица Армфельта, расположился нѣсколько миль южнѣе, близъ устья рѣки, при маломъ Абборфорсѣ. Въ Саволаксѣ находился небольшой отрядъ, Саволакская бригада, около 1700 чел., собранный около С.-Михеля.

Въ водахъ Финскаго залива крейсировалъ флотъ Густава, состоявшій изъ 23 линейныхъ кораблей и 11 большихъ линейныхъ фрегатовъ. Шхерная флотилія насчитывала въ своемъ составѣ до 140 судовъ.

Войска были собраны, войска передвигались, но къ открытію военныхъ дѣйствій русскіе ни малѣйшаго повода не давали.

По необходимости Густаву пришлось начать войну маскарадной стычкой въ приходѣ Пумала ($\frac{16-17}{27-28}$ іюня 1788 г.) у мѣстечка

Вуольтепсальми [174]). Мы говоримъ: маскарадной, потому что она происходила между отрядомъ шведскихъ войскъ и шведскими же солдатами, переодѣтыми въ русскіе мундиры. Профессоръ А. Брикнеръ давно и удачно обосновалъ исторію этой стычки по письмамъ современниковъ. 5-го іюня 1788 года Густавъ писалъ къ своему другу Г. М. Армфельту, какія мѣры должно было принять, чтобы заставить русскихъ начать войну, или вѣрнѣе, чтобы русскіе казались зачинщиками: «Примите всѣ мѣры предосторожности, чтобы никто не могъ намъ приписывать вину открытія военныхъ дѣйствій. Лишь бы одинъ стогъ сѣна сожженъ былъ русскими въ шведской Финляндіи, и этого достаточно, чтобы назвать императрицу начавшей войну, и государственный совѣтъ въ Даніи не будетъ считать себя обязаннымъ исполнить обѣщаніе договора. Вашъ дядя можетъ выставить пограничные форпосты на спорной территоріи; тогда и того довольно, чтобы какой-нибудь задорный русскій офицеръ затѣялъ споръ; тогда наши форпосты отступали бы, такъ что русскіе послѣдовали бы за ними и перешли бы черезъ границу въ шведскую Финляндію; послѣднее можно бы считать объявленіемъ войны со стороны Россіи; это очень важно въ отношеніи къ Даніи. Вы знаете положеніе дѣлъ въ этомъ государствѣ». Далѣе Густавъ пишетъ: «Все зависитъ отъ того, чтобы русскіе перешли границу, лучше всего, нападая на какой-либо пограничный форпостъ; но только, чтобы то, что должно случиться, случилось поскорѣе». 13-го іюня Густавъ пишетъ: «Теперь уже время стараться начать войну, nota bene заставить русскихъ начать споръ на границѣ. Такъ какъ я ѣду 19-го, спустя двѣнадцать дней или 1-го іюля, я буду съ войскомъ въ Свеаборгѣ, и если тогда уже дѣло завяжется, то военныя операціи могутъ начаться безъ потери времени».

Извлеченіе изъ писемъ Стедингка къ королю отъ 25-го іюля—5-го августа 1788 г. и отъ 13-го января 1789 г. еще яснѣе подтверждаютъ то же положеніе. «Тайна нашей экспедиціи при Пумала не могла быть скрываема вполнѣ хорошо; кое-что по этому дѣлу сдѣлалось извѣстнымъ». Когда я до начала войны пріѣхалъ сюда, я нашелъ, что не все было приготовлено надлежащимъ образомъ, и что тайна разрыва съ Россіей не была сохранена, какъ слѣдуетъ. Я былъ недоволенъ этимъ и безпокоился».

Но особенно характерно слѣдующее. Въ Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ,— пишетъ А. Брикнеръ,—находятся записки адъютанта генерала Каульбарса, командовавшаго

отрядомъ войска. Въ нихъ говорится о началѣ войны и затѣмъ разсказывается слѣдующее: «Адъютантъ генерала Каульбарса былъ крайне удивленъ и испуганъ извѣстіемъ, которое ему сообщилъ Германсонъ; послѣдній утверждалъ, что всѣ поводы къ открытію военныхъ дѣйствій оказались фальшивыми, и что баронъ Гастферъ переодѣлъ своихъ людей въ русскіе мундиры и велѣлъ имъ грабить финляндскихъ крестьянъ и грозить финляндскимъ солдатамъ».

Таковы главныя доказательства профессора А. Брикнера.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность пополнить ихъ свѣдѣніями, почерпнутыми, прежде всего, изъ обстоятельнаго изслѣдованія К. Однера. Онъ пишетъ: «Гастферъ разсказывалъ герцогу Карлу, что онъ довѣрился Іегергорну и послалъ его съ войскомъ черезъ границу для ночной рекогносцировки, причемъ онъ приказалъ солдатамъ, дабы обмануть русскихъ, одѣться въ другую одежду; этотъ отрядъ выпустилъ нѣсколько зарядовъ противъ другого шведскаго отряда, и съ той стороны полученъ былъ отвѣтъ, послѣ чего оба разошлись». Этому разсказу измѣнника Гастфера Однеру нежелательно придать полной вѣры. Но побочныя обстоятельства настойчиво подтверждаютъ Гастфера. «Однако, вѣрно,—продолжаетъ Однеръ,—что Гастферъ получилъ предписаніе отъ короля исполнить секретное порученіе въ концѣ іюня». Сообщеніе Стедингка королю (отъ 15 августа) о томъ, что секретъ съ шведской стороны не могъ быть соблюденъ, относится именно къ дѣйствіямъ отряда Гастфера. Въ 1790 г. Гастферъ самъ написалъ письмо къ королю изъ тюрьмы. Въ немъ онъ описываетъ свое настроеніе осенью 1788 г. слѣдующими словами: «Я горько упрекалъ себя за военную хитрость при Пумала, и за то, что первый перешелъ границу, хотя то и другое произошло по волѣ короля» [175]).

Одно изъ донесеній Гастфера гласило: «вольные отряды съ русской стороны вторгнулись въ шведскую Карелію, грабили и жгли тамъ и безчеловѣчно обращались съ шведскими подданными». Гастферъ ссылался при этомъ на рапорты ландсгевдинга (т. е. губернатора) Карпелана и капитана Веттергофа. Но все это оказалось выдумкой, ибо въ губернаторскихъ донесеніяхъ Карпелана того времени,—заявляетъ Однеръ,—нѣтъ даже и намека на какія-либо русскія насилія. И ни съ какой другой стороны разсказы о нихъ не подтверждаются.

Съ русской стороны утверждали, что именно здѣсь воспользовались знаменитыми казацкими мундирами, причемъ 24 шведа,

наряженные въ казацкое платье, разграбили и сожгли дворъ въ шведской Кареліи [176]).

Въ дневникѣ Экмана отъ 7—18-го авг. 1788 г. значится: Барона Гастфера русскіе потревожили, но какимъ образомъ? Онъ переодѣлъ толпу народа изъ своихъ въ русскіе мундиры; они нападаютъ на него съ холостыми зарядами; Гастферъ прогоняетъ ихъ и начинаетъ такимъ образомъ войну на своей сторонѣ» [177]).

Въ воспоминаніяхъ Hochschild'a (I, 139) читаемъ: «Теперь уже удостовѣрено, что Гастферъ командовалъ лишь нѣсколькими надежными шведами, которые съ русской стороны дѣлали видъ, что нападаютъ на шведскій караулъ, и даже сожгли избушку бобыля, за которую уплачено было сверхъ ея цѣнности».

25 іюня Екатерина писала Гримму: «Сейчасъ кладу въ пакетъ письмо. Шведскій король началъ враждебныя дѣйствія, пославъ переодѣтыхъ солдатъ ограбить таможню и схватить таможеннаго чиновника съ его помощниками въ окрестностяхъ Нейшлота, въ Финляндіи. Вотъ самый благородный способъ для начала военныхъ дѣйствій. Я приказала дать знать капитану округа, чтобы онъ наказалъ, какъ разбойниковъ, тѣхъ кого онъ успѣетъ захватить на такихъ достославныхъ подвигахъ; до сихъ поръ не сдѣлано еще ни одного выстрѣла» [178]).

Одинъ изъ русскихъ офицеровъ, участникъ кампаніи— Ст. Ст. Апраксинъ—тоже пишетъ: «Сіи казаки ничто иное были, какъ королевскіе драгуны, переодѣтые въ наше казацкое платье. Они, опустошая собственную землю около Помала-Зунда, подали причины шведскимъ войскамъ впасть въ предѣлы Россійскіе» [179]).

Событіе въ приходѣ Пумала сыграло свою роль для Густава; впослѣдствіи онъ, конечно, желалъ, чтобы оно забылось, но исполнители комедіи не сумѣли сохранить секрета и онъ сдѣлался достояніемъ исторіи.

Болѣе серьезныя военныя дѣйствія на сушѣ начались (18— 29 іюня 1788 г.) осадою шведами крѣпости Нейшлота, лежащаго на озерѣ Саймѣ. Небольшой отрядъ (въ 1700 ч.) Саволакскаго войска находился подъ начальствомъ барона Бернта Іогана Гастфера, произвелъ блокаду крѣпостей. Война не была еще объявлена, когда шведы осадили Нейшлотъ. «Cela s'apelle agir en forban», (это значитъ дѣйствовать по разбойничьи)—сказала Императрица. «По двудневной стрѣльбѣ на Нейшлотъ, шведы пошли грабить

Нейшлотскій уѣздъ». Наше правительство полагало, что слабая эта крѣпость скоро достанется непріятелю. Но комендантъ Нейшлота, инвалидъ секундъ-маіоръ Кузьминъ, оказался достойнымъ воиномъ и съ гарнизономъ въ 200 чел. стойко выдержалъ осаду въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, при самыхъ ничтожныхъ потеряхъ. Разсказываютъ, что однорукій Кузьминъ, на требованіе отворить ворота крѣпости, отвѣтилъ: «радъ бы отворить, но у меня одна только рука, да и въ той шпага».

НЕЙШЛОТЪ (XIX ст.).

Въ отрядѣ барона Гастфера находился графъ Куртъ фонъ-Стедингкъ—человѣкъ, очень близкій къ королю. Онъ корреспондировалъ съ Густавомъ III, и въ ихъ письмахъ находимъ все наиболѣе интересное, что происходило въ это время въ Финляндіи.

19—30 мая Стедингкъ писалъ изъ Гельсингфорса королю, что по пути къ Нейшлоту онъ «не встрѣтилъ ни одного русскаго». Финны-же перепуганы приготовленіями къ войнѣ; «они спятъ и видятъ казаковъ, которые будутъ ѣсть ихъ дѣтей; дамы боятся ихъ жестокости». Русскіе «не готовы еще къ сильному сопротивленію и очень боятся нападенія; на границѣ все спокойно, не видно движенія войскъ и никакихъ другихъ приготовленій. Главное затрудненіе, которое Ваше Величество встрѣтите въ этой странѣ—отсутствіе продовольствія и полный неуро-

жай». «Дай Богъ, чтобы я могъ быть полезенъ Вашему Величеству въ странѣ, которой я не знаю, и съ небольшимъ отрядомъ, котораго языкъ мнѣ неизвѣстенъ». Въ письмѣ Стедингка изъ С.-Михеля (отъ 15—26 іюня) читаемъ: «Что всего досаднѣе, такъ это то, что русскія войска не оставляютъ своего намѣренія сюда проникнуть... Послѣ множества (?) битвъ, мы на хлѣбѣ и на водѣ. Всѣ жители разбѣжались по лѣсамъ, съ своимъ скотомъ; приходятъ оттуда, чтобы говорить мнѣ длинныя рѣчи, которыхъ я не понимаю; потомъ опять уходятъ въ лѣса»... «Русская пѣхота великолѣпна, особенно превосходенъ гранадерскій полкъ»...

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 24 іюня—5 іюля) Стедингкъ описываетъ свой рѣдкій подвигъ. Онъ одѣлся французскимъ капитаномъ и, въ сопровожденіи инженернаго офицера Мюллера, котораго выдавалъ за дядю, посѣтилъ крѣпость. «Я былъ съ визитомъ у Нейшлотскаго коменданта». Цѣль визита—осмотръ укрѣпленій. Туристамъ удалось кое-что высмотрѣть, но къ коменданту они не пожаловали, несмотря на его любезное приглашеніе.

Находясь у стѣнъ Нейшлота, Стедингкъ узналъ, что въ Русской Финляндіи крайне мало войска, и что «финскіе полки мало расположены къ войнѣ». «Шпага обнажена,—писалъ этотъ французъ по воспитанію,—намъ остается только побѣдить или погибнуть». Но Нейшлотъ крѣпко держался.

У шведскаго войска оказалось не мало недочетовъ. Стедингкъ винилъ въ этомъ долгій миръ и крайнюю нищету страны.

«Народъ здѣшній привязанъ къ Вашему Величеству»,—доносилъ вѣрноподданный корреспондентъ своему королю, но тутъ-же сообщилъ, что «рекрутскій наборъ идетъ туго». Оправданіе этого Стедингкъ видѣлъ въ томъ, что «голодъ лишаетъ народъ силы и духа, почему онъ предается бродяжничеству, грабитъ и лѣнится, и «скорѣе можетъ быть названъ русскимъ, чѣмъ шведскимъ».— Далѣе (отъ 17—28 іюня) Стедингкъ жаловался на неопытность солдатъ и офицеровъ, на недостатокъ въ пушкахъ и пр.

Не будучи въ состояніи взять Нейшлота, Стедингкъ сравнилъ его осаду съ осадой Гибралтара (!) «Разница лишь та, что непріятель ни откуда не можетъ получить ни подкрѣпленія, ни припасовъ, и что изъ пушекъ не стрѣляютъ». Отъ русскихъ отняты были цѣлые транспорты овса и хлѣба. «Въ крѣпости же одна вода и ржаная мука».

Нейшлоту придавалось серьезное значеніе вслѣдствіе того, что онъ находился у водной системы Сайменскаго озера и заграждалъ шведамъ путь къ Петербургу.

Императрица внимательно слѣдила за ходомъ дѣла. «Нейшлотъ иногда атакованъ, иногда нѣтъ», сообщила она Потемкину. «Нейшлотъ не шведовъ боится, но шведы Нейшлота». Екатерина, разсматривая карту, укорила Петра Великаго за то, что онъ «близко (къ границѣ) сдѣлалъ столицу», обѣщала, въ случаѣ необходимости, сама выйти съ гвардіей къ Осиновой рощѣ, повелѣла

Планъ осады Нейшлота. Набросокъ современника Экмана.

отпустить денегъ на «батарейные мосты» въ пограничныхъ крѣпостяхъ «Финляндскаго и Лифляндскаго департаментахъ» [180]), возложила на главнокомандующаго общее попеченіе по приведенію въ оборонительное состояніе крѣпостей, назначивъ для этого въ Финляндію инженеръ-полковника Петра Корниловича фонъ-Сухтелена и пр. [181]) Екатерина, несмотря на очень жаркое лѣто, рѣшилась переѣхать въ городъ «чтобы людей ободрить, хотя и духи (sic!) не упали» [182]). Императрица сообщала графу Мусинъ-Пушкину, что «всевозможныя мѣры принимаются къ усиленію арміи».— Въ рескриптѣ (19 іюля 1788 г.) кн. П. Д. Еропкину Императрица одобряла «похвальное ревнованіе» московскаго дворянства за доставленіе людей на военную службу, по случаю «вѣроломно и

нагло открытой войны» [183]). Въ Финляндію отправили генерала Михельсона и къ нему на почтовыхъ доставили подкрѣпленіе.

Насталъ іюль (1788 г.), но Нейшлотъ не сдавался. Стедингкъ рѣшилъ, что «это мѣсто можетъ быть взято только деньгами или голодомъ». Но самъ-же прибавляетъ что «золото на нашего коменданта не подѣйствуетъ, а развѣ огонь и желѣзо» (24 іюля—4 августа).

Король (18—26 іюля) сообщилъ Стедингку, что шведскія дѣла «въ довольно хорошемъ состояніи. Армфельтъ уже всего въ двухъ верстахъ отъ Фридрихсгама и овладѣлъ Кюменскимъ дефиле... Мы перебили множество казаковъ». «Мой планъ состоялся бы въ томъ, чтобы вы шли прямо на Кексгольмъ, собравъ ваши разбросанныя войска. Если вамъ удастся взять эту крѣпость врасплохъ, тѣмъ лучше, тогда дорога будетъ вамъ открыта. Прибывъ въ Кексгольмъ, вы можете рѣшить свои дѣйствія согласно съ извѣстіями, которыя вы получите изъ финляндской арміи. Если къ тому времени она овладѣетъ Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ, отъ васъ будетъ зависѣть, соединиться съ нею, чтобы идти на Выборгъ, или обойти эту крѣпость».

Въ это время на морѣ непріятельскіе флоты встрѣтились у Гогланда. Первыя донесенія королю были благопріятны, но онъ не смѣлъ «слишкомъ легковѣрно предаться этой надеждѣ» и это тѣмъ болѣе, что кромѣ официальнаго донесенія онъ получилъ вполнѣ правдивое описаніе отъ Толля, которое скрылъ даже отъ Г. М. Армфельта. «У васъ теперь есть пушки,—продолжалъ король,—... и я почти увѣренъ, что Нейшлотъ уже взятъ».

Король предписалъ держаться около Нейшлота. Но было уже поздно. Аньяльскій мятежъ быстро охватилъ шведскую армію, и онъ не могъ, конечно, не повліять на отрядъ, осаждавшій Нейшлотъ. Сюда прибылы депутаты отъ аньяльцевъ и стали уговаривать офицеровъ и солдатъ положить оружіе.—Стедингкъ, отмѣтивъ при этомъ «страстную любовь каждаго финляндскаго солдата къ своей избѣ», высказалъ опасеніе, что солдаты оставятъ насъ (шведовъ). «Ваше Величество безсовѣстно преданы своими совѣтниками, которые представляли вамъ состояніе арміи и флота въ иномъ видѣ, чѣмъ оно является на дѣлѣ; въ настоящее время,—сообщалъ Стедингкъ 5—16 авг. 1788 г.,—Васъ предаетъ ваша финская армія... Командиры финскихъ полковъ прислали сюда одного офицера, чтобы сообщить намъ принятое ими рѣшеніе—не переходить границы,—и чтобы предложить намъ

присоединиться къ нимъ... Не знаю, ошибаюсь-ли я или нѣтъ, но мнѣ кажется, что между русскими генералами и нѣкоторыми финляндскими офицерами уже начаты тайные переговоры. Посольство, присланное къ намъ Гюнцелемъ, подтверждаетъ это. Въ то же время наша маленькая армія теряетъ бодрость... Она мнитъ себя покинутой въ непріятельской странѣ и обреченною на вѣрную гибель... Здѣсь и въ Кареліи къ намъ поступаютъ подонки человѣчества и совершенно нагими. Русскіе даютъ или обѣщаютъ по 20 р., а мы—2 риксталера... Изъ финскихъ войскъ Ваше Величество не извлечете болѣе никакой выгоды, развѣ только для защиты ихъ собственнаго очага» [184]).

НЕЙШЛОТЪ (XIX ст.).

Послѣ пріѣзда анъяльскихъ депутатовъ,—сообщалъ Стедингкъ,—«намъ угрожали и сѣкира палача, и мечъ непріятеля... Я не могъ противодѣйствовать, ибо я не умѣю говорить по фински»...

Баронъ Гастферъ оказался доступнымъ увѣщаніямъ измѣнника Спренгтпортена и его единомышленниковъ. 10—21 августа шведы отступили отъ Нейшлота. Передъ ихъ уходомъ губернаторъ «получилъ отъ командующаго подъ Нейшлотомъ финскими войсками письмо, въ коемъ тотъ проситъ, чтобы съ Нейшлота, когда онъ отступать станетъ, не производилъ бы пальбы; посему отъ Г. Пушкина Нейшлотскому коменданту и посланъ ордеръ, чтобы не палить» [185]).

Въ 1765 г. Екатерина назначила смотръ Балтійскому флоту. Флотъ—любимое дѣтище Петра—предсталъ предъ ея глазами въ самомъ жалкомъ видѣ: корабли наѣзжали другъ на друга, ломали снасти, не могли выстроиться въ линію, при стрѣльбѣ не попадали въ цѣль. Екатерина, окончивъ смотръ, сказала, что этотъ флотъ «годится развѣ только для ловли сельдей».

Со времень Петра Великаго комплектъ для шхернаго флота неизмѣнно оставался сто судовъ. Но теперь изъ дряхлыхъ галеръ едва набрали 20 годныхъ. Галеры—плоскодонныя гребныя суда, со съемными мачтами и латинскими парусами.

Ланжеронъ указываетъ на недостатокъ въ матросахъ, который объясняется отсутствіемъ торговаго флота. Матросы русскаго флота,—говоритъ онъ,—вовсе не моряки; сдѣлавшись матросами, они лишь въ первый разъ видятъ море. Что касается до казнокрадства и злоупотребленій, то все это во флотѣ было,—по отзыву Ланжерона,—гораздо хуже нежели въ сухопутной арміи. Изъ дерева, назначеннаго для постройки судовъ, строились дома для офицеровъ; контроль оказывался ничтожнымъ. Екатерина философски снисходительно относилась къ слабостямъ служащихъ, говоря: «меня обкрадываютъ... это хорошій знакъ, онъ показываетъ, что есть, что украсть». «Администрація флота,—пишетъ Ланжеронъ,—состоитъ изъ мошенниковъ. Я объ этомъ могу судить, какъ очевидецъ». Даже въ отношеніи храбрости русскіе моряки,—по мнѣнію Ланжерона, принимавшаго участіе въ морскихъ битвахъ въ Финскомъ заливѣ и около Очакова,—стояли гораздо ниже солдатъ и офицеровъ сухопутнаго войска. Многочисленность заболѣваній, ужасающая смертность среди нижнихъ чиновъ считались дѣломъ неисправимымъ.

ГАЛЕРЫ 1788 Г.

Изъ сообщенія секретаря Саксонскаго посольства надо заключить, что морскія силы Россіи не смогутъ устоять не только противъ Франціи или Англіи, но даже и противъ Даніи. Прусскій посланникъ, графъ Келлеръ, особенно порицалъ вооруженіе судовъ Балтійскаго флота [186]).

Флотъ строился небрежно, изъ лѣса свѣжей заготовки, почему наши суда выслуживали въ морѣ только 8 и много 9 лѣтъ, тогда

какъ у шведовъ они выдерживали отъ 30 до 40 лѣтъ; по той-же причинѣ суда шведовъ лучше переносили послѣдствія сраженія и были легче на ходу. Вмѣсто сквозныхъ болтовъ, корабельные члены скрѣплялись гвоздями или даже деревянными нагелями.

Со времени С. К. Грейга наши суда обшивались мѣдью.

Суда вооружались поспѣшно и неумѣло. Большинство орудій оставались старыя, они нерѣдко разрывались во время стрѣльбы, а станки отъ ветхости ломались. Во время Эландскаго сраженія разрывы орудій были столь часты, что навели панику на команду; чтобы ободрить разбѣжавшихся людей и вернуть ихъ къ пушкамъ, офицеры должны были исполнить обязанности комендоровъ. Калибры орудій были разнообразны; на кораблѣ ихъ встрѣчалось отъ 6 до 10 разныхъ родовъ. Конечно, подобрать къ нимъ снаряды было затруднительно, и стрѣльба отъ этого замедлялась.

Финляндскія шхеры оставались неизслѣдованными, морскія карты—крайне неудовлетворительными. На однѣхъ картахъ Тифлисъ стоялъ у Чернаго моря, на другихъ—у Каспійскаго. Чтобы разобраться въ вопросѣ, Императрица вынуждена была сдѣлать о немъ отдѣльный запросъ въ иностранную коллегію. «Дѣла морской администраціи пребывали въ самомъ пассивномъ состояніи». Министры докладывали лишь о ходѣ практическаго плаванія судовъ.

«Въ 1788 г.,—пишетъ изслѣдователь войны 1788—1790 г.г. Викторъ Филиповичъ Головачевъ,—нашъ флотъ былъ славенъ штатами и комплектомъ на бумагѣ»..... Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины «по наружности все казалось хорошо, но въ дѣйствительности въ это время положеніе флота было ужасающимъ [187]).

Комплектованіе возможно было производить исключительно желѣзной рукой. Укомплектованіе артиллеріи, корабельныхъ запасовъ, боевыхъ принадлежностей, а особенно корабальныхъ командъ—составляло вавилонское столпотвореніе.

Для обороны Кронштадта пытались вооружить еще 4 старыхъ корабля, но не могли для нихъ набрать людей. Когда комплектовался флотъ, то неутомимо строго отбирались матросы, находившіеся у начальниковъ въ частномъ услуженіи. Даже у главнаго командира Кронштадтскаго порта отобрали всѣхъ писарей. Для укомплектованія экипажей не пренебрегали, наконецъ, ближайшими арестантами и принимали добровольцевъ всякаго разбора.

За невозможность имѣть достаточное число морскихъ офицеровъ, командованіе судами предлагалось предоставить капитанамъ конной гвардіи.

Припасовъ было достаточно, но низкаго качества. Суда, пожалуй, были перегружены ими. Но наибольшій недостатокъ ощущался въ матросахъ. Ихъ требовалось болѣе 20 тысячъ, а имѣлось менѣе 10-ти.

При указанныхъ условіяхъ едва-ли возможно признать, что нашъ флотъ стоялъ почти въ уровнѣ съ иностранными. И тѣмъ не менѣе, всѣ надежды возлагались на него. «Надобно,—сказала Императрица своему секретарю А. В. Храповицкому,—употребить въ пользу превосходства нашего флота противъ непріятельскаго и, разбивъ его на морѣ, идти къ Стокгольму» (23 іюня 1788 г.). Недѣли двѣ спустя Екатерина писала графу Чернышеву: «О, если-бы Грейгу Богъ далъ истребить и армейскій, и другой шведскій флотъ» [188]). «Ничего такъ не хочется, какъ побить шведа», сказала Императрица своей камеръ-юнгферѣ.

Вице-адмиралъ ЧЕРНЫШЕВЪ.

Въ Кронштадтѣ шла очень усиленная работа, но она имѣла цѣлью приготовить эскадру къ отплытію... въ Архипелагъ. Князь Потемкинъ велъ войну противъ турокъ и просилъ о присылкѣ флота. Онъ даже писалъ повѣренному по своимъ дѣламъ въ Петербургѣ, Михаилу Гарновскому, чтобы онъ содѣйствовалъ скорѣйшему отправленію кораблей. Гарновскій отвѣтилъ лаконически: «Князь, туча сильная у насъ здѣсь надъ головой, не буду содѣйствовать..... но всѣми силами буду тому препятствовать» [189]).

Нѣкоторые совѣтовали флотъ, назначенный въ Средиземное море, оставить въ Финскомъ заливѣ, но «Государыня и слышать о семъ не хочетъ» [190]). «Воистину сердце обливается кровью,—писалъ гр. С. Р. Воронцовъ брату,—когда я думаю объ упрямствѣ, съ которымъ настаиваетъ на отправку въ Архипелагъ, тогда какъ видимо новый врагъ на глазахъ всего свѣта подымается на насъ у самыхъ дверей Петербурга»..... [191]).

25 Мая (1788 г.) шведскій флотъ вышелъ изъ Карлскроны. Императрица сильно обезпокоилась. Вице-президентъ графъ Чернышевъ потерялъ голову, главный командиръ Кронштадтскаго порта П. И. Пущинъ пришелъ въ совершенное отчаяніе [192]).

Безпокойство, охватившее Императрицу, долго не покидало ее.... Еще 18 Іюня у нея всю ночь не выходило изъ головы, что

шведскій король можетъ вдругъ атаковать Кронштадтъ. Близкая опасность побудила, наконецъ, дать эскадрѣ другое назначеніе. Въ Кронштадтѣ началась невообразимая суматоха.

Движеніе шведовъ, свидѣтельствуетъ современникъ, «крайне дворъ безпокоитъ» [193]). «Потребна Божія помощь. У шведовъ галерный флотъ силенъ, а у насъ его о сю пору нѣтъ».

Изъ 48 судовъ съ большимъ усиліемъ набрали 15 для эскадры адмирала С. К. Грейга.

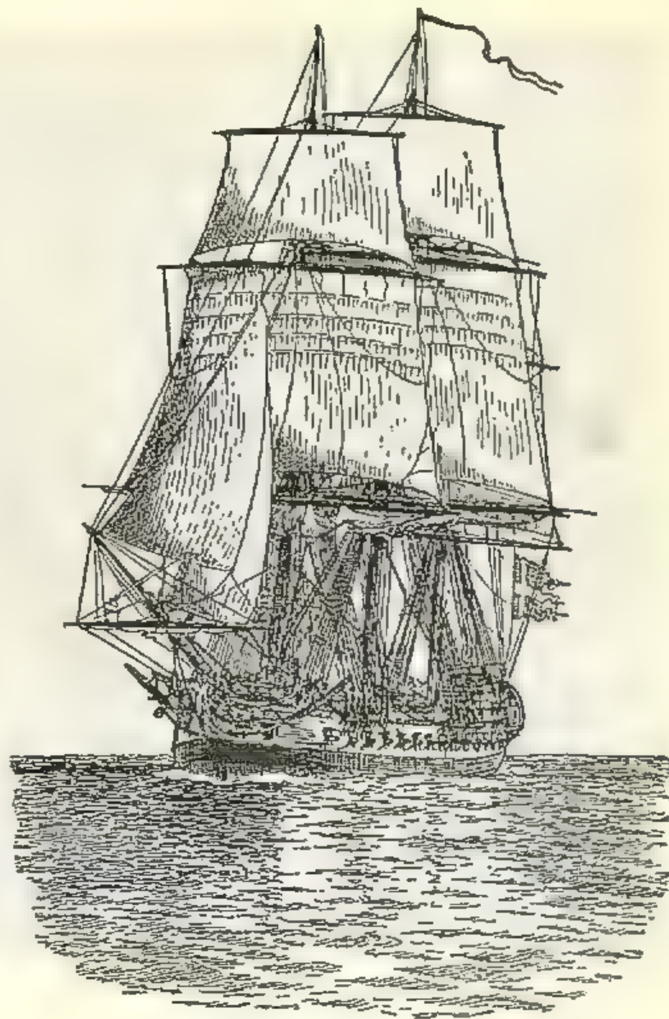
Во флотѣ Густава также не все было въ исправности. Объ этомъ мы узнаемъ изъ записки адмирала К. Эренсверда. Графъ Карлъ Эренсвердъ былъ сыномъ знаменитаго Августина Эренсверда — строителя Свеаборга. Карлъ Эренсвердъ извѣстенъ своими познаніями и честностью. Адмиралъ указывалъ на необходимость реформы по комплектованію флота офицерами, король же стремился только къ увеличенію числа судовъ и къ замѣнѣ старыхъ кораблей новыми. Густавъ скоро перестаъ слушать совѣты своего адмирала, находя его назойливымъ, а Эренсвердъ, по слабости характера, не сумѣлъ настоять на проведеніи своихъ плановъ, почему на новыхъ судахъ остались старые порядки.

Адмиралъ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ПУЩИНЪ.

К. Эренсвердъ рѣшился однако въ особой запискѣ представить истинное состояніе шведскихъ морскихъ силъ. «Съ тѣхъ поръ какъ Швеція,—писалъ адмиралъ,—потерявъ свои восточныя провинціи, пріобрѣла на Балтійскомъ морѣ могущественнаго противника и должна считаться съ быстро развивающейся по сосѣдству имперіей, Швеціи уже нечего мечтать о завоеваніяхъ, а слѣдуетъ довольствоваться существующими границами и защищать ихъ всѣми силами. Если бы Швеція могла существовать въ сторонѣ отъ политическихъ движеній другихъ государствъ, довольствуясь мирнымъ благополучіемъ своихъ гражданъ, это было бы легко, такъ какъ ее ограждали бы, во первыхъ—ея удаленность и климатическія условія, во вторыхъ—ея бѣдность, и въ

третьихъ—ея крѣпости и войска, которыхъ было бы для простой обороны болѣе чѣмъ достаточно. Но, при нынѣшнихъ условіяхъ, такое существованіе государства не признается счастливымъ, а чтобы соперничать съ другими народами нужны: сильное войско на сушѣ и хорошій флотъ на морѣ»... Говоря далѣе о флотѣ, Эренсвердъ заявлялъ, что въ «Швеціи имѣются лишь мужики и нѣтъ приличныхъ моряковъ, причемъ этотъ недостатокъ матросовъ не искупается качествами начальствующихъ лицъ. Число и достоинство этихъ лицъ таково, что шведскому флоту можно предсказать полное пораженіе во всякой морской войнѣ. Особенное несчастіе издавна тяготѣетъ надъ шведскимъ флотомъ, который всегда оставался въ пренебреженіи и въ дурныхъ рукахъ!... Остается преобразовать весь составъ морскихъ офицеровъ и это должно быть сдѣлано, иначе государству угрожаетъ бѣда при первомъ же случаѣ, когда придется воевать»... К. Эренсвердъ опредѣляетъ, что для реформы флота требуется еще по крайней мѣрѣ шесть лѣтъ мирнаго времени [194]).

ШВЕДСКІЙ ФРЕГАТЪ 1780 г.

16—27 мая 1788 г. король предпринялъ поѣздку въ Карлскрона, для смотра выступающей въ походъ эскадры. Настроеніе его было самое повышенное, когда онъ увидѣлъ свой красивый флотъ, самый большой, какой когда либо выходилъ изъ шведской гавани со времени ея могущества (stormaktstiden). Инструкція, которую онъ при этомъ передалъ своему брату, великому адмиралу (storamiralen) Карлу Зюдерманландскому, была полна гордаго самосознанія. Если онъ встрѣтитъ русскій флотъ или отрядъ его, то долженъ настоять на тѣхъ знакахъ почести, которыя въ силу стариннаго обычая требуютъ честь государства и достоинство шведскаго флага. Если же русскіе задумаютъ силою

защищать свои безмѣрныя претензіи, и такимъ образомъ начнется непріятельское дѣйствіе ихъ флота, то его величество повелѣваетъ употребить силу противъ силы, и тогда герцогу надлежитъ показать примѣръ, свойственный сыну и брату шведскаго короля, и мужество, которое его величество въ немъ замѣчалъ, защищая честь и самостоятельность государства. «Если получены будутъ вѣрныя извѣстія о томъ, что со стороны Россіи сдѣлано нападеніе, то можно считать, что война начата Россіей, и тогда герцогъ обязанъ отыскать русскій флотъ и напасть на него при первомъ удобномъ случаѣ, при чемъ должны бороться до послѣдняго человѣка и послѣдней капли крови и ни одно сраженіе не должно кончаться безъ побѣды».

ГЕРЦОГЪ КАРЛЪ ЗЮДЕРМАНЛАНДСКІЙ.

26 іюня—7 іюля Король увѣдомилъ свой флотъ, что война началась. На другой день (27 іюня) шведскій флотъ встрѣтилъ у острова Паргена два русскихъ фрегата (Ярославецъ и Гекторъ) съ кадетами, отправленными для практическаго плаванія. По требованію шведовъ, наши фрегаты спустили флаги. На фрегатахъ находилось немало провіанта, военныхъ припасовъ и аммуниціи. «Можетъ статься» что это тотъ Гекторъ и Ярославецъ, которые были посланы «для крейсированія по первоначальнымъ слухамъ», отмѣтилъ Храповицкій (1 іюля 1788 г.). Въ 1790 г. Ярославецъ въ Выборгскомъ сраженіи попалъ на мель и вновь достался русскимъ и прослужилъ еще нѣсколько лѣтъ въ нашемъ флотѣ.

Достойный начальникъ нашего флота, адмиралъ Грейгъ, писалъ графу Безбородко (23 іюня 1788 г.): «я думаю, что ежели шведскій король всѣ свои морскія и сухопутныя силы со-

бралъ въ Финляндіи, то лучшимъ дѣломъ перенести войну въ сердце Швеціи, къ самой ея столицѣ, гдѣ вѣроятно еще много есть республиканскихъ партій» [195]). Смѣлый планъ! Подобный же планъ онъ готовъ былъ исполнить на югѣ. «Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, я бы рѣшился пройти чрезъ Константинопольскій каналъ въ Средиземное море» [196]). Но на сѣверѣ некому было осуществить плана Грейга. Вѣроятно, отвѣтъ на порывъ Грейга кроется въ слѣдующей собственноручной замѣткѣ Екатерины II: «Мнѣ кажется, экспедиція на Карлскрону важнѣе нежели Стокгольмская и для того напиши къ Грейгу, чтобы онъ держался своей инструкціи» [197]).

Адмиралъ С. К. ГРЕЙГЪ.

Флотъ Грейга вышелъ въ море. Команда нашихъ судовъ на половину состояла изъ рекрутъ, приведенныхъ изъ внутреннихъ губерній за двѣ недѣли до встрѣчи съ непріятелемъ. Первою заботой адмирала было поэтому выучить рекрутъ управлять парусами и дѣйствовать при орудіяхъ. Всѣ проявили много рвенія и усердно готовились къ близкому кровавому экзамену.

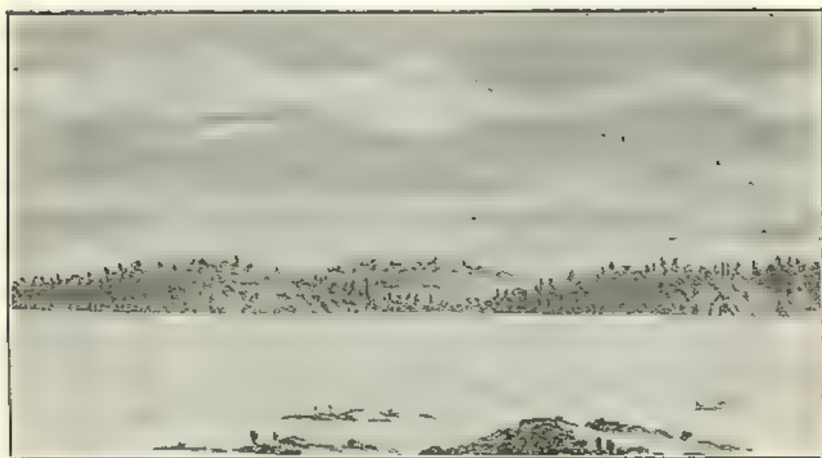
Своихъ подчиненныхъ Грейгъ охарактеризировалъ такъ: Контръ-адмиралъ Тимофей Гавриловичъ Козляниновъ — хорошій, отважный офицеръ; вице-адмиралъ Виллимъ Петровичъ Фондезенъ — хорошій, знающій службу морякъ, исправный, но излишне остороженъ и совершенно неспособный къ самостоятельной дѣятельности въ званіи отдѣльнаго начальника. Императрица отмѣтила: «Тотъ виноватъ передъ отечествомъ, кто ввелъ обоихъ Фондезиновъ въ адмиралы».

Офицерскій составъ былъ болѣе удовлетворителенъ, чѣмъ составъ командъ, хотя секретарь Саксонскаго посольства сооб-

*

щалъ, что «офицеры не отличаются большими познаніями» [198]). Въ числѣ командировъ кораблей и офицеровъ встрѣчались англичане, норвежцы и другіе иностранцы, приглашенные на нашу службу. Въ ихъ знаніи и опытѣ, конечно, нуждались, но временами увлеченіе иностранцами доходило до полнаго пренебреженія собственными офицерами. Можетъ быть благодаря излишеству иностранцевъ, шведы получали самыя точныя свѣдѣнія о томъ, что у насъ происходило. Графъ Вахмейстеръ зналъ о числѣ нашихъ рекрутъ, имена всѣхъ капитановъ, зналъ даже о припадкѣ подагры у Грейга [199]).

Въ 1788 г. въ Карлскронѣ было вооружено 15 кораблей, 5 большихъ и три малыхъ фрегата. Они двинулись въ путь. «Мы сошли (28—17 іюня 1788), разсказываетъ шведъ, на берегъ въ Гангеуддѣ (Hangö), мѣстные крестьяне едва лишь за деньги принесли намъ куръ, молока и т. п. Мы сказали имъ, что когда мы уйдемъ, придутъ русскіе и возьмутъ отъ нихъ все это насильно. Несчастные отвѣчали: да, да, русскіе тоже вѣдь люди» [200]).

ГОГЛАНДСКІЯ ШХЕРЫ.

Офицеры шведскаго флота, благодаря торговымъ экспедиціямъ и предварительной службѣ на иностранныхъ судахъ, имѣли хорошій морской закалъ.

Къ кампаніи 1788 г. у Швеціи, благодаря знаменитому строителю Чапману, оказался новый гребной флотъ, хорошо приспособленный для берегой службы.

Въ бой готовились вступить 17 русскихъ кораблей (1.220 орудій), съ шведской эскадрой, состоявшей изъ 23 судовъ (1.400 орудій). Команды оказались, примѣрно, равной силы—около 12 тыс. человѣкъ. Но артиллерія у шведовъ въ полтора раза была сильнѣе нашей. Шведскій флотъ вышелъ съ рейда 25 мая, а наши 28 іюня, что должно было значительно отразиться

на обученіи командъ, такъ какъ наши рекруты до боя находились въ плаваніи только восемь дней. Во главѣ шведскаго флота стоялъ герцогъ Карлъ Зюдерманландскій.

6 Іюля 1788 г., утромъ, дулъ сильный вѣтеръ. Со стороны Свеаборга показались военные корабли шведовъ. Нашъ адмиралъ далъ сигналъ приготовиться къ бою. Сблизились непріятели лишь къ вечеру около 5 часовъ. Встрѣтились ихъ суда между островкомъ Стеншеръ и мелью Кальбоденъ (Кальбодегрундъ), или иначе опредѣляя: въ равномъ разстояніи между Гогландомъ и Свеаборгомъ. Грейгъ сдѣлалъ нужныя распоряженія, внушилъ командирамъ о необходимости горячей атаки и напомнилъ о строгой отвѣтственности за слабыя дѣйствія и дурную взаимную поддержку. Послѣдовалъ новый сигналъ: «вступить въ бой», хотя сраженіе уже разгорѣлось и безъ него, когда храбрый Козляниновъ нагналъ шведскій адмиральскій корабль. Командиры подавали примѣръ своимъ личнымъ присутствіемъ. По прошествіи нѣкотораго времени (около 6 час.) значительно поврежденные шведскіе корабли склонились за линію. Тихо продолжали двигаться оба флота. Дымъ окуталъ ихъ корабли, но ядра продолжали свистѣть и пронизывать воздухъ, ломая снасти и разрывая паруса. Нашъ авангардъ сыпалъ картечью. Замѣтивъ замѣшательство среди шведскихъ кораблей, русскіе крикнули «ура» и, пріободренные, начали преслѣдованіе. Около 9 час. шведскій флотъ опять спустился.

Гогландское сраженіе 6 іюля 1788 г.

Наступило полное безвѣтріе и непроницаемый дымъ прикрылъ оба флота. Вечерняя заря гасла. Часть шведскихъ кораблей стала уклоняться отъ боя. Около 10 час. вечера спустилъ свой флагъ вице-адмиралъ Вахмейстеръ на кораблѣ «Принцъ-Густавъ». Въ темнотѣ и дыму скрылись и другіе корабли шведовъ. Грейгъ поднялъ сигналъ: «прекратить сраженіе». Къ 11 часамъ выстрѣлы смолкли. Ночью русскіе узнали, что ихъ корабль «Владиславъ»

вынужденъ былъ сдаться. Грейгъ поднялъ сигналъ погони, но темнота ночи и полученныя поврежденія лишили авангардъ возможности гнаться за непріятелемъ. Шведы разсказываютъ, когда Густавъ III въ 1777 г. находился въ Россіи, то въ его присутствіи заложенъ былъ корабль «Владиславъ», который теперь оказался въ рукахъ шведовъ. При закладкѣ Король и Императрица положили деньги въ киль. При этомъ будто-бы король

СРАЖЕНІЕ ПРИ ГОГЛАНДѢ.

сказалъ своему адмиралу Тролле: «быть можетъ этотъ корабль когда нибудь будетъ нашъ» [201]).

На нашей эскадрѣ убирали тѣла убитыхъ и очищали корабли отъ обломковъ. Въ русскихъ судахъ насчитали до 764 пробоинъ. Со стороны шведскаго флота доносился шумъ отъ работы веселъ на буксирныхъ шлюпкахъ. Утромъ 7-го іюля подулъ легкій вѣтерокъ и шведскій флотъ скрылся изъ вида, плывя къ Свеаборгу.

«Гогландское сраженіе можетъ почитаться,—писалъ В. Ф. Головачевъ,—однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ въ исторіи нашего флота». Упорный бой продолжался пять часовъ къ ряду, орудія накаливались до красна, осколки отъ пробоинъ и разбитыхъ частей судовъ сыпались дождемъ, люди работали до изнеможенія.... Обѣ стороны приписали себѣ побѣду.

Въ Стокгольмѣ, куда отправлены были трофеи съ корабля «Владиславъ», отслужили благодарственный молебенъ; въ шведскихъ газетахъ описали удачи сраженія. Въ Гельсингфорсѣ Густавъ III отпраздновалъ побѣду по особому церемоніалу, произнесъ рѣчь о любви къ отечеству и славѣ, наградилъ участниковъ боя и торжественно похоронилъ убитыхъ. «Любезный братъ,— сказалъ король герцогу Зюдерманландскому,—вы отомстили за шведское имя и шестидесятилѣтнее оскорбленіе». Распущены были

СРАЖЕНІЕ ПРИ ГОГЛАНДѢ 6—17 ІЮЛЯ 1788 Г.

слухи, что Грейгъ тяжело раненъ, русская эскадра пострадала и т. п. «Пусть хвастается какъ хочетъ,—сказала Императрица при чтеніи газетъ,—самъ выйдетъ смѣшенъ въ глазахъ людей безпристрастныхъ».

Екатерина II, съ своей стороны, приказала отслужить молебенъ въ Зимнемъ Дворцѣ. «Не удивительная-ли мудрость Провидѣнія,—острилъ нѣмецкій сатирикъ,—что оно сумѣло угодить обѣимъ сторонамъ и устроить протестантскій молебенъ тамъ, а православный тутъ».

Для утѣшенія «плачущихся и безпокоющихся» Гарновскій желалъ, чтобы къ молебствію, по случаю Гогландской побѣды, присланъ былъ «завоеванный флагъ». «Боже мой, чтобы у насъ было, если-бы не послѣднія пріятныя вѣсти!» продолжалъ онъ.

Императрица украсила героя Грейга орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, Т. Г. Козлянинова—Георгіемъ 3 класса и т. д. Адмиралтействъ-коллегія выдала Грейгу «похвальный листъ». Русскіе первые атаковали шведовъ. «Слѣдуетъ преклониться передъ энергіей Грейга,—пишетъ Кирхгофъ,—рискнувшаго, при плохомъ неопытномъ личномъ составѣ, атаковать противника». Несомнѣнно, что Грейгъ на своихъ плечахъ вынесъ всю тяжесть неравнаго и долгаго боя.

Нашъ уронъ людьми простирался до 1770 человѣкъ, изъ нихъ было 500 убитыхъ, 720 раненыхъ и 470 плѣнныхъ на «Владиславѣ». Надо полагать, что потери шведовъ были не менѣе значительны. Гр. Вахмейстеръ сказалъ, что еще три корабля спускали флагъ, но нашимъ бойцамъ за дымомъ это не видно было; «если-бы вице-адмиралъ не закрылъ брата королевскаго, то сей-бы взятъ былъ». На кораблѣ герцога нашимъ снарядомъ сметена была крыша его каюты. По возвращеніи въ Свеаборгъ, послѣ боя, герцогъ хотѣлъ покинуть флотъ, но его уговорили не дѣлать этого. Герцогъ жаловался на плохое снаряженіе судовъ, на недостатокъ въ снарядахъ и т. п. Онъ хотѣлъ возобновить бой на другой день, но не оказалось снарядовъ. Офицеры, недовольные распоряженіями начальства, собирались подать въ отставку; производство всѣхъ въ слѣдующій чинъ удержало ихъ на своихъ мѣстахъ.

Въ своемъ донесеніи Императрицѣ С. К. Грейгъ, извѣстный безукоризненной правдивостью, ничего не скрылъ. Онъ выразилъ свое осужденіе трусости трехъ капитановъ и свои похвалы отличной храбрости, проворству и неустрашимости офицеровъ, и особенно нижнихъ чиновъ, болѣе половины которыхъ были рекруты. Нашихъ капитановъ, уклонившихся отъ сраженія, отдали подъ судъ, одного разжаловали въ матросы «на вѣчно», а Мартына Фондезина отчислили въ портъ. «Двумъ командующимъ кораблями отъ команды отказано. Робостію сихъ лишились мы корабля «Владиславъ» и случая сдѣлать надъ шведскимъ флотомъ побѣду рѣшительную» [202]). Екатерина писала Потемкину: «Всѣ они заслужили висѣлицы.... но на галеры выбрать не изъ кого, развѣ съ неба кто ко времени упадетъ».

7 іюля Грейгъ донесъ Императрицѣ: «Я никогда еще не видалъ сраженія болѣе жаркаго и хорошо поддерживаемаго съ обѣихъ сторонъ. Въ семъ сраженіи разные корабли Вашего Императорскаго Величества много разбиты». Въ корпусѣ иныхъ кораблей было до 120 пробоинъ. Похваливъ храбрость взятаго въ

плѣнъ графа Вахмейстера, адмиралъ прибавилъ: «непріятель уступилъ намъ господствовать мѣстомъ сраженія». Канонада при Гогландѣ слышна была въ Гельсингфорсѣ.

«Въ перлюстраціи всѣ похваляютъ Грейга, отдавая ему честь его храбрости, пріобрѣтшей намъ побѣду надъ флотомъ шведскимъ» (читаемъ 13 іюня 1788 г. у Храповицкаго). Примѣтили-ли вы,—спрашиваетъ М. Гарновскій—скромность, съ которой была написана релящія адм. Грейга?

Императрица очень была обрадована побѣдой. Камень свалился съ ея души и она свободнѣе вздохнула. (Проснувшись она сказала,—qu'on n'a plus de barre sur la poitrine).

Всегда вялое русское общественное мнѣніе отнеслось къ успѣху нашего флота при Гогландѣ крайне сдержанно. Когда прошло первое впечатлѣніе побѣды, въ Петербургѣ стали соглашаться, что шведы не безъ основанія приписали себѣ побѣду. Адмиралтействъ-коллегія вторила этому мнѣнію [203]).

Такому настроенію отчасти способствовалъ самъ Грейгъ. Онъ остался недоволенъ результатами боя и опасался, что шведы произведутъ дессантъ при Ревелѣ. Грейгъ не возложилъ на себя Андреевской ленты и писалъ, что до тѣхъ поръ не сдѣлаетъ этого, пока не будетъ полнымъ побѣдителемъ шведовъ.

Въ письмѣ къ князю Потемкину Императрица сказала: «Сіе дѣло, хотя, по себѣ нерѣшительное, послѣдствія для шведовъ можетъ имѣть худыя, буде Богъ намъ поможетъ» [204]).

Въ такомъ-же смыслѣ Екатерина (10 іюля 1788 г.) писала Великому Князю Павлу Петровичу: «Флоту Его Величества Короля Шведскаго, кажется, порядочно досталось. Послѣдствія этой битвы могутъ быть очень серьезны; но какъ бы то ни было она не рѣшительна». Послѣднее невѣрно. Послѣ сраженія шведскій флотъ ушелъ въ Свеаборгъ, оставивъ мѣсто боя въ обладаніи русскихъ. Это достаточное доказательство нашей побѣды.

Кромѣ того первыя послѣдствія боя несомнѣнно сложились въ пользу русскихъ. Ворота къ Петербургу оказались для Густава запертыми, хотя особенно крупнаго матеріальнаго ущерба шведскому флоту не было нанесено.

«Лучшую надежду полагалъ король шведскій на флотъ свой, который экиперовалъ искусными матросами, и еслибъ шведамъ нашъ флотъ разбить удалось, то они намѣрены были, пришедъ къ Кронштадту, оный сжечь и потомъ водвориться въ Петербургѣ, гдѣ по достовѣрнымъ извѣстіямъ король предполагалъ препрово-

дить зиму, а весною обѣщалъ любовницамъ своимъ дать фриштикъ въ Петербургѣ» [205]).

Шведскіе и финляндскіе историки приходятъ къ одинаковому выводу о Гогландскомъ сраженіи хотя съ разными оговорками. Финляндцы пишутъ: произошло сраженіе, почетное для шведовъ, но по своимъ послѣдствіямъ равное пораженію (М. Шюбергсонъ). Шведъ Гильденбрантъ признаетъ бой нерѣшительнымъ, но равнымъ пораженію, потому что весь планъ высадки былъ уничтоженъ. Внезапное нападеніе на Петербургъ со стороны моря сдѣлалось уже невозможнымъ.—Король писалъ брату, что надѣется

Шведская медаль въ память сраженія при Гогландѣ.

увидѣться съ нимъ послѣ удачной битвы при Кронштадтѣ, между тѣмъ принцъ Карлъ вынужденъ былъ вернуться въ Свеаборгъ. Несомнѣнно, важнѣе всего было то, что сраженіе при Гогландѣ совершенно измѣнило весь ходъ кампаніи 1788 г. и нарушило планъ Густава.

Это признаетъ и лучшій исторіографъ короля Густава III Однеръ. Онъ пишетъ: «Сраженіе при Гогландѣ сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ русскаго похода въ военномъ отношеніи; оно сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ всего положенія короля, даже въ личномъ его настроеніи относительно войны. Онъ прибылъ въ Финляндію въ высшей степени воинственнымъ и полный надеждъ; онъ разсчитывалъ найти здѣсь армію и флотъ готовые сразиться и жаждущіе славы; онъ и его братъ повели бы ихъ побѣдоносными въ Петербургъ и Кронштадтъ. А вмѣсто того онъ нашелъ обѣднѣвшую страну, армію далеко не готовую для похода, флотъ, который не рѣшался выступить противъ непріятеля и военачаль-

никовъ, большею частью не воинственныхъ, которые причиняли всякія затрудненія» [206]).

Не обошлось и безъ разсказовъ фантастическаго характера. Говорили, что, по уходѣ эскадры Грейга, къ Кронштадту приходило судно подъ англійскимъ флагомъ; оно было нагружено бочками съ порохомъ, но заявляло, что грузъ состоитъ изъ апельсиновъ.—Цѣль ясна: истребленіе гавани и флота. Но бдительная брандвахта яко-бы своевременно усмотрѣла обманъ [207]).

Плѣннымъ Шведамъ вернули шпаги. Императрица допустила ихъ къ рукѣ. Имъ давался въ Петербургѣ царскій столъ [208]).

Шведскій флотъ у Свеаборга.

26 Іюля, въ пасмурное утро, изъ тумана у Свеаборга, неожиданно для шведовъ показалась русская эскадра, состоявшая изъ 16 кораблей, 7 фрегатовъ и трехъ меньшихъ судовъ. Все засуетилось и пришло въ движеніе. Канаты у якорей отрубались, спѣшили отдать паруса. Въ сильномъ смятеніи корабль «Густавъ-Адольфъ» ударился о подводные камни съ такой силой, что гротъ-мачта переломилась и упала за бортъ. Очутившись подъ нашими выстрѣлами, ему оставалось спустить флагъ. Тогда же было захвачено нами одно шведское транспортное судно. Всѣхъ плѣнныхъ въ нашихъ рукахъ оказалось 523 нижнихъ чина и 30 офицеровъ.—Корабль «Густавъ-Адольфъ» пришлось сжечь за невозможностью снять его съ камней.

Шведскій флотъ, превосходившій нашъ по силѣ, безучастно взиралъ на происходившее. Зараза деморализаціи, видимо, успѣла охватить уже моряковъ и они, вмѣстѣ съ анъяльцами въ пѣхотѣ, роптали на дѣйствія правительства. Блокада Грейга, кромѣ того, приносила свои плоды: одинъ транспортъ мяса за другимъ перехватывался и конфисковался. Всѣ коммерческія суда подвергались осмотру. Бдительность нашей эскадры сильно тревожила шведовъ. Приближалась осень и продовольствіе въ голодной Финляндіи затруднялось. «Шведскій флотъ запертъ въ Свеаборгѣ, откуда носу показать не смѣетъ», писала Екатерина.

Въ туманныя ночи шведы выводили свои суда изъ Свеаборга, въ надеждѣ провести ихъ при благопріятныхъ условіяхъ мимо Твермине.

Со словъ одного шведскаго офицера, Грейгъ уже могъ донести Екатеринѣ, что нѣсколькимъ «сія война наскучила; война начавшаяся безъ всякаго разсудка и которой справедливой причины никто не знаетъ» [209]).

22 Августа Императрица освѣдомила своего энергичнаго адмирала объ общемъ положеніи дѣлъ. Она писала, что финскія войска «положительно отказываются сражаться съ нами» и предлагаютъ королю собрать риксдагъ, что шведскія войска нуждаются въ деньгахъ, провизіи и одеждѣ, что 8 полковниковъ и 120 офицеровъ подали королю прошеніе объ отставкѣ, что скоро непріятель

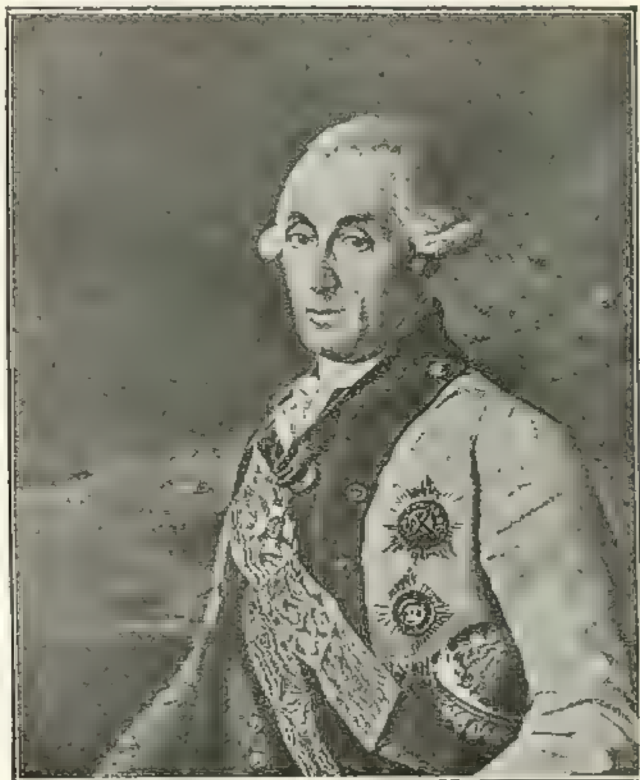
ШВЕДСКІЙ ФЛОТЪ ВЪ СВЕАБОРГѢ.

можетъ быть покинетъ Гегфорсъ—единственный пунктъ въ нашихъ предѣлахъ, который онъ занимаетъ. «Они отступили отъ Нюслота и просили коменданта чтобы въ нихъ не стрѣляли съ крѣпости» . . . . «Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы Тревененъ, или кто-нибудь изъ нашихъ захватилъ его Величество Короля во время его переѣздовъ и препроводилъ его къ Намъ лично. Нельзя было выдумать лжи и обмана, которой бы Король шведскій не распространялъ повсюду» [210]).

Самуилъ Карловичъ Грейгъ одинъ изъ героевъ и истинныхъ виновниковъ побѣды при Чесмѣ. Онъ былъ удачно избранъ и рекомендованъ англійскимъ посланникомъ. Грейгъ не обычный человѣкъ. Человѣкъ чести, онъ полюбилъ Россію, какъ свою родину. Выучился говорить и писать по-русски. Долго состоялъ командиромъ Кронштадтскаго порта. По отзыву прусскаго посланника графа Келлера, Грейгъ безусловно офицеръ большихъ заслугъ. Ему было всего 52 г. Предпріимчивый, отважный военачальникъ, свѣдущій въ дѣлахъ артиллеріи и торговли, дипломатъ и пр.

Командуя флотомъ, онъ обращалъ свой тревожный и проницательный взглядъ на сухопутныя войска, чувствуя, что графъ Мусинъ-Пушкинъ упуститъ подходящіе моменты. «Финляндскія войска наши остаются,—писалъ онъ,—безъ дѣйствія, въ ожида-

ніи послѣдствій возмущенія финляндцевъ (8 сент. 1788 г.). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Король шведскій этимъ воспользуется: ему только нужно выиграть время . . . . Признаюсь я не имѣю расположенія къ отсрочкамъ въ военныхъ операціяхъ; вообще министры могутъ обсуждать дѣла въ своихъ кабинетахъ, а военныя операціи идти своимъ чередомъ. Я увѣренъ, что въ настоящее время дѣла шведскаго Короля въ Финляндіи такъ плохи, что нашъ 7 или 8000 корпусъ можетъ безъ затрудненія дойти до Гельсингфорса». Тутъ же адмиралъ прибавляетъ, что отношенія къ намъ жителей «очень дружелюбныя» [211]).

АДМИРАЛЪ С. К. ГРЕЙГЪ.

Императрица, отвѣчая адмиралу, указала, что «недѣятельность» арміи происходитъ отъ необходимости расположить въ нашу пользу умы финновъ. Кромѣ того, Екатерина имѣла въ виду (13 сент. 1788 г.) настоять, чтобы «финны рѣшительно объявили свое намѣреніе, созвали (свой) особый сеймъ и тѣмъ открыли путь къ прямому съ ними трактованію и ихъ подкрѣпленію» [212]).

Адмиралъ Грейгъ стоялъ на своемъ и предлагалъ Императрицѣ (21 сент.) возможно энергичный образъ дѣйствія противъ Швеціи, дабы покончить съ ней ранѣе вмѣшательства другихъ державъ. Особенно заслуживаетъ вниманія потомства мысли Грейга о взятіи и уничтоженіи Свеаборга. Въ русскихъ войнахъ со шведами положеніе этой крѣпости являлось для насъ крайне неблагопріятнымъ. Грейгу пришла мысль штурмовать Свеаборгъ зимой со стороны моря. 19 Августа 1788 г. онъ писалъ Императрицѣ . . . . . «Островъ Бокгольмъ наибольшій изъ всѣхъ составляетъ командующее возвышеніе, но на немъ нѣтъ ни укрѣпленій, ни жителей, а только небольшой сторожевой постъ для наблюденія за приближающимися судами. На этотъ островъ я бы высадилъ дессантъ. Предпріятіе, сознаюсь, очень смѣлое, потому что въ моментъ вы-

садки нашихъ войскъ по первой тревогѣ на насъ обращены будутъ всѣ орудія съ фортовъ и кораблей; но если мы продержимся одну только ночь, то покончимъ и съ ихъ флотомъ, и съ портомъ. Нѣтъ надобности говорить Вашему Императорскому Величеству, что дѣло требуетъ соблюденія великой тайны и возможнаго удостовѣренія всѣхъ, что экспедиція направляется въ Стокгольмъ, Карлскрону или Готенбургъ. Если Ваше Императорское Величество найдете, что войска не могутъ такъ скоро быть посажены на суда, чтобы не застала ихъ глубокая осень, то можно будетъ обдумать подобную экспедицію на зимнее время для выполненія ея на саняхъ».

По желанію Императрицы, онъ возвращался къ нѣкоторымъ подробностямъ атаки Свеаборга. «Въ случаѣ, если невозможно Вашему Императорскому Величеству отдѣлить упомянутыя войска, я предложилъ-бы привести это предпріятіе въ исполненіе зимою, къ февралю мѣсяцу, въ саняхъ, со стороны Гельсингфорса, который вовсе неимѣетъ укрѣпленій. Если бы удалось намъ только овладѣть островомъ Густавъ-Свердъ, то можно взорвать его укрѣпленія и опрокинуть ихъ въ главный проходъ» . . . . .

«Что-же касается нападенія на Свеаборгъ въ томъ видѣ какъ вы его совершить предполагаете,—отвѣчала Екатерина—необходимо будетъ отложить это до зимы, потому что мы не можемъ еще отдѣлить 6 или 8 тысячъ войска изъ Финляндіи, необходимаго въ настоящее время для поддержанія начавшейся тамъ революціи, которую не надо допустить поколебаться. Совершенно справедливо, что предполагаемое вами уничтоженіе шведскаго флота дѣло крайне соблазнительное, потому что если привести его въ исполненіе, то Швеція въ теченіе цѣлаго столѣтія не будетъ въ состояніи отъ него оправиться» [213]).

На вопросъ гр. Безбородко, кому поручить зимой нападеніе на Свеаборгъ, адмиралъ Грейгъ предложилъ себя въ кандидаты на это отважное дѣло.

Надо полагать, что гр. А. А. Безбородко имѣлъ въ виду именно эти предположенія адм. Грейга, когда (1 окт. 1788 г.) писалъ гр. С. Воронцову: Грейгъ во что-бы то ни стало желаетъ «истребить мореходство и порты шведскіе»... «Онъ прямо большой военачальникъ, и ежели-бы мы здѣсь имѣли такого на сухомъ пути, и думать было-бы не о чемъ» [214]).

Императрица, заинтересованная планомъ Грейга, вернулась къ его мысли въ рескриптѣ на имя графа Мусинъ-Пушкина,

которому она 27 ноября написала: «Все заставляетъ насъ желать найдти возможность сдѣлать зимою нападеніе на Свеаборгъ. Овладѣвъ симъ мѣстомъ и истребляя флотъ непріятельскій, мы всего надежнѣе предуспѣли бы отвратить дальнѣе пролитіе крови человѣческой и ускорить миръ»..

«Зимняя экспедиція только лежитъ на сердцѣ нашемъ, что не можемъ не повторять о ней самымъ усильнѣйшимъ образомъ. Предпріятіемъ и приведеніемъ ея въ дѣйствіе, вы знаменитую окажете отечеству заслугу, которая память вашу прославитъ на вѣки и Наше къ вамъ монаршее признаніе и благоволеніе утвердитъ въ высшей степени. Всѣ пособія со стороны Нашей къ тому устроены приготовленіемъ зимней одежды и повозокъ подъ провіантъ, нужный багажъ и артиллерію. Мы знаемъ трудность подобныхъ предпріятій, а потому и подкрѣпимъ васъ новыми войсками».

Корабль «Ростиславъ», на которомъ скончался адмиралъ С. К. ГРЕЙГЪ.

Писать вялому и ограниченному графу В. П. Мусинъ-Пушкину о предпріятіи, требовавшемъ ума и энергіи—значило тратить слова и время.

Къ глубокому огорченію всѣхъ 15 октября 1788 г. скончался адмиралъ С. К. Грейгъ и вмѣстѣ съ нимъ пришлось похоронить его смѣлый планъ—зимней кампаніи на Свеаборгъ. «Сей почтенный мужъ сдѣлался жертвою своего усердія къ Государынѣ и Имперіи—сообщалъ гр. Безбородко гр. С. Воронцову. Хотѣлъ держаться въ морѣ до самой крайности и довершить истребленіе шведскаго флота... Память свою онъ оставилъ для насъ въ планахъ имъ дѣланныхъ на будущую кампанію; но надобно, чтобъ онъ самъ былъ въ исполненіи ихъ, ибо куда ни глянешь, кромѣ вертопрашества, невѣжества, лѣни и оплошности не увидишь»... [215])
Героя съ большой торжественностью похоронили въ Ревельскомъ соборѣ.—По обычаю того времени, пока гробъ стоялъ еще дома,

у гроба поставлена была урна съ серебряными ручками, покрытая флеромъ и обвитая лавровымъ вѣнкомъ. У изголовья стоялъ гербъ и титулъ покойнаго. Передъ выносомъ полковникъ баронъ фонъ-деръ Паленъ произнесъ краткое похвальное слово [216]). Надъ могилой Грейга въ Dom Kirche Императрица воздвигла гробницу изъ бѣлаго мрамора. Въ воспоминаніе его трудовъ она велѣла выбить медаль въ 1790 г.—Вдова адмирала, Сара Грейгъ, была одарена землями и деньгами.—Въ обществѣ высоко цѣнили Грейга. Едва распространилась вѣсть о болѣзни, какъ гр. П. И. Панинъ писалъ сыну, находившемуся въ Финляндіи: «Очень прискорбно правомыслящимъ сынамъ отечества, если оно смертью потеряетъ почтеннаго господина Грейга... Молодость наша гораздо обнищала пріучившими себя къ дѣятельнымъ службамъ»... Кончина Грейга «великая потеря—государственная потеря» (c'est une grande perte, c'est une perte pour l'Etat) сказала Императрица. «Чувствительная прискорбность и слезы», отмѣтилъ Храповицкій.

Разставаясь съ С. К. Грейгомъ прибавимъ, что онъ немало содѣйствовалъ распространенію массонства въ нашемъ флотѣ. Брошюра, появившаяся въ Петербургѣ—Am Gralegreighs von B. F. v. D.—устанавливаетъ, что Грейгъ,—съ 1775 г. состоявшій командиромъ Кронштадтскаго порта,—былъ однимъ изъ основателей массонской ложи Нептунъ. Въ 1788 г. онъ стоялъ во главѣ этой ложи въ Кронштадтѣ и, вѣроятно, служилъ связующимъ звеномъ между англійскимъ и русскимъ массонствомъ. По реляціямъ Грейга въ Гогландскомъ сраженіи участвовало немало членовъ ложи Нептунъ. Имѣются указанія, что на кораблѣ «Ростиславъ» собирались имъ массоны-офицеры [217]). Надо полагать, что переписка, возникшая между Грейгомъ и герцогомъ Карломъ Зюдерманландскимъ по поводу брандскугелей, также вытекала изъ принадлежности обоихъ къ массонской ложѣ, такъ какъ массоны установили между собою вводить гуманныя начала въ кровавую трагедію войны, а брандскугели являлись безчеловѣчнымъ средствомъ взаимнаго истребленія. Первый написалъ Грейгъ. Онъ увѣдомлялъ герцога, что имѣлъ «наистрожайшее повелѣніе» не употреблять никакой «зажигательной матеріи». Между тѣмъ шведы прибѣгали къ брандскугелямъ. Шведы, въ свою очередь, утверждали что 15 брандскугелей было брошено въ ихъ суда нашей эскадрой Фондезина. Грейгъ давалъ слово, что искренно стремясь «умягчить свирѣпость войны», впредь не допуститъ ихъ употребленія въ Россійскомъ флотѣ. Герцогъ отвѣтилъ выраженіемъ недовѣрія къ словамъ

Грейга, въ виду того, что, якобы нѣкоторые шведскія суда, сожжены «горючими ядрами».—Это задѣло Грейга и онъ послалъ новое довольно рѣзкое письмо [218]).

Вскорѣ по восшествіи на престолъ Екатерины, главный инженеръ Даніилъ дю-Буске посланъ былъ инспектировать крѣпости русской Финляндіи. Въ качествѣ адъютанта его сопровождалъ молодой французскій авантюристъ, шевалье Bernardin de St Pierre, впослѣдствіи всемірноизвѣстный писатель. Онъ составилъ отчетъ «Observation sur la Finlande», въ которомъ между прочимъ высказался о пригодности укрѣпленія Фридрихсгама, на случай войны со Швеціей.

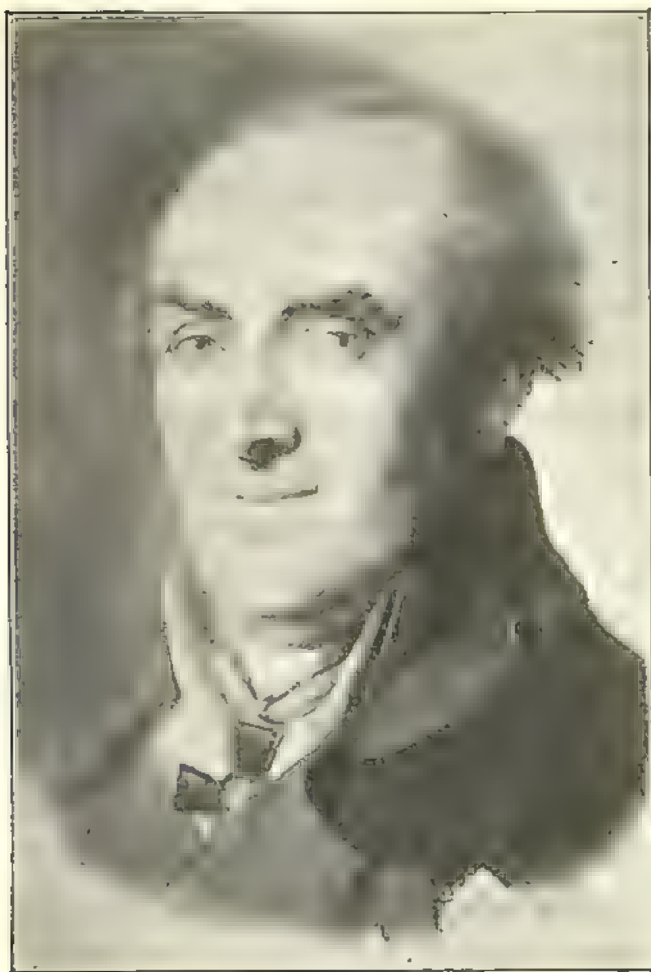
Bernardin de St Pierre вполнѣ основательно предположилъ, что первое сраженіе между Россіей и Швеціей произойдетъ у валовъ Фридрихсгама, который одновременно будетъ осажденъ и флотомъ, и сухопутными войсками. Его предположеніе оправдалось.

Въ послѣдней половинѣ іюля 1788 г. часть финскихъ войскъ перешла границу. Они были раздѣлены на двѣ части, изъ коихъ одна въ 1.100 человѣкъ, подъ начальствомъ любимца короля, полковника Г. М. Армфельта, остановилась у Суммы (Summa), въ семи верстахъ отъ Фридрихсгама, тогда какъ другая часть, въ 4.000 человѣкъ, подъ начальствомъ стараго генерала Карла Густава Армфельта, остановилась лагеремъ къ сѣверу отъ Хусула (Hussula), въ четырехъ верстахъ отъ Фридрихсгама.

Густавъ III имѣлъ въ виду отвлечь въ Финляндію всѣ русскія сухопутныя силы, находившіяся около Петербурга, и, оставивъ противъ нихъ отъ 16 до 18 тыс. своихъ войскъ, съ остальной арміей и флотомъ двинуться на Кронштадтъ и захватить столицу.

Письма современниковъ,—напримѣръ, гр. А. А. Безбородко, гр. П. В. Завадовскаго и др., стоявшихъ близко къ дѣлу,—свидѣтельствуютъ, что наше положеніе было очень критическимъ. Въ Петербургѣ разсчитывали, что все обойдется объясненіями, а не развернется «на всю наглость». Густавъ, сдѣлавъ «разбойное» нападеніе, засталъ насъ врасплохъ. Обстоятельства побудили «повести армію въ малолюдныхъ полкахъ»; гарнизоны оказались «слабѣющіе». «Всѣ способы пріемлемъ въ крайности»,—писалъ гр. П. В. Завадовскій фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву, «но

создать войска такъ скоро, какъ близокъ непріятель, кто можетъ? Столица, царскій домъ купно съ областью призываютъ защиту. Ея Величеству всегда духъ мужества присутственъ. Взывая: «съ нами Богъ»—всѣхъ бодритъ. До драки по сей часъ (3 іюля 1788 г.) еще не дошло», и уже было видно, что Густавъ III пропустилъ моментъ. Онъ не воспользовался выгодами своего положенія и не довелъ своего набѣга до конца. Ему надлежало рискнуть прорваться къ Петербургу. Дорога передъ ними лежала почти открытая, не защищенная. «Внезапность,—признается гр. П. В. Завадовскій, — наносила въ первые дни всю опасность, но не было ведено умомъ предпріятіе напасть врасплохъ, и полуумный король, устрашившій насъ, теперь уже не страшенъ». «Мы въ Финляндіи мало-по-малу оперились». «Наши войска коекакъ поспѣваютъ противостать, ежели король предприметъ добывать Выборгъ или другія крѣпости». «Ежели Богъ поможетъ выиграть лѣто, то все спасено... Кажется король потерялъ часы и не пользовался удобно отъ внезапности, а теперь войска наши на мѣсто поспѣваютъ»... [219]).

Выборгскій губернаторъ К. Х. фонъ-ГЮНЦЕЛЬ.

Медлительность шведовъ болѣе всего озадачивала русскихъ. Она даже нервила ихъ. Очевидно родилось предположеніе, что за этой медлительностью кроются какіе нибудь серьезные планы противника. Наши власти во что бы то ни стало старались проникнуть въ эту шведскую тайну.—7 іюля 1788 г. Выборгскій губернаторъ (Carl von Günzel) написалъ исправнику Фридрихсгамскаго уѣзда, надворному совѣтнику и кавалеру Николаю Клейгельсу, sub secreto письмо, въ которомъ говорилось, что «вскорѣ мы будемъ въ состояніи не только предстать предъ взорами непріятеля, но

быть можетъ страница повернется такъ, что мы посѣтимъ сосѣдей. Медлительность (Die Zögerung) шведскаго короля даетъ намъ возможность принять разнообразныя мѣры» . . . Далѣе К. фонъ-Гюнцель переходитъ къ главной задачѣ своего письма и говоритъ, что рѣчь идетъ о томъ, «чтобы подкупить одного изъ начальниковъ финской арміи, дабы онъ достовѣрнымъ образомъ увѣдомилъ насъ объ операціи королевской арміи. Во время войны все дозволительно . . . Уже господствуетъ неудовольствіе въ финскихъ войскахъ вслѣдствіе того, что король началъ войну безъ участія риксдага. Предложите десять, пятнадцать до двадцати тысячъ platen, на которые будетъ выданъ вексель на Голландію или Гамбургъ, если лицо, къ которому вы обратитесь, дастъ намъ вѣрныя свѣдѣнія, изъ которыхъ можно было бы узнать, почему король до сихъ поръ медлитъ (Zögert)». Затѣмъ Гюнцель даетъ совѣтъ обратиться письменно къ Г. М. Армфельту, «ибо и такого можно подкупить, и если оберъ-камеръ-юнкеръ согласится вступить съ вами въ переписку, то можно обѣщать и болѣе крупную сумму и строжайшую тайну. Рискните, напишите ему письмо безъ подписи, куда надо прислать отвѣтъ».—К. Клейгельсъ ставился при этомъ въ извѣстность о тѣхъ лицахъ, съ согласія которыхъ дѣлался подобный шагъ [220]).

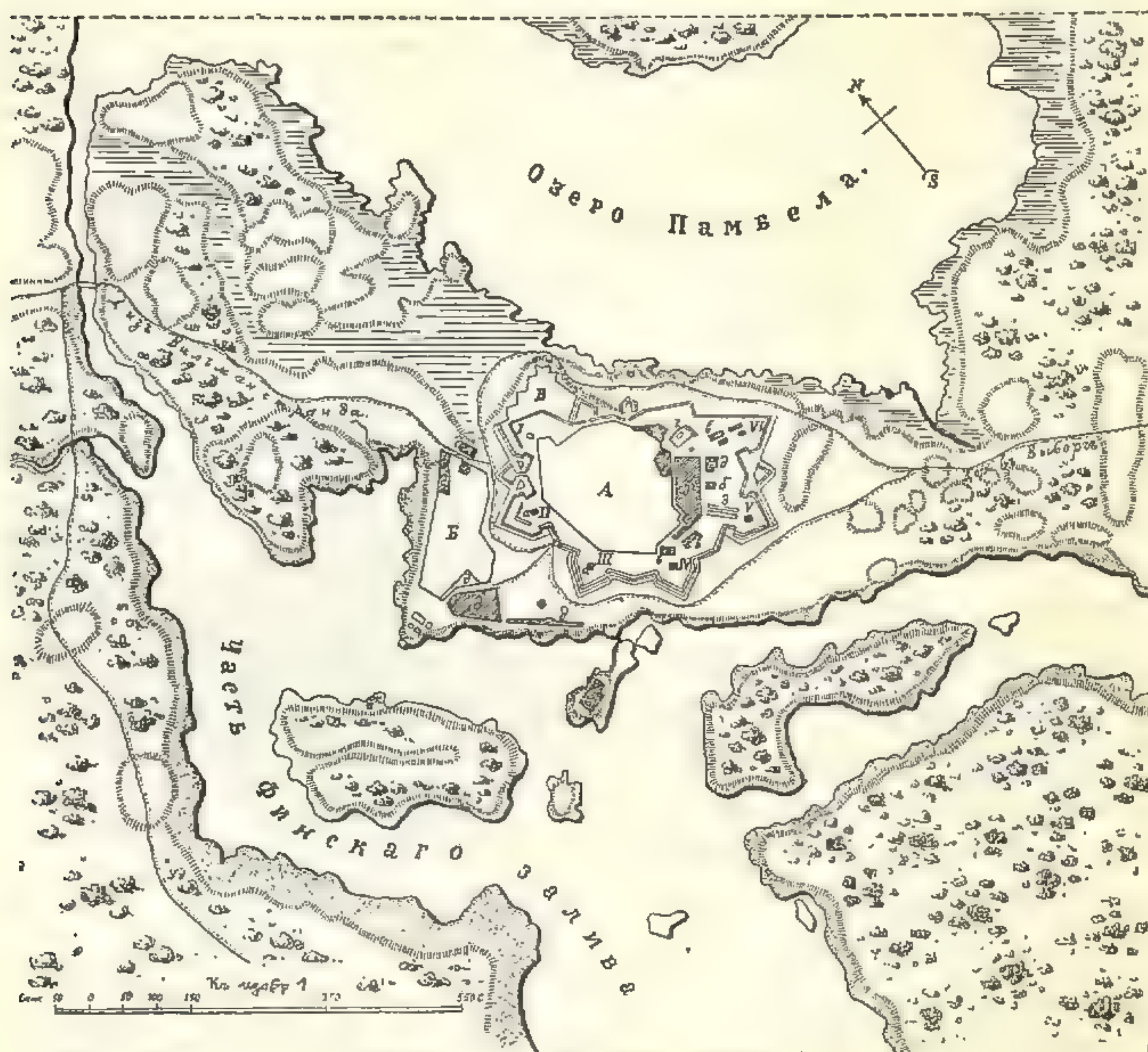

Г. М. АРМФЕЛЬТЪ.

Русскіе знали не только объ общемъ неудовольствіи дѣйствіями короля, но и помнили, какое вліяніе недавно еще оказывало ихъ золото въ Швеціи, почему рѣшили соблазнить фаворита короля, Г. М. Армфельта, всегда нуждавшагося въ деньгахъ. Въ концѣ іюля 1788 г. онъ получилъ анонимное письмо, въ которомъ уговаривали его, ради спасенія отечества, войти въ намѣренія Россіи, единственная цѣль которой возстановленіе для шведской націи прочнаго мира. Обѣщалось глубокое молчаніе, а на тотъ случай, если бы все открылось, гарантировалась протекція и покровительство могущественнѣйшей монархини, которая уже ранѣе засвидѣтельствовала свое благоволеніе къ шведской націи. Свой отвѣтъ, адресованный «Благонамѣренному финну», Армфельтъ

долженъ былъ зашить въ холщевый мѣшокъ и положить у третьяго верстового столба, считая отъ Фридрихсгама. Въ письмо анонима вложенъ былъ вексель на Гамбургъ въ 20.000 риксдалеровъ. Г. М. Армфельтъ отвѣтилъ «искусителю» отказомъ [221]).

4 іюля (1788 г.), Густавъ окружилъ своими войсками пограничныя наши крѣпости Фридрихсгамъ и Давыдовъ. Туда-же

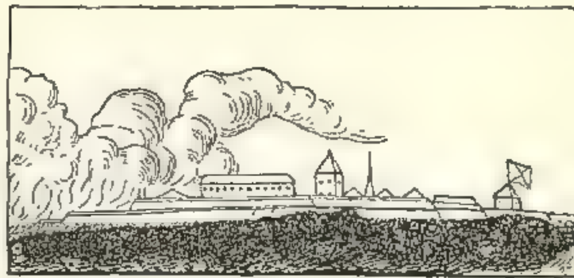
ПЛАНЪ КРѢПОСТИ ФРИДРИХСГАМА.

онъ направилъ большой дессантъ. Одновременно, въ началѣ іюля, графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ доносилъ Императрицѣ, что въ Фридрихсгамѣ «имѣется такой гарнизонъ, что король шведскій не только его скоропостижно схатить не можетъ, но при добрыхъ мѣрахъ и при храброй оборонѣ и крайній уронъ понести можетъ» [222]).

Но когда показался непріятель, гр. Мусинъ-Пушкинъ, не разсчитывая на свои войска, обращается за помощью. Къ кому-же? Къ капитану I-го ранга П. Б. Слизову. «Не можете-ли вы оказать сопротивленіе шведамъ при свозѣ дессанта»? спрашиваетъ

главнокомандующій. «Посылайте,—отвѣчаетъ отважный Слизовъ,—шведовъ я не боюсь и съ ними охотно перевѣдаюсь». Флотилія капитана I ранга Петра Борисовича Слизова состояла изъ 8 учебныхъ судовъ.—И тѣмъ не менѣе гр. Мусинъ-Пушкинъ предписалъ Слизову (8 іюля) «поспѣшить къ Фридрихсгаму и сдѣлать поискъ надъ непріятельскими судами». Но въ одномъ авангардѣ шведовъ оказалось отъ 35 до 40 судовъ. Слизову приказали «обратиться» къ Выборгу. Но, уходя (17 іюля), онъ лично умышленно отсталъ нѣсколько и собственноручно произвелъ въ нихъ болѣе 100 выстрѣловъ. Его осыпали ядрами, но благодаря замѣшательству среди шведовъ, храбрецу удалось отойти.

Подъ Фридрихсгамомъ шведы высадили свой дессантъ (до 6 тыс.). Произошло нѣсколько горячихъ схватокъ съ нашими отрядами и ген.-м. Левашовъ, уничтоживъ огнемъ предмѣстье, заперся въ крѣпости. Графъ Мусинъ-Пушкинъ донесъ (23 іюля), что непріятель высадился и отрѣзалъ Фридрихсгамъ отъ Выборга.

Уничтоженіе Фридрихсгамскаго форштадта.

Императрица осталась очень недовольна дѣйствіями ген.-м. Левашова, назвала его трусомъ и хотѣла замѣнить Выборгскимъ губернаторомъ ген.-поручикомъ К. Х. Гюнцелемъ.

Императрицу спросили: «буде шведы сожгутъ Фридрихсгамъ, дозволено-ли будетъ гарнизону выступить, дабы таковая знатная часть войска не могла попасть въ полонъ?»—Екатерина отвѣтила: «Король шведскій цѣлитъ не на Фридрихсгамъ, но прямо на Петербургъ . . . Побивъ флотъ нашъ, онъ хотѣлъ идти прямо къ Кронштадту, оной выжечь, а между тѣмъ армейскій ихъ флотъ имѣлъ сдѣлать дессантъ на Красной Горкѣ, а другой—у Галерной гавани для выжиганья Петербурга: въ этотъ проектъ входило опрокинуть статую Петра I» . . . Въ виду этого «гарнизонъ (Фридрихсгама) ни подъ какимъ видомъ не долженъ попастъся въ плѣнъ, ибо 2.500 чел. въ финляндской силѣ уже знатная часть» . . . [223]).

Шведская шхерная флотилія должна была захватить съ собой изъ Свеаборга тяжелую осадную артиллерію, но она этого не сдѣлала. 23 іюля (3 авг.) шведы подвезли свои двѣнадцати фунтовыя орудія и открыли бомбардировку Фридрихсгама, но на слѣ-

дующій день канонада смолкла и около крѣпости не осталось ни одного орудія, ни одного шведскаго солдата.

Шведы отступили. Нашъ главнокомандующій озадаченъ. Что случилось? К. X. фонъ-Гюнцель по этому поводу доносилъ графу Брюсу 26 іюля (1788 г.): «сіе учинилось по совершенному ослушанію финскаго войска, къ обращенію котораго къ должности принужденъ былъ король лично угрозить саблею. Болѣе же всего Або-Бьёрнеборгскій полкъ учинилъ въ воскресный день (23 іюля) такую упорность, что король разсудилъ лучше отступить къ границѣ. Сей полкъ объяснилъ ему, что къ атакѣ Россіи ни шагу впередъ не пойдетъ, а свою границу защищать готовъ» [224]).

«Причиною тому (отступленію шведовъ отъ Фридрихсгама),— писала Императрица въ одномъ изъ рескриптовъ отъ 2 (13) августа, адмиралу Грейгу,—было волненіе, происшедшее со стороны финскихъ войскъ». Это вѣрно. Но съ другой стороны, не имѣя осадныхъ орудій и провіанта, шведы не простояли-бы долго у Фридрихсгама.

Отступленіе шведовъ отъ Фридрихсгама несомнѣнно стоило побѣды. Екатерина II «съ удовольствіемъ приняла рапортъ объ отступленіи непріятеля отъ Фридрихсгама и усмотрѣла въ неповиновеніи финскихъ войскъ «пособіе Божіе».

Общее положеніе было таково среди шведскаго лагеря, что, прояви наши начальники нѣкоторую энергію и инищіативу, Финляндію легко было очистить отъ непріятеля. Но гр. Мусинъ-Пушкинъ бездѣйствовалъ....

Послѣ Гогландскаго сраженія, послѣ отступленія шведовъ отъ Фридрихсгама и образованія аньяльскаго заговора—русскіе воспрянули духомъ. «Аспекты наши гораздо обратились къ лучшему», писала Екатерина къ Потемкину. «Можно будетъ фуфлыгѣ - богатырю подстричь крылья, чтобъ впредь леталъ пониже».

Среди нашихъ войскъ, оперировавшихъ окого Фридрихсгама, находился Наслѣдникъ Всероссійскаго престола Вел. Князь Павелъ Петровичъ. Онъ усиленно просился въ армію и желалъ выѣхать вмѣстѣ съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ. «Жена моя (также) повергается къ стопамъ Вашего Величества», писалъ онъ Екатеринѣ. Въ тотъ-же день (24 іюня 1788 г.) онъ послалъ второе письмо къ Императрицѣ, указывая, что война объявлена; «умо-

ляю... благоволите вспомнить», что вы ранѣе подали мнѣ надежду отправить меня въ одну изъ двухъ (дѣйствующихъ) армій.—Екатерина просила его не сомнѣваться на счетъ даннаго дозволенія, но наступательныя дѣйствія еще не начались.—Кноррингъ, командовавшій однимъ изъ корпусовъ въ Финляндіи, открылъ впослѣдствіи, что получилъ приказъ не сообщать Павлу Петровичу плановъ военныхъ операцій [225]).

1-го іюля 1788 г. В. Князь выѣхалъ въ Выборгъ. Прощаніе съ супругой Маріей Федоровной было трогательное. Великаго князя сопровождали капитанъ Кушелевъ, его лейбъ-медикъ, И. П. Кутайсовъ и нѣкоторые другіе.—Онъ побывалъ въ Выборгѣ, Вильманстрандѣ и Фридрихсгамѣ. О поѣздкѣ Наслѣдника престола на театръ военныхъ дѣйствій сочинено не мало небылицъ. А. М. Тургеневъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что Павелъ, прибывъ въ Выборгъ, «скорымъ шагомъ соизволилъ взобраться на крѣпостныя укрѣпленія», а затѣмъ опочилъ отъ трудовъ переѣзда и осмотра. На другое утро онъ вновь, съ восходомъ солнца, былъ на крѣпостной стѣнѣ; увидавъ верхушки мачтъ шведскихъ кораблей, поспѣшилъ вернуться въ Петербургъ. Этимъ закончились подвиги его на полѣ брани. «Кампанію его можно описать тремя словами: прискакалъ, поглядѣлъ, ускакалъ» [226]).

Если вѣрить запискамъ П. В. Чичагова, великій князь совершилъ въ арміи столько безразсудныхъ выходокъ, что главнокомандующій вынужденъ былъ просить объ его отозваніи. «Между прочимъ разсказывали—прибавляетъ П. В. Чичаговъ совершеннѣйшую нелѣпость,—что во время стычекъ и сраженій онъ прыгалъ, намѣреваясь поймать пули, летавшія надъ его головой» [227]). Мы допускаемъ, что неуживчивый характеръ великаго князя повелъ къ размолвкѣ съ главнокомандующимъ. «Monseigneur (в. кн. Павелъ Петровичъ) дней пять кряду могъ не говорить съ гр. Валентиномъ Платоновичемъ», вслѣдствіе разнообразія мыслей въ разсужденіи принимаемыхъ къ пораженію шведовъ мѣръ и т. п., но изображать его ловящимъ пули, не значитъ-ли явно клеветать на него [228]).

Павелъ Петровичъ велъ «одиночественную скучную жизнь». О боевыхъ отличіяхъ цесаревича говорить не приходилось, такъ какъ гр. Мусинъ-Пушкинъ—«сей мѣшокъ нерѣшимый» о сраженіяхъ не думалъ. А. М. Тургеневъ сообщаетъ мало вѣроятное свѣдѣніе, что Императрица сочинила комедію, подъ названіемъ «Походъ подъ шведовъ», въ которой будто бы описала геройскій духъ Павла [229]).

Изъ поденныхъ записокъ Кушелева извѣстно, что великій князь выѣзжалъ въ ту деревню, гдѣ находилась квартира шведскаго короля; въ его избѣ помѣщался теперь генералъ Михельсонъ. «21 августа (1788 г.) по утру въ 6 часовъ отправился Его Имп. Высочество для рекогносцированія шведскаго лагеря въ Кюменегордскомъ островѣ, переѣхавъ мостъ, что у протока, отдѣляющій Фридрихсгамскій полуостровъ. Здѣсь Его Имп. Высочество изволилъ быть полчаса во время дѣйствія непріятельскихъ батарей подъ самыми пушками и ядрами». У насъ убили лошадь. Чувство, испытанное Великимъ Княземъ, походило на чувство, ощущаемое при грозѣ. «Теперь я окрещенъ», прибавилъ онъ. Павелъ Петровичъ, случайно узнавъ, что отъ него скрываютъ истинное положеніе дѣлъ, былъ глубоко оскорбленъ и скоро оставилъ театръ войны. Въ числѣ лицъ, приближенныхъ къ Великому Князю, находился молодой (18 л.) гр. Никита Петровичъ Панинъ. Отецъ его, находя, что «всѣ подданные родятся для Государя и для отечества», отправилъ его волонтеромъ въ Финляндію. Никита-же Панинъ убѣдился, что ему болѣе по сердцу конфедерація въ Аньялѣ, чѣмъ бой подъ Фридрихсгамомъ. Онъ возненавидѣлъ военныя дѣйствія и предпочелъ карьеру дипломата.

Кампанія 1788 г. со Швеціей прошла безцвѣтно, серьезныхъ столкновеній съ непріятелемъ на сушѣ не было. Наши полководцы воодушевить своихъ войскъ не въ состояніи были и не сумѣли составить смѣлаго и дѣльнаго плана кампаніи. Краса арміи была въ солдатѣ; но такъ какъ въ огонь его не ввели— походъ вышелъ тусклымъ, безрезультатнымъ. Уже въ сентябрѣ 1788 г. обнаружилась «вялость и непредпріимчивость» гр. В. П. Мусинъ-Пушкина.

Зимой 1788—1789 г.г. гр. Мусинъ-Пушкинъ не проектировалъ никакихъ военныхъ дѣйствій. Императрицѣ это «не полюбилось». «Дана собственноручная записка, для составленія плана зимней кампаніи въ Финляндіи; исполненіе поручится Михельсону», читаемъ у Храповицкаго (21 сент. 1788 г.). Черезъ мѣсяцъ говоритъ гр. А. Безбородко, что, для достиженія скорѣйшаго мира», надо поспѣшить совершеніемъ зимней кампаніи; ибо, войдя съ двухъ сторонъ въ шведскую Финляндію, можно финновъ привесть въ рѣшимость къ составленію сейма или особен-

наго постановленія, повелѣвъ уже тогда пригласить и шведовъ для утвержденія мира на общемъ національномъ сеймѣ» [230]).

Зимняя кампанія не состоялась. Въ концѣ ноября 1788 г. были подписаны указы о походѣ будущаго года. Было назначено 34 тыс. сухопутныхъ войскъ и 11 т. на галерахъ.

Кампанія 1788 г. ни на одинъ шагъ не двинула нашего дѣла. Только утѣшая себя, Екатерина могла писать: «Если кампанія не была удивительною, среди безплодныхъ скалъ Финляндіи, по крайней мѣрѣ мы не потеряли ни одной пяди, ни въ ширину пальца, изъ того, что имѣли» [231]).

Кн. М. М. Щербатовъ, основываясь единственно на «публичныхъ вѣдомостяхъ», высказался (въ іюлѣ 1788 г.) по поводу начатой шведской войны. Онъ сѣтуетъ, что правительство недостаточно освѣдомляетъ публику о ходѣ дѣлъ на театрѣ войны и это можетъ «привести въ робость и уныніе народъ», такъ какъ всякій знаетъ о слабости шведскаго государства, но всѣ слышатъ о томъ, что шведы вошли въ предѣлы Россіи и предаютъ все огню и мечу. Если непріятель перешелъ нашу границу, слѣдовательно, «успѣхи его суть чрезвычайны», нѣтъ воинства для сопротивленія и самый «градъ жилища государства»—въ опасности. «А какъ скоро мысли суть робостію заражены, то муха кажется слономъ, пріятный зефиръ—вихремъ, а лужа—моремъ». «И нѣсть власти, могущей запретить, чтобы пораженному страхомъ вопля не испускать» [232]).

Столкновеніе 1788 г. явилось въ извѣстной мѣрѣ личнымъ дѣломъ Густава и Екатерины, какъ говоритъ профессоръ А. Брикнеръ. Между коронованными соперниками не только велась обычная война, но началась небывалая до тѣхъ поръ литературная борьба, при чемъ оба одинаково взывали къ суду общественнаго мнѣнія Европы.

21 іюля 1788 г. Густавъ въ Гельсингфорсѣ подписалъ пространную декларацію, въ которой обвинялъ Россію въ коварствѣ и разныхъ интригахъ. «Европа узнаетъ какова у Россіи страсть къ расширенію предѣловъ, и каковы были интриги, которыя повели къ раздѣлу Польши, къ покоренію Крыма, и чрезъ которыя Курляндія почти сдѣлалась зависимою отъ Россіи . . . Съ давнихъ поръ извѣстно, что Россія, вскорѣ послѣ Абоскаго мира,

приняла намѣреніе отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и подъ особеннымъ предлогомъ ея независимости въ самомъ дѣлѣ превратить ее въ русское помѣстье, какова нынѣ дѣйствительно Курляндія. Хотя и эти умыслы Россіи были тогда въ самомъ началѣ подавлены болѣе по привязанности финновъ къ Швеціи и оставшимися въ свѣжей памяти у жителей Финляндіи опустошеніями, причиненными русскими во время войны Карла XII и 1741 года, нежели умѣреннымъ поведеніемъ Россіи».

Екатерина не оставила деклараціи безъ отвѣта. Она сама, въ сотрудничествѣ чиновниковъ Коха и Вейдемейера, очень усердно работала надъ отповѣдью и результатомъ явились «Примѣчанія и историческія объясненія на объявленіе его величества короля шведскаго, изданное въ Гельзингфорсѣ въ 21 день іюля, 1788 года».

Примѣчанія и объясненія написаны были на нѣмецкомъ языкѣ и переведены на русскій Вейдемейеромъ и напечатаны въ Петербургѣ.

«Легко написать,—читаемъ въ отвѣтѣ,—но трудно доказать, что Россія только занята потрясеніемъ шведскаго престола. Это должно признавать сущею клеветой и неправдой. Россія не только не старалась о поколебаніи шведскаго престола, но даже заботилась тщательно о сохраненіи древней конституціи» . . .

«Что касается до обвиненія Россіи въ видахъ на Финляндію, то должно принять въ соображеніе слѣдующее:

«Россія въ нынѣшнемъ столѣтіи два раза покорила всю Финляндію. Вслѣдствіе прелиминарныхъ статей Абовскаго мирнаго договора нынѣшній королевскій домъ получилъ шведскую корону, за что Швеціи возвращена Финляндія до рѣки Кюмени. Слѣдовательно, тогда кончились всѣ замыслы о независимости Финляндіи. Но могла ли Россія подумать о возобновленіи такихъ замысловъ по среди мира? Могла ли она такъ явно нарушать торжественныя обязательства трактатовъ? О томъ не находится ни малѣйшихъ слѣдовъ. Обвиненіе, что Россія, подъ предлогомъ независимости Финляндіи, хотѣла превратить ее въ русское помѣстье, каковое теперь Курляндія, не имѣетъ основанія, потому что, во первыхъ, Шведская Финляндія могла бы быть совершенно независимою отъ Швеціи и Россіи, не составляя помѣстье одного или другого своихъ сосѣдей. Конечно, было бы неудивительно, если бы при настоящихъ обстоятельствахъ финны желали независимости. Король это понимаетъ и старается упредить такое событіе. Во-вторыхъ, полезнѣе ли для Шведской Финляндіи, чтобъ она не зависѣла отъ

обоихъ сосѣдей или лучше ли, чтобъ она была утѣсняема, изнуряема и высосана однимъ сосѣдомъ, или завоевана другимъ, это предоставляется на благоразсужденіе самихъ финновъ. Они должны знать, что имъ выгоднѣе. Извѣстно, однако, сколько Швеція имѣетъ ежегодно прибыли отъ Финляндіи, и сколько Финляндія потерпѣла за Швецію. Можно поэтому легко опредѣлить, которая изъ обѣихъ въ долгу у другой остается. Россіи нечего требовать отъ Шведской Финляндіи, нечего желать отъ финновъ, кромѣ спокойствія и безопаснаго сосѣдства, хотя бы они были шведскіе подданные или независимые люди. Если же этотъ народъ, нуждающійся постоянно въ произведеніяхъ Россіи, требовалъ бы единодушно русской защиты, то нечего бы тому дивиться, потому что онъ такимъ образомъ отдѣлилъ бы отъ своей земли Швецію и Россію, которымъ Финляндія всегда была мѣстомъ боя. Такъ какъ въ Швеціи и Финляндіи государственная конституція, законы и трактаты неоспоримо потрясены и ниспровержены, какъ неправеднымъ королевскимъ объявленіемъ войны, такъ и разными другими хитростями, то каждый шведъ и финнъ можетъ теперь спросить по справедливости: кому онъ обязанъ послушаніемъ, въ комъ теперь существуетъ законная власть, кто долженъ положить предѣлы настоящему неудобству? Поэтому обѣ націи требуютъ созванія сейма. Онѣ знаютъ, что король нарушилъ миръ съ Россіей безъ причины.

«Привязанность финновъ къ Швеціи была велика; неоднократно они жертвовали для Швеціи самихъ себя, свое отечество и имѣніе. Но такова ли была признательность и попеченіе Швеціи о Финляндіи? Извѣстно, что во время неурожая, продолжавшагося нѣсколько лѣтъ, финны претерпѣли бы великій голодъ, если бы Россія не открыла имъ своихъ житницъ, а при умноженіи недостатка—и императорскихъ запасныхъ магазиновъ. Объ этомъ, конечно, въ объявленіи ничего не говорится.

«Король говоритъ о путешествіи одного русскаго генерала по Финляндіи въ 1786 году. Если бы путешествія на границы и любопытство генераловъ могли служить причиной войны противъ какого либо государства, то Россія могла бы за такое въ объявленіи упомянутое одно путешествіе заплатить въ десятеро и болѣе таковою же монетою; ибо при начатіи войны, въ Петербургѣ и Кронштадтѣ было множество шведскихъ офицеровъ всякаго состоянія, съ разными замыслами и затѣями, пріѣзжавшихъ иногда курьерами, не упоминая о томъ, что пріятнѣйшая про-

гулка секретаря шведскаго посольства была два раза въ недѣлю изъ Петербурга въ Ораніенбаумъ, откуда онъ, перерядясь, ѣзжалъ въ Кронштадтъ для ближайшаго осмотра морскихъ вооруженій и для узнанія, сколько кораблей и военныхъ отправляются въ море.

«Шведская нація призвала на престолъ нынѣшній домъ королевскій, такъ отчего главѣ онаго стало вдругъ столь несносно слышать названіе націи, и какъ могъ русскій министръ расторгнуть союзъ между королемъ и его народомъ? Это подлинно одни только слова безъ всякаго смысла».

Записка Густава циркулировала по Европѣ. Его упреки были разнесены по разнымъ государствамъ. Для противовѣса имъ къ Гримму и Циммерману были отправлены переводы русскаго манифеста о войнѣ; для этой же цѣли Екатерина слѣдила за журналистикой, и замѣчая иногда невыгодное для Россіи настроеніе, старалась противодѣйствовать ему. Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» о запискѣ Густава было напечатано «о непріятныхъ и ни мало не сходныхъ съ истинною изъясненіяхъ короля». Въ письмѣ къ Іосифу II Екатерина назвала Густава вторымъ Донъ-Кихотомъ. «Примѣчанія» Екатерины разрослись въ значительную брошюру. Ее перевели на разные языки и приняли мѣры къ ея распространенію. Въ приложеніи къ «Примѣчаніямъ» находилось нѣсколько документовъ. Вообще надо признать, что возраженія Густаву были сдѣланы съ знаніемъ дѣла и удачными историческими справками.—Почитатель Императрицы, гр. Сегюръ, объявилъ «Примѣчанія» «energique et sublime»; по его-же мнѣнію, шведская декларація написана чернымъ вороньимъ перомъ, а отвѣтъ—перомъ орла.

Съ цѣлью представить своего противника въ каррикатурномъ видѣ и высмѣять его, Екатерина сочинила на Густава французскіе стихи и приказала отыскать «Сказку Фуфлыга-Богатырь», чтобы сдѣлать оперу. Опера дѣйствительно была составлена; она извѣстна подъ именемъ «Горе-Богатырь» и въ ней несомнѣнно выведенъ шведскій король. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Храповицкій, у котораго отмѣчено: «Читали начало комической оперы «Кославъ». Тутъ представляется приготовленіе на войну короля шведскаго» (29-го іюля 1788 г.). Французскій посланникъ Сегюръ видѣлъ «Горя-Богатыря» на сценѣ эрмитажнаго театра и въ своихъ запискахъ называлъ Густава III героемъ пьесы. «Если шведскій король своими угрозами, своимъ хвастовствомъ, обѣщанными прежде побѣды, нарушилъ приличіе, то и государыня немного ему

уступила и не сохранила того уваженія, которымъ взаимно обязаны коронованныя лица» [233]). Екатерина называла Густава III въ письмахъ къ Потемкину—Фуфлыга-богатырь. Такъ первоначально и называлась опера. Слѣдовательно, ясно, что она высмѣивала короля. Потомъ оперу назвали Горе-Богатырь. Оперу для большой публики не давали. На рукописи самой Императрицы было обозначено: «на городскомъ театрѣ не давать, ради иностранныхъ министровъ». Эта надпись еще разъ свидѣтельствуетъ, что опера намекала на короля Густава III. Князь Потемкинъ отсовѣтывалъ представленіе оперы въ театрахъ и ее не играли.

Екатерина, видимо, сильно была обижена поступками Густава, такъ какъ мысли ея заняты были имъ и направлены къ тому, чтобы всѣми возможными средствами нанести ему болѣе вреда. Въ раздраженіи она говорила о его «дурачествѣ», сумасшествіи, сравнивала его съ Пугачевымъ и т. п.

Въ первый же годъ войны Императрицей написано было французское стихотвореніе «Предсказаніе».

Храповицкій нѣсколько разъ спѣшно переписывалъ стихи на короля шведскаго [234]). Содержаніе ихъ несложное. Шведскіе царедворцы льстятъ Густаву, восхищаясь его чуднымъ лбомъ. Они увѣрены, что подъ нимъ скрывается умъ и геній. Они просятъ короля дать просторъ величію его души, т. е. проявить свое вѣроломство, за которое турки хорошо его оплатили. Одно ваше имя дѣлаетъ васъ непобѣдимымъ! Густавъ задыхается отъ тщеславія и чванства. Однако, хитрецъ, опасаясь за свою «шкуру», подобно Донъ-Кихоту, облачился въ латы. Онъ дѣлаетъ много промаховъ, но условія его мира были дерзки. Онъ обманулъ свой сенатъ, сфабриковавъ для него депеши. Онъ обѣщалъ превзойти Густава Вазу и Карла XII своими подвигами. Но пока онъ однимъ ударомъ разрушилъ законъ и уничтожилъ свободу. Вотъ чудныя дѣла этого рѣдкаго ума! [235]).

Этимъ Екатерина не ограничилась. Она широко использовала для борьбы съ Густавомъ свою иностранную корреспонденцію. Особенно характерны письма ея, отправленныя Гримму, начиная съ мая 1788 г. Въ нихъ она даетъ волю своему чувству и языку. «Мой сосѣдъ, тупица, затѣваетъ вооруженіе противъ меня на сушѣ и на морѣ. Онъ сказалъ своему сенату, что я вызываю его на войну . . . Сенатъ сказалъ своему барину, что его величество всегда правъ . . . По выходѣ его изъ сената, отдалъ приказаніе двинуть въ Финляндію (флотъ и полки) . . ».

Прошелъ мѣсяцъ и Екатерина подвергаетъ критикѣ дальнѣйшія дѣйствія Густава, пуская въ ходъ свою иронію, свой сарказмъ. «Серъ Джонъ Фальстафъ, отправляясь въ Финляндію, велѣлъ сказать Разумовскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ Стокгольма, за то, что . . . я не питаю никакихъ непріязненныхъ замысловъ ни противъ него, ни противъ его народа . . . Его чести противно, когда называютъ его народъ рядомъ съ нимъ, онъ, стало быть, хочетъ совсѣмъ вычеркнуть изъ употребленія имена народовъ . . . По его мнѣнію, народностей болѣе не существуетъ, существуютъ только одни короли . . . Плывя въ Финляндію онъ сказалъ, что затѣваетъ бѣдовое дѣло . . . ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина желаетъ оправдаться въ общественномъ мнѣніи Европы. «Серъ Фальстафъ дурной родственникъ и дурной сосѣдъ; его несправедливостъ по отношенію ко мнѣ нѣчто неслыханное . . . Я кормила его финляндцевъ нѣсколько лѣтъ, когда въ Финляндіи былъ голодъ . . . Незаконно овладѣвъ неограниченною властью (Густавъ), пользуется ею на горе своимъ подданнымъ . . .».

Кончая свою длинную филиппику, Екатерина прибавляетъ. «Шведскій король началъ враждебныя дѣйствія, пославъ переодѣтыхъ солдатъ ограбить таможню . . . Вотъ самый благородный способъ для начала военныхъ дѣйствій» . . . .

Черезъ недѣлю неутомимая Екатерина разражается новой филиппикой. «Мы, въ открытой войнѣ съ шведскимъ королемъ» . . . Во вступленіи къ Шведской нотѣ, которое Екатерина назвала длиннымъ, многословнымъ и нелѣпымъ, Густавъ не постыдился даже «припомнить бунтовщика Пугачева» . . . «Его шведское величество высадившись въ Финляндіи, нашелъ, однако, что пылъ его войскъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его собственному . . . . Въ настоящемъ случаѣ все поставлено на ходули . . . Джонъ Фальстафъ впутался въ скверную исторію . . . Нолькенъ отпирается и отрекается отъ подобныхъ донесеній (которыя были прочитаны Густавомъ въ собраніи сената) и клянется и божится, что никогда не писалъ ничего подобнаго . . . Говорятъ король пошелъ еще далѣе . . . и читалъ какія то письма очень оскорбительнаго содержанія, которыя выдавалъ за полученныя якобы отъ меня. Между тѣмъ я съ 1785 г. не писала ему ни одного письма . . . . Предоставляю вамъ судить, что послѣ этого слѣдуетъ думать о государѣ, прибѣгающемъ къ такимъ низкимъ и гнуснымъ средствамъ . . . Обманъ собственныхъ подданныхъ и клевета на

сосѣдку и родственницу . . . Онъ такой же лукавецъ, какъ и глупецъ-лгунъ . . . Его Нолькенъ здѣсь задолжалъ по уши. Густавъ-Фальстафъ прислалъ ему кредитивъ съ подписью Густавъ . . . Но сіе священное имя не внушило никому никакого довѣрія: ему не повѣрили ни копѣйки» . . .

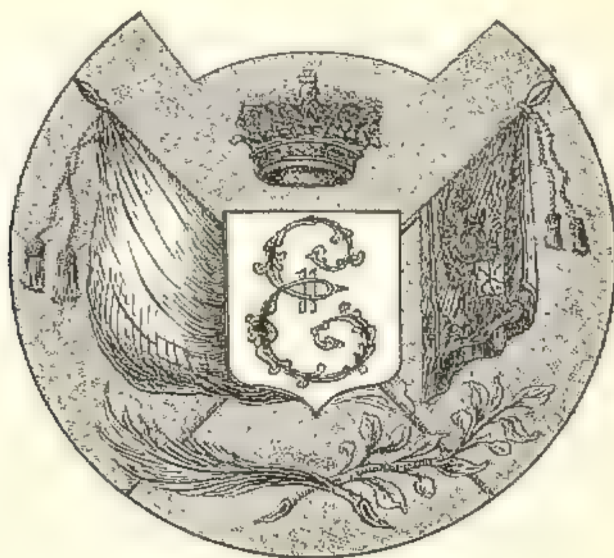
Въ слѣдующихъ письмахъ къ Гримму нота Густава названа Екатериной «образцовымъ произведеніемъ нелѣпости и горячечнаго бреда». Густавъ наименованъ «выскочкой» и «вторымъ Пугачевымъ». Его жалобы охарактеризованы пустыми, ложными, клеветническими.

Послѣ неожиданнаго отъѣзда Густава изъ Финляндіи, Екатерина писала: «Лукавый унесъ шведскаго короля . . . . Въ Финляндіи его разыскиваютъ, какъ иголку . . . Финляндскія войска отступили отъ Нейшлота . . . . Они насъ бьютъ на бумагѣ, а мы ихъ колотимъ на самомъ дѣлѣ . . . . Въ Финляндіи крестьяне вынуждены прятать свой хлѣбъ, потому что голодные (шведскіе) солдаты хотятъ отнимать его у нихъ силой. Никогда не видано ничего подобнаго въ этой войнѣ . . . Попутай Господь короля Фальстафа! . . . . у насъ и свои, и чужіе говорятъ, что онъ совсѣмъ не имѣетъ военныхъ дарованій: трусъ и хвастунъ, голова у него безпорядочная и неспособная» [236]).

Надо полагать, что все это обильное количество фактовъ и весь потокъ колкихъ насмѣшекъ Императрицы, разнесенные усерднымъ ея «посланникомъ отъ литературы» по салонамъ Парижа, не остались безъ послѣдствій.

Не одна Екатерина изощрялась въ остроуміи надъ Густавомъ. Послышались голоса изъ общества. Ея примѣру послѣдовалъ «карманный поэтъ» В. П. Петровъ, написавшій сатиру въ стихахъ: «Приключеніе Густава III, короля шведскаго 1788 г., іюля 6-го дня». Поэтъ началъ съ описанія своеобразной одежды короля и говоритъ «по Карлову остригся... одѣлся въ латы, какъ въ кожу льва, оселъ». Затѣмъ онъ изображаетъ его подъ Нейшлотомъ, гдѣ «летали ядра, какъ орѣхи, картечи, какъ горохъ». Густаву предстала тѣнь Карла XII и они долго бесѣдуютъ. «Однако, дѣдъ, вѣдь то не худо, чтобъ былъ умаленъ Россъ?» «Но произвѣсть такое чудо мой внукъ, мнѣ мнится, не доросъ». Карлъ укорялъ Густава за союзъ съ турками: «Такъ ты воюешь, внукъ, за взятки и ставишь подданныхъ подъ пушки на подрядъ»! Карлъ предрекаетъ внуку дурной исходъ борьбы. «Твой жаръ и похвальба, страхъ, ужасъ и пальба мнѣ, милый внукъ, отнюдь

добра не обѣщаютъ.... Отвага безъ ума—большая въ войнахъ помѣха, и гнѣвъ безъ силъ достоинъ смѣха... Надѣнь, надѣнь чалму, поклонникъ Магомета, и свѣту покажи всему, что первый ты для мзды обрѣзался изъ шведовъ... Абдулъ и ты—души не слышите другъ въ другѣ: великолѣпный онъ на югѣ, ты въ Нордѣ маленькій тиранъ». Карлъ предупреждаетъ, что Густавъ разоритъ Швецію, заставитъ голодать свое войско и, въ заключеніе, вынужденъ будетъ униженно просить мира.

VI.

Конфедерація въ Анъяла. Политическіе мятежники въ шведской арміи. Стремленіе къ миру.

За три недѣли до отъѣзда въ Финляндію, король далъ предписаніе начальнику шхерной флотиліи, полковнику Анкарсверду, которое устанавливаетъ, что Густавъ тогда уже зналъ объ опасномъ настроеніи, господствовавшемъ въ финской арміи и флотѣ. Король побуждаетъ Анкарсверда оживить среди своихъ братьевъ по оружію истинно-патріотическій духъ, предостеречь ихъ отъ опасности быть заподозрѣнными своими шведскими соотечественниками въ трусости и ненадежности, поощрить ихъ къ поддержанію военной славы. Въ предчувствіи того, что ожидалось, Густавъ добавилъ: разсужденія подъ оружіемъ о томъ, полезно ли извѣстное военное предпріятіе или нѣтъ, и имѣется ли для выполненія его достаточно силъ или не имѣется, не подлежитъ воину, коего долгъ сводится лишь къ тому, чтобы проявить мужество и находчивость въ бою, а также желаніе славы. Письмо короля, отправленное въ тотъ же день начальнику финскихъ войскъ, генералу Поссе, также подтверждаетъ освѣдомленность Густава о недостаточномъ воинственномъ духѣ чиновъ свеаборгскаго гарнизона. Тѣмъ не менѣе король ограничился лишь совѣтомъ и мелкимъ распоряженіемъ удалить женъ гарнизонныхъ и флотскихъ офицеровъ изъ крѣпости [237]).

Духъ сопротивленія сталъ проявляться въ финскихъ войскахъ во время ихъ стоянки въ Гельсингфорсѣ и замѣтно разросся въ теченіе недѣли, которую они провели совмѣстно съ шведскими отрядами, а также по мѣрѣ приближенія ихъ къ границѣ. Войска вошли въ предѣлы русской Финляндіи, гдѣ имъ предстояло взять крѣпость Фридрихсгамъ [238]).

Начальники Абоскаго и Бьернеборгскаго полковъ ежедневно тайно совѣщались у адъютанта А. Іегергорна, который былъ гла-

вой ордена Валгалла. Утромъ (1 авг.—21 іюля?), при восходѣ солнца, солдаты этихъ финскихъ полковъ, безъ приказанія начальства, стали снимать палатки, намѣреваясь уйти изъ Хусала въ Анъяла, ссылаясь на дурную пищу, тяжесть службы и на опасеніе пасть жертвой при Фридрихсгамѣ, безъ поддержки шведскихъ полковъ [239]). Всего финскихъ войскъ сосредоточено здѣсь было около 4 тыс. человѣкъ. Общее настроеніе арміи мѣтко передано перомъ Г. М. Армфельта. «Дивизія генерала Сигрота скорѣе представляетъ изъ себя риксдагъ, чѣмъ армію». «Никто не хочетъ болѣе сражаться, всѣ подражаютъ Фоксамъ и Шериданамъ, желая обличать заблужденія и завоевать свободу» [240]).

Король 20 іюля пріѣхалъ въ лагерь при деревнѣ Хусала (въ 5 верстахъ отъ Фридрихсгама), гдѣ расположены были исключительно финскія войска. Отсюда онъ предполагалъ руководить осадой Фридрихсгама. Оказалось, что онъ попалъ въ очагъ оппозиціи, гнѣздившейся въ арміи слабаго и стараго генерала К. Г. Армфельта. Въ Хусала Густавъ III былъ встрѣченъ общимъ неодобреніемъ войны и осужденіемъ его распоряженій. Явившіеся къ нему старшіе офицеры рисовали общее положеніе дѣла и состояніе арміи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Для своего выступленія они воспользовались также послѣдними извѣстіями о неудачахъ шведскаго флота. Начальники жаловались на недостатокъ провіанта, находили невозможнымъ продолженіе кампаніи безъ помощи изъ Швеціи, указывали на то, что люди, угрожая неповиновеніемъ, желаютъ возвратиться къ границѣ и, наконецъ, заявили, что для продолженія войны необходимо созвать риксдагъ, а для спасенія арміи нуженъ миръ или перемиріе. Наступательную войну какъ финскія, такъ и шведскія войска считали противозаконной и, чтобы избавить королевство отъ вредныхъ ея послѣдствій, требовали прекращенія кампаніи.

Полковникъ Абоскаго полка Іоганъ Генрихъ Хестеску (Hästesko), начальникъ Нюландскихъ драгунъ Робертъ Монтгомери и полковникъ Бьернеборгскаго полка Себастіанъ фонъ-Оттеръ укоряли короля въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, увѣряя, что войска отказываются идти на приступъ. «Если ваше величество вы сами пойдете по пути, занятому непріятелемъ, говорилъ Монтгомери, то, чортъ возьми, ни я, ни одна рожа изъ моего полка не послѣдуетъ за вами», ибо легко можетъ случиться, что короля застрѣлятъ изъ какой-либо засады [241]). Справедливый гнѣвъ закипѣлъ въ груди короля Густава, его лицо покрылось мертвенной блѣдностью,

бранденбургскіе глаза метали молніи и губы дрожали. Разсказываютъ, что Хестеску, совершенно забывшись, угрожалъ Густаву, при упорствѣ съ его стороны, потерей короны и дернулъ его даже за рукавъ. По семейному преданію, король якобы сказалъ при этомъ: «Берегитесь, Хестеску, вашу голову легко снять!» «Это находится не во власти вашего величества», возразилъ полковникъ [242]). Аудиторъ Экманъ записалъ въ своемъ дневникѣ (20-31 іюня): «Сегодня доложили королю, что не могутъ повиноваться и напасть на непріятеля... Хестеску и фонъ-Оттеръ, по возвращеніи отъ его величества, разсказывали, что король плакалъ и сознался, что его сманили сдѣлать этотъ шагъ, но просилъ полки не покидать его еще два дня». По показаніямъ другихъ, короля обступили и нѣкоторые колѣнопреклоненно въ сильныхъ, но почтительныхъ, выраженіяхъ молили его исполнить ихъ просьбу. Изъ такого мучительнаго положенія король вышелъ, благодаря письму генерала Сигрота (Siegroth), которымъ увѣдомлялось, что эскадра приблизилась къ мѣсту высадки. Неужели,—воскликнулъ король,—мы малодушно покинемъ своихъ товарищей!

Король приказалъ вечеромъ того-же дня (20 іюля) собрать въ лагерѣ Абоскій и Бьернеборгскій полки и, подъѣхавъ къ нимъ верхомъ, обратился къ солдатамъ со слѣдующей рѣчью. «Солдаты, храбрые финны. Вы всегда оказывали вѣрность, ваши предки сражались и побѣждали при моихъ предкахъ. Достойные потомки! Вы не оставите, не измѣните своему королю, который происходитъ отъ вашихъ бывшихъ любимыхъ королей. Мы имѣемъ 5000 чел. войска, которое высадилось по другую сторону Фридрихсгама; хотите-ли слѣдовать за мною на жизнь и на смерть подъ моими знаменами? я иду съ вами и мы вмѣстѣ съ ними въ этотъ-же вечеръ займемъ Фридрихсгамъ. Хотите-ли, такъ присягните мнѣ». Эту рѣчь перевелъ на финскій языкъ маіоръ Флеммингскаго полка Кремеръ, и солдаты прокричали въ одинъ голосъ: «Мы идемъ на жизнь и смерть». «Я это зналъ», воскликнулъ король.

Засимъ онъ обнажилъ свою шпагу и продолжалъ: «Эту шпагу я вынимаю противъ непріятеля въ первый разъ за благо отечества и въ отмщеніе оскорбленій, нанесенныхъ намъ. Если вы мнѣ вѣрны, то поклянитесь мнѣ Богомъ, который видитъ мое правое дѣло, что вы меня не покинете, пока я держу этотъ мечъ противъ моихъ и вашихъ враговъ. Я васъ не покину, я буду впереди и всегда съ вами». Рѣчь перевели и солдаты поклялись не покидать своего короля.

*

Затѣмъ король обратился къ офицерамъ, произнесъ короткую рѣчь, въ которой уговаривалъ ихъ служить хорошимъ примѣромъ для солдатъ, обѣщалъ вознаградить тѣхъ, которые будутъ вѣрны ему, и спросилъ, хотятъ-ли они побѣдить или умереть вмѣстѣ съ нимъ? Они отдали честь шпагой, но король потребовалъ отвѣта. «Отвѣтьте мнѣ, сказалъ онъ, послѣдуете-ли вы за мною, исполните-ли вы свой долгъ?» Нѣкоторые изъ нихъ отвѣтили—да, но большая часть промолчала. Король повернулъ лошадь и, обратясь къ солдатамъ, проговорилъ: «мнѣ извѣстна всегдашняя вѣрность финскаго солдата!» Нижніе чины прокричали ура.

Повторилась старая исторія: солдатъ, во всѣ времена высказывалъ неудовольствіе на тяжесть карауловъ, на недодачу провіанта и т. п., но никогда не отказывался отъ схватокъ съ непріятелемъ. Солдаты ощущали недостатокъ во всемъ. Въ магазинахъ «вездѣ было пусто», какъ сообщалъ Г. М. Армфельтъ своей женѣ [243]). Надежда возлагалась на быстрое взятіе Фридрихсгама и тутъ . . . неожиданная задержка.

Король уѣхалъ. Лагерь представлялъ удивительную и своеобразную картину. Солдатъ проявлялъ такое душевное довольство, точно отправлялся на свадьбу. Офицеры-же, которые такъ недавно рѣшили уѣхать домой, или вернуться обратно къ границѣ, пали духомъ; они проклинали солдатъ, съ которыми не сумѣли справиться. Они грозили заколоть ихъ собственными шпагами, если не станутъ повиноваться. Они проклинали всѣ распоряженія короля и говорили, что теперь будутъ биться до послѣдняго! Между тѣмъ приготовили жженку, и стали пить; мужество возрастало; не преминули, конечно, высказать кое-что о королѣ; указывали, чего онъ стоилъ и т. п. [244]). Противодѣйствіе было сломлено и весь отрядъ выступилъ ночью, съ цѣлью помочь нападенію Сигрота на Фридрихсгамъ [245]).

Если король полагалъ, что игра была имъ выиграна, то онъ ошибся. Офицеры не были обезоружены и не думали уступать. Они, понизивъ тонъ, вслѣдствіе первой неудачи, продолжали однако настаивать на отступленіи, поддержанные теперь своимъ начальникомъ ген. К. Армфельтомъ. Король, вчера говорившій о наступленіи, сегодня приказалъ отступить до Ликала и отказался отъ продолженія осады Фридрихсгама. Онъ оказался плохимъ полководцемъ и, окруженный недовольными офицерами, не отважился на рѣшительный шагъ. Раздѣливъ армію на два корпуса, онъ, повидимому, желалъ окружить себя болѣе надежными лицами.

Рѣшеніе колеблющагося и нерѣшительнаго короля было обильно послѣдствіями. Предпринятая война оказалась безцѣльной. Королевству стали угрожать большія бѣдствія. Аньяльскіе злоумышленники ободрились. До сихъ поръ малочисленные, они удвоили свою агитаціонную работу среди офицеровъ и солдатъ, замѣтивъ, что тѣ и другіе недостаточно распропагандированы. Однихъ ласкали, другимъ грозили. Въ присутствіи однихъ они грубо оскорбляли короля, заявляя, что онъ недостоинъ царствовать, другимъ говорили, что онъ ведетъ ихъ какъ быковъ на убой. Въ полкахъ появились письменныя указанія, что война незаконна и за нее придется отвѣчать передъ риксдагомъ, вслѣдствіе чего въ Свеаборгѣ многіе офицеры подали въ отставку. Офицеры-агитаторы обходили палатки солдатъ, уговаривая ихъ отказываться отъ дальнѣйшаго похода. Агенты конфедераціи (Маннергеймъ и Троллъ) объѣзжали отряды арміи, уговаривая всѣхъ участвовать въ союзѣ. Офицеры не стѣснялись призывать себѣ на помощь унтеръ-офицеровъ.

«Никакого начальства въ арміи,—заявляетъ Экманъ,—разъ нарушена вѣрность королю и законамъ. Кто обязанъ слушаться: капитанъ-ли своего полковника, или этотъ своего генерала? Вѣдь всѣ свободные подданные, всѣ считаютъ себя въ правѣ умерщвлять другъ друга». Знамена и законы лежали повергнутыми общей измѣной.

Около сотни офицеровъ подали въ отставку, исходя изъ того положенія, что война начата не по предписанію основного закона. Короче, офицеры открыто поднялись противъ своего короля.

Аньяльцевъ первоначально было немного, но среди нихъ оказалось нѣсколько весьма энергичныхъ личностей и въ то же время вліятельныхъ по своимъ должностямъ. І. А. Іегергорнъ и Кликъ состояли старшими адъютантами, а Ладо — адъютантомъ штаба. Дерзость ихъ возрасла съ той минуты, когда король приказалъ отступить, а К. Г. Армфельтъ, видя ихъ противозаконія, робко смолчалъ.

Во время отступленія отъ Хусала къ Ликала, у финскихъ офицеровъ созрѣлъ планъ самимъ обратиться къ русской Императрицѣ съ письменнымъ предложеніемъ мира. Нѣтъ сомнѣнія, что эта мысль принадлежитъ І. А. Іегергорну. Изъ начальниковъ Хестеску ранѣе другихъ узналъ о семъ намѣреніи и одобрилъ его.

Труднѣе всего коноводамъ было получить согласіе К. Г. Армфельта на приведеніе плана въ исполненіе. Безъ подписи всѣми уважаемаго начальника посланіе къ Императрицѣ лишалось всякаго значенія. Въ началѣ планъ показался генералу «необычайнымъ и отвратительнымъ». Но ему успѣли внушить, что иначе нельзя спасти государства, и что достиженіе мира составляетъ сокровенное желаніе короля. И дѣйствительно, К. Армфельтъ самъ слышалъ, какъ король говорилъ, что война—ошибка, но онъ не можетъ сдѣлать перваго шага къ миру, рискуя получить отказъ отъ разгнѣванной Императрицы. Не слѣдуетъ-ли въ такомъ случаѣ, — разсуждали заговорщики, — начальникамъ арміи, какъ добрымъ гражданамъ и вѣрнымъ подданнымъ, сдѣлать все, для спасенія короля и отечества? Послѣ нѣкотораго колебанія, К. Армфельтъ согласился на злосчастное предложеніе. Послѣ отступленія отъ Хусула, онъ находился въ крайне удрученномъ состояніи, и полагалъ, что планъ офицеровъ въ состояніи принести пользу Швеціи. Особенно повліялъ на К. Армфельта Клингспоръ. Онъ много вращался среди дворянъ и генералъ ошибочно принялъ его настойчивую поддержку плана за голосъ извѣстныхъ сферъ.

Первоначальный проектъ ноты (или «всеподданнѣйшаго меморіала»), которую имѣлось въ виду представить Императрицѣ, составленъ былъ Іегергорномъ, но К. Армфельтъ не вполнѣ соглашался съ ея текстомъ. Ввели поправки и послали за маіоромъ Кликомъ, которому надлежало придать нотѣ окончательную редакцію. «Ноту» предполагалось подписать на слѣдующій день. Но среди ночи заговорщики созваны были на новое совѣщаніе и, наскоро составленную ноту, торопливо подписали: генералъ К. Г. Армфельтъ, Хестеску, Кликъ, и др. всего 7 человѣкъ. Подпись Іегергорна отсутствовала. Эта записка извѣстна подъ именемъ «Ликала-ноты». Приводимъ этотъ документъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ прошелъ черезъ руки нашего главнокомандующаго.

«Нижеподписавшіеся генералы и шефы здѣшнихъ финскихъ полковъ и корпусовъ, собравшихся по воинскому порядку и по повелѣнію для защищенія границы отъ намѣреннаго нападенія, а потомъ уже и для перехода оной и къ занятію оставленныхъ войсками Вашего Императорскаго Величества мѣстъ, удостовѣряютъ симъ, что все сіе учинено безъ всякаго о прямомъ предметѣ свѣдѣнія; но, приближась уже къ стѣнамъ Фридрихсгамскимъ, узнали, что предпринятое совсѣмъ противно правости народной, которую мы, какъ сограждане, столько-же, сколько и воинскій

долгъ, наблюсти обязаны. По симъ обстоятельствамъ находились мы въ такомъ положеніи, что не знаемъ, какія принять средства къ исполненію патріотическаго долга нашего, такъ что при томъ не нарушить и воинской должности. Однако же уповаемъ, что обѣ сіи обязанности исполняемъ, когда предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйше открываемъ и изъясняемъ искреннее желаніе всей націи, особенно финской, о возстановленіи мира и союза между обоими государствами, каковаго лишаемся нынѣ по причиненнымъ отъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ особъ возмущеніямъ, затѣяннымъ, подъ видомъ общаго блага, къ достиженію одной только посторонней пользы. Симъ особамъ весьма легко было возбудить восхищеніе въ мысляхъ о прямомъ благѣ отечества несвѣдующихъ, дабы, пользуясь случаемъ, получить удовлетвореніе въ отнятомъ въ послѣднюю съ Россіею войну. И для того Всемилостивѣйшему Вашему Императорскаго Величества благоусмотрѣнію во глубочайшей преданности представить осмѣливаемся: но довольно-ли, къ возстановленію вѣчнаго мира, для обоихъ государствъ столь полезнаго, ежели утвердится послѣдняя бывшая между ними граница? Симъ бы можно прекратить способъ возмутителямъ къ дальнему нарушенію покоя, и ежели Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ удостоить народъ знакомъ щедрости своея и прошедшее предать забвенію, то всеподданнѣйше уповаемъ, что умножится та преданность, каковою наполнены сердца благородныхъ сосѣдовъ. А дабы получить удостовѣреніе о благопріятіи предлагаемаго нами именемъ націи, то отправили оберъ-адъютанта маіора Егергорна съ полною нашею довѣренностью, котораго съ нетерпѣливостью ожидаемъ обратно: въ каковомъ случаѣ и отзывъ Вашего Императорскаго Величества рѣшить долженъ, оставить ли намъ оружіе и возвратиться въ тишину, составляющую благо отечества, или же употребить оное образомъ приличнымъ и честнымъ, составляющимъ предметъ вѣрныхъ Шведовъ, презирающихъ всякую опасность и смерть въ оборонѣ своего отечества. А между тѣмъ дабы доказать склонность нашу къ миру, возвращаемся мы за границу и оставляемъ все занятое. Въ лагерѣ при деревнѣ Ликкала, августа 9 (іюля 29) дня 1788 г.». Затѣмъ слѣдовали вышеприведенныя семь подписей [246]).

«Ликальская-нота» (Likala-noten) есть чрезвычайное, «неслыханное», исключительное явленіе въ нашей исторіи», пишетъ шведъ Однеръ. «Нѣсколько начальниковъ незначительнаго отряда,

изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ какого либо выдающагося значенія, берутся, въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ королевской главной квартиры, на собственный рискъ, начать переговоры съ сувереномъ непріятельскаго государства; при этомъ они говорятъ отъ имени всей націи и предлагаютъ миръ на извѣстныхъ условіяхъ, миръ, заключенный не съ королемъ, имя котораго даже не упоминается, а съ представителями націи». Въ общемъ это попытка, свидѣтельствующая съ одной стороны о рѣдкой дерзости, а съ другой—о большомъ невѣжествѣ и легковѣріи. И все-таки этому поступку сочувствовали многіе изъ финскихъ офицеровъ и онъ не встрѣтилъ осужденія со стороны офицеровъ шведовъ.

Планъ нѣсколькихъ офицеровъ войти въ сношеніе съ непріятелемъ во время войны «является темнымъ пятномъ въ исторіи финскаго войска», заявилъ профессоръ М. Шюбергсонъ. Судомъ потомства такой поступокъ не можетъ быть оправданъ. Въ запискѣ офицеровъ дѣйствія ихъ короля выставлялись предметомъ осужденія и порицанія передъ чужой верховной властью. Одинъ изъ участниковъ всей этой нелѣпой затѣи (Р. Монтгомери) впослѣдствіи долженъ былъ сознаться, что «безспорно во всѣхъ странахъ и во всѣ времена было и будетъ позоромъ вступать въ недозволенную переписку съ непріятелемъ».

Иначе отнесся къ дѣлу Спренгтпортенъ. Онъ упорствовалъ въ правотѣ своихъ дѣйствій и впослѣдствіи, оправдываясь, писалъ: «Такъ какъ король, нашъ государь, отнялъ наши права, расторгъ связывавшія насъ узы, игралъ своими клятвами, то и намъ также вполнѣ дозволено нарушить связи, соединяющія насъ съ нимъ, и въ качествѣ законныхъ защитниковъ права угнетеннаго гражданина, обратить его къ справедливости. Если это разсужденіе не согласно съ логикою прусскаго солдата, то оно согласуется съ понятіями крестьянина съ береговъ Саймы» [247]).

Непонятно, какъ могли образованные офицеры разсчитывать на успѣхъ подобнаго нелѣпаго дѣла. Признаніемъ «ноты» офицеры явно отреклись отъ долга вѣрности своему законному королю и наивно надѣялись, что Россія откажется отъ земель, пріобрѣтенныхъ ею по Абоскому миру.

«Что нѣсколько офицеровъ не составляютъ государства Швеціи—это ясно. Могутъ ли они вступать въ переговоры съ иностранной державой, безъ согласія короля и государственныхъ сословій, это вопросъ,—на который не трудно отвѣтить, и тѣмъ

не менѣе,—продолжаетъ Экманъ,—они послали Іегергорна узнать Высочайшее мнѣніе русской Императрицы о томъ, «можетъ-ли состояться въ надлежащемъ порядкѣ договоръ съ представителями націи».

Іегергорнъ вызвался доставить «ноту» Императрицѣ. Ему охотно предоставили это щекотливое дипломатическое порученіе въ виду того, что онъ ранѣе бывалъ въ Петербургѣ и ознакомился съ его порядками. Іегергорнъ торопился отъѣздомъ, пока отряды расположены были вблизи Фридрихсгама. Отъѣздъ его былъ обставленъ маленькой комедіей. Іегергорнъ и подполковникъ П. Клингспоръ отправились верхами осматривать аванпосты. Раздалось два выстрѣла. Клингспоръ вернулся и сообщилъ, что Іегергорнъ захваченъ въ плѣнъ казаками, выскочившими изъ засады. Странное плѣненіе! Черезъ три часа въ лагерь пріѣхалъ уже офицеръ, сопровождаемый трубачами; онъ привезъ письмо отъ плѣнника, который увѣдомлялъ, что онъ живъ и проситъ выслать ему вещи въ Фридрихсгамъ. Здѣсь онъ остановился у надворнаго совѣтника Клейгильса.

Положеніе короля въ это время было самое тяжелое. Онъ пылалъ патріотизмомъ, онъ весь былъ полонъ воспоминаній о великомъ прошломъ Швеціи. Его считали спасителемъ королевства. И теперь то сословіе, которое онъ ласкалъ, тѣ войска, которыя онъ любилъ—поднялись противъ него! Одинъ ударъ слѣдовалъ за другимъ. 7 августа къ Густаву III явился начальникъ шхернаго флота полковникъ Анкарсвердъ и сталъ отъ себя и отъ имени многихъ полковъ настаивать на необходимости заключенія мира и созыва риксдага. «Это значитъ окончательно осрамиться», отвѣтилъ Густавъ и съ горячностію прибавилъ, что будетъ продолжать войну даже въ томъ случаѣ, если вся армія оставитъ его [248]). Офицеры находили Густава смѣшнымъ, его осуждали за тріумфъ, устроенный въ Гельсингфорсѣ по поводу Гогландской побѣды. Обсуждали, правъ-ли онъ былъ, переведя войска за границу. Шагъ этотъ находили оскорбительнымъ для закона и привилегій сословій. Говорили, что у Фридрихсгама онъ обманулъ солдатъ обѣщаніемъ помощи изъ Швеціи. Укоряли Густава еще за то, что онъ поставилъ свои войска передъ вооруженными редутами непріятеля, не имѣя самъ тяжелой артиллеріи. Даже часть унтеръ-офицеровъ занималась объясненіемъ солдатамъ, что король нарушилъ Форму

Правленія, что они, несмотря на присягу, не обязаны повиноваться, такъ какъ онъ слабоуменъ; исполненіемъ его приказаній они навлекутъ на себя лишь несчастіе, и т. п. Потокъ злословій шумѣлъ и ширился.

Письма Густава III къ Г. М. Армфельту за послѣдніе дни іюля свидѣтельствуютъ о глубокомъ упадкѣ духа короля. Желая поддержать бодрость настроенія короля, Г. М. Армфельтъ написалъ ему:... «Способъ, которымъ вы окончите эту войну, рѣшитъ судьбу сына Вашего Величества, судьбу государства и опредѣлитъ то имя въ исторіи, которое Ваше Величество такъ желаете сохранить... Я знаю, что въ глубинѣ души Ваше Величество желаете мира, но я бы хотѣлъ, чтобъ эту тайну никогда не выдали Ваши уста; единственный способъ выйти изъ затрудненія это то, чтобы міръ никогда не узналъ о нашемъ положеніи» [249]). Судя по дневнику Экмана, высшее начальство было занято ужаснымъ замысломъ: въ большинствѣ случаевъ обсужденія ихъ «касались вопроса, какимъ образомъ лишить короля престола» [250])... «Всѣ начальники согласны, что слѣдуетъ свергнуть короля и предоставить ему жить, въ качествѣ стараго человѣка, въ Грипсгольмскомъ дворцѣ». «Короля надо удалить». Но этого мало. Вскорѣ раздались голоса, предлагавшіе арестовать короля и даже убить его. «То, что здѣсь говорятъ, и то какъ здѣсь обращаются съ королемъ, заставляетъ волосы подыматься на головѣ»,—писалъ Ферзенъ младшій, отнюдь не принадлежавшій къ почитателямъ короля. На него сочиняли хулительныя пѣсни, именуютъ его «сумасшедшимъ» и находятъ, что его слѣдуетъ, подобно Эрику XIV, заключить въ тюрьму. «Всѣ честные люди,—писалъ другой современникъ этихъ печальныхъ событій,—были въ тревогѣ, потому что сговаривались арестовать короля. Поговаривали о томъ, что слѣдуетъ зарядить пушки картечью и стрѣлять изъ нихъ, въ случаѣ король задумаетъ употребить насиліе противъ офицеровъ» [251]).

Такое положеніе короля явилось результатомъ озлобленной пропаганды анъяльцевъ, особенно І. Г. Хестеску и С.ф-Оттера.

«Грустно было смотрѣть, какъ они пользовались добротою короля. Они представляли, а король утверждалъ многія производства; но несмотря на все это, они были полны ненависти, мщенія и смерти». «Богъ знаетъ, что намъ еще предстоитъ впереди, восклицаетъ тотъ же Экманъ. Несчастна та страна, гдѣ нѣтъ страха Божія, нѣтъ послушанія, единодушія и истиннаго патріотизма». «Боже, какія времена ожидаютъ насъ, если опять

возникнетъ аристократическая власть. Svea, Svea! ты по пути къ исчезновенію съ Сѣвера» [252]).

Бѣдный король внушалъ жалость. Онъ страшился отвѣтственности за легкомысленно начатую войну и впалъ въ бездѣйствіе. «Честь моя пропала, сказалъ онъ, я не могу болѣе возвратиться въ свою столицу. Да я и не стану болѣе своимъ присутствіемъ безпокоить народъ, который болѣе не желаетъ меня знать. Я рѣшился сложить корону. Я ничего не буду просить у Швеціи, которая меня ненавидитъ; мои брилліанты и моя мебель принесутъ мнѣ доходъ, который дастъ возможность вести простую жизнь. Я отказываюсь также отъ титуловъ короля и величества, и стану жить какъ частное лицо. Я желалъ бы поселиться въ Римѣ, но блестящая память о королевѣ Христинѣ дѣлаетъ это невозможнымъ; поэтому я поселюсь либо въ Швейцаріи, либо въ Парижѣ; тамъ я буду принимать у себя лишь старыхъ друзей и ихъ дѣтей. Мой сынъ будетъ королемъ, я сожгу свое завѣщаніе, пусть свободно распоряжаются по своему усмотрѣнію. Можетъ быть государственные чины примутъ иной образъ правленія; прекрасно, мой сынъ на это согласится, или же онъ въ свою очередь сдѣлаетъ то, что сдѣлалъ я, но онъ такой сдержанности не проявитъ, какую проявилъ я. Я удаляюсь безъ той славы, о которой я мечталъ, однако мое имя всетаки возбудитъ интересъ въ будущихъ поколѣніяхъ, и я увѣренъ, что они болѣе справедливо отнесутся ко мнѣ, чѣмъ это дѣлаютъ мои современники. Я вырвалъ Швецію изъ рукъ анархіи, я создалъ ея флотъ, возбудилъ дѣятельность въ ея арміи, я покровительствовалъ торговлѣ и промышленности, далъ Швеціи стройную монетную систему и старался распространить среди шведовъ вкусъ къ искусству и литературѣ. Наконецъ, я хотѣлъ вести ихъ на войну, чтобы вернуть то, что когда-то потеряли мои предки, но тогда всѣ покинули и предали меня» [253]). Густава III сравнивали съ Эрикомъ XIV и Карломъ Стюартомъ. Онъ сталъ проявлять даже равнодушіе къ своей династіи. Эссенъ находилъ, что королю надоѣла его судьба и пожалуй онъ поспѣшитъ сократить свои дни [254]). Отреченіе — мечталъ Густавъ — должно произойти блестящимъ образомъ.

Несомнѣнно, что король въ это время фантазировалъ объ отреченіи отъ короны и объ удаленіи за границу. Въ перепискѣ г-жи Сталь съ королемъ Густавомъ французскій историкъ Жефруа нашелъ данныя о намѣреніи Густава (въ іюлѣ 1788 года) купить домъ въ Парижѣ. Г-жа Сталь послала ему планы этого дома.

Въ Швеціи разсказывали, что Густавъ часть субсидій, полученныхъ отъ иностранныхъ державъ, отправилъ въ заграничныя кредитныя учрежденія. Король видимо заранѣе рѣшилъ, въ случаѣ неудачной войны, сложить корону [255]).

Это было извѣстно также изъ писемъ Густава, захваченныхъ графомъ Стаккельбергомъ въ Польшѣ. Екатерина писала Потемкину 3 іюля 1788 г.: «Буде намъ Богъ поможетъ, то его намѣреніе есть поѣхать въ Римъ, принять римскій законъ и жить, какъ жила королева Христина».

Охватившій короля побѣдный жаръ смѣнился, слѣдовательно, холоднымъ отчаяніемъ. Онъ оставался въ своемъ королевствѣ въ виду непріятеля почти безъ друзей.

«Король весьма близокъ къ своему паденію, писалъ Г. М. Армфельтъ женѣ (8—19 августа), и по мнѣнію его доброжелателей, ему остается лишь броситься въ объятія націи и открыто признаться, что онъ ошибался» [256]). Короля губила его нерѣшительность и полное отсутствіе качествъ главнокомандующаго.

Заговорщики считали свое преступное дѣло настолько прочнымъ, что поручили произвести арестъ короля маіору фонъ-Котену (Kothen). Они тѣмъ болѣе разсчитывали на успѣхъ, что Густава окружали исключительно финскія войска. Но Густавъ, сознавая всю опасность своего положенія, на ночь удалялся изъ главной квартиры на яхту «Amphion», приказавъ убирать сходни. Начальникъ финскихъ войскъ, фонъ-Платенъ, остался преданнымъ королю и занятъ былъ мыслію обезопасить его положеніе. Въ это время въ лагерь прибылъ Эльфсборгскій полкъ. Платенъ немедленно спросилъ его командира, Г. Гамильтона: ручается ли онъ за полное повиновеніе своего полка? «Ручаюсь, отвѣтилъ Гамильтонъ, и первый кто проявитъ неповиновеніе будетъ застрѣленъ лично мною!». «Отлично! возразилъ генералъ, въ такомъ случаѣ расположитесь на ночь бивакомъ около мѣста причала яхты (Amphion). Распоряженіе было исполнено и планъ ареста короля заговорщиками оказался такимъ образомъ разрушеннымъ [257]).

Первое извѣстіе о томъ, что дѣлалось въ конспиративныхъ квартирахъ, король получилъ отъ полковника Гастфера, приславшаго его величеству письмо, полученное отъ Выборгскаго губернатора г.-л. Гюнцеля. Въ этомъ письмѣ, изъ истиннаго человѣколюбія и сосѣдской дружбы, Гюнцель сообщалъ Гастферу, «что

нѣкоторыя финскія войска объявили королю о своемъ нежеланіи напасть на войска русской Императрицы или сдѣлать хоть одинъ шагъ въ ея странѣ, если ихъ призовутъ на защиту отечества». Финская армія просила Гюнцеля довести объ этомъ до свѣдѣнія своей Монархини, что онъ своевременно и исполнилъ. Густавъ былъ крайне возмущенъ. Его безпокоило также отсутствіе свѣдѣній о томъ, какъ далеко зашли офицеры въ своихъ замыслахъ и что они намѣревались предпринять. Особенно же увеличилось его безпокойство, когда (9 авг.—29 іюля) короткій рапортъ изъ Аньяла поставилъ его въ извѣстность о взятіи въ плѣнъ Іегергорна. Мысль о возможной связи между указанными событіями сейчасъ же мелькнула въ головѣ короля. Онъ приказалъ К. Армфельту немедленно представить подробный докладъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ плѣнъ Іегергорна.

«Невозможно скрывать отъ себя, писалъ два дня спустя король К. Армфельту, что имѣется наличность измѣны»... Далѣе въ томъ же письмѣ слѣдуетъ крайне своеобразное распоряженіе: Густавъ предлагаетъ К. Армфельту уговорить офицеровъ, «дать письменное обязательство въ томъ, что они послѣдуютъ за своимъ королемъ противъ враговъ государства и будутъ вмѣстѣ съ нимъ сражаться, гдѣ бы ни потребовали обстоятельства, до послѣдняго человѣка».

Письмо короля, доставленное въ Аньяла К. Армфельту, произвело общій переполохъ (1—12 авг.). Испугъ и безпокойство овладѣли тѣми, которые отослали ноту въ Петербургъ. Теперь они узнали, что королю извѣстны ихъ сношенія съ русскими. До сихъ поръ они утѣшали себя надеждой, что ихъ предпріятіе не обнаружится, пока Іегергорнъ не возвратится съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ и они, опираясь на него, добьются мира и риксдага. Но въ виду того, что Густавъ обладалъ уже нѣкоторыми свѣдѣніями о совершившемся, руководители рѣшили раскрыть все дѣло. Они разсчитывали этимъ путемъ пріобрѣсти широкое одобреніе общества офицеровъ и тѣмъ умалить свою виновность. Смѣлость аньяльцевъ возрасла еще вслѣдствіе того, что въ это время наши суда заблокировали шведскій флотъ въ Свеаборгѣ и положеніе арміи Густава сдѣлалось болѣе затруднительнымъ. Послѣ общаго совѣщанія подписавшихъ «Ликала-ноту», составлена была отъ имени всей арміи декларація («условіе финской арміи»), которая должна была офиціально оправдать дѣйствіе начальниковъ. Подписанную поголовно всѣми офицерами декларацію, рѣшили сообщить королю.

Смыслъ деклараціи—этого главнѣйшаго документа анъяльцевъ—сводился къ слѣдующему. Подступая къ Фридрихсгаму, мы полагали, что дѣйствія короля согласованы съ новой Формой Правленія, по которой король властенъ повелѣвать своей арміей. По воинскому уставу не дозволялось изслѣдовать, какъ далеко должно было простираться повиновеніе. Но у Фридрихсгама мы усмотрѣли въ дѣйствіяхъ русскихъ одни лишь оборонительныя распоряженія, а потому увѣрились, что «не отъ Россіянъ, но отъ насъ самихъ учинено нападеніе». Все это поставило насъ (шведовъ) въ самое затруднительное положеніе: съ одной стороны надо соблюсти Форму Правленія, съ другой—повиноваться начальству. Наше представленіе Его Величеству осталось безъ вниманія. Между тѣмъ нужно было спасти отечество и нѣтъ надобности воевать съ народомъ, который желаетъ сохранить съ нами союзъ. Узнали также, что Россійскій флотъ по силѣ превосходитъ нашъ. Намъ неизвѣстно, наконецъ, какъ Гастферъ станетъ защищать Саволаксъ, если противъ него окажутся болѣе сильныя войска. Принявъ все это во вниманіе, мы и рѣшили сообщить Императрицѣ, какъ мыслитъ наша нація, и дать средства двумъ коронованнымъ главамъ открыть негоціаціи [258]).

Эта декларація, подобно другимъ документамъ анъяльскаго союза, принадлежала перу маіора Клика.

«Подъ стѣнами Фридрихсгама мы поняли,—пишетъ насмѣшливо въ своемъ дневникѣ аудиторъ Экманъ,—что сдѣланы шаги, противорѣчащіе правамъ націи, которыя мы обязаны были охранять, какъ граждане; но въ то же время мы должны исполнять и наши военныя обязанности». «Теперь прямо высказали королю, продолжаетъ Экманъ, что ожидаютъ лишь рѣшеніе Императрицы; если она согласится на миръ, то они болѣе не будутъ имѣть дѣла съ королемъ и даже при другомъ оборотѣ ихъ запроса, они желаютъ лишь знать, прикажетъ ли король или нѣтъ вернуться, или драться. Гдѣ въ исторіи найдется другое такое письмо?» [259]).

Достойную жалости фигуру представлялъ въ это время старый Карлъ Армфельтъ. Онъ примкнулъ къ анъяльцамъ изъ искренняго желанія спасти короля. Онъ сознавалъ безчестность ихъ поступковъ, видѣлъ несчастныя послѣдствія ихъ затѣи и тѣмъ не менѣе въ ихъ планахъ усматривалъ единственное средство выйти изъ затрудненія.

2—13 августа К. Г. Армфельта безпрепятственно смѣнилъ гр. Мейерфельдъ. Его спокойно и вѣжливо встрѣтили старшіе

офицеры, но заявили, что откажутся повиноваться, если имъ приказано будетъ начать наступленіе. Защищать-же границу они готовы до послѣдней капли крови.

Въ теченіе недѣли по отрядамъ арміи собирались, при сильномъ давленіи начальства, подписи подъ декларацiей. Когда сборъ окончился, Мейерфельдъ (11—22 авг.) спокойно донесъ королю, какъ бы о самомъ обыденномъ явленіи, что агитація прекратилась и всюду наблюдались полный порядокъ и субординація. Подписей подъ декларацiей—или какъ ее еще называли—аньяльскимъ союзнымъ договоромъ, —насчитали 113. Спустя нѣсколько дней, Я. К. Гриппенбергъ, подписавшій декларацію по довѣрію къ товарищу, узнавъ ее содержаніе, зачеркнулъ свою фамилію.

Декларацію отправили королю, не съ особо уполномоченнымъ и довѣреннымъ лицомъ, а обыкновенной крестьянской почтой. Декларація сопровождалась письмомъ отъ союзниковъ-заговорщиковъ, которое подписалъ одинъ лишь К. Армфельтъ. Въ письмѣ пояснялось, что «нота» отправлена къ Императрицѣ, съ цѣлью заключенія мира и съ желаніемъ выяснить, слѣдуетъ ли сосѣдей-русскихъ считать друзьями или непріятелями? Обо всемъ, подписавшіе «ноту», имѣли въ виду, по окончаніи переговоровъ, довести до свѣдѣнія короля.

Легче себѣ представить,—пишетъ изслѣдователь «Аньяльскаго союза», профессоръ Гельсингфорсскаго университета Тигерстедтъ,—чѣмъ описать чувства, овладѣвшія королемъ, при чтеніи подобныхъ документовъ. Густавъ понялъ, что онъ стоитъ передъ союзомъ офицеровъ главной части своей арміи, пользующимся священнымъ чувствомъ любви къ родинѣ, чтобы открыто проявлять непокорность власти. Онъ немедленно послалъ за полк. Г. М. Армфельтомъ и, передавая ему бумаги, сказалъ: «какъ вамъ нравится это, другъ мой?» Армфельтъ, ознакомившись съ ихъ содержаніемъ, далъ королю единственно правильный и достойный совѣтъ: немедленно арестовать всѣхъ начальниковъ преступнаго союза и такимъ образомъ задушить всѣ конспираціи. Но Густавъ на это не рѣшился и, подумавъ, отвѣтилъ: «il faut dissimuler» (нѣтъ, лучше притвориться). Но въ то же время въ письмахъ къ Стедингку король вздыхалъ, «что нація навсегда посрамлена». Когда Густавъ узналъ, что Екатеринѣ извѣстно все происходившее въ лагерѣ, онъ воскликнулъ: «наша слава померкла, померкла навсегда».

Тюрьма была-бы первой и достойной мѣрой пресѣченія дальнѣйшаго распространенія зла, разъѣдавшаго армію, и позора, пав-

шаго на государство. Но Густаву хотѣлось выступить въ роли милующей власти и онъ сталъ побуждать офицеровъ прибѣгнуть къ мольбамъ о пощадѣ. Не далѣе, какъ 8—19 августа баронъ Лантингсгаузенъ, вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ барономъ Стаккельбергомъ, ѣздилъ въ Аньялу, чтобы отъ имени монарха удостовѣрить прощеніе тѣмъ изъ заговорщиковъ, которые раскаятся.

Пока власть бездѣйствовала, пламя недовольства и раздраженія перебросилось въ другіе отряды и воспламенило новыя группы офицеровъ къ протестамъ и оппозиціи. Особенно ярко вспыхнуло мятежное чувство въ отрядѣ Гастфера и въ результатѣ его явилось отступленіе отъ стѣнъ Нейшлота. Запылало недовольство въ отрядѣ при Борго, во флотѣ и т. д.

Маіоръ Іегергорнъ, ожидавшійся съ такимъ нетерпѣніемъ и интересомъ, наконецъ, вернулся. Изъ Петербурга онъ привезъ никѣмъ не подписанный отвѣтъ, 500 червонцевъ и драгоцѣнное кольцо. Доставленный имъ документъ гласилъ: «Мирныя намѣренія Императрицы въ отношеніи къ Швеціи не могутъ не быть извѣстными просвѣщеннымъ и безпристрастнымъ шведамъ; Финляндія особенно, въ качествѣ непосредственной сосѣдки Россіи, испытала проявленіе этого благорасположенія въ 1785 году, когда, при бывшемъ голодѣ, Ея И. В-во повелѣла открыть для Финляндіи магазины, приготовленные для продовольствія собственныхъ подданныхъ. Даже и теперь, когда самая несправедливая и беззаконная въ своихъ основаніяхъ война начата шведскимъ королемъ, Императрица вполнѣ признавала различіе между побужденіями государя и его подданныхъ. Она очень далека отъ того, чтобы не различить ихъ, несмотря на негодованіе, которое поступокъ этотъ естественно возбуждаетъ въ душѣ Ея. Поэтому съ чувствомъ удовлетворенія приняла Она выраженіе воодушевляющаго финскую армію настроеніи и извѣстіе о принятомъ и исполненномъ ею рѣшеніи устраниться отъ соблазна, который увлекъ ихъ въ русскіе предѣлы. Но сколько бы ни былъ шагъ этотъ согласенъ съ принципами человѣколюбія и великодушія, руководящими Ея И. В-вомъ, Ей всетаки остается желать, чтобы стремленія финскаго народа къ возстановленію стариннаго добраго сосѣдства и согласія были выражены собраніемъ большаго числа гражданъ и облечены въ представительную форму, которая дала бы имъ законное и достовѣрное утвержденіе. Съ этой цѣлью, и во вниманіе къ щекотливости настоящаго положенія вещей, всѣ тѣ, кто раздѣ-

ляетъ спасительныя намѣренія, изложенныя въ мемуарѣ, представленномъ Ея И. В-ву маіоромъ Егергорномъ, должны немедля согласиться между собою и составить представительное собраніе, которое могло бы войти въ законныя сношенія о пользахъ своего отечества и окончательно установить порядокъ, наиболѣе соотвѣтственный настоящему и будущему ихъ благосостоянію.—Генералъ гр. Мусинъ-Пушкинъ, главнокомандующій войсками Императрицы въ Финляндіи, будетъ уполномоченъ не только продлить нынѣ обсуждаемое мѣропріятіе, но и выслушать финскихъ депутатовъ, кои къ нему присланы будутъ отъ этого собранія, и распорядиться всѣми необходимыми пособіями, чтобы привести это патріотическое дѣло къ благополучному окончанію. Только тогда Ея И. В-во можетъ явить въ большей мѣрѣ великодушныя и благосклонныя чувства, одушевляющія Ее въ отношеніи финскаго народа.—Но прежде всего финскія собственно войска должны очистить границы Россіи. Нельзя надѣяться, чтобы шведскій король во главѣ своихъ войскъ рѣшился на это по доброй волѣ. Въ такомъ случаѣ достоинство Ея И. В-ва и благо Ея подданныхъ требуютъ, чтобы войска эти не только были вытѣснены силою, но и преслѣдуемы, и тогда вступленіе русскихъ войскъ (въ шведскую Финляндію) сдѣлается необходимымъ. Но за выраженными со стороны нѣкоторыхъ начальниковъ и офицеровъ финскаго войска чувствами, и если эти чувства сообщены будутъ и другимъ гражданамъ Велик. Княж. Финляндскаго, вступленіе русскихъ войскъ и пребываніе ихъ въ этой странѣ не только не поведетъ къ притѣсненію, или во вредъ жителямъ, но будетъ напротивъ способствовать установленію и упроченію такого политическаго и гражданскаго быта, котораго желаютъ и должны желать всѣ истинные и разумные патріоты, дабы достигнуть дѣйствительнаго и ненарушимаго благосостоянія». С.-Петербургъ, 9 августа 1788 г. (Безъ подписи).

«Іегергорну хочется отвѣта за подписаніемъ Ея Величества, или хотя Вице-Канцлера и они соберутъ сеймъ»,—значится у Храповицкаго. Но такого отвѣта ему не дали.

Наступило общее разочарованіе.

Начальники финскихъ войскъ, узнавъ содержаніе русскаго посланія, остались имъ крайне недовольны, но вынуждены были показать хорошее расположеніе въ дурной игрѣ.—Ни содержаніе, ни форма не соотвѣтствовали ихъ ожиданіямъ. Они надѣялись по меньшей мѣрѣ получить отвѣтъ отъ русскаго министра, адре-

сованный генералу К. Г. Армфельту. Между тѣмъ, петербургскій отвѣтъ ни къ кому не былъ адресованъ. Подлинность документа Іегергорну приходилось удостовѣрять предъявленіемъ дарованнаго ему кольца.

13—24 августа 1788 г. члены конфедераціи собрались въ Анъяла для обсужденія мѣръ, которыя предстояло предпринять, вслѣдствіе русскаго отвѣта. Среди присутствовавшихъ не наблюдалось болѣе прежняго единодушія и согласія. Подполковникъ баронъ Клингспоръ и полковникъ баронъ фонъ-Оттеръ, одни изъ ретивѣйшихъ сочленовъ союза, предлагали теперь примириться съ королемъ и просить о прощеніи. Съ этой цѣлью былъ даже приготовленъ проектъ прошенія. Но это предположеніе успѣха не имѣло послѣ того, какъ одинъ изъ присутствовавшихъ заявилъ, что оно составлено въ такихъ выраженіяхъ, что жесточайшей пыткой нельзя заставить его подписать подобную бумагу.

Членамъ конфедераціи особенно хотѣлось такъ или иначе побудить короля высказаться опредѣленно и созвать представителей сословій. Риксдагъ являлся теперь главнымъ пунктомъ ихъ требованій. Миръ, риксдагъ и Форма Правленія, ограничивающая короля, объединяли всѣхъ. Собраніе рѣшило не представлять королю полнаго отвѣта Императрицы, такъ какъ всѣ боялись и стыдились своей неудачи. Вмѣсто него Кликъ составилъ для короля особую записку, подписанную однимъ К. Г. Армфельтомъ. Въ запискѣ говорилось, что отвѣтъ Императрицы полученъ, что она никогда не имѣла намѣренія напасть на Швецію, что, напротивъ, проявляла свои мирныя стремленія, что приказала прекратить военныя дѣйствія лишь только ея страна будетъ очищена отъ войскъ короля, что, считая отношенія Густава къ ней враждебными, желала бы заключить прочный и искренній миръ съ шведской націей. Въ виду сего чины конфедераціи просили короля о созывѣ риксдага.

Въ эти же дни (10—21 августа) король получилъ увѣдомленіе о готовящемся нападеніи Даніи. Нуженъ былъ этотъ новый ударъ судьбы, чтобы въ Густавѣ пробудилось мужество, чтобы въ немъ вновь забила энергія. Получивъ это извѣстіе, онъ точно прозрѣлъ и усмотрѣлъ исходъ изъ своего тяжелаго положенія. «Je suis sauvé», воскликнулъ онъ.—Неожиданное извѣстіе дало Густаву прекрасный поводъ покинуть Финляндію и мятеж-

ную армію. Онъ могъ уѣхать безъ опасенія быть названъ бѣглецомъ: его звала необходимость призвать подданныхъ къ оружію противъ новаго непріятеля.

14—25 августа король былъ уже въ Ловизѣ, гдѣ нагналъ его посланный конфедератами офицеръ (Леіонхуввудъ). Войдя къ королю, онъ передалъ письмо, заявивъ, что оно отъ финскихъ полковыхъ командировъ.—Извѣстно-ли вамъ его содержаніе? спросилъ король.—«Да», отвѣтилъ посланный: они оправдываютъ свое предпріятіе и просятъ о созывѣ риксдага.—Король принялъ письмо, но не распечаталъ его. Густавъ велѣлъ передать имъ, что проститъ ихъ, если раскаятся и будутъ просить прощенія. По просьбѣ посланнаго дать образецъ прошенія о помилованіи, король продиктовалъ ему слѣдующее: «Мы почтительно просимъ Ваше Величество, милостиваго нашего короля, извинить и простить намъ ошибки, совершенныя изъ чистой ревности и убѣжденія послужить Вашему Королевскому Величеству; но исходъ дѣла показалъ, что мы были введены въ заблужденіе и враги государства желаютъ воспользоваться этимъ нашимъ шагомъ, чтобы разлучить насъ съ Вашимъ Величествомъ и Отечествомъ; раскаиваясь, мы надѣемся, что Ваше Величество простите насъ и не взыщите за нашу вину; мы же увѣряемъ Ваше Величество въ ненарушимой своей вѣрности, съ которой мы теперь и впредь, согласно нашей драгоцѣнной присягѣ, обязаны служить Вашему Величеству и государству, желая сражаться до послѣдней капли крови за Ваше Королевское Величество и Государство. Какъ суще намъ Господь Богъ да поможетъ на жизнь и на смерть» [260]).

Посланный вышелъ отъ короля и, смѣясь, громко разсказывалъ о порученіи Густава. Въ этотъ моментъ вышелъ король и, вручивъ ему обратно нераспечатанный конвертъ, прибавилъ: «Отвезите обратно.... я съ бунтовщиками не переписываюсь».

Сѣвъ въ коляску, король направился къ Гельсингфорсу.

При проѣздѣ короля черезъ Ловизу, одинъ изъ офицеровъ сказалъ другому, указывая на окно Густава: «Этого слѣдовало бы посадить въ Абоскую тюрьму, какъ нѣкогда въ нее былъ заключенъ Эрикъ XIV, и уже на всю жизнь».

Г. М. Армфельтъ удостовѣряетъ, что отъѣзду короля желали помѣшать, имѣя въ виду захватить его. Армфельтъ считаетъ даже чудомъ, что королю удалось избѣжать плѣна [261]).

Наканунѣ его отъѣзда, офицеры собрались въ палаткѣ графа Лейонстедта (grefve Lejonstedt). Общая чаша пунша была въ пол-

*

номъ ходу. Когда настроеніе поднялось, сдѣлано было предложеніе объ арестованіи короля. Смѣлый планъ надлежало осуществить полковнику Хестеску. Но раздался голосъ подполковника Энегельма (Enehjelm): «Бросьте это! Въ противномъ случаѣ я встану во главѣ Кюменьгородского баталіона и освобожу его».—Ясно, что и на этотъ разъ преступную затѣю пришлось оставить.

Съ отъѣздомъ Густава точно перерѣзанъ былъ жизненный нервъ конфедераціи. Она, правда, продолжала еще существовать, даже на короткое время расширилась, но у нея уменьшилась возможность влiять на короля, угрожая его особѣ. Вскорѣ послѣднее миганіе пламени мятежа было совершенно залито волной общественнаго негодованія, поднявшейся какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи.

Безсмысленная и преступная затѣя не могла, конечно, разсчитывать на прочный успѣхъ: здравый смыслъ и патріотизмъ должны были восторжествовать. Сами анъяльцы, чувствуя, что почва ускользала изъ-подъ ногъ, прибѣгли къ насилію, подлогамъ и обманамъ. Даже своему королю они сообщили неправильное извлеченіе изъ отвѣта Императрицы. Они писали, что Императрица съ радостью готова была заключить миръ и прекратить всѣ непріязненности. Впослѣдствіи ихъ извлеченіе попалось въ руки гр. Безбородко, и онъ, читая его, краснымъ карандашомъ отмѣтилъ эти мѣста и дважды написалъ: «солгано», «все солгано» [262]).

Отправивъ къ королю свое извращенное извлеченіе изъ отвѣта Императрицы, анъяльцы сдѣлали еще одну попытку оправдаться и пріобрѣсти союзниковъ. Они составили новый документъ, извѣстный подъ именемъ «авертисмента». Въ немъ они, вновь, скрывъ дѣйствительный смыслъ письма Императрицы, разсказали о предпринятыхъ шагахъ, объяснили цѣль своихъ стремленій, заклинали всѣхъ патріотовъ, во имя отечества, присоединиться къ нимъ и настаивать на созывѣ риксдага и возстановленіи мира [263]). Авертисментъ былъ подписанъ 43 офицерами изъ анъяльскаго отряда и съ большой поспѣшностью разосланъ въ остальныя части арміи, а также въ шхерный и корабельный флотъ. Среди полковъ, расположенныхъ въ Нюландіи, одновременно циркулировало другое извѣщеніе, также настаивавшее на мирѣ и риксдагѣ. Желаніе риксдага объединило громадное большинство офицеровъ; среди нихъ едва отыскалось нѣсколько смѣльчаковъ,

дерзнувшихъ обособиться и остаться въ сторонѣ отъ общаго движенія. Извѣстно, что Каульбарсъ открыто и смѣло порицалъ заговорщиковъ, а также воспретилъ своимъ подчиненнымъ посѣщеніе ихъ засѣданій. Въ Саволаксѣ ходила по рукамъ декларація иного типа. Она говорила о почтеніи королю, о любви къ отечеству и содѣйствіи общему благу. Его подписали преимущественно офицеры Карельскаго драгунскаго полка. Въ виду же того, что она состояла изъ однѣхъ общихъ фразъ, ее не затруднились подписать даже самые завзятые аньяльцы, вродѣ Iегергорна, Клика и др. Успѣха она тѣмъ не менѣе не имѣла.

Что же касается авертисмента, то историкъ аньяльскаго союза, проф. Тигерстедтъ, утверждаетъ, что онъ повсюду производилъ сильное впечатлѣніе.

Одновременно пробудилась старая дворянская вражда къ королю. Неудовольствіе, тлѣвшее со времени переворота 1772 г., вспыхнуло злобнымъ огнемъ. Аристократія еще разъ выступила на борьбу съ королевской властью, горячо привѣтствуя авертисментъ. Дворяне громко одобряли поведеніе офицеровъ, называли ихъ опорой отечества и защитниками свободы. Дѣло не обошлось, кажется, безъ нѣкотораго содѣйствія австрійскаго министра Стадіона, который, послѣ гр. Разумовскаго, служилъ звеномъ между шведской оппозиціей и Россіей. Вообще Швеція переживала печальный періодъ, когда упадокъ высшаго ея сословія дошелъ до того, что наиболѣе позорные его представители задавали пиры, при полученіи извѣстій о пораженіи шведовъ русскими, и одѣвали трауръ, узнавъ о побѣдахъ своихъ соотечественниковъ. Среди шведовъ нашлась тогда столь недостойная партія, которая пыталась подорвать государственный кредитъ своей родины, дабы лишить ее возможности воевать съ Россіей. Эта же партія раздувала недовѣріе народа къ выпущеннымъ во время войны ассигнаціямъ [264]).

Даже честный и преданный королю графъ Стедингкъ предлагалъ задобрить финляндцевъ разными льготами и уступками по сбору недоимокъ, по отмѣнѣ винной регаліи и т. п.

По поводу авертисмента, аристократія составила особую декларацію, въ которой поддерживала и развивала мысли аньяльцевъ, выставивъ въ заключеніи рядъ требованій. Они добивались мира съ Россіей, созыва сословій, перемирія съ Даніей и возвращенія арміи къ обычнымъ стоянкамъ. «На законную защиту,— писали они,—мы готовы жертвовать послѣднюю каплю крови.

Вмѣшиваться въ чужія правительственныя дѣла намѣренія не имѣемъ, такъ же, какъ не имѣемъ въ виду устраивать революцій, которыя разрушаютъ тронъ и чаще кровью и озлобленіемъ ищутъ частной мести, чѣмъ общаго блага». Мы имѣемъ въ виду,—значится далѣе въ деклараціи,—возвратить силу закона, власть—королю, попранныя права—сословіямъ, мы желаемъ свободы, славы и чести, при строжайшемъ соблюденіи закона.... «Пусть тотъ изъ насъ будетъ безчестнымъ человѣкомъ, кто отступится отъ этого намѣренія, и да будетъ опозорено имя того, кто измѣнитъ сему товариществу, которое мы скрѣпляемъ во имя Св. Троицы. Господь да поможетъ намъ» [265]).

Среди вліятельныхъ лицъ Швеціи не всѣ одобряли анъяльцевъ. Когда они обратились, напримѣръ, за содѣйствіемъ къ Ферзену, то онъ отказался отъ какихъ-либо сношеній съ ними, заявивъ, что «находитъ предпріятіе финскихъ начальниковъ противнымъ законамъ и военнымъ уставамъ, преступнымъ, предпринятымъ и приведеннымъ въ исполненіе безъ малѣйшаго здраваго смысла».

Правительство Екатерины II не перецѣнило значенія событій въ Анъяла и Липкала. Оно приняло ихъ во вниманіе, увѣдомило Спренгпортена о непослушаніи финскихъ офицеровъ (28 іюля 1798 г. у Храповицкаго), спокойнѣе отнеслось къ нашествію Густава, понимая, что бунтовавшіе финскія войска въ извѣстной мѣрѣ помѣшаютъ дальнѣйшему наступленію шведовъ. Въ конечномъ выводѣ Императрица остановилась на томъ, что будетъ вести переговоры съ противной стороной лишь тогда, когда она уйдетъ изъ русскихъ предѣловъ [266]).

15—26 августа 1788 г. Густавъ III въ Гельсингфорсѣ назначилъ главнокомандующимъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Финляндіи, своего брата, герцога Карла Зюдерманландскаго, приказавъ ему не внимать никакимъ представленіямъ о созывѣ риксдага, не очищать занятой части русской территоріи и не заключать съ Россіей перемирія. Густавъ уѣхалъ въ Швецію. Изъ писемъ короля можно заключить, что герцогъ раздѣлялъ въ то время его воззрѣнія и признавалъ необходимымъ отклонить всякія попытки арміи вмѣшиваться въ государственныя дѣла.

Герцогъ Карлъ временно держалъ себя загадочно. Приближенныя къ нему лица примыкали къ оппозиціи. Онъ, подобно

своему брату—королю, не отличался устойчивостью воззрѣній, всегда хитрилъ и примѣнялся къ обстоятельствамъ. Отношенія его къ королю нельзя признать хорошими. Онъ часто и злобно осуждалъ правленіе и поступки Густава. Карлъ не былъ равнодушенъ къ блеску престола, но его честолюбіе не желало встрѣтить значительныхъ препятствій по пути къ власти и онъ предпочелъ бы увидѣть корону, положенной къ его ногамъ такъ, чтобы ему осталось только нагнуться и поднять ее. Герцогу Карлу казалось, что представился случай приблизиться къ трону: недовольство дѣйствіями короля высказывалось открыто, а армія находилась въ его рукахъ. Но Карлъ Зюдерманландскій своихъ намѣреній не обнаруживалъ. Зная, однако, его колеблющійся характеръ, въ арміи не сомнѣвались, что сильное давленіе склонитъ его въ любую сторону. По прибытіи къ войскамъ, герцогъ Карлъ вскорѣ перенесъ свою главную квартиру въ Ловизу, что служило для многихъ предзнаменованіемъ очищенія занятой русской территоріи.

Въ лагерѣ преступная дѣятельность группы офицеровъ не прекращалась. Они выѣзжали къ русскимъ и переговаривались съ ними; они цѣлыми днями «играли въ бостонъ и занимались политикой тайно и тонко» [207]). Хотя продовольствіе подвозилось ежедневно, офицеры подстрекали солдатъ,—на случай, если герцогъ будетъ распрашивать ихъ,—жаловаться на всякіе недостатки. Совѣщанія о томъ, какимъ способомъ лучше добиться риксдага продолжались. При такихъ условіяхъ приверженцамъ Спренгтпортена не трудно было вліять на нерѣшительныхъ и продолжать свою темную работу. Трусы, желавшіе во что бы то ни стало прекращенія войны, естественно примкнули къ «патріотамъ.»

Очень скоро обстоятельства побудили герцога Карла снять маску. Въ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ полковникомъ Анкарсвердомъ, пользовавшимся въ Финляндіи большимъ уваженіемъ, герцогъ сначала держался гордо и строго; но, встрѣтившись съ сильной волей и глубокимъ убѣжденіемъ собесѣдника, герцогъ скоро понизилъ тонъ. Анкарсвердъ принадлежалъ къ числу недовольныхъ, но тѣмъ не менѣе велъ себя законно и тактично. Онъ не желалъ имѣть какихъ-либо сношеній съ англьцами и совѣтовалъ арміи безпрекословное повиновеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ необходимость созыва риксдага, и для этого настаивалъ на перемиріи. Герцогъ склонился къ его мнѣнію и даже предложилъ полковнику, вмѣстѣ съ офицерами флота,

подать прошеніе о риксдагѣ, выразивъ готовность вести также переговоры о перемиріи.

Прошла лишь недѣля со дня прибытія герцога Карла къ арміи. Къ нему въ Ловизу явилась анъяльская депутація. Герцогъ отказался принять ее; но порознь подолгу и ласково бесѣдовалъ съ каждымъ ея членомъ, причемъ не преминулъ указать, что его воззрѣнія сходятся со взглядами арміи, и что имъ будетъ сдѣлано все, чтобы содѣйствовать осуществленію цѣлей патріотовъ.

И дѣйствительно, въ тотъ же день (3 сент.—23 авг.) онъ написалъ королю письмо, въ которомъ, обрисовавъ печальное положеніе арміи, недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ и общее недовольство среди офицеровъ и солдатъ, умолялъ Густава потушить недовольствіе созывомъ риксдага и заключеніемъ мира съ могущественнымъ сосѣдомъ. Отвѣта не послѣдовало [268]). Король сталъ уже сознавать необходимость риксдага, но не желалъ связывать своихъ дѣйствій какими-либо обѣщаніями, данными къ тому же бунтующимъ подданнымъ, а оставилъ за собой право свободнаго опредѣленія подходящаго момента.

Въ этотъ періодъ для мутившихъ патріотовъ заключеніе перемирія имѣло бо̀льшее значеніе, чѣмъ созваніе представителей сословій. Перемиріе развязывало имъ руки и давало возможность заняться одними внутренними дѣлами. Приверженцы Спренгтпортена для своихъ темныхъ цѣлей также охотнѣе клонили къ перемирію. Такимъ образомъ, герцогъ оказался подъ двойнымъ воздѣйствіемъ. Предварительнымъ условіемъ перемирія со стороны русскихъ ставилось немедленное очищеніе «незаконно-занятаго» Гегфорса.

Въ виду указанной группировки обстоятельствъ, въ лагерѣ шведовъ шла усиленная работа, направленная къ достиженію мира или перемирія. Мира въ сущности желали всѣ, но обѣ воюющія стороны одинаково старательно отклоняли отъ себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ. Зато особенно усердно подталкивали другъ друга разными намеками и замаскированными пріемами. Едва въ іюнѣ 1788 г. начались военныя дѣйствія, какъ Екатерина писала князю Потемкину: «Изъ Берлина есть извѣстіе, будто король прусскій хочетъ вступить въ медіацію между нами и шведами; я отъ сего не прочь, лишь бы кондиціи были не постыдныя» [269]). Въ іюнѣ Выборгскій губернаторъ Гюнцель вступилъ

въ переписку съ оберъ-камеръ-юнкеромъ Г. М. Армфельтомъ. Послѣдній, заявивъ себя противникомъ войны, предлагалъ свои услуги для заключенія мира. «Сіе должно учинить немедленно. Средства къ этому должны быть скрытны, но сильны» [270]).

26 іюля 1788 г. въ дневникѣ Храповицкаго отмѣчено: «Гр. Сегюру препоручено, обще съ французскимъ министромъ въ Стокгольмѣ, стараться о примиреніи насъ со шведами».

28 іюля 1788 г. Г. М. Армфельтъ просилъ начать переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ, при этомъ король приказалъ ему написать, что «сіе самое можетъ послужить первымъ шагомъ къ мирнымъ переговорамъ» [271]). Мало того; теперь извѣстно, что это письмо, отправленное Г. М. Армфельтомъ князю Лобанову-Ростовскому (командиру Псковскаго полка), было составлено королемъ [272]). Онъ внушалъ Г. М. Армфельту написать, что «злые духи посѣяли раздоръ между родственниками, лично привязанными другъ къ другу», что надо дать «щелчокъ графу Разумовскому»... и т. п. Онъ пѣлъ гимнѣ великодушію Императрицы, и увѣрялъ, что, несмотря на военныя обстоятельства, сохранилъ къ ней чувство уваженія и почитанія, что союзъ и доброе соглашеніе съ нею во всѣ времена были предметомъ его горячихъ желаній. Послѣ подобныхъ предварительныхъ переписокъ, нашъ вице-канцлеръ Остерманъ предположилъ, что король самъ вступилъ въ сношеніе съ Императрицей, а потому въ Петербургѣ рѣшили пока «въ переговоры не входить». Съ одной стороны опасались «вѣроломнаго» короля, а съ другой —нельзя было покинуть союзной намъ Даніи. «Всѣ-же переговоры твердые съ вѣроломцемъ» трудно было поставить, а главное—«полубѣшенныя кондиціи» нельзя было принять.

Если Россія съ своей стороны тревожно оглядывалась по сторонамъ и думала о мирѣ, то причиной тому было ея крайне серьезное положеніе. Императрица ожидала всеобщей войны, боясь разрыва съ Англіей и Пруссіей, такъ какъ они «приняли на себя видъ повелителей вселенной». Россія боролась съ Турціей. За послѣднюю вступилась Швеція, а Англія и Пруссія, не желая гибели Густава, стали угрожать Даніи, находившейся въ союзѣ съ Россіей. Нашъ Государственный Совѣтъ призналъ ихъ поведеніе «непростительнымъ». Западъ ревниво слѣдилъ за Россіей, опасаясь ея дальнѣйшаго роста. Во время нападенія Швеціи, Россія на сѣверѣ не имѣла достаточнаго войска. Приходилось опасаться за Петербургъ, за русскую Финляндію и за Прибалтійскія провинціи, на возстаніе коихъ Густавъ возлагалъ немалыя

надежды. Узнавъ о тѣсномъ союзѣ Англіи и Пруссіи и объ ихъ интригахъ, Екатерина въ раздраженіи сказала: «Буде два дурака не уймутся, то станемъ драться». Въ письмахъ къ кн. Потемкину она спрашивала его совѣта. Потемкинъ рекомендовалъ осторожность по отношенію къ Пруссіи и даже совѣтовалъ скорѣе примириться съ шведскимъ королемъ. А если «предпишутъ мнѣ самыя легонькія кондиціи, какъ напримѣръ: отдачу Финляндіи, а можетъ быть и Лифляндіи—Швеціи, Бѣлоруссіи—Польшѣ, а по Самару рѣку—Туркамъ»?... [273]). Россіи было, слѣдовательно, надъ чѣмъ призадуматься. Искренно или нѣтъ, но уже 19 авг. 1788 года король писалъ Стедингку изъ Кюменьгорода: «Никогда я не преклонюсь подъ иго Императрицы.... Я предпочитаю быть уничтоженнымъ своими подданными, чѣмъ побѣжденнымъ иностранными врагами. Большія государства не такъ легко уничтожаются. Я говорю, какъ говорилъ Францъ I: «Tout est perdu hors l'honneur».

Новая серія попытокъ добиться мира связана съ именами двухъ крупнѣйшихъ личностей, находившихся при арміяхъ: герцога Карла и Великаго Кн. Павла Петровича.—На этотъ разъ первые шаги дѣлались шведами. Они хотѣли воспользоваться пребываніемъ Великаго Князя на войнѣ и герцогъ надѣялся личнымъ свиданіемъ достичь желаемаго результата. Въ данномъ случаѣ герцогъ Карлъ проявилъ очень мало дипломатической догадливости. Онъ долженъ былъ знать, что Павелъ Петровичъ не пользовался рѣшительно никакимъ вліяніемъ, и что Екатерина была не изъ тѣхъ, которая предоставила бы сыну исполненіе вліятельнаго и значительнаго дѣла. Напротивъ, приняты были мѣры къ тому, чтобы роль его на войнѣ осталась совершенно пассивной и подчиненной. Кромѣ того, герцогъ крайне неудачно избралъ Іегергорна для предварительной подготовки почвы: онъ успѣлъ уже запятнать себя государственной измѣной и никакимъ особымъ расположеніемъ русскихъ не пользовался. Іегергорнъ ввелъ въ интригу Спренгтпортена и К. Г. Армфельта, но и они не помогли дѣлу.

Великій Князь немедленно написалъ обо всемъ Императрицѣ. «Хотя я и желалъ-бы познакомиться съ герцогомъ, ничего, однако, не могъ сказать на этотъ счетъ, не зная воли Вашего Императорскаго Величества. Отдавъ Вамъ отчетъ въ этомъ, повергаюсь къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества и пребываю, любезнѣйшая мать, Вашъ покорнѣйшій, послушнѣйшій и

преданнѣйшій сынъ и слуга Павелъ».—Екатерина не замедлила отвѣтомъ: «Вы очень благоразумно отвѣтили Іегергорну; въ бѣдственномъ положеніи короля шведскаго не доставало одного только желанія вести мирные переговоры съ нами, обнаруживаемаго приближенными его со времени пораженія финскихъ войскъ; Армфельтъ писалъ письма за письмами.... и подъ предлогомъ предложенія размѣняться плѣнными, онъ не переставалъ подсовывать предложеній мира. Я приказала оставлять ихъ безъ отвѣта. Три судна съ парламентерами пришли къ адмиралу Грейгу; герцогъ Зюдерманландскій написалъ княгинѣ Дашковой весьма обязательное письмо.—Теперь они желаютъ видѣть васъ. Они такъ непослѣдовательны въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ притомъ двуличны и вѣроломны, что, желая вести мирные переговоры, они съ другой стороны громоздятъ обиду на обиду.

«Наконецъ, все это доказываетъ, что, продавъ туркамъ свои сухопутныя и морскія силы, король шведскій отъ нихъ же заимствовалъ и обычаи. Я думаю поэтому, что Вамъ при настоящихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ имѣть свиданія съ принцемъ Карломъ. Когда соберутся сословія и выскажутъ свое мнѣніе, то мы увидимъ, съ кѣмъ будемъ имѣть дѣло. Прощайте, обнимаю Васъ» [274]).

Справедливость словъ Императрицы подтверждается и другимъ источникомъ. Кн. Александръ Андреевичъ Безбородко, который преимущественно былъ занятъ въ это время шведскими дѣлами, писалъ князю Потемкину, что «къ концу августа стали слѣдовать со стороны шведовъ одно за другимъ предложенія о перемиріи, и даже о мирѣ», но Екатерина объ этомъ и слышать не хотѣла [275]).

«Король шведскій, сообщалъ Безбородко, повсюду отвѣдываетъ заговаривать о мирѣ» и многія державы пытались выступить «съ предложеніями медіаціи и добрыхъ услугъ». Екатерина осталась этимъ недовольна и заявила»: Il frappe à toutes les portes, pour demander la paix, mais c'est à moi qu'il devait s'adresser» [276]).

8 сентября герцогъ Карлъ сдѣлалъ попытку ускорить заключеніе перемирія. Онъ написалъ: если флотъ Ея Величества очиститъ портъ Ганге, онъ отведетъ войска отъ Гёгфорса.—Императрица отвѣтила гр. Мусину-Пушкину: «Герцогъ Зюдерманландскій.... и тутъ не оставилъ впутать обиду, дерзость неумѣстную и ложь».—Шведы желали очищенія Гангеуда, чтобы провести

свои войска противъ Даніи. Въ этомъ Императрица усматривала обиду. Самое предложеніе перемирія Екатерина находила дерзкимъ, вслѣдствіе того, что шведы не имѣли денегъ, пропитанія и одежды. Ложь она открыла въ томъ, что герцогъ называлъ Гёгфорсъ шведской границей.—Солгалъ герцогъ, наконецъ, и въ своемъ заявленіи, будто обѣ стороны желали перемирія, тогда какъ «съ нашей стороны и думано не было» [277]).

29 августа—9 сентября въ столицу прибылъ Спренгтпортенъ. Надо полагать, что онъ употребилъ всѣ силы, чтобы склонить Императрицу къ миру. Но офицеры-анъяльцы и герцогъ успѣли возбудить въ ней подозрѣніе: она опасалась, что ихъ поведеніе подсказано королемъ, желавшимъ перемирія, чтобы свободно дѣйствовать противъ Даніи. Кончилось тѣмъ, что она запретила главнокомандующему гр. Мусину-Пушкину вступать въ какіе-либо переговоры со шведами, пока они не очистятъ Гегфорса.

Особенно герцогъ Зюдерманландскій не внушалъ къ себѣ довѣрія Императрицы, почему на указѣ къ графу Мусину-Пушкину отъ 4 сентября 1788 г. она приписала: «Финнамъ-же прикажите внушить, что тонъ герцога Зюдерманландскаго столь же для насъ обиденъ, дерзокъ и лживъ, какъ самый королевскій, и мы имъ пророчествуемъ, что они отъ сего поступковъ и поведенія не болѣе себѣ имѣютъ ожидать добра, какъ отъ самого его Величества, ибо видно, что оба братья держатся одинаковыхъ и несносныхъ правилъ, и для того, буде къ намъ хотятъ быть чистосердечны, чтобы его самого выжили изъ Финляндіи» [278]).

Герцогъ собралъ военный совѣтъ. Большинство высказалось за оставленіе шведами Гегфорса. 14—25 сентября 1788 г. шведы выступили изъ Гегфорса и русскіе «безъ удара меча» пріобрѣли крѣпкую позицію, которая могла служить опорой дальнѣйшихъ операцій. Желаніе Екатерины исполнилось.

Такимъ образомъ, въ короткое время герцогъ Карлъ нарушилъ всѣ предписанія, данныя ему Густавомъ, когда онъ вручалъ ему судьбу своей арміи: герцогъ шелъ рука объ руку съ анъяльцами, велъ переговоры о перемиріи, очистилъ Гегфорсъ и добивался риксдага. Говорили даже, что онъ далъ обѣщаніе самъ, отъ имени арміи, открыть риксдагъ.

Въ теченіе ноября натянутыя отношенія герцога къ брату-королю продолжались. Густавъ былъ особенно раздраженъ оставленіемъ Гегфорса и его переговорами съ анъяльцами. Нужно было заставить герцога подчиниться волѣ короля и отправиться

съ флотомъ въ Карлскрону. Съ этой цѣлью Оксенштерна написалъ обширное письмо (отъ 30 окт. 1788 г.) и, чтобы болѣе расположить герцога Карла къ королю, рисуетъ ему возможность сдѣлаться монархомъ новаго самостоятельнаго герцогства, которое можетъ составиться изъ Лифляндіи и Курляндіи [279]).

Положеніе Густава въ моментъ прибытія его изъ Финляндіи въ Стокгольмъ было весьма критическимъ. Карлу Спарре надлежало дать отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ совѣтомъ противъ датскаго вторженія. Онъ закончилъ свой докладъ мрачнымъ пессимистическимъ описаніемъ положенія въ странѣ. Въ рукахъ непріятеля были всѣ воды, начиная съ Свинесунда до самаго Финскаго залива, онъ могъ взять стоящій въ Зундѣ торговый флотъ, оцѣненный въ два милліона риксдалеровъ, онъ могъ тревожить, даже уничтожить Карлскрону, угрожать Гётеборгу, высадиться въ Сконіи, препятствовать всякимъ сношеніямъ моремъ и прежде всего сношеніямъ Финляндіи со Швеціей, благодаря чему армія въ Финляндіи «могла быть доведена до какой-нибудь крайности» и все великое княжество—потеряннымъ; оборонительныя силы были недостаточны, недоставало, наконецъ, денегъ [280]).

Если изъ доклада К. Спарре король получилъ представленіе объ упадкѣ духа, то о господствовавшемъ негодованіи среди недовольныхъ онъ могъ узнать отъ своей свояченицы. Нѣсколько дней передъ тѣмъ она писала своему мужу, что Стокгольмъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, наполненъ недовольными, среди которыхъ съ каждымъ днемъ тонъ ухудшается: болѣе умѣренные желали ограниченія королевской власти и новой Формы Правленія, а самые непримиримые хотѣли низверженія короля и возведенія на престолъ кронпринца; свояченица опасалась даже покушенія на жизнь Густава. Конечно, подобныя мысли господствовали лишь среди дворянства и военнаго начальства [281]).

Но вскорѣ все это измѣнилось. Дѣла Густава въ Швеціи поправились. Король и народъ вновь сблизились, и онъ вернулся въ Стокгольмъ изъ похода противъ Даніи тріумфаторомъ. Въ арміи также сказалось новое вѣяніе. Многіе стали раскаиваться въ своихъ поступкахъ, а часть офицеровъ Саволакской бригады письменно потребовали обратно свои данныя ранѣе заявленія о томъ, что они присоединяются къ требованіямъ аньяльскаго союза [282]).

Въ ноябрѣ 1788 г. въ заявленіи шведскаго министра слышится уже новая нота: «не взявъ куска изъ нашей Финляндіи», утверждалъ онъ, король не помирится (Храповицкій).

Существенная перемѣна произошла также и въ воззрѣніяхъ Екатерины. Она убѣдилась, что къ миру Швецію можно побудить только силой; почему приказала сказать гр. А. А. Безбородко, чтобы спѣшили приготовленіями къ зимней кампаніи [283]).

Узнавъ объ успѣхахъ Густава, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, или «Сидоръ Ермолаевичъ», какъ любила называть его Екатерина, сразу измѣнилъ свою тактику. Онъ учредилъ наблюденіе за дѣйствіями финновъ, а мятежные ихъ полки оттянулъ отъ границы. Хестеску былъ отправленъ въ Гельсингфорсъ, а его солдаты разосланы по своимъ рутамъ. Полковникъ Хестеску долго отказывался отступить отъ границы и уступилъ только угрозѣ герцога, обѣщавшаго арестовать его въ Свеаборгѣ. Тавастгускій полкъ откомандировали на сѣверъ и т. д. Къ концу октября въ Анъяла не оставалось болѣе ни единаго заговорщика.

VII.

Проектъ независимой Финляндіи. Спренгтпортенъ. Гастферъ. Іегергорнъ. Судъ надъ анъяльцами.

XVIII вѣкъ богатъ авантюристами. Каліостро, Сенъ-Жерменъ, принцъ Нассау-Зигенъ и многіе другіе пріобрѣли большую извѣстность. Всѣ они побывали въ Петербургѣ, играя различныя роли въ обществѣ и при дворѣ. Среди авантюристовъ не послѣднее мѣсто занимаетъ Гёранъ Магнусъ Спренгтпортенъ. Онъ родился въ 1740 г. въ Финляндіи около Борго, получилъ военное образованіе въ Стокгольмѣ среди питомцевъ кадетскаго училища, рано приблизился ко двору и позналъ удовольствія растлѣвающей столичной жизни. Игра и женщины—признается онъ—занимали его въ этотъ періодъ. Милая Эльза—дочь садовника—грезилась ему впослѣдствіи, даже тогда, когда ему было 56 лѣтъ. Природныя способности выдвигали его въ первые ряды, а обстоятельства благопріятствовали развитію его дарованій. На первыхъ же порахъ наставникомъ его на военномъ поприщѣ оказался знаменитый строитель Свеаборгской крѣпости Августинъ Эренсвердъ, и надо полагать, что его личность и его великіе планы по оборонѣ Финляндіи не остались безъ вліянія на воспріимчиваго Спренгтпортена. Къ военной области относится наиболѣе благотворная дѣятельность Спренгтпортена: онъ отличился мужествомъ и находчивостью въ Померанскомъ походѣ (1760—1761 г.), съ большимъ искусствомъ организовалъ Саволакскую бригаду (1775 г.) и положилъ основу первой военной школѣ Финляндіи—въ Хапаніеми.—Въ Саволаксѣ и Кареліи не имѣлось укрѣпленій. Малочисленные и разбросанные отряды, находившіеся въ распоряженіи правительства, надлежало устроить и распредѣлить такъ, чтобы изъ нихъ получилась внушительная и надежная оборонительная сила. Блестящія военныя способности и рѣдкая энергія Спренгтпортена одолѣли на этомъ пути всѣ затрудненія. Ему удалось поднять патріотизмъ и благо-

родное самолюбіе населенія, которое охотно стало давать нужныя средства. Онъ установилъ здѣсь учебные сборы, составилъ удачный уставъ полковыхъ ученій, основалъ конскій заводъ, произвелъ рекогносцировки важнѣйшихъ мѣстностей, составилъ карты, поднялъ дисциплину. Его лагерные сборы и маневры по возможности приближались къ настоящей войнѣ. Его винтовка не имѣла штыка, но снабжена была 8-мью нарѣзами. Для офицеровъ завелъ библіотеку, посылалъ ихъ учиться даже въ Страсбургъ, а затѣмъ учредилъ собственное военное училище. Нерѣдко онъ самъ читалъ лекціи, излагая жизнеописанія выдающихся полководцевъ Конде, Монтекукули, Виллара, Морица Саксонскаго и др. Иногда научная бесѣда смѣнялась музыкой. Дѣятельность Спренгтпортена въ Саволаксѣ и Кареліи была настолько благотворна, что содѣйствовала подъему благосостоянія этого заброшеннаго края. Его вліяніе скоро распространилось на все гражданское управленіе сего отдаленнаго уголка шведскаго королевства: ни одного пастора, ни одного ленсмана не назначали безъ его участія. Шведскій сановникъ Ферзенъ находилъ, что Спренгтпортенъ, вполнѣ владѣя финскимъ языкомъ, до такой степени расположилъ къ себѣ мѣстныхъ жителей, что въ состояніи былъ направить ихъ и на пользу короля и во вредъ Швеціи [284]).

Г. М. СПРЕНГТПОРТЕНЪ.

Видъ Спренгтпортена производилъ отталкивающее впечатлѣніе. По описанію Р. Г. Ребиндера, онъ былъ высокаго роста, полный, имѣлъ маленькіе пронизывающіе глаза, надменный взглядъ. Во всей его фигурѣ замѣчалось нѣчто хищническое и она способна была внушать страхъ.

Едва-ли не самую привлекательную страницу его богатой и разнообразной по содержанію біографіи составляетъ пребываніе въ Саволаксѣ, несмотря на то, что командированіе его туда состоялось вопреки его желанію въ то время, когда онъ страстно

домогался остаться въ Стокгольмѣ. Финляндскій писатель сравниваетъ дѣятельность Спренгтпортена въ Саволаксѣ съ изящной живописью, выдержанной въ однихъ свѣтлыхъ тонахъ.

На реформы въ Саволаксѣ Спренгтпортенъ употребилъ значительную часть своего большого состоянія. Онъ жилъ здѣсь открыто, особенно зимою 1778—79 г.г. Когда Армфельтъ посѣтилъ Брахелинна,—15 офицеровъ ежедневно гостили въ его домѣ. Всѣхъ онъ заставлялъ работать, говоритъ Армфельтъ, однимъ были даны письменныя сочиненія, другимъ поручены топографическія изысканія и т. д. [285]).

Спренгтпортенъ платилъ за обученіе бѣдныхъ юношей, оплачивалъ въ Брахелинна ихъ содержаніе, заботился объ ихъ воспитаніи. Не менѣе щедрымъ онъ былъ относительно офицеровъ. «Онъ нѣжно заботился не только объ ихъ благополучіи и частныхъ ихъ дѣлахъ, но также о научномъ ихъ развитіи. Его обычно-серьезное, повелѣвающее и часто суровое настроеніе чередовалось съ самой сочувственной добротой и полнымъ довѣріемъ друга, едва только онъ узнавалъ о нуждѣ или горѣ подчиненнаго. Когда недоставало положенныхъ суммъ для бѣдныхъ, но способныхъ офицеровъ, помощь доставалась изъ собственной кассы начальника бригады; значительное число офицеровъ могли считать его щедрость основой своего счастія и благоденствія. Всѣ, несостоятельность которыхъ была установлена, всегда могли разсчитывать на подарокъ въ видѣ мундира, военныхъ принадлежностей, украшеній, оружія и пр. Его домъ былъ постоянно открытъ и столъ приготовленъ для подчиненныхъ. Ихъ продолжительное пребываніе здѣсь доставляло ему удовольствіе, при условіи, чтобъ они занимались военнымъ дѣломъ. Онъ никогда не ѣздилъ ни въ Швецію, ни въ столицу, чтобы не взять съ собой нѣсколькихъ бѣднѣйшихъ офицеровъ. Заботу объ ихъ обмундированіи и другихъ расходахъ во время поѣздки онъ бралъ на себя. Когда онъ, по повелѣнію короля, первый разъ отправился въ Петербургъ, его сопровождало нѣсколько офицеровъ, которымъ онъ желалъ доставить случай ближе ознакомиться съ столицей сосѣда, его войсками, жизнью и пр. Его забота о юношахъ, воспитывавшихся въ кадетскомъ училищѣ, казалось, превосходила отцовскую привязанность [286]).

Несомнѣнно, что, живя въ Саволаксѣ, Спренгтпортенъ жертвовалъ для блага отечества своимъ временемъ, трудомъ, интересомъ и доходами. Надо полагать, что этотъ періодъ времени онъ чув-

ствовалъ родину и, руководимый привязанностью къ крову предковъ, создавалъ ей возможный оплотъ. «Въ это время орденъ Меча, украшавшій его грудь, выдѣлялся, подобно подарку невѣсты, на мундирѣ счастливаго жениха».

Лучшая часть карьеры Спренгтпортена была окончена. Этотъ человѣкъ, жаждавшій широкой дѣятельности, долго не могъ усидѣть въ глухомъ уголку Саволакса.—Брагелнина скоро представилась тѣсной клѣткой для созрѣвшаго бойца. Его честолюбіе могло насытить только большое дѣло, похожее на подвигъ.

Высокомѣрный, запальчивый, избалованный успѣхомъ, Спренгтпортенъ скоро сдѣлался недоволенъ своимъ положеніемъ. Онъ просилъ короля разрѣшить ему заграничную поѣздку. Густавъ согласился. При слѣдованіи (1779) черезъ Фридрихсгамъ, Выборгъ и Петербургъ ему оказаны рѣдкія почести. Въ Берлинѣ и Потсдамѣ онъ предался любовнымъ похожденіямъ и удовольствіямъ. Кутежи продолжались затѣмъ въ Парижѣ. Густавъ хотѣлъ пристроить его на французской службѣ, но военный министръ съ достоинствомъ отвѣтилъ, что не можетъ дать преимущества иностранцу передъ соотечественниками [287]).

Наступили финансовыя затрудненія. Послѣдовали представленія королю въ Спаа. Онъ просилъ денегъ. Король отказалъ. Обычный случай, но его оказалось достаточнымъ для полной размолвки между повелителемъ Швеціи и его офицеромъ. Спренгтпортенъ заявилъ, что никогда болѣе не станетъ служить Густаву и признаетъ отечествомъ ту страну, которая будетъ его кормить.

Король не далъ денегъ, и необузданный мотъ Спренгтпортенъ ему измѣнилъ, не пожалѣвъ покинуть вскормившаго его отечества. Онъ быстро разсчиталъ, что наиболѣе въ состояніи уязвить Густава III въ Финляндіи и, начиная, примѣрно, съ 1780 г., сталъ работать надъ отторженіемъ ея отъ Швеціи, стоя во главѣ недовольныхъ дворянъ, осуждавшихъ Густава, какъ врага свободы и угнетателя королевства.

Въ этотъ періодъ бурной жизни Спренгтпортена развернулись всѣ непривлекательныя стороны его характера.

Въ 1783—1784 гг. въ Финляндіи ходили разные слухи о присоединеніи ея къ Россіи. Варіанты были многочисленны. Пограничный коммисаръ въ Абборфорсѣ (Самуилъ Экандеръ) счелъ своимъ служебнымъ долгомъ сообщить (въ февр. 1784 г.) главному почтъ-директору о томъ, что, по разговорамъ, король ведетъ перего-

воры съ Императрицей Россіи объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи, съ возмѣщеніемъ послѣдней путемъ предоставленія ей Норвегіи. Подобные же слухи циркулировали въ Сконіи. Трудно было установить, намѣчалась ли простая уступка Россіи, или имѣлось въ виду объявленіе Финляндіи самостоятельной [288]). Слухъ былъ настолько упоренъ, что въ правдивости его не усомнился даже профессоръ Портанъ, вѣроятно, не безъ основанія приписывая его Спренгтпортену. Русскаго владычества населеніе опасалось, какъ рабства, а потому ожидало его, какъ величайшаго для Финляндіи бѣдствія. Въ началѣ того же 1784 г., или въ концѣ предыдущаго, король повелѣлъ развѣдать въ полкахъ, точно ли въ нихъ средѣ существуетъ планъ независимости Финляндіи. Разслѣдованіе никакихъ положительныхъ результатовъ не дало [289]).

Тѣмъ не менѣе хочется предположить, что результатъ явился какой то случайностью, потому что франмассонскія ложи были распространены по Швеціи и Финляндіи. Въ главномъ пунктѣ обороны—въ Свеаборгѣ—существовало центральное управленіе ордена «Валгалла» (Valhallaorden), охватывавшаго весь край. Основателемъ его считается Іоганъ Андрей Іегергорнъ. Его членами состояли преимущественно офицеры и дворяне, увлекавшіеся французской литературой періода просвѣщенія; главными авторитетами для нихъ являлись Руссо, Гельвецій, Рейналь и др. Но ограниченіе королевской власти и сохраненіе дворянскихъ феодальныхъ привилегій были едва ли не главными цѣлями учрежденія ордена. Дѣятельность общества прикрывалась тайной; переписка велась шифрованными знаками. Говорили, что главенствовалъ въ орденѣ, вмѣстѣ съ І. А. Іегергорномъ, также Георгій (Гёранъ) Магнусъ Спренгтпортенъ. Членами его состояли Карлъ Генрихъ Кликъ, Л. Р. Глансенштерна, Ладо, Эссенъ, маіоръ Рамсай, Тандефельдъ и др., всего до ста финскихъ офицеровъ. Надо полагать, что, въ виду указаннаго состава «Валгаллы», среди нихъ не разъ велась рѣчь о самостоятельности Финляндіи, хотя въ моментъ разслѣдованія дѣла по королевскому приказу это удалось скрыть.

Душою финляндской партіи самостоятельности явился Г. М. Спренгтпортенъ. Свои планы онъ, видимо, широко сообщалъ въ бесѣдахъ разнымъ лицамъ, какъ, напримѣръ, знаменитому представителю оппозиціи Акселю Оксенштерна и могущественнѣйшему аристократу Швеціи, графу Фр. Акс. ф.-Ферзену. Оба они оказались честными и преданными своей родинѣ гражданами, почему съ презрѣніемъ отвернулись отъ пропагандиста.

*

Въ день Крещенія 1784 г. Спренгтпортенъ предложилъ будущую корону Финляндіи слабому и безхарактерному Карлу Зюдерманландскому. Вѣчно колебавшійся герцогъ отклонилъ предложеніе, но Спренгтпортена не преслѣдовалъ.

Въ 1785 г. Спренгтпортенъ попадаетъ въ Голландію, гдѣ, въ началѣ 1786 г., сближается въ Гаагѣ съ нашимъ представителемъ Степаномъ Колычевымъ, которому раскрываетъ свой планъ освобожденія Финляндіи. Имѣлось въ виду создать республику, подъ покровительствомъ самодержавной Россіи. Въ протекторы намѣчался самъ Спренгтпортенъ. Впослѣдствіи (2 сент. 1788 г.) Густавъ говорилъ своему Совѣту, что Спренгтпортенъ предполагалъ ввести въ Финляндіи правленіе, схожее съ правленіемъ соединенныхъ Нидерландовъ. Эренстремъ увѣрялъ, что С. А. Колычевъ обѣщалъ Спренгтпортену поддержку своего двора, и проектъ переслалъ въ Петербургъ.

С. КОЛЫЧЕВЪ.

Въ томъ же 1786 г. Спренгтпортенъ прибылъ въ Стокгольмъ, чтобы принять участіе въ риксдагѣ. Въ это время умеръ его старшій братъ (Іоганъ Вильгельмъ), оставивъ ему солидное наслѣдство.

Г. М. Спренгтпортенъ домогается должности начальника войскъ въ Финляндіи. Онъ испросилъ себѣ у Густава III частную аудіенцію, во время которой изъ устъ короля узнаетъ, что вся его агитація извѣстна главѣ Швеціи. Густавъ, вѣдая о преступныхъ замыслахъ Спренгтпортена, не предаетъ его суду, а предлагаетъ ему вести себя покорно и корректно! Въ это время около Моркова собирался кружокъ людей, преданныхъ Россіи, главнымъ его помощникомъ былъ полковникъ баронъ Спренгтпортенъ. Недовольные переворотомъ 1772 г. также группировались около Моркова. «Особенно раздражены были противъ правительства финны». Отъ короля Спренгтпортенъ является нашему представителю въ Стокгольмѣ Аркадію Моркову и въ горячей бесѣдѣ прово-

дитъ полдня. Рѣчь идетъ объ отдѣленіи отъ Швеціи Финляндіи. Получивъ проектъ Спренгтпортена (Précis d'un tableau sur l'équilibre du Nord consideré dans le projet de rendre la Finlande indépendante), Морковъ (31 мая — 11 іюня 1786 г.), подобно Колычеву, отправилъ его въ Петербургъ. Это былъ тотъ же проектъ, который Спренгтпортенъ передалъ въ Гаагѣ Колычеву. Названный проектъ явился програмою послѣдующей дѣятельности (1786—1808 г.г.) финляндской партіи независимости. Отсюда его значеніе.

Мотивы проекта недостаточно убѣдительны. Большинство его положеній слабо формулированы. Въ общемъ это эскизъ, а не глубоко обдуманный планъ. — Предлагаю въ этомъ убѣдиться. Трактаты, — начинаетъ Спренгтпортенъ,—какъ преграды противъ «жадности вѣковъ», не всегда достаточно обезпечиваютъ спокойствіе государства. Финляндія по своему положенію одинаково неудобна, какъ для того, кто ею обладаетъ, такъ и для того, кто ею не обладаетъ. Проектъ составленъ авторомъ съ цѣлью примиренія умовъ и интересовъ «соотвѣтственныхъ державъ». При разработкѣ проекта, — увѣряетъ насъ его составитель, — не было дано участія ни самолюбію, ни личнымъ интересамъ. Проектъ — произведеніе болѣе возвышеннаго чувства. Свободный и благодѣтельный инстинктъ направляетъ его къ счастью потомства. Полюбовно Швеція ни на что не согласится. Она, подобно Англіи, откроетъ глаза лишь тогда, когда вынуждена будетъ отступить передъ обстоятельствами. Это заставляетъ автора подготовить планъ независимости для Финляндіи тайно отъ Швеціи. Успѣхъ плана зависитъ «отъ Россіи и храбрости попытокъ, которыя финляндская нація сможетъ проявить для его осуществленія». Въ данное время (1786 г.),—пишетъ затѣмъ Спренгтпортенъ, далеко уклоняясь отъ истины, — финны рады будутъ сложить давящее ихъ иго, а Швеція не въ состояніи выставить тому серьезныхъ преградъ.—Финны очень горячо желаютъ благополучія своей націи. Справедливое негодованіе воодушевляетъ финскую націю въ томъ состояніи утѣсненія, въ которомъ она находится, и которое одинаково противно и ея счастью, и ея генію. «Нетрудно будетъ подыскать достаточное число депутатовъ, чтобы придать вѣса претензіямъ народа . . . Эти собранія націи подъ защитой войскъ Саволакса . . . . опредѣлятъ общій голосъ въ пользу новой, свободной и независимой конституціи, которая будетъ принята и приведена въ исполненіе прежде, чѣмъ Швеція сможетъ

получить вполнѣ опредѣленныя извѣстія объ этихъ движеніяхъ . . . . Отдѣльный бунтъ, который одновременно будетъ произведенъ въ Свеаборгѣ и въ Тавастгусѣ, предоставитъ обѣ самыя сильныя крѣпости страны въ распоряженіе конфедератовъ . . . Имѣя ихъ въ рукахъ, можно будетъ рискнуть изложить претензіи финскаго народа представителямъ шведской націи . . . Трудно сомнѣваться, что это движеніе, выполненное съ силой, не возбудило въ Швеціи болѣе или менѣе замѣтныхъ волненій въ пользу Финляндіи. Многіе граждане королевства не безъ радости увидятъ событіе, которое, будучи хорошо использовано, можетъ посодѣйствовать устраненію слишкомъ сильной узурпаціи ихъ старинныхъ свободъ. Надежду на успѣхъ подаютъ еще: слабый совѣтъ, окружающій монарха, и увлекающія короля развлеченія.

Вотъ то главнѣйшее, что возможно извлечь изъ туманнаго изложенія Спренгтпортена. Далѣе, онъ пишетъ, что для счастія націи необходимо:

1) чтобы Россія поддержала планъ всѣми своими силами;

2) оказала помощь войсками и деньгами;

3) денежная помощь считается особенно необходимой;

4) русскимъ флотомъ Ея Императорское Величество окажетъ особенно сильную помощь защитѣ финскаго побережья;

5) отношенія Финляндіи къ Россіи будутъ изложены въ прелиминарномъ актѣ;

6) Императрица гарантируетъ ту конституцію, которую «финны согласятся дать себѣ, какъ наиболѣе сотвѣтствующую ихъ генію и желаемой независимости».

Все остальное надлежало предоставить искусству Спренгтпортена, который «бралъ на свою голову гарантію успѣха этого дѣла», обезпечивающаго «покой человѣчества и счастье цѣлаго народа». Небо, конечно, благословитъ эту работу. Кончается проектъ обильной лестью по адресу Императрицы.

На оборотѣ этого проекта Императрица собственноручно надписала: «Si le projet de l'indépendance de la F. était une question, la réponse que ce projet n'est pas contraire aux intérêts de la Russie ne serait pas difficile à trouver» [290]).

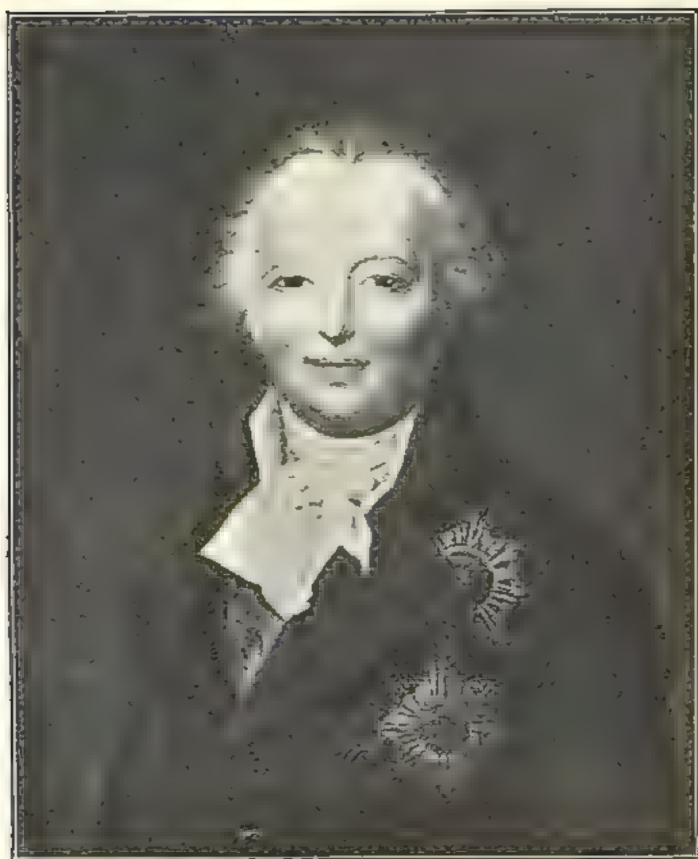
По поводу этого проекта между А. Морковымъ, Безбородко и Остерманомъ началась оживленная переписка. Морковъ сообщалъ свои разговоры со Спренгтпортеномъ; ему отвѣчали сообщеніемъ воззрѣній Императрицы относительно плана финляндской самостоятельности. Спренгтпортенъ полагалъ, что Швеція уступитъ

Финляндію, если будетъ вознаграждена за нее Норвегіей. Морковъ безъ труда опровергъ это предложеніе. Спренгтпортенъ рекомендовалъ Императрицѣ, для успѣха дѣла, отдѣлить отъ Россіи тѣ части, которыя были присоединены къ ней по Абоскому трактату. Ему, конечно, не вняли. Спренгтпортенъ продолжалъ: настроеніе финновъ таково, что, явись у нихъ руководитель,—они возстанутъ. Онъ полагалъ, что они изберутъ его своимъ главой. Все оказалось плодомъ его пылкаго воображенія.

Императрица, признавъ, однако, по политическимъ конъюнктурамъ отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи полезнымъ для Россіи, велѣла своему посланнику въ Стокгольмѣ Моркову предложить Спренгтпортену прибыть въ Петербургъ, для личныхъ переговоровъ.—Кромѣ того, Екатерина разрѣшила обѣщать Спренгтпортену разныя выгоды, если онъ поступитъ на русскую службу [291]).

Нѣсколько дней послѣ бесѣды съ Морковымъ, Спренгтпортенъ плылъ уже на своей яхтѣ въ Финляндію, гдѣ встрѣчается съ единомышленниками задуманнаго молодого государства. Здѣсь окончательно созрѣла его мысль предаться Россіи и поднять населеніе. «Въ своихъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ своего зятя, капитана Гласеншерна»,—пишетъ аудиторъ Тавстгускаго пѣх. полка фонъ-Шульцъ, со словъ Саволакскихъ офицеровъ, знавшихъ планы своего бывшаго начальника,—Спренгтпортенъ совѣщался со многими мѣстными помѣщиками о самостоятельности Финляндіи и о состояніи финской арміи; рѣшено было при случаѣ, съ помощью денегъ и войскъ Россіи, поднять общее возстаніе. Для этого слѣдовало постепенно подготовить финскія войска. Признали полезнымъ распространить слухъ, что король заложилъ Финляндію, чтобъ добыть денегъ на поѣздку въ Италію, что король намѣренъ самыми невыносимыми страданіями истощить страну, чтобы она перешла къ Россіи совершенно опустошенной. Подобными слухами разсчитывали раздражить народъ, дабы онъ примкнулъ къ заговору. Послѣ приведенія всего этого въ исполненіе при помощи Россіи, Финляндію слѣдуетъ объявить самостоятельной и гарантированной Россіей. Правленіе должно было стать Монархо-Олигархо-Республиканское,—чудовище изъ многихъ способовъ правленія; слѣдовало избрать себѣ короля или другого титулованнаго монарха: можно было предложить корону какому-нибудь шведскому принцу, напримѣръ, герцогу Фридриху-Адольфу. Онъ долженъ былъ управлять вмѣстѣ съ Совѣтомъ, состоящимъ изъ финскихъ дворянъ; горожане и духовенство устранялись отъ правительственныхъ

дѣлъ, а крестьянъ слѣдовало поставить соотвѣтственно съ ихъ собратьями въ Лифляндіи, Курляндіи и Польшѣ—hos est, страну надлежало раздѣлить между дворянами, а крестьянъ—обратить въ крѣпостныхъ. Тѣхъ дворянъ, которые не пожелаютъ присоединиться къ заговорщикамъ, по приведеніи плана въ исполненіе, имѣлось въ виду устранить. За свои отличныя заслуги Спренгтпортенъ выговаривалъ себѣ командованіе надъ арміей новаго государства [292]).

А. П. МОРКОВЪ.

Въ сентябрѣ (1786 г.), принявъ предложеніе Екатерины II, Спренгтпортенъ отплылъ въ Петербургъ, чтобы пасть къ стопамъ Императрицы. Онъ былъ отлично принятъ; вельможи устраивали ему пиры, Императрица осыпала милостями. Въ Петербургѣ онъ играетъ роль восходящаго свѣтила. Россія, если вѣрить ему, дѣлается «родиною его сердца». «Недавно прибывшій сюда полк. Спренгтпортенъ, — писалъ въ концѣ октября 1786 г. саксонскій дипломатъ Гельбигъ,—послѣ двухнедѣльнаго пребыванія здѣсь опредѣленъ въ понедѣльникъ полковникомъ въ русскую службу, во вторникъ сдѣланъ камергеромъ, а въ среду—генералъ-маіоромъ» [293]).

Проектъ его извѣстенъ былъ графу Безбородко. Спренгтпортену обѣщана возможность доложить его Императрицѣ. Но онъ ищетъ, кромѣ того, случая пріобрѣсти расположеніе всесильнаго Потемкина. Улучивъ минуту, онъ спросилъ князя: «Извѣстно-ли вашей свѣтлости, съ какой цѣлью я пріѣхалъ въ Россію?» — «Господи Боже мой!» воскликнулъ Потемкинъ: «все это мое дѣло, этотъ проектъ придуманъ мною». Спренгтпортенъ былъ озадаченъ, покраснѣлъ, но не смѣлъ выразить своей досады. Послѣ этого вельможа удостоилъ его своимъ милостивымъ разговоромъ о Финляндіи, о финской арміи и пр., и выразилъ сомнѣніе, чтобы этотъ край въ состояніи былъ управляться самостоятельно.

Князь кончилъ одобреніемъ проекта Спренгтпортена и обѣщалъ свое содѣйствіе [294]).

Проектъ поддерживалъ и возвратившійся изъ Стокгольма А. Морковъ, хотя, проѣхавъ по Финляндіи, убѣдился, что «народъ гнушался русскаго господства» и ничто въ краѣ «не предвѣщало бунта».

Въ то время, когда Спренгтпортенъ работалъ въ Петербургѣ, его главный соратникъ (дальній родственникъ), маіоръ І. А. Іегергорнъ, вступилъ въ сношеніе съ замѣстителемъ Моркова въ Стокгольмѣ—молодымъ А. К. Разумовскимъ, желая добиться вооруженнаго вмѣшательства Россіи въ дѣла Финляндіи [295]).

Когда въ 1788 г. началась война съ Густавомъ III, Екатерина пожелала воспользоваться проектомъ Спренгтпортена противъ своего безпокойнаго сосѣда—родственника; ей хотѣлось вызвать въ предѣлахъ его королевства серьезное осложненіе.

Баронъ Флемингъ, капитанъ Гернгроссъ и многія другія вліятельныя въ Финляндіи лица были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ бѣжавшимъ въ Россію барономъ Спренгтпортеномъ и охотно подчинялись вліянію русскаго министра въ Стокгольмѣ [296]). Въ пользу независимой Финляндіи дѣйствовали еще баронъ де-Гееръ, полк. Гелленсванъ и маіоръ Пайпуль [297]).

Заглядывая въ лицо и душу Спренгтпортена—этого своеобразнаго человѣка, чувствуется въ возмущенномъ духѣ его что-то демонское, отталкивающее.

Обрисовать политическое міросозерцаніе Спренгтпортена крайне затруднительно въ виду того, что онъ никакими устойчивыми и постоянными началами не руководился. Насколько въ военномъ дѣлѣ онъ былъ твердъ и послѣдователенъ, настолько въ области политической и нравственной онъ оказался неустойчивымъ и безпринципнымъ. Сперва въ немъ преобладали монархическія воззрѣнія и онъ энергично содѣйствовалъ революціи 1772 г., надѣясь утвержденіемъ монархизма искоренить зло безначалія и партійности «періода свободы» и такимъ образомъ спасти отечество отъ грозившей ему опасности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсчитывалъ, что отъ переворота Густава Финляндія явится и un peu plus au niveau de la Suède».

Когда онъ задумалъ оторвать Финляндію отъ Швеціи и планировалъ будущее политическое устройство своей родины, начались его колебанія: то онъ желалъ видѣть въ ней монархію, то республику.

Въ одномъ онъ оказался строго послѣдователенъ — въ своей преданности аристократіи. На риксдагѣ онъ, примкнувъ къ партіи шляпъ, отстаивалъ исключительно аристократическую точку зрѣнія противъ демократовъ-шапокъ. Учреждая военную школу въ Хапаніеми, онъ имѣлъ въ виду только дворянскую молодежь. Когда онъ останавливался на республиканскомъ устройствѣ Финляндіи, интересы высшаго сословія выдвигались имъ на первый планъ.

Несмотря на рѣдкія природныя способности, большія познанія въ военныхъ наукахъ, энергію, выдающееся личное мужество, безкорыстіе и доброту—историческій обликъ Спренгтпортена выходитъ крайне непривлекательнымъ.—Онъ путался и оступался подъ тяжестью собственной гордости, обидчивости и непомѣрнаго честолюбія. Эти чувства совершенно отуманивали его и застилали передъ нимъ истинное положеніе дѣла. Если онъ нѣсколько уважалъ идеи свободы XVIII в., если въ немъ временами шевелился патріотизмъ, то все это подавлялось и заглушалось его собственнымъ эгоистическимъ я. Онъ не дѣлалъ различія между своей личностью и предметомъ или идеей, которымъ онъ служилъ. Его идея, его дѣло всегда сливались съ нимъ самимъ [298]).

Субъективность преобладала въ немъ надъ любовью къ родинѣ, надъ сознаніемъ долга. Онъ былъ полонъ заблужденій. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы стать выше обстоятельствъ и побѣдить ихъ, слишкомъ ничтоженъ, чтобы пренебречь ими, когда они могли послужить его личнымъ цѣлямъ. Въ этомъ кроется причина безцвѣтности его патріотизма и малаго его жизненнаго успѣха. Высокіе идеальные порывы не руководили его дѣйствіями. Долгъ и честь, вѣрность и традиціи не были его святынями. Въ его характерѣ было много ненависти и мстительности, раздражительности и угрюмости (Р. Г. Ребиндеръ).

«Это—быстрая рѣка,—сказалъ одинъ изъ близко его знавшихъ,—которая все заливаетъ и все сокрушаетъ; онъ созданъ былъ, чтобъ свергать съ престоловъ и разрывать общественные союзы» [299]).

Рѣшительный и отважный до отчаянія, говоритъ Р. Г. Ребиндеръ, энергичный, и трудолюбивый, пренебрегающій денежными интересами, республиканецъ на словахъ, деспотъ въ душѣ, этотъ человѣкъ созданъ былъ, «чтобъ играть роль въ гражданскихъ смутахъ». Собственное величіе стояло у него выше всего. Заслуги другихъ имъ не признавались; друзья и союзники подвергались его саркастической насмѣшкѣ.

Насъ могла бы еще примирить съ ошибками и увлеченіями Спренгтпортена пылкая безотчетная любовь къ родинѣ, та любовь, которая высоко подымаетъ грудь и заставляетъ сердце усиленнѣй биться, которая постоянно ставитъ передъ взоромъ холодную, бѣдную, страдающую родину, гдѣ мелькнула его молодость, гдѣ красовался берегъ Саймы, гдѣ прошла его честно-трудовая жизнь, гдѣ обожали его сѣрые когорты карельцевъ и саволаксцевъ, надъ созданіемъ коихъ онъ работалъ сердечно съ истиннымъ энтузіазмомъ. Но такой любви у него не было. Любовь къ родинѣ въ извѣстной дозѣ входила въ составъ его политической дѣятельности, но не она возвышала, направляла и оправдывала его политическіе порывы, его государственныя преступленія. Разрывъ Спренгтпортена съ королемъ и родиной произошелъ на почвѣ личнаго мелкаго самолюбія. Главными пружинами дѣйствій Спренгтпортена были низкая месть, къ которой повода не было дано Густавомъ III, и демонское честолюбіе, переполнившее все его существо.

Впослѣдствіи Спренгтпортенъ объяснялъ свое отпаденіе отъ Швеціи различно. Сперва онъ разсказывалъ родъ сказки о томъ, что въ кадетскомъ училищѣ товарищи подымали его на смѣхъ за его дурной шведскій выговоръ и дразнили его прозвищами «финская кишка», «финскій сапогъ (піакса)». Эта обычная выходка школьниковъ легла яко-бы въ основу его пожизненнаго озлобленія къ шведамъ. Затѣмъ онъ придумалъ иные мотивы своего отщепенства». Рѣчь шла,—писалъ онъ,—о томъ, чтобы побороть самоуправство государя, который, объявляя войну Россіи, тѣмъ самымъ объявлялъ ее и отечественной конституціи. Густавъ топталъ ее ногами, опрокинувъ храмъ, въ которомъ клялся. Честь, любовь, благо гражданъ, все запрещало ему (Спренгтпортену) оставаться нейтральнымъ въ спорѣ, касавшемся свободы родины и правъ, къ поддержкѣ коихъ обязывало его само рожденіе».— Густавъ «простеръ королевскую власть превыше законовъ,—восклицалъ Спренгтпортенъ,—заковалъ Швецію въ цѣпи, возвелъ Финляндію на эшафотъ» [300])....

Все это громкія слова, не имѣющія подъ собою достаточной фактической основы.—Истинные сыны отечества работаютъ на пользу родного края иными средствами; ошибки и своеволіе власти не разрѣшаютъ имъ гнусной измѣны, не даютъ права самосуда, не побуждаютъ ихъ хвататься за оружіе.

Логика Спренгтпортена вела на путь революціи и анархіи, она развязывала руки всякому самоуправству. Честный сынъ

родины знаетъ легальные способы борьбы и законное отстаиваніе своихъ правъ.

Спренгтпортенъ трудился только для себя, смотрѣлъ на Финляндію лишь какъ на пьедесталъ собственнаго возвышенія и не былъ разборчивъ въ средствахъ для достиженія своей цѣли.

Спренгтпортенъ приносилъ въ жертву все своему честолюбію и своей мстительности. Спренгтпортенъ зналъ, что путь къ финской самостоятельности долженъ пройти по крови, трупамъ и развалинамъ, но это его не смущало, лишь бы ему самому подняться на ступени славы и увидѣть униженіе короля.

Свою родину—Финляндію—Спренгтпортенъ называлъ то божествомъ, то «province barbare» [301]).

Тотъ не патріотъ, кто въ 1806 г. могъ просить о чужой колонизаціи той восточной Финляндіи, которую самъ ранѣе культировалъ для Швеціи. Тотъ не сынъ своего отечества, кто въ состояніи предложить замѣну родного языка чуждымъ ему языкомъ.—Тотъ не вѣрный слуга родины, кто сегодня трудится надъ системой обороны Саволакса, а завтра чертитъ планъ его завоеванія. Разсказываютъ, что онъ сообщилъ Потемкину тайные проекты обороны Швеціи и Финляндіи, которые были имъ составлены и одобрены королемъ [302]). Въ іюнѣ 1788 г. Спренгтпортенъ развивалъ Императрицѣ мысль о десантѣ на берегъ Швеціи у самаго Стокгольма [303]). Нѣсколько дней спустя онъ представилъ Екатеринѣ планъ диверсіи со стороны Ладожскаго озера. Подобнаго дѣятеля потомство неизбѣжно предастъ порицанію и клеймитъ своимъ презрѣніемъ.

Часто изъ его собственныхъ словъ трудно установить, кому онъ служитъ и кому былъ преданъ. Въ іюнѣ 1788 г., отвѣчая представителю Швеціи, барону Нолькену, онъ писалъ: . . «Тѣмъ сильнѣе тронутъ я знакомъ благосклонности короля Густава III и прошу васъ воспользоваться случаемъ, чтобы повергнуть къ его стопамъ признательность и покорность, съ которыми принятъ мною его добрый отзывъ». Копію съ этого письма Спренгтпортенъ поспѣшилъ отправить къ графу Безбородко съ припиской: «ваше сіятельство увидите въ этомъ знакѣ моей привязанности достовѣрное и недвусмысленное свидѣтельство одушевляющаго меня усердія къ службѣ моей августѣйшей государыни». Такимъ образомъ, по мнѣнію Спренгтпортена, его письмо одновременно выражаетъ и покорность Густаву III, и усердіе Екатеринѣ II [304]).

Лѣтомъ 1790 г. Спренгтпортенъ, узнавъ, что далекарлійцы идутъ къ Стокгольму, вновь сталъ внушать Екатеринѣ II мысль

о посылкѣ туда русскаго флота. «Сципіонъ заключилъ миръ въ Карѳагенѣ, когда Ганнибалъ стоялъ у воротъ Рима». Льстя Императрицѣ, Спренгтпортенъ въ разговорѣ съ нею называетъ Густава III «королемъ-хищникомъ», «пиратомъ Сѣвера» и т. п.

Проходитъ нѣкоторое время. Его сыну, сражавшемуся противъ Швеціи, оказана была королевская милость. У отца сейчасъ-же родилась надежда самому попасть домой и черезъ Гамильтона онъ проситъ прощеніе у герцога Карла и разрѣшенія вернуться въ свое покинутое отечество. А въ ноябрѣ 1797 г. тотъ-же Спренгтпортенъ писалъ гр. Безбородко: «чѣмъ болѣе я приближаюсь къ своему концу, тѣмъ болѣе горю желаніемъ возвратиться въ Россію, не только потому, что она сдѣлалась отечествомъ моего сердца, но и потому, что она дѣйствительно является отечествомъ моихъ предковъ, которые вышли изъ тѣхъ скалъ, кои теперь называются Русской Финляндіей» [305]). Не прошло и года, какъ, въ апрѣлѣ 1798 г., Спренгтпортенъ вновь молилъ короля забыть его прошлое, дозволить ему окончить свои дни среди утесовъ своей родины, прибавивъ, что его незначительная особа не можетъ служить поводомъ къ нарушенію добрососѣдскихъ отношеній между государствами [306]). Таковы вообще авантюристы, длинная фаланга которыхъ прошла въ XVIII ст. черезъ дворцы русскихъ государей и ряды нашей арміи [307]).

Въ Петербургѣ Спренгтпортенъ неизмѣнно продолжаетъ играть роль перваго знатока Финляндіи, съ нимъ, какъ экспертомъ, часто совѣтовались; онъ раздавалъ увѣренія и обѣщанія; онъ сказалъ Потемкину, «что Финляндія подъ его (Спренгтпортена) управленіемъ быстро оправится»; онъ внушалъ Моркову и ручался своей головой, что при извѣстной помощи деньгами и людьми со стороны Россіи финны подымутся противъ шведскаго владычества. Но, чтобы самому узнать истинное положеніе въ краѣ, спѣшитъ обратиться къ Іегергорну, который (9—20 мая 1788 г.) изъ имѣнія Мальмгордъ прислалъ слѣдующее знаменательное откровеніе: «Что касается нашихъ друзей, то ихъ число несомнѣнно уменьшилось, да и оставшіеся охладѣли, вслѣдствіе равнодушія Россіи . . . . Слѣдовательно, у насъ нѣтъ уже друзей, на которыхъ мы могли бы опереться. Слѣдуетъ-ли намъ принять ту помощь и то спасеніе, которыя обстоятельства могутъ доставить намъ, и расположенъ-ли къ тому народный духъ? При такомъ недовѣріи къ искренности нашего сосѣда и къ его способности съ надлежащей энергіей заняться нашимъ счастіемъ, мы, кажется, упу-

стии время, въ которое можно было бы доставить Финляндіи болѣе счастливую судьбу . . . . Мы хотимъ сами устроить свою судьбу и не намѣрены принимать какъ милость свободу на словахъ. Къ тому-же у насъ, повидимому, сдѣланы такія серьезныя снаряженія, что мы можемъ спокойно выждать окончанія предстоящей войны съ Россіей . . . Нашъ флотъ лучше русскаго . . . наша сухопутная армія достаточно сильна . . . такимъ образомъ теперь устранена та неувѣренность въ самихъ себя, которая наиболѣе побуждала насъ искать дружбы Россіи. Изъ этого вы сами легко можете заключить, каково теперь настроеніе націи . . . Она готова скорѣе встрѣтить соединенными силами могущественнаго врага, нежели вступить въ невѣрные переговоры съ сосѣдомъ, на котораго, по бывшимъ уже опытамъ, не можетъ полагаться.

«Итакъ, если еще можно имѣть искру надежды на успѣхъ нашего плана, то необходимо соблюдать величайшее благоразуміе: прежде всего ея императорское величество должна торжественно возвѣстить манифестомъ, что она непоколебимо рѣшилась дать Финляндіи независимость, и въ томъ-же манифестѣ явственно и безъ всякаго двусмыслія опредѣлить поставленныя нами непремѣнныя условія, а именно:

1) что въ видѣ гарантіи предлагаемой намъ полной независимости, Императрица возстановляетъ нашу естественную границу съ крѣпостями Фридрихсгамомъ, Вильманстрандомъ и Нейшлотомъ . . . съ тѣмъ, чтобы эти крѣпости тотчасъ-же были очищены и заняты финскимъ гарнизономъ, какъ скоро финны успѣютъ вооружить свое національное войско.

2) Что она всею своею властью нынѣ и впредь будетъ поддерживать нашу независимость.

3) Что никогда не будетъ вступаться въ наше внутреннее особое управленіе . . . мы сохранимъ свою армію на морѣ и на сухомъ пути . . . всѣ учрежденія . . .

4) Что никогда, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, русскія войска не перейдутъ нашей границы.

Кромѣ того намъ необходимо немедленно получить около милліона риксдалеровъ . . . . не въ видѣ займа, потому что мы не въ состояніи возвратить ее

. . . .

Недовѣріе къ русскимъ ужасно усилилось» [309]) . . .

Итакъ, Спренгтпортенъ узналъ изъ наилучшаго источника объ истинномъ настроеніи финляндцевъ. Его alter ego сообщилъ,

что идея независимой Финляндіи непопулярна, что никакого расположенія къ Россіи наблюсти нельзя и т. п. Какъ использовалъ эти свѣдѣнія честолюбецъ авантюристъ—мы скоро увидимъ по подлиннымъ документамъ.

Въ аньяльскомъ союзѣ, говоритъ историкъ B. Beskow, три періода: подговоръ, измѣна и возстаніе. Несомнѣнно, что аньяльское движеніе—явленіе сложное. Аньяльская конфедерація въ періодъ своего полнаго развитія объединяла три различныхъ теченія: одни ея члены имѣли въ виду искренно помочь своему королю въ его затруднительномъ положеніи, другіе (аристократы) стремились къ ограниченію его власти, третьи (финляндцы) тайно ввели въ общую программу недовольныхъ свое особое домогательство независимости Финляндіи.

Группа, желавшая оказать содѣйствіе королю, не пользовалась большими симпатіями и не имѣла въ своей средѣ видныхъ представителей. Наибольшее число послѣдователей пріобрѣло положеніе аньяльцевъ объ ограниченіи королевской власти. Въ деклараціи аристократовъ оно получило широкое распространеніе и пользовалось замѣтной поддержкой. За идею независимости Великаго Княжества боролась малочисленная кучка финляндцевъ, но между ними нашлись фанатическіе приверженцы ея, вродѣ Спренгтпортена и Іегергорна. На первыхъ порахъ всѣхъ въ Ликола и Аньяла объединяло тайное и явное недовольство Густавомъ III.

Въ неясныхъ слухахъ, предшествовавшихъ преступному собранію въ Аньялѣ, въ слухахъ, пророчившихъ возстаніе и даже арестъ короля, ни однимъ звукомъ не намекалось на желаніе оторвать Финляндію отъ Швеціи.

И дѣйствительно, мысль объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи тогда не бродила еще среди офицеровъ. Эта мысль вспыхивала и мелькала только въ головѣ необузданнаго и порывистаго Спренгтпортена, озлобленнаго на короля за нѣкоторую неудачу по своей служебной карьерѣ. Онъ жаждалъ мести и она родила планъ отторженія Финляндіи. Идея независимой Финляндіи была по плечу только сильному человѣку, съ широкимъ, смѣлымъ взглядомъ и рѣшительной инищіативой, какимъ являлся Спренгтпортенъ; она гармонировала съ его характеромъ и способностями. Онъ могъ внушить ее своему родственнику Іегергорну и отъ послѣдняго она, вѣроятно, передалась нѣкоторымъ аньяльцамъ, преимущественно

финляндскаго происхожденія. Въ такомъ видѣ рисуется намъ зарожденіе финляндскаго сепаратизма. Исторія подтверждаетъ подобную догадку.

Кликъ и Іегергорнъ въ своихъ мемуарахъ перечисляютъ рядъ причинъ, побудившихъ ихъ желать выдѣленія Финляндіи изъ состава шведскаго королевства. Шведы мало уважали Финляндію, всѣ важнѣйшія должности въ краѣ стокгольмское правительство замѣщало шведами, не знавшими ни языка, ни обычаевъ финновъ; шведы издавали законы, мало справляясь о томъ, насколько они были желательны для края; во время частыхъ войнъ Швеціи съ Россіей, Финляндія неизбѣжно разорялась, бѣднѣла и страдала.

Все это раздражало финновъ, но до мысли объ отторженіи края отъ Швеціи ихъ не доводило. Когда-же Выборгская губернія и Кюмменегородскій дистриктъ были присоединены къ Россіи, шаткость положенія Финляндіи подъ шведскимъ владычествомъ стала вырисовываться опредѣленнѣе и яснѣе. Чаще и чаще слышались разныя предположенія о будущей судьбѣ края.

Тѣмъ не менѣе во время аньяльскаго движенія идея независимой Финляндіи была настолько мало распространена, что «Ликала-нота», въ которой впервые формулировались домогательства конфедератовъ, о ней еще не упоминалось.

Стремленіе аньяльцевъ къ самостоятельности Финляндіи впервые проявилось въ дѣйствіяхъ Іегергорна. Онъ, по увѣдомленію гр. Мусинъ-Пушкина, объявилъ, «что посланъ отъ всѣхъ финскихъ войскъ засвидѣтельствовать объ ихъ нежеланіи воевать противъ Россіи, о чемъ они объявили королю, когда пришли къ Фридрихсгаму. Далѣе, Іегергорнъ продолжалъ: «Относительно короля всѣ войска шведскія, находящіяся при немъ, одинаковаго мнѣнія съ финскими и, если Императрица Всероссійская изволитъ сдѣлать пропозицію Финляндіи, чтобъ ей остаться независимою, то она тотчасъ на то согласится и король принужденъ выйти; а если-бы онъ выйдти началъ упорствовать, то въ такомъ случаѣ употребятъ они мѣры болѣе рѣшительныя»...

Еще опредѣленнѣе заговорилъ Іегергорнъ о желаніи финляндцевъ видѣть свою родину независимой, когда 31 іюля (11 авг.) прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ открылъ то, что было извѣстно ему и немногимъ его единомышленникамъ.

О цѣли пріѣзда Іегергорна Императрица не была предувѣдомлена, почему повелѣла своему тогдашнему фавориту А. М. Мамонову

узнать о миссіи маіора.—Мамоновъ взялъ съ собой полковника М. Гарновскаго, который, помѣстясь за перегородкой, былъ свидѣтелемъ всего доклада Іегергорна. Онъ сказалъ, что ни шведы, ни финны не были склонны къ войнѣ. Особенно она не благопріятствовала послѣднимъ. Каковъ бы ни былъ ея исходъ, слѣды кровавой борьбы долго сохранятся въ Финляндіи. Чтобы тѣмъ не менѣе побудить населеніе къ войнѣ, король выставилъ Россію нападающей стороной. Финны и шведы поднялись на защиту своей границы. Но подъ Фридрихсгамомъ всѣмъ стало ясно, что не Россія, а король виновникъ настоящей войны. Въ виду этого финскіе полки объявили королю, что готовы защищать государство отъ нападенія, но отказываются сами нападать на чужія земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ финны отправили его, Іегергорна, къ Императрицѣ съ прошеніемъ о возстановленіи мира съ шведской короной, но особливо съ финнами, и о приведеніи шведскаго правленія въ такое положеніе, въ какомъ оно находилось до произведенной нынѣшнимъ королемъ революціи. Дальнѣйшіе пункты представленнаго прошенія Іегергорна гласили:

«Чтобъ современемъ финновъ, отдѣливъ отъ шведскаго правленія, сдѣлать независимымъ народомъ, собственное свое управленіе имѣющимъ»;—и чтобы уступить финнамъ нѣкоторыя изъ завоеванныхъ нами крѣпостей и мѣстъ, которыми финны владѣли до Ништадтскаго трактата.

Таковъ документъ, открыто впервые связавшій идею независимости Финляндіи съ дѣломъ анъяльцевъ.

Докладъ А. М. Мамонова о порученіи, данномъ Іегергорну, видимо доставилъ удовольствіе Екатеринѣ II, такъ какъ она сказала Храповицкому: «Какая разница, между 1 августа (днемъ объясненія съ Іегергорномъ) и 1 іюля» (днемъ объявленія ультиматума Густава III).

Подъ 1 авг. (1788 г.) у Храповицкаго значится:... «Пакетъ заключалъ въ себѣ меморіалъ отъ всего финскаго войска, съ депутатомъ присланный. Они просятъ независимости и утвержденія границъ... т. е. желаютъ возвращенія Кюменегорской провинціи съ Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ».

Другой современникъ—гр. А. А. Безбородко,—которому пришлось ознакомиться съ документомъ финляндцевъ, писалъ (5 авг. 1788 г.) къ гр. П. А. Румянцеву: «Вашему сіятельству извѣстно, что король шведскій отступилъ отъ Фридрихсгама, по причинѣ ослушанія противъ него войскъ финскихъ. Командующій сими

войсками (К. Г. Армфельтъ) прислать сюда секретно депутата, изъявляя признаніе ихъ... что они выводятъ войска свои изъ нашихъ предѣловъ, въ чаяніи на миролюбіе Государыни и на ея великодушіе въ преданіи забвенію происшедшаго, что они намѣрены обязать короля созвать сеймъ и сеймомъ трактовать о мирѣ. Какъ они говорятъ общимъ языкомъ и за Швецію, то намѣреніе наше есть изъяснить имъ, что для утвержденія на будущее время ихъ покоя и благоденствія, и для избавленія ихъ отъ пагубной политики короля шведскаго всего приличнѣе имъ установить Финляндію областью независимою, обѣщая имъ въ томъ подпору и пособіе... Остается желать, дабы съ помощіею Божіею въ семъ краѣ надолго обезпечена была тишина общая» [309]).

Свое отношеніе къ вопросу Екатерина II опредѣлила скоро и безъ колебаній; уже 31 іюля 1788 г. она писала кн. Потемкину: «если они изберутъ способы тѣ, кои ихъ могутъ сдѣлать отъ шведовъ свободными, тогда обязуюсь ихъ оставить въ совершенномъ покоѣ» [310]). Двумя недѣлями раньше Екатерина, писала (17 іюля) ему о приготовленіяхъ къ шведской войнѣ, прибавивъ: «Есть еще маленькая штучка, которую изготовляю на сѣверѣ королю шведскому, о которой еще говорить не смѣю, но быть можетъ, что она дѣйствительнѣе будетъ многаго иного» [311]).

«Нота» анъяльцевъ и записка Іегергорна были переданы на заключеніе Государственнаго Совѣта, который прежде всего призналъ, что честь и достоинство Россійской короны, послѣ оскорбительныхъ поступковъ шведскаго короля, не позволяютъ входить въ переговоры съ какими-то шведскими и финскими чинами, несмотря на то, что для Россіи были бы полезны и миръ, и превращеніе Финляндіи въ независимую область. Соединеніе Финляндіи со Швеціей не можетъ быть желательнымъ для Россіи, почему первымъ требованіемъ въ предстоящихъ переговорахъ должно быть поставлено отдѣленіе Финляндіи отъ королевства. Если приславшіе Іегергорна дѣйствительно желаютъ прекращенія войны, то имъ надлежитъ воздѣйствовать, дабы шведскія войска скорѣе оставили Финляндію и созванъ былъ сеймъ, на которомъ можно было бы объявить ея независимость и установить новый образъ правленія, ни отъ кого, кромѣ единаго Бога, независимый. Принятыя рѣшенія сейма могутъ быть утверждены Ея Величествомъ. Если со стороны короля оказаны будутъ препятствія къ установленію независимаго состоянія Финляндіи, то Императрицѣ над-

лежитъ оказать содѣйствіе благонамѣреннымъ финляндцамъ.— Іегергорнъ, указавъ на скромную роль финляндцевъ и на ихъ ограниченное желаніе жить тихо и мирно, добавилъ, «что нынѣшняя граница Финляндіи безъ крѣпостей (Вильманстранда, Фридрихсгама и Нейшлота), или безъ другихъ указанныхъ природою средствъ защиты, не даетъ финляндцамъ никакой безопасности, которой тѣмъ не менѣе всякое самостоятельное государство неизбѣжно требуетъ». Государственный Совѣтъ отвѣтилъ на это отказомъ весьма опредѣленно и мотивированно. «Эти крѣпости были намъ въ защиту противъ шведовъ, а финляндцамъ къ чему-же послужатъ, когда Россія, доставляя имъ независимость, пріемлетъ на себя охраненіе таковой вольности своимъ на вѣки ручательствомъ». Наконецъ, Совѣтъ признавалъ полезнымъ предписать нашему главнокомандующему, чтобы онъ «до дальнѣйшаго повелѣнія воздержался ставить твердую ногу въ шведской Финляндіи; финляндцамъ наши войска должны оказывать всякую ласковость и пощаду къ имѣнію, дабы такимъ образомъ на дѣлѣ уже доказать ближе къ нимъ наше расположеніе» [312]).

4—15 августа Іегергорнъ былъ принятъ Императрицей. Выслушавъ его, она сказала, что финляндцы «надѣяться могутъ вспоможенія, во всемъ согласно съ пользою нашей Имперіи». Въ знакъ своего благоволенія, Екатерина пожаловала ему драгоцѣнный перстень и 500 червонцевъ, сказавъ: «Когда дама даетъ кольцо, это означаетъ такую устойчивость, которую болѣе нельзя измѣнить».

7 августа Госуд. Совѣту предложена была записка «словесному изъясненію», которое имѣлъ вице-канцлеръ съ финскимъ депутатомъ Іегергорномъ, «и проектъ того письменнаго отвѣта, который имѣлось въ виду дать Іегергорну. Совѣтъ зналъ также о желаніи Императрицы, дабы финскія войска ушли изъ нашихъ предѣловъ, и что нашъ главнокомандующій лишь тогда окажетъ всякую помощь финнамъ, когда «они рѣшатся изъявить мысли свои собраніемъ большей части гражданъ, націю представляющихъ». Далѣе, въ журналѣ Совѣта значится, что Ея Величество, вмѣсто всякаго завоеванія, предлагаетъ «сосѣднему Ей Великому Княжеству Финляндіи отдѣлить себя навсегда отъ шведской зависимости, слѣдовательно, избавить себя и отъ тѣхъ бѣдственныхъ событій, коимъ шведская политика подвергнуть ихъ можетъ, и возставя себя областію вольною, начертать форму правленія и коренныя установленія, сходныя ихъ положенію, обѣщая въ

*

достиженіи того способствовать имъ оружіемъ и другими средствами, и таковую ихъ независимость обезпечить своимъ ручательствомъ» [313]).

Двоедушный образъ дѣйствія Iегергорна не ускользнулъ отъ вниманія Императрицы и, она, пожаловавшись на это въ письмѣ къ Спренгтпортену, рѣшилась дѣйствовать осторожно и предписала ту-же осмотрительность вице-канцлеру Остерману.

Въ Петербургѣ Iегергорну оказывали большую предупредительность. «Въ домахъ, куда Iегергорнъ былъ вхожъ, онъ жаловался на короля и высказывался за независимость Финляндіи, но относительно будущаго управленія этой страны выражалъ двоякое мнѣніе: то онъ хотѣлъ обратить ее въ республику, то просилъ назначить правителемъ ея десятилѣтняго внука Императрицы Константина Павловича, въ качествѣ великаго князя Финляндскаго» [314]).

Обласканнаго Iегергорна отпустили съ отвѣтомъ, составленнымъ Остерманомъ (подлинникъ на французскомъ языкѣ. У насъ онъ приведенъ на стр. «192»). О будущемъ политическомъ положеніи Финляндіи въ отвѣтѣ употреблены очень осторожныя выраженія. Соотечественникамъ маіора Iегергорна, сочувствующимъ его мемуару, предлагается «составить представительное собраніе, которое могло бы войти въ законныя сношенія о пользахъ своего отечества и окончательно установить порядокъ, наиболѣе соотвѣтственный настоящему и будущему ихъ благосостоянію»....

12—23 августа Iегергорнъ вернулся въ Финляндію. До границы его сопровождалъ Спренгтпортенъ, которому надлежало еще разъ разъяснить намѣреніе Императрицы и побудить національную партію къ исполненію его плана. Отъ себя Спренгтпортенъ просилъ Iегергорна передать союзникамъ, что онъ ничего такъ горячо не желаетъ, какъ отклоненія кровавой войны, обѣщающей одни лишь бѣдствія его родинѣ, которую онъ не переставалъ любить, гдѣ-бы онъ ни находился.

Въ тотъ же день, т. е. 12—23 августа, Спренгтпортенъ писалъ барону К. Г. Армфельту:.... «Императрица.... не считаетъ возможнымъ вести съ ними (финляндцами) переговоры, ибо конфедерація, не имѣющая понынѣ законной формы, не можетъ считаться органомъ всего народа»...

Отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи могло дать нашимъ военнымъ дѣйствіямъ иной оборотъ, и потому переговоры съ финляндскимъ депутатомъ производились, но значеніе ихъ не преувеличивалось и офиціальнаго характера имъ не придавалось. Войска

же наши имѣлось въ виду расположить такъ, чтобы охранить границу и быть готовымъ къ атакѣ Свеаборга.

Финляндскіе офицеры остались очень недовольны отвѣтомъ Екатерины; онъ возбудилъ ихъ досаду и изумленіе; офицерамъ не нравилась «forme anonyme» отвѣтнаго письма, да кромѣ того намекъ на независимость Финляндіи сильно компрометировалъ подписавшихъ «Ликала-ноту». Вмѣсто отвѣта на просьбу о мирѣ, они получили нѣчто вродѣ воззванія. Главная основа анъяльскаго союза имъ казалась поэтому подорванной.

Со времени возвращенія Іегергорна, въ офицерской средѣ подымается рядъ протестовъ. Они не отрекались отъ стремленія заключить миръ и добиться созыва риксдага, но отъ попытки отторженія Финляндіи отъ Швеціи они отказывались при разнообразныхъ случаяхъ. Всѣ планы о самостоятельности Финляндіи были, по свидѣтельству очевидца, оставлены, но риксдага офицеры добивались съ большимъ единодушіемъ и силою.

Анъяльцы, донеся королю и впослѣдствіи сообщивъ своимъ шведскимъ собратьямъ о своемъ посланіи къ Императрицѣ и ея отвѣтѣ, ни словомъ не обмолвились о томъ, что отвѣтъ имѣлъ въ виду отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи.

Дѣйствовать скрытно и осторожно въ вопросѣ о финляндской самостоятельности было не мало основаній. Прежде всего анъяльцы знали, что шведскіе офицеры за ними не послѣдуютъ по пути отторженія отъ королевства цѣлой провинціи. Кромѣ того, они понимали, что населеніе далеко неподготовлено къ столь серьезному перевороту, привыкнувъ въ теченіе долгихъ столѣтій видѣть своими господами шведовъ, а своими врагами—русскихъ. Наконецъ, анъяльцы помнили, что самостоятельность—опасная игра, что планъ отторженія—измѣна государству, караемая уголовнымъ закономъ. Вотъ почему и въ письмѣ къ Императрицѣ, какъ указалъ Кликъ, не было прямо сказано о предполагаемой независимости. Офицеры лишь намекнули «d'une manière moins équivoque» о независимости и присоединеніи Финляндіи къ Россіи. И вообще члены анъяльскаго союза старательно маскировали свое политическое домогательство и, въ минуты опасности, настойчиво отрекались отъ нихъ.

Іегергорнъ, по возвращеніи изъ Петербурга, увѣрялъ, что никакого разговора о самостоятельности Финляндіи тамъ не было

и Императрица на немъ не настаивала. Гр. Мейерфельдъ вокругъ себя слышалъ, какъ начальники-офицеры громогласно осуждали планъ финляндской самостоятельности, почему заключилъ, что нелѣпая идея была оставлена, и потому 25 августа 1788 г. донесъ королю, что офицеры протестуютъ противъ обвиненія ихъ въ замыслѣ достигнуть независимости Финляндіи.

Шведскій офицеръ, — записки котораго сохраняются въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ,—заявляетъ, что обвиненіе конфедератовъ въ намѣреніи отторгнуть Финляндію, они признавали для себя особенно оскорбительнымъ. Вопросъ объ отторженіи возбуждалъ среди нихъ горячіе споры и велъ даже къ вызовамъ на поединокъ. К. Г. Армфельтъ, какъ онъ самъ завѣрялъ, не домогался отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи.

На судѣ аньяльцевъ полковникъ Хестеску показалъ, что старался убѣдить Спренгтпортена въ невозможности объединить финляндскія войска съ русскими для борьбы за независимость Финляндіи.

Даже необузданный Спренгтпортенъ въ вопросѣ о финляндской самостоятельности проявилъ нѣкоторую осторожность. О будущемъ политическомъ устройствѣ Финляндіи онъ говорилъ не со всѣми своими соотечественниками, а лишь съ тѣми, въ которыхъ разсчитывалъ найти сочувствіе своей затѣѣ; отъ другихъ онъ скрывалъ свой планъ. Характеренъ разговоръ Спренгтпортена съ Лейонстетомъ. Первый былъ убѣжденъ въ желаніи всѣхъ отправившихъ «ноту» къ Императрицѣ достигнуть независимости Финляндіи. Лейонстетъ, напротивъ, соглашался дать формальную подписку, что финляндское войско подобной мысли не сочувствуетъ.

На тайномъ свиданіи съ офицеромъ Лейонхуввудомъ, Спренгтпортенъ просилъ передать генералу К. Г. Армфельту, дабы онъ не уступалъ начальствованія надъ арміей другому лицу, а смѣло съ своими воинами отступилъ за русскую границу, гдѣ ихъ ожидаетъ пища, деньги и вновь прибывшая помощь, численностью въ 12 тысячъ человѣкъ. По вопросу же о самостоятельности Финляндіи Спренгтпортенъ заявилъ, что время не настало еще для ея выполненія. Профессоръ Тигерстедтъ предполагаетъ, что Спренгтпортенъ въ данномъ случаѣ скрылъ отъ Лейонхуввуда истинное свое намѣреніе, зная, что онъ имѣетъ значительныя родственныя связи въ Швеціи и потому не могъ особенно сочувствовать самостоятельности Финляндіи.

Послѣ 14—25 августа Спренгтпортенъ свидѣлся съ К. Г. Армфельтомъ, котораго сопровождали Хестеску и маіоръ Нюландскихъ драгунъ Таубе. Армфельтъ просилъ Спренгтпортена употребить все свое вліяніе, чтобы склонить Императрицу къ заключенію мира или по крайней мѣрѣ перемирія.

Мира Спренгтпортенъ рѣшительно не обѣщалъ. Самое выгодное, что Финляндія могла бы предпринять,—сказалъ онъ,—это сдѣлаться самостоятельной. Время какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ такому шагу. Армфельту надо съ этой цѣлью соединить свою армію съ русской и такимъ образомъ спасти себя и всѣхъ подписавшихъ «Лякала-ноту».—Армфельтъ и Хестеску дружно возразили, указывая, что конфедерація имѣла въ виду добиться исключительно мира и риксдага. Малѣйшій же ходъ въ сторону самостоятельности Финляндіи встрѣтитъ рѣшительное сопротивленіе какъ со стороны каждаго обывателя края, такъ и финской арміи. Въ виду того, что ни та, ни другая сторона не пожелала измѣнить своего мнѣнія, онѣ разошлись недовольные другъ другомъ. При разставаніи К. Г. Армфельтъ просилъ Спренгтпортена прекратить свою переписку.

Осторожно, съ большими оглядками, но идея о самостоятельной Финляндіи распространяется настолько открыто и широко, что К. Стедингкъ въ теченіе августа дважды останавливается на ней, стараясь возбудить къ этому вопросу особое вниманіе короля и предложить ему выходъ изъ создающагося затруднительнаго положенія. «Ради Бога,—писалъ Стедингкъ,—подумайте Ваше Величество о своемъ спасеніи... Швеція наполнена недовольными; Разумовскій все еще остается тамъ: онъ представляетъ головню, окруженную горючимъ веществомъ. Начали уже говорить о независимости Финляндіи.... Эти люди не хотятъ видѣть, что идутъ навстрѣчу своей гибели, что русскіе имъ льстятъ только для того, чтобы ихъ поработить.... Они воображаютъ, что, удаляясь изъ непріятельской земли и охраняя свои границы, Россія перестанетъ ихъ тревожить. Какая иллюзія»!

«Изъ письма Гюнцеля, Ваше Величество усмотрите,—доносилъ К. Стедингкъ 8—19 авг. 1788 г.,—что дѣла все ухудшаются. Старый Спренгтпортенскій проектъ создать изъ Финляндіи республику, проектъ столь-же опасный для Швеціи, сколь благопріятный для Россіи, вскружилъ всѣ финляндскія головы. Вашему Величеству не придется болѣе пользоваться этими людьми для войны. Я вижу только одно средство—это то, чтобы Ваше Величество,

ставъ во главѣ финновъ, выслушали ихъ жалобы. Въ сущности они ненавидятъ русскихъ, но новый кадастръ ихъ сильно настроилъ противъ правительства. Большая часть населенія въ долгу.... Я увѣренъ, что, простивъ имъ долгъ казнѣ, дозволивъ имъ курить вино безъ налога и возмѣстивъ имъ расходы, понесенные на землемѣровъ, Ваше Величество привлекли бы къ себѣ весь народъ» [315]).

При возвращеніи Іегергорна изъ Петербурга съ новыми надеждами, онъ чаще и открытѣе сталъ говорить о самостоятельности Финляндіи, утверждая, что она полезна для финновъ и что ее возможно осуществить даже при наличномъ положеніи дѣла въ краѣ [316]). Одинъ изъ современниковъ удостовѣряетъ, что «о проектѣ самостоятельности говорили сдержанно, какъ бы вскользь, ибо находили, что умы недостаточно ему сочувствовали»; но тѣмъ усерднѣе играли на излюбленныхъ струнахъ: миръ съ Россіей, созывъ риксдага, ограниченіе королевской власти и даже низверженіе короля.

Единомышленникъ Іегергорна и Спренгтпортена — маіоръ Кликъ утверждаетъ, что самостоятельность Финляндіи, предложенная прежде (при Елизаветѣ Петровнѣ) Россіей, стала теперь предметомъ желаній многихъ гражданъ, «къ которымъ я считаю за честь быть причисленнымъ». Кликъ говоритъ далѣе, что этими многими сообща подготовлялись умы къ революціи въ теченіе предшествовавшихъ лѣтъ, хотя особаго успѣха они не ожидали, такъ какъ принуждены были дѣйствовать тайно. Всетаки нашлось значительное число гражданъ, которые сильно желали самостоятельности, но они не составляли большинства [317]).

Таковы факты и заявленія разныхъ лицъ, по которымъ предстоитъ оцѣнить степень распространенности идеи о самостоятельной Финляндіи. Къ нимъ остается прибавить заявленіе самого короля. Въ письмѣ къ К. Стедингку отъ 12—23 авг. 1788 г., Густавъ III говоритъ: «Я сочувствую вашему безпокойству, любезный Стедингкъ; но болѣзнь еще не всеобщая. Въ Аньяла царитъ больше безуміе, чѣмъ предательство; тамъ громко протестуютъ противъ тѣхъ, которые хотятъ обвинить ихъ въ желаніи отдѣлиться отъ Швеціи.... Мысль объ отдѣленіи возмущаетъ шведовъ и возымѣла хорошее дѣйствіе. Что касается меня, то я рѣшилъ выдержать свой характеръ до конца и не уступать судьбѣ». [318])...

Въ указанномъ освѣщеніи картина ясна. Надо, кажется, придти къ тому выводу, что въ аньяльской средѣ бродила мысль объ отторженіи Финляндіи, но она не была особенно распространена. «Такъ называемая самостоятельность Финляндіи ковалась», какъ выразился Экманъ, но лишь немногими лицами. Затѣя была, очевидно, довѣрена только избраннымъ, но и тѣ, увидя свои ходы раскрытыми, старались отречься отъ нея, дабы избѣгнуть плахи. Іегергорнъ, очевидно, погрѣшилъ въ Петербургѣ тѣмъ, что выставилъ общимъ желаніемъ финновъ то, что составляло тайное стремленіе лишь незначительной кучки финскихъ офицеровъ-начальниковъ.

Прошло лишь два дня послѣ свиданія Спренгтпортена съ К. Армфельтомъ и его спутниками. Тогда Спренгтпортенъ, подстрекая собесѣдниковъ дѣйствовать, находилъ обстоятельства особенно благопріятными. Теперь этотъ безпокойный путающійся и извивающійся авантюристъ опредѣлилъ, что въ данное время имѣется мало надежды на осуществленіе плана финляндской независимости. Дѣло,—по его нескромному мнѣнію,—было испорчено невоздержанной откровенностью Императрицы, взявшей подъ свое покровительство партію самостоятельности. Изъ этого родилось недовѣріе къ будущимъ намѣреніямъ Екатерины. Спрегтпортенъ призналъ необходимымъ искоренить такое недовѣріе, и съ этою цѣлью пишетъ письмо К. Г. Армфельту.

Но тутъ, для правильной оцѣнки дѣла, чрезвычайно важно сейчасъ-же открыть, что Спренгтпортенъ взялся за перо по совѣту Клика и Іегергорна [319]).

Путемъ ложныхъ слуховъ,—сообщаетъ Спренгтпортенъ,—растолковали доброту, оказанную Императрицею финской націи, какъ ея намѣреніе отдѣлить Финляндію отъ Швеціи. «Если Ея Величество (въ своемъ отвѣтѣ Іегергорну) обратилось только къ финской націи, то сдѣлала это исключительно потому, что отъ нея получила первое доказательство раскаянія, по поводу несправедливой и неожиданной войны... Ея Величество скажетъ тоже самое шведамъ, когда узнаетъ, что они присоединятся къ вамъ и станутъ требовать возвращенія своихъ попранныхъ правъ. Такимъ образомъ, Ея Величество, чуждая желанія разъединить шведскій и финскій народы, предлагаетъ имъ соединиться, и тогда она приметъ представленіе объединенной націи и отвѣтитъ

на нее.... Ея Величество большаго не желаетъ, какъ видѣть, чтобы вы тѣмъ или инымъ способомъ повели переговоры къ вашему счастію, которое, безъ сомнѣнія, будетъ зависѣть отъ васъ самихъ, когда вы, согласно законамъ, соберетесь вмѣстѣ съ сословіями Швеціи, для прекращенія угрожающаго вамъ несчастія».....

Письмо Спренгтпортена (отъ 16—27 авг. 1788 г.) было получено К. Армфельтомъ въ присутствіи гр. Мейерфельда. Краткій и внушительный отвѣтъ К. Армфельта не обошелся поэтому безъ вліянія графа..... «Вы сообщаете о мирныхъ и безкорыстныхъ цѣляхъ Ея Величества относительно нашей общей родины. Это успокоитъ всѣхъ и особенно насъ, горячо желающихъ, чтобы наша страна осталась соединенной съ Швеціей, какъ было въ продолженіи столькихъ вѣковъ».... Копіи писемъ Спренгтпортена и К. Г. Армфельта были доставлены королю Мейерфельдомъ, который при этомъ прибавилъ: настоящая переписка показываетъ, что о самостоятельности Финляндіи и рѣчи не было [320]). Въ тотъ-же день (16—27 авг.) Армфельтъ послалъ другое письмо къ Спренгтпортену, удостовѣряя, что конфедераты никогда не имѣли иной цѣли, кромѣ достиженія, вмѣстѣ со шведами, счастливаго мира [321]).

Своими пріѣздами, внушеніями и писаніями Спренгтпортенъ старался вывести аньяльцевъ изъ ихъ пассивности; но напрасно. Даже Іегергорнъ вынужденъ былъ унимать неразумное рвеніе и пылкость своего единомышленника. Однако, Спренгпортенъ не унимался. Онъ бросался изъ одной крайности въ другую, путался въ противорѣчіяхъ, сочинялъ и лгалъ.

О настроеніи, господствовавшемъ въ серединѣ сентября 1788 г., Экманъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Тлѣвшаяся какъ бы подъ пепломъ самостоятельность Финляндіи вновь стала оживать.... Подумывали совершенно отдѣлиться отъ Швеціи и броситься въ объятія русскимъ, съ просьбою принять ихъ подъ свою защиту. Проклинали минуту, когда изъ Финляндіи отпустили короля (въ Швецію); находили даже полезнымъ совершенно извести его» [322]).

Когда общими усиліями аньяльцевъ и Спренгтпортена достигнуто было, наконецъ, очищеніе Гегфорса, стороны ждали перемирія, но вмѣсто него Спренгтпортенъ сталъ указывать на необходимость созыва финскаго сейма, съ цѣлью отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи въ то время, какъ русскія войска начнутъ вытѣснять шведовъ изъ края.

Внушителемъ этой мысли явилась сама Императрица. Это явствуется изъ дневника Храповицкаго. Онъ устанавливаетъ, что

Императрица послала большое письмо барону Спренгтпортену, въ которомъ «изъяснялось совершенное намѣреніе отдѣлить финновъ отъ шведовъ; представлено все, что имъ опасаться должно, и сколь нужна ихъ рѣшимость; тогда Спренгтпортенъ можетъ принять предложенную ему надъ ними команду, совершая дѣло, для его соотчичей и для насъ полезное.

Письмо это отыскано и напечатано шведскимъ историкомъ К. Т. Одперомъ [323]). «Г-нъ генералъ-маіоръ Спренгтпортенъ,—писала Императрица,—Я получила вашъ рапортъ, датированный Фридрихсгамъ, 20 августа..... Признаюсь, что современное положеніе вещей наводитъ меня на размышленія. Нельзя отрицать, что г.г. финляндцы сдѣлали первые шаги.... что они руководились похвальными цѣлями»... Далѣе идетъ оцѣнка дѣйствій Густава III и Разумовскаго и высказывается предположеніе о созывѣ государственныхъ чиновъ, «столь желаемомъ обѣими націями». Одобритъ или не одобритъ этотъ «съѣздъ» поступки Его Величества и финновъ, но Императрица, съ своей стороны, предполагаетъ выразить сочувствіе намѣренію націй созвать риксдагъ и достичь мира.—Каково бы ни было поведеніе короля, приведшее къ войнѣ, но она, Императрица, «можетъ войти въ переговоры лишь съ представителями обѣихъ націй». Затѣмъ авторъ письма задается разными вопросами и между прочимъ спрашиваетъ: могутъ-ли финны гарантировать свою безопасность, когда монархическая власть шведскаго короля не уважаетъ даже общественнаго достоинства министра столь могущественнаго государства, какъ Россія? Екатерина напоминаетъ заявленіе Густава, что онъ и его войска составляютъ государственные чины королевства... Теперешнее положеніе финляндцевъ таково,—по мнѣнію Императрицы,—что они легко могутъ потерять довѣріе какъ шведовъ, такъ и русскихъ, ибо возникаетъ вопросъ, кому они преданы: намъ или Швеціи? Это трудно сказать. Послѣ ряда подобныхъ размышленій, Императрица продолжаетъ: «Вы во всемъ можете видѣть то, что я буду говорить. Мое неизмѣнное намѣреніе привести дѣла въ лучшее положеніе». Поэтому она находитъ необходимымъ увѣрить финновъ, что для нихъ полезно созвать особый сеймъ въ Финляндіи. «И если вы передадите имъ, что положеніе дѣла теперь начинаетъ наводить на меня скуку, то вы скажете великую истину». Колеблющееся положеніе никому не приличествуетъ, и оно всегда вредитъ важному дѣлу. «Вслѣдствіе сего я уполномочиваю васъ представить имъ, что необходимо созвать сеймъ

въ Финляндіи, подъ вашимъ присмотромъ и нашимъ покровительствомъ». Письмо Императрицы помѣчено Храповицкимъ 26 августа 1788 г.—По желанію Императрицы, письмо это было показано вице-канцлеру графу Остерману, который заявилъ, что не видитъ въ дѣйствіяхъ финновъ той твердости и опредѣленности, которая требуется положеніемъ дѣла. Въ виду этого, онъ находилъ указаніе Императрицы на колебаніе особенно полезнымъ.—Созывъ отдѣльнаго сейма въ Финляндіи можетъ быть и желателенъ, но онъ, Остерманъ, ни въ чемъ не усматриваетъ готовности финновъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нашими войсками, противъ шведовъ. Желаніе финновъ ограничиваются побужденіемъ шведовъ добровольно покинуть русскую территорію и созвать общій риксдагъ. Конечно, прибавляетъ Остерманъ, общій риксдагъ не помѣшаетъ созыву особаго сейма для Финляндіи, если финны будутъ просить Ваше Величество о своей самостоятельности.

Исполняя желаніе Повелительницы Россіи, Спренгтпортенъ въ сентябрѣ послалъ К. Армфельту обширное агитаціонное и, по обыкновенію, путанаго содержанія, письмо на шведскомъ языкѣ. На этотъ разъ онъ признаетъ необходимость созыва риксдага. Только съ націей Императрица можетъ войти въ союзъ. Но такъ какъ Густавъ риксдага самъ не созоветъ, то это надо сдѣлать К. Армфельту и его «честнымъ собратьямъ». Разошлите ваше воззваніе повсюду; король не въ состояніи воспрепятствовать собраться риксдагу, если армія будетъ противъ него. Онъ обязанъ уступить голосу народа... Не теряйте времени: каждая минута дорога.

«Но общій для Швеціи и Финляндіи риксдагъ,—продолжаетъ Спренгтпортенъ,—имѣлъ бы роковое послѣдствіе для союзниковъ (аньяльцевъ), а потому надо созвать для Финляндіи свой сеймъ». Если вы не добьетесь этой опоры для вашей безопасности, вы рискуете потерять въ одинъ часъ,—подъ сѣкирой палача, купленнаго на турецкіе піастры,—все, что пріобрѣли настойчивостью и энергіей». Если же будете стоять на собственной землѣ, т. е. въ Финляндіи, король и шведскій народъ должны будутъ уважить ваше рѣшеніе; вы можете управлять при посредствѣ совѣщанія и угрожать собственнымъ оружіемъ или оружіемъ сосѣда, если въ томъ встрѣтится надобность..... Перемирія вы также можете добиться, при условіи, чтобы, шведская армія покинула край. Настаивайте на этомъ, но одновременно покажите, что вы готовы изгнать ихъ, если они не пожелаютъ сообразоваться съ вашими

нуждами, и тогда вы отдѣлаетесь отъ нихъ. Согласившись на шведскій риксдагъ, потеряете всѣ ваши преимущества и впредь останетесь, подобно тому, какъ были до сихъ поръ, жертвами шведской гордости, самолюбія, алчности, трусости и ихъ безчувственности. Будьте поэтому благоразумны, находчивы и неустрашимы въ эту важную минуту. Не показывайте кулакъ въ карманѣ, а говорите напрямки... Если вы теперь упустите свои права, то прощайтесь съ вашею славою, честью, преимуществами и безопасностью.

Въ чемъ заключается вашъ интересъ даннаго времени? Въ соединеніи съ Швеціей? Нѣтъ! Оно убьетъ вашъ край. Однако, этимъ не сказано, что вы должны составить независимое государство, если такая мысль неугодна націи, колеблющейся въ опредѣленіи истинныхъ своихъ интересовъ. Вы, находясь между двухъ огней, должны примкнуть къ тѣмъ, которые сами не имѣютъ большого интереса въ вашемъ спасеніи и избавленіи. Такимъ образомъ, ясно, что вы обязаны снискать милость и помощь Императрицы... Ваше колебаніе поставитъ васъ въ затруднительное положеніе, особенно въ ту минуту, когда, друзья мои, Россія усомнится въ вашей искренности. Всегда лучше примкнуть къ тѣмъ, которые въ состояніи оберечь ваши совѣщанія, оплачивать ваши произведенія, чѣмъ предоставить себя тѣмъ, кто опустошаетъ ваши жилища тяжестью собственнаго ничтожества. Обдумайте все это....

Таково содержаніе письма Спренгтпортена, очищенное отъ его безмѣрнаго многословія и частныхъ повтореній.

Къ письму Спренгтпортенъ приложилъ, составленный имъ, «Проектъ объявленія финской арміи о созывѣ риксдага» [324]).

По обыкновенію, не дождавшись результатовъ своихъ хлопотъ, Спренгтпортенъ, видимо, обнадежилъ Императрицу; это обнаруживается изъ того, что кн. А. А. Безбородко писалъ Потемкину: съ границы скоро вернется баронъ Спренгтпортенъ, который увѣряетъ, что они (финны) сеймъ созовутъ къ зимѣ [325]).

Послѣднее письмо (въ сентябрѣ 1788 г.) Спренгтпортена К. Г. Армфельту поставило аньяльцевъ въ весьма затруднительное положеніе. По словамъ этого авантюриста, Россія соглашалась оказать финляндцамъ помощь или въ томъ случаѣ, когда они произведутъ сопротивленіе своей метрополіи, или же сдѣлаютъ свою родину самостоятельной. Ни та, ни другая альтернатива ихъ не удовлетворяла.

Въ своемъ безвыходномъ положеніи аньяльцы бросились къ герцогу Карлу Зюдерманландскому. Его поведеніе давало основаніе предполагать, что онъ примкнулъ къ партіи финляндской самостоятельности. Члены аньяльскаго союза утѣшили себя надеждой, что нашли, наконецъ, человѣка, который осуществитъ ихъ политическіе планы. Они успѣли убѣдить Спренгтпортена въ томъ, что герцогъ Карлъ готовъ, подъ покровительствомъ Россіи, сдѣлаться великимъ княземъ края. Пылкій Спренгтпортенъ сейчасъ-же (5—16 сентября, 1788 г.) сообщилъ Императрицѣ, что совершенно легко и просто въ 24 часа поставить брата короля во главѣ Финляндіи, для этого «требуется только согласіе Вашего Величества, vivat со стороны націи и великое княжество Финляндское навсегда отдѣлено отъ Швеціи».—Екатеринѣ II герцогъ Карлъ былъ описанъ самымъ злымъ и мстительнымъ изъ трехъ братьевъ, почему она полагала, что пріобрѣтетъ въ немъ плохого сосѣда и притѣснителя Финляндіи. На случай его избранія, она повелѣла графу Мусинъ-Пушкину озаботиться закрѣпленіемъ за Россіей большей части сѣвернаго побережья Финскаго залива. «Финнамъ-же прикажите внушить, писала Императрица гр. Мусинъ-Пушкину, 4 сентября 1788 г., что тонъ герцога Зюдерманландскаго столь-же для насъ обиденъ, дерзокъ и лживъ, какъ самый королевскій, и мы пророчествуемъ, что они отъ его поступковъ и поведенія не болѣе себѣ имѣютъ ожидать добра, какъ отъ самого его величества, ибо видно, что оба братья держутся одинаковыхъ и несносныхъ правилъ, и для того, буде къ намъ хотятъ быть чистосердечны, то бы его самаго выжили изъ Финляндіи». Предположеніе о назначеніи герцога Карла, видимо, упорно держалось въ Петербургѣ, такъ какъ отзвукъ его находимъ даже въ письмѣ (12—23 октября 1788 г.) гр. Безбородко, сообщавшему князю Потемкину: «....дѣло Финляндіи доведено до того, что герцогъ Карлъ назначается великимъ княземъ самостоятельной Финляндіи» [326]).

Изъ этихъ слуховъ и гаданій ничего, однако, не вышло.

Герцогъ Карлъ, руководившійся нѣкоторое время совѣтами аньяльскихъ дѣятелей, понялъ,—послѣ безцѣльнаго для себя очищенія Гегфорса,—что введенъ офицерами въ заблужденіе. Узнавъ, кромѣ того, содержаніе письма Спренгтпортена, онъ прервалъ съ ними всякія сношенія. Герцогъ по убѣжденіямъ и крови настолько былъ шведомъ, что не могъ содѣйствовать расчлененію государства, корону котораго онъ всю жизнь домогался возложить на

собственную голову. Ему оставалось показывать себя преданнымъ королю братомъ.

Онъ зналъ затруднительное положеніе брата Густава, онъ видѣлъ нерасположеніе къ нему націи, но въ то-же время не обладалъ той рѣшимостью, которая требуется, чтобы завладѣть трономъ.

До конца сентября 1788 г. Императрица питала нѣкоторую надежду на то, что скоро «сеймъ шведскій и финскій самъ собою соберется», но уже въ октябрѣ она убѣдилась, что «шведская нація донынѣ еще весьма слабо оказывается и упражняется въ тихомъ роптаніи».

По отношенію къ финнамъ она, кажется, послѣ сентября никакихъ мѣръ не принимала. Аньяльская затѣя не удалась, и Спренгтпортенъ вскорѣ оказался не у дѣлъ.

«Старый К. Г. Армфельтъ нашъ доброжелатель, взялъ отставку». Онъ давно тяготился той ролью, которая выпала на его долю: своимъ именемъ и положеніемъ онъ прикрылъ замыслы, которымъ въ глубинѣ души не сочувствовалъ, но—подъ вліяніемъ своихъ адъютантовъ Іегергорна, Клика, Терне и Ладо—тѣмъ не менѣе содѣйствовалъ.

Отвѣтъ, данный Іегергорну, протоколъ Государственнаго Совѣта и письма Екатерины въ достаточной мѣрѣ опредѣляютъ, какъ фактически наше правительство отнеслось къ финляндскому вопросу, порожденному аньяльцами. Но имѣются еще два указанія на то, какія мысли возникали въ то время, но не получили реальнаго осуществленія. Датскій резидентъ въ Стокгольмѣ, Шакъ, знавшій направленіе русской политики, сообщаетъ еще въ 1769 г. о желаніи Екатерины «faire de la Finlande une puissance intermédiaire» [327]). Затѣмъ въ государственномъ архивѣ сохраняется собственноручная замѣтка Екатерины II, безъ даты, но несомнѣнно относящаяся къ періоду войны съ Густавомъ III. Въ ней значится: «Императрица, которой эта провинція (Финляндія) принадлежитъ по праву, объявляетъ ее отнынѣ независимой отъ Россіи и отъ Швеціи и приглашаетъ каждаго добраго и честнаго финскаго патріота содѣйствовать ей въ достиженіи свободы и сверженіи ига короля шведскаго, который въ мирное время, вопреки основнымъ законамъ своего королевства, надругался, оскорбилъ, напалъ и совершилъ враждебныя дѣйствія въ сосѣдней странѣ, которая

довѣряла міру, родственнымъ отношеніямъ»[328]) и т. д.... Этотъ набросокъ заставляетъ предположить, что Екатерина II серьезно задумывалась надъ созданіемъ независимой Финляндіи; но, быть можетъ, имѣла въ виду сдѣлать это, при условіи завоеванія края ея войсками, а такъ какъ ея генералы не сумѣли пройти по пути, проложенному Петромъ и Елизаветой, то мысль была оставлена. Вообще во всей аньяльской исторіи русская сторона дѣйствовала вяло, ограничиваясь полумѣрами.

Естественно, что русское правительство желало извлечь пользу изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ очутилась враждебная ей сторона, благодаря безразсудному поведенію аньяльцевъ и бѣдствію шведскихъ солдатъ, ощущавшихъ временами весьма замѣтный недостатокъ въ хлѣбѣ, получая его лишь по фунту въ день. Прежде всего, наши власти попытались воспользоваться оружіемъ, выдвинутымъ противъ Густава его собственными подданными. Согласно съ этимъ, нашему главнокомандующему велѣно было внушать финнамъ и шведамъ, что по Формѣ Правленія 1772 г. король не могъ начать наступательной войны безъ согласія государственныхъ чиновъ. Затѣмъ посланы были «плакаты для финцовъ шведскихъ, дабы, не пріемля оружія, оставались спокойно въ домахъ своихъ». Ланжеронъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что члены аньяльской конфедераціи поддерживались русскими деньгами. Весьма возможно, что русское золото играло извѣстную роль въ этомъ дѣлѣ, но до сихъ поръ не найдено документовъ, подтверждающихъ заявленіе Ланжерона [329]).

Русская агитація была крайне слаба и ограничилась слѣдующимъ: «Спренгтпортена хотѣли употребить къ возмущенію шведской Кареліи». Тотъ-же Спренгтпортенъ велъ переговоры съ финскими начальниками; финнамъ совѣтовали не слѣдовать въ Швецію, если король пожелаетъ ихъ перевести туда для борьбы съ датчанами. Наше правительство, вмѣсто помощи деньгами и военной силой, старалось воздѣйствовать на финское населеніе преимущественно «плакатами» и совѣтами. Плакаты должны были распространять Спренгтпортенъ въ Олонцѣ и генералъ Михельсонъ около Кюмени. Денежные отпуски были до жалости скудны. Въ концѣ августа 1788 г. Екатерина увѣдомила гр. Мусинъ-Пушкина, что ему высылается 5 тыс. червонныхъ; но изъ нихъ одна тысяча предназначалась Спренгтпортену; остальныя деньги надлежало раздать въ пособіе «благонамѣреннымъ финляндцамъ», «по мѣрѣ усердія каждаго и дѣятельныхъ услугъ,

Намъ оказанныхъ». Изъ агентовъ, услугами которыхъ пользовались тогда русскіе, извѣстны лишь пасторъ Карлъ Андрей Кіерульфъ,— проживавшій затѣмъ въ Россіи подъ именемъ «иностранца Миллера»,— и Тизенгаузенъ. Послѣдній уговаривалъ шведскія войска положиться во всемъ на Императрицу, отправить къ ней прошеніе отъ представителей сословій, а желавшимъ переселиться въ русскую Финляндію обѣщалъ свободу богослуженія, полное освобожденіе отъ налоговъ и вознагражденіе расходовъ по переѣзду [330]).

Кромѣ того, русская политика допустила большую ошибку: она поддерживала сепаратистскія стремленія Спренгтпортена и Іегергорна, въ предположеніи, что они являлись руководителями сильной партіи финляндской независимости. Между тѣмъ за ихъ спиной находилась лишь небольшая кучка людей. Они были богаты лишь собственной необузданной фантазіей и умѣли громоздить и наслаивать слова и проекты. Если бы петербургскій дворъ догадался поддержать конституціоналистовъ—результатъ борьбы съ Густавомъ III былъ бы иной. Конституціоналистовъ насчитывалось много и въ арміи, и въ Стокгольмѣ. Но Екатерина, повѣривъ Спренгтпортену, держалась разъ избраннаго направленія. Въ началѣ она надѣялась, что финляндцы откажутся отъ подданства «вѣроломцу» и кончатъ тѣмъ, что соберутъ свой сеймъ.

Наибольшую реальную пользу наше правительство извлекло изъ дѣйствій безхарактернаго полковника Гастфера, стоявшаго во главѣ саволакской бригады.

Это былъ любимецъ короля. Густавъ облагодѣтельствовалъ его своими милостями и вниманіемъ. Въ свою очередь Гастферъ, проявляя расположеніе къ королю и первый съ бригадой перешелъ границу. На его долю досталась осада небольшой крѣпости Нейшлота.

Но обстоятельства сблизили его съ Спренгтпортеномъ и Гюнцелемъ.—Послѣдній грозилъ Гастферу приближеніемъ сильнаго русскаго отряда, обѣщалъ, въ случаѣ отступленія отъ Нейшлота, обезопасить его отъ преслѣдованія и т. п. Императрица приказала Гюнцелю сообщить всю свою переписку съ Гастферомъ для свѣдѣнія Спренгтпортену, который, чрезъ Іегергорна, долженъ былъ споспѣшествовать, чтобы и «прочіе финцы и швецы также меморіалъ свой прислали» [331]). Получивъ отъ Спренгтпортена уйму пустыхъ блестящихъ обѣщаній, Гастферъ далъ слово содѣйствовать плану оттор-

женія Финляндіи отъ Швеціи. Изъ шведскихъ военныхъ начальниковъ Гастферъ оказался единственнымъ, согласившимся на подобный планъ.

10—21 Августа Гастферъ безъ крайней надобности снялъ осаду Нейшлота.

Душа этого типичнаго измѣнника излилась въ многочисленныхъ письмахъ, которыми онъ обмѣнивался со Спренгтпортеномъ— «старымъ своимъ другомъ, доброе сердце и отзывчивость котораго», по признанію Гастфера, давно были ему извѣстны.

Прекративъ осаду Нейшлота вопреки положительнаго приказанія короля, Гастферъ поспѣшилъ написать своему другу: «Я оказалъ ея величеству услугу... Я пожертвовалъ собой и сдѣлалъ это за ея милостивый поклонъ, которымъ она удостоила меня въ 1783 г. (въ Фридрихсгамѣ) и память о коемъ мнѣ очень дорога». Гастферъ естественно надѣется, что его отступленіе отъ крѣпости въ достаточной мѣрѣ удостовѣритъ его образъ мыслей. «Узнай теперь болѣе, чѣмъ когда-либо прежде,—сообщалъ онъ Спренгтпортену,—что интересы Финляндіи, нашего дорогого отечества, соединяются съ интересами дружбы». Подозрительнымъ союзникамъ нужно было о многомъ договориться и согласовать свои дѣйствія, почему Гастферъ просилъ устроить тайное свиданіе: «то весьма необходимо, дабы я могъ принести возможно болѣе пользы» [332]).

Свиданіе состоялось подъ покровомъ ночи (9—20 сентября) передъ русскими аванпостами, недалеко отъ пролива Пумала. Гастферъ добивался получить извѣстную сумму денегъ и просилъ своего друга выхлопотать у Императрицы приличное мѣсто службы, а на случай неудачи всего задуманнаго предпріятія, нѣкоторыхъ гарантій своей личности. Спренгтпортенъ въ обильномъ словоизліяніи съ избыткомъ обѣщалъ исполнить всѣ его желанія [333]).

Чтобы отогнать малѣйшую тѣнь какихъ либо сомнѣній Императрицы и Спренгтпортена относительно своего поведенія, Гастферъ, во время этого свиданія, передалъ другу, въ оригиналѣ, четыре записки Густава III, касавшіяся войны, а затѣмъ собственноручно составилъ и подписалъ обязательство, лично и при посредствѣ своихъ единомышленниковъ въ подчиненныхъ ему войскахъ, содѣйствовать осуществленію проекта независимости Финляндіи, подъ покровительствомъ Императрицы. «Дѣлаю это въ увѣренности принести моему дорогому отечеству твердое и прочное счастье и навсегда покончить съ спорами, разъединяющими

двѣ націи»... «Закладываю свое честное слово и льщу себя надеждой лично отъ Императрицы получить помощь и покровительство, которыя мое рвеніе на пользу ея интересовъ въ этомъ случаѣ заслуживаютъ» [334]).

Спренгтпортенъ былъ въ восторгѣ отъ достигнутаго успѣха и изъ Фридрихсгама поспѣшилъ (10—21 сент.) отправить къ Императрицѣ письмо, полное самыхъ радужныхъ надеждъ. Онъ особенно радовался, что успѣлъ привлечь этого офицера, обладавшаго веселымъ нравомъ, мужествомъ и энергіей.—Благодаря обѣщанію Гастфера,—продолжалъ свой докладъ Спренгтпортенъ,— «сдѣланъ шагъ къ самостоятельности гг. финновъ. Остальное послѣдуетъ на ихъ національномъ сеймѣ, для котораго необходимо всѣми способами подготовить умы.

По условію, состоявшемуся между пріятелями, Гастферу надлежало объѣхать край, подъ предлогомъ посѣщенія своей жены, и устроить устное совѣщаніе съ наиболѣе рѣшительными аньяльцами. Собранныя имъ свѣдѣнія должны были лечь въ основу дальнѣйшихъ дѣйствій.

Но,—настаивалъ Спренгтпортенъ,—ничего существеннаго не возможно сдѣлать, пока шведскія войска остаются въ Финляндіи. Необходимо поэтому прежде всего потребовать ихъ отступленія, а разъ они уйдутъ, то болѣе не возвратятся «и мы поступимъ съ Финляндіей, какъ пожелаемъ». «Ихъ выступленіе чрезвычайно важно для интересовъ вашего величества. До этого ни одинъ финнъ изъ боязни не раскроетъ рта и ни на что не рѣшится». Съ цѣлью отвлечь войска Густава изъ Финляндіи, имѣлось въ виду воздѣйствовать на датчанъ, чтобы они стали угрожать западнымъ берегамъ Швеціи.

Къ письму Спренгтпортенъ приложилъ обязательство, подписанное Hastfer'омъ, и данныя имъ записки короля, которыя должны были свидѣтельствовать «о слабости противника ея величества».

На одной изъ собственноручныхъ записокъ Императрицы Екатерины, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, значится: «Постарайтесь получить отъ Гастфера копію съ приказа, который данъ ему королемъ объ осадѣ Нейшлота» [335]). Быть можетъ эта записка точнѣе объясняетъ, какимъ образомъ отъ Гастфера были получены письма Густава III.

Въ теченіе своего долгаго царствованія Екатерина имѣла, конечно, случай не разъ наблюдать человѣческое ничтожество и измѣну, но тѣмъ не менѣе поведеніе Гастфера крайне ее удивило.

Особенно ее возмутила выдача Гастферомъ записокъ Густава. «Какіе измѣнники! воскликнула она. Буде не таковъ былъ король, то заслуживалъ бы сожалѣнія; но что дѣлать? Надобно пользоваться обстоятельствами; съ непріятеля хоть шапку долой». Гастферъ представлялся слишкомъ заманчивымъ орудіемъ въ русскихъ рукахъ, чтобы не воспользоваться имъ.

Согласно обѣщанію, Гастферъ побывалъ въ Анъяла. «Чувства смѣшаны,—сообщалъ онъ (16—27 сент.) Спренгтпортену:—одни безмѣрно подозрѣваютъ другихъ . . . шведскія войска жаждутъ возвращенія домой», что совпадаетъ съ интересами Финляндіи . . . «Я могъ бы сказать вамъ гораздо больше, но не желаю считаться шпіономъ. У меня нѣтъ иной цѣли, какъ спасти отечество, которое за свою свободу должно быть благодарно вашей великой монархинѣ» . . .

Въ началѣ октября Гастферъ прислалъ (изъ Анъяла) новое длинное письмо Спренгтпортену, съ упоминаніемъ о предстоящихъ зимнихъ квартирахъ шведской арміи, о предполагаемомъ отводѣ герцогомъ Карломъ флота въ Швецію, о нападеніи датчанъ и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ узнать, находитъ-ли Императрица при такихъ условіяхъ выгоднымъ для себя помышлять о самостоятельности Финляндіи? Коснувшись настроенія въ краѣ, Гастферъ прибавляетъ, что въ данную минуту повсюду «предпочитаютъ иго свободы» (то есть владычество Швеціи), почему съ исполненіемъ плана необходимо обождать, «пока каждому финну не станетъ яснымъ, что король имѣетъ въ виду лишь разореніе Финляндіи. Въ настоящее время нѣтъ ни одного шведа, который не пожертвуетъ жизнью, только бы помѣшать отдѣленію Финляндіи; не слѣдуетъ думать, что финскія войска станутъ сражаться противъ Швеціи: этого они никогда не сдѣлаютъ. Но,—прибавляетъ Гастферъ,—какъ только русскія войска вступятъ въ Финляндію, въ качествѣ ея друзей и съ объясненіемъ, что они не желаютъ ни финнамъ, ни ихъ краю какого либо зла, а имѣютъ въ виду лишь заставить короля и сословія заключить миръ, то финны не возьмутся за оружіе противъ ея величества», Затѣмъ слѣдуетъ льстивое восхваленіе Императрицы: она—гроза Полумѣсяца—удостоила покровительства его отечество . . . Далѣе онъ проситъ Спренгтпортена довести до свѣдѣнія Екатерины о его желаніи сдѣлаться подданнымъ «величайшей и великодушнѣйшей монархини въ мірѣ». Онъ не можетъ болѣе служить Густаву, поднявшему оружіе противъ Императрицы, которую «желалъ бы

видѣть повелительницей всего свѣта». Если бы она удостоила пожаловать ему небольшую сумму денегъ, для уплаты его долговъ, и пожелала послать его противъ Пруссіи или Турціи, всѣ его желанія оказались бы исполненными и онъ готовъ немедленно переѣхать въ Россію, гдѣ, вмѣстѣ съ Спренгтпортеномъ, станетъ работать на благо Финляндіи.

Въ первыхъ числахъ (4—15) октября пріятели вновь тайно свидѣлись. Гастферъ сообщилъ, что Аньяльскій союзъ почти уничтоженъ интригами герцога Карла. Спренгтпортенъ-же далъ совѣтъ Гастферу остаться на своемъ посту, гдѣ онъ въ состояніи принесть бо́льшую пользу Финляндіи, чѣмъ состоя подданнымъ Императрицы.

Гастферъ, видимо, разочаровался въ своемъ союзникѣ, такъ какъ въ итогѣ ни одно обѣщаніе не исполнено: денегъ онъ не получилъ, поступленіе въ русскую службу было отклонено, будущность его оставалась неизвѣстной. Приходилось довольствоваться новыми пышными обѣщаніями Спренгтпортена.

Гастферъ палъ духомъ и предался размышленію: разумно-ли онъ поступилъ, связавъ себя съ Россіей? Обстоятельства никакихъ надеждъ на возможность осуществленія плана финляндской самостоятельности не давали. Вызвать революцію оказывалось опаснымъ, такъ какъ она могла окончиться лишь нѣсколькими отрубленными головами. Но и порвать сношенія съ Спренгтпортеномъ также представлялось дѣломъ нелегкимъ.

Надо полагать, что Гастферъ наиболѣе озабоченъ былъ полученіемъ тѣхъ 10.000 талеровъ, которые ему обѣщалъ король за взятіе Нейшлота.—«Хорошъ слуга,—сказала Екатерина—au plus offrant. Однако заплатить ему надо».

Спренгтпортенъ предлагалъ дать Гастферу 3.000 червонцевъ и обѣщать ему въ будущемъ помѣстье или пенсію, когда онъ болѣе выдающимся образомъ послужитъ интересамъ Императрицы.

Гастферу отправили ящикъ съ собольимъ мѣхомъ и маленькую коробочку, запечатанную чернымъ сюргучемъ. Доставить посылку поручили шведскому офицеру А. Ф. фонъ-Тёрне, котораго Спренгтпортенъ считалъ особенно надежнымъ и преданнымъ себѣ. Между тѣмъ установлено, что Тёрне велъ двойную игру и тайно посылалъ въ Стокгольмъ свѣдѣнія, удостовѣрявшія, что онъ остался вѣренъ своему отечеству. Во время поѣздки въ Финляндію Тёрне надлежало, по порученію Спренгтпортена, разузнать о настроеніи населенія въ краѣ и, изъ бесѣды съ Гастферомъ, опредѣлить степень успѣха его дѣла.

Хотя въ это время Гастферъ и увѣрялъ нашего генерала Шульца въ своей преданности Императрицѣ и говорилъ о своей готовности служить ей, но видно было, что онъ носился уже съ думами о возвращеніи къ Густаву. Фантазеръ Спренгтпортенъ, очевидно, не зная еще объ истинномъ настроеніи Гастфера, планировалъ, какъ использовать положеніе шведскаго полковника для завоеванія Саволакса и отдѣленія этой провинціи отъ остальной Финляндіи. Въ Саволаксѣ ему рисовалась возможность созвать сеймъ, который долженъ дать тонъ остальнымъ финнамъ. Для отобранія Саволакса отъ шведовъ Гастферъ представлялся особенно полезнымъ и это соображеніе побудило Спренгтпортена хлопотать объ его награжденіи.

Однако развязка близилась. Гастферъ видѣлъ, какъ росла власть короля, какъ возвращалось къ нему расположеніе и довѣріе націи. Онъ вспомнилъ объ оказанныхъ ему Густавомъ благодѣяніяхъ. Мефистофель-же всей Аньяльской неурядицы—Спренгтпортенъ—продолжалъ присылку Гастферу своихъ довѣрительныхъ и опасныхъ писемъ. Какъ отдѣлаться отъ этого злого генія? Какъ избавиться отъ его присылокъ, грозящихъ жизни? У Гастфера не хватало на это рѣшимости. «Прощайте, дорогой другъ,—писалъ ему Гастферъ; не оставляйте меня уваженіемъ и довѣріемъ; быть можетъ мнѣ дорого придется заплатить за удовольствіе, которое я имѣлъ нѣсколько разъ, побесѣдовавъ съ вами» [336]).

Невозможность осуществленія плана заговорщиковъ сдѣлалась очевидной, и сношенія Спренгтпортена съ Гастферомъ прекратились.

Гастферъ разными способами пытался замести слѣды своей измѣны и возвратить милость короля. Для этого онъ прибѣгъ къ старому избитому пріему и сталъ увѣрять Густава, что его поступками руководило усердіе къ королю и горячая любовь къ родинѣ, что онъ вступилъ съ сношеніе «съ неблагодарнымъ измѣнникомъ», «врагомъ его величества и государства» съ единственной цѣлью узнать замыслы Спренгтпортена и противодѣйствовать имъ.

Проходитъ еще нѣкоторое время и беззастѣнчивый Гастферъ развязно совѣтуетъ королю не заключать мира, пока не получитъ обратно по крайней мѣрѣ Фридрихсгама, Вильманстранда, Давидстада, Кексгольма и Нейшлота, и пока не возвратитъ «честь своей арміи» . . .

Въ то время, когда происходили переговоры между Спренгтпортеномъ и Гастферомъ, К. Стедингкъ и король довольно усердно обмѣнивались письмами. 31 іюля—11 авг. 1788 г. Густавъ писалъ изъ Гёгфорса . . . «Я вполнѣ раздѣляю ваше негодованіе по поводу трусости финскихъ офицеровъ. Я глубоко скорблю, видя столь доблестную націю, покрывающую себя вѣчнымъ позоромъ». Изъ дальнѣйшихъ строкъ короля видно, что Стокгольмъ клеймилъ трусами финляндскихъ офицеровъ, вернувшихся съ театра войны [337]).

К. Стедингкъ не одобрялъ поведенія офицеровъ. Онъ терялся во всемъ, что видѣлъ и слышалъ, но утверждалъ, что Гастферъ оставался вѣрнымъ и преданнымъ королю. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ декабря 1788 г., Густавъ III изъ Стокгольма прислалъ предписаніе Стедингку арестовать Гастфера и тщательно изслѣдовать всю его переписку. К. Стедингкъ, исполнивъ повелѣніе короля, настаиваетъ на своемъ. «Чувство справедливости Вашего Величества развѣ не удовлетворилось бы тѣмъ, чтобы удалить барона Гастфера отъ командованія? Не таковъ Гастферъ, чтобы участвовать въ предательскомъ заговорѣ» . . .

ГРАФЪ КУРТЪ ФОНЪ-СТЕДИНГКЪ.

«Повторяю то, что уже говорилъ нѣсколько разъ: я глубоко убѣжденъ, что Гастферъ никогда не намѣревался измѣнить Вашему Величеству». Видимо К. Стедингка смущало то обстоятельство, что король рисковалъ такъ строго обойтись съ человѣкомъ, «знавшимъ самыя сокровенныя государственныя дѣла». Здѣсь вѣроятно кроется намекъ на то, что Гастферу поручено было разыграть въ приходѣ Пумала комедію перестрѣлки съ людьми, переодѣтыми въ русскіе мундиры, и надо полагать, что Стедингкъ опасался разоблаченія тайны человѣкомъ, который будетъ озлобленъ арестомъ.

Нѣсколько позже Стедингкъ, «исповѣдуясь Его Величеству», призналъ однако, что, прибывъ на театръ военныхъ дѣйствій, не

засталъ тѣхъ приготовленій, кои надлежало своевременно сдѣлать, замѣтилъ, что секретъ разрыва съ Россіей не былъ достаточно скрытъ и, наконецъ, что духъ финляндской арміи былъ не таковъ, какимъ ему слѣдовало быть: войска вздыхали о мирѣ.

Нейшлотъ, по мнѣнію Стедингка, не былъ взятъ, вслѣдствіе вліянія Аньяльскаго заговора. Приказаніе Гастфера отступить отъ крѣпости повергло въ отчаяніе большую часть офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые плакали съ горя. Видя все это, Стедингкъ хотѣлъ самовольно захватить командованіе отрядомъ, но, не зная языка, лишенъ былъ возможности повліять на солдатъ [338]).

Аньяльскій заговоръ былъ плохо организованъ. Не было у него ни опредѣленнаго выработаннаго плана, ни постояннаго всѣми признаннаго руководителя. Пылъ участниковъ конфедераціи скоро изсякъ, и если она не была сразу и легко ликвидирована, то виною тому нерѣшительность Густава. Вмѣсто того, чтобы отъ словъ перейти къ дѣлу, союзники тратили одну недѣлю за другой въ пустыхъ переговорахъ. Шведскіе, финскіе и русскіе офицеры дѣлали другъ другу визиты и собирались по ночамъ на тайныя сходки. Спренгтпортенъ продолжалъ плести свою паутину; но онъ не сумѣлъ ни воодушевить одной общей мыслью, ни объединить своихъ жертвъ одной общей цѣлью: они дѣйствовали по разнымъ побужденіямъ и брели разными путями [339]). Вся изобрѣтательность аньяльцевъ ушла на составленіе нѣсколькихъ общихъ бумагъ. По прекращеніи совмѣстной работы, кое-гдѣ проявлялись единичныя незначительныя вспышки энергіи, но и онѣ скоро погасли.

Въ августѣ 1788 г. появилась брошюра Спренгтпортена «Отечество». Онъ укрылся за псевдонимомъ «честнаго шведа, добраго патріота и законами ограниченнаго гражданина» изъ провинціи Скопе (Skåne). Фактически брошюра была напечатана въ Петербургѣ на финскомъ и шведскомъ языкахъ и контрабандой вывезена за границу. По своему содержанію она представляла патетическое воззваніе добиться, съ помощью Россіи, риксдага, для возстановленія попранной свободы. Авторъ желалъ пробудить своихъ земляковъ отъ оцѣпенѣнія и гнуснаго рабства къ серьезному труду, желалъ «взять шведскихъ патріотовъ подъ руки». Американцы, швейцарцы и англичане при чужой поддержкѣ добились свободы, почему,—думалось ему,—благоразумные шведы колеблются призвать на помощь доброжелательную къ нимъ Россію? Для

утвержденія шведской свободы нуженъ риксдагъ, такъ какъ король нарушилъ свою присягу и попралъ тѣ права, которыя онъ утвердилъ. Большая часть брошюры «Отечество» попала въ руки гр. Мейерфельда, и онъ приказалъ палачу сжечь ихъ.

Вслѣдъ за Спренгтпортеномъ выступилъ съ особымъ меморіаломъ Іегергорнъ. А. І. Іегергорнъ родился въ 1757 г.—Началъ свою службу въ Кареліи. Учился на средства Густава III въ Берлинской военной академіи, проявивъ большія природныя способности. Онъ приходился родственникомъ Спренгтпортену и тѣсно сблизился съ нимъ, состоя учителемъ въ Брагелинна.—Вліяніе его на офицерство не подлежало сомнѣнію. У Іегергорна и Глансенперна возникла теперь мысль учредить союзъ (конфедерацію) изъ дворянъ-помѣщиковъ и обратиться отъ ихъ имени за покровительствомъ къ Всероссійской Императрицѣ. Цѣлью союза было осуществленіе самостоятельности Финляндіи. Обо всемъ этомъ надлежало увѣдомить Императрицу особымъ меморіаломъ. Составилъ его единолично Іегергорнъ, сидя въ Брагелинна, но выдалъ его за произведеніе конфедераціи финляндскихъ (преимущественно саволакскихъ) дворянъ - помѣщиковъ. Въ этомъ документѣ излагались условія, на которыхъ финляндцы согласны будутъ присоединить свое оружіе къ оружію Екатерины, когда Финляндія сдѣлается независимой страной въ союзѣ съ Россіей.—Предварительно изливалось горе финновъ, убѣдившихся въ холодномъ отношеніи къ нимъ шведовъ. Ихъ права нарушались, чтимые ими законы не соблюдались. Приходилось самимъ отдѣлиться и отдѣлить свой край «отъ столь несчастной и вредной зависимости». Къ Императрицѣ они рѣшились обратиться, вслѣдствіе ея милостиваго благоволенія къ финской націи, выраженнаго въ письмѣ отъ 9—20 августа (привезенномъ Іегергорномъ). Они надѣялись на исполненіе своей просьбы, въ виду того, что это вело къ установленію мира и равновѣсія на сѣверѣ.

АНДЕРСЪ ІОГАНЪ ІЕГЕРГОРНЪ.

Условія, выставленныя Іегергорномъ, сводились къ слѣдующему:

1) Принятіемъ союза финской націи подъ свое покровительство Ея Величество будетъ содѣйствовать объявленію великаго княжества Финляндскаго свободной и независимой страной.

2) Ея Величество даруетъ безопасность финляндской границѣ.

3) Войска, которыя будутъ посланы въ Финляндію на помощь союзу, поступятъ къ Спренгтпортену, которому, — какъ избранному начальнику союза, — будетъ довѣрено командованіе финской арміей.

4) Императрица разрѣшитъ денежный заемъ на жизненные припасы и военныя принадлежности.

5) Она же гарантируетъ финляндскую долю въ банкахъ шведскаго королевства и въ пансіонныхъ кассахъ арміи Густава.

6) Финляндцы въ теченіе трехъ лѣтъ будутъ получать отъ Ея Величества отъ 10 до 15 бочекъ золота, за что Финляндія обязывается выставлять на пользу Русскаго государства отъ 10 до 12 тыс. регулярнаго войска и отъ 5 до 6 линейныхъ кораблей.

7) Пушки, военные припасы и трофеи, доставшіеся русскимъ во время этой войны, будутъ возвращены Финляндіи.

При перечисленныхъ условіяхъ финляндцы, съ вѣчной признательностью и обожаніемъ, сохраняя въ памяти великія благодѣянія Императрицы, соглашаются соединить свое оружіе съ ея оружіемъ, вѣрно соблюдать дружбу, содѣйствовать укрѣпленію могущества Ея Величества и остаться преданнѣйшими ея союзниками.

Іегергорнъ утверждалъ, что меморіалъ подписали 33 помѣщика.—Финляндскій историкъ К. Тигерстедтъ находитъ, что такое показаніе не заслуживаетъ довѣрія. Онъ сомнѣвается, чтобы шведскій оригиналъ былъ кѣмъ-либо подписанъ; французскій текстъ, предназначенный для Императрицы, подписей не имѣлъ.—К. Тигерстедтъ не безъ основанія подозрѣваетъ, что Іегергорнъ самовольно—собственной рукой—вписалъ имена помѣщиковъ, причемъ занесъ туда, напримѣръ, К. Г. Армфельта, весь характеръ котораго служитъ порукой, что онъ не могъ вступить въ члены подобнаго союза. Такъ какъ подписей въ дѣйствительности подъ меморіаломъ не было, то Іегергорнъ свободно могъ внести въ него собственныя исправленія и назвать участниками союза кого хотѣлъ. Профессоръ Тигерстедтъ установилъ разницу въ текстѣ между первоначальнымъ меморіаломъ и экземпляромъ, поданнымъ Императрицѣ. Въ послѣднемъ значилось, что союзники согласны за субсидію въ 100.000 р. выставлять 6 тыс. человѣкъ и 6 ко-

раблей, но при условіи, чтобы они употреблялись въ Балтійскомъ морѣ, а въ случаѣ неудачи предпріятія, всѣмъ было гарантирована полная амнистія и цѣлость ихъ капиталовъ въ шведскомъ банкѣ. Итакъ, этотъ политическій актъ финляндской государственности отмѣченъ явной фальсификаціей.

Въ разгарѣ своей агитаторской дѣятельности по организаціи новой конфедераціи Іегергорнъ получилъ предписаніе герцога Карла прибыть на службу въ Швецію. До сихъ поръ онъ уклонялся отъ служебныхъ занятій подъ тѣмъ вымышленнымъ предлогомъ, что обѣщалъ освободившимъ его изъ плѣна русскимъ не подымать противъ нихъ оружія. Съ совѣстью, обремененной измѣной, онъ не рѣшился ѣхать въ Швецію и предпочелъ бѣгство въ Россію (16—27 ноября 1788 г.).

Въ Петербургъ Іегергорнъ явился съ кипой документовъ и меморіаломъ конфедераціи, на которомъ имена участниковъ подписаны были его рукою. 22 Ноября 1788 г. у А. Храповицкаго читаемъ: «сказалъ, что Іегергорнъ сюда пріѣхалъ. Знаю. Молчи; тебѣ сказать можно: онъ былъ въ разныхъ мѣстахъ и объяснялся съ финнами, привезъ кучу писемъ съ цифрами, изъ коихъ Спренгтпортенъ дѣлаетъ выписку. Спренгтпортенъ и Іегергорнъ наши теперь. Финны притѣснены принцемъ Карломъ, дали намъ знать о всѣхъ обстоятельствахъ, показавъ число шведскихъ войскъ и какія мѣста занимаютъ. Они считаютъ ихъ до 16 т., но я не вѣрю. Финны готовы съ нами соединиться, чтобы выгнать шведовъ изъ Финляндіи».

Іегергорнъ немедленно посѣтилъ Спренгтпортена, и съ этого времени оба измѣнника-агитатора работаютъ вмѣстѣ надъ отторженіемъ отъ Швеціи Финляндіи и созданіемъ ея самостоятельнаго положенія. Въ столицу Россіи Іегергорнъ прибылъ въ качествѣ представителя финскаго народа, но никто не потребовалъ отъ него довѣренности и не освѣдомился о его полномочіяхъ. Одинъ вице-канцлеръ Остерманъ относился къ нему осмотрительно.

Лучшимъ средствомъ для достиженія намѣченной конфедераціею цѣли,—независимости Финляндіи—Іегергорнъ находилъ немедленное вторженіе въ Финляндію. Съ этой цѣлью онъ представилъ (24 Ноября—5 дек. 1788 г.) проектъ операціоннаго плана, подъ заглавіемъ «Планъ къ выполненію конфедераціи финской націи относительно независимости Финляндіи» («Plan till utförande af finske nationens konfederation i afseende å Finlands indépendance»). Въ этомъ проектѣ рѣчь ведется отъ имени финской націи. Іегер-

горнъ предлагалъ произвести одновременное наступленіе тремя отрядами, совокупной численностью отъ 15 до 16 тыс. чел. [340]). «Если шведская армія замкнется въ Свеаборгѣ, то она не выдержитъ тамъ блокады долѣе двухъ мѣсяцевъ и непремѣнно должна будетъ сдаться и добровольно предоставить намъ крѣпость» [341]). Можетъ быть къ этому времени относится слѣдующая собственноручная замѣтка Екатерины II безъ даты: «Сдѣлать надлежитъ планъ вступленія нашихъ войскъ въ шведскую Финляндію, а финнамъ сказать надлежитъ, что, пока они подъ непріятельскимъ управленіемъ и руководствомъ, мы имъ покровительствовать инако не можемъ, какъ военной рукой» [342]).

Спренгтпортенъ на этотъ разъ возсталъ противъ зимняго похода, находя, что великое предпріятіе недостаточно подготовлено для вѣрнаго и прочнаго успѣха. Онъ опасался опрометчиваго вторженія въ Финляндію и призналъ необходимымъ предпослать ему особый манифестъ отъ имени Императрицы и приготовить прокламацію, которая должна быть распространена въ моментъ вступленія въ край русскихъ войскъ. Оба эти документа появились въ декабрѣ 1788 года.

Въ проектѣ манифеста говорилось, что шведская и финская націи довели до свѣдѣнія Императрицы о многократномъ нарушеніи ихъ правъ и привилегій; и такъ какъ по мирнымъ трактатамъ въ Ништадѣ и Або Россія приняла на себя гарантію этихъ правъ и привилегій, то Императрица рѣшила всею своею властью поддержать стремленіе честныхъ патріотовъ и гражданъ и возстановить нарушенный основной законъ. Съ этой цѣлью она ввела свои войска въ Финляндію, но повелѣла никакихъ обидъ не чинить и уплачивать сполна за все, что будетъ взято для надобностей ея арміи.

Составленная тогда же Спренгтпортеномъ прокламація полна жалобъ финновъ на шведскія притѣсненія. Любовь къ родинѣ побудила финновъ порвать несчастный союзъ съ Швеціею и провозгласить независимость Финляндіи. Объ установленіи этой независимости и возвѣщаетъ прокламація, призывая всѣхъ гражданъ-патріотовъ поддержать общее дѣло.

Ни манифестъ, ни прокламація не были тогда использованы.

Въ это время сдѣлалось извѣстнымъ, что король рѣшилъ созвать риксдагъ. Коноводы конфедераціи изъ этого факта сдѣлали тотъ выводъ, что Густавъ укрѣпился и станетъ самъ направлять дѣйствія представителей сословій по своему усмотрѣнію. Партія

финляндской самостоятельности поняла также, что обстоятельства складывались не въ ея пользу, что поддержки съ шведской стороны ей ожидать нельзя. Иначе говоря, Спренгтпортенъ увидѣлъ, что полная независимость Финляндіи встрѣтитъ непреоборимое препятствіе. Въ виду этого, онъ рѣшилъ добиваться независимаго ея положенія, не разрывая связи Финляндіи со Швеціею.—Онъ мечталъ, что финскія требованія будутъ поддержаны съ одной стороны шведами, изъ опасенія королевскаго единовластія Густава, а съ другой—Россіей. Полная же самостоятельность Финляндіи—вопросъ времени и дѣло рукъ самихъ финновъ.

Спренгтпортеновскій подголосокъ—Іегергорнъ—нашелъ новую мысль своего патрона счастливой и сказалъ, что «слѣдуетъ предпочесть (этотъ) менѣе тернистый путь». Какъ прежде, такъ и теперь, онъ не затруднился составить отъ имени финской націи новый конфедераціонный актъ и заявить, что онъ принятъ и подписанъ и финнами, и шведами. Въ этомъ актѣ изолгавшіеся аньяльскіе коноводы развязно писали: «Мы вовсе не имѣемъ въ виду отдѣлить наше возлюбленное отечество, Финляндію, отъ того соединенія, которымъ она съ испоконъ вѣка была связана съ Швеціей; напротивъ, мы желаемъ всѣми силами укрѣпить этотъ союзъ; но такъ какъ эта страна и народъ по своему языку, нравамъ и хозяйству совершенно различны отъ Швеціи, то она нуждается въ совершенно иныхъ законахъ». Далѣе идетъ разсужденіе о томъ, что Финляндія чувствуетъ потребность въ собственномъ правительствѣ, дабы сохранились дружба и связь между странами, что Россія обѣщаетъ свое властное покровительство для сохраненія взаимной дружбы и прочнаго мира на сѣверѣ.

Этимъ новымъ актомъ конфедераціи Іегергорнъ надѣялся возбудить большее довѣріе и расположеніе шведовъ къ желаніямъ финновъ, особенно послѣ того, какъ увидятъ, что слово самостоятельность совершенно исключено и Финляндія навсегда остается присоединенной къ Швеціи. Іегергорнъ, не скрывая, договорилъ другу свою мысль, что въ новомъ положеніи финляндцы легко въ состояніи будутъ добиться свободы.

Сколько беззастѣнчивости и изворотливости проявлено аньяльцами въ короткій періодъ ихъ дѣятельности!...

Екатерина колебалась, не зная какъ поступить въ финляндскомъ дѣлѣ. Сперва она раздѣлила взгляды Іегергорна и готова была отправить свои войска въ шведскую Финляндію. Императрицѣ даже казалось, что ей удалось склонить гр. Мусинъ-

Пушкина на зимнюю кампанію. Но робкій и непредпріимчивый генералъ нашелъ много препятствій къ выполненію зимняго похода. «По его объясненію,—сказала Императрица,—не знаю уже, въ которые мѣсяцы ходятъ, потому что жары, холодъ и недостатокъ корма подножнаго почти всѣ мѣсяцы занимаютъ, хотя въ нынѣшнемъ столѣтіи два раза зимою Финляндія завоевана была» [343]).

Вскорѣ Императрица измѣнила свое воззрѣніе и усмотрѣла, что у нея недостаточно войскъ для оказанія помощи финляндцамъ, почему приказала Иностранному Департаменту сообщить «добронамѣреннымъ къ намъ финнамъ, чтобы они старались для себя избрать мѣры тѣ, которыя они для своей безопасности найти могутъ полезнѣе, и чтобы они, на насъ надѣючись далѣе, себя не ввели въ погибель.... Зачѣмъ вести финновъ на плаху? Пусть подадутъ повинную. Pourquoi tenir leur becs dans l'eau? Зачѣмъ ихъ обманывать» [344])?

2 января 1789 г. гр. Безбородко, по повелѣнію Императрицы, внесъ въ Государственный Совѣтъ все финляндское дѣло, т. е. меморіалъ маіора Іегергорна отъ помѣщиковъ о желаемой ими независимости, проектъ манифеста и новый конфедераціонный актъ о томъ, что Финляндія останется въ соединеніи съ шведами, но желаетъ лишь для внутреннихъ своихъ дѣлъ особаго правительства. Нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта (Завадовскій, гофмейстеръ гр. Безбородко и гр. Воронцовъ) признали отторженіе Финляндіи отъ шведской короны и превращеніе ее въ независимую «державу» весьма желательнымъ, такъ какъ опытъ прежнихъ лѣтъ показалъ, сколько опасности можетъ Швеція причинить русской столицѣ; отдѣленіе же Финляндіи поставило бы шведамъ преграду и дало-бы «Петрову-граду безопасность». Вмѣстѣ съ тѣмъ они предупреждали, чтобы не вполнѣ полагаться на бумагу Іегергорна и не принять ее за выраженіе согласія цѣлой націи, «ибо онъ вмѣсто нихъ (финляндцевъ) подписалъ» ее.— Помощь-же финляндцамъ можетъ быть оказана лишь тогда, когда они единодушнымъ подвигомъ учинятъ себя независимыми и издадутъ о семъ публичный актъ. Иначе говоря, Государственный Совѣтъ желалъ дать созрѣть движенію и посмотрѣть, что предпримутъ сами финны. Вице-канцлеръ находилъ, что не слѣдуетъ вводить въ шведскую Финляндію нашихъ войскъ, пока не выяснится отношеніе короля къ риксдагу. Это мнѣніе, видимо, возобладало [345]).

Спренгтпортенъ и Іегергорнъ не успокоились. Первый настаивалъ теперь на полезности зимняго похода въ Саволаксъ,

гдѣ положеніе ему представлялось такимъ, что малой русской силой можно было освободить провинцію отъ шведской власти, а второй—послѣ поѣздки въ Финляндію, гдѣ онъ старался сгладить дурное впечатлѣніе отъ поведенія нашихъ войскъ,—сталъ добиваться созыва депутатовъ. По его мнѣнію, нужно было возстановить довѣріе къ русскимъ и обѣщаніямъ Императрицы, а также обсудить мѣры, соотвѣтствующія положенію Финляндіи, и наконецъ, возбудить отважныхъ гражданъ, по примѣру предковъ, сбросить съ себя тиранство и вооружиться на защиту своихъ законовъ. Все это «твердо и неукоснительно» могли, по его мнѣнію, обсудить депутаты, присланные отъ каждаго кирхшпиля. «Первое мое предложеніе депутатамъ будетъ,—писалъ Іегергорнъ,—объявить, согласно нашимъ основнымъ законамъ, короля врагомъ отечества.... и отказаться отъ всякаго ему повиновенія, пока не будутъ возстановлены основные законы въ прежней ихъ силѣ». Второе предложеніе—вооружиться для поддержанія принятаго рѣшенія. По исполненіи всего этого, имѣлось въ виду заключить трактатъ съ Императрицей.

Всѣ эти фантастическіе и несообразные планы Іегергорнъ не постѣснился представить вице-канцлеру съ указаніемъ, что встрѣчаетъ на своемъ пути много препятствій, вслѣдствіе того, что не занимаетъ официальной должности и не имѣетъ никакой власти. Такъ какъ и Спренгтпортенъ тоже былъ лишенъ возможности дѣйствовать, то въ заключеніи Іегергорнъ просилъ Императрицу издать «конститоріалъ« (constitorial) чтобы онъ, или кто-либо изъ его соотечественниковъ, получилъ возможность наблюдать за пасторами и фогтами въ провинціяхъ, находившихся подъ воздѣйствіемъ оружія Ея Величества [346]).

Недовольный поведеніемъ анъяльцевъ, король старался свалить на нихъ всю неудачу похода. Прибывъ домой изъ Финляндіи, онъ гремѣлъ противъ мятежниковъ. Желая возстановить противъ нихъ общество, онъ многократно повторялъ и устно, и въ печати, что главной цѣлью ихъ домогательствъ являлась самостоятельность Финляндіи [347]).

Въ своемъ недовольствѣ Густавъ не зналъ предѣловъ выдумкамъ: въ присутствіи совѣта въ Стокгольмѣ онъ утверждалъ, что заговоръ анъяльцевъ подготовлялся въ теченіе десяти лѣтъ, при поддержкѣ изъ Петербурга! Затѣмъ онъ освѣдомился, какому

суду — гофгерихту или военному — подлежать виновные? Государственный совѣтникъ (Карлъ Спарре) находилъ болѣе безопаснымъ не примѣнять сейчасъ-же закона къ чинамъ финской арміи, дабы не вызвать насилія противъ насилія [348]). Духовенство громило ихъ съ каѳедръ, какъ измѣнниковъ отечества, намѣревавшихся продать себя и своихъ собратьевъ въ русское рабство. Общественное мнѣніе стало на сторону короля и осудило аньяльцевъ.

Не мало тому содѣйствовала статья Маннерскантца. Она, подъ названіемъ «Оттискъ полученнаго изъ Финляндіи письма отъ 14 сентября 1788 г. относительно различныхъ замысловъ и о томъ, что происходило при осадѣ Фридрихсгама» («Aftryk af ett från Finland ankommet Bref, angående åtskillige Stämplingar, samt hwad som hände vid Fredrikshamns Belägring»), надѣлала много шума. Авторъ письма начальникъ инженеровъ въ Финляндіи, полковникъ Маннерскантцъ, сообщалъ своему брату объ интригѣ Спренгтпортена въ дѣлѣ самостоятельности Финляндіи; его планъ сдѣлать Финляндію самостоятельной подъ русской протекціей (at göra Finland sjelfständigt under Rysk protection) высмѣивался. Тутъ же обрисовываются аньяльцы; по свѣдѣніямъ автора все общество офицеровъ было ненадежно; только Мейерфельдъ и фонъ-Платенъ заслуживали полное довѣріе короля. Эта статья появилась сначала въ Гётеборгѣ въ срединѣ ноября 1788 г., затѣмъ была перепечатана въ Стокгольмѣ, гдѣ въ теченіе трехъ дней разошлась въ количествѣ 16.000 экземпляровъ. Въ приложеніи помѣщалось воззваніе къ Redlige Medborgare, Svenske Män. Наконецъ, брошюру перевели на финскій языкъ и въ этомъ переводѣ она вышла тремя изданіями въ теченіе одного года: два изданія въ Або и одно—въ Вазѣ.

Въ «Гамбургской Газетѣ» появилась статья о поведеніи финновъ.—На нее послѣдовало возраженіе въ брошюрѣ Antwort eines Finnischen Mitbürgers auf einen in den Hamburgischen Zeitungen eingerückten und vorgeblich in Finland geschriebenen Brief vom 14 September 1788. Gothenburg, 1788.—Смыслъ протеста финновъ сводился къ оправданію себя тѣмъ, что нарушены были основные законы, а, во-вторыхъ, указывалось на Finnischer Independenz-Plan. Авторъ прибавляетъ, что нѣтъ финна, который не сознавалъ бы «wie unglücklich und unnatürlich unser Verhältniss mit Schweden ist und allzeit war».

Тогда же появилось еще одно изданіе «Письмо къ офицеру въ Финляндіи отъ его дяди» Bref til en Officerare i Finland ifrån

Caserne de soldats

Fort la Gloire

Coupe e façade intérieure du Fort la Gloire

Grand Corps de Casernes

pavillon pour les Officiers

magasin de vivres avec des caves

magasin de vivres

magasin d'agrès

magasin à poudre

Laboratoire

Boutiques

Batterie N° 1

Batterie N° 2

Redoute Kotka et Batterie N° 3.

Batterie N° 4.

Batterie N° 9.

Batterie N° 6.

Redoute Kutsalo

Redoute Fort Salmi

Redoute Thioutina

Redoute Matassare

Redoute Rotchensalm

Batterie N° 8.

tour des signaux

KOTKA

RADE

PORT

HALAHOLM

THIOUTINA

MATASSARI

PLAN du Port de Rotchensalm PRÉSENTÉ A SON ALTESSE IMPÉRIALE Monseigneur LE GRAND DUC CONSTANTIN

Emplacement de la Première Pierre

Fort et Batterie Cathérine.

Tête de pont et son Cavalier

Profil et Façade des Bassins pour carener les Frégattes

Fort Elisabeth

Hôpital Militaire

Façade de l'entrée du Port des chaloupes canonnières.

РОЧЕНСАЛЬМЪ.

dess Farbror (Stockholm, 1788). Въ немъ снова разъясняются тѣ цѣли, которыя преслѣдовались финляндцами. Дядя ихъ опровергаетъ, указывая, что Россія вовсе не сильна, своего корпуса офицеровъ не имѣетъ, ибо ей служатъ все иностранцы (Грейгъ, фонъ-Дезинъ, Нассау). Созывъ риксдага называется прямой безсмыслицей.

Возмущеніе финновъ произвело глубокое впечатлѣніе на шведовъ. 24 января 1789 г. какой-то непоименованный массонъ произнесъ въ Ловизѣ, въ засѣданіе массонской ложи, рѣчь, въ которой призналъ себя сторонникомъ coup d'état 1772 г., спасшей Швецію. Россію онъ ненавидитъ, какъ «злѣйшаго врага шведской націи». Герцога Карла превозноситъ за побѣду надъ русскими. (Tal, hållet på Konungens Födelse Dag den 24 Januarii 1789. Åbo, 1789) [349]).

Увѣдомляя (2 сентября 1788 г.) Совѣтъ о событіяхъ въ Финляндіи, Густавъ III, между прочимъ, заявилъ: «неслыханные шаги, до которыхъ финскіе воины могли унизить себя» въ началѣ военныхъ дѣйствій, надо приписать также вліяніе неблагопріятныхъ распоряженій, издававшихся секретно и тонко распространявшихся среди финскаго населенія, при поддержкѣ лицъ, которыя должны были служить примѣромъ вѣрности и нравственности».

Къ новому году (1789) король настолько укрѣпилъ свое положеніе, что приказалъ арестовать главарей заговора и доставить ихъ въ Стокгольмъ. Аресту должны были подвергнуться всѣ, подписавшіе посланіе къ Императрицѣ. Арестомъ теперь спѣшили, такъ какъ приближалось время созыва риксдага, и король хотѣлъ избѣжать его инициативы и вмѣшательства въ это дѣло. Іегергорнъ, Кликъ, капитанъ Ладо (Ladau) и Глансенширна успѣли бѣжать въ Россію. Возстаніе было подавлено и партія государственной измѣны уничтожена.

Изъ бѣжавшихъ въ Россію обращалъ на себя вниманіе К. Г. Кликъ. Въ свое время онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ братства Валгаллы. Въ дни анъяльскаго заговора онъ являлся перомъ союзниковъ, сочинявшихъ воззванія и объясненія; всѣ главнѣйшія ихъ бумаги составлены Кликомъ. Онъ былъ женатъ на дочери генерала К. Г. Армфельта и этимъ, главнымъ образомъ, объясняется, что этотъ старый воинъ примкнулъ къ мятежникамъ и окончилъ свои дни въ заключеніи. Разсказы-

ваютъ, что Клпкъ находился въ прекрасномъ имѣніи своей матери; блестящій балъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда по-льду изъ Экенеса явились ратники, чтобы арестовать его. Узнавъ объ этомъ, онъ удалился въ смежную комнату, захватилъ секретныя бумаги и черезъ окно скрылся въ ближайшихъ горахъ. Передавъ затѣмъ бумаги своему другу А. I. Аминову, онъ вмѣстѣ съ Ладо перешелъ границу и отправился въ Петербургъ. Самостоятельность Финляндіи онъ признавалъ неосуществимой глупостью. Клпкъ всѣхъ обвинялъ и разоблачалъ, хотя самъ велъ себя какъ ловкій шуллеръ. Онъ присягнулъ на вѣрность Россіи, но пути отступленія для себя въ Швецію старался сохранить, думая о возвращеніи на родину. Положеніе его въ Россіи было трудное, но нужды онъ не терпѣлъ. Единовременно онъ получилъ 5 тыс. р. и пользовался пенсіей въ 2 тыс. р. [350]).

Въ іюнѣ 1789 г. Густавъ изъ Ликала написалъ государственному дротсу графу Вахмейстеру: «Послѣ того, какъ г. Спренгтпортенъ открыто наступаетъ вмѣстѣ съ непріятелемъ и во время атаки на Порасальми раненъ въ сраженіи противъ моихъ войскъ, я нахожу, что чиновникъ, который, согласно древнимъ законамъ королевства, обязанъ преслѣдовать государственныхъ измѣнниковъ, долженъ исполнить свой долгъ».

Процессъ аньяльцевъ продолжался до начала 1790 г., занимая общество своими подробностями и развѣтвленіями. Множество лицъ пришло въ движеніе, пытаясь своими ходатайствами смягчить участь подсудимыхъ. Даже Екатерина II сдѣлала слабую попытку ввести въ статью мирнаго договора положеніе въ ихъ пользу. Виновныхъ предали военному суду, который вынесъ свой вердиктъ въ апрѣлѣ 1790 г., приговоривъ однихъ къ лишенію чести, имущества и жизни посредствомъ обезглавленія, другихъ — разстрѣлянія, а большинство были исключены со службы, заключены въ крѣпости или-же сосланы на островъ Св. Варѳоломея [351]).

Спренгтпортенъ оставался шведскимъ подданнымъ, хотя и состоялъ на иностранной службѣ. Пользуясь этимъ, Густавъ III обвинялъ его въ государственной измѣнѣ. Г. М. Спренгтпортена Абоскій гофгерихтъ, въ началѣ 1790 г., приговорилъ къ лишенію чести, имущества и жизни посредствомъ обезглавленія. Король утвердилъ этотъ приговоръ. Имена бѣжавшихъ въ Россію были прибиты къ висѣлицѣ, а имѣнія ихъ конфискованы.

Наиболѣе трагичной оказалась судьба полковника Хестеску. Слабый по характеру, онъ подпалъ вліянію своего двоюроднаго

брата и друга, хитраго крамольника Андерса Іоганна Іегергорна. Дѣйствіями Хестеску былъ лично оскорбленъ Густавъ и этого онъ не простилъ заговорщику, не смотря на то, что за несчастнаго молили сестра короля, Софья Альбертина, и близкій къ Густаву поэтъ Леопольдъ. Хестеску мужественно и достойно отстаивалъ себя на судѣ; но сильно уличающихъ его свидѣтельствъ нельзя было оспорить. Дважды ему давали возможность бѣжать, но онъ рыцарски отказался. Пріобщившій его пасторъ уступалъ ему свою одежду и соглашался остаться за него въ тюрьмѣ, но Хестеску не воспользовался его услугами. Его привезли на мѣсто казни; онъ взошелъ на эшафотъ и все еще съ надеждой всматривался вдаль, ожидая царскаго посланца съ словомъ помилованія. Но его не было и голова скатилась на плаху. Товарищи Хестеску по заговору оказались счастливѣе его. Онъ позволилъ себѣ усомниться въ силѣ и значеніи королевской власти и Густавъ неумолимо покаралъ его. Жена полковника пережила его на 51 годъ, не снимая глубокаго траура и ведя строго затворническую жизнь въ своемъ имѣніи.

О господствовавшемъ въ финляндскомъ обществѣ политическомъ міровоззрѣніи можно въ извѣстной мѣрѣ судить по словамъ профессора Портана. Онъ находилъ, что только сильная королевская власть, поддержанная народомъ, особенно крестьянами, могла способствовать существованію и развитію шведскаго государства. Бюрократіи онъ не довѣрялъ, а демократія, въ такомъ видѣ, въ какомъ она выступила въ французскую революцію, пугала его, потому что она почти всегда обращалась въ дѣйствительную, хотя иногда и въ скрытую, аристократію или олигархію. Онъ уже ранѣе предчувствовалъ, что французская революція приведетъ къ деспотизму. «До чего французы безумны», восклицаетъ Портанъ въ 1794 г., и какіе большіе шаги дѣлаетъ тамъ крамола въ пользу аристократическаго управленія, за которымъ послѣдуетъ «деспотизмъ вмѣсто старой ея демократіи». Только король, надѣленный значительной властью и доброй волей, можетъ обезпечить свободу. Опытъ вполнѣ подтвердилъ, что представительство, въ которомъ высшая власть находится въ рукахъ земскихъ сословій, противно здравому разсудку; представительство тогда полезно, когда вмѣстѣ съ королемъ, общими силами, трудится на благо народа. Только при такомъ правительствѣ госу-

дарство можетъ устоять противъ могущественнаго сосѣда и не дѣло народа заниматься улучшеніемъ формъ правленія.

Свою принципіальную точку зрѣнія онъ высказалъ въ то время, когда тронъ былъ занятъ личностью, недостаточно для него симпатичною. Привѣтливость и снисходительность Густава III казались Портану показными, и потому были ему непріятны; систему его внѣшней политики онъ находилъ опасной. Его недовѣріе подтвердилось въ извѣстной мѣрѣ послѣ смерти короля, благодаря разоблаченіямъ, сдѣланнымъ на армфельтовскомъ процессѣ, по вопросу о планахъ относительно Норвегіи. Теперь Портанъ вспоминалъ, что «въ 1786 или 1787 г.г. слышалъ, какъ русскій Спренгтпортенъ говорилъ,—но тогда принялъ это заявленіе за клевету,—что этотъ господинъ дѣйствительно готовъ отдать Финляндію русскимъ, если они ему помогутъ или по крайней мѣрѣ позволятъ отнять Норвегію».

Справедливость требуетъ оговорить, что Портанъ такъ же, какъ его коллега по университету, Калоніусъ, находился въ упорной оппозиціи Густаву III, а потому усердно подбиралъ все, говорившее не въ пользу короля.

Портана безпокоило то, что чиновники въ Финляндіи нерѣдко позволяли себѣ такіе поступки по отношенію къ крестьянамъ, которые укрѣпляли въ нихъ старинную ненависть къ господамъ. Размежеваніе общинъ, напримѣръ, производилось именно такимъ способомъ, что оно изнуряло «бѣдный народъ» и явилось грубой несправедливостью. Рустгальтеровъ и земледѣльцевъ, поставлявшихъ солдатъ (rotebönder), мучили весною 1796 г., когда внезапно и безцѣльно приказано было произвести сборы полковъ. Уже съ древнихъ временъ дворяне обращались жестоко и корыстолюбиво съ крестьянами, почему неудивительно, если финскій крестьянинъ питалъ одинаково неугасимую ненависть какъ къ господамъ, такъ и къ русскимъ.

Портанъ отрицалъ проектъ аньяльцевъ и аньяльскій союзъ. Въ письмѣ къ Розенштейну онъ не допускалъ мысли, чтобы эти стремленія могли быть распространены въ университетѣ. Въ письмѣ къ Линдену отъ 26 декабря 1788 г. онъ пишетъ: Но если имѣлось хоть малѣйшее основаніе подозрѣвать, что финны склонны были сочувствовать такому безумному и преступному проекту, то это будетъ большая несправедливость относительно моихъ соотечественниковъ. Быть можетъ 4 или 6 дворянскимъ сумасбродамъ,—которые этимъ надѣялись покорить своихъземля-

ковъ и по-лифляндски обратить ихъ въ своихъ рабовъ,—дѣйствительно понравилась такая идея, которую нѣкоторые эмиссары осмѣлились представить своимъ единомышленникамъ, но такая грубая западня всѣми благомыслящими людьми признавалась одинаково презираемой и отвратительной: и народъ никогда не слыхалъ о ней. Нашъ народъ отъ души ненавидитъ русскихъ и ихъ покровительство (свойство котораго имъ хорошо извѣдано), и я никому не совѣтую предлагать народу подобнаго проекта: его довѣріе къ королю и недовѣріе къ господамъ настолько велики, что невозможно иначе, какъ при посредствѣ величайшаго насилія заставить его преклониться передъ такой безумной идеей.

Сторонниковъ независимости,—продолжаетъ Портанъ,—до того ненавидѣли, что они, по возвращеніи домой, едва осмѣливались показываться на улицахъ. Одинъ намекъ въ состояніи былъ возбудить ярость въ народѣ.

Портанъ желалъ, чтобъ это мнѣніе проникло въ общество и, воспользовавшись случаемъ, когда 30 іюля 1788 г. держалъ вступительную рѣчь въ академіи словесныхъ наукъ, онъ въ концѣ ея говорилъ о благодарности и преданности финновъ шведской коронѣ.

Изъ его отмѣтокъ, которыя онъ, вѣроятно, вскорѣ по окончаніи войны сдѣлалъ на бумагѣ, хранящейся въ университетской библіотекѣ, видно, что война начата была легкомысленно и велась слабо. Здѣсь онъ упоминаетъ еще, что изъ собственныхъ устъ Спренгтпортена узналъ о его работѣ надъ самостоятельностью Финляндіи, причемъ Портанъ утверждаетъ, что онъ не имѣлъ многихъ приверженцевъ; исключеніе составляли нѣкоторые безумные авантюристы. Онъ, Портанъ, не одобряетъ дерзкихъ поступковъ Монтгомери и замысловъ аньяльцевъ. Съ другой стороны, онъ находитъ ложь въ заявленіи начальства, утверждавшемъ, что война ведется оборонительная, а не наступающая. На успѣхъ нельзя было разсчитывать, не только въ силу общаго неудовольствія, но и потому, что въ арміи не было способныхъ генераловъ и офицеровъ, она была плохо обучена, плохо одѣта и плохо снабжена необходимыми принадлежностями. Денегъ недоставало даже на одну кампанію. Швеція не имѣла союзниковъ, тогда какъ извѣстно было, что Данія примкнула къ Россіи, почему явилось необходимымъ принять оборонительныя мѣры противъ датчанъ.

Когда Екатерина II, давая своему второму внуку имя Константинъ, повидимому имѣла въ виду Константинополь, Портанъ

сказалъ Францену: «Будемъ молить Бога, чтобъ русской державѣ удалось расположить тамъ свой главный городъ. Тогда она можетъ оставить въ покоѣ Финляндію подъ шведскимъ скипетромъ. Но теперь, когда она находится такъ близко къ ея столицѣ, я опасаюсь, что рано или поздно, но она подпадетъ русскому владычеству». Въ другой разъ онъ со слезами на глазахъ воскликнулъ: «я надѣюсь не пережить этого несчастія, но вы увидите его, потому что еще молоды, если русской державѣ не удастся завоевать Константинополь, въ такомъ случаѣ она станетъ обращать вниманіе на нашу бѣдную страну». Доценту греческаго языка Е. Мелартину, впослѣдствіи архіепископу, онъ выразилъ свое опасеніе словами: «Петербургъ потянетъ за собой Финляндію, я этого не увижу, но вы, въ виду вашей молодости, это увидите» [352]).

Спренгтпортенъ въ 1793 г. написалъ особый діалогъ, вложивъ въ уста Эссена слѣдующее заявленіе: «Въ Швеціи измѣнится въ болѣе свободномъ духѣ форма правленія, но тѣмъ не менѣе финны желаютъ попасть въ вѣдѣніе русскаго правительства, потому что шведская свобода настолько же мало нравится намъ, насколько отвратительна для насъ русская власть. Первая навсегда станетъ держать насъ въ угнетенной зависимости, тогда какъ Россія доставитъ намъ безопасность и счастливое спокойствіе, которыя суть истинныя преимущества свободы». Слова оказались пророческими [353]).

VIII.

1789 годъ Первый Роченсальмъ. Риксдагъ. Актъ Соединенія и Безопасности.

Въ теченіе зимы военныя дѣйствія были пріостановлены. Часть нашего флота, отправленная въ Данію и зимовавшая въ Копенгагенѣ, едва не сдѣлалась жертвой коварнаго плана одного шведскаго фанатика. Первую мысль объ истребленіи русскаго флота въ Копенгагенѣ подалъ королю Густаву его датскій министръ баронъ Г. Дальбедель. Но злой мысли не вняли. Вскорѣ за нимъ выступилъ офицеръ шведскаго флота Бенцельшерна (Benzelstjerna). По его замыслу, у ирландскаго шкипера купили судно и имѣли въ виду поставить его въ гавани на якорѣ среди русскихъ кораблей. Судно хотѣли наполнить горючими веществами и зажечь. Предварительно желали пригласить на это судно русскихъ офицеровъ и во время обѣда опоить ихъ до безсознательнаго состоянія. Адскій планъ былъ случайно открытъ; Бенцельшерна арестованъ и приговоренъ къ смерти. Его не казнили лишь въ силу заступничества Екатерины II. Объ умыслѣ Бенцельшерна зналъ король Густавъ и онъ одобрилъ и субсидировалъ всю его затѣю [354]).

Генералъ-аншефъ графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (54 л.)—сибаритъ и человѣкъ нерѣшительный,—всегда склонялся къ пассивнымъ мѣрамъ и являлся представителемъ военнаго бездѣйствія. Императрица осуждала его за склонность къ мелочамъ, но оставляла его во главѣ арміи. Всю зиму съ окт. 1788 по апрѣль 1789 г. онъ провелъ въ Петербургѣ.

Для графа Мусинъ-Пушкина на 1789 г. составили новую инструкцію, толщиной въ объемистую тетрадь. Зимнее нападеніе на Свеаборгъ «лежало на сердцѣ» Императрицы, почему главнокомандующему указывалось, что приведеніемъ его въ дѣйствіе онъ «окажетъ отечеству заслугу, которая память вашу прославитъ на вѣки». Въ заключеніи инструкціи графу Мусинъ-Пушкину пред-

писывалось помогать всѣмъ оппозиціоннымъ дѣйствіямъ финляндцевъ относительно Швеціи.

Въ началѣ мая въ распоряженіи главнокомандующаго находилось свыше 31 тыс. чел. и 102 полевыхъ орудія. Для борьбы со шведами на озерѣ Саймѣ имѣлось въ Вильманстрандѣ 10 канонерскихъ лодокъ.

Выступленіе русскихъ войскъ въ Финляндію (31 мая 1789 г.).

Швеція собрала (по Манкелю) свыше 23 тыс., да Финляндія дала до 2 тыс. рекрутъ. При войскахъ находилось 156 орудій.

Но, кромѣ того, въ теченіе зимы 1788—1789 г.г., Финляндія обнаружила большое рвеніе къ самозащитѣ. Она жертвовала людьми и деньгами. Карелія вооружалась. Здѣсь и тамъ создавались крестьянскія ополченія, которыя, помимо ихъ желанія, подчинены были офицерамъ. Улеаборгъ и Каяна выставляли милицію, получивъ за это льготы по податямъ. Военное вѣдомство укрѣпило Гангe и озаботилось сформированіемъ флотиліи канонерскихъ лодокъ на Саймѣ.

Въ началѣ іюня король Густавъ прибылъ въ Финляндію [355]).

Въ кампанію 1789 г. Мусинъ-Пушкинъ попрежнему не спѣшилъ дѣйствіями. «Шведы намъ, а мы ему ничего не сдали» писалъ гр. Завадовскій.

11 апрѣля 1789 г. Императрица писала Великому Князю Павлу Петровичу: «Вы спрашиваете у меня относительно предстоящей войны; она будетъ оборонительная, война отдѣльныхъ частей и еще скучнѣе прошлогодней».

Во главѣ флота Императрица поставила 63 лѣтняго Василія Яковлевича Чичагова, который допускалъ кровопролитіе, какъ самую непріятную и неизбѣжную крайность. Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный, отличался кротостью нрава, но энергія и предпріимчивость не составляли болѣе его выдающейся особенности, хотя въ молодые годы, вѣроятно, обладалъ запасомъ ихъ, судя по тому, что обучался въ Англіи и дважды отправился изъ Колы по направленію къ Берингову проливу для рѣшенія вопроса о пути въ Индію. Эта экспедиція была снаряжена по мысли М. В. Ломоносова «въ глубочайшей тайнѣ отъ сената». Императрица увлекалась величіемъ проекта, надѣясь, что русское открытіе затмитъ славу Васко-де-Гама. Чичаговъ, оба раза (въ 1764 и 1766 г.г.) встрѣтясь съ непроходимыми льдами, вынужденъ былъ вернуться. Однако за стараніе достичь «до повелѣннаго предмета» былъ щедро вознагражденъ со своими спутниками [356]).

ВАСИЛІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЧИЧАГОВЪ.

Передъ кампаніей 1789 г. его тоже снабдили обширнѣйшей инструкціей, которая въ состояніи была поставить всякаго въ безвыходное положеніе. Чего только не ввели въ нее! Указывалось, напримѣръ, что надо стараться перемѣнять корабли во время боя.

что хорошо всей эскадрой обрушиваться на фланги непріятеля и т. п.

Корабельный флотъ былъ довольно хорошо вооруженъ, но отъ Чичагова общество ничего не ожидало и было ему благодарно даже за то, что «выкурилъ» часть плохихъ капитановъ. Онъ извѣстенъ былъ еще своимъ нерасположеніемъ къ иностранцамъ.

Во главѣ морского вѣдомства стоялъ гр. Ив. Григ. Чернышевъ. Онъ не имѣлъ понятія о морскомъ дѣлѣ, которое его къ тому-же не интересовало. Моряки его «ни во что не ставили». Екатерина II дала ему въ помощники Ив. Логин. Голенищева-Кутузова, который при Чернышевѣ собственно и управлялъ флотомъ. Чернышевъ заслужилъ прозвище «Un marin d'eau douce et un maréchal d'eau salée». Онъ считался на всѣ руки—и юристомъ и дипломатомъ, но не морякомъ. М. М. Щербатовъ характеризуетъ его аристократомъ-европейцемъ, «не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный». При дворѣ пользовался уваженіемъ. Подолгу жилъ за границей, питалъ пристрастіе ко всему иностранному и размоталъ свое колоссальное состояніе [357]).

ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ.

И теперь, когда Швеція грозила войной, Чернышевъ находился въ Италіи, откуда кн. Потемкинъ просилъ его «вытащить». На всѣхъ верфяхъ закипѣла работа. Строились суда и снаряжался флотъ.

Графъ Ив. Гр. Чернышевъ, вовсе не посвященный въ технику морского дѣла, проявлялъ большую дѣятельность въ формѣ нескончаемыхъ запросовъ. Онъ ухитрялся иногда въ одинъ день сдѣлать 15 запросовъ главному командиру Кронштадтскаго порта. Каждый курьеръ, пріѣзжавшій къ В. Я. Чичагову, неизбѣжно привозилъ пачку вопросовъ и наставленій отъ графа Чернышева, вродѣ слѣдующаго: «о какихъ такихъ нашихъ крейсе-

рахъ показываютъ иностранные шкиперы, и зачѣмъ они ходятъ одни въ море». Адмиралъ терпѣливо отвѣчалъ: «Не безызвѣстно и вамъ, что здѣшняя эскадра уже на рейдѣ, и потому военно-морское правило требуетъ имѣть крейсерующія или разъѣзжающія суда, что отъ меня исполнено».

Чичаговъ ни во что Чернышева не ставилъ, а прямо сносился съ Государыней.

Значительная часть нашихъ сухопутныхъ войскъ была расположена по границѣ, вдоль лѣваго берега р. Кюмени; отряды находились впереди городовъ Вильманстранда, Нейшлота и Сердоболя. Генералъ-поручикъ Левашевъ расположился въ Фридрихсгамѣ, генер.-поручикъ Михельсонъ—въ Вильманстрандѣ, а генер.-м. Шульцъ — въ Нейшлотѣ, квартира главнокомандующаго оставалась въ Выборгѣ [358]).

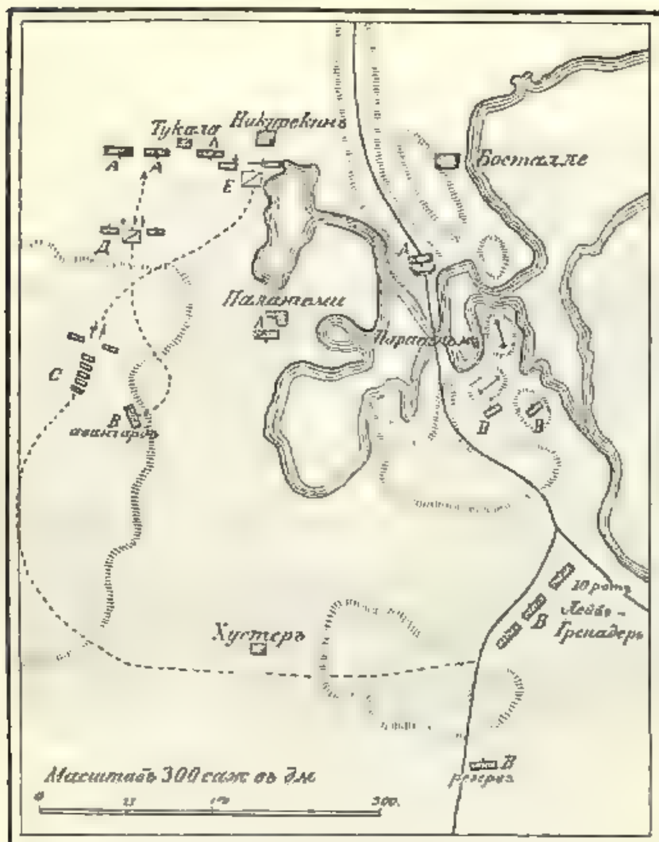

КЮРО.

Русскіе начали походъ нападеніемъ на Саволаксъ. Король-же имѣлъ намѣреніе отрѣзать дорогу между Петербургомъ и Выборгомъ (Храповицкій, 28 мая 1789 г.). Въ то время, какъ небольшіе наши отряды, подъ командою Кнорринга и Шульца, готовились черезъ Пумала и Нейшлотъ пробраться въ Саволаксъ, главная часть русской арміи, численностью около 10.000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала И. И. Михельсона, собралась около Вильманстранда. При главной русской арміи находился государственный измѣнникъ Спренгтпортенъ, хорошо знавшій эту мѣстность. Шведы поспѣшили усилить Саволакскую бригаду; къ началу іюня она насчитывала отъ 4 до 5 тыс. человѣкъ. Послѣ Гастфера начальникомъ ея состоялъ генералъ-маіоръ баронъ фонъ-Стедингкъ, дѣльный и надежный офицеръ. Онъ не въ состояніи былъ помѣшать русскимъ войскамъ вторгнуться черезъ Савитайпаль въ Саволаксъ. При Кюро Михельсонъ разбилъ (31 мая 1789 г.) шведовъ. Отличился «маленькій» Бибиковъ: онъ первымъ вскочилъ на укрѣ-

пленія. Взяли мы два орудія, 2 маіоровъ, 6 офицеровъ, 50 солдатъ, 300 человѣкъ полегло на мѣстѣ.

Башкиры, которыхъ шведы принимали за людоѣдовъ, и казаки, которыхъ боялись, многихъ потопили и побили въ лѣсу. Но въ проходѣ Порасальми, находящемся къ югу отъ С.-Михеля, Стедингкъ въ кровавой схваткѣ 2—13 іюня 1789 г. отбросилъ наступавшихъ русскихъ. Наши войска пошли на приступъ слишкомъ густой колонной и были отбиты съ урономъ въ 450 человѣкъ. Сраженіе при Порасальми было едва-ли не самымъ ожесточеннымъ изъ всѣхъ схватокъ, какія происходили между русскими и финнами.—«Страшно было,—говоритъ Бракель [359]), по окончаніи битвы, при болѣе спокойномъ настроеніи, видѣть множество человѣческихъ тѣлъ, лежавшихъ близко другъ къ другу на маленькомъ полѣ битвы. Но удивительнѣе всего было то, что много разбитыхъ враговъ приподнималось и сдавалось плѣнными. Въ пылу схватки они, не видя иного исхода бросались на землю и пролежали такимъ образомъ неподвижно—рядомъ съ убитыми».

Планъ сраженія при Парасальми
8-го Іюня 1789 г.

A — позиція Шведовъ.
B — распол. русскихъ веч. 7-го Іюня.
C — движеніе Берхмана (7 р. Л.-Гренад. п.).
D — атака Егерск. бат. и 2-хъ ротъ Л.-Гренадеръ.
E — атака колонны Берхмана

Получивъ подкрѣпленіе, русскіе 8-го іюня вновь напали на переправу при Порасальми и оттѣснили шведовъ, захвативъ на другой день С.-Михель. Русскіе приготовились обойти позицію, и такъ какъ частямъ Шульца удалось одновременно черезъ Нейшлотъ вторгнуться въ Саволаксъ, то Стедингку пришлось отступить до самаго Іоройса, гдѣ, въ концѣ іюня, вся бригада расположилась на сильной позиціи и тѣмъ помѣшала русскимъ пробраться до Куопіо. Южная же часть Саволакса оказалась въ рукахъ русскихъ [360]).

Извѣстіе о пораженіи при Порасальми огорчило Императрицу, которая по этому поводу сказала: «двадцать семь лѣтъ такого

извѣстія не получала!» Прибывшій съ поля сраженія штабъ-маіоръ Сазоновъ хвалилъ шведскаго бригадира Стедингка: ни одной горки даромъ не отдалъ, но на ровномъ мѣстѣ шведы не держутся, почему не могли отстоять С.-Михеля [361]).

Спренгтпортенъ, описывая Императрицѣ свое участіе въ Саволакскомъ походѣ, говоритъ: «Я желалъ, чтобы эта экспедиція,— планъ и идея которой принадлежатъ мнѣ,—была поручена мнѣ одному, и я полагаю, что меньшее количество головъ, волей и интересовъ имѣли-бъ болѣе хорошее вліяніе на исходъ событій, чѣмъ тѣ, которыя теперь имѣются и которыя растерзали мое сердце. Какъ бы то ни было, такъ какъ я не могъ сдѣлать что-нибудь лучше, то я счелъ себя призваннымъ выполнить не легкую роль гренадера. Съ мечемъ въ рукахъ мы взяли батарею шведовъ въ Кюрэ... То же самое мы сдѣлали въ Порасальми, но, когда я, наконецъ, упалъ на руки храбрыхъ товарищей, я съ горестью увидѣлъ приготовленіе къ отступленію, котораго нельзя было ни предвидѣть, ни понять. Необычайная судьба, казалось, въ этотъ день рѣшила причинить пораженіе во время самой побѣды».

ПОРАСАЛЬМИ (2—13 іюня 1789 г.).

Годъ спустя, Густавъ III, находясь на кораблѣ «Amphion», во время обѣда, разсказалъ своей свитѣ фактъ, удивленный тѣмъ, что она ничего не знала о немъ. Раненый баронъ Спренгтпортенъ оставался нѣкоторое время на мосту; здѣсь онъ успѣлъ написать записку, которую оставилъ незамѣтно послѣ себя на мѣстѣ. Въ запискѣ онъ просилъ Милостиваго Короля о забвеніи его тяжкихъ преступленій и давалъ совѣтъ немедленно идти на Вильманстрандъ, гдѣ не встрѣтитъ никакого препятствія [362]).

Послѣ «маленькой стычки съ русскими у Порасальми», Стедингкъ чувствовалъ себя не особенно хорошо. У него было только 2 т. регулярнаго войска на пространствѣ 25 миль. Ему прислали

людей, но то были только-что набранные рекруты. «Мое несчастіе» состоитъ въ томъ, — писалъ онъ королю,—что у русскихъ на Саймѣ находится эскадра изъ 10 шлюпокъ [363]). Въ это время, т. е. около середины іюня, шведская армія при рѣкѣ Кюмени готовилась къ наступленію. Одна часть главнаго ея отряда, подъ предводительствомъ генерала Мейерфельта, пробиралась къ Гегфорсу, поддерживаемая шхерпымъ флотомъ, подъ начальствомъ оберъ-адмирала Эренсверда. Другая часть, отъ 5 до 6 тыс. человѣкъ, руководимая королемъ, при Вереле, перешла рѣку Кюмень. Въ письмѣ къ Стедингку Густавъ III описалъ свои подвиги такъ: «14—25 числа (іюня) мы съ арміей перешли рѣку, а 28 (17) атаковали 5-ти тысячный корпусъ, пришедшій изъ Давидштадта и, хотя у насъ было только 1.500 чел., мы ихъ побили, разстроили ихъ ряды и преслѣдовали до лагеря. Если бы я имѣлъ кавалерію, то побѣда была бы полная. Они окопались въ Кайтіайсѣ. Вчера (30 іюня н. ст.) мы овладѣли Viala... Я болѣе всего разсчитываю на огромную артиллерію, которую веду съ собой; ей я обязанъ побѣдой при Уттисмальмъ. Тутъ войска оказываютъ превосходное мужество» [364]). Вмѣсто того, чтобы спѣшно направиться впередъ къ Вильманстранду и отрѣзать отступленіе Михельсона изъ Саволакса, король съ большой частью своего отряда повернулъ на югъ къ Ликала, гдѣ остался довольно долго. Небольшой отрядъ, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Каульбарса, нѣсколько позже напалъ на русскихъ при Кайтіайсѣ, но, не получивъ обѣщанной поддержки со стороны короля, долженъ былъ отступить, подъ натискомъ генералъ-маіора Денисова. Король заблагоразсудилъ дать затѣмъ рядъ малыхъ стычекъ наступавшимъ русскимъ и отступить черезъ Кюмень [365]). На сухомъ пути,—по мнѣнію гр. А. А. Безбородко,—«надѣлали довольно дурачествъ» [366]).

Пока на сушѣ происходили мелкія сраженія, большой военный флотъ 25 іюня—6 іюля приготовился къ отплытію изъ Карлскроны. Недостатокъ въ деньгахъ и всякаго рода припасахъ, слабость и безпорядокъ въ управленіи и, наконецъ, болѣзненность среди войскъ помѣшали герцогу Карлу раньше быть готовымъ къ походу. Прежде всего предстояло помѣшать большому русскому военному флоту, который шелъ изъ Финскаго залива въ Балтійское море на соединеніе съ русской военной эскадрой (Козлянинова), находившейся въ Копенгагенѣ. 15—26 іюля равносильные

противники встрѣтились къ югу отъ Эланда. Русскій адмиралъ В. Я. Чичаговъ не желалъ битвы, но герцогъ принудилъ его принять ее. Сраженіе было вялое; въ бою участвовали лишь авангардъ и арріергардъ. Позади шведовъ находилась еще дивизія изъ флота, подъ командою контръ-адмирала Лильегорна, бывшаго вице-ландмаршала послѣдняго риксдага. Онъ упорно держался за линіей и, несмотря на безчисленные сигналы съ судна командира, нельзя было заставить его плыть впередъ и принять участіе въ боѣ. При наступленіи ночи оба сражавшихся флота разошлись безъ всякаго результата. Профессоръ военно-морской академіи въ Килѣ, адмиралъ Киркгофъ, пишетъ по поводу Эландскаго сраженія: «По правдѣ говоря, о побѣдѣ шведовъ не можетъ быть и рѣчи... Послѣ боя Чичаговъ оставался вблизи шведской эскадры» [367]). Въ донесеніи же герцога Зюдерманландскаго дѣло превратилось въ блестящую побѣду. Со словъ своего брата, король Густавъ писалъ Стедингку: «(русскій) флотъ пришелъ въ безпорядокъ и бѣжалъ, мой братъ преслѣдовалъ его на всѣхъ парусахъ... Письмо герцога помѣчено: съ адмиральскаго судна, гонящаго русскій флотъ между Курляндіей и Аландомъ» [368]). Вслѣдствіе неуспѣха шведовъ обѣимъ русскимъ эскадрамъ удалось (23 іюля) соединиться, и герцогъ вернулся со своимъ военнымъ флотомъ въ Карлскрону, которую послѣ того не долго блокировали русскіе, «дабы обнаружить по крайней мѣрѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ, что флотъ шведскій не дерзаетъ выступить изъ порта своего» и что русскій флотъ владычествуетъ на Балтійскомъ морѣ [369]). Увеличивающаяся болѣзненность и безпорядки, а также упорство среди крайне опозиціонно настроенныхъ морскихъ офицеровъ сдѣлало невозможнымъ дальнѣйшее плаваніе шведскаго флота, за исключеніемъ непродолжительнаго его выхода въ Балтійское море позднею осенью.

Лильегорнъ отданъ былъ подъ военный судъ и осужденъ къ смерти, но помилованъ королемъ за заслуги, оказанныя имъ во время риксдага.

Екатерина также осталась недовольна дѣйствіями Балтійскаго флота и написала совѣту: «Изъ полученныхъ реляцій адм. Чичагова видно, что шведы атаковали его, а не онъ ихъ, что онъ съ ними имѣлъ перестрѣлку, что въ оной потерялъ капитана бригаднаго ранга и нѣсколько сотъ прочихъ воиновъ безъ всякой пользы Имперіи, что, наконецъ, возвратился въ здѣшніе воды, будто ради прикрытія залива Финскаго. Я требую, чтобы поведеніе адмир. Чичагова въ Совѣтѣ сличено было съ данною ему

инструкціей...». Совѣтъ оправдалъ дѣйствіе Чичагова, «опричь возвращенія къ Финскому заливу» [370]).

Пруссаки и англичане, по ихъ недоброжелательству къ намъ, ободряли «вѣтреннаго шведа» и намъ приходилось сносить всѣ его непріятности, такъ какъ «политика безъ силъ оружія всегда слабая надежда». Мы платились теперь за пренебрежительное отношеніе къ сосѣду. Приходилось Бога молить о дарованіи миръ мирови, какъ писалъ гр. П. В. Завадовскій.

ПРИНЦЪ НАССАУ-ЗИГЕНЪ.

«Дѣла наши идутъ не слишкомъ хорошо, сообщалъ другой современникъ, гр. А. А. Безбородко, гр. Воронцову (9 іюля 1789 г.)... Галеры наши теперь дошли до Фридрихсгама. Цѣлый годъ ихъ вооружали, и то неисправны. Ни знанія, ни доброй воли ни у кого не было... Командиръ ихъ, принцъ Нассау, при неисправности вооруженія, болѣе еще затѣваетъ и всего требуетъ, а между тѣмъ, дѣло медлится» [371]).

Всѣ взоры и надежды тѣмъ не менѣе обращены были теперь на принца Нассау.

Принцъ Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ Нассау-Зигенъ (род. 1745 г.)—маршалъ французской арміи, испанскій грандъ, богатый польскій помѣщикъ и теперь наконецъ-адмиралъ русскаго флота. Нассау отличался физической силой и красивой наружностью. Война была его ремесломъ. Отзывы современниковъ о немъ раз-

личны. Одни находили его пріемы холодными, его манеры—заурядными, его разговоры—плоскими. Другіе видѣли его поразительную энергію и величайшее презрѣніе къ смерти. Одинъ изъ его современниковъ писалъ: «Принцъ Нассау благородно мыслитъ и честно поступаетъ. Онъ говоритъ, какъ думаетъ, а думаетъ онъ рыцарски благородно». Его неустрашимость признавалась, кажется, всѣми [372]). Въ 1786 г. этотъ авантюристъ прибылъ въ южную Россію, гдѣ понравился князю Потемкину. Въ Турецкой кампаніи (1788 г.), командуя очаковской гребной флотиліей въ Днѣпровскомъ лиманѣ, одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ турками. 6 мая 1789 г. его назначили главнымъ начальникомъ всей гребной флотиліи Финскаго залива. Современники не могли, конечно, равнодушно отнестись къ возвышенію этого —въ ихъ глазахъ, нѣсколько сумасброднаго — иностранца, который зналъ только два русскихъ командныхъ слова: «впередъ» (пиротъ) и «греби» (гриби), за что наши матросы прозвали его «пирогъ и грибы». — Наблюдая въ Кронштадтѣ за работами на галерномъ флотѣ, онъ ежедневно посылалъ донесенія Императрицѣ на французскомъ языкѣ со множествомъ орѳографическихъ ошибокъ и безпрестанно жаловался на бездѣятельность вице-президента адмиралтействъ-коллегіи графа И. Г. Чернышева.

Во время военныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Финляндіи особую пользу могла оказать шхерная флотилія, а она-то менѣе всего была приготовлена для предстоявшей кампаніи. Ни офицеровъ, ни матросовъ въ достаточномъ количествѣ не имѣлось. Вмѣсто матросовъ пользовались вольнонаемными крестьянами, которыхъ хотя и называли водоходцами, но—«оные водоходцы ни па какихъ судахъ на водѣ не бывали». Лоцмановъ вовсе не имѣлось. Безпорядки царили повсюду. Дѣло дошло до того, что безъ вѣдома принца Нассау хотѣли отправить въ море эскадру графа Литта. Императрица, узнавъ объ этомъ, написала графу И. Г. Чернышеву: «Ему (принцу Нассау) отъ меня рескрипты и команда не для бобовъ дана» [373]). Принцъ Нассау, видя противодѣйствіе графа Чернышева, помышлялъ даже объ уходѣ. Графъ Безбородко былъ правъ: цѣлый годъ вооружали флотилію и тѣмъ не менѣе она не была въ боевой готовности.

Въ началѣ іюня флотъ былъ, наконецъ, снаряженъ. Въ наличности имѣлось 72 судна, 600 орудій и 10.500 человѣкъ, среди которыхъ находилось около 5 тысячъ гвардейскихъ и армейскихъ солдатъ, даже 50 казаковъ и 117 плѣнныхъ турокъ

для гребли. Въ рескриптѣ отъ 4 іюня Императрица пожелала, чтобы «вѣтеръ и великое счастіе содѣйствовали усердію».—«Русскіе—удивительный народъ, писалъ принцъ своей женѣ: даже ничтожная практика на небольшомъ переходѣ принесла уже много пользы. У шведовъ будутъ, быть можетъ, болѣе опытные офицеры, но постараюсь доказать, что храбрость все превозмогаетъ».

НАЧАЛО СРАЖЕНІЯ ПРИ СВЕНСКЗУНДѢ (РОЧЕНСАЛЬМѢ).

Начался рядъ непріятностей. Графъ Мусинъ-Пушкинъ жаловался Императрицѣ (23 іюня) на «дѣятельность галернаго флота, о коемъ я болѣе шести дней даже и рапорта ни отъ кого не получалъ». «При свиданіи моемъ съ принцемъ,—писалъ графъ Мусинъ-Пушкинъ графу Безбородко,—худую я надежду имѣю на нашу флотилію, я и онъ самъ не очень смѣло *берется показатца* непріятелю»[374]).

Нѣсколько позже принцу сталъ проявлять свою строптивость вице-адмиралъ Крузъ. Послѣдовали рапорты и разборы. «Это какой-то чертъ», писалъ о немъ Нассау своей женѣ (7 авг.). «Этотъ дьяволъ Крузъ совершенно измучилъ меня». Дерзкое его письмо было переслано Императрицѣ, и она вмѣсто Круза назначила Балле (грекъ по происхожденію).

Послѣ большихъ трудовъ, шхерная флотилія, едва выйдя въ море, возбудила рядъ мечтаній и надеждъ у нашихъ начальниковъ. «Боже мой,—писалъ Нассау своей женѣ,—какъ было бы мило отправить короля въ Петербургъ. Императрица его приняла бы весьма благосклонно». Наши начальники отлично понимали, что плѣненіемъ Густава можно было положить конецъ всей кампаніи. Но тѣмъ не менѣе разладъ между ними не прекращался,

СРАЖЕНІЕ ПРИ РОЧЕНСАЛЬМѢ. ПОБѢДА РУССКИХЪ (13—24 авг. 1789 г.).

а Мусинъ-Пушкинъ не покидалъ своего пассивнаго отношенія къ дѣлу.

Начальникомъ шведской шхерной флотиліи состоялъ оберъ-адмиралъ Эренсвердъ.

«Шведы прежде насъ въ морѣ», съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ сказала Императрица. «Намъ стыдно, что шведы прежде насъ въ морѣ», повторяетъ Храповицкій.

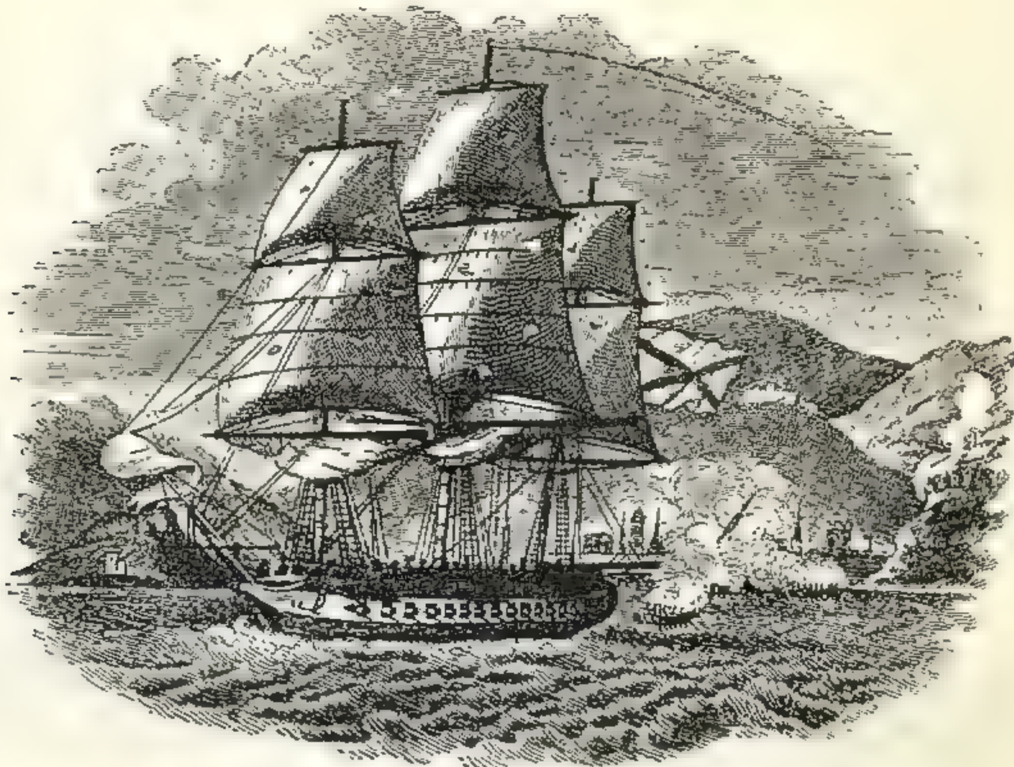
3 іюля принцъ Нассау сталъ на якорь у входа въ Фридрихсгамскую бухту.

Шведы заняли Роченсальмскій рейдъ (по фински—Руотсенсальми, а по шведски—Свенскъ-Зундъ).

Принцъ въ письмѣ къ женѣ выразилъ удивленіе, что «шведы не устроили батарей на островахъ, мимо которыхъ мнѣ предстояло идти, они могли бы сильно затруднить мнѣ путь . . . Въ ры-

бачныхъ лодкахъ плавалъ я отъ острова къ острову и убѣдился, что шведы заняли неприступное положеніе—выбить ихъ невозможно. Надо создать иной планъ борьбы» [375]).

Цѣлый мѣсяцъ противники простояли другъ противъ друга, успѣвъ отлично взаимно высмотрѣть позиціи и сосчитать силы. 4 августа шведы произвели большую демонстрацію, желая выманить Нассау-Зигена на отдѣльное сраженіе. Послѣ часовой канонады шведы удалились. Сраженіе послужило урокомъ для рус-

Фрегатъ Австроиль, взятый у шведовъ въ Роченсальмскомъ сраженіи 13 авг. 1789 г.

скихъ, и они заняли позиціи ближе къ непріятельской флотиліи, отдѣленной отъ принца цѣпью островов, на которыхъ воздвигнуты были шведами батареи.

Время шло. Принцъ усердно доносилъ Императрицѣ о своихъ работахъ и планахъ, обнадеживая ее. «Madame! Смѣю увѣрить Ваше Величество, что мы можемъ захватить всю шведскую гребную флотилію, если-бы» . . . (7 іюля). «Надѣюсь скоро достичь того момента, котораго я такъ пламенно ожидалъ» (12 авг.). Суда были въ сборѣ. Атака подготовлена.

Въ моментъ открытія огня у Нассау-Зигена было 56 гребныхъ, а всего 66 судовъ; на нихъ 879 орудій.

Въ шведской флотиліи у оберъ-адмирала Эренсверда находилось всего 62 боевыхъ судна (изъ нихъ 13 болѣе крупныхъ) и 783 орудія, но по вѣсу одновременно выбрасываемаго изъ орудій

металла шведская артиллерія была значительно сильнѣе русской. По числу же судовъ наши силы превышали силы противника, хотя шведскія суда были прочнѣе выстроены и станки ихъ орудій лучшей конструкціи. Въ нашемъ распоряженіи находилось до 13 тысячъ, у шведовъ только 10 тысячъ человѣкъ.

Эренсвердъ полагался на свою крѣпкую оборонительную позицію, почему рѣшился принять бой.

Ночная заря 12 августа погасла, небо заволокло густыми облаками. Всѣ приготовились къ сраженію. Съ юга отъ шведовъ доносился шумъ веселъ и условные возгласы. Слышенъ былъ стукъ топоровъ: шведы заваливали и запирали роченсальмскій проходъ, затапливая въ немъ транспортныя суда. Къ утру все смолкло.

13 августа съ утра дулъ тихій южный вѣтеръ. Небо оставалось покрытымъ облаками. Небольшой туманъ растилался на бурыхъ окрестныхъ возвышенностяхъ. Въ $6^1/_2$ час. утра послѣдовалъ общій сигналъ: «приготовиться къ бою». Въ 10 час. новый сигналъ: «атаковать непріятеля». Раздался первый боевой выстрѣлъ, брызнулъ фонтанъ воды около непріятельскаго судна. Открылся бѣглый огонь. Выстрѣлы гудѣли чаще и чаще. Вѣтеръ мѣнялся. Дымъ застилалъ мѣсто сраженія. Послѣ 11 час. на адмиральской галерѣ показался сигналъ: «идти въ атаку».—Картина боя все развертывалась въ своей ужаснѣйшей красѣ. Одна изъ нашихъ галеръ взлетѣла на воздухъ. Бой продолжался уже болѣе трехъ часовъ безъ всякихъ видимыхъ результатовъ. Особенно страдала отъ непріятельскихъ выстрѣловъ наша парусная эскадра ген.-маіора Балле. Противники ожесточались. Бой становился упорнѣе и кровопролитнѣе.—«Терплю бѣдствіе»—сигнализировалъ Рябининъ, добросовѣстно исполнявшій свой долгъ. «Терплю бѣдствіе»—увѣдомлялъ штурманъ Екимовъ, когда ядра обломали ему борта и разбили весла.—«Терплю бѣдствіе»—сообщалъ штурманъ Яровъ, лишившись буксирной шлюпки. «Терплю бѣдствіе»—поднялъ сигналъ на шебекѣ «Быстрой» ея начальникъ. Шведскія ядра пробивали насквозь оба ея борта. Орудія у пакетбота «Поспѣшный» были подбиты и вѣтромъ его несло къ шведскимъ судамъ. Его начальникъ былъ убитъ, его команда наполовину перебита. Новые и новые сигналы: «Терплю бѣдствіе»... Около 4 час. пополудни было ясно, что наша вспомогательная эскадра начала ослабѣвать. На нѣкоторыхъ судахъ команда была скошена, не хватало зарядовъ, многія орудія были подбиты.

Король Густавъ, узнавъ о началѣ сраженія, около 9 час. утра, поспѣшно одѣлся и поѣхалъ на одинъ изъ острововъ, откуда съ горы слѣдилъ за боемъ [376]).

Тяжелые часы переживалъ Нассау-Зигенъ. Ему съ утра говорили, что выходъ запруженъ шведами, но онъ не вѣрилъ.— Теперь, послѣ долгаго сраженія, онъ убѣдился, что всѣ доступы къ шведской флотиліи заперты. «По счастью для Нассау-Зигена обстоятельства, независимо отъ него самого, постепенно у него измѣнялись подъ руками», говоритъ историкъ этой войны В. Ф. Головачевъ. Мелкія суда ощупывали камни и искали проходовъ.

ГРАФЪ ЛИТТА.

Участникъ этого сраженія С. А. Тучковъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что цѣлый день тщетно искали прохода въ проливѣ. Дѣлу помогъ случай. Нѣсколько солдатъ высадились на островъ, желая набрать прѣсной воды. Они неожиданно нашли конецъ каната, соединявшаго затопленныя суда. Они отрубили его. Узнавъ объ этомъ, принцъ послалъ людей и на другіе острова. Канаты всюду удачно были отрублены, и теченіе помогло разнести затопленныя суда. Такимъ образомъ русскимъ удалось уничтожить на своемъ пути главное препятствіе.

Матросы и гвардейскіе солдаты неустрашимо въ дыму и водѣ возились около шведскихъ затопленныхъ транспортовъ. Они работали ломами, баграми, топорами. Добрались до обшивки затопленныхъ судовъ и стали срывать ее. Офицеры работали наравнѣ съ ихъ подчиненными. Около пяти часовъ пополудни радостный крикъ «ура» огласилъ воздухъ: одна канонерская лодка изъ авангарда графа Литта прорвалась на рейдъ сквозь загражденіе. За ней послѣдовали другія. Онѣ быстро выстраивались, стрѣляли картечью и изъ ружей почти въ упоръ въ шведскія суда.—Дымъ не разсѣевался. Люди устали до изнеможенія.

Было 8 час. вечера. Затопленныя шведами суда болѣе и болѣе разламывались, части ихъ растаскивались, проходъ ширился,

и, наконецъ, въ Королевскія ворота могли протиснуться галеры. Наше торжество близилось. Цѣлый потокъ русскихъ судовъ ринулся на шведскую эскадру. Рейдъ огласился трескомъ выстрѣловъ и ободрявшими криками. Шведскія суда, защищавшія Роченсальмскій проходъ, спѣшили уйти. Эренсвердъ, видя невозможность далѣе держаться, отдалъ приказаніе ретироваться къ Ловизѣ, а самъ отправился къ королю на островъ Котку.

Первой добычей сдѣлались наши собственныя суда, взятыя шведами изъ эскадры Балле. Затѣмъ захваченъ былъ шведскій фрегатъ и далѣе двѣ турумы и, наконецъ, послѣ полуночи, адмиральское судно «Бьёрнъ-Іернсида». Но до сдачи на его палубѣ геройски пали четыре командира и вся команда. Только тогда прекратилась стрѣльба по этому судну, когда находившіеся на немъ русскіе плѣнные закричали осаждавшимъ, что ее болѣе защищать некому. Всѣ полегли, честно и мужественно исполнивъ свой долгъ. Слава храбрымъ! Только въ два часа утра 14 августа, когда справились съ удивительной защитой адмиральской турумы, окончилось сраженіе.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БИБИКОВЪ.

Часа два спустя на сѣверѣ показалось огромное пламя: на маломъ роченсальмскомъ рейдѣ шведы предали огню болѣе 30 своихъ малыхъ судовъ и транспортовъ: выразительный конецъ упорнаго сраженія. Въ нашемъ плѣну оказалось 37 офицеровъ 1.100 нижнихъ чиновъ. Мы потеряли 15 офицеровъ убитыми и 39 ранеными, 368 нижнихъ чиновъ убитыми и 589 ранеными, а 22 попало въ шведскій плѣнъ. Нами было израсходовано 19 тысячъ снарядовъ.

Изъ участниковъ сраженія, имена коихъ впослѣдствіи стали пользоваться заслуженной славой, назовемъ Дм. Серг. Дохтурова

(1756—1816 г.) и А. А. Бибикова. Оба проявили въ отрядѣ принца Нассау выдающуюся храбрость. Дохтуровъ—будущій герой 12 года—былъ два раза раненъ. А. А. Бибиковъ также былъ раненъ и заслужилъ Георгія 4 ст. Дохтуровъ такъ любилъ русскихъ, что «самые недостатки русскаго народа казались ему выше достоинства иностранцевъ».

Большая доля отвѣтственности за неуспѣхъ шведовъ падаетъ на короля Густава, на его неспособность управлять движеніями войскъ. Одно безцѣльное распоряженіе смѣнялось другимъ еще болѣе безцѣльнымъ. Графъ Эренсвердъ просилъ разрѣшеніе отступить къ Свартгольму, какъ болѣе для него удобному опорному пункту, и тамъ ожидать другой части своей шхерной флотиліи . . . Король отвѣтилъ: «Ежели приведенные мною доводы не побудятъ васъ остаться тамъ, гдѣ вы находитесь, чтобъ дать сраженіе непріятелю, то вы можете отступить къ Свеаборгу; но знайте, что тѣнь вашего отца будетъ укорять васъ съ валовъ этой крѣпости за то, что вы искали въ ней убѣжища съ флотиліей, имъ созданной, не давъ ей предварительно возможности выказать впервые свою доблесть при оборонѣ отечества». Эренсвердъ уступилъ и остался. А вечеромъ онъ, придя въ лагерь шведовъ, долженъ былъ сказать: «Me voilà; je suis battu». Въ палаткѣ же короля произошелъ такой разговоръ:

КАРЛЪ-АВГУСТЪ ЭРЕНСВЕРДЪ (1745—1800).

— «Добрый вечеръ, графъ Эренсвердъ, какъ обстоитъ съ моимъ флотомъ?

— «Вашему Величеству извѣстно, что онъ разбитъ.

— «Да, я знаю . . . ; но сколько изъ него осталось?

— Мало или ничего».

Король не хотѣлъ вѣрить, чтобы большая часть флота не спаслась [377]). Шведы очень осуждали короля, который по упрямству не разрѣшилъ адмиралу отступить къ Свартгольму.

«Мы одержали, принцесса, большую побѣду,—писалъ Нассау-Зигенъ своей женѣ. Я совершенно здоровъ, хотя бой длился четырнадцать часовъ и изъ нихъ десять часовъ очень жаркій. Не

думаю, чтобъ могло быть сраженіе болѣе упорное . . . Не знаю, зачѣмъ пишу вамъ всѣ эти подробности,—умирая отъ усталости—двадцать девять часовъ я на ногахъ и въ хлопотахъ».

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи Нассау-Зигенъ (14 авг. 1789 г.) писалъ: «По милости Божіей, послѣ самаго упорнаго сраженія, которое когда-либо происходило, мы одержали большую побѣду» [378]).

Петербургъ возликовалъ. Особенно радовалась Императрица. Она благодарила принца письмомъ, поздравила его «со славою» и одержанной «знатной побѣдой». Его храбрость она назвала геройскою (16 авг. 1789 г.). Екатерина сравнивала сраженіе при Роченсальмѣ (Свенскзундѣ) съ Чесменскою битвою. Принцъ Нассау имѣлъ рѣдкое счастье одержать двѣ побѣды на Черномъ и Балтійскомъ морѣ и въ теченіе одного года взять турецкій адмиральскій корабль и шведскій. Ему пожалованы знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго, гр. Литта былъ украшенъ Св. Георгіемъ 3 ст., Слизовъ получилъ бригадирскій чинъ и т. д. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ, даны были серебряныя медали съ надписью «за храбрость на водахъ финскихъ» (13 авг. 1789 г.) [379]). Нассау-Зингенъ сдѣлался героемъ похода 1789 г. Ему оказали въ Петербургѣ блестящій пріемъ; для него въ Эрмитажѣ играли оперу «Горе-Богатырь». Императрица помогала ему при составленіи брошюры въ отвѣтъ на выпадъ «Гамбургской газеты». Сколь ни тученъ былъ принцъ Нассау-Зигенъ, опираясь на славу своихъ дѣлъ, онъ свободно вращался въ сферахъ Петербурга, при условіи покорности его свѣтлости Потемкину. Кредитъ принца ничѣмъ не былъ поколебленъ. Онъ все критиковалъ; честь, слава, довѣренность—все принадлежало ему.

ПРИНЦЪ НАССАУ-ЗИГЕНЪ.
(1745—1808).

Успѣхъ, конечно, окрылилъ Нассау, и онъ вновь размечтался. Онъ имѣлъ свиданіе съ главнокомандующимъ. У принца родилась надежда атаковать шведовъ на сушѣ и взять въ плѣнъ короля Густава [380]). Но опять затрудненіе и непріятности. «Мнѣ стоитъ болѣе труда привести все въ движеніе,—писалъ принцъ, —чѣмъ одер-

жать побѣду надъ непріятелемъ, который, впрочемъ, сражался храбро».

«Его Величество король шведскій убѣжалъ» по направленію къ острову Аборфорсу, писала Екатерина II своему сыну 25 августа 1789 г.

Мы господствовали въ шхерахъ, послѣ пораженія шведовъ при Роченсальмѣ. «Но дѣла шведовъ не мало отъ того не ухудшились въ общемъ смыслѣ». Флотъ корабельный ихъ остался неуязвимъ въ Карлскронѣ. Результаты Роченсальма сгладились еще вслѣдствіе крайней неспособности графа Мусинъ-Пушкина. Императрица рѣшительно требовала (20 авг. 1789 г.) «внести оружіе наше въ землю непріятельскую . . . . . и простереть дѣйствія наши до Гельсингфорса. Овладѣвъ мѣстомъ симъ, овладѣемъ мы почти всею Финляндіею». Далѣе въ томъ же рескриптѣ значилось: «Объявляемъ рѣшительную волю нашу на распространеніе дѣйствій противу непріятеля» [381]). Графъ Валентинъ Платоновичъ представилъ затрудненія, препятствующія къ перенесенію оружія за р. Кюмень. Императрица тогда спросила, полагаетъ-ли онъ оставить свои оборонительныя войска въ полномъ «недѣйствіи»? И тутъ же сейчасъ Императрица выразила опасеніе, что шведы вновь въ состояніи будутъ укрѣпиться въ Гегфорсѣ и намъ придется начинать новую кампанію «паки съ тѣхъ пунктовъ», съ которыхъ начали послѣднюю.—Въ слѣдующемъ рескриптѣ графу было указано, что время непроизводительно расходуется на переписки съ нимъ, тогда какъ «въ военномъ ремеслѣ» менѣе всего можно тратить время. «Какія пользы находите, въ подобномъ недѣйствіи арміи нашей» [382])? Письма Императрицы свидѣтельствовали о ея недовольствіи. Но говорить графу Мусинъ-Пушкину значило тратить слова. «Пушкинъ не оказалъ въ себѣ побѣдительныхъ способностей» (гр. Завадовскій). Въ собственноручной запискѣ Ея Императорскаго Величества генералу Тутолмину выражалось горячее желаніе «всѣхъ согласить» на дружное дѣйствіе.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ въ теченіе двухъ кампаній находилъ невозможнымъ переступить пограничную черту. Въ его «Дневныхъ запискахъ» находимъ объясненіе его дѣйствій. Побѣда при Роченсальмѣ произошла настолько поздно, что переходить границу не представляло уже особыхъ выгодъ. Тѣмъ не менѣе онъ готовился къ выступленію и 20 сентября былъ готовъ перейти за Кюмень,

но въ это время было получено Высочайшее повелѣніе остановить предпріятіе. Въ началѣ октября гр. Мусинъ-Пушкинъ уѣхалъ въ Выборгъ, а войска разошлись на зимнія квартиры [383]).

Императрица жаловалась на «глупое, унылое и слабое поведеніе гр. Пушкина». «Онъ, каналья, pardonnez le terme, en un mot c'est une bête» [384]).

Въ 1789 г. (съ іюля) къ ходу военныхъ операцій припутывались дѣла дворцовыя. Сперва курьеры изъ Финляндіи являлись къ гр. А. И. Мамонову. Теперь пакеты отвозились къ дежурнымъ генералъ-адъютантамъ, и происходила задержка съ отвѣтами. Новый фаворитъ Зубовъ пока, видимо, не касался финляндскихъ дѣлъ. Петербургскія сферы интересовались болѣе перемѣною фаворита, чѣмъ дѣйствованіями галернаго флота [385]). Звѣзда А. М. Мамонова закатилась, и гр. Мусинъ-Пушкинъ лишился главной своей опоры (Зап. Гарновскаго, 18 сент. 1789 г.).

ГР. В. П. МУСИНЪ-ПУШКИНЪ.

Кромѣ того, у гр. Валентина Платоновича съ Михельсономъ происходили нелады. На графа роптали (1789 г.). Недоволенъ былъ и принцъ Нассау-Зигенъ: у него онъ отнялъ съ галеръ часть войска. Потомъ отдалъ. За Михельсономъ имѣлись прежнія заслуги по усмиреніи пугачевщины, и онѣ не забывались. Михельсонъ, считая шведскую армію въ 14 т., признавалъ непонятнымъ допущеніе ея въ наши предѣлы.

«Ему, Пушкину, впредь не командовать, понеже не умѣетъ»,— писала Императрица. — «Гвардія его бранитъ, также и казаки, и самъ Денисовъ». И тѣмъ не менѣе онъ получилъ за Шведскую войну: золотую шпагу, Владиміра 1-ой ст. и алмазы на Андреевскую звѣзду.

Финляндская армія шведовъ не была ослаблена. «Сеголѣтняя противу шведовъ кампанія, несмотря на побѣду, галернымъ флотомъ одержанную, — писалъ А. А. Безбородко гр. С. Р. Воронцову,—не принесла никакой пользы по крайней неспособности

графа Пушкина, человѣка нерѣшимаго, непроворнаго и водимаго всякимъ, кто хочетъ и, особливо, кто умѣетъ говорить, ничего не дѣлая. Правда, что рѣшено его смѣнить и съ нимъ нѣсколько генераловъ малоспособныхъ; но кѣмъ ихъ замѣнять? Особливо я боюся, чтобъ, вопреки кандидатовъ, къ тому предложенныхъ (графа Салтыкова, который также не Евгеній и не Вилларъ, и барона Миллера), не предпочтенъ былъ храбрый вашъ бывшій за Дунаемъ предводитель князь Юрій Долгоруковъ. На флотѣ много есть хорошихъ капитановъ, но ни одного флагмана. Чичаговъ думаетъ, что поступаетъ по регламенту довольно . . . Крузъ былъ бы лучше, но для отряда, а не цѣлаго флота, ибо горячъ слишкомъ, тяжелъ и не проворенъ». Безбородко не отказываетъ Крузу въ рѣшительности и храбрости, но характеризуетъ его до крайности лѣнивымъ, спѣсивымъ и заносчивымъ [386]).

ГЕНЕРАЛЪ МИХЕЛЬСОНЪ.

Такимъ образомъ и эта продолжительная кампанія для обѣихъ сторонъ кончилась ничѣмъ. Силы Швеціи истощались, а къ желаемому миру не приблизились. Тщетно король Густавъ искалъ поддержки и помощи. Переговоры съ Англіей и Пруссіей привели лишь къ незначительному займу въ послѣдней. Въ теченіе зимы король Густавъ, какъ и въ предыдущемъ году, напрасно искалъ мира. Екатерина объявила Прусскому правительству, что ея условія мира суть утвержденіе Ништадтскаго и Абоскаго мировъ, амнистія аньяльцамъ и внесеніе вновь въ Форму Правленія Швеціи запрещеніе королю безъ согласія государственныхъ чиновъ начинать войну [387]).

«Въ эту кампанію,—писалъ Стедингкъ королю,—мы уничтожили у русскихъ болѣе 4 тысячъ убитыми, ранеными и военноплѣнными; но мы видимъ ихъ постоянно восполненными еще въ бо̀льшемъ числѣ. Это голова гидры. Наше положеніе не таково: самыя наши побѣды насъ ослабляютъ» [388]).

Но Густавъ даже послѣ Свенсксунда не палъ духомъ: «Терпѣніе», — писалъ онъ Стедингку: «я убѣжденъ, что если мы

выдержимъ еще кампанію, то въ состояніи будемъ заключить выгодный миръ, каковъ онъ и былъ-бы безъ этой несчастной битвы».

Предъ лицомъ Европы, въ «Гамбургской Газетѣ», Густавъ изобразилъ это сраженіе съ большими отступленіями отъ истины. Принцъ Нассау рѣзко возразилъ королю. Онъ писалъ, что съ «негодованіемъ» прочелъ статью и удивляется, что имя короля связано съ подобнымъ произведеніемъ. Но принцъ надѣется, что его величество также недоволенъ статьей и потому не откажется опровергнуть ее.—Этого требуетъ «ваша любовь къ правдѣ». Я убѣжденъ,—продолжалъ принцъ,—что Ваше Величество хорошо знакомы съ правилами чести и одобряете горячность, съ которою я защищаю мою честь».—Далѣе слѣдуетъ по пунктамъ рядъ опроверженій статьи.—Въ составленіи возраженія принца Нассау приняла участіе Императрица. Брошюра эта на французскомъ языкѣ была напечатана въ Петербургѣ въ 1789 г. и по внѣшнему виду схожа съ «Примѣчаніями и историческими объясненіями», появившимися въ опроверженіе объявленія Густава III.

Зимнее время пріостановило войну съ Россіей; флотъ уведенъ въ гавани Швеціи; съ Даніей заключено перемиріе; аньяльскій заговоръ разсѣянъ; національное настроеніе замѣтно поднялось,—короче, все измѣнилось настолько благопріятно для короля, что теперь онъ могъ добровольно исполнить требованія возмутившихся офицеровъ. Онъ въ состояніи былъ предстать предъ членами риксдага, не опасаясь обвиненія въ нарушеніи основныхъ законовъ и не страшась того, что его вынудятъ на конституціонную уступку, могущую превратить титулъ короля въ этикетку безъ реальнаго значенія. Поэтому Густавъ манифестомъ пригласилъ представителей четырехъ сословій на риксдагъ 15/26 января 1789 г. Нѣсколько ранѣе онъ самъ прибылъ въ Стокгольмъ, радушно принятый населеніемъ. Вездѣ короля сопровождали народныя восклицанія, свидѣтельствовавшія о его популярности.

Дни передъ созывомъ риксдага отмѣчены двумя личными воззваніями Густава, изъ которыхъ приведемъ то, которымъ онъ обратился къ финскому народу. Король, напомнивъ финнамъ о той связи, которая соединяетъ ихъ съ нимъ и материнской землей, и объ участи, которая ихъ ожидаетъ, въ случаѣ, если она порвется, продолжалъ: «Еще никто изъ шведскихъ королей чаще меня не посѣщалъ вашъ край и не употребилъ большихъ заботъ для излеченія тѣхъ ранъ, которыя нанесены были странѣ во

время войны дикими поступками русскихъ. Старѣйшіе изъ васъ, вѣроятно, еще съ ужасомъ вспоминаютъ, какъ оскверняясь церкви, какъ сжигались города и деревни, опустошались берега, младенцы вырывались изъ объятій матерей, женщины насиловались и какъ голодъ, сопровождаемый тяжкими страданіями, гасилъ жизнь тѣхъ, которые, обнаженные и лишенные всего ,избѣгли убійства и пожара. Чтобъ предупредить подобныя несчастія, мы и прибыли къ вамъ съ собранной воинской силой, и благодаря помощи Всевышняго вы еще не испытали неудобствъ, которыя сопровождаютъ самую счастливую войну. Неожиданное нападеніе другого сосѣда (Даніи) заставило насъ вернуться въ Швецію. Мы разстались съ вами не безъ нѣжныхъ чувствъ, и мы смѣло могли передать вашу защиту любезному брату, храбрость котораго вознаграждена уже побѣдой. Дѣла государства не позволяютъ намъ еще по собственному влеченію возвратиться къ вамъ. Время года скоро еще болѣе затруднитъ частое полученіе свѣдѣнія о вашемъ положеніи; но распоряженія сдѣланы, приняты мѣры предосторожности къ тому, чтобы, милостію Божіею, достаточно предупредить нападеніе непріятеля и успѣхъ его оружія. Любезные подданные! Не единственная наша забота устранить ихъ. Порвать отношенія между нами и вами, возбудить сомнѣніе въ нашихъ чувствахъ къ вамъ и вашей къ намъ покорности, породить ваше недовѣріе другъ къ другу, ослѣпить васъ указаніемъ вашего истиннаго блага и обмануть васъ благовидными обѣщаніями—вотъ средства, которыми хитрый и жадный врагъ-завоеватель старается достигнуть того, чего, быть можетъ, достаточно уже ослабѣвшія его силы не надѣются достигнуть. Никогда еще подобныя козни не имѣли успѣха въ нашемъ отечествѣ, и ничто больше не могло бы огорчить насъ или обезчестить васъ, какъ то, что мысль финновъ могла, въ наше время, унизиться до такой степени.—О вашемъ личномъ долгѣ относительно насъ должна подсказать вамъ ваша собственная совѣсть. Помните тѣ преимущества, которыя Швеція доставила вамъ: истинное познаніе великаго Бога, просвѣщеніе и знаніе, полезныя учрежденія, выгодные промыслы и исправленные нравы. Вспомните, сколько разъ кровь свеовъ проливалась для вашей защиты и насколько слабы для этой цѣли ваши собственныя силы. Возьмите въ соображеніе судьбу Польши, Курляндіи и Крыма. Обѣщанія мнимой самостоятельности привели ихъ къ изнеможенію, нуждѣ и горю! Пусть ихъ печальный примѣръ по-

служитъ вамъ напоминаніемъ; распросите вашихъ собственныхъ соотечественниковъ, которыхъ несчастный миръ отдалъ во власть врага: они сгибаютъ теперь свою шею подъ ихъ ярмомъ, испытываютъ тяжесть невыносимыхъ налоговъ, о нихъ не радѣютъ, они скучаютъ! Всѣ эти несчастія могутъ постигнуть васъ, если необдуманно позволите увлечь себя и забыть ваши гражданскія и вѣрноподданническія обязанности. Соединитесь въ неизмѣнныхъ молитвахъ о милости и благости Всевышняго, а также въ прославленіи и благодареніи за всѣ уже Имъ оказанныя вамъ благодѣянія. Никогда не сомнѣвайтесь въ нашихъ отеческихъ заботахъ о васъ; будьте увѣрены, что каждая капля нашей крови посвящена вашей защитѣ; и если честь умереть за отечество столько-же удовлетворяетъ насъ, какъ того короля, котораго имя мы носимъ, то и вы постарайтесь въ мужествѣ и благоправіи походить на тотъ народъ, за котораго онъ пожертвовалъ собой» [389]).

Засѣданія риксдага открылись (22 января—2 февраля) рѣчью короля, въ которой онъ указалъ на нарушеніе спокойствія государства внутренними и внѣшними врагами. «Духъ раздора грозитъ намъ страшнымъ взрывомъ; независимость и честь государства находятся въ опасности.... Нашъ давнишній непріятель вновь поднялся на ноги.... Особенно вы, жители Финляндіи, знаете, какимъ образомъ онъ старался тайно распространить измѣну въ нашемъ лагерѣ. Отдаю вамъ справедливость: вы остались вѣрны отечеству. Вы не имѣете ничего общаго съ нѣкоторыми измѣнниками, которые частью уже преданы суду, частью бѣгствомъ уклонились отъ заслуженнаго наказанія.... Россія хотѣла свергнуть меня съ престола. Крестьянамъ, въ особенности, было предоставлено показать великодушный примѣръ любви къ отечеству. Вы поступили, какъ крестьяне во время Густава Вазы.... Только въ единствѣ и согласіи спасеніе. Поэтому оставьте въ вашихъ преніяхъ на этомъ риксдагѣ все то, что не ведетъ прямо къ желанной цѣли. Подобно вамъ, я желаю мира, но прочнаго и достойнаго мира. Единственное средство для достиженія этой цѣли есть продолженіе войны. Весь народъ желаетъ этого....» [390]).

Для продолженія войны нужны были средства, и это обстоятельство главнымъ образомъ побудило короля созвать риксдагъ.

Недворянскія сословія сочувствовали Густаву, представители-же 900 дворянскихъ фамилій, прибывшихъ на риксдагъ, были не только оппозиціонно настроены, но пылали нескрываемой ненавистью и раздраженіемъ. Недоброжелательство и озлобленіе къ Густаву зашли такъ далеко, что даже Спренгтпортенъ нашелъ необходимымъ выступить защитникомъ короля. Густавъ-Фредрикъ Горнъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ короля во дни революціи 1772 г., говорилъ, что онъ «съ досадой и изумленіемъ услышалъ съ высоты трона» наименованіе Спренгтпортена измѣнникомъ. Другой депутатъ увѣрялъ, что планъ отторженія Финляндіи отъ Швеціи «грубѣйшая и скандальнѣйшая неправда». Когда-же сдѣлано было предложеніе объ исключеніи Спренгтпортена, какъ измѣнника, изъ рыцарскаго дома, то «въ высокохвальномъ сословіи» произошелъ открытый безпорядокъ. Не оставалось сомнѣній, что оппозиція готовилась шагъ за шагомъ оспаривать всѣ мѣропріятія правительства. Первыя двѣ недѣли прошли въ безполезныхъ распряхъ. Чтобы сдѣлать риксдагъ работоспособнымъ и поспѣть разсмотрѣть важнѣйшіе вопросы до открытія военныхъ дѣйствій, надлежало сломить сопротивленіе дворянъ. Въ возникшей борьбѣ остальныя сословія рѣшились поддержать короля, но стало очевиднымъ, что у нихъ воскресли надежды на увеличеніе своихъ привилегій. И дѣйствительно, на риксдагѣ 1789 г. Густавъ расположилъ недворянскія сословія въ свою пользу разными обѣщаніями. Онъ сказалъ, что установитъ для всѣхъ подданныхъ равныя права по пріобрѣтенію усадебъ, освобожденныхъ отъ налоговъ и повинностей (эти усадьбы назывались Sâteri'ями). Духовенству онъ сулилъ щедрыя денежныя поддержки, горожанамъ—новыя привилегіи, крестьянамъ—облегченіе повинностей.

Первое сильное разногласіе произошло по вопросу о гарантіи долга, причиненнаго военными дѣйствіями.

6/17 февраля король, окруженный блестящей свитой, явился въ общее засѣданіе (plenum plenorum) риксдага и произнесъ рѣчь, полную негодованія и укоризны по адресу дворянства. Поблагодаривъ прочія сословія за ихъ преданность и содѣйствіе спасенію государства, онъ сказалъ: «Но вы, дворяне, вмѣсто того, чтобы своимъ примѣромъ руководить другихъ, глухи къ ихъ призыву и подчиняетесь только вашимъ страстямъ.... Я никогда не буду стремиться къ абсолютизму.... Но я не могу, не долженъ допускать, чтобы дворянство своимъ бездѣйствіемъ поддерживало на-

шихъ враговъ. Мнѣ нужно содѣйствіе, нужно, чтобы войско и флотъ не нуждались въ одеждѣ, оружіи, деньгахъ; въ противномъ случаѣ, я объявляю заранѣе, что если разорятъ наши берега, съ огнемъ и мечемъ пройдутъ по Финляндіи.... то никто не посмѣетъ упрекнуть меня. Виновны будутъ только тѣ, которые.... изъ мести противъ меня, соглашаются лучше видѣть непріятеля въ Стокгольмѣ и русскаго посланника, предписывающаго мнѣ законы..... Они полагаютъ, что заставятъ меня согласиться на постыдный миръ; но скорѣе эта рука отсохнетъ, чѣмъ подпишетъ унизительный для отечества актъ. Лучше пусть со-

Торжественное шествіе въ Стокгольмѣ съ русскими трофеями 1789 г.

рвутъ съ меня или раздробятъ на моей головѣ эту корону, которую носилъ Густавъ-Адольфъ.... и которую я хочу оставить преемникамъ незапятнанною». Король добавилъ, что видитъ въ дворянахъ духъ анархіи, что не потерпитъ, чтобы тѣ, которые дерзновенно протянули руки къ коронѣ его отца, могли оспаривать у него самого скипетръ.

Графъ Ферзенъ просилъ дать дворянству возможность объясниться. Густавъ, гнѣвно ударивъ серебрянымъ скипетромъ о столъ, приказалъ членамъ дворянскаго сословія удалиться. Произошло замѣшательство, но затѣмъ дворяне медленно удалились.

Послѣ этого, король, продолжая засѣданіе, милостиво обратился къ остальнымъ тремъ сословіямъ, предложивъ имъ избрать представителей въ комиссію, для обсужденія вопроса о привилегіяхъ,

которыя онъ имѣлъ въ виду даровать имъ. Этимъ депутатамъ король прочелъ набросокъ такъ называемаго Акта Соединенія и Безопасности, который далеко не ограничился вопросомъ о привилегіяхъ, но содержалъ въ себѣ также важныя прибавленія къ постановленіямъ Швеціи [391]).

Въ теченіе 7/18 и 8/19 февраля въ Стокгольмѣ замѣчалось нѣкоторое волненіе. Сословія, преданныя королю, просили его о принятіи мѣръ противъ дворянъ. 9/20 февраля 19 главарей дворянской оппозиціи были арестованы (Аксель фонъ-Ферзенъ, Шернэльдъ, Карлъ де-Гееръ и др.). Въ столицѣ приняты были мѣры предосторожности: усилена добровольная милиція граждань, приведено изъ провинціи до 1.200 далекарлійцевъ и общее начальствованіе надъ всѣмъ вручено герцогу Карлу.

10/21 февраля состоялось новое засѣданіе риксдага (plenum plenorum), подъ предсѣдательствомъ короля. Онъ заявилъ о необходимости измѣненія нѣкоторыхъ законовъ, для болѣе точнаго опредѣленія отношеній подданныхъ къ королю. Послѣ того прочитанъ былъ проектъ новаго основного закона—Акта Соединенія и Безопасности. Король спросилъ сословія: принимаютъ-ли они новый законъ? Три сословія отвѣтили согласіемъ, дворяне—отказомъ.—Король заявилъ, что «Актъ Соединенія и Безопасности» одобренъ и принятъ тремя сословіями. Дворяне, несмотря на аресты, рѣшились сопротивляться и не давать своего согласія. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль велись частные переговоры между королемъ и вождями дворянъ. Но напрасно, дворяне упорствовали.

Тѣмъ спокойнѣе король могъ положиться на остальныя сословія, которыя въ дни риксдага не разъ выразили ему свою преданность и увѣренность, что только онъ въ состояніи спасти отечество.

Въ выраженіяхъ преданности финскія сословія не уступали шведскимъ собратіямъ. Общее негодованіе вызвали аньяльцы, особенно за ихъ попытки разорвать связь съ метрополіей. Наиболѣе пылко высказались финскіе крестьяне, совершенно не раздѣлявшіе плана самостоятельности Великаго Княжества. 2 марта (20 февр.), они in corpore представили королю адресъ, въ которомъ выразили свое вѣрноподданническое высокопочтеніе и благодарность за милостивое и властное попеченіе о жителяхъ Финляндіи, проявленное въ освобожденіи края отъ «нападенія могучаго и хитраго врага». Эти «честные крестьяне» питали «самое справедливое отвращеніе ко всѣмъ замысламъ и козњямъ», направленнымъ къ

Berättelse

Om

Swenska Arméens Attaque och Seger

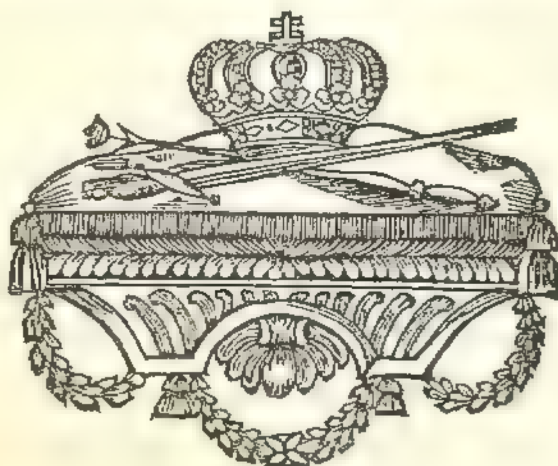
Den 29 April 1790,

Öfwer

En wida talrikare Rysk Corps,

Wid

Walkiala Kyrka, uti Ryssland.

ÅBO, Tryckt i Frenckellska Boktryckeriet.

Разсказъ объ атакѣ и побѣдѣ шведской арміи 29 апр. 1790 г. надъ превосходившимъ его русскимъ корпусомъ при Валкіала въ Россіи.

разрыву связи законопослушнаго народа со скипетромъ его королевскаго величества. Они считали себя счастливыми подъ короной Густава III, свѣтящейся добротою и мудростью. Они благодарили короля за спасеніе ихъ родины. Король милостиво благодарилъ крестьянъ, обѣщалъ сдѣлать все для безопасности края и сохраненія того соединенія, которое существовало въ теченіе пятисотъ лѣтъ между ними и Швеціей. Густавъ напомнилъ, что Финляндія получила отъ нея религію, свои законы, свою торговлю и благосостояніе.

Финляндское духовенство также заявило себя усерднымъ приверженцемъ короля.

Наконецъ, представители финляндскихъ горожанъ выразили королю свою преданность и удостовѣрили, что даже и въ мысляхъ ихъ не возникало желанія отдѣленія отъ Швеціи и установленія самостоятельности края. Первый выразилъ эти чувства бургомистръ г. Улеоборга; къ нему присоединились бургомистры Бьернеборга, Каске и Раумо, хотя Ларсъ Сакленъ изъ Бьернеборга подозрѣвался въ сношеніяхъ съ аньяльцами. Въ упорной оппозиціи остались лишь представитель города Гамле-Карлебю (купецъ Генрихъ Рама) и Лоде.

Ассесоръ гофгерихта въ Вазѣ, Г. В. Лоде, принадлежавшій къ финскимъ дворянамъ, ранѣе извѣстенъ былъ своей принадлежностью къ партіи оппозиціи, за что, по приказанію короля, уже въ началѣ засѣданій риксдага, вынужденъ былъ вернуться на родину.

5/16 марта «Актъ Соединенія и Безопасности» былъ формально доложенъ въ рыцарскомъ домѣ и безъ баллотировки отклоненъ. Дворяне считали, что участь новаго закона такимъ образомъ рѣшена, такъ какъ для принятія его требовалось согласіе всѣхъ четырехъ сословій. Однако король стоялъ на своемъ и признавалъ дѣйствительнымъ согласіе трехъ сословій риксдага, почему просилъ ландмаршала и тальмановъ подписать законъ отъ имени своихъ сословій. Желаніе короля было ими исполнено [392]).

Упорство дворянъ нравилось Екатеринѣ II, и она сказала Спренгтпортену: «пока останется хотя одинъ изъ дворянъ—я его помощница» [393]).

3 апрѣля (23 марта) 1789 г. король утвердилъ новый основной законъ, и государственный переворотъ былъ завершенъ.

Вотъ что гласитъ первый пунктъ этого акта: «Мы (государственные чины) признаемъ, что имѣемъ наслѣдственнаго короля, который владѣетъ полнѣйшей властью (fullmakt) управлять, блю-

сти за миромъ, освобождать и отстаивать государство; начинать войну, заключать миръ и союзы съ иностранными государствами; оказывать милость; даровать жизнь; возвращать честь и имѣніе; распоряжаться (förordna) по высокому благоусмотрѣнію своему всѣми должностями государства, имѣющими быть замѣщаемы природными шведами, и давать судъ и поддерживать законъ и права. Всѣ другія до попеченія о государствѣ касающіяся дѣла рѣшаются какъ король признаетъ полезнѣйшимъ».

Актъ Соединенія и Безопасности являлся новымъ основнымъ закономъ королевства, но закономъ, проведеннымъ новой революціей, преступной по своему происхожденію.—«Насталъ конецъ короткой попыткѣ конституціоннаго правленія»,—пишетъ шведскій профессоръ А. Ставеновъ. «Королевская власть вновь возвысилась до верховной власти, которая разрушала гармонію государственной жизни Швеціи». Король получилъ неограниченную власть назначать и отставлять чиновниковъ, преобразовывать коллегіи и проч.—Актъ Соединенія и Безопасности пробилъ брешь въ старомъ сословномъ обществѣ. Теперь всѣ шведскіе люди получили одинаковыя права владѣть шведской землей (исключая фрельзовыхъ), одинаковыя права на занятіе высшихъ должностей [304]).

Извѣстный авторитетъ шведскаго государственнаго права Хр. Науманъ въ своемъ изслѣдованіи «Историческое развитіе шведскаго государственнаго строя» между прочимъ пишетъ: «Въ новомъ образѣ правленія Густавъ III произвелъ главное измѣненіе на риксдагѣ 1789 г. такъ называемымъ Актомъ Соединенія и Безопасности отъ 21 февраля и 3 апрѣля того же года. Это была новая революція. Уже въ 1778, король, повидимому, носился съ планомъ ограничить права Государственныхъ Чиновъ въ еще большей степени». Далѣе Науманъ приводитъ весь текстъ Акта Соединенія и Безопасности 1789 г. (который, какъ извѣстно, подтверждаетъ въ пунктѣ 9-мъ Форму Правленія 1772 г.) и продолжаетъ: «Такимъ образомъ король былъ облеченъ властью, граничившей съ единодержавіемъ. Онъ имѣетъ право, безъ согласія государственныхъ чиновъ, начинать войну, распоряжаться по своему усмотрѣнію должностями государства, управлять всѣми остальными дѣлами такъ, какъ онъ это считалъ наиболѣе полезнымъ (п. 1-й), каковое выраженіе относилось непосредственно къ учрежденію администраціи и колегій, давало ему права организовать ихъ и упразднять по усмотрѣнію и вообще представляется столь неопредѣленнымъ и растяжнымъ (такія выраженія встрѣчались въ законо-

дательствѣ Густава III очень часто), что открывало просторъ всякаго рода толкованіямъ въ будущемъ. Далѣе король могъ самостоятельно опредѣлять число членовъ Государственнаго Совѣта и, такимъ образомъ, имѣлъ право упразднить это стародавнее, крайне важное учрежденіе, окружать себя какими угодно совѣтниками или не имѣть никакихъ совѣтниковъ; онъ могъ осуществлять свою высшую судебную власть черезъ посредство лицъ, которыхъ назначалъ самъ и которыя оставались въ полной зависимости отъ него. На риксдагахъ не могли обсуждаться никакія другія дѣла, кромѣ тѣхъ, которыя предлагалъ самъ король; инціативы государственные члены были, слѣдовательно, лишены. Что касается права самообложенія, то «шведскій народъ» имѣлъ право «непринужденно давать, приносить на содержаніе государства то, что считаетъ нужнымъ» (п. 5-й); это постановленіе, правда, въ новомъ законѣ существовало. Но, съ одной стороны, въ законѣ не было опредѣленно сказано, что это право должны именемъ народа осуществлять именно государственные чины, почему это право могло быть осуществляемо мѣрами провинціальныхъ собраній, какъ то практиковалось въ прежнія времена или въ первые годы правленія Густава III, когда вопросъ о налогѣ на водку былъ переданъ на разсмотрѣніе общинныхъ собраній (первичныхъ приходскихъ собраній), съ другой, слова «съ королемъ», включенныя въ 5-й пунктъ Акта, оставляли возможность произвольнаго толкованія.

Въ тотъ же день, когда Актъ былъ утвержденъ его величествомъ, Государственный Совѣтъ былъ распущенъ, а 15 мая послѣдовало изданіе постановленія о Высшемъ Судѣ Короля (или Ревизіонной Юстиціи), состоящемъ изъ 12 свѣдущихъ въ законахъ членовъ, половину коихъ составляли лица фрельсоваго сословія, половину же—нефрельсовыхъ сословій; члены суда назначались на срокъ «по усмотрѣнію Короля». Другія, несудебныя, дѣла, рѣшались частью кабинетомъ, частью совѣтомъ, въ которые король созывалъ членовъ по своему усмотрѣнію» [395]).

Король «вычеркнулъ въ своей дѣловой книгѣ весь Государственный Совѣтъ, и сдѣлалъ онъ это столь грубыми чертами, что казалось, онъ желалъ устранить возможность когда либо прочесть хотя-бы одну букву изъ именъ членовъ Совѣта»... (Olof Wallqvist) [396]).

Государственный Совѣтъ былъ отмѣненъ единолично Густавомъ III, на основаніи §§ 1 и 2 Акта Соединенія и Безопасности

1789 г. Государственный Совѣтъ изъ соправительной (medstyrande) власти обратился въ совѣщательное учрежденіе [397]).

«Великое внутреннее дѣло окончено,—сообщилъ король Стедингку 20 мая 1789 г.—Актъ Соединенія и Безопасности обнародованъ, Государственный Совѣтъ совершенно распущенъ, хотя лица сохранены».

Для предварительнаго разсмотрѣнія административныхъ дѣлъ, до доклада ихъ королю, было учреждено такъ называвшееся подготовительное для общегосударственныхъ дѣлъ учрежденіе, вѣдавшее всѣ дѣла, которыя разсматривались различными экспедиціями совѣщательной палаты.

КН. М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

Оставался одинъ вопросъ: какъ приметъ Финляндія новый законъ, ибо было извѣстно, что настроеніе умовъ въ войскахъ, расположенныхъ въ краѣ, не было вполнѣ удовлетворительнымъ. Матеріальное положеніе ихъ оставалось затруднительнымъ. Четыре мѣсяца не высылалось уже жалованье. «Рекомендуйте насъ господину министру финансовъ,—писалъ Стедингкъ королю. Если бы у насъ не было желудковъ, такъ все было бы хорошо» [398]).

Между тѣмъ,—какъ сообщалъ Стедингкъ королю,—измѣненіе конституціи вызвало ужасъ въ войскахъ. «Я былъ боленъ, но извѣстіе о великихъ событіяхъ, совершившихся на риксдагѣ, исцѣлило меня... Впрочемъ, слишкомъ жестокія мѣры опасны... Ваши враги сдѣлаютъ все возможное, чтобы усилить волненіе умовъ въ Швеціи. Настроеніе умовъ въ финляндскомъ войскѣ мнѣ не нравится. Всѣ желаютъ мира» [399]). Король хотѣлъ, чтобы войска присягою выразили свое подчиненіе новому закону. Но Мейерфельдъ отказался принудить ихъ къ подобной присягѣ, считая опаснымъ давать войску поводъ къ разсужденіямъ о политическихъ вопросахъ.

Интересно отмѣтить, что риксдагъ 1789 г. имѣлъ свой отзвукъ въ Россіи. Извѣстный историкъ и писатель кн. М. М. Щербатовъ составилъ рѣчь, каковую могли бы произнести шведскіе дворяне, послѣ взятія ихъ собратьевъ подъ стражу. Въ этой рѣчи

отразилось тогдашнее воззрѣніе русскихъ на поведеніе Густава, на войну и пр. Въ уста шведскаго дворянства кн. Щербатовъ, между прочимъ, влагаетъ слѣдующія заявленія: въ монархѣ похвальна твердость, но она должна быть основана на правосудіи. Достойно стремленіе монарха защитить свое отечество, если оно «дѣйствительно опасность претерпѣваетъ». Между тѣмъ извѣстно, что Россія снарядила свой флотъ противъ турокъ, что границы ея были открыты, такъ какъ остались безъ войска, а крѣпости—неснабженными нужными припасами. Короче, — «не видимъ мы, чтобы Россія какіе непріятельскіе умыслы противъ Швеціи имѣла». Король упомянулъ о коронѣ Густава Адольфа, которую носитъ. По этому поводу кн. Щербатовъ не безъ поученія замѣчаетъ о желательности, чтобы съ этой короной связывались набожность, вѣрность данному слову, сохраненіе древнихъ дворянскихъ правъ и т. п.—Лишеніе же дворянъ соботы лишаетъ ихъ также и совѣта. Если за обнаруженіе мыслей слѣдуетъ тюрьма, то ясно, что въ риксдагъ пришли не живые люди, а «мертвыя тѣла». Король, по новому закону, предоставилъ своему личному усмотрѣнію объявленіе войны. Кн. Щербатову это не нравится, и онъ написалъ: «Возри хотя на новыхъ твоихъ союзниковъ, на турокъ; и тамъ султанъ безъ дивана ни войны не начинаетъ, ни мира не заключаетъ». Въ подобномъ же родѣ сдѣланы указанія и по другимъ дѣйствіямъ Густава [400]).

Новая революція Густава III прошла благополучно. Цѣль была достигнута, но какой цѣной? Заговоръ дворянъ, во главѣ котораго стали фанатики гр. Риббингъ, Горнъ и Анкарстрёмъ, потребовалъ крови. Смертоносная пуля 16 марта 1792 г. была местью дворянства за Актъ Соединенія и Безопасности [401]).

IX.

1790 г. Сухопутныя стычки. Красная Горка. Выборгская бухта. Второй Роченсальмъ.

По окончаніи кампаніи 1789 г., войска расположены были на зимнихъ квартирахъ. Имъ нуженъ былъ отдыхъ и покой, надлежало возстановить здоровье, обмундироваться; но въ то-же время предстояло принять рекрутъ, внушить имъ требованіе дисциплины и наскоро передать важнѣйшія правила военнаго искусства. Этого мало. Приходилось огородиться отъ непріятеля и кордонами, и укрѣпленіями, строить суда, подвозить провизію. Удовлетворить всѣмъ подобнымъ условіямъ было не легко, особенно въ Финляндіи, гдѣ жилища были рѣдки и тѣсны, гдѣ почва оказалась истощенной, дороги испорченными. Финскій заливъ не обезпечивалъ фланга, такъ какъ онъ замерзалъ настолько, что по его льду можно было перевозить орудія до апрѣля мѣсяца.

Особенно страдали части, оставленныя на передовыхъ постахъ. Прежде всего ихъ донимала цынга. На границѣ въ маленькихъ избушкахъ помѣщалось отъ 15 до 20 человѣкъ. Карауламъ приходилось иногда проходить по 20 — 30 верстъ, по 7 и 8 сутокъ не раздѣваться и не снимать оружія [402]). Госпитали переполнялись больными; бывали случаи, когда на одного врача приходилось до 200 больныхъ. Для надзора къ госпиталямъ приставлялись солдаты, унтеръ-офицеры, писаря, цырюльники, офицеры. Въ то же время имѣлись начальники, которые опасались доводить госпиталь до совершенства, дабы онъ не полюбился солдату. Въ нашей арміи 9 іюня 1790 г. насчитывалось около 12 тысячъ больныхъ.

Записки С. А. Тучкова даютъ яркую картину той обстановки, въ которой порою приходилось жить и работать тогда русскимъ воинамъ. «Нашъ отрядъ,—пишетъ онъ,—командированъ былъ къ пограничной деревнѣ (Пютискирхе). Тамъ ему пришлось остаться три дня, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, безъ

всякаго продовольствія. Двѣ тысячи человѣкъ довольствовались одними грибами».

Нужно было возвести на островѣ Роченсальмѣ батарею въ двѣнадцать орудій. Назначили офицера, дали ему рабочихъ и мастеровъ. Когда батарея была готова, на островъ прислали баталіонъ пѣхоты, и онъ прожилъ тамъ съ конца октября до половины декабря (1789 г.) въ лагерѣ, почти не имѣя зимней одежды. На островѣ не было никакого жилища. Свирѣпствовала стужа. По вечерамъ разводили огромный костеръ, и около него офицеры вели свои разговоры, а солдаты пѣли пѣсни и сказывали сказки.

Въ нашихъ войскахъ было не мало иностранцевъ. Имъ отдавали всякое предпочтеніе. Съ ними совѣтовались, ихъ указаніями руководились. Между тѣмъ нерѣдко можно было обойтись собственными силами. У острова Роченсальма затонула, взятая у шведовъ, шебека. Посовѣтовались съ адмираломъ Балле. Онъ предложилъ выписать для этого изъ Англіи мастеровъ и механиковъ. Но позвали купца Сторонкина, торговавшаго съѣстными припасами, и онъ извлекъ затонувшую шебеку изъ воды. «Въ предпріятіи о построеніи батареи» на Роченсальмѣ повторилось нѣчто подобное. Основаніемъ батареи должна была послужить гранитная скала, сглаженная волнами настолько, что въ ней не держались ни земля, ни дернъ. Тѣмъ не менѣе капитанъ артиллеріи Тучковъ исполнилъ эту работу.

Въ должности дежурнаго офицера при принцѣ Нассау состоялъ мальтійскій кавалеръ Варажъ. Онъ, не зная ни одного слова порусски, очутился на островѣ, гдѣ его встрѣтили наши башкиры, входившіе въ составъ русской арміи. Увидя на немъ иностранные ордена и узнавъ, что онъ ничего не понимаетъ по-русски, рѣшили, что онъ изъ непріятельскаго лагеря, и зарубили его шашками [403]).

Гдѣ проходили башкиры и ямскіе казаки—наблюдались голодъ и опустошеніе.

Комиссаріатъ, какъ всегда у насъ, оказывался неисправнымъ. Маркитанты не облегчали нуждъ арміи вслѣдствіе того, что торговали не существенно необходимымъ, а предметами роскоши.

Рекрутъ, приходившихъ позже другихъ, обучать, естественно, не поспѣвали. И. П. Салтыковъ жаловался, что ни стрѣлять, ни ружьемъ владѣть не умѣютъ. И если они тѣмъ не менѣе оказывались полезными, то объясняется это съ одной стороны—смѣтливостью россіянъ, а съ другой—условіемъ, подмѣченнымъ англичаниномъ Тревениномъ, служившимъ въ нашемъ флотѣ. «Нельзя

желать лучшихъ людей, — писалъ онъ о русскомъ матросѣ — ибо неловкіе, неуклюжіе мужики скоро превращались подъ выстрѣлами въ смышленыхъ, стойкихъ и бодрыхъ воиновъ». Объ общемъ положеніи можно судить по слѣдующему заявленію новаго главнокомандующаго И. П. Салтыкова. «Истинно такіе иногда часы бываютъ, что все состояніе государства видишь висящее на волосу» [404]).

Въ теченіе пережитыхъ кампаній графъ П. В. Мусинъ-Пушкинъ высказалъ свою полную неспособность.

«Кого мнѣ употребить въ сей странѣ?—спрашивала Императрица князя Потемкина. Рѣши ты мою нерѣшимость. Отъ Пушкина ничего добиться неможно и уже способа не осталось, ибо моихъ ордеровъ не слушается . . . . . Гр. И. П. Салтыковъ къ сему посту не болѣе способенъ, какъ и Пушкинъ, также и прочій генералитетъ перетасовать въ Финляндіи нужно . . . . Нумсена, Корсакова, Берхмана, Боувера я здѣсь оставляю. . . . . Левашевъ никуда не годится, а Волковъ вялъ» [405]).

ГРАФЪ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

Екатерина продолжала думать о перемѣнѣ команднаго состава въ Финляндіи. Потемкинъ указывалъ на гр. Ив. Петр. Салтыкова. «Но нельзя ли, чтобъ чаша сія шла мимо финляндской арміи? Тутъ паки, кромѣ упрямства и глупостей, ничего не выйдетъ».

«Что въ Финляндіи много войскъ, — отвѣчала Императрица князю Потемкину, — лишь оныъ умѣли дѣйствовать, въ томъ я твоего мнѣнія; но буде наши тамошніе начальники, бывъ вскормлены, такъ сказать, на войнѣ, не умѣютъ воевать, то мнѣ ихъ перепекать, аки тѣсто, также нельзя-же».

Графъ Мусинъ-Пушкинъ остался въ Петербургѣ. При войскахъ его временно замѣнилъ генералъ изъ Уфы Игельстрёмъ, состоявшій въ числѣ военныхъ перуновъ, предназначенныхъ противъ шведовъ. Онъ разсчитывалъ остаться главнокомандующимъ. Къ началу 1790 г. во главѣ арміи поставили графа Ивана Петровича Салтыкова, сына фельдмаршала П. Салтыкова [406]).

Когда обсуждался вопросъ о новомъ главнокомандующемъ для войскъ Финляндіи, то имѣется основаніе предположить, что и Екатерина, и Потемкинъ думали о Суворовѣ. Въ одномъ изъ писемъ конца 1789 г. Екатерина говорила Потемкину: «мнѣ нравится, когда мы Суворова прочимъ».

ГОРОДЪ ВЫБОРГЪ.

Но, къ сожалѣнію, вмѣсто Суворова въ Финляндію отправили И. П. Салтыкова—человѣка во всѣхъ отношеніяхъ посредственнаго, умѣвшаго лишь пріобрѣсти и сохранить свое положеніе, благодаря угодливости передъ сильными міра сего.—Послѣ войны Суворовъ, замѣнивъ его въ Финляндіи, въ официальныхъ своихъ письмахъ не стѣснялся называть его вѣдомость «безтолковою» и сказать, что Салтыковъ доказалъ свое «недоуміе» и т. п. [407]).

Флотъ попрежнему остался подъ начальствомъ неспособнаго адмирала В. Я. Чичагова, а шхерную флотилію довѣрили принцу Нассау-Зигену. Графъ Ив. Петр. Салтыковъ относился къ обоимъ недружелюбно.

О зимней кампаніи вовсе не думали, хотя Императрица основательно замѣтила, что «Финляндія въ томъ же столѣтіи два раза зимой завоевана была». Изъ опыта ближайшихъ двухъ компаній рѣшились, кажется, болѣе всего, слѣдовать «хронической пассивности» нашихъ сухопутныхъ войскъ. Прежняя медленность короля Густава убаюкала всѣхъ, и армія спокойно ожидала войны.

Гребной флотъ оставался разбросаннымъ: части его находились въ Кронштадтѣ, Ревелѣ, Выборгѣ и Фридрихсгамѣ.

Флотъ и армія смотрѣли другъ на друга, какъ на «союзныя войска». Золотое правило Петра Великаго — «всякій потентатъ, имѣющій единую только армію, — единую руку имѣетъ, а имѣющій и флотъ и армію обѣ руки имѣетъ» — было точно забыто.

«О войнѣ шведской и говорить скучно, — писалъ графъ Безбородко. Ежели новоназначенный начальникъ графъ Салтыковъ таковъ же будетъ, какъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, а флотомъ станетъ командовать Чичаговъ, съ Мусинымъ и Козляниновымъ, ничего добраго не выйдетъ». Одна Екатерина не подавала дурного вида предъ Западомъ и Гримму писала (19 марта 1789 г.), что Россійскую Имперію «конечно не разрушатъ ни Фальстафъ (Густавъ III), ни Фридрихъ Вильгельмъ, даже въ соединеніи съ другомъ Абдулъ-Гамидомъ».—«Мы дѣлаемъ страшныя приготовленія къ третьей кампаніи противу шведовъ», — сообщалъ Гарновскій (2 марта 1790 г.). Возили легкія суда по льду до Выборга; отправляли въ Финляндію съѣстные припасы и воинскихъ чиновъ. Все было въ такомъ сильномъ движеніи, что трудно было найти наемныхъ лошадей.

Воинство собралось, но какое. Брали престарѣлыхъ, забирали бродягъ. Рабочій людъ, видя подобные наборы, спѣшилъ покинуть городъ; сняли солдатъ даже съ карауловъ, имѣя въ виду поручить караулы кадетамъ, но скоро отмѣнили это распоряженіе.

Въ теченіе зимы приведено было до 7 тысячъ рекрутъ въ Кронштадтъ. Люди прежде всего назначались во флотъ. О Кронштадтѣ точно забыли. «Но, милостивый государь,—писалъ главный командиръ Пущинъ графу Чернышеву,—извѣстно вамъ, что безъ людей никакая крѣпость, ни съ какими укрѣпленіями, противостоять не можетъ. Кронштадтъ остался при однихъ часовыхъ».

П. Н. Пущинъ далъ о людяхъ 1798 г. такой отзывъ: «Всѣ присланные на флотилію изъ рабочаго дома и бѣглые-голые и босые ничѣмъ не рознятся отъ каторжныхъ; да и поведеніе ихъ такое же, безъ караула и безъ присмотра ни на одинъ день нельзя оставить; всегда между ними кражи и ссоры . . . . водоходцы развѣ мало чѣмъ различествуютъ: взяли за мѣсяцъ жалованье и здѣсь всегда приступаютъ ко мнѣ и просятъ денегъ . . . ; взятыя ими деньги пропили и нуждаются; можно сказать, что

все негодные люди» [408]). Особенно много такихъ людей было въ эскадрѣ капитана 1-го ранга Слизова.

Ланжеронъ, имѣвшій случай наблюдать составъ нашихъ командъ въ эскадрѣ принца Нассау-Зигена, утверждаетъ, что русскій флотъ находился въ чрезвычайно неудовлетворительномъ состояніи. Настоящихъ матросовъ не было . . . . Во всемъ флотѣ развѣ двадцать человѣкъ могли считаться моряками, да и тѣ въ Англіи считались-бы новичками, новобранцами. Невѣжество и безпорядокъ господствовали въ русскомъ флотѣ. Люди, захваченные на улицахъ Петербурга, дворники, полицейскіе служители составляли экипажи русскихъ судовъ. Двѣ трети людей всего флота видѣли море въ первый разъ въ жизни [409]).

ГЕНЕРАЛЪ БЕРХМАНЪ.

Гр. А. А. Безбородко утверждаетъ, что въ 1790 г. во флотъ требовали 11 тыс. чел., а ему дали даже 16 тыс. «Говорятъ нечѣмъ вооружать, а того и не считаютъ, что болѣе 3 тыс. вольныхъ водоходцевъ за дорогую цѣну нанимается для разныхъ гребныхъ судовъ» [410]).

Начальниками при арміи остались: генералъ-поручики — Волковъ, Михельсонъ, Гюнцель и Левашевъ, генералъ-маіоры—Шульцъ, Нумсенъ, Спренгтпортенъ, Рекъ, Берхманъ, Боуръ, Раутенфельтъ, Татищевъ и Кноррингъ, да при артиллеріи—Бригманъ.

«На сухомъ пути хотя живые по крайней мѣрѣ люди есть,— восклицалъ гр. А. Безбородко;— но на морѣ кому ввѣрить главную команду»?

«Мы теперь упражняемся въ составленіи плана операціи противу короля шведскаго»,—сообщаетъ гр. А. Безбородко своему постоянному корреспонденту. Въ слѣдующемъ письмѣ, вновь касаясь плана операцій, А. Безбородко прибавляетъ: «хотя покойнымъ адмираломъ (Грейгомъ) установленъ былъ весьма обширный и дальновидный планъ, но теперь кн. Потемкинъ настоялъ на его сокращеніи, и сіе уже принято» [411]).

1790 годъ начали перепиской о заключеніи мира. Объ этомъ знали лишь Н. И. Салтыковъ, графъ Остерманъ и графъ Безбородко. Государыня требовала, чтобы переговоры не останавливали военныхъ операцій.

Морская кампанія началась для русскихъ крайне неудачно. 6 марта два шведскихъ фрегата подошли къ Роггервику, гдѣ застали коменданта Балтійскаго порта, полковника де-Роберти, совершенно врасплохъ. Шведскія суда обстрѣляли сначала батарею, а потомъ своимъ незначительнымъ дессантомъ заклепали всѣ крѣпостныя орудія и сожгли три казенныхъ магазина съ аммуничными вещами. Мало того, они побудили коменданта заключить постыд-

ЛАГЕРЬ ШВЕДСКИХЪ ВОЙСКЪ.

ную капитуляцію, въ силу которой пришлось сжечь нѣсколько русскихъ купеческихъ судовъ, два провіантскихъ магазина и уплатить 4 тысячи рублей контрибуціи. У коменданта было 300 человѣкъ, но подъ разными предлогами они не оказали никакого сопротивленія. «Будутъ хвастать шведы,—сказала Екатерина: негодяй полковникъ Роберти сдѣлалъ постыдную капитуляцію... Что же онъ спасъ хочу знать? Себя только. Русскій этого бы не сдѣлалъ. Какая разница съ Кузьминымъ въ Нейшлотѣ» [412]. Государственный Совѣтъ нашелъ, что поступокъ коменданта, сдѣлавшаго столь «пакостную капитуляцію, безъ должнаго изслѣдованія и взысканія остаться не можетъ».

Союзниковъ у Россіи не было; проявившееся среди финскихъ войскъ недовольство улеглось, и намъ приходилось разсчитывать исключительно на собственныя силы; главнымъ нашимъ помощникомъ можно было считать плохое матеріальное состояніе шведской арміи.

Довольствіе шведскихъ войскъ заставляло желать многаго. Когда въ 1788 г. послѣдовалъ приказъ о спѣшномъ выступленіи финскихъ войскъ, они оказались настолько неподготовленными къ походу, что у нихъ не было ни хлѣба, ни пороха, ни лошадей, ни обозныхъ. Прибывшая въ Финляндію шведская армія обречена была на вынужденное бездѣйствіе, за неимѣніемъ необходимаго [413]).

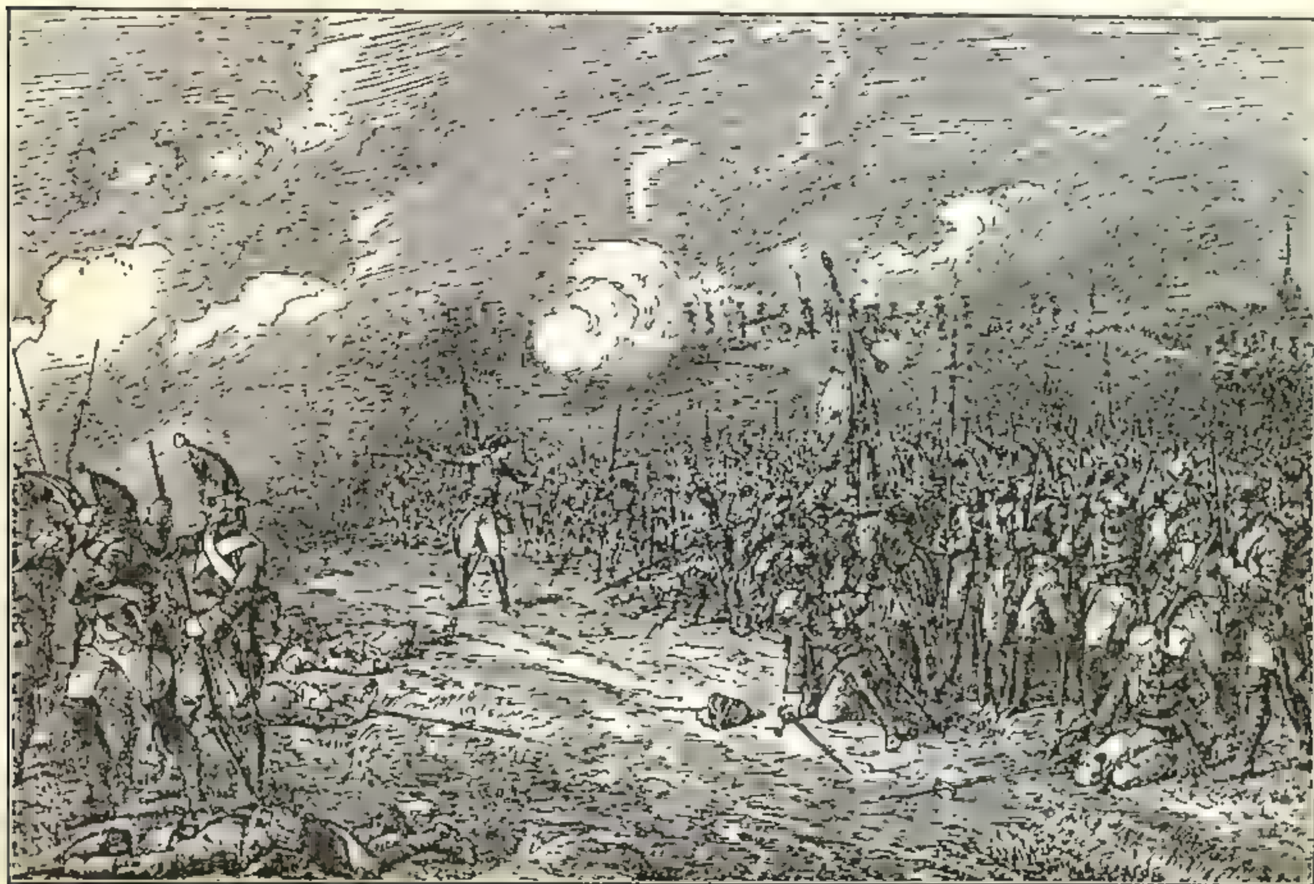
Уже въ самомъ началѣ похода даже части, прибывшія въ Гельсингфорсъ и расположившіяся на Кампенѣ, должны были лежать на голой землѣ [414]).

«Солдаты голодные,—писалъ Стедингкъ королю (27 іюня 1788 г.); болѣе бродяги, чѣмъ солдаты, и болѣе русскіе, чѣмъ шведы (готовы измѣнить)». «Это неслыханно: собрать большое войско, не принявъ предварительно мѣръ для прокормленія его», жаловался генералъ-лейтенантъ Пиперъ. Въ письмахъ встрѣчались сѣтованія на недостатокъ въ хлѣбѣ, мундирахъ, фуражѣ.—Графъ Мейерфельдъ предупреждалъ короля, что если солдаты не будутъ удовлетворены необходимымъ, то трудно поддержать дисциплину [415]). «Тѣ, которые увѣряли ваше величество въ томъ,—писалъ Стедингкъ,—что флотъ и войско находятся въ хорошемъ состояніи, обманывали васъ».

Кажется наибольшее число жалобъ раздавалось на неполученіе жалованья. Отъ безденежья одинаково страдали какъ шведскіе офицеры, такъ и солдаты. Войска часто оставались безъ жаловья и суточныхъ денегъ.—Государственное казначейство выдавало иногда ассигновки, но деньги куда-то исчезали [416]). Главный интендантъ П. Б. Пиперъ и самъ король, въ письмахъ къ Армфельту, постоянно жаловался на недостатокъ въ деньгахъ и скудость сдѣланныхъ присылокъ. Подобныя-же жалобы высказывались и тѣми начальниками, которые раньше него побывали въ Финляндіи, напримѣръ Мейерфельдомъ, полковникомъ Стедингкомъ и друг. Офицеры въ отрядѣ Стедингка за шесть мѣсяцевъ не получали жалованья, а солдаты—за пять; мясо выдавалось лишь въ праздники; въ Саволаксѣ солдаты кормились преимущественно хлѣбомъ и водой [417]). Никакой солдатъ въ мірѣ, прибавлялъ Стедингкъ, кромѣ развѣ русскаго, не въ состояніи терпѣливо переносить столько неудачъ и лишеній». «Я не могу извлечь солдата изъ его квартиры, гдѣ онъ кое-какъ кормится около крестьянъ и боится погибнуть съ голода въ лагерѣ» [418]).

Надо полагать, что не всегда эти жалобы были достаточно основательны; нѣкоторыя изъ нихъ необходимо отнести на счетъ

требовательности и каприза шведскихъ войскъ. К. Экманъ, сравнивая содержаніе своихъ и русскихъ нижнихъ чиновъ, приходилъ къ заключенію, что у шведскаго солдата, «каждый день Рождество», ибо ему выдавали мясо, горохъ, свинину и кашу. Иногда, во время форсированныхъ маршей, вѣроятно, не успѣвали подвозить провіантъ, задерживалась выдача денегъ и. т. п. Все это неизбѣжно при походахъ. И надо полагать, что войска болѣе страдали отъ спекуляцій комиссаріата, чѣмъ отъ нерадѣнія короля,

иначе враги короля воспользовались бы жалобами войска и выступили съ обвиненіями на риксдагѣ. Однако, они молчали.

Впрочемъ Г. М. Армфельтъ, смѣло высказывавшій свои мысли и чувства королю, часто жаловался на военную администрацію и злоупотребленія интендантства. «Я убѣжденъ, что все это вѣрно,—сказалъ Густавъ III,—но я также убѣжденъ, что то-же самое происходило бы при какомъ угодно начальникѣ комиссаріата.

Герцогъ Карлъ, осматривая крѣпость Сварттольмъ, видѣлъ, какъ половина гарнизона парадировала мимо него по глубокой грязи безъ обуви [419]).

Портанъ упоминаетъ о томъ, что финскіе резервы, которые въ 1788 г. употреблялись въ Свеаборгѣ, Сварттольмѣ, да и въ армейскомъ флотѣ, большею частію умерли отъ наготы и отъ

20

худого присмотра; остальныхъ отправили домой больными; они сами умирали или заражали весь край опустошительнымъ кровянымъ поносомъ, который финскій народъ потому и называлъ reservi-tauti (резервная болѣзнь) [420]).

Печальныя ошибки обнаруживались, кажется, во всемъ. Пріобрѣли негодныя мортиры, обозныя лошади оказались измореными, фурейтовъ не было, у крестьянъ наблюдалось плохое настроеніе. «Крестьяне,—пишетъ Армфельтъ своей женѣ,—за свои подводы ни эре не получали съ 1788 г.; мнѣ непріятно выказывать строгость противъ гражданъ, имѣющихъ на своей сторонѣ право».

Лазареты не были достаточно оборудованы. Многое въ нихъ Г. М. Армфельтъ находилъ «варварскимъ». Въ Іёнчёпингскомъ полку въ началѣ 1790 г. оставалось не болѣе 200 чел., способныхъ воевать; недостатокъ лекарствъ и фельдшеровъ, плохая пища и пр. умертвили въ немъ до 400 чел. [421]).

Денегъ у шведовъ не хватало, несмотря на то, что они пользовались поддѣльной русской монетой. Графъ Мусинъ-Пушкинъ прислалъ пятаки, коими шведы платили за провозъ артиллеріи, «сказывая, что взяты на россійскихъ корабляхъ». При провѣркѣ пятаковъ на монетномъ дворѣ, они оказались «не нашего стемпеля» и видно было, что давно готовились.

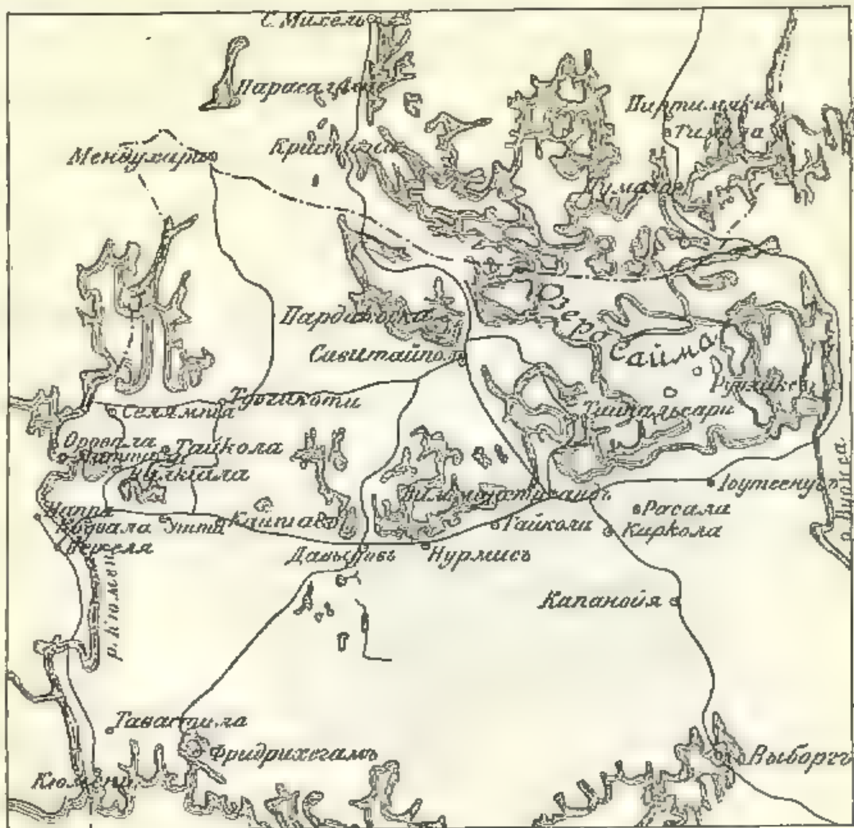
Оставалось все исправлять мужествомъ,—писалъ Стедингкъ,—дабы Россія «не прогнала насъ палками, какъ это случилось сорокъ шесть лѣтъ назадъ». «Держитесь какъ можно лучше и живите какъ можно веселѣе,»—отвѣтилъ Густавъ на мартовское письмо Стедингка 1789 года.

По отзыву русскаго очевидца, С. Апраксина, шведы въ зимнее время 1789—1790 г.г. содержали свои батареи въ хорошемъ состояніи. Зимнія ихъ квартиры были просторнѣе нашихъ. Шведскія войска расположились въ длину вплоть до Тавастгуса; финскія войска были отправлены къ мѣстамъ ихъ обычныхъ стоянокъ. Плоше охранялся Свеаборгъ, въ которомъ, между прочимъ, квартировалъ Померанскій полкъ, на вѣрность котораго мало можно было положиться [422]).

Населеніе нѣкоторыхъ финляндскихъ городовъ—Або, Гельсингфорса и Экенеса—занято было постройкой судовъ.

Во время войны 1788—1890 г. часть крестьянъ Выборгской губ. оказывали всякое содѣйствіе войскамъ Густава, давая имъ нужные совѣты и доставляя продовольствіе [423]).

Шведы, благодаря предапнымъ крестьянамъ и пасторамъ, были хорошо освѣдомлены обо всемъ происходившемъ въ нашихъ лагеряхъ. Они воспользовались нашей оплошностью. Посадивъ на сани два баталіона пѣхоты (около 4 тысячъ), они (4 апр.) ударили на нашъ отрядъ, стоявшій въ Пардакоски, и захватили у него два орудія и казну, въ которой находилось 12 тысячъ рублей. Русскимъ пришлось отступить. Уходя, они остановились въ Савитайпалѣ.

Окрестности Савитайналь и Пардакоски.

Внезапнымъ нападеніемъ на Пардакоски шведы расстроили нашъ планъ наступленія на Ловизу. 18 апрѣля шведы овладѣли постомъ у Валкіала (на рѣкѣ Кюмени).

Генералъ-поручикъ Игельстремъ сдѣлалъ попытку вернуть Пардакоски, но всюду былъ отбитъ. Однимъ его отрядомъ начальствовалъ принцъ Ангальтъ. Принцъ приступилъ къ исполненію своей задачи, но неудачно: самъ онъ былъ смертельно раненъ, а его отрядъ потерялъ 305 раненыхъ и 198 убитыхъ. Принцъ Викторъ Амадей Ангальтъ Бернбургъ Шаумбургскій—храбрый, талантливый генералъ, отличившійся при Очаковѣ, и обѣщавшій «пріумножить

АНГАЛЬТЪ.

славу нашего оружія». Пушечное ядро повредило ему ногу, и онъ послѣ операціи, на третій день скончался [424]). Свою шпагу онъ подарилъ своему храброму адъютанту, впослѣдствіи столь прославленному Барклаю-де-Толли. Императрица плакала, узнавъ объ участи принца Ангальта, котораго она очень жаловала [425]).

К. П. СУХТЕЛЕНЪ

Шведами командовалъ Г. М. Армфельтъ. Планъ нападенія составилъ капитанъ Іегергорнъ [426]).

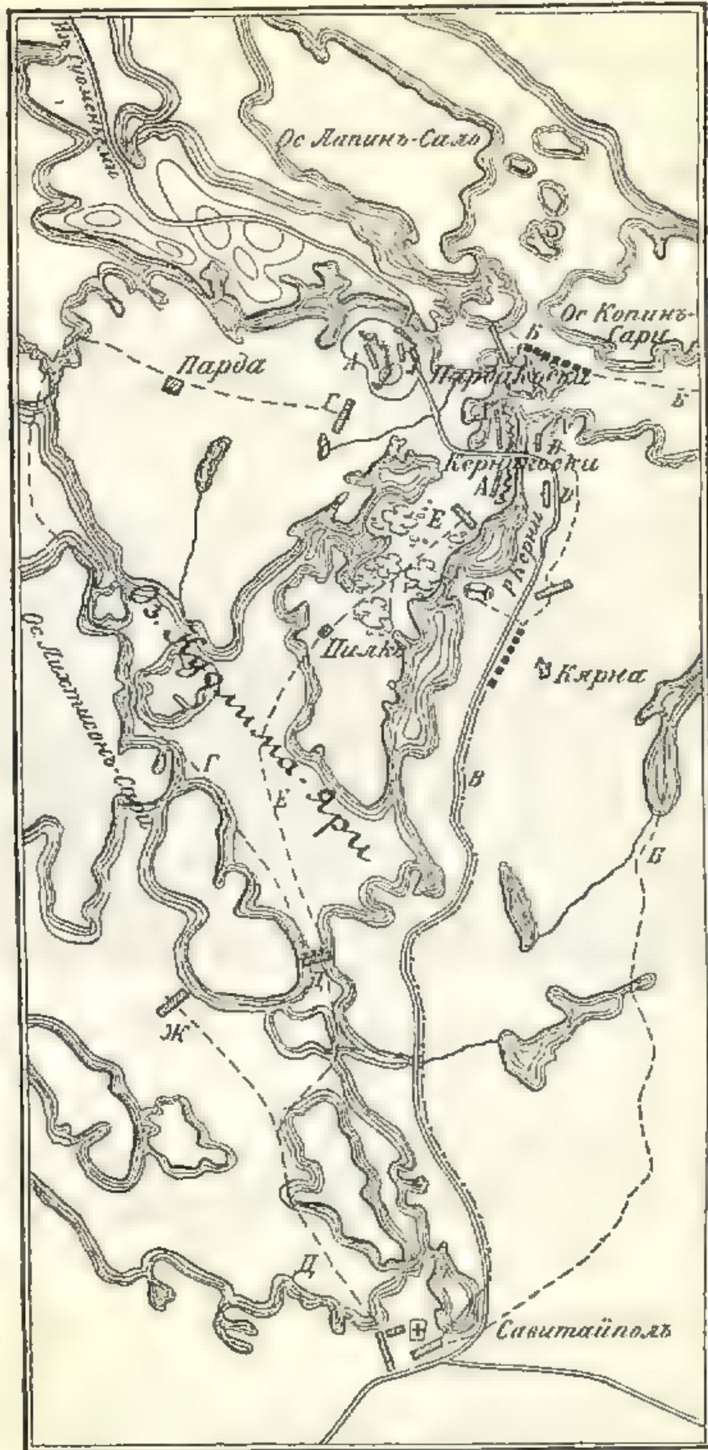
Дѣло при Пардакоски было нами проиграно, но отступленіе совершено въ такомъ порядкѣ, что генералъ Сухтеленъ и др. удостоились наградъ. Наши гренадеры, по примѣру казаковъ, бросились въ воду, чтобы сбить укрѣпленіе шведовъ, расположенное на другомъ берегу рѣки.—Вскорѣ послѣ этого Густавъ III, раздѣлявшій труды и лишенія своего отряда и не разъ даже ночевавшій подъ открытымъ небомъ, имѣя 6 тысячъ человѣкъ, заставилъ ретироваться генерала Денисова съ $2^1/_2$ тыс. Однако, генералъ Нумсенъ, вопреки трусливымъ приказаніямъ Игельстрёма, быстро произведя диверсію на Мамель, побудилъ короля оставить преслѣдованіе генерала Денисова, а шведовъ—отступить за Кюмень (21 апр). Не остались русскіе въ долгу у шведовъ и при Савитайпалѣ. Сюда явился генералъ-маіоръ Хрущовъ съ $1^1/_2$ тыс. и, послѣ трехчасовой безпрерывной канонады, отбросилъ отрядъ Г. М. Армфельта (4 тыс.), который въ этой

САВИТАЙПАЛЬ.

схваткѣ былъ раненъ. Безбородко хвалилъ Нумсена въ своихъ письмахъ, находя, что въ немъ сдѣлано было весьма хорошее пріобрѣтеніе.

Если бы шведы одолѣли при Савитайпалѣ, дороги къ Фридрихсгаму, Вильманстранду и Выборгу оказались для нихъ открытыми. Къ Выборгу, видимо, желалъ пройти король. Но за Выборгъ графъ И. П. Салтыковъ былъ спокоенъ. Когда до него дошли вѣсти о томъ, что король желаетъ атаковать Выборгъ 6 тысячами, графъ писалъ въ Петербургъ: «Если это правда, то оное намѣреніе пришло отъ его праздности.....»

Планъ сраженія при Пардакоскахъ
18 Апр. 1790 г.

А—Шведскія войска. Г—Колонна кн. Мещерскаго.
Б—Колонна Байкова. Д—Колонна Берхмана.
В—Колонна Сухтелена. Е—Отрядъ Ершова.
Ж—Отрядъ бар. Френсдорфа.

Масштабъ 1:42000

Происшедшія мелкія сшибки и нападенія никакой пользы ни той, ни другой сторонѣ не принесли. Удачи шведовъ дали болтливому Г. М. Армфельду удобный случай, въ письмахъ къ королю и женѣ, превознести подвиги своихъ подчиненныхъ: «Въ этой борьбѣ данъ примѣръ храбрости, которая превзошла les plus hauts faits héroiques». «Русскіе рады были, что ихъ не поколотили». Армфельтъ разсказывалъ еще, что его дикіе далекарлійцы производили ненужныя жестокости. Они открыли бѣгущихъ русскихъ солдатъ, которые скрывались въ лѣсу: «эти тигры никакой пощады не оказали, а изрубили ихъ въ куски, чтобъ доставить себѣ удовольствіе ограбить ихъ» [427]).

Шведамъ пришлось отказаться отъ задуманной ими зимней кампаніи въ Саволаксѣ. — Вторженіе въ русскую Финляндію предположено было произвести въ февралѣ или мартѣ (1790 г.), когда русскіе не успѣютъ сосредоточить своихъ силъ, а флотъ— лишенъ возможности дѣйствовать. Общій планъ шведовъ сводился къ совмѣстному дѣйствію арміи и флота, которые предполагали соединиться у Выборга и слѣдовать затѣмъ къ столицѣ. На дѣлѣ они произвели рядъ разрозненныхъ случайныхъ сраженій, которыя ихъ къ цѣли не приблизили.

Недовольный моряками Армфельтъ впослѣдствіи писалъ: «Большой флотъ всему виноватъ. Въ сто тысячъ разъ было бы лучше сжечь его въ Карлскронѣ, тогда онъ, по крайней мѣрѣ, не стоилъ бы денегъ».

ОКРЕСТНОСТИ ВИЛЬМАНСТРАНДА.

Раненый Г. М. Армфельтъ надѣялся, что его замѣнитъ Стедингкъ: «Его личность навѣрное имѣетъ такую же цѣну, какъ армія», писалъ онъ королю. Но король былъ о немъ иного мнѣнія: «Стедингкъ—генералъ, т. е. онъ хорошо дерется, чтобы защищать себя, но онъ не рѣшится дѣйствовать».

Король ободрялъ Стедингка своими успѣхами. «Я сжегъ магазины русскихъ на берегу и уничтожилъ 15 пушекъ, которыя везли изъ Выборга въ Фридрихсгамъ. Я желаю, чтобы вы произвели нападеніе со стороны Нейшлота и приблизились къ Кексгольму или Выборгу..... Нужно дѣйствовать не столько осторожно, сколько смѣло. Оставить Пумала и идти впередъ; взгляните на карту и сообразите, гдѣ я нахожусь; поймите, что я намѣренъ сдѣлать и подумайте, каково будетъ затруднительное положеніе непріятеля. Однимъ словомъ, будьте генераломъ Карла XII. Бываютъ случаи, въ которыхъ смѣлость есть истинное благоразуміе» [428]). Стедингкъ однако ничего не сдѣлалъ.

Въ Ревелѣ находилась эскадра, состоявшая изъ 17 судовъ и болѣе 9 тыс. человѣкъ, подъ начальствомъ В. Я. Чичагова. 1-го мая къ гавани подошелъ шведскій флотъ: 27 судовъ, 13 тыс. человѣкъ.

2 мая флотъ сразился здѣсь довольно оригинально. Шведскія суда, въ теченіе двухъ часовъ, поочередно корабль за кораблемъ, проходили мимо нашей боевой линіи, дѣлая выстрѣлы или

Ревельское сраженіе 2 мая 1790 г. Взятіе шведскаго корабля «Принцъ Карлъ».

производя цѣлые залпы. Наши стрѣляли «порядочно, съ осмотрительностью и на должномъ разстояніи. Русскіе произвели 13.065 выстрѣловъ. При такомъ способѣ нападенія въ убыткѣ остались, конечно, шведы: они понесли большія потери въ людяхъ и поврежденія въ судахъ.—Корабль «Принцъ Карлъ», имѣвшій 520 чел. команды, попался въ плѣнъ.—Другой корабль, ставшій на мель, былъ сожженъ самими шведами. «Оставьте сабли при себѣ, какъ доказательство вашей храбрости», сказалъ Чичаговъ плѣннымъ шведскимъ офицерамъ. Герцогъ Зюдерманландскій во время сраженія находился на фрегатѣ «Улла-Ферзенъ» за боевой линіей и оттуда распоряжался движеніемъ судовъ. Адмиралъ

В. Я. Чичаговъ за ревельское сраженіе былъ украшенъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго.

«Король шведскій мечется повсюду, яко угорѣлая кошка и конечно истощаетъ всѣ свои возможности на нынѣшнее время,— писала Императрица 13 мая князю Потемкину... Диспозиція шведскаго великаго адмирала, принца Карла, нечаянно сама собою въ оригиналѣ приплыла къ ревельскому берегу, съ сожженнаго шведами, я чаю, корабля» [429]).

Мы сейчасъ встрѣтимся съ подвигами моряка, имя котораго должны знать и помнить русскіе люди.

Капитанъ I-го ранга Петръ Борисовичъ Слизовъ—такъ зовутъ скромнаго героя, подвиги котораго долго оставались похороненными подъ архивной пылью. Сколько такихъ славныхъ дѣятелей, честно послужившихъ родинѣ на трудныхъ постахъ, требовавшихъ тяжелыхъ жертвъ. Наша исторія мѣстами только потому малоинтересна, что она до сихъ поръ не описала подвиги многихъ своихъ славныхъ героевъ. Въ формулярномъ спискѣ П. Б. Слизова значилось: «изъ придворно-служительскихъ дѣтей, грамотный». Кончилъ курсъ въ Петербургскомъ академическомъ училищѣ подштурманомъ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ сталъ участвовать со времени семилѣтней войны, проявляя храбрость и распорядительность. Онъ производилъ промѣры подъ непріятельскими ядрами, участвовалъ въ дессантахъ и пр. Въ 1769 г. мы видимъ его въ Средиземномъ морѣ, неизмѣнно отличаясь храбростью и исполнительностью.—Корабль взлетѣлъ на воздухъ, взлетѣлъ съ нимъ и Слизовъ. Онъ вынырнулъ изъ воды и спасся на обломкѣ вмѣстѣ съ своимъ капитаномъ Крузомъ. На другой день онъ, раненый и разбитый при паденіи, вновь въ бою при истребленіи турецкаго флота у Чесмы [430]).

Началась шведская война и Слизовъ продолжаетъ свои боевые подвиги. 3 (14) мая 1790 г. онъ неожиданно получилъ извѣстіе, что десятка три шведскихъ гребныхъ судовъ приближаются къ Роченсальму (Свенскъ-Зунду). «Извѣстіе это упало на Слизова, какъ Божій громъ». Никто не хотѣлъ вѣрить ихъ приближенію, но въ трубу разглядѣли синій флагъ съ тремя коронами, обозначавшими присутствіе шведскаго короля [431]). «Вотъ Ваше Сіятельство, каковы шведы,—писалъ И. П. Салтыковъ графу Безбородко изъ Выборга,—ей Богу не поспѣешь голову

причесать. У насъ только вчера рейдъ открылся, а они уже со своею флотиліей показались невдалекѣ отъ Фридрихсгама» [432]). Ни графъ Салтыковъ, ни принцъ Нассау-Зигенъ объ этомъ не предворяли; никто не зналъ, что флотилія уже двигалась. Къ вечеру новое извѣстіе: видѣли уже до 70 непріятельскихъ судовъ.

У насъ суда еще только приготовлялись къ кампаніи. За постройкою ихъ наблюдалъ Нассау-Зигенъ и его помощникъ, оберъ-интендантъ Балле. Въ Выборгскомъ отдѣленіи флотиліи состояло

КЕКСГОЛЬМЪ. ОСТАТКИ УКРѢПЛЕНІЙ.

до 2.700 чел.; вмѣстѣ съ Фридрихсгамскимъ отдѣленіемъ образовывался отрядъ въ 5 тыс. Кромѣ того предполагалось посадить на флотилію еще четыре армейскихъ полка и три гвардейскихъ баталіона. Все это составило-бы отъ 15 до 17 тыс. чел.

Шхерныя суда продолжали страдать прежними недостатками: они строились изъ сырого лѣса, почему подводная часть подвергалась скорому гніенію, а надводная щелялась такъ, что никакая конопатка и окраска не помогали. Болты держались слабо и при посредственномъ волненіи вся команда не поспѣвала отливать воду изъ трюма [433]).

Людей въ командѣ постоянно недоставало. Не хватало также времени для обученія ихъ дружной греблѣ на веслахъ и порядочной стрѣльбѣ.

Прошлогодній успѣхъ при Рочепсальмѣ имѣлъ то хорошее послѣдствіе, что онъ привлекъ въ шхерный флотъ молодыхъ офицеровъ, которые, ради будущихъ подвиговъ и наградъ, охотно садились на гардемаринскую скамью морского корпуса и изучали морское дѣло.

Нассау-Зигенъ, какъ и прежде, находился на особомъ положеніи. Галерная флотилія ввѣрялась ему съ тѣмъ, что онъ станетъ получать указы непосредственно отъ Ея Величества. Въ случаѣ общаго дѣйствія съ сухопутной арміей, онъ обязывался исполнять предписанія графа И. П. Салтыкова.

Одна изъ причинъ нашей неурядицы и полной неосвѣдомленности — отсутствіе централизаціи въ дѣлѣ обороны. Нассау-Зигенъ стоялъ почти независимо отъ И. П. Салтыкова. Принцъ вѣдалъ только укомплектованіе своего флота и дѣло политики на себя не принималъ. Начальники точно забыли о существованіи инициативы у противника. Зимнее наблюденіе за непріятелемъ принцу Нассау-Зигену не было поручено. Военный Совѣтъ Императрицы разсматривалъ лишь тѣ вопросы, которые ему передавались. Въ остальномъ члены Совѣта умывали руки, надѣясь на личное усмотрѣніе Императрицы и главнокомандующаго. Графъ И. П. Салтыковъ смѣнилъ Мусинъ-Пушкина въ началѣ апрѣля и лишь 25 числа прибылъ къ арміи. «Очень досадно» — писалъ графъ Салтыковъ,— «что онъ, непріятель, могъ насъ такъ оплошно найти; а съ другой стороны и немудрено, потому что непріятель всѣ наши щели знаетъ и всему счетъ вѣрный имѣетъ по непрестаннымъ извѣстіямъ здѣшнихъ обывателей, кои, можно сказать, генерально ему преданы». Въ другомъ письмѣ графъ призналъ, что шведы «истинно умѣютъ воевать и поворотливы и къ тому (у нихъ) всегда все есть» [434]). Мы такимъ образомъ похваливали шведовъ, признавали ихъ серьезными врагами, но своихъ недочетовъ не исправляли, со своей халатностью не разставались. Третій годъ тянулась война и третій разъ мы начали кампанію вяло, съ запозданіемъ и неподготовленными къ ней. Уроки прошлаго нами впрокъ никогда, кажется, не шли.

Въ теченіе кампаніи 1790 г. король Густавъ имѣлъ въ виду нанести намъ главный ударъ своей шхерной флотиліей, поэтому всѣ верфи Швеціи и Финляндіи заняты были постройкой и починкой гребного флота. Въ началѣ апрѣля Густавъ III находился уже въ Финляндіи.

Хорошо вооруженная шведская флотилія короля имѣла въ своемъ составѣ 154 судна, при 1.600 орудіяхъ и 10 тысячъ

команды. Стокгольмскій историкъ идетъ дальше и говоритъ: прибывшія изъ Швеціи шхерныя суда присоединились къ шхерной эскадрѣ, которая такимъ образомъ состояла изъ 175 боевыхъ судовъ и имѣла до 13.000 чел. войска. Король Густавъ стоялъ во главѣ величайшей шведской морской силы, которая когда-либо прежде была собрана [435]). Слизовъ, которому приходилось принять на себя первый ударъ этой флотиліи, могъ собрать только 63 судна, 408 орудій и 2205 бойцовъ. Слѣдовательно, шведская эскадра, готовившаяся атаковать насъ, превосходила силы отряда Слизова въ четыре раза. Но Слизовъ не тотъ, который пугается численнаго превосходства и впадаетъ въ уныніе. Неутомимый и настойчивый, онъ поставилъ 4 мая суда въ боевую линію и, собравъ командировъ, объяснилъ имъ наличное наше положеніе. Самъ онъ разсуждалъ просто, какъ подобаетъ воину. Отдавать суда непріятелю ни законъ, ни совѣсть не позволяютъ, а потому надо сражаться. «Если-бы даже мы рѣшили, какъ трусы, укрыться за пушки крѣпости, то извѣстно, что въ Фридрихсгамѣ гарнизона только и есть, что больные и старые... Если побѣдимъ, то за нами слава и награда; а по обязанности должны биться даже и на смерть, чтобы не стыдно было воротиться назадъ тому, кто останется въ живыхъ».—

С. А. ТУЧКОВЪ.

Мнѣніе Слизова единодушно и съ увлеченіемъ было поддержано всѣми. Всѣ честнымъ словомъ положили: судовъ шведамъ не сдавать, флаговъ не спускать. Командиры постановили оставлять суда послѣдними и зажигать ихъ.

«Поѣзжайте въ гавань, — приказываетъ Слизовъ офицеру С. А. Тучкову, — возьмите тамъ остальныя 15 канонерскихъ лодокъ, выведите ихъ за собою»... «Слушаю, отвѣчаетъ офицеръ: но знаю, что на тѣхъ лодкахъ нѣтъ ни людей, ни пушекъ». «Что принадлежитъ до людей, берите всѣхъ, кого встрѣтите въ городѣ, а о пушкахъ я буду стараться» [436]). И люди нашлись, и пушки были отысканы.

Ночь была мрачна. Шелъ мелкій дождь. Слизовъ не смыкалъ глазъ. Въ три часа онъ, съ полнымъ равнодушіемъ ко всякой опасности, на шлюпкѣ осмотрѣлъ непріятельскую флотилію и собралъ изумительно точныя свѣдѣнія. Едва забрежжилъ свѣтъ, какъ шведы пришли въ движеніе и сильной греблей спѣшили къ нашей эскадрѣ. Жаркой канонадой обрушились они на русскихъ. Наши суда грозно молчали, подпуская ихъ на картечный выстрѣлъ. Слизовъ на катерѣ. Разсылать ему некого было и онъ всюду поспѣваетъ самъ. «Начать бой», гласитъ его сигналъ, и шведская линія встрѣчена дружнымъ залпомъ. Среди непріятеля колебаніе и всюду почти перестаютъ грести. Завязывается жестокая перестрѣлка. Гремятъ и грохочутъ болѣе 2 тысячъ орудій. Канонада слышна на косѣ Кронштадта. — Три часа не смолкаетъ стрѣльба, и три часа ведется самый упорный бой.—Мѣтко разятъ наши выстрѣлы. Правое крыло шведовъ подалось назадъ. «Ура» — раздалось среди русскихъ. Дрогнуло и лѣвое крыло непріятеля...

Но вдругъ русскіе выстрѣлы стали рѣдѣть... Непріятель вновь переходитъ въ наступленіе. Слизовъ, отважный Слизовъ, приказываетъ отступать.... Гдѣ причина такого неожиданнаго оборота боя? Оказывается, что у русскихъ недостало снарядовъ, они стрѣляли уже холостыми зарядами и ихъ дымомъ прикрывали свое вынужденное отступленіе. Командиры исполнили свое обѣщаніе: ни одинъ флагъ не былъ спущенъ. Восемь командировъ попали въ плѣнъ только потому, что не желали нарушить своего честнаго слова: они остались послѣдними на своихъ судахъ.

Поведеніе П. Б. Слизова въ этомъ сраженіи выше всякой похвалы.

Русскіе ушли съ мѣста боя, но шведы не въ состояніи были ихъ преслѣдовать, утомленные усиленной греблей, ночными передвиженіями и упорнымъ сраженіемъ. «Побѣда досталась сама собой,—пишетъ въ своемъ дневникѣ участникъ боя, шведъ Sillén, благодаря нашему численному превосходству и сюрпризу—стрѣльбѣ холостыми зарядами на большомъ разстояніи» [437]).

Шведамъ достались три большихъ разбитыхъ нашихъ судна, до 10 судовъ было сожжено и т. д., всего мы потеряли до 26 судовъ. Убитыхъ у насъ было 65 человѣкъ, а всего выбыло изъ строя 242 человѣка. «При нашемъ Слизовскомъ дѣлѣ,— писалъ графъ Салтыковъ, — на его канонерскихъ лодкахъ всего по 40 и 30 зарядовъ находилось, да и то нагружать сталъ, когда непріятель показался»... Въ другомъ письмѣ къ тому же графу

Безбородко нашъ главнокомандующій заявилъ, что у шведовъ едва-ли не 186 судовъ. «Какимъ-же способомъ было Слизову съ 60 или 70 судами драться. Однакожъ и тутъ ихъ прогналъ; но недостатокъ въ зарядахъ послѣдовалъ, а непріятель, увидя сію слабость, и жестоко наступать сталъ, что и дало ему поверхность» [438]).

Слизовъ выполнилъ свою задачу: онъ временно задержалъ и наступленіе большой флотиліи и дессантъ шведовъ. Онъ сильно озадачилъ короля, лично стоявшаго во главѣ шхерной флотиліи, спасъ Фридрихсгамъ и измѣнилъ весь ходъ послѣдующихъ военныхъ дѣйствій.

И тѣмъ не менѣе, кто на Руси знаетъ имя этого доблестнаго героя Петра Борисовича Слизова? Онъ не оставилъ по себѣ блестящаго и громкаго воспоминанія потому, что дѣло 4 мая 1790 г. не увѣнчалось побѣдой, а мы не умѣемъ разглядѣть высокаго подвига въ славномъ исполненіи долга, когда оно заканчивается отступленіемъ. И въ отступленіяхъ иногда кроется высокій героизмъ. Отступленіе Слизова относится къ подобнымъ рѣдкимъ героическимъ подвигамъ и государственнымъ заслугамъ. Современники старались не предавать гласности дѣла подъ Фридрхсгамомъ, такъ какъ оно обрисовывало многихъ въ крайне невыгодномъ свѣтѣ и служило укоромъ ихъ воинской безпечности и недостаточной разработки плана кампаніи. Тогда предпочитали сохранять молчаніе о подвигѣ Слизова, но лѣтопись нашихъ дней должна громко возвѣстить о немъ, дабы потомство воздало должное славной памяти своихъ доблестныхъ предковъ.

Послѣ сраженія, король прислалъ своего адъютанта требовать сдачи крѣпости Фридрихсгама. Но было уже поздно. Пока шелъ бой въ заливѣ, комендантъ Фридрихсгама, полковникъ фонъ-Экъ, послалъ гонца къ генералу Нумсену и къ вечеру на выручку крѣпости явился Елецкій полкъ. Комендантъ могъ теперь уже держаться. Слизовъ кромѣ того не терялъ дорогого времени. Онъ запрудилъ входъ въ гавань лайбами, а свои суда поставилъ подъ защиту крѣпостныхъ орудій. «Если крѣпость будетъ сдана,—сообщалъ онъ въ Выборгъ,—то у меня все готово, чтобы сжечь флотилію до послѣдняго судна».

«Въ (швед.) флотѣ наблюдалось общее веселье; не менѣе радовались въ главной квартирѣ,—пишетъ очевидецъ капитанъ Силле́нъ (Sillén). Довольство короля не поддается описанію простого пера». Онъ рѣшилъ выбить медаль въ ознаменованіе успѣха и

роздать ее всѣмъ участникамъ дѣла. Онъ находилъ побѣду наиболѣе совершенной, какую въ состояніи указать исторія (Han ansåg denna seger fullkomligare än någon som historien kan uppte) и сомнѣвался, въ состояніи ли Императрица будетъ оспорить ее, когда ни единая доска непріятельскаго флота не миновала рукъ побѣдителей.—Особенно довольный собой, онъ воображалъ, какой шумъ по этому поводу подымутъ газеты Стокгольма. Нѣсколько разъ онъ выразилъ желаніе хоть на мгновеніе попасть въ Стокгольмъ, когда туда прискачетъ курьеръ съ вѣстью побѣды [439]).

Шведы пытались 9 мая взять Фридрихсгамъ и уничтожить наши суда. Три часа продолжалась ихъ бомбардировка, но успѣха она не имѣла; два осадныхъ орудія, подвезенныхъ къ правому флангу крѣпости, разрушили ихъ планы.

О томъ, что дѣлалось въ Фридрихсгамѣ, очевидецъ С. А. Тучковъ разсказываетъ слѣдующее: Слизовъ собралъ военный совѣтъ; онъ состоялъ изъ коменданта, начальника артиллеріи (оба нѣмцы) и офицера Тучкова. «Гарнизонъ у меня есть, сказалъ Слизовъ, а дѣйствовать артиллеріей, надѣюсь я, найдетъ способъ г. капитанъ Тучковъ». «Пушки стоятъ на валу,—сказалъ начальникъ артиллеріи,—но нѣтъ матеріи для зарядовъ. Я нѣсколько разъ требовалъ матерію, но мнѣ ничего не отвѣчали». Капитанъ Тучковъ послалъ людей во всѣ лавки брать бумагу, полотно и всякую тонкую матерію, а всѣхъ женщинъ заставилъ шить узкіе мѣшки. Жители все это исполнили съ большой поспѣшностью. Когда явились шведы, орудія стрѣляли. Правда, наша собственная артиллерія причинила намъ болѣе вреда, нежели непріятели. Орудія разрывались, лафеты ломались и въ результатѣ: 25 убитыхъ и 75 раненыхъ [440]).

Вмѣсто того, чтобы настойчиво осадить городъ, шведы отплыли. Нѣкоторые изъ генераловъ Густава III шутя говорили, что Его Величество «много почитаетъ Фридрихсгамскихъ дамъ, и не хочетъ пугать ихъ, атакуя въ правду городъ. Итакъ Фридрихсгамъ въ другой разъ чуднымъ образомъ былъ спасенъ». Шведы много разъ приступали къ дѣлу съ хорошимъ планомъ, говоритъ современникъ, но никогда не имѣли терпѣнія довести его до конца [441]).

Капитанъ Виргинъ (Virgin), руководившій 9 мая шведами, вернулся къ королю, показалъ ему свою рану и своего изуродованнаго ядромъ рулевого: его ноги оставались на мѣстѣ, а туловище перевалилось за бортъ. Несчастный подавалъ еще признаки жизни.

Взглянувъ на раненаго воина, король сказалъ окружающимъ: «Какъ онъ напоминаетъ мнѣ ту набитую чучелу, которую въ оперѣ Густавъ Ваза бросаютъ съ городской стѣны»! Часъ спустя, король повторилъ свое замѣчаніе о поразительномъ сходствѣ убитаго солдата и чучелы [442])....

Шведы господствовали въ шхерахъ на всемъ пространствѣ отъ Або до Выборга. На берегу они начали тревожить насъ дессантами, сжигая казенныя зданія. «Ради Бога, высылайте скорѣе резервную эскадру,—писалъ И. П. Салтыковъ графу Безбородко,—истинно галеры все проклятыя сожгутъ. Войска ихъ судовъ . . . здѣсь шатаются. Обстоятельства истинно нехороши». «Высылайте Нассау: истинно стыдно, что непріятель своею флотиліею разъѣзжаетъ; уже другой рапортъ имѣю, что въ 70 судахъ былъ у Питконеми, а сегодня уже въ 20 верстахъ къ Выборгу, стоятъ» [443]).

Адмиралъ А. И. КРУЗЪ.

Екатерина II, зная о грозившей городу опасности, но очевидно не имѣя еще свѣдѣній объ исходѣ дѣла, приказала: «Если возьмутъ Фридрихсгамъ, то напиши (графъ Безбородко) отъ меня графу Салтыкову, чтобы его паки добылъ» [444]).

Хотя нашъ главнокомандующій графъ И. П. Салтыковъ неподвижно просидѣлъ въ Выборгѣ, но тѣмъ не менѣе въ сухопутныхъ войскахъ проявлено было болѣе предпріимчивости и живости, чѣмъ при его предмѣстникѣ.

Наши морскія операціи временно оживились вслѣдствіе того, что одной эскадрой командовалъ храбрый морякъ Крузъ. Александръ

Ивановичъ Крузъ прекрасный флотскій офицеръ. Его отецъ—датскаго происхожденія; онъ долго былъ на нашей службѣ и достигъ званія капитанъ-командира. А. И. Крузъ, родившійся въ Москвѣ, отличался точностью выполненія своихъ служебныхъ обязанностей. Но проявлялъ вспыльчивость и строптивость. П. В. Чичаговъ въ своихъ запискахъ характеризуетъ Круза какъ человѣка нестерпимаго характера, горячаго, увлекающагося, легкомысленнаго. Во флотѣ не было человѣка, съ которымъ бы не поссорился Крузъ. При всѣхъ этихъ качествахъ П. В. Чичаговъ признаетъ его человѣкомъ благороднѣйшей и добрѣйшей души, пріятнымъ собесѣдникомъ, но для подчиненныхъ очень тяжелымъ [445]). При Хіосѣ (24 іюня 1770 г.) онъ шелъ въ атаку на линію турецкихъ кораблей съ музыкой. Когда въ бою судно его противника загорѣлось, то онъ, впереди своихъ матросовъ, тушилъ пожаръ на непріятельскомъ кораблѣ. Во время взрыва «Память Евстафія», А. И. Крузъ, вмѣстѣ съ Слизовымъ и Миллеромъ, были сброшены въ воду, но спаслись на корабельномъ обломкѣ. Вблизи показалась шлюпка съ его людьми; вмѣсто помощи, онъ получилъ ударъ весломъ по головѣ. Оказалось, что матросъ мстилъ за его строгость; но, по настоянію другого матроса, помощь была подана.—Крузъ съ этой минуты обѣщалъ иное обхожденіе. И, дѣйствительно, онъ проявлялъ большую заботливость о своихъ подчиненныхъ, строгое безпристрастіе и твердость въ выполненіи долга. Онъ пользовался общимъ расположеніемъ. Въ 1790 году Крузу было 64 г., и, несмотря на тяжелыя раны, былъ подвиженъ, бодръ и попрежнему неуступчивъ. Когда началась война, многіе ожидали, что во главѣ нашего флота, послѣ храбраго Грейга, поставленъ будетъ Крузъ. Его рекомендовали вниманію Императрицы съ разныхъ сторонъ, но она, зная его характеръ, отвѣтила отказомъ, находя, что онъ вообще «несчастливъ на морѣ».

Когда въ 1790 г. Круза поставили во главѣ большой эскадры, молодежь горѣла желаніемъ сразиться съ непріятелемъ подъ его командой. Самъ Крузъ, какъ воинъ въ душѣ, всегда былъ готовъ атаковать непріятеля тамъ, гдѣ застанетъ его.

12 Мая 1790 г. Крузъ получилъ указъ «выступить въ повелѣнное плаваніе».

Команды на судахъ попрежнему пополнялись рекрутами и даже арестантами. Брали людей изъ мастеровыхъ, прядильщиковъ и кронштадтскихъ купцовъ. «У насъ нынѣшній годъ съ людьми

СРАЖЕНІЕ у КРАСНОЙ ГОРКИ 23 и 24 МАЯ 1790 Г.

совершенное наказаніе», писалъ П. Ив. Пущинъ. «Весьма много идетъ въ госпиталь, много умираетъ». Не хватало штурмановъ. Даже конопатчиковъ въ Кронштадтѣ оказалось только 20 человѣкъ.

Крузъ былъ не изъ тѣхъ, кому нужны напоминанія и повторенія. Общее настроеніе въ правительственныхъ сферахъ было нервнымъ и безпокойнымъ. Въ дневникѣ Храповицкаго отмѣчено: «20 мая. Крузъ за противнымъ вѣтромъ въ 9 час. утра еще не пошелъ.—Императрица недовольна».

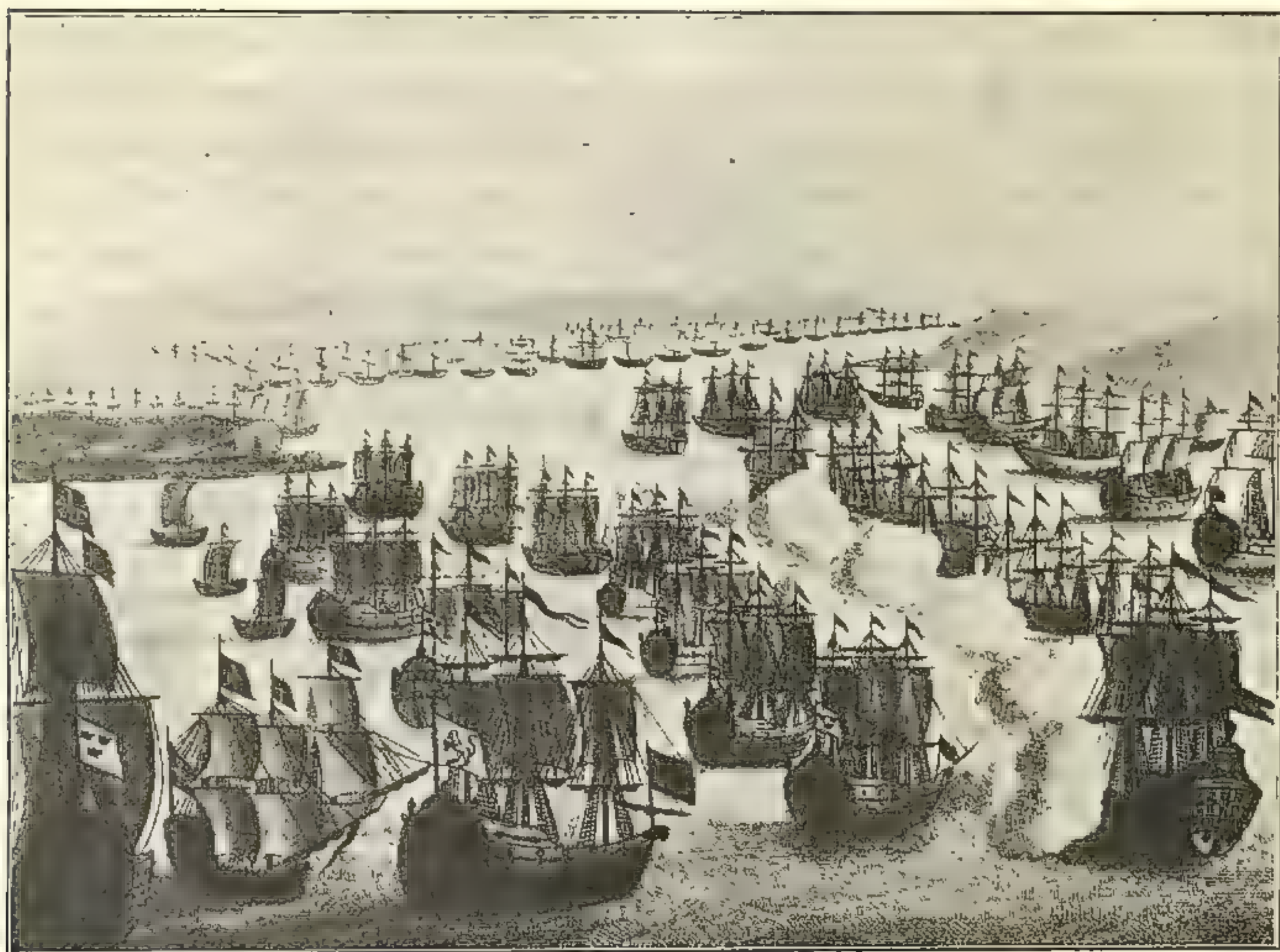
Конечно, трудно было сохранять спокойствіе, когда непріятель подходилъ столь близко, что перестрѣлка съ нимъ слышна въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ, когда изъ предосторожности люди ночевали въ Кронштадтѣ у пушекъ и приготовили брандскугели. «Какой-то Богъ пошлетъ конецъ»,—писалъ главный командиръ порта Пущинъ графу Чернышеву. Большее успокоеніе Петербургу вскорѣ принесли энергичныя дѣйствія А. И. Круза.

У мыса Стирсудденъ (около Красной Горки) Крузъ встрѣтился со шведами и съ честью выдержалъ всѣ ихъ нападенія. У шведовъ имѣлось 22 линейныхъ корабля, 8 большихъ фрегатовъ, 2 тысячи орудій и 15 тыс. человѣкъ. У Круза налицо состояло только 17 кораблей, 1.400 орудій и менѣе 11 тысячъ человѣкъ. Всѣ преимущества находились на сторонѣ шведовъ. Кромѣ того, они долѣе плавали, ихъ люди болѣе привыкли къ исполненію своихъ обязанностей. У насъ всюду сборныя команды, дополненныя бѣглыми, впервые попавшими на суда. У Густава были всѣ шансы загнать русскихъ въ Кронштадтъ и произвести давно задуманную высадку или у Ораніенбаума, или на сторонѣ Сестрорѣцка. Петербургъ въ это время охранялся одной милиціей, набранной изъ его обывателей. Участь столицы зависѣла въ этотъ моментъ отъ дѣйствій Круза, и онъ смѣло заявилъ, что «шведы не пройдутъ такъ, какъ, развѣ, по щепамъ его кораблей».

Авангардомъ русской эскадры командовалъ вице-адмиралъ Яковъ Филип. Сухотинъ, арріергардомъ—контръ-адмиралъ Лар. Аф. Повалишинъ.

Сблизившись 23 мая съ непріятельскимъ флотомъ, Крузъ поднялъ сигналъ: «атаковать непріятеля на ружейный выстрѣлъ». Шведы открыли жестокій огонь. Наши суда пока молчали, надвигаясь на непріятеля. Подошли еще ближе и засыпали шведовъ градомъ снарядовъ. Адмиральскій корабль Круза впереди, въ самомъ жаркомъ огнѣ. Сраженіе идетъ упорно по всей линіи. Наши дерутся молча и упорно. У вице-адмирала Як. Фил. Сухо-

тина ядромъ оторвало ногу; на «Сысоѣ Великомъ» разорвало пушку. Орудія разрывались и на другихъ корабляхъ; всего въ эскадрѣ Круза разорвало 25 орудій. Слѣдствіе установило, что они были отлиты при Петрѣ В. въ Воронежѣ и состояли на службѣ около сотни лѣтъ. «Едва-ли не болѣе опаснымъ для насъ непріятелемъ были наши собственныя пушки», писалъ историкъ этой войны В. Ф. Головачевъ. Но ничто не смущаетъ

КРАСНОГОРСКОЕ СРАЖЕНІЕ 23 и 24 мая 1790 г.

нашихъ бойцевъ: они исполняютъ свой долгъ. Въ 6 час. корабли шведскаго авангарда начали уклоняться отъ боя. Въ 7 час. выстрѣлы рѣдѣютъ, и скоро все смолкло, окутанное дымомъ.

Первое сраженіе у Стирсуддена, продолжавшееся съ 4 до 8 час. утра, было выиграно русскими: они сохранили свои мѣста и море осталось за ними, шведы отступили. А. И. Крузъ на катерѣ объѣхалъ и осмотрѣлъ свои корабли.

Около 11 час. на горизонтѣ показалось до 20 непріятельскихъ шхерныхъ судовъ. Они издали открыли стрѣльбу; ядра не достигали нашихъ кораблей; адмиралъ послалъ наши гребные фрегаты Деннисона, и они, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, отогнали шведовъ въ Бьерке-Зундъ.

Около часа пополудни шведы вновь приблизились. Въ нашемъ центрѣ стоялъ адмиральскій корабль «Іоаннъ Креститель» и на немъ играла музыка. Крузъ отвѣтилъ шведамъ сильнымъ и мѣткимъ огнемъ. Къ 4 часамъ шведскій флотъ повернулъ обратно и ушелъ за предѣлы нашихъ выстрѣловъ. Вечеромъ (въ 6 час.) шведы повторили свою попытку приблизиться къ нашимъ судамъ, но и на этотъ разъ успѣха не имѣли.

Къ 7 часамъ веч. сраженіе окончилось; нашъ строй уменьшился на 340 человѣкъ. Были и порядочныя поврежденія на русскихъ судахъ.—Шведы понесли неменьшія потери.

На другой день, 24 мая, упорное сраженіе по всей линіи началось въ 5 час. Атака шведовъ на насъ продолжалась не долго: въ началѣ 9 часа вечера они находились далеко на вѣтрѣ. А. И. Крузъ вынужденъ былъ держаться болѣе оборонительнаго положенія. Отъ стрѣльбы шведовъ получалось временами такое впечатлѣніе, точно у нихъ ощущался недостатокъ въ снарядахъ. За два дня Красногорскаго сраженія наши суда сдѣлали болѣе 36 тысячъ выстрѣловъ.

Дѣйствія А. И. Круза удостоились общаго одобренія. Денисонъ сообщалъ Нассау-Зигену: «Г-нъ адмиралъ Крузъ за всѣ свои дѣйствія, за свое хладнокровіе и мужество заслуживаетъ самую великую похвалу . . . Мы гнались за непріятелемъ, но погоня эта была скоро прекращена, по причинѣ робости нѣкоторыхъ командировъ судовъ». Четверо уклонились отъ сраженія . . . Другой иностранецъ, находившійся въ нашемъ флотѣ, Джемсъ Тревененъ, также не могъ воздержаться, чтобы въ письмѣ къ графу Безбородко не присоединить свои скромныя похвалы «тому хладнокровію, осторожности, благоразумію и храбрости, которыми отличался блестящимъ образомъ нашъ достойный начальникъ г. адмиралъ Крузъ въ послѣднихъ нашихъ сраженіяхъ со много превосходными силами непріятеля» [446]).

25 и 26 мая Крузъ преслѣдовалъ непріятеля и требовалъ отъ своихъ судовъ, чтобы они «по способности» атаковали его.

Въ это время приблизились ревельскія суда адмирала В. Я. Чичагова, и онъ естественно сдѣлался начальникомъ соединенныхъ эскадръ. Положеніе русскихъ было чрезвычайно выигрышное. Сильная и нетронутая эскадра Чичагова, находясь по западную сторону Сескаря, могла нанести сокрушительный ударъ изнуренному сраженіями шведскому флоту. Рѣдко въ періоды войны представляются столь благопріятные моменты для истребленія

*

силъ противника, какой создался теперь, но Чичаговъ, къ сожалѣнію, не воспользовался ими. Капитанъ I ранга Джемсъ Тревененъ—англичанинъ, очень просвѣщенный человѣкъ, пользовавшійся общимъ расположеніемъ и довѣріемъ,—писалъ графу Безбородко, что «мы пропустили лучшій изъ случаевъ, который намъ когда-либо представится для того, чтобы уничтожить шведскій флотъ». А. И. Крузъ въ донесеніи Императрицѣ сказалъ: «Принужденъ признаться Вашему Императорскому Величеству, что уходъ непріятеля не только весьма чувствителенъ для меня, но и для всѣхъ моихъ храбрыхъ подчиненныхъ; тѣмъ паче, что, по дошедшимъ до меня извѣстіямъ, шведы находились въ чрезвычайномъ уныніи несказанно отъ этого дву-огненнаго положенія, отъ котораго, надобно думать, *одинъ только туманъ* могъ избавить непріятеля, безъ успѣха со мною сражавшагося» . . .

АДМИРАЛЪ А. И. КРУЗЪ.

Екатерина ожидала продолженія сраженія, и она предписала Чичагову: «атаковать и истребить шведскій флотъ». Адмиралъ Чичаговъ отговаривался тѣмъ, что «случившійся туманъ» помѣшалъ ему видѣть непріятеля.

Послѣ описаннаго становится понятнымъ, что вся морская кампанія противъ шведовъ приняла-бы иной оборотъ, если-бы Екатерина II во главѣ флота рѣшилась поставить А. И. Круза. Общественный голосъ указывалъ на него, какъ на храбрѣйшаго, но Императрицѣ не нравилась его неуживчивость [447]). Нерасположеніе Екатерины къ адмиралу Крузу ярко сказалось въ томъ недовольствѣ, которое она выражала два дня кряду, вслѣдствіе неожиданнаго допущенія его въ утреннюю уборную (7 сент. 1790 г.).

Готовясь къ кампаніи 1790 г., Густавъ предполагалъ идти прямо на Петербургъ и атаковать его. И надо думать, что Петербургъ жилъ тревожно, когда шведскія орудія грохотали у Стирсуддена. Ланжеронъ утверждаетъ: «Кто не былъ въ Петербургѣ въ данную минуту, не можетъ составить себѣ понятіе объ отчаянномъ положеніи этой столицы и о сильномъ безпокойствѣ, въ ней господствовавшемъ».

Пальба отъ Сескара (почти въ 40 верстахъ отъ Кронштадта) «хотя и томно» была слышна въ Петербургѣ. «Ужасная канонада слышна съ зари почти во весь день въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ»; Петербургъ и его окрестности были «преисполнены страха» и находились «въ жалкомъ положеніи». Дворъ былъ озабоченъ участью нашей эскадры, зная ея состояніе.

Два побочныхъ обстоятельства усилили дурное настроеніе. Взорвало лабораторію. Уничтожено 500 начиненныхъ бомбъ, убитъ одинъ солдатъ. Взрывъ вызвалъ переполохъ въ городѣ. Наконецъ, всѣхъ всполошилъ офицеръ, доставившій невѣрное извѣстіе объ отступленіи эскадры адм. Круза.

Ланжеронъ находилъ, что Густавъ легко могъ произвести высадку у Пентеле, у Бьерке и у Сестрорѣцка и оттуда идти къ Петербургу. У Екатерины въ этотъ періодъ было наполовину меньше войска, чѣмъ у Густава.—Подойдя къ Невѣ, шведы могли бомбардировать дворецъ Императрицы и распространить ужасъ во всей столицѣ. Но Густавъ не отважился на этотъ шагъ; онъ приказалъ герцогу Карлу уйти въ Выборгскій заливъ [448]).

Въ началѣ іюня, сообщая новости дня князю Потемкину, Екатерина писала: «Всѣ сіи три дня (когда адмиралъ Крузъ схватывался со шведами) въ городѣ стрѣльба весьма ясно слышна была . . . Я ѣздила 29 мая въ Петербургъ и Кронштадтъ, тутъ стрѣльба такъ слышна была, что окна тряслись [449])».

Надо полагать, что въ періодъ борьбы съ Густавомъ обыватели Петербурга вообще переживали тревожные дни. «Почти ночь не спала» (Императрица), читаемъ у Храповицкаго (отъ 3 мая): «Графъ Безбородко плакалъ».

Крузъ въ награду за отраженіе шведовъ получилъ Александра Невскаго, мызу въ Лифляндіи и табакерку съ надписью: «Громами отражая громъ, онъ спасъ Петровы градъ и домъ [450])».

---

26 мая 1790 г., когда наши эскадры соединились у Сескара и составили внушительную силу изъ 54 судовъ, шведскій флотъ расположился у Крюсерорта, въ Выборгскомъ заливѣ. Русская шхерная флотилія вице-адмирала Козлянинова оказалась такимъ образомъ запертой за Трапзундомъ въ Выборгскомъ рейдѣ.

Опытные русскіе моряки не могли предположить, чтобы шведскій флотъ дерзнулъ пойти къ Выборгу. Онъ, видимо, второпяхъ принялъ такое отчаянное рѣшеніе. Крузъ смотрѣлъ на

дѣло нѣсколько иначе, какъ это видно изъ его письма къ графу Чернышеву. «Хотя и странно кажется, что непріятель сперся въ Выборгскую бухту и тѣмъ подвергъ себя не малымъ опасностямъ, но сіе произошло ни отъ оплошностей, ни отъ какихъ-либо хитростей: а есть естественное слѣдствіе того положенія, въ которомъ онъ находился послѣ двухдневнаго сраженія . . . Уходя къ Выборгу, онъ подкрѣпляетъ и вспомоществуетъ дѣйствія своего гребного флота» . . . Но тѣмъ не менѣе непріятель сдѣлалъ рискованный шагъ, грозившій ему гибелью. Капитанъ Д. Тревененъ настаивалъ на томъ, что при малѣйшей энергіи съ нашей стороны флотъ шведовъ сдѣлался-бы легко нашею добычею и отъ него осталось бы одно воспоминаніе. Шведскіе писатели въ одинъ голосъ осуждаютъ рѣшеніе герцога Зюдерманландскаго и короля Густава. Храбрые наши моряки, говорившіе о возможности полнаго уничтоженія шведскаго флота, упустили изъ вида, что русскія суда были подчинены «водяному кунктатору» Чичагову. Скоро весь нашъ флотъ сталъ негодовать на нерѣшительность своего начальника, но этимъ дѣла не исправили.

ВИДЪ г. ВЫБОРГА.

Сила шведовъ оказалась весьма внушительной, они сосредоточили 27 тыс. человѣкъ при 4 тыс. орудіяхъ. У насъ во всемъ флотѣ набралось только 3 тыс. орудій и нѣсколько болѣе 20 тыс. человѣкъ. Шведы сосредоточились и сомкнулись. Наши силы были растянуты. Строптивый характеръ адмирала Круза былъ хорошо извѣстенъ королю, и онъ, зная, что Крузъ, какъ младшій, поступитъ подъ начальство Чичагова, разсчитывалъ на предстоящія крупныя недоразумѣнія между адмиралами. Помимо того, король ни минуты не сомнѣвался въ своей побѣдѣ, такъ какъ ему донесли, что Крузъ дважды «убѣгалъ» отъ шведскаго флота . . . Король имѣлъ даже въ виду предписать «Te Deum», по случаю побѣдъ (?) его флота надъ эскадрой Круза.

«Правда,—прибавляетъ его адъютантъ,—шведы ни одного судна не взяли, но зато ничего и не потеряли. Ужъ если надо исполнить «Te Deum», то возможно скорѣе, иначе обстоятельства могутъ измѣниться [451]»).

Выходовъ изъ Выборгской губы имѣлось нѣсколько, считая въ томъ числѣ и Бьерке-Зундъ. Какой изъ нихъ изберетъ шведскій флотъ? Но не ухода непріятельскаго флота ожидали наши храбрые моряки; они хотѣли сразиться съ нимъ и уничтожить его. Они продолжали оскорбляться бездѣйствіемъ Чичагова. Письма Салтыкова изъ Выборга также полны жалобъ . . . Флоты «стоятъ другъ противъ дружки безъ дѣйствія». «И чего нашъ почтенный старый адмиралъ ждетъ? . . . Богу свѣдуще: а минута кажется весьма хороша . . . А право пора на водѣ что-нибудь дѣлать» . . . «Я откровенно говорю, какъ честный человѣкъ, что ежелибъ все здѣсь безъ изъятія было въ моемъ точномъ и главномъ управленіи, вамъ отвѣчаю, чтобъ этихъ дурачествъ не было, и конечно непріятель въ Березовыхъ островахъ не праздновалъ . . . Скажите мнѣ хоть одинъ случай, гдѣ онѣ (силы на водахъ) мнѣ какое ни есть пособіе сдѣлали. Я же ихъ заградилъ батареями» . . .

Гр. И. П. Салтыковъ.

Много дней уже всѣ видятъ непріятеля, но никакихъ распоряженій не получаютъ. Вѣроятно, нашъ адмиралъ былъ такъ увѣренъ въ захватѣ всего блокированнаго флота, что считалъ излишнимъ предпринимать что-либо. «Онъ съ большой гордостью,—если вѣрить сообщенію І. А. Эренстрема,—отказывался принимать шведскихъ парламентеровъ, которыхъ никогда не пускали на бортъ его коробля и которые не были приняты имъ для разговоровъ, а ихъ всегда встрѣчалъ его сынъ, чтобы узнать ихъ порученіе».

Полезно было занять островъ Рондо; но его не занимали. «Я даже понять не могу,—читаемъ въ письмѣ Тревенена,—чтобы предводителю флота не бросилась въ глаза необходимость занять этотъ островъ»... Полезно было возвести батарею на мысѣ Крюсерортъ, но ее не строили [452]). Всѣ желали брандеровъ для общаго

сраженія, но ихъ не изготовили. «Старичекъ нашъ адмиралъ все мѣряетъ глубину,—сообщалъ графъ И. П. Салтыковъ графу Безбородко отъ 16 іюня,—и правда, что препакостное это мѣсто, гдѣ они стоятъ: но и стояніемъ городовъ не берутъ».

Особенно близко къ сердцу принималъ наши интересы Дж. Тревененъ. «Не слѣдуетъ,—настаивалъ онъ въ своемъ письмѣ къ графу Безбородко,—выпускать непріятеля. Теперь мы имѣемъ въ нашихъ рукахъ такой случай окончить однимъ ударомъ войну, какого намъ уже болѣе не представится никогда». Чѣмъ руководился нашъ флотоводецъ, неизвѣсто. Адмиралъ В. Я. Чичаговъ, вѣроятно, продолжалъ считать свой успѣхъ обезпеченнымъ, но онъ «судилъ, какъ умный мореходецъ, а не какъ люди, доводящіе себя до отчаянныхъ обстоятельствъ, въ каковыхъ находились шведы [453])». Графъ Салтыковъ случайно, конечно, но предсказалъ исходъ дѣла: «Ихъ флотъ при благопріятномъ вѣтрѣ или туманѣ уйдетъ, такъ и вся исторія кончится».

Если вѣрить дневнику Hochschild'a, то около этого времени 5—16 іюня 1790 г. король самъ написалъ риксдротсу, что онъ намѣренъ атаковать Петербургъ и съ моря, и съ суши [454]). Два ничтожныхъ отряда были направлены имъ къ Выборгу и Сестрорѣцку, но оба успѣха не имѣли [455]). 4 іюня на имя графа И. П. Салтыкова послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ съ длинной инструкціей для будущихъ дѣйствій подъ Выборгомъ, но пользы отъ нея для дѣла не проистекло, вслѣдствіе того, что слово царицы не устранило разрозненности въ командованіи. Графу Салтыкову надлежало лишь содѣйствовать флотамъ. Чичаговъ попрежнему молчалъ, какъ сфинксъ, и не проявилъ ни малѣйшаго желанія облегчить операціи сухопутныхъ частей. Адмиралъ, по донесенію главнокомандующаго, «все мѣритъ глубину».

Прошло уже 17 дней полнаго бездѣйствія. Отъ адмирала «ни слова». Графъ И. П. Салтыковъ тѣмъ временемъ достигъ двойной цѣли: онъ улучшилъ оборону Выборга и значительно обезпечилъ Выборгскую эскадру. «Выборгъ атаковать—можно поспорить»,—писалъ Салтыковъ графу Безбородко еще 1 іюня.— Слабѣе городъ былъ обезпеченъ со стороны Петербурга. Войска тамъ «по конфедераціи на подводахъ подвижною магазейною разъѣзжаютъ, какъ въ конфедерацкую войну бывало»...

Ланжеронъ, свидѣтель происходившаго, разсказываетъ, что Густавъ, запертый въ Выборгской бухтѣ, намѣревался было сжечь свой флотъ и направить свое войско сухимъ путемъ къ Петер-

ВЫБОРГСКОЕ СРАЖЕНІЕ 22 ІЮНЯ 1790 Г.

бургу. Если бы король рѣшился на подобный шагъ, то,—по мнѣнію Ланжерона,—онъ не встрѣтилъ бы сопротивленія [456]).

Нѣтъ сомнѣнія относительно того, что сами шведы признавали свое положеніе критическимъ. «Частыя совѣщанія герцога и адмираловъ у короля,—писалъ Іоаннъ-Альбертъ Эренстремъ,—ясно указывали всѣмъ на безвыходное, почти безнадежное положеніе. Предметъ этихъ совѣщаній хранился въ строгомъ секретѣ, и только долгое время спустя узнали, что въ этихъ разговорахъ вопросъ былъ возбужденъ о необходимости для короля начать переговоры о мирѣ съ русскимъ адмираломъ Чичаговымъ, и еслибъ они не удались, то передать на капитуляцію флоты, для спасенія короля и личнаго состава флота, но это предложеніе было рѣшительно отклонено королемъ. Какой мой братъ слабый и перемѣнчивый,—сказалъ король Эренстрему. Когда пріѣзжаетъ ко мнѣ со своими командирами судовъ, онъ говоритъ то же самое, что они, и раздѣляетъ ихъ мрачные взгляды. Когда же съ нимъ говорю наединѣ и указываю на то, чего отъ насъ требуетъ слава Швеціи и честь шведскаго имени, я воспламеняю его къ благороднымъ и мужественнымъ рѣшеніямъ, которыя, однакожъ, быстро исчезаютъ, какъ только онъ пріѣдетъ на свой корабль и очутится въ своей обычной средѣ». «Для незнающихъ ближе вашего величества и вашего брата кажется,—отвѣтилъ Эренстремъ,—что герцогъ съ своимъ открытымъ взглядомъ, своими усами, саблей на отвѣсъ и воинственной походкой именно тотъ, который отъ природы одаренъ рѣшительнымъ характеромъ и большой нравственной силой, тогда какъ ваше величество, съ вашимъ добрымъ лицомъ и кроткимъ обхожденіемъ, кажется, совсѣмъ не имѣете этихъ качествъ». «Ахъ,—отвѣчалъ онъ,—какъ публика ошибается въ этомъ своемъ мнѣніи»!

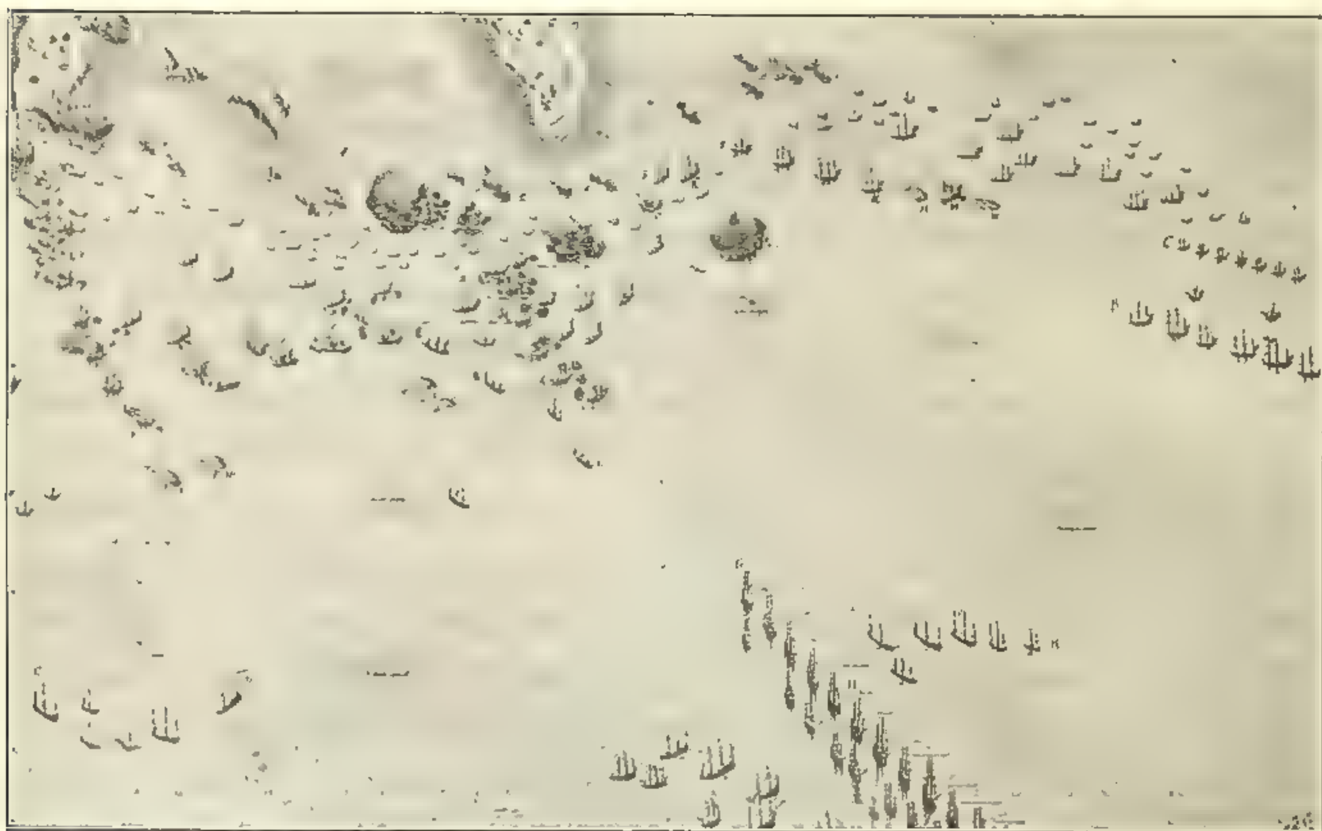
Эскадра съ трудомъ добывала себѣ воду, а запасы сухарей истощались. Число дезертировъ возросло. Команды изнурялись.

Шведы разсказываютъ, что Салтыковъ простеръ свою предупредительность такъ далеко, что ежедневно посылалъ королю и пищу и воду. По другимъ слухамъ, побѣда нашего флота казалась обезпеченной, и Екатерина послала запертому въ бухтѣ Густаву съѣстные припасы, вмѣстѣ съ предложеніемъ о сдачѣ.

Ночью 6 іюня шведы сдѣлали попытку атаковать наши береговые посты, но были отбиты.

Шведы, произведя у себя нужныя исправленія, задумали покончить съ нашей Выборгской шхерной флотиліей адмирала

Т. Г. Козляшнова. «Сидней Смитъ посовѣтовалъ, король рѣшилъ атаку, окружающіе произнесли «аминь [457])». Англійскій подполковникъ (23-лѣтній) Сидней Смитъ взялся руководить этимъ дѣломъ. Общая аттака на эскадру Козляшнова была назначена и приведена въ исполненіе (7 іюня). Смитъ былъ жестоко разбитъ и прогнанъ; на мѣстѣ онъ оставилъ до 300 тѣлъ; 50 плѣнныхъ и 4 знамени достались русскимъ.

Перспективный планъ Выборгскаго сраженія 22 іюня 1790 г.

Наконецъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій появился Нассау-Зигенъ, этотъ принцъ-загадка, какъ выразился Салтыковъ. Флотъ его до сихъ поръ, по выраженію короля Густава, сохранялся incognito.—10 іюня вся эскадра принца (въ 89 судовъ при 800 орудіяхъ) была въ сборѣ у Толбухина маяка. 21 іюня у Бьерке-Зунда шведы открыли по ней сильный огонь. Но въ полночь ихъ атаковали фрегаты капитана Деннисона, и шведы поспѣшили скрыться за острова. Мы ихъ преслѣдовали до $3^1/_2$ часовъ утра. Послѣ пятичасового сраженія весь заливъ Бьерке-Зундъ занятъ былъ нами.

Императрица жила полной увѣренностью, что шведскому флоту спасенія нѣтъ; 21 іюня она изъ Царскаго Села писала Гримму: «Въ настоящую минуту г. Фальстафъ можетъ выказать свою храбрость. Возьмите пожалуйста карту Балтійскаго моря и

отыщите Выборгъ. Оба шведскіе флота стоятъ между нашими тридцатью галерами и двумя эскадрами Ревельской и Кронштадтской, которыя имъ отрѣзываютъ сообщеніе съ моремъ и шведскими берегами; со стороны же Кронштадтскаго залива стоитъ принцъ Нассау съ флотиліей галеръ, шебековъ и другихъ весельныхъ судовъ, которымъ нѣтъ числа. Въ Выборгскомъ заливѣ, между рифами и камнями, теперь находится съ обѣихъ сторонъ болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ, и, вѣроятно, когда вы получите это письмо, дѣло будетъ покончено» [458]).

Надежды Императрицы раздѣляли ея приближенные. Гр. П. В. Завадовскій писалъ фельдмаршалу П. А. Румянцеву: «Весь флотъ непріятеля запертымъ держимъ въ береговыхъ ущелинахъ близко Выборга; предпринимаемъ атакованіе... Когда мы одолѣемъ, шведы понесутъ рану, Полтавской подобную... Въ настоящемъ мѣсяцѣ полагаемъ быть таковой раздѣлкѣ шведской [459])»... В. Я. Чичаговъ упорно продолжалъ бездѣйствовать.—Флоты смотрѣли другъ на друга, но боя не начинали. Въ оправданіе нашего адмирала можно сказать, что шведскіе суда и корабли составили грозную батарею; входъ въ заливъ былъ загражденъ четырьмя шведскими кораблями. Если бы русскій флотъ вошелъ въ заливъ, онъ переполнился бы кораблями. При неудачѣ шведы лишались бы только своего флота, русскіе же теряли флотъ и подвергали столицу большой опасности. Пожалуй, русскимъ было выгоднѣе ждать нападенія шведовъ.

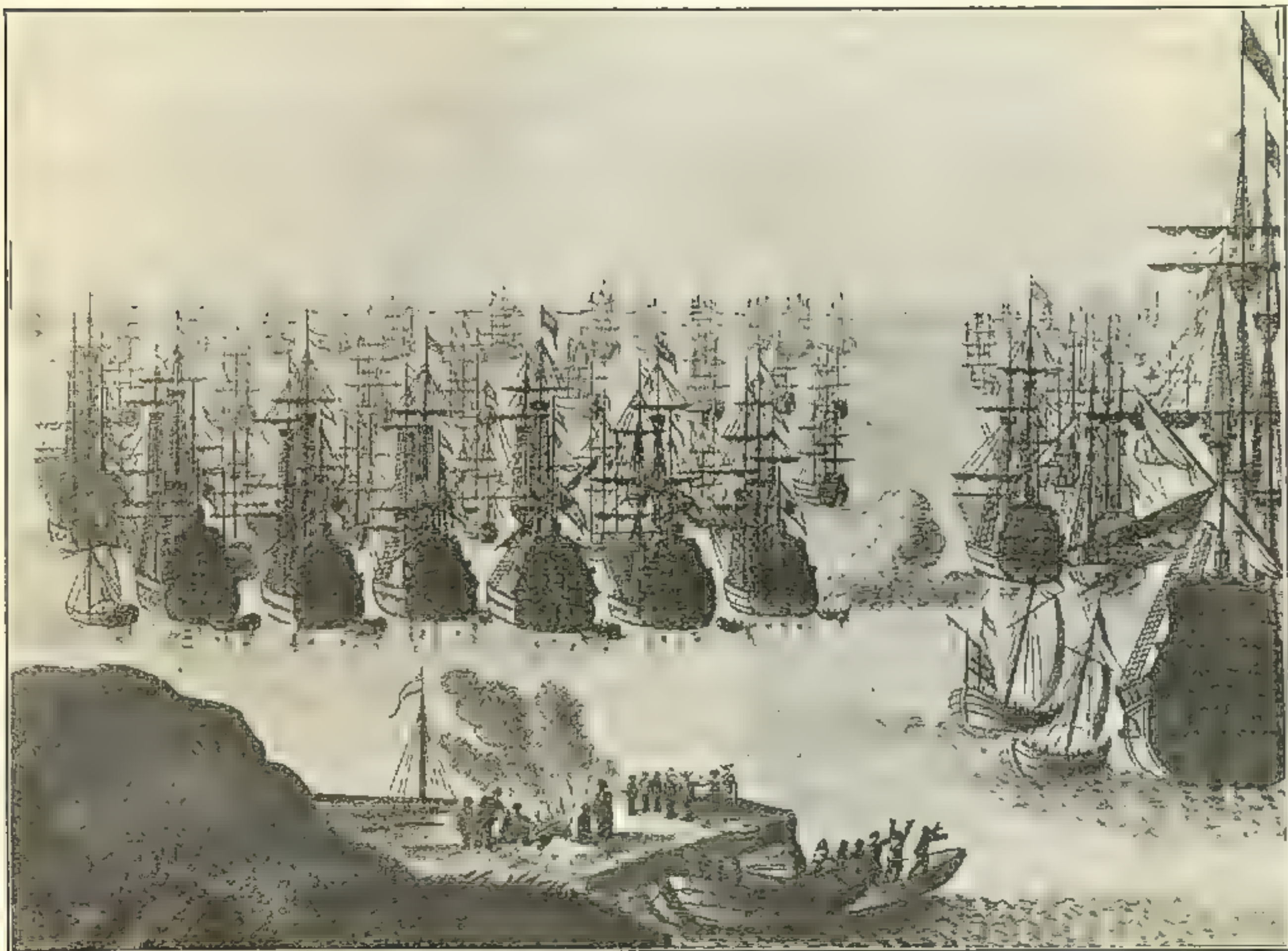
Линія шведовъ вдругъ тронулась. 22 іюня шведскій флотъ оказался въ полной готовности къ движенію. Рѣшено было сдѣлать отчаянную попытку прорваться по плану, составленному 19-лѣтнимъ лейтенантомъ Г. Клинтомъ (G. Klint) [460]). Вечеромъ того же дня король Густавъ повелъ свою шхерную флотилію въ Бьерке-Зундъ. Флотилія Нассау-Зигена начинаетъ, конечно, дѣйствовать, но король уступаетъ ей проливъ лишь шагъ за шагомъ. Шведская флотилія вся подъ парусами и проходитъ къ Крюсерорту позади своего паруснаго флота. Наконецъ, нашъ адмиралъ даетъ сигналъ: «приготовиться къ бою». Длинная линія нашихъ судовъ медленно поворачивается. Въ 7 час. утра у адмирала видятъ другой сигналъ: «приготовить шлюпки для отвода непріятельскихъ брандеровъ». Шведы пустили два брандера, но неудачно: они причинили громадный вредъ двумъ собственнымъ кораблямъ, которыхъ охватило пламя [461]). Но это не смутило шведовъ. Ихъ флотъ движется къ сѣверу. Рядомъ съ нимъ идетъ его флотилія. Вѣтеръ для нихъ

вполнѣ благопріятный, и шведскія суда прибавляютъ ходу. Нашъ адмиралъ повторяетъ: «приготовиться къ бою» и приказываетъ отряду Лар. Аѳон. Повалишина: «слѣдовать къ флоту».

«Трудно объяснить поведеніе русскаго адмирала Чичагова въ этотъ день»,—читаемъ въ запискахъ I. А. Эрнстрема. «Со своимъ флотомъ онъ оставался нерѣшительнымъ зрителемъ горячаго боя у Крюсерорта. Только сигналы его были въ живомъ движеніи; они отдавались, измѣнялись, повторялись. Иногда русскіе матросы какъ будто заняты были снятіемъ съ якоря, иногда постановкой парусовъ, которые однакожъ немного спустя опять убирались». Шведы продолжали свое движеніе. Наши начали отрубать якоря вдоль берега, который не былъ своевременно покрытъ батареями. Одинъ изъ кораблей («Дристигхетенъ», капитана Пуке) смѣло идетъ между нашими средними кораблями, скрывъ людей въ палубахъ и поднявъ лишь нижніе паруса. Наши осыпаютъ храбреца тучею снарядовъ; онъ въ свою очередь производитъ залпы. Засвѣжевшій въ это время вѣтеръ прибавилъ ходу шведскимъ судамъ. За «Дристигхетенъ» слѣдуетъ второй и третій шведскій корабль. Ихъ осыпаютъ залпами, они отвѣчаютъ градомъ ядеръ. «Эскадра Повалишина въ огнѣ и дыму». Разстояніе между нашими и шведскими кораблями столь незначительное, что наши выстрѣлы не могутъ даже бить по рангоуту шведскихъ кораблей и тѣмъ хотя сколько нибудь удержать ихъ. Несмотря на тучу снарядовъ, ядеръ, книпелей и картечи, шведскіе парусные корабли, фрегаты и учебныя суда молча выдерживаютъ огонь и, лишь поровнявшись съ нашими судами, отвѣчаютъ залпами. Пройдя линію нашихъ судовъ, прибавляютъ паруса и быстро уходятъ впередъ. Шведскіе корабли уже подъ полными парусами. Въ 9 час. (а шведы начали свое движеніе въ 6 час. утра) адмиралъ Чичаговъ даетъ сѣверному крылу адмирала Мусина-Пушкина приказаніе: «сняться съ якоря и идти на помощь поврежденнымъ кораблямъ». Но около нихъ находится опасная мель, и они долго и осторожно приготовляются къ тому, чтобы исполнить данное имъ порученіе. Между тѣмъ, справа и слѣва неслись на всѣхъ парусахъ громады шведскихъ кораблей. Поминутно и поочередно они стрѣляли. Наши отстрѣливаются, но безрезультатно. Дымъ окуталъ мѣсто боя. Изъ этого дыма, какъ призраки, внезапно появлялись и исчезали шведскія суда.

Девять часовъ. Шведскій флотъ и флотилія внѣ нашихъ выстрѣловъ.

У насъ имѣлось 30 кораблей, но изъ нихъ сражались только пять и притомъ слабѣйшіе. Потери шведовъ—7 линейныхъ и нѣсколько малыхъ судовъ, изъ числа 300, до 200 офицеровъ и болѣе 4.000 человѣкъ, т. е. треть всей силы;—но эти потери совершенно ничтожны, по сравненію съ общимъ количествомъ ихъ судовъ и нашимъ выгоднымъ положеніемъ. Даже Александръ Семеновичъ

БЛОКАДА ВЫБОРГСКОЙ ГУБЫ.

Шишковъ, — издавшій журналъ В. Я. Чичагова и являвшійся защитникомъ и толкователемъ его распоряженій, — призналъ, что «шведскій флотъ долженъ былъ лишиться главной своей силы или, по меньшей мѣрѣ, половины всѣхъ своихъ судовъ». Шведскій историкъ Юлленгранатъ заявилъ: «Безъ сомнѣнія весь уцѣлѣвшій шведскій флотъ обязанъ своимъ спасеніемъ той странной нерѣшительности, съ которою русскій адмиралъ вступалъ подъ паруса для того, чтобы идти и становиться ему на пути» . . . .

Принцъ Нассау при всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ шведскихъ офицерахъ просилъ Турчанинова удостовѣрить ихъ единогласное показаніе, для донесенія Ея Величеству, «что всѣ они (шведы) опасались и утверждали: ежели будетъ на Крюсерортѣ батарея, то

ихъ ближніе корабли должны были пропасть, и спасенія другого не было». При батарѣе «о ретирадѣ и помышлять было не можно». Графъ Салтыковъ высказался такъ: «Наши морскіе витязи немножко созрѣли (состарились). Лѣта старыя сопряжены съ лишнею осторожностью . . . По пословицѣ и выходитъ на правду—не слушай ты стараго, а слушай бывалаго. Вотъ бы мои батареи (у Крюсерорта) и въ большую пользу были, потому чтобы мы ихъ сквозь строй провели, и мало бы надѣюсь, прошло; но отъ несогласицы ни одного, ни другого не поспѣли. Я думаю, кто видѣлъ положеніе нашихъ флотовъ, не скоро повѣритъ, чтобы непріятель не токмо могъ пройти, но какъ онъ могъ и подумать этакое предпріятіе взять».—

АДМИРАЛЪ Р. В. КРОУНЪ.

Шведы ушли, а потому блокада Выборгской губы является для насъ далеко не блестящимъ дѣломъ, а скорѣе конфузнымъ; бездѣйствіе же В. Я. Чичагова—прямо преступнымъ. Если весь этотъ бой дѣлаетъ честь «оружію россіянъ, то, заявляетъ С. С. Апраксинъ, онъ прославляетъ также частью и шведовъ, судя по отважности предпріятія и по выполненію ихъ движенія».

Наши суда устроили погоню за шведскими флотами, которые шли отъ насъ въ разстояніи только двухъ пушечныхъ выстрѣловъ. Взято было въ плѣнъ нѣсколько судовъ; нѣкоторыя суда потонули; имѣлись и плѣнные, но все это не могло вознаградить упущеннаго. Было и здѣсь не мало подвиговъ съ той и другой стороны. Особенно проявилъ себя фрегатъ «Венусъ»; подъ командой капитана II ранга Кроуна; онъ врѣзался въ самую среду шведской гребной флотиліи и велъ бой на оба борта.

Король своимъ спасеніемъ обязанъ совершенной случайности. Объ этомъ имѣется нѣсколько интересныхъ варіантовъ.

Въ Аспѣ наши и шведскія суда стояли другъ противъ друга. Слизовъ отправилъ капитанъ-лейтенанта П. Я. Гамалея къ шведскому отрядному начальнику, назвавшему себя полковникомъ Седерманомъ, съ требованіемъ сдать свои суда. Седерманъ, подъ

именемъ котораго скрывался самъ король Густавъ III, отказался сдать суда, ссылаясь на то, что если бы ему не помѣшало волненіе, онъ самъ намѣревался окружить и атаковать русскихъ.

Взятіе шведскаго фрегата «Венусъ» кап. Кроуномъ 21 мая 1789 г.

Послѣ этого, король, рискуя потерять свои суда, снялся съ якоря и ушелъ [462]).

Въ запискахъ шведа І. А. Эренстрема, — находившагося во время отступленія шведскаго флота изъ Выборгской губы на королевской яхтѣ «Амфіонъ»,— упоминается о слѣдующемъ происшествіи съ королемъ Густавомъ III. Быстроходный фрегатъ «Венусъ» приближался къ галерѣ «Серафимъ», на которой находился король. Не безъ большихъ затрудненій удалось, наконецъ, уговорить его остановить галеру и спастись на шлюпкѣ. Какъ только онъ оставилъ галеру, она должна была спустить флагъ.

АМФІОНЪ 1790 г.

Въ запискахъ Hochschild'a (II, 128) указывается еще такая подробность: фрегатъ «Венусъ» настигалъ уже «Серафима» и «Амфіонъ», и они спустили флаги, но въ этотъ моментъ Чичаговъ отозвалъ «Венуса», приказавъ ему присоединиться къ флоту. «Серафимъ» и «Амфіонъ» поспѣшили поднять свои флаги и уйти. Провидѣніе спасло короля.

«Король, сказываютъ разно, — сообщала Императрица князю Потемкину (28 іюня 1790 г.): одни — будто ушелъ на баркасѣ, между провіантскихъ двухъ судовъ; другіе, что былъ на своей яхтѣ «Амфіонъ», коя потоплена, и будто сошедъ сѣлъ на галеру; сія галера взята, съ ней соскочилъ въ шлюпку; сія шлюпка также взята, съ шлюпки сошелъ въ ботъ, ботъ сей ушелъ; завтракъ его взятъ: онъ состоялъ изъ шести сухарей, копченаго гуся и двухъ штофовъ водки» [463]). Эта версія находитъ себѣ нѣкоторое подкрѣпленіе въ разсказѣ С. С. Апраксина о томъ, что король пересаживался три раза на разныя суда.

Взятіе шведскаго корабля «Ретвизанъ» фрегатомъ «Венусъ».

Существуетъ еще разсказъ о томъ, что король сидѣлъ въ шлюпкѣ, на которой пушечное ядро оторвало гребцу обѣ руки.

Спасшіяся шведскія суда ушли въ Свеаборгъ, который русскіе затѣмъ блокировали до конца кампаніи.

Ударъ, нанесенный шведамъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на европейскіе кабинеты. Въ Лондонѣ созвана была конференція министровъ, въ Стокгольмѣ совѣщались иностранные дипломаты [464]). Выборгское сраженіе должно было убѣдить шведовъ, что имъ трудно одинъ на одинъ одолѣть морское могущество Россіи.

23 іюня фрегатъ «Венусъ» (кап. II р. Кроунъ), подъ самымъ Свеаборгомъ, отрѣзалъ изъ шведской эскадры герцога Зюдерманландскаго корабль «Ретвизанъ» (Ретвисанъ) и вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ нашимъ кораблемъ «Изяславъ» (кап. II р. Сиверсъ) взялъ его въ плѣнъ.

Отступая изъ Выборга, вся шведская гребная флотилія собралась 27 іюня на Роченсальмскомъ рейдѣ. Соотношеніе силъ было таково: Нассау-Зигенъ имѣлъ 173 судна, 1000 орудій и 14 тысячъ команды. Его флотилія расположилась около острова Киркума. На большомъ Роченсальмскомъ рейдѣ шведы сосредоточили 295 судовъ (и 67 транспортовъ), 1000 орудій и 18 тысячъ человѣкъ. Распоряжался флотиліей самъ король. Сѣверный проходъ къ Роченсальму былъ опять запруженъ.

Сраженіе при Роченсальмѣ (Свенскзундѣ). Побѣда шведовъ 1790 г.

28 іюня 1790 г.—день восшествія на престолъ Императрицы. Нассау-Зигенъ и окружавшая его молодежь горѣли желаніемъ отмѣтить этотъ день побѣдой. Голоса болѣе спокойныхъ Козлянинова, Слизова и графа Литта были заглушены.

Ночь на 28 іюня прошла въ разстановкѣ судовъ. Въ 8 часовъ утра мы начали наступленіе. Но въ это-же время усиливалась зыбь, которая очень скоро дала себя знать. Волненіе шло съ боку наступавшимъ и сильно стѣсняло движеніе. Гребцы стали выбиваться изъ силъ. Вѣтеръ свѣжѣлъ. Парусныя суда хотѣли пройти въ интервалы гребныхъ судовъ, но произошло замѣшательство: утомленные гребцы не въ состояніи были удержать лодокъ противъ волненія. Все сбилось въ кучу. Шведскія канонерки, зайдя за камни, воспользовались, конечно, моментомъ и направили вы-

стрѣлы въ выгодную для нихъ цѣль. Выстрѣлы и дымъ сбили окончательно съ толку людей. Въ дыму и огнѣ началась тревога. Ломались весла, трещали борта. Явились начальники и пытались возстановить порядокъ. На короткій срокъ это удалось имъ. Сраженіе возобновилось. «Фрегаты и всѣ большія русскія суда бились отчаянно», говорилъ участникъ боя Ланжеронъ. Принцъ— Нассау, графъ Литта, генералъ-маіоръ Паленъ, адъютанты и волонтеры разъѣзжали подъ убійственнымъ огнемъ, отдавая приказанія и дѣлая безполезныя усилія спасти суда. Но вѣтеръ продолжалъ свѣжѣть и усилившееся волненіе не давало возможности стать на якорь и вѣрно прицѣлиться. Гребцы изнемогли.— Шведы же естественно направляли свои выстрѣлы туда, гдѣ скучивались суда. Шлюпки разбивались о суда, суда тонули отъ пробоинъ или выбрасывались волненіемъ на камни.

Разсказываютъ, что Нассау, разъѣзжая въ шлюпкѣ въ бѣломъ мундирѣ и съ андреевской лентой, тщетно искалъ смерти; а затѣмъ, пересѣвъ въ шкуну, удалился отъ мѣста боя за 35 верстъ.

Въ 8 часовъ вечера Нассау-Зигенъ, видя безполезность продолжать сраженіе, приказалъ отступать и зажигать тѣ суда, кои нельзя спасти. Это легче было приказать, чѣмъ исполнить. 11 галеръ сбились въ кучу и брошены на каменья.

Печальную картину представляла русская флотилія. Изъ судовыхъ обломковъ, шлюпокъ, веселъ и прочаго образовалась общая груда, которую трепали волны. Тысячи людей боролись съ прибоями, кидались въ воду, надѣясь спастись вплавь. Тѣ суда, которыя достигали острововъ, не могли быть спасены: вѣтеръ рвалъ и свистѣлъ, волны бились и пѣнились о камни и береговые утесы, не давая судамъ возможности приблизиться къ островамъ. Кое-гдѣ пылали зажженныя суда.

Къ 11 час. смолкла стрѣльба. Русскимъ нанесено было полное пораженіе. Они потеряли 52 судна и 7369 человѣкъ выбыло изъ строя, въ томъ числѣ 269 офицеровъ. Рѣдкій погромъ!

Густавъ призналъ свою побѣду одной изъ самыхъ значительныхъ среди морскихъ сраженій. Подобно Карлу XII послѣ Нарвы, онъ былъ переобремененъ плѣнными. Онъ приказалъ отслужить торжественный молебенъ въ Стокгольмѣ и доставить къ этому дню всѣ трофеи въ свою столицу [465]). «N. пріѣхалъ кстати,—писалъ Густавъ III своему любимцу Г. М. Армфельту; — онъ можетъ разсказать вамъ, какой видъ имѣетъ человѣкъ послѣ 24 часовъ

сраженія. Богъ, вѣтеръ и отвага моихъ офицеровъ доставили намъ самую рѣшительную побѣду... Несмотря на побѣду, я не перестаю желать мира». Въ слѣдующемъ письмѣ Густавъ сравниваетъ свою побѣду съ Чесмой и прибавляетъ, между прочимъ, что въ числѣ взятыхъ судовъ находится Венера «гадкая Венера, причинившая намъ столько вреда».

Какъ могло случиться, что побѣдитель шведскаго флота разбитъ этимъ же флотомъ? П. И. Турчаниновъ, въ званіи по-

Сраженіе при Роченсальмѣ. Побѣда шведовъ 1790 г.

вѣреннаго Императрицы, по совѣсти и присягѣ донесъ, что главной причиной неудачи явилось «безпредѣльное рвеніе принца Нассау найти и разбить непріятеля». Все это вѣрно, но указанныя обстоятельства не снимаютъ вины съ опрометчивыхъ дѣйствій принца. Прежде всего онъ самъ писалъ Государынѣ (27 іюня): «Я не успѣлъ еще узнать, какія имѣются у шведовъ суда при Роченсальмѣ. Но это ничего для меня не значитъ. Если они будутъ меня ожидать, то я иду ихъ атаковать и разбить». Иначе говоря, онъ предрѣшилъ дѣло, не изслѣдовавъ почвы, т. е. приступилъ къ бою безъ надлежащихъ приготовленій, безъ освѣщенія положенія непріятеля необходимыми свѣдѣніями. Между тѣмъ люди отряда принца были крайне утомлены двадцатичасовою работою, а шведы успѣли отдохнуть. Кромѣ того, онъ зналъ,

сколь мало были обучены его команды и изъ кого онѣ состояли. Онъ видѣлъ, что на многихъ лодкахъ не было офицеровъ. Онъ обязанъ былъ считаться съ погодой. Онъ слишкомъ поздно прекратилъ сраженіе. Передъ самымъ сраженіемъ онъ назначилъ новаго начальника надъ канонерскими лодками, ген.-м. графа фонъ-деръ Палена, который не успѣлъ оглядѣться и въ свою очередь ознакомиться съ начальниками лодокъ. Мало того, Нассау-Зигенъ произноситъ самъ себѣ приговоръ, заявивъ въ рапортѣ Императрицѣ, что «если бы имѣлъ время ознакомиться съ ними (людьми канонерскихъ лодокъ), «никогда не повелъ бы ихъ на непріятеля».

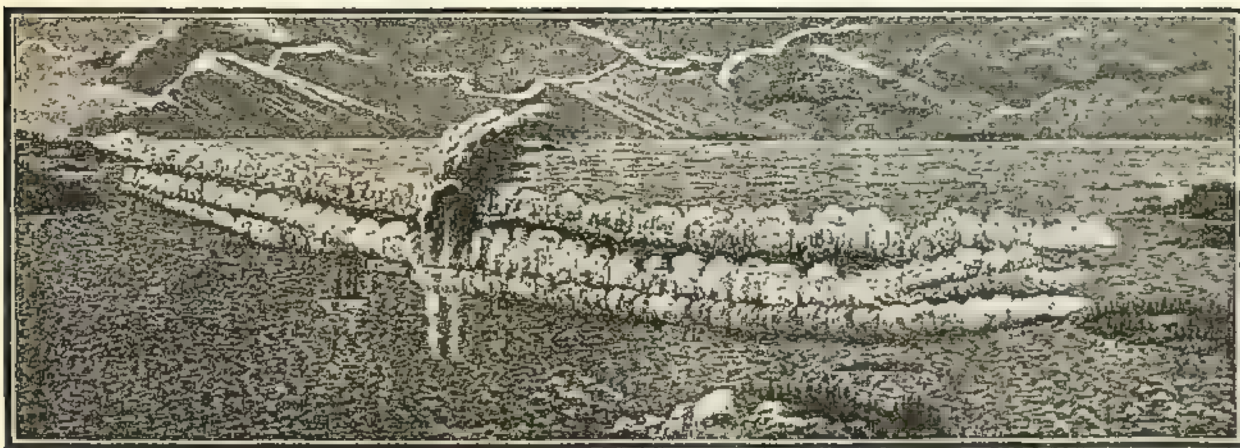
Въ первый моментъ принцъ Нассау признавалъ свою виновность и въ отчаяніи доносилъ Императрицѣ: «Не имѣю силъ дать отчета Вашему Величеству въ подробностяхъ уничтоженія Вашей флотиліи». . . . «Я могу быть только вреденъ для службы» [466]). Графу И. П. Салтыкову онъ сообщалъ: «Я имѣю несчастіе увѣдомить Ваше Сіятельство, что наша флотилія разбита и почти уничтожена». Но вскорѣ принцъ точно оправился и пишетъ пространное объясненіе, видимо, имѣвшее цѣлью свалить вину на другихъ. Онъ обвиняетъ канонерскія лодки, которыя якобы отступили вопреки его требованію и потому онъ позволяетъ себѣ назвать команду ихъ «подлецами». Принцъ писалъ еще: «Никогда не было примѣра поведенія болѣе постыднаго и трусости болѣе гнусной». «Сорока канонерокъ со смѣлыми людьми было бы достаточно для обезпеченія побѣды». Не пощадилъ принцъ такого славнаго воина и храбреца, какимъ являлся бригадиръ П. Б. Слизовъ.

Извѣстный историкъ К. Ф. Ординъ давно уже по достоинству отвѣтилъ на всѣ эти оскорбительныя обвиненія русскаго флота [467]). Нассау-Зигенъ, самъ иностранецъ, окруженъ былъ иностранцами (Литта, Фейеръ, Родригецъ, Ланжеронъ и др.), къ которымъ приставлены были переводчики. «Легко себѣ вообразить распоряженія этихъ господъ черезъ переводчиковъ въ пылу битвы, при свирѣпствующей бурѣ», пишетъ Ординъ. Нассау превозносилъ ихъ мужество и храбрость и ставилъ ихъ, какъ образецъ для русскихъ. Русскіе въ подобныхъ образцахъ ни тогда, ни потомъ не нуждались. К. Ф. Ординъ сейчасъ же приводитъ мнѣніе иностранцевъ (Фейера, Цукато, графа Литта), участвовавшихъ въ сраженіи; всѣ они единогласно засвидѣтельствовали храбрость, выдержку и доброе поведеніе русскихъ и не могли довольно нахвалиться ими. Такимъ образомъ клевета принца Нассау опровергается спокойными и безпристрастными иностранцами.

Изъ иностранцевъ, окружавшихъ принца Нассау, впослѣдствіи пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность Гр. Александръ Федоровичъ Ланжеронъ (1763—1831); онъ родился въ Парижѣ. Былъ въ Америкѣ, гдѣ принималъ участіе въ войнѣ противъ англичанъ. 7 Мая 1790 г. былъ принятъ на русскую службу полковникомъ. Во время шведской войны, командуя дивизіей учебнаго флота, награжденъ Георгіемъ IV ст., который получилъ изъ рукъ самой Императрицы [168].

Графъ А. Ф. ЛАНЖЕРОНЪ (1763—1831).

Причину ужаснаго пораженія, какъ указалъ король Густавъ III, вѣрнѣе искать въ недостаткѣ благоразумія и въ избыткѣ легкомыслія у принца Нассау-Зигена. Несомнѣнно, что онъ главный виновникъ этого рѣдкаго въ исторіи несчастія. Умный и наблюдательный С. А. Тучковъ писалъ: «Сколько могъ я примѣтить, то со стороны наукъ много недоставало въ немъ (Нассау-Зигенѣ) того, что требуется отъ великаго вождя въ образѣ нынѣшней войны. Храбрость его была больше храбрость гренадера, нежели генерала. Онъ былъ скоръ и часто недовольно осмотрителенъ».

Морское сраженіе при СВЕНСКЗУНДѢ.

Въ лагерѣ Потемкина извѣстіе о пораженіи принца Нассау при Роченсальмѣ (Свенскъ-Зундѣ) вызвало общую радость. Сторонники Потемкина, недолюбливавшіе принца, поздравляли другъ друга, съ чѣмъ же? . . . Съ извѣстіемъ, которое являлось несчастіемъ для Россіи. Находившійся тутъ эмигрантъ Роже де-Дама далъ русскимъ достойный урокъ: онъ въ сильныхъ выраженіяхъ порицалъ бьющій въ глаза недостатокъ патріотизма. Онъ сказалъ—«à cette tourbe de valets» (какъ выражается Ланжеронъ): «Messieurs, vous êtes Russes; l'impératrice de Russie a perdu une bataille décisive; huit milles Russes ont été tués; s'est heureux; je vous en fais mon compliment, j'en suis aussi enchanté que vous». Къ сожалѣнію, у русскихъ есть печальная особенность—«обрушиваться на свою родину безъ всякаго удержу», какъ это отмѣтилъ французъ Корберонъ [469]).

Принцъ НАССАУ-ЗИГЕНЪ (1745—1808).

Одна Императрица не отвернулась отъ принца и старалась поддержать въ немъ мужество. «Я прекрасно знаю ваше усердіе,—писала она . . . —вполнѣ искренно раздѣляю ваше горе . . . и желаю, чтобы вы не падали духомъ . . . И Боже мой, кто-же не имѣлъ большихъ неудачъ въ своей жизни? Фридрихъ II бывалъ дѣйствительно великъ лишь послѣ большихъ неудачъ. Петръ Первый, терпѣвшій пораженія 9 лѣтъ сряду, одержалъ побѣду подъ Полтавой. Будьте увѣрены въ моей благодарности».—«Не король шведскій и не его флотилія,—писала Екатерина,—нанесли пораженіе принцу Нассау, а сильный вѣтеръ и его храбрые моряки, считавшіе себя непобѣдимыми . . . Вслѣдствіе поднявшейся бури, потерпѣлъ пораженіе, послѣ котораго все-таки онъ оказался сильнѣе шведовъ».

Россія не забудетъ, конечно, оказанной принцемъ услуги и будетъ гордиться его побѣдами 1789 г., но родная наша лѣтопись съ грустью должна отмѣтить и его запосчивое легкомысліе. А по-

слѣднее, несомнѣнно, господствовало въ его характерѣ. Прошелъ годъ. Обласканный Императрицей, принцъ уѣхалъ временно заграницу. Густавъ III горѣлъ нетерпѣніемъ стать на защиту французскаго дворянства. Нассау стремился раздѣлить съ нимъ славу «фантастическаго подвига» и въ письмѣ его читаемъ слѣдующее невѣроятное заявленіе: «Кажется мнѣ удастся исправить несчастіе моей службы противъ шведскаго короля, такъ какъ я надѣюсь служить вскорѣ подъ его начальствомъ . . Онъ достоинъ стать во главѣ всѣхъ государей» . . . (Je crois pouvoir réparer le malheur que j'ai eu de servir contre le roi de Suède... Jl est digne d'être à la tête de tous les souverains»)...

Шведская медаль въ память побѣды при Свенскзундѣ 1790 г.

«Побѣда при Рочепсальмѣ,— пишетъ Ланжеронъ, — спасла Швецію отъ погибели. Недаромъ Густавъ III велѣлъ выбить медаль въ память этого событія для раздачи всѣмъ участникамъ боя. У короля родились новые смѣлые проекты, и онъ будто бы сказалъ: «Вотъ я и въ С.-Петербургѣ; нужно намъ посѣтить бѣдную Екатерину».

Стедингку король писалъ: . . . «Пока нужно терпѣніе, а его у меня нѣтъ, потому что жажду мира, но его трудно достигнуть; послѣ пораженія я самъ не хочу заключить мира, и то же чувство руководитъ Императрицей. Однако, если прибудетъ англійскій флотъ и если пруссаки уже вошли въ Курляндію, то, мнѣ кажется, миръ неминуемъ [470]).

X.

Верельскій миръ. Послѣдствія войны. Суворовъ. Послѣдніе годы Густава III и Екатерины II.

Едва началась своеобразная боевая и литературная борьба между коронованными родственниками, какъ съ той и другой стороны стали производиться попытки заключенія мира.

Въ теченіе 1788 г. такихъ попытокъ было нѣсколько. Съ открытіемъ новыхъ военныхъ дѣйствій, возобновились и миролюбивые разговоры. Въ іюлѣ 1789 г. Армфельтъ напомнилъ королю о мирѣ. «Vous me parlez de la paix! Je la fais quand je veux», отвѣтилъ Густавъ [471]).

Графъ А. А. БЕЗБОРОДКО.

Въ сентябрѣ эти друзья вновь заговорили о мирѣ. Но въ это время они держались того мнѣнія, что: или королю надо добиться бо́льшого боевого успѣха, или Императрицѣ захватить Финляндію.—Въ октябрѣ 1789 г. Густавъ искренно былъ расположенъ къ миру, но Англія его не поддержала, Голландія проявила слабость, а Пруссія думала о расширеніи своихъ границъ до рѣки Мозеля.

Въ ноябрѣ 1789 г. Безбородко писалъ графу Воронцову, что «со шведами мы намѣрены непремѣнно помириться, хотя in statu quo съ соблюденіемъ только декорума. Для этого мы весьма не хотѣли вносить пункта о несвободѣ королю начинать войну безъ сейма (риксдага). Сей пунктъ самый пустой и ненадежный» [472]).

Но въ дѣлѣ мира, какъ и при бракѣ, требовалось согласіе обѣихъ сторонъ.

Военныя силы враждовавшихъ не были вполнѣ истощены; успѣхъ окончательно не давался ни Густаву, ни Екатеринѣ; честолюбіе-же и гордость обоихъ были необыкновенныя и не допускали сдѣлать первыхъ шаговъ къ примиренію.—Вмѣшательство третьихъ лицъ также было нежелательно ни королю, ни Императрицѣ. Тѣмъ не менѣе, благодаря случайности, въ дѣло вошло третье лицо, которое помогло развязкѣ. Уже въ ноябрѣ 1788 г. испанскій король Карлъ III, чрезъ своего представителя Гальвеса, предложилъ услуги по посредничеству. Но предложеніе оказалось лишь дипломатической утчивостью: отъ словъ къ дѣлу Испанія перейти намѣренія не имѣла. Случилось однако такъ, что Испанія, угрожаемая Англіей, вынуждена была искать сближенія съ Россіей, почему испанскому кабинету пришлось волей-неволей посодѣйствовать возстановленію мира. Его посланникъ въ Стокгольмѣ Корроль сталъ усиленно совѣтовать Густаву, находившемуся въ Борго, обратиться прямо къ Екатеринѣ съ письмомъ о мирѣ. Густаву наскучила война, наскучили военные труды и неудобства походной жизни. Съ меня довольно военнаго грохота,—сказалъ онъ послѣ одержанной побѣды при Свенскъ-Зундѣ. 8 мая 1790 г. онъ сообщилъ Гольвесу свои условія мира: 1) установленіе границы, 2) выдача измѣнниковъ и 3) миръ съ Турціей.—И такъ какъ въ это время западной границѣ изолированной Россіи стали угрожать Англія и Пруссія, то нельзя было отстранить полу-протянутую руку Густава. Императрица отвѣтила согласіемъ включить въ трактатъ съ Тур-

Графъ ИГЕЛЬСТРЁМЪ (?).

ціей упоминаніе о шведскомъ королѣ, но отказалась выдать укрывавшихся въ Россіи анъяльцевъ и измѣнить границу въ пользу Швеціи.

Фантазія рисовала Густаву уже будущій миръ, и онъ далъ понять шведской академіи, чтобы она попросила у него мраморную статую работы Сергеля, для постановки въ залѣ.

Пока велась переписка въ офиціальныхъ правительственныхъ сферахъ, генералы Россіи и Швеціи Игельстрёмъ и Армфельтъ, находившіеся на театрѣ военныхъ дѣйствій, успѣли сблизиться, путемъ обмѣна писемъ и посылки парламентеровъ. Въ письмѣ къ Армфельту отъ 3—14 мая Игельстрёмъ «à proros des bottes» много говоритъ о миролюбивыхъ намѣреніяхъ Императрицы, о высокихъ качествахъ Густава III и о желаніи русскихъ вновь завязать прежнія отношенія.

Армфельтъ относился первоначально къ парламентерамъ Игельстрёма весьма осмотрительно и осторожно изъ опасенія, что они могли быть шпіонами. «Вамъ, господинъ баронъ,—писалъ Игельстрёмъ,—столь достойному милостей вашего государя, благодарности отечества и уваженія вашихъ враговъ,—вамъ подобаетъ начать великое дѣло (мира)». Г. М. Армфельтъ отвѣчалъ обильными увѣреніями, что единственное стремленіе короля—заключеніе почетнаго, основательнаго и прочнаго мира.

Получивъ новое письмо барона Игельстрёма, 23 мая 1790 г., и усмотрѣвъ, что оно слишкомъ серьезное и явно исходитъ отъ русскаго кабинета, Армфельтъ счелъ своей обязанностью представить его королю. Въ немъ Игельстрёмъ, между прочимъ, говорилъ: «Если вашъ король и повелитель столь-же расположенъ къ миру, какъ, я увѣренъ въ томъ, Императрица, моя Государыня, расположена, то я не вижу, что можетъ долѣе препятствовать полезному осуществленію столь полнаго согласія ихъ желаній и наклонностей... Дабы отвѣтить на предложеніе Вашего Превосходительства указаніемъ, какія средства, по моему мнѣнію, могли-бы способствовать благу обоихъ государствъ, я, не затрудняясь, скажу, что не знаю ничего лучшаго, какъ ускорить переговоры,... задавшись цѣлью устранить изъ нихъ всякую пышность и формальности церемоній... Я кончаю, моля небо внушить вашему Королю и Господину чувства и стремленія, одинаковыя съ тѣми, которыя воодушевляютъ Императрицу на благо человѣчества,... и коль скоро вы соблаговолите освѣдомить меня о столь желанномъ расположеніи Короля, я поспѣшу сооб-

щить о томъ моему Двору...» По поводу этого дипломатическаго письма Густавъ III далъ рядъ многословныхъ указаній своему любимцу, но не раскрылъ всѣхъ, сдѣланныхъ имъ другимъ путемъ, ходовъ, дабы сохранить «возможность по совѣсти поклясться, что вы не получили никакихъ инструкцій». Король стоялъ на необходимости урегулированія границъ; «но, впрочемъ, живя въ отдаленіи уже два мѣсяца, вы судите, какъ слѣпой о цвѣтахъ», вспоминая лишь давнишнія предположенія. «А потомъ напишите много любезностей и шутокъ»; «опишите Императрицу въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ, расточайте ѳиміамъ передъ этой государыней». Въ письмѣ не забыты ни Нассау-Зигенъ, который подозрѣвается Густавомъ въ нерасположеніи къ миру, ни гр. Разумовскій, искавшій гибели короля.

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 7 іюля—26 іюня 1790 г.) Густавъ писалъ Армфельту: «мой братъ совершилъ чудеса, Смидтъ оказалъ намъ отличныя услуги, но, несмотря на это, я все-же желаю заключить миръ. Мнѣ такъ надоѣло воевать. Если вы еще въ перепискѣ съ Игельстрёмомъ, то напишите ему, что вамъ кажется насталъ моментъ подумать о мирѣ, чтобы избѣжать побѣды, которую мы можемъ еще одержать. Передайте ему это очень вѣжливо».

Пруссія, Англія и Голландія соглашались помочь Густаву деньгами, но требовали, чтобы миръ въ такомъ случаѣ не былъ заключенъ безъ ихъ содѣйствія. Императрица настаивала на мирѣ безъ посредниковъ. «Въ настоящее время (въ началѣ іюля) я не знаю, на что рѣшиться, и сомнѣваюсь, чтобы Петербургъ захотѣлъ теперь мира. И что еще важнѣе, я сомнѣваюсь, чтобы его когда-либо искренно тамъ желали».

Король побѣдилъ при Роченсальмѣ и еще болѣе задумался надъ затрудненіями, возникшими на пути къ желаемому миру. Онъ вновь длинными посланіями учитъ Армфельта, какъ въ письмахъ къ Игельстрёму искуснѣе подойти къ цѣли. Расточаются похвалы Остерману въ надеждѣ, что между нимъ и Армфельтомъ можетъ состояться совѣщаніе и миръ былъ бы заключенъ ранѣе, чѣмъ о немъ успѣли-бы узнать державы. «Но все это, быть можетъ, только бредъ больного, затеряннаго въ пустыняхъ Саволакса». «Вотъ, любезный другъ, настоящій бредъ человѣка, не спавшаго 48 часовъ послѣ сраженія при Роченсальмѣ; но вы выразите все это, какъ найдете лучшимъ». Затѣмъ, Густавъ добавляетъ, что съ своей стороны также предпочитаетъ миръ безъ

посредниковъ. Въ заключеніе своего письма (отъ 10 іюля — 29 іюня 1790 г.) онъ восклицаетъ: «О, будь она (Екатерина II) королемъ Франціи, чего-бы мы не совершили сообща!»—На это Армфельтъ отвѣтилъ: «Мое любовное посланіе къ Игельстрёму отправлено. Я употребилъ самыя сладкія выраженія и самые лестные эпитеты по отношенію къ Императрицѣ.... Однимъ словомъ, я все сказалъ, что Ваше Величество приказали мнѣ, но я не имѣлъ гордой и возвышенной реторики Государя Побѣдителя»....

Черезъ двѣ недѣли король писалъ: «Отъ Остермана нѣтъ ни малѣйшаго отвѣта. Это показываетъ, что мира болѣе не желаютъ, или что Императрица намѣрена заключить его послѣ нашего пораженія; вотъ обстоятельства, которыя отдаляютъ миръ съ обѣихъ сторонъ; я же очень согласенъ заключить его послѣ побѣды».

Г. М. Армфельтъ, представляя королю новое письмо Игельстрёма, прибавляетъ, что «стиль его принадлежитъ Моркову», что въ «этомъ письмѣ столько гордости....» и пр.

Эта переписка между начальниками передовыхъ воевавшихъ отрядовъ сыграла свою роль, очистивъ поле для офиціальныхъ мирныхъ переговоровъ.

Армфельтъ страстно желалъ мира и въ интимныхъ письмахъ къ женѣ часто высказываетъ свое мнѣніе о его необходимости. «Бранюсь здѣсь съ русскимъ уполномоченнымъ посломъ изъ-за мира. Но плохо дѣло. Опасаясь, что старушка (Екатерина) слишкомъ сильна. Боже, какъ я былъ бы счастливъ, еслибъ возможно было съ оливковой вѣтвью во рту приблизиться къ Стокгольму». Генералъ Игельстрёмъ и гр. Салтыковъ старались оказать раненому Армфельту возможное вниманіе: они предложили ему медицинскую помощь, посылали угощенія и ласково обходились съ ранеными и плѣнными офицерами его отряда.

Своимъ представителемъ Екатерина избрала генерала Игельстрёма. Графъ Безбородко сообщилъ Игельстрёму о желаніи Императрицы «кончить всю негоціацію скоро и тихо» . . . чтобы наши завистники и потаенные непріятели тогда узнали, когда вы миръ подпишете».

Гальвесъ «старичекъ добренькій» торопилъ обѣ стороны, явно однако содѣйствуя Густаву.—6 апрѣля 1790 г. онъ предложилъ ему прислать своего уполномоченнаго, для веденія переговоровъ съ генераломъ, командовавшимъ первымъ русскимъ корпусомъ Игельстрёмомъ. По свѣдѣніямъ шведовъ, Игельстрёмъ обла-

далъ привлекательными манерами, былъ хитеръ и пронырливъ, но изысканъ, какъ французъ.

Для веденія переговоровъ Густавъ избралъ барона Густава Маврикія (Маурица) Армфельта. Онъ бывалъ въ Петербургѣ, познакомился съ Игельстрёмомъ, пользовался не только довѣріемъ, но даже дружбой короля. «Генералъ Игельстрёмъ,—писалъ Армфельтъ иронически своей женѣ, — который командуетъ противъ меня, — добрый малый, онъ вѣжливъ, человѣченъ и спокоенъ».

ГУСТАВЪ МОРИЦЪ АРМФЕЛЬТЪ.

«Неужели не существуетъ средствъ прекратить ужасы этой рѣзни, спрашивалъ Армфельтъ письмомъ отъ 2—13 іюля Игельстрёма. Непостоянное счастіе порхаетъ изъ стороны въ сторону,... мы были игрушкою его капризовъ; почему не положить этому конецъ и не отереть слезъ человѣчества... Неужели слава ея увеличится, если она (Ваша Императрица) раздавитъ такого сосѣда, какъ Швеція?... Государь мой король желаетъ мира отъ всего сердца... Минуты дороги... чтобъ третьи лица не вмѣшивались въ дѣло,... увлекая насъ въ бездну негоціаціи»... Къ словамъ Армфельта особенно прислушивались, считая его всемогущимъ. Надо полагать, что отвѣтъ на это письмо составленъ по личному наброску Императрицы. На это указываетъ ея собственноручная записка. Въ ней значится: «Надо только мотивировать отвѣтъ, который Игельстрёмъ дастъ Армфельту, гдѣ онъ скажетъ, что бѣдствія войны неисчислимы для всѣхъ странъ,... что онъ очень

доволенъ узнать о склонности короля къ миру, что Императрица никогда не имѣла иныхъ чувствъ, что, разъ такимъ образомъ думаютъ обѣ стороны, сближеніе не должно быть труднымъ».

Армфельтъ проситъ (15 іюля) Игельстрёма назначить мѣсто ихъ свиданія. Отвѣчая, Игельстрёмъ прибавилъ, что Императрица никогда не искала своей славы въ уничтоженіи Швеціи и желаетъ возстановленія прежнихъ отношеній къ королю.

Почти каждое слово, произнесенное Армфельтомъ, было подсказано Густавомъ; каждый шагъ уполномоченнаго Швеціи регулировался королемъ. При выборѣ мѣста совѣщанія Густавъ настаивалъ на томъ, чтобы Армфельтъ не переходилъ рѣки Кюмени. «Жалуйтесь на состояніе вашего здоровья, не позволяющаго вамъ дѣлать дальнихъ переѣздовъ», писалъ Густавъ, сѣтовавшій въ то-же время на Остермана, который оставилъ безъ отвѣта его вѣжливое письмо, и на иностранныя правительства, проявившія «виляніе и скупость»... «Однако, soit dit entre nous, я твердо рѣшилъ не заключать мира, не пріобрѣтя чего либо въ сторонѣ Нейшлота и Кернакоски».

ЭКМАНЪ.

Первое свиданіе уполномоченныхъ состоялось (22 іюля) въ Коуралѣ подъ открытымъ небомъ. Швеція добивалась расширенія границы, въ видѣ пожертвованія со стороны Императрицы или подарка; Россія твердо предлагала status quo. Армфельтъ, какъ другъ короля, подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ, что у Густава болѣе 2 мил. талеровъ личнаго долга. Игельстрёмъ отвѣтилъ, что всѣму свѣту извѣстно величіе души Императрицы, и что она, пріобрѣтая дружбу короля, найдетъ возможность выручить его изъ затрудненія.

Еще ранѣе Густавъ, открывая душу Гальвесу, въ интимной бесѣдѣ сознался, что стремится къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ, желая получить всю Финляндію Абоскаго трактата. «Сіе видно (также) изъ письма къ вице-канцлеру». Король находилъ, что Петербургъ достаточно обезпеченъ границами, установленными

въ Нпштадѣ. «Сердиты, — отмѣтилъ по этому поводу Храповицкій 22 іюля,—что король шведскій безъ уступки имъ Финляндіи мириться не хочетъ».

Дальнѣйшія свиданія уполномоченныхъ происходятъ въ Верелѣ, на рѣкѣ Кюмени. По свѣдѣніямъ Экмана, король также раскинулъ свою палатку въ Верелѣ и былъ даже у Игельстрёма, подъ именемъ графа Кронстедта, и инкогнито выслушивалъ предварительные переговоры. Ему ежедневно сообщался результатъ переговоровъ. Швеція упорствовала въ своихъ домогательствахъ. Дѣло едва не дошло до разрыва. «Между заряженными пушками дѣйствительно переговоры нѣсколько разъ начинались и оканчивались. Игельстрёмъ, согласно инструкціи, готовился уже прервать переговоры. Когда генералъ Армфельтъ требовалъ уступленія Нейшлота съ уѣздомъ, — пишетъ современникъ этихъ событій С. С. Апраксинъ,—мирные договоры прерывались и генералъ Россійской бралъ шляпу и шелъ къ своей дивизіи, чтобъ начать бой».

Первая размолвка произошла на первомъ-же частномъ совѣщаніи уполномоченныхъ. Узнавъ о ней, король тревожно запросилъ письмомъ Армфельта: «Скажите мнѣ, любезный другъ, что это за ссора произошла вчера вечеромъ; все-ли прервано? На что думаете вы рѣшиться? Что касается меня, то я имѣю въ виду миръ и не могу примириться съ потерею этой надежды». Армфельтъ пояснилъ, что несговорчивость Игельстрёма побудила его снять свои палатки. На слѣдующій день Игельстрёмъ возобновилъ переговоры и сдѣлался якобы уступчивѣе.

Вторая размоловка была розыграна Армфельтомъ сначала до конца по секретной инструкціи короля.

Баронъ Армфельтъ, которому приказано было разузнать рѣшительный отвѣтъ Россіи, прервалъ конференцію, распростился съ русскимъ уполномоченнымъ и сѣлъ въ свою коляску. Генералъ Игельстрёмъ сдѣлалъ то-же самое; готовились уже снимать палатки, какъ вдругъ баронъ Армфельтъ снова вышелъ изъ коляски и, какъ будто раздумывая надъ смысломъ письма гр. Остермана, вошелъ въ палатку, куда явился также баронъ Игельстрёмъ, замѣтивъ его движенія [473]).

Императрица проявила въ это время большую дѣятельность, отправляя по нѣсколько рескриптовъ въ день Игельстрёму и Салтыкову. «У короля есть другая цѣль—вытянуть деньги,—писала она своему уполномоченному; мнѣ хотятъ продать этотъ миръ

или за деньги, или за пожертвованія... Очень остерегитесь, чтобы не попасть въ обманъ» [474]).

Императрица (9 іюня) предупредила Игельстрёма и главнокомандующаго, графа И. П. Салтыкова, что границы должны остаться «на такомъ основаніи, какъ онѣ въ Абоскомъ договорѣ положены».

Какъ умная и энергичная правительница, Екатерина, ведя переговоры, одновременно приготовляла свой гребной флотъ, и приказала И. П. Салтыкову «ни мало не отлагать военныхъ дѣйствій».

«Напишите (вѣроятно это относится до графа Безбородко) графу Салтыкову, что хотя мы все возможное дѣлаемъ для мира, но безъ дѣйствія изъ онаго не выдетъ ничего, по причинѣ высокомѣрія и коварства короля, и чтобы онъ (Салтыковъ) ѣхалъ непремѣнно въ Фридрихсгамъ» [475]).

Салтыковъ переѣхалъ изъ Выборга въ Фридрихсгамъ, Чичаговъ продолжалъ держать взаперти шведскія суда подъ Свеаборгомъ.

Екатерина понимала, что чѣмъ болѣе «мы оказываемъ снисхожденія, тѣмъ болѣе родятся требованія. Мы сказали крайнія черты: примутъ—хорошо, не примутъ—не зачѣмъ продолжать пустые переговоры, въ коихъ весь авантажъ на сторонѣ Швеціи, а мы насилу свое спасли. Послѣднія о перебѣжчикахъ разсужденія весьма доказываютъ злостный нравъ королевскій. Графу Салтыкову написать надлежитъ, чтобы не остановлялъ дѣйствій» [476]).

Подобную-же твердость она проявила и въ переговорахъ съ заносчивымъ пруссакомъ. Отъ 2 августа (22 іюля) 1790 г. Густавъ, сообщивъ Стедингку о ходѣ мирныхъ переговоровъ въ Верелѣ, прибавляетъ, что ожидается война между Пруссіей и Россіей. На предложеніе прусскаго министра, которое онъ кончилъ словами: миръ или война? Императрица отвѣтила: «comme il vous plaira, monsieur». Пруссія не тронулась...

Россія же, приведя къ миру свои дѣла съ Турціей, вновь почувствовала почву подъ ногами... Швеціи пришлось уступить, и 2 августа Армфельтъ сказалъ: «Я выигралъ сраженіе (т. е. уговорилъ короля).... наши переговоры не прерваны».

3 августа состоялось первое и единственное офиціальное засѣданіе въ Верелѣ. Миръ съ Швеціей былъ подписанъ, а 9—ратификованъ.

Сущность Верельскаго мирнаго договора сводилась къ слѣдующему: «Рубежи и границы съ обѣихъ сторонъ останутся на

томъ основаніи, какъ были они до разрыва, или до начала нынѣшней войны». Военно-плѣнныхъ положено было освободить безъ выкупа. Швеціи разрѣшался безпошлинный вывозъ изъ Россіи хлѣба на 50.000 р. [477]).

Гр. С. Р. Воронцовъ, узнавъ о «желаніи потушить войну», выразилъ надежду, что Россія не заключитъ мира, не взявъ отъ Швеціи если «не великое герцогство Финляндское, то по крайней мѣрѣ дистрикты» Нюландскій, Тавастгускій и Саволаксъ. Этого требуетъ «неотмѣнно» новая столица. Мириться со шведами, не отнявъ указанныхъ земель, графъ считаетъ стыдомъ. Отторженію Финляндіи отъ Швеціи гр. Воронцовъ придавалъ особенное значеніе. «За такіе пункты, какъ Гельсингфорсъ и Свеаборгъ,— говаривалъ онъ,—я охотно отдалъ-бъ тридцать такихъ, какъ Крымъ» [478]).

ГУСТАВЪ АРМФЕЛЬТЪ.

Но миръ закрѣпилъ прежнія границы, и гр. Воронцову пришлось утѣшить себя другими соображеніями. «Нельзя безъ удовольствія представить себѣ,—писалъ онъ,—что шведскій король требовалъ, чтобы ему уступила она всю землю отъ Кюмени до Сестрорѣцка, и отважился предписывать ей законы для мира съ Турками, а наконецъ принужденъ былъ самъ просить мира, оставя турокъ и не получа ниже на вершокъ земли Россійской» [479]).

«Теперь только и говорятъ, что о мирѣ, читаемъ въ дневникѣ шведа. Литавры и оркестры отправлены въ Вереле».

Обмѣнъ ратификацій былъ обставленъ большой торжественностью. «Король, имѣвшій умъ, нѣсколько забавный, приказалъ соорудить Алтарь дружбы» [480]). Его украсили щитами и иниціалами короля и Императрицы. По бокамъ храма тянулись просторныя палатки. При обмѣнѣ договоровъ раздались залпы орудій и мушкетовъ. Король инкогнито замѣшался въ толпу.

Послѣ этого шведамъ показывали калмыковъ, башкиръ, казаковъ, гусаръ и пѣхоту. Русскіе и шведы посѣщали другъ друга. «Генералы и офицеры бросились намъ на шею; мы отвѣтили имъ также искренними изъявленіями дружбы», пишетъ С. С. Апраксинъ. Русскіе и шведы были въ Верелѣ искреннѣйшими друзьями. Солдаты, которые нѣсколько недѣль назадъ жаждали пролить кровь другъ друга, теперь обнимались, цѣловались и пили за здоровье другъ друга [481]). Наши генералы и офицеры были приглашены къ королевскому столу (на ужинъ). «Даже солдаты туда

въ большомъ числѣ пришли». «Король стоялъ среди толпы Россійскихъ поющихъ гренадеръ» [482]).

Ланжеронъ, разсказывая о пріемѣ, оказанномъ Густавомъ русскимъ офицерамъ, говоритъ, что король выказалъ по обыкно-

ГУСТАВЪ III.

венію нѣкоторую странность и мелочное тщеславіе. Его костюмъ отличался роскошью, но въ то же время походилъ на маскарадъ. Онъ былъ одѣтъ въ шведское богато вышитое платье, покрытое кружевами, съ эполетами въ три ряда (sic). Шелковыя панталоны были на половину желтаго, на половину голубого цвѣта. Онъ носилъ громадныя шпоры, когда-то принадлежавшія королю Карлу XII, и шпагу того-же героя, висѣвшую на огромной перевязи; наконецъ, на немъ были навѣшаны разные шарфы

ленты, ордена и проч. Къ тому же на немъ была соломенная шляпа, украшенная громаднымъ голубымъ перомъ [483]).

Принимая русскихъ офицеровъ, король весьма развязно бесѣдовалъ съ ними, особенно ему понравился казацкій генералъ Денисовъ, котораго онъ спросилъ: былъ ли онъ имъ доволенъ по случаю схватки, происходившей въ 1789 г.? Денисовъ возразилъ: «я васъ не замѣтилъ вовсе, а впрочемъ, еслибъ тогда командовалъ одинъ изъ вашихъ героевъ, то я бы на вашемъ мѣстѣ выключилъ его изъ службы». По поводу разговора Денисова съ королемъ, Екатерина писала кн. Потемкину: «Денисовъ имѣлъ съ королемъ шведскимъ разговоръ образцовый, но переводчикъ не все перевелъ, что онъ ему сказать велѣлъ» [484]).

За первымъ офиціальнымъ днемъ слѣдовали праздники и фейерверки, отъ которыхъ графъ И. П. Салтыковъ уклонился «и хорошо сдѣлалъ, потому что король сей странно изъявлялъ знаки своего увеселенія».... раздавалъ разные ордена и военныя украшенія. «Хвастовство Монарха болѣе побѣжденнаго нежели побѣдившаго» не понравилось очевидцу событій.

«Радостны», читаемъ у Хроповицкаго (5 августа). «Въ церкви отправлено молебствіе. Тѣмъ болѣе довольны, что ни англичане, ни пруссаки сего не знаютъ: on les a joués». Екатерина пожинала плоды своихъ трудовъ, своей стойкости. «Я правила всѣмъ,—сказала она,—какъ командующій генералъ и много было заботъ». «Съ какимъ удовольствіемъ,—писала Императрица барону Игельстрёму,—получили мы донесеніе ваше о заключеніи мира». «Спѣшу сообщить г-ну козлу отпущенія,—писала Императрица Гримму,—что 3 августа 1790 г. генераломъ Игельстрёмомъ съ нашей стороны и любимцемъ короля Армфельтомъ съ другой подписанъ миръ между Шведскимъ королемъ и его сестрой Императрицей Россійской, безъ всякаго посредничества. Однимъ зломъ стало меньше. Сегодня утромъ у меня отвалились на ногахъ четыре мозоли, которыя меня очень безпокоили; изъ сего слѣдуетъ, что этотъ день можетъ быть причисленъ къ благопріятнымъ». Извѣщая князя Потемкина о мирѣ со Швеціею, Екатерина писала: «Одну лапу мы изъ грязи вытащили, какъ вытащишь другую, то пропоемъ аллилуія. Въ концѣ августа 1790 г. Екатерина II, узнавъ, что князь Потемкинъ спокойно спитъ съ тѣхъ поръ, что «свѣдалъ о мирѣ со шведами», сообщаетъ: «мои платья все убавляли отъ самаго 1789 г., а въ сіи три недѣли начали узки становиться.... я-же гораздо веселѣе становлюсь».

Радость Императрицы обозначалась щедрыми подарками Г. М. Армфельту, Эренстрему, Игельстрёму и др. Одарены и награждены были также оба главнокомандующіе, Чичаговъ, Нассау-Зигенъ, Крузъ и Михельсонъ. Даже шведскіе офицеры, командовавшіе частями при Верелѣ, получили подарки. «Вексель для Армфельта на десять тысячъ червонныхъ сдѣланъ (былъ) на Амстердамъ».

Празднества въ Петербургѣ по случаю Верельскаго мира происходили съ 8 по 23 сентября. Народъ, называвшій Густава III вторымъ Пугачевымъ, радовался, конечно, окончанію войны. Съ восходомъ солнца загремѣли орудійные выстрѣлы, возвѣстившіе о наступленіи торжества мира. Въ 8 часовъ утра прибыли въ Казанскій соборъ караулы. Въ 9 пріѣхала изъ Царскаго Села Императрица. Послѣ литургіи графъ Безбородко прочелъ манифестъ о мирѣ. Заиграли на трубахъ и литаврахъ, начались салюты изъ крѣпости. По городу разъѣзжалъ кригсъ-комиссаръ съ бѣлой перевязью черезъ плечо; онъ имѣлъ мѣшки съ серебряными жетонами, которые бросались народу. На нихъ было вычеканено: «миръ со Швеціей заключенъ 3 августа 1790 г.», на другой сторонѣ виднѣлась миртовая вѣтвь съ лавровыми вѣнками и надпись по краямъ: «сосѣдственный и вѣчный».

ЖЕТОНЪ МИРА. 1790 г.

Въ пятый день празднованія мира, по сигналамъ изъ пушекъ, даны были народу жареные быки на устроенныхъ пирамидахъ и изъ фонтановъ пущено виноградное вино. Народный праздникъ прошелъ подъ проливнымъ дождемъ. «Дождь льетъ какъ изъ ведра, писала Екатерина,—это соусъ къ двумъ быкамъ съ принадлежностями, которые стоятъ у меня подъ окнами, но безъ этой приправы можно-бы обойтись. Эта вода разбавитъ и вино въ двухъ фонтанахъ, устроенныхъ рядомъ съ господами быками». Въ послѣдній десятый день праздниковъ былъ данъ при дворѣ маскарадъ для дворянства и купечества.

12 сентября 1790 г. Императрица писала Гримму: «У меня голова идетъ кругомъ отъ мирныхъ празднествъ, начавшихся

8 числа сего мѣсяца. Это плодъ мира. Слава Богу, что она у насъ не кружилась въ продолженіе войны».

Генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому надлежало отъ имени Сената произнести поздравительную рѣчь. Князь заболѣлъ. Старшимъ послѣ него оказался Ѳ. М. Колокольцевъ; онъ просилъ Державина составить проектъ рѣчи. Державинъ составилъ. Въ рѣчи указывалось, что «нашъ сопредѣльный сосѣдъ внезапно бурею возшумѣлъ на сѣверныя твои, Государыня, области, когда русскія силы находились въ «полуденномъ краю».... «Цвѣла торговля, художество, науки, возвышались зданія подъ сѣнью благотворныхъ законовъ»..... Затѣмъ воздавалась должная честь

МЕДАЛЬ ВЪ ПАМЯТЬ ВЕРЕЛЬСКАГО МИРА (3 авг. 1790 г.).

непріятелю..... Планъ войны былъ «великолѣпенъ». Быстрое нападеніе обѣщало врагамъ «великія выгоды». Опасность была велика. «Уже освѣщался горизонтъ сей молніями»..... Тайные враги перешептывались и радовались близкому удару. Наши друзья «съ блѣднымъ молчаніемъ и вздохами ожидали рѣшительнаго часа». Казалось, что «отъ изваяннаго образа Петра Великаго исходилъ стонъ». Ты одна пребыла непоколебимою.... Твое мужественное сердце, твоя великая душа носили въ себѣ Бога.... Ты имѣла удовольствіе видѣть любовь къ себѣ народа твоего... Се торжество твое и твое величіе. Ты оградилась усердіемъ твоихъ подданныхъ.... Ты умѣла избрать предводителей... Сколько ты трудовъ сама подъяла, сколько безпокойствій потерпѣла, сколько ночей безъ сна препроводила. Ты показала подвиги, неописанные опыты мужества твоего и великодушія..... Хотя признаться впрочемъ должно, что иногда и шведы имѣли свои удачи.... Самыя стихіи имъ паче ихъ самихъ поборствовали.... Одна храб-

рость вездѣ воинства твоего... преодолѣла; поправ всѣ усилія расторопнаго и отважнаго твоего противника. Наступавшій герой позналъ, наконецъ, что «Россіяне, или паче духъ великой Екатерины никакими исполинскими противоборствіями непобѣдимъ..... Слезы умиленія, восторги радостныхъ семействъ тебя нынѣ благославляютъ». «Сѣдяще тебѣ днесь на тронѣ величества твоего.... Сенатъ твой въ лицѣ всей Россійской Имперіи... приноситъ тебѣ всеусерднѣйшее поздравленіе... Россія восклицаніями и вселенная плескомъ давно соотвѣтствуютъ сему нашему признанію..... Если бы тебѣ угодно было, мы бы нарекли тебя и богоподобною».... [485]).

Обстоятельства измѣнились и рѣчь Державина произнесена не была. Привѣтствовать Императрицу пришлось оберъ-прокурору сената Неклюдову, для котораго напыщенную рѣчь составилъ гр. Завадовскій. Эта рѣчь извѣстна болѣе по тому протесту, который она вызвала со стороны кн. М. М. Щербатова [486]).

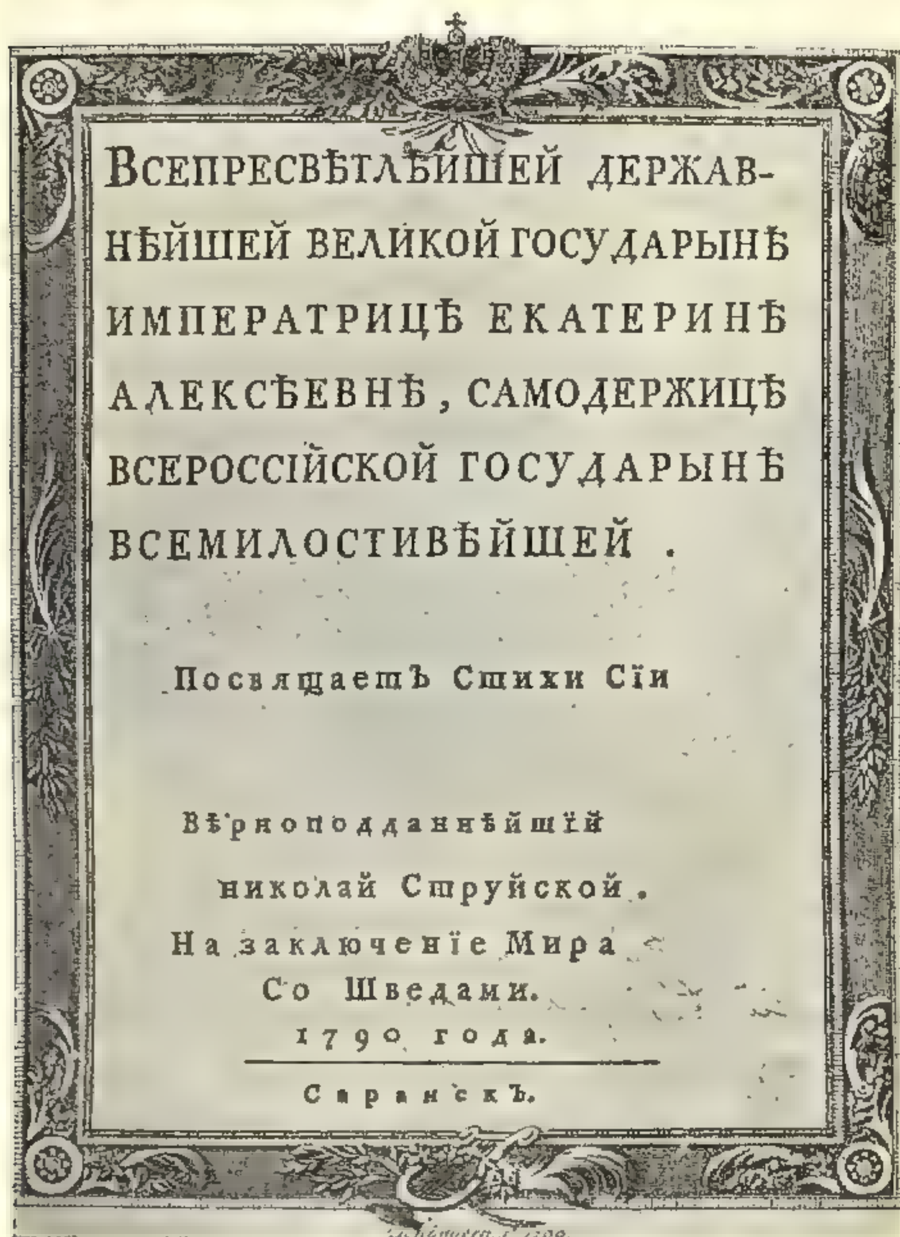
МЕДАЛЬ МИРА. 1790 г.

Миръ поднялъ общее настроеніе, и піиты принялись брящать хвалу Минервѣ Гиперборейской и Сѣверной Семирамидѣ. Первымъ выступилъ бардъ того времени—счастливый пѣвецъ Фелицы. Г. Р. Державинъ написалъ въ духѣ времени стихотвореніе «На шведскій миръ 1790 г.» Царица представлена шествующей съ лаврами въ Петрополь; она видитъ всюду радостныя лица, ее «какъ нѣжную весну встрѣчаютъ въ одеждѣ розовыхъ зарей»..... «Восторгъ ты нашъ и торжество..... Какъ царь ты наградишь заслуги; какъ матерь—призришь сихъ сиротъ, освободишь ты заключенныхъ, обогатишь ты разоренныхъ..... По нуждѣ ты лила токъ крови, Ты въ мирѣ будешь богъ любви..... Безчисленны твои народы воздремлютъ подъ твоей рукой.. О ангелъ нашихъ тихихъ дней, Екатерина. Мы свидѣтель: Не ты виной была смертей».... Кромѣ того Державинъ написалъ «Хоръ на шведскій миръ» [487]).

Другая «Ода на заключеніе мира съ шведами» была написана 13-ти-лѣтнимъ мальчикомъ Пермскаго народнаго училища А. Ѳ. Мерзляковымъ—впослѣдствіи извѣстный критикъ, поэтъ и профессоръ Московскаго университета. Оду представили Императрицѣ, и она повелѣла напечатать ее въ академическомъ журналѣ [488]).

За этими главными представителями въ области рифмы потянулся длинный рядъ менѣе извѣстныхъ — Петръ Плавальщиковъ, кн. Григорій Хованскій, Струйскій и др.

Всѣ они пытались настроить свои лиры на торжественный ладъ и быть достойными воспѣть Великую, Неподвижную и Славную. По случаю мира—въ Абоской академіи состоялось особое торжество. Профессоръ химіи Pehr Adrian Gadd произнесъ рѣчь, въ которой упомянулъ о бѣдствіяхъ и опасностяхъ, которыя угрожали свободѣ и самостоятельности Швеціи. Густавъ III ихъ устранилъ, а потому онъ герой, превзошедшій Густава Вазу и Карла XII своими способностями полководца! Описывается затѣмъ ходъ войны. Разсказано сраженіе при Валькіяла, при этомъ ораторъ забылъ, что Густавъ былъ здѣсь раненъ; живую же добычу, по поэтической вольности и ради рѣдкаго торжества, онъ исчисляетъ въ 260 офицеровъ и болѣе 6 тысячъ нижнихъ чиновъ!—Во всѣхъ бѣдствіяхъ Гаддъ обвиняетъ шведскихъ дворянъ. Переворотъ 1772 г. онъ превозноситъ и взываетъ къ патріотизму перваго сословія, напоминая имъ участь Польши и Грузіи [489])

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ, САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ ГОСУДАРЫНѢ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ.

Посвящаетъ Стихи Сіи

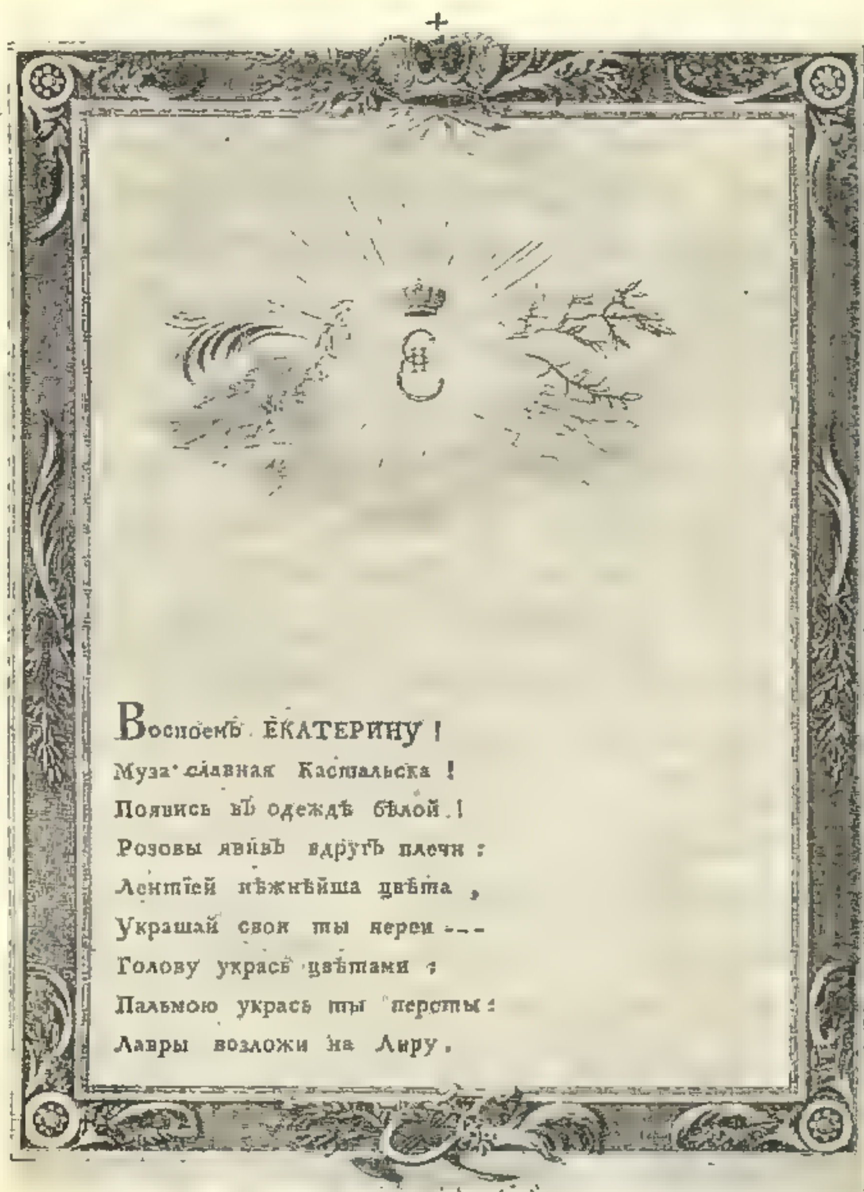
Вѣрноподданнѣйшій
николай Струйской.
На заключеніе Мира
Со Шведами.
1790 года.

Саранскъ.

Потемкинъ, узнавъ о мирѣ, писалъ съ юга: «Здравствуй, матушка, всемилостивѣйшая государыня, съ плодомъ неустрашимой твоей твердости» [490]). У кого шестнадцать тысячъ верстъ за спиной,

чья армія привыкла къ побѣдамъ и проч.,—отвѣтила Императрица,—«не можетъ безъ униженія своего сана не высказывать неустрашимой твердости».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ заключенія мира Морковъ,—во время серьезнаго разговора съ шведскимъ посланникомъ въ Петербургѣ,—сказалъ: «баронъ Г. М. Армфельтъ имѣлъ большое преимущество передъ барономъ Игельстрёмомъ; первый изъ нихъ свѣтскій человѣкъ, остроумный и кромѣ того вполнѣ освѣдомленный о намѣреніяхъ своего короля. Послѣдній-же ни однимъ изъ этихъ качествъ не обладалъ; и только благодаря случайности, ему въ Верелѣ дано было важное порученіе; онъ ни одного слова не произнесъ, которое не было-бы ему подсказано» [491].

Пруссія, Англія и Турція были поражены Верельскимъ миромъ. Всѣ сомнѣвались въ его прочности; но Екатерина знала, что у Густава не было «ни гроша», и онъ нуждался въ субсидіи, а потому временно долженъ унять свой воинственный пылъ.

«Пугательныя выдумки» Пруссіи по этому не дѣйствовали. Швеція и Россія были довольны, что мирные переговоры обошлись безъ посредниковъ. Участіе другихъ державъ вмѣшало бы въ дѣло интересы всей Европы.

Уже на другой день послѣ заключенія мира король написалъ Императрицѣ весьма характерное письмо. Онъ говоритъ, что главнымъ мотивомъ мира послужило его желаніе вернуть прежнюю личную дружбу Императрицы. Голосъ крови долженъ быть услышанъ. Желательно, чтобы имена Екатерины и Густава могли быть соединены въ тѣсный союзъ. Война явилась одной изъ тѣхъ бурь, которыя приводятъ въ гавань любящія сердца. Императрица отвѣтила кратко, сдержанно, но ласково. Она желала, чтобы эти связи никогда не порывались, и чтобы непоколебимость Густава III относительно Екатерины имѣла преимущество передъ твердостью, съ которою онъ поддерживалъ ея враговъ [492]).

Миръ былъ заключенъ. Военныя дѣйствія прекратились. Густавъ сталъ мечтать о формальномъ союзѣ съ Россіей, «союзѣ Фердинанда и Изабеллы». Онъ хотѣлъ получить и денегъ, и «половину Финляндіи».—Но полнаго довѣрія къ Густаву III не было. Опасались, что онъ вздумаетъ обратить миръ въ перемиріе. Екатерина поэтому рѣшила: «намъ войска сухопутныя не трогать дондеже онъ своихъ не выведетъ изъ Финляндіи. Игельстрёма наставить, дабы объявилъ Г. М. Армфельту, что мы никого не выведемъ, доцдеже не уберутся во-свояси... Трактатъ мирный по ратификаціи скорѣе напечатать, дабы свѣтъ его видѣлъ» [493]).

Екатерина была не изъ тѣхъ, которыхъ легко можно было запугать. Чѣмъ серьезнѣе стѣсняли ее обстоятельства, тѣмъ болѣе пробуждалась ея рѣшимость. «Противу злостныхъ затѣй враговъ нашихъ нѣтъ иного способа, — читаемъ въ личной замѣткѣ,— какъ стараться достигнуть до заключенія мира, и для этого взять всевозможныя мѣры, дабы идти прямо въ Царьградъ, въ Стокгольмъ и въ Варшаву и тамъ оный сдѣлать» [494]).

Непосредственно за миромъ начались разныя пререканія и старые счеты между сторонами, почему въ одной изъ собственноручныхъ замѣтокъ Екатерины II читаемъ: «Игельстрёмъ могъ-бы сказать Армфельту, что и такъ весь трактатъ въ ихъ пользу, а все въ нарушенныхъ статьяхъ намъ выгодное опрокинуто; чего же мы, кромѣ укрощенія военныхъ дѣйствій, выиграемъ? Спасли свое вотъ и все тутъ; а постыдной медіаціи бездѣльника и вѣроломца не хотимъ вотъ и все тутъ».

Екатерина предугадывала дальнѣйшія осложненія. «Сей миръ кажется легенькій и вѣтренный, сумлительно, чтобъ или вовсе, или долго устоялъ. Тысячи споровъ произойдутъ» [495]).

И, дѣйствительно, Густавъ не могъ остаться вполнѣ довольнымъ Верельскимъ миромъ, потому что завѣтныя его желанія оставались неудовлетворенными: границы не расширены и денежная субсидія не получена. Ни о той, ни о другой въ трактатѣ не было ни слова.—Послѣ обмѣна ратификацій, онъ, въ бесѣдѣ съ Игельстрёмомъ, сразу вернулся къ вопросу объ урегулированіи границъ и передалъ ему карту, на которой весьма ясно обозначено было его желаніе получить: устье р. Кюмени, Гегфорсъ, островъ Роченсальмъ (или Свенскзундъ) и Нейшлотъ. Игельстрёмъ не осмѣлился офиціально представить подобную карту своему правительству, но частнымъ образомъ вручилъ ее графу А. Безбородко. Въ то-же время король повелѣлъ Стедингку представить Потемкину, что Россія навсегда будетъ обезпечена дружбой Швеціи, если за послѣдней признана будетъ граница, установленная въ 1721 г., и выдана будетъ субсидія въ $1^1/_2$ мил. рублей [496]). Особенно безпокоили короля его частные долги. На счетъ русской казны они не были приняты. Императрица, узнавъ объ обѣщаніи своего уполномоченнаго, сказала: «выходитъ наружу, что баронъ Игельстрёмъ при заключеніи мира много лишняго обѣщалъ» [497]).

Г. М. Армфельтъ съ своей стороны также напоминалъ Игельстрёму объ исправленіи границы и объ уплатѣ долга и удивлялся, почему для урегулированія первой требовалась такая медленная «метафизика».

Вновь назначенный представитель Швеціи при петербургскомъ дворѣ, К. Стедингкъ, добившись частной аудіенцы, также напомнилъ объ обѣщанныхъ королю субсидіяхъ. «Да,—отвѣтила Императрица,—какъ послѣдствіе союза, который будетъ заключенъ». «Я уполномочила г. Стаккельберга,—читаемъ въ черновомъ наброскѣ Императрицы,—спеціальная комиссія котораго служитъ еще однимъ доказательствомъ моей большой склонности закрѣпить узы, предложенныя Вашимъ Величествомъ.—Одновременно обсудится планъ нашего союза и полюбовное размежеваніе нашихъ обоюдныхъ границъ» [498]).

Но по окончаніи переговоровъ, въ теченіе зимы 1790—1791 гг., Швеція вооружалась. Наблюдавшій за этимъ графъ Я. Е. Сиверсъ писалъ дочери: «Его (Густава III) можно купить, и я увѣренъ, что его купятъ, лишь-бы были деньги. Но у англичанъ больше гиней, чѣмъ у насъ рублей. Вотъ это-то и плохо».

Въ апрѣлѣ 1791 г., въ видѣ мѣры предосторожности съ нашей стороны, Суворова послали осмотрѣть шведскую границу.

«Дайте мнѣ кончить съ турками, и тогда я съ шведскимъ королемъ раздѣлаюсь. Можно-ли удовлетвориться его требованіями? Хочетъ и денегъ и половину Финляндіи». И дѣйствительно, Швеція не прекращала своихъ домогательствъ [499]).

Дѣло затягивалось вслѣдствіе того, что Екатерина желала возможно дешевле пріобрѣсти союзника, не сдѣлавъ территоріальной уступки, а Густавъ,—поставивъ условіемъ союза опредѣленіе границъ, полученіе денежной помощи и возрожденіе Франціи,—присматривался къ измѣнявшимся обстоятельствамъ на Западѣ и предлагалъ Г. М. Армфельту «показывать усердіе въ переговорахъ и ловкость», которая дала-бы возможность заключить, что проволочка исходитъ отъ Стаккельберга. Оставался еще страхъ за торговлю Швеціи, которой могла повредить недоброжелательная Англія.

Густавъ, посылая своему уполномоченному инструкцію относительно союзнаго договора, между прочимъ, писалъ (2 іюня—22 мая 1791 г.): «Счастливѣйшимъ днемъ моей жизни будетъ тотъ день, когда я заключу тѣсный союзъ съ родственницей, которую я люблю, съ великой женщиной, слава и имя которой наполнятъ страницы исторіи и дойдутъ до самыхъ отдаленныхъ вѣковъ; когда я присоединю свое имя къ ея имени, мнѣ кажется, что я пріобрѣту частичку ея безсмертія» [500]).

По прошествіи недолгаго времени, когда Густаву казалось, что цѣль была уже близка, онъ вновь писалъ: «Послѣ 13-ти-лѣтнихъ стремленій, я буду связанъ договоромъ съ единственной монархиней, которая поддерживаетъ честь коронованныхъ особъ».

Къ намѣченной цѣли Густавъ шелъ всѣми доступными ему путями. Его представители работали въ томъ же направленіи и въ Лондонѣ, и въ Петербургѣ.

8—19 августа 1791 г. гр. С. Р. Воронцовъ сообщилъ изъ Лондона о странномъ разговорѣ, бывшемъ между нимъ и шведскимъ министромъ Нолькеномъ. «Зачѣмъ вы вооружились?» спросилъ послѣдній. «Затѣмъ, что вы вооружились, а коль скоро сосѣдъ вооружился, благоразуміе требуетъ сдѣлать то же самое». «Но мы не думаемъ нападать на васъ». «Очень вѣрю; но обманувшись, однажды, не слѣдуетъ быть довѣрчивымъ»... Послѣ этого Нолькенъ вновь заговорилъ. «Послушайте, мой любезный графъ, есть настоящій способъ навсегда намъ сдружиться и никогда не воевать другъ съ другомъ. Вы такъ растянулись, и у васъ такъ много земли, что для васъ ничего не

значитъ немножко уступить ея, что будетъ намъ совершенно кстати. Пусть вашъ дворъ отдастъ намъ Фридрихсгамъ, Вильманстрандъ и Нейшлотъ, и Швеція никогда больше не будетъ воевать съ вами».—«Вы очень скромны въ вашихъ желаніяхъ, любезный мой баронъ, и мнѣ удивительно, отчего въ число дружескихъ уступокъ вы не включили Кексгольма и Выборга, потому что между друзьями чѣмъ ближе, тѣмъ желательнѣе».—«Вижу, что вы шутите, но я говорю вамъ вовсе не шутя».—«А я полагаю, что теперь-то именно вы и шутите, и даю вамъ слово не передавать вашихъ словъ нашему двору, потому что намъ не позволяютъ писать шутки въ нашихъ депешахъ» [501]).

Императрица столь же послѣдовательно добивалась союза съ Швеціей, отклоняя земельныя ея домогательства, сколь Густавъ стремился получить торриторіальный прирѣзокъ. Г-нъ гр. Стакельбергъ,—писала Екатерина (въ апр. 1791 г.),—«передайте отъ моего имени шведскому королю, что личное мужество, высказанное имъ особенно ярко подъ Выборгомъ, когда онъ прорвался чрезъ мой флотъ и вышелъ изъ залива, возвысило мое мнѣніе о его храбрости; мое расположеніе къ нему обратится въ глубокое уваженіе, если его величество геніемъ своимъ побѣдитъ искушенія, которыми враги мои стараются отклонить его отъ тѣснаго союза со мною»...

Въ послѣдующихъ письмахъ Императрица Екатерина, опасаясь, что враги ея вновь склонятъ Густава къ нападенію на ея владѣнія, предлагала Стаккельбергу склонить короля хоть къ нейтралитету.

Узнавъ, что онъ уѣхалъ въ Ахенъ и Спа, Екатерина вздохнула свободнѣе, зная, что въ теченіе лѣта наступленія не предприметъ.

Распространился слухъ, что Густавъ III собирался разрѣшить англичанамъ занять Ловизскій портъ. Императрица старалась отклонить его отъ подобнаго намѣренія, чтобы избѣжать въ Ловизѣ склада контрабанды.

Екатерина продолжала добиваться союза и дружбы шведскаго короля, для упроченія Верельскаго мира и спокойствія на сѣверѣ. Въ этихъ видахъ, въ письмахъ Императрицы къ Стаккельбергу не разъ выражалась признательность Г. М. Армфельту «за добрые и честные поступки въ отношеніи насъ». А 24 августа 1791 г. она писала королю: «Государь, мой братъ... Я сказала и повторяю Вашему Величеству: ничего я такъ не

желаю, какъ соединиться съ В. В. узами тѣснѣйшей и полнѣйшей дружбы. Я сдѣлала болѣе: я искренно повѣрила, что В. В. сдѣлается моимъ рыцаремъ и самымъ страстнымъ защитникомъ самаго справедливаго дѣла... Что требуете Вы, чтобы присоединиться ко мнѣ?... принять сторону Вашей родственницы и всего сѣвера, которому диктаторы домогаются предписывать законы... Если В. В. возможно заявить себя моимъ сторонникомъ, да исполнитъ онъ это такимъ образомъ, чтобы я могла приступить съ тою-же откровенностью, съ какой желаю доказать ему мою дружбу и уваженіе, съ которой остаюсь съ большой радостью, Господинъ мой братъ, Вашего Величества добрая сестра, кузина, другъ и сосѣдка Екатерина» [502]).

Въ 1791 г., когда князь Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, К. Стедингкъ сталъ черезъ него хлопотать объ уступкѣ Швеціи Нейшлота. Игельстрёмъ съ своей стороны не находилъ надобности въ этомъ плохо укрѣпленномъ городѣ, требовавшемъ для своей охраны значительнаго гарнизона, а потому предлагалъ Потемкину уступить эту крѣпость. Потемкинъ оказался, конечно, выше своего докладчика—барона и сказалъ Стедингку: «Развѣ король такъ стоитъ за Нейшлотъ? Для насъ онъ вовсе не нуженъ; такъ всѣ у насъ думаютъ, исключая Императрицы, которая воображаетъ, что, уступивъ Нейшлотъ, она потревожитъ прахъ Петра Великаго». «Не даромъ она женщина, писалъ объ Екатеринѣ Стедингкъ Г. М. Армфельту,—ни пяди земли не уступитъ она намъ въ Финляндіи» [503]).

Въ Инструкціи Штакельбергу Императрица говорила: «благодаря небу, мнѣ никогда еще не приходилось уступать ни пяди земли по договору, и я не знаю до сихъ поръ, какъ это дѣлается... Признаюсь вамъ, предпочла бы дать денегъ, чѣмъ уступить пядь земли».

Опасаясь, что обстоятельства могутъ принудить Екатерину къ уступкѣ Нейшлота, она писала Штакельбергу: отстраняйте эти предложенія «столь возможно далѣе, не рискуя однако ни миромъ, ни союзомъ, который мы имѣемъ заключить съ шведскимъ Королемъ». Далѣе Императрица прибавляетъ, что взамѣнъ «срытаго Нейшлота» она желаетъ получить Пумала-Зундъ съ частію земли, прилегающей къ Кареліи. Объ отдачѣ Гегфорса Екатерина и слышать не желала. Штакельбергъ далъ понять Густаву III, что честь Императрицы не допускаетъ уступки ни единой части русской Финляндіи; что-же касается границъ у Кюмени и Гегфорса,

то и рѣчи не можетъ быть о какомъ-нибудь ихъ измѣненіи. Король предлагалъ уступить взамѣнъ островъ Варѳоломея (St. Barthélemy) [504]).

По адресу короля, въ письмѣ имѣлись ослѣпительные комплименты и тонкая женская лесть. Онъ названъ былъ единственнымъ въ Европѣ, «который своимъ геніемъ, мужествомъ и талантомъ показалъ міру, что великій человѣкъ довольствуется самимъ собой . . . По какому капризу онъ, смотрящій на все широко, хочетъ новой границы. Мы не созданы, мнѣ кажется, спорить изъ-за нѣсколькихъ скалъ, а я предпочитаю сохранить, что я имѣю» [505]). Густавъ, видя, что деньги будутъ даны, писалъ Г. М. Армфельту, что слѣдуетъ быть столь-же добрымъ, какъ Императрица и пожертвовать нѣсколькими скалами.

Въ октябрѣ 1791 г. былъ подписанъ союзный трактатъ (въ Дротнингсгольмѣ) на 8 лѣтъ и Густавъ сталъ получать ежегодно по 300 тыс. рублей [506]).

Честолюбивая мечта Густава—союзъ съ Россіей—была достигнута.

Въ концѣ января 1792 г. Императрица писала графу О. М. Стаккельбергу: «Повторяю вамъ рѣшительно и прямо мое приказаніе никакъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швеціи, тѣмъ болѣе во время риксдага». Она воспретила ему также всякое вмѣшательство въ интриги и происки партій.

Шведскій историкъ правъ, указывая на то, что едва ли кто другой нанесъ Екатеринѣ болѣе чувствительные удары, чѣмъ ея «братецъ» Густавъ III своей революціей 1772 г. и войной 1788—1790 г.г. Опасное оружіе права вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Швеціи было вырвано изъ рукъ Екатерины [507]).

Плѣнныхъ рѣшено было отпустить безъ выкупа и всякаго разсчета за ихъ содержаніе. Они обязывались лишь къ уплатѣ частныхъ своихъ долговъ.

«Съ шведскими плѣнными въ Петербургѣ обращались хорошо, писали сами шведы; графъ Вахтмейстеръ и другіе, объ участи которыхъ печалились, живы и здравы». И дѣйствительно, какъ это видно изъ письма Императрицы къ Павлу Петровичу, «Графы Вахтмейстеры содержатся, какъ подобаетъ состоянію ихъ и чину, и уходъ за ними лучше, чѣмъ они имѣли бы право ожидать у себя дома». По просьбѣ принца Нассау, Императрица отпустила домой

плѣнныхъ офицеровъ, взявъ съ нихъ честное слово не служить во время войны. Въ другой разъ, черезъ того же принца было передано 3 тыс. руб., для раздачи шведскимъ плѣннымъ, съ которыми обращались очень человѣколюбиво. Подполковникъ Розенштейнъ даже жилъ въ домѣ принца Нассау.

Другому плѣнному князь Лобановъ одолжилъ 40 руб. съ увѣреніемъ, что готовъ помочь ему во всемъ, въ чемъ будетъ нуждаться [508]).

Плѣнный Клеркеръ относится къ русскимъ вообще крайне высокомѣрно и, видимо, оцѣниваетъ все съ точки зрѣнія, усвоенной ранѣе и весьма неблагопріятной для всего русскаго. «Мы ѣхали,—пишетъ Клеркеръ въ своихъ воспоминаніяхъ,—ночью въ коляскѣ Лобанова, запряженной шестеркой лошадей. Съ нами въ коляскѣ сидѣлъ капитанъ Свенсонъ, на запяткахъ стояли два солдата, а по сторонамъ два казака. Здѣсь проявляли себя и русская недовѣрчивость, которую можно замѣтить въ каждомъ, и мракъ, въ которомъ находится нація относительно понятій называемыхъ честью, и, наконецъ, лукавство, съ какимъ русскіе обходятся со всѣми чужестранцами».

Русскій полковникъ отправился съ плѣнными въ увеселительный паркъ Mon répos (около Выборга), который прежде принадлежалъ принцу Фридриху Вюртембергскому, «принужденному 2—3 года передъ тѣмъ, благодаря зависти, хитрости и уловкамъ великихъ міра сего», оставить Россію. «Въ этомъ увеселительномъ саду я и мои товарищи имѣли удовольствіе разговаривать съ великимъ княземъ (Павломъ Петровичемъ), который обращался къ намъ весьма фамиліарно. Онъ, повидимому, хотѣлъ показать свою снисходительность, однако далъ понять, что недоволенъ войной, сказавъ: «Господа, я лучше желалъ бы видѣть въ васъ своихъ друзей, чего вы, быть можетъ, въ настоящее время не представляете». Разставаясь съ нами, онъ прибавилъ: «Будьте увѣрены, что я съ своей стороны, насколько это будетъ возможно, постараюсь усладить ваши дни, и для меня не будетъ большаго удовольствія, какъ дать вамъ разрѣшеніе возвратиться въ ваше отечество».

Клеркеръ часто бывалъ въ Выборгѣ въ домѣ жены Мусина-Пушкина. «Послѣ трехъ-недѣльнаго пребыванія въ старомъ шлоссѣ, намъ позволили прогуливаться по городу и въ крѣпости, но подъ строгой охраной, которая зорко слѣдила за плѣнными. Насъ освободили изъ ужасной (?) тюрьмы и на честное слово

мы свободно по своему усмотрѣнію могли вращаться въ городѣ и крѣпости. Я тотчасъ-же устроился у одного адвоката, у котораго прожилъ пять мѣсяцевъ». «Девять мѣсяцевъ я провелъ въ этомъ городѣ (Выборгѣ), самое непріятное время, какое я когда-либо переживалъ, принужденный жить среди народа, обычаи и нравы котораго отличались отъ тѣхъ, которые усвоены честными и настоящими людьми. Этому народу неизвѣстна была истина. Я часто посѣщалъ ассамблеи или такъ-называемые у нихъ маскарады» [509]).

Въ то время, когда русскіе собирались «ставить твердую ногу въ Шведской Финляндіи», графу Мусинъ-Пушкину предписано было: «финляндцамъ отъ войскъ нашихъ оказывать всю ласковость и пощаду къ имѣнію, дабы такимъ образомъ и дѣятельно уже доказать благое къ нимъ наше расположеніе» [510]). Съ тою-же цѣлью и изъ желанія возобновить полезныя для насъ связи съ финляндцами, Мусину-Пушкину разрѣшено отпускать нѣкоторыхъ плѣнныхъ офицеровъ [511]). Другое распоряженіе того-же времени гласило: впредь не держать ни единаго плѣннаго шведскаго офицера въ Финляндіи.

Русскимъ, отвезеннымъ въ Швецію, предложили служить во флотѣ, съ платой по 2 риксдалера.—80-ть человѣкъ приняли это условіе. Другіе уклонились. Перешедшіе въ шведскій флотъ, располагая деньгами, предались пьянству.—Плѣнныхъ, содержавшихся въ крѣпостяхъ за разныя преступленія, присудили къ работамъ, преимущественно на галерахъ. Число ихъ доходило до 343.

Часть плѣнныхъ, около 42 чел., пытались убѣжать, но были пойманы въ лѣсахъ и на островахъ.—Предполагали, что имъ помогли наши офицеры, почему шестерыхъ отправили въ Фалунь [512]).

Новой партіи стали оказывать менѣе «состраданія». Находили, что первымъ плѣннымъ предоставили излишнюю свободу, такъ какъ они играли въ карты и ихъ посѣщали женщины. Среди плѣнныхъ было не мало англичанъ; они проклинали упрямство и распоряженія принца Нассау-Зигена. Многихъ знатныхъ русскихъ король отправилъ домой, въ надеждѣ, что русскіе отпустятъ графовъ Левенгельма и Руденшёльда, служившихъ у него въ гвардіи.

Къ концу войны (6 авг. 1790 г.) нѣкоторыхъ русскихъ офицеровъ освободили на честное слово не служить до заключенія мира. Одни изъ нихъ, однако, не въ состояніи были воспользоваться милостивымъ королевскимъ разрѣшеніемъ, за неимѣніемъ средствъ для переѣзда въ Россію.

Изъ другого источника извѣстно, что плѣнныхъ русскихъ назначали на работы, но ихъ оплачивали. Жаловаться на свое положеніе они не могли, такъ какъ въ свободное время безпрепятственно развлекались пляской. Кадеты были отправлены въ Упсалу, гдѣ могли продолжать свои упражненія. Гардемаринамъ король желалъ дать возможность заняться науками въ университетскихъ городахъ, но незнаніе шведскаго языка помѣшало осуществиться этому плану. Одинъ изъ гардемариновъ (Бунинъ) былъ по ошибкѣ посаженъ въ Свеаборгскій казематъ, гдѣ онъ, лежа на соломѣ, получалъ пищу сквозь отверстіе въ потолкѣ. Когда ошибка была обнаружена, комендантъ отъ имени короля извинился [513]).

Вообще,—какъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ К. Массонъ,—эта война по своему характеру отличалась «отъ обычнаго способа веденія войны русскими». «Они встрѣтили во врагахъ шведахъ учтивость и храбрость; а всякій благовоспитанный русскій, цѣня въ себѣ самомъ эти качества, дорожитъ ими и въ другихъ» [514]).

---

28 августа король, возвратясь въ Стокгольмъ, охотно говорилъ со всѣми о войнѣ и мирѣ, приписывалъ себѣ большую заслугу и славу, особенно въ дѣлѣ заключенія мира, утверждая, что Императрица болѣе его добивалась мира. Онъ хвалилъ мужество Императрицы и ея поступки; онъ съ пренебреженіемъ отзывался о посредникахъ, говоря: я самъ началъ войну, самъ и окончилъ ее.

Русскіе флаги, какъ трофеи, были доставлены въ Стокгольмъ. Всѣ ремесленныя учрежденія были освобождены отъ занятій, чтобы дать имъ возможность слѣдовать за флагами и кричать ура. На роялистовъ и всѣхъ здравомыслящихъ это сборище мальчишекъ, руководимое полиціей, произвело, конечно, неблагопріятное впечатлѣніе.

По возвращеніи въ столицу, Густавъ III позвалъ къ себѣ знаменитаго скульптора Сергеля и приказалъ ему изготовить рисунокъ обелиска изъ гранита съ тѣмъ, чтобы городъ поставилъ его, какъ знакъ своей признательности, королю. Разговаривая съ бургомистрами Стокгольма, Густавъ сказалъ, что земель онъ войной не пріобрѣлъ, но самостоятельности королевства достигъ уничтоженіемъ Ништадскаго и Абоскаго договоровъ. Королю показали рисунокъ проектированной статуи. Но онъ уже раздумалъ ставить себѣ мраморный памятникъ, который вскорѣ могъ разсыпаться, а

выразилъ желаніе воздвигнуть его изъ бронзы. Въ Европѣ короля называли въ это время Gustave l'Intrépide.

«Весьма лишь немногія войны,—говоритъ Ланжеронъ,—изобиловали столь важными событіями и представляли собою такое разнообразіе, какъ походъ въ Финляндію 1790 года. Предначертанія принца Нассау, въ случаѣ точнаго исполненія, могли бы уничтожить шведскую монархію. Съ другой стороны, если бы планъ нападенія шведовъ на Ревель имѣлъ успѣхъ, Густавъ III очутился бы въ С.-Петербургѣ. Тутъ именно Крузъ оказалъ Россіи великую заслугу. Затѣмъ чрезвычайно быстро слѣдовали другъ другу: отчаянное положеніе шведовъ въ Выборгской бухтѣ,—гдѣ Густавъ былъ отрѣзанъ въ продолженіе трехъ недѣль отъ сообщенія со всѣмъ остальнымъ міромъ, — и блестящая побѣда, одержанная имъ, одна изъ знаменитѣйшихъ побѣдъ въ исторіи Швеціи».

Не случись конфедераціи въ Анъяла,—утверждаетъ Ланжеронъ,—Густавъ III непремѣнно дошелъ бы до Петербурга, что явилось бы страшнымъ урокомъ для Россіи. То-же самое случилось бы въ 1790 г. безъ крупныхъ промаховъ Карла Зюдерманландскаго. «И для Россіи и для Густава III исходъ борьбы легко могъ сдѣлаться роковымъ. Отсутствіе единства военной мысли въ обоихъ лагеряхъ препятствовало успѣхамъ сколько для одной, столько для другой воюющей стороны». Швеція израсходовала 24 мил. рублей, по исчисленію другихъ—до 36 мил. Она потеряла до 10 тыс. народа, истощила казну и страну. Численность населенія Финляндіи (вмѣсто прироста) уменьшилась на 1.200 ч. Война легла на нее тяжелымъ бременемъ. Когда 13—24 августа она узнала о заключеніи мира, то никакой особой радости не проявила [515]).

Въ шведской арміи и во флотѣ отъ болѣзней умерло 9.779 человѣкъ; убитыхъ было 1.439, раненыхъ — 1.225 и взятыхъ въ плѣнъ—4.957, причемъ 1.178 бѣглыхъ и 3.782 должны были подать въ отставку. Такимъ образомъ вся потеря доходила до 21.357 человѣкъ, изъ коихъ 2.824 чел. приходятся на 1788 г., 9.736 на 1789 г. и 8.799 на 1790 г. [516]). Проф. Л. Ставеновъ находитъ, что Швеція потеряла до 50 тыс. организованнаго войска [517]).

Въ 1788 г. жителей въ Финляндіи считалось 706.370, а въ 1789 г.—705.088.

Кромѣ того, Швеція потеряла 15 линейныхъ кораблей и фрегатовъ и 14 большихъ шхерныхъ судовъ, не считая малыхъ. Государственный долгъ Швеціи утроился.

*

За кампанію 1788—1790 г.г. у насъ было выдано призовыхъ денегъ участвовавшимъ чинамъ 227.898 р.; изъ нихъ пришлось на долю адм. Грейга 2.500 р., Чичагова 13.777 р., Пассау-Зигена—4.644 р., Круза 2.776 р. и т. д. [518]).

Одна изъ причинъ, побудившихъ Густава III взяться за оружіе, было желаніе освободиться отъ вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Швеціи. Война была въ извѣстной мѣрѣ продолженіемъ революціи 1772 г. Шведскіе историки, напримѣръ К. Однеръ, держатся поэтому того мнѣнія, что кампанію выигралъ Густавъ III. Верельскимъ миромъ онъ добился того, что устранилъ Россію отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла своего государства. Этотъ выводъ дѣлался изъ отсутствія въ новомъ трактатѣ указаній и ссылокъ на договоры въ Ништадѣ и Або. Г. М. Армфельтъ желалъ вписать въ трактатъ указаніе на невмѣшательство Россіи, но Екатерина отвѣтила (25 іюля) Игельстрёму: «Учиненное барономъ Армфельтомъ прибавленіе относительно невмѣшательства во внутреннія дѣла отнюдь невмѣстно, и не сходствуетъ съ достоинствомъ государей давать на себя такія обязательства, которыя и безъ того сами собою существуютъ».

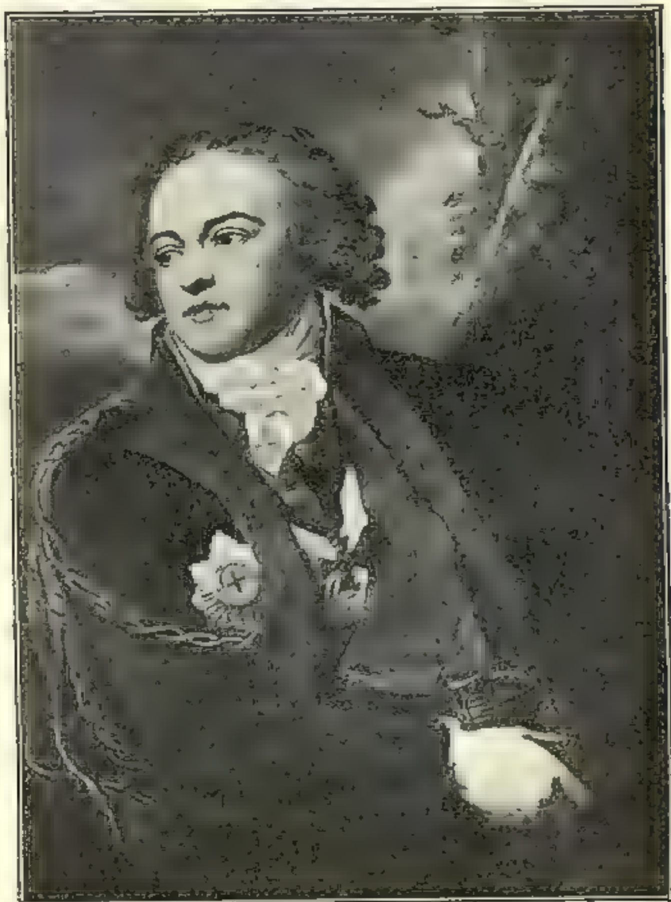
I. А. Эренстремъ, близко стоявшій къ королю, отмѣтилъ въ своихъ запискахъ, что «прямая, существенная цѣль войны не достигнута: Оттоманская Порта предоставлена была на произволъ судьбы, и границы Швеціи съ Россіей остались безъ измѣненія. Военный флотъ въ значительной части уничтоженъ, людей погублено множество, и государство впало въ огромные долги. Единственная выгода отъ этой войны было возстановленіе военной чести Швеціи, которая послѣ смерти Карла XII была сильно запятнана. Шведское оружіе снова дало о себѣ знать съ выгодной стороны» [519]).

Другой участникъ войны — Экманъ — писалъ: «Если шведы получатъ честный миръ, то эта война была цѣлебнымъ средствомъ для нашего больного государственнаго организма. Наши внутренніе враги стали извѣстны, наши внѣшніе враги испытали, что шведское оружіе еще не притупилось. Король позналъ характеръ своего вѣрнаго народа; онъ увидѣлъ, къ чему пригодно каждое сословіе; онъ справедливъ и не забудетъ тѣхъ, кто ему вѣренъ. Мы надѣемся на лучшія времена» [520]).

Членъ шведскаго государственнаго совѣта (Herr Riks-Rådet) графъ Германсонъ (Tankar öfver Sveriges tillstånd vid det olyckeligen upkomne krig med Ryssland), излагая свои мысли о злополучной

войнѣ, осуждалъ Густава III, находя, что война ничѣмъ не была вызвана, европейскія державы поддержки не обѣщали и риксдагъ ее не одобрилъ.

«Здѣсь чувствую я обязанность,—пишетъ участникъ похода С. С. Апраксинъ,—сказать съ большою справедливостью, что сей Монархъ одаренъ былъ рѣдкими качествами; онъ былъ храбръ, предпріимчивъ, проницателенъ... Я долженъ также отдать справедливость шведскому воинству — продолжаетъ С. С. Апраксинъ въ заключеніи своей книги. Офицеры ихъ наполнены честью и очень хорошо разумѣютъ свою должность... Въ дѣйствіи противъ насъ показали они вездѣ благородство и храбрость... Что же касается до шведскаго солдата, онъ здоровъ и твердъ, посредственно обученъ... онъ подъ предводительствомъ храбрыхъ офицеровъ дерется очень хорошо. Армія довольно снабжена была всѣмъ нужнымъ. Солдаты ихъ почти всегда ѣли свѣжій хлѣбъ и получали порцію говядины и двѣ порціи водки. Храненіе закона и приверженность къ религіи твердо наблюдаются въ шведской арміи. Я видѣлъ ихъ поющихъ молитвы свои вслухъ утромъ и вечеромъ... Вообще пѣхота и артиллерія ихъ довольно хороши; но я не видѣлъ у нихъ доброй кавалеріи. Казаки, образованные по примѣру нашихъ, совсѣмъ странные, егери по большей части довольно изрядные; я видѣлъ ихъ одѣтыхъ болѣе въ сѣрое, нежели въ зеленое сукно. Въ семъ, думаю, шведы правы,—потому что въ такомъ цвѣтѣ не такъ они примѣтны за каменными утесами» [521]). Такимъ образомъ умный и наблюдательный С. С. Апраксинъ уже въ концѣ XVIII ст. отмѣтилъ значеніе защитнаго цвѣта для обмундированія войсковой части.

С. С. АПРАКСИНЪ.

Какъ ни радостно было заключеніе мира со Швеціей, но оно омрачалось въ высшей степени печальнымъ положеніемъ нашего

отечества какъ внутри, такъ и извнѣ. Въ особенной запискѣ, представленной въ это время Императрицѣ графомъ Безбородко,— читаемъ: «Война съ Портою и Шведскимъ королемъ привела государство въ большое истощеніе какъ людьми, такъ и деньгами, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшее сомнѣніе». Число рекрутъ въ теченіе 4 лѣтъ, взятыхъ изъ всякихъ состояній народныхъ, простирается за 400.000 человѣкъ. Что-же касается до денегъ, недостатокъ ихъ такъ великъ, что и самые налоги не могутъ удовлетворить нуждамъ нашимъ. Займы внѣшніе отъ часу становятся затруднительнѣе. Россія израсходовала по крайней мѣрѣ до 70 мил. рублей [522]).

Миръ подписанъ. Воевавшіе разошлись.

Обозрѣвая общую картину трехлѣтней борьбы и припоминая наиболѣе значительные ея моменты, выясняется, что Россія, несомнѣнно, находилась въ весьма тяжеломъ положеніи: враги наступали на нее съ юга и сѣвера, а надежныхъ союзниковъ, кромѣ маленькой и слабой Даніи, не имѣлось. Англія и Пруссія явно сочувствовали Швеціи и радовались ея успѣхамъ. Екатерину своевременно предупреждали съ разныхъ сторонъ о козняхъ Густава, но она въ своемъ высокомѣріи не хотѣла вѣрить, что Швеція дерзнетъ, безъ поддержки первоклассной державы, наброситься на «русскаго великана». Она охотнѣе слушала Сегюра, увѣрявшаго, что король Франціи употребитъ все свое вліяніе, чтобы удержать Густава въ мирномъ расположеніи [523]).

Франція Густава не сдержала, и его войска перешли въ боевое наступленіе.—«Вслѣдствіе непостижимой беззаботности русскихъ,—отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ Сегюръ,—Густавъ засталъ ихъ врасплохъ, и ему довольно удобно было, хоть не надолго, овладѣть Петербургомъ и Лифляндіею . . . Шведамъ нужно было смѣло и быстро идти на удачу, но Густавъ, рѣшительный на словахъ, былъ медленъ на дѣлѣ». Это спасло Россію.

Какъ всегда бываетъ у насъ, въ послѣднюю минуту началась суматоха и страшное напряженіе силъ. Часть войска была отправлена въ Финляндію «на почтовыхъ».

Сегюръ утверждаетъ, что Екатерина велѣла сосредоточить около Фридрихсгама до 26.000 чел., но первоначально едва-ли въ состояніи была набрать 6.000, вслѣдствіе того, что почти всѣ наличныя силы отправлены были на югъ, на турецкій театръ

войны.—Главный совѣтникъ Императрицы—князь Потемкинъ—отсутствовалъ, и ей пришлось вынести всю тяжесть борьбы 1788—1790 гг. на своихъ плечахъ. Потемкинъ присылалъ указанія, онъ составлялъ проекты нѣкоторыхъ отвѣтовъ Императрицѣ, но не всегда возможно было ожидать тѣ 12 дней, которые требовались для обмѣна съ нимъ мыслями.

Екатерина энергично принялась за дѣло. Съ мая по іюль 1789 г. она написала до 30 писемъ одному адмиралу Чичагову. Она лично входила во всѣ дѣла по морскому вѣдомству, она «превратилась даже въ интенданта арміи». Однажды, гр. Мусинъ-Пушкину понадобились до 800 подводъ. Она обратилась къ Царскосельскимъ крестьянамъ, и вечеромъ того же дня подводы находились въ распоряженіи главнокомандующаго.

ЕКАТЕРИНА II.

Дѣловыя записочки Императрицы тучей летѣли къ А. В. Храповицкому: «Карту Балтики съ обѣими берегами и Финляндіи прошу положить ко мнѣ въ горницу». «Объявленіе войны, манифестъ — поспѣетъ-ли къ воскресенью»? «Копію списать съ сумасшедшей шведской ноты». «Также напишите, что Пушкинъ и Михельсонъ начали шведовъ щелкать въ Финляндіи . . . » «Также прикажите въ Финляндію послать (офицерское сукно) на продажу». «Напишите сами отвѣтъ къ Спренгтпортену» [524]) и т. д. и т. д.

Дневникъ Храповицкаго и собственныя письма Императрицы носятъ на себѣ слѣды тѣхъ волненій и заботъ, которыя пришлось пережить. «Всю ночь не выходило изъ головы, что Шведскій король можетъ вздумать атаковать Кронштадтъ». «Если разобьютъ стоящія въ Финляндіи войска,—заявила Екатерина,—то, составя изъ резервнаго корпуса каре, сама пойду» (записки Гарновскаго, 29 іюня 1788 г.). Резервный корпусъ состоялъ тогда подъ начальствомъ графа А. М. Мамонова, и съ этими войсками и частью гвардіи она собиралась выйти къ Осиновой рощѣ [525]).—«Чтобы ободрить людей», Екатерина пріѣхала изъ Царскаго Села въ Петербургъ. «Petersbourg a l'air dans ce moment d'une place d'armes, et moi même je suis comme au quartier général». «Въ день баталіи

морской 6 іюля духъ пороха здѣсь въ городѣ слышанъ былъ; ainsi, mon ami, j'ai aussi senti la poudre». «Я нынѣ, какъ видишь, бойкой воинъ стала»,—писала она 31 авг. 1788 г. кн. Потемкину. «Божусь тебѣ, мои заботы нынѣ почти выше силъ моихъ, наипаче іюль мѣсяцъ былъ таковъ, что я думала, что занемогу, теперь немного получше», сообщала она ему же въ другомъ письмѣ (18 сент. 1788 г.). Надо полагать, что иногда приходилось переживать тяжелыя минуты. «У всѣхъ тряслись губы; моя твердость все спасла», заявила Императрица.

Приходится отдать ей полную справедливость: въ эти дни боевыхъ испытаній она проявила много мужества и выдержки. «Еслибъ онъ (Густавъ) и выигралъ три большія побѣды и даже овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, то я всетаки показала бы ему, на что способна женщина съ рѣшительнымъ характеромъ, стоящая во главѣ храбраго и преданнаго ей народа и непоколебимая на развалинахъ великаго государства» [526]). Императрица вѣрила въ возможность взятія Петербурга шведами. Въ этомъ она призналась К. Стедингку; но прибавила: «я дала бы сраженіе при Новгородѣ, потомъ подъ Москвой, при Казани . . . Думаете ли вы, что вашъ король могъ бы послѣдовать туда за мной»? [527]) Это, несомнѣнно, ея слова. Они вполнѣ соотвѣтствуютъ ея общему поведенію, ея воззрѣніямъ.—Пахло порохомъ, слышался гулъ орудій, «губы тряслись», но Европа этого не должна была знать, и она сообщаетъ Гримму, что въ Петербургѣ «смѣются и шутятъ».

Она мужественно пережила и удачу, и пораженіе при Роченсальмѣ. Вѣсть о гибели гребного флота, находившагося подъ начальствомъ Нассау-Зигена, конечно, явилась тяжелымъ ударомъ гордой и самолюбивой государынѣ. «Таятся и невеселы»—отмѣтилъ Храповицкій. Въ городѣ много шумѣли по поводу неудачи, но она нашла въ себѣ силы утѣшить принца и не желала наказать его даже удаленіемъ съ русской службы.—«Сама государыня,—писалъ гр. П. В. Заводовскій,—о всѣхъ способахъ тутъ печется и тѣмъ занята бываетъ, что ниже ея сана» [528]). Она признается, что «никогда не трусила», однако, видя дѣйствія гр. Ив. П. Салтыкова, заявила, что болѣе никогда не воспользуется его боевыми услугами [529]).

Въ выводѣ въ извѣстной мѣрѣ приходится согласиться съ ней, что «если бы во время шведской войны я не была здѣсь (въ столицѣ), сказала Екатерина II, нужно было бы на 60.000 войска больше, чтобы обезпечить насъ отъ этого стремительнаго нападенія» [530]).

Послѣ войны король назначилъ своимъ представителемъ въ Петербургѣ гр. К. Стедингка, а Екатерина II—генералъ-маіора барона фонъ-деръ-Палена въ Стокгольмѣ. «Стедингкъ здѣсь,—сообщила она князю Потемкину,—и дѣла со Швеціей на ладъ идутъ; Стедингка я ласкала весьма, и онъ человѣкъ изрядный» [531]). Палену совѣтовали «имѣть глаза и уши», но ни во что не вмѣшиваться.

К. Стедингкъ подробно описалъ королю свой пріѣздъ въ Петербургъ. Въ его письмѣ (отъ 11—22 сентября 1790 г.) отражены отношенія русскихъ къ Швеціи въ первые дни послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій.—Въ Фридрихсгамѣ Стедингку очень обрадовался генер. Нумсенъ; онъ принялъ шведскаго представителя чрезвычайно радушно, и Стедингкъ отзывается о немъ, какъ о достойномъ человѣкѣ. Въ Выборгѣ Стедингка привѣтствовалъ «хитрецъ» комендантъ. Сейчасъ-же прибыли адъютанты гр. И. П. Салтыкова съ приглашеніемъ отобѣдать у командующаго войсками. Къ обѣду былъ приглашенъ весь наличный генералитетъ, выборгскій губернаторъ Дельвигъ и др., всего около 60 человѣкъ. Присутствовала вся семья графа. Стедингкъ призналъ самыми образованными Сухтелена и Ейлера, наиболѣе глупымъ Бергмана, особенно веселымъ Денисова, изысканно вѣжливымъ—Апраксина, вспыльчивымъ—фонъ-Гюнцеля и надменнымъ—гр. Салтыкова. Плѣнные не могли похвалиться комендантомъ. Много любезностей о нихъ въ свою очередь наговорили Стедингку Дельвигъ и Апраксинъ.

Среди нашихъ генераловъ не наблюдалось особенно добрыхъ отношеній, такъ какъ у нихъ вырывались колкія замѣчанія другъ о другѣ. Но всѣ они замѣчательно дружно бросали камни въ принца Нассау-Зигена.—Шведскихъ офицеровъ генералы признавали выше нашихъ, но солдатовъ ставили на одну доску. Всѣ одинаково привѣтствовали заключеніе мира, за продолженіе военныхъ дѣйствій стоялъ одинъ лишь гр. Салтыковъ.

Подъѣзжая къ Петербургу, Стедингкъ убѣдился, что всѣ проходы къ нему были сильно укрѣплены, даже въ 20 верстахъ отъ него возведено было нѣсколько весьма значительныхъ редутовъ.

Около hôtel Royal карету Стедингка остановилъ принцъ Нассау-Зигенъ, онъ былъ въ восторгѣ встрѣтить представителя Швеціи, предлагалъ ему свою услугу, приглашалъ къ себѣ. Черезъ часъ принцъ былъ уже въ гостинницѣ и вновь разсыпался въ любезностяхъ. Тѣмъ не менѣе, Стедингкъ открыто отказался

начать серію своихъ визитовъ съ принца, въ виду его рѣзкаго отвѣта, даннаго въ печати королю Густаву. Нассау-Зигенъ сослался на то, что къ такому отвѣту его побуждала русская служба, а главное—приказаніе Императрицы.

Тутъ же Стедингкъ узналъ, что, во время гнѣва Императрицы на Густава, она написала комедію на Его Величество, которую играли въ провинціи.

Стедингкъ пріѣхалъ въ Петербургъ прямо изъ Саволакса въ качествѣ генерала, посланнаго королемъ привѣтствовать Императрицу и вручить ей письмо Густава.

Графъ Остерманъ принялъ Стедингка съ церемоніею, сказалъ много прекраснаго о Шведскомъ королѣ, прибавивъ нѣсколько лестныхъ отзывовъ по адресу его представителя. Рѣчь зашла о довѣріи между Россіей и Швеціей, о томъ, что безумно было бы думать о желаніи русскихъ отнять что-либо отъ шведовъ, что ему, графу, безразлично, свободны-ли шведы или управляемы королемъ, что пришла необходимость побѣждать на риксдагѣ одну партію другой и т. п. Стедингкъ прибавляетъ, что гр. Остерманъ настолько мало въ курсѣ дѣла, что о подписаніи договора въ Верелѣ онъ узналъ лишь на другой день, послѣ того, какъ о немъ была увѣдомлена Императрица, бывшая, кстати сказать, внѣ себя отъ радости при полученіи этой вѣсти.

Аудіенція Стедингка состоялась въ тронномъ залѣ. Вечеромъ онъ имѣлъ честь играть съ Императрицей въ карты и ужинать за ея столомъ.

Несмотря на всѣ эти любезности, Стедингкъ предвидитъ, что при дальнѣйшихъ переговорахъ придется одолѣвать большія трудности, такъ какъ Дворъ раздѣленъ на партіи, которыя сходятся, однако, въ высокомъ мнѣніи о себѣ, о своихъ силахъ и о своемъ величіи, не позволяющихъ дѣлать въ чемъ-либо уступокъ. Для успѣха необходимо довѣріе самой Императрицы и возможность коснуться струнъ ея самолюбія и великодушія.

На второй день пребыванія Стедингка въ Петербургѣ къ нему явился Игельстрёмъ. Послѣ комплиментовъ объ успѣхахъ Стедингка въ столицѣ, онъ заговорилъ объ извѣстіи, полученномъ изъ Стокгольма, о казни полк. Хестеску. Стедингкъ указалъ, что интересы государства требовали подобной жертвы и, удовлетворяя любознательность своего собесѣдника, прибавилъ, что едва-ли остальные приговоренные подвергнутся участи Хестеску [532]). Игельстрёмъ, отвѣчая, заявилъ, что Императрица въ подобномъ случаѣ ограничилась

бы заключеніемъ государственныхъ преступниковъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ довѣрительно прочелъ выдержки изъ письма Государыни. Катастрофа въ Стокгольмѣ ее очень огорчила. Въ Петербургѣ предавались радости, въ Стокгольмѣ распространяли ужасъ зрѣлищемъ эшафота. Въ дни заключенія мира принято миловать и смягчать сердца. «А вотъ сосѣдъ мой, какъ вернулся въ Стокгольмъ, первымъ дѣломъ началъ рубить головы,—писала Императрица Гримму,— Господи Боже мой, какъ разно понимаютъ вещи на семъ свѣтѣ».

Изъ факта казни Императрица дѣлала тотъ выводъ, что миръ не столь пріятенъ Его Величеству, какъ предполагала, и она опасается, какъ бы подобная жестокость не повредила королю, что было бы совершенно противно ея видамъ. Вернувшіеся плѣнные свидѣтельствовали о большомъ числѣ недовольныхъ въ королевствѣ.

Потемкинъ готовился къ великолѣпному празднику въ Таврическомъ дворцѣ. Такъ какъ праздникъ задуманъ былъ въ воспоминаніе подвиговъ изъ турецкой войны и особенно взятія Измаила, то честолюбивому временщику нежелательно было присутствіе въ Петербургѣ истиннаго героя Измаила, и потому, за нѣсколько дней до праздника, Суворовъ получилъ повелѣніе Государыни— объѣхать Финляндію до самой шведской границы, съ цѣлью проектировать систему пограничныхъ укрѣпленій. Суворовъ поѣхалъ съ охотою, чтобы только избавиться отъ своего бездѣйствія; край былъ ему нѣсколько знакомъ, такъ какъ 17 лѣтъ назадъ онъ уже объѣзжалъ шведскую границу, и хотя теперешняя задача представлялась посложнѣе, «но при обычной своей энергіи и трудолюбіи, Суворовъ выполнилъ ее всего въ 4 недѣли времени, даже меньше».

Во время суровой финляндской весны онъ разъѣзжалъ въ таратайкахъ по дикимъ захолустьямъ русско-шведской границы, вынося лишенія, которыхъ «военный человѣкъ высокаго положенія не знаетъ даже въ военное время» [533]).

Суворовъ вернулся изъ Финляндіи и представилъ проектъ укрѣпленія границы на случай наступательной войны со стороны шведовъ. 25 Іюня 1791 г. послѣдовало Высочайшее на его имя повелѣніе: «полагаемыя вами укрѣпленія построить подъ вѣдѣніемъ вашимъ». Мотивы въ этомъ повелѣніи изложены не были; они подразумѣвались въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ, ибо посн-

лись явные слухи на счетъ непрочности, недавно заключеннаго съ шведскимъ королемъ, верельскаго мирнаго трактата. Суворовъ поѣхалъ и тотчасъ же принялся за работу. Въ продолженіе $1\frac{1}{2}$ годового своего пребыванія въ Финляндіи, Суворовъ исполнилъ въ существенныхъ чертахъ свой планъ, составленный послѣ предварительной финляндской поѣздки и утвержденный Государыней.

Усилены укрѣпленія Фридрихсгама, Вильманстранда и Давидстада; исправленъ и усиленъ Нейшлотъ; на важнѣйшихъ дорогахъ изъ шведской Финляндіи къ Фридрихсгаму, Вильманстранду и Савитайпалѣ сооружены новые форты: Ликкола, Утти (Уттисъ) и Озерный; оборонительныя средства саволакской дороги, заключавшіяся въ Нейшлотѣ, усилены проведеніемъ каналовъ въ окрестной странѣ, усѣянной озерами. Для противовѣса Свеаборгу и съ цѣлью дать надежную станцію шхерному флоту, возведены при Роченсальмѣ, на нѣсколькихъ островахъ, довольно сильныя укрѣпленія, а на сухомъ пути заложена крѣпость Кюменегордъ. Такимъ образомъ Роченсальмъ сдѣлался главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южной части финляндской границы, и въ концѣ 1792 г. Екатерина имѣла полное основаніе лично благодарить Суворова за то, что «онъ подарилъ ей новый портъ».

Генералиссимусъ А. В. СУВОРОВЪ.

Въ концѣ 1791 г. Суворовъ писалъ Турчанинову, что недовѣріе къ себѣ есть мать премудрости, что успѣхъ превысилъ ожиданіе и что въ слѣдующее лѣто границы будутъ обезпечены на 100 лѣтъ. Онъ считалъ дѣломъ своей чести—поднять кейзеръ-флагъ въ Роченсальмѣ и имѣлъ утѣшеніе дождаться исполненія своей мечты. При рескриптѣ 26 августа 1792 г. Государыня сообщила ему, что повелѣла выслать кейзеръ-флагъ и штандартъ для Роченсальмскаго порта. Послѣ того Суворовъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался прогуляться по Роченсальму и полюбоваться на свое произведеніе, какъ говорится, чужимъ взглядомъ. «Массивнѣе, прочнѣе и красивѣе строеніевъ тяжело обрѣсти», писалъ онъ своему племяннику Хвостову: «такъ и всѣ пограничныя крѣпости». Нейшлотъ былъ тоже его гордостью. Маскируя

свое удовольствіе при видѣ этого форта, онъ говорилъ: «знатная крѣпость, помилуй Богъ, хороша: рвы глубоки, валы высоки, лягушкѣ не перепрыгнуть, съ однимъ взводомъ штурмомъ не взять». Сообщая въ Петербургъ по своей обязанности разные извѣстія и слухи, доходящіе изъ-за границы, даже изъ самаго Стокгольма, Суворовъ не упускаетъ случая похвастать впечатлѣніемъ, производимымъ на шведскую публику быстро воздвигаемыми русскими укрѣпленіями.

Работы шли быстро и успѣшно между прочимъ потому, что Суворовъ торопился отъ нихъ отдѣлаться, чтобы быть свободнымъ для иной службы, въ другомъ мѣстѣ. Онъ отнималъ время отъ сна, переѣзжалъ безпрерывно съ мѣста на мѣсто, обходилъ работы, вникалъ въ мелочи и частности. Кромѣ того, требовалось дѣлать не только хорошо, но и дешево.

У Суворова, кромѣ постройки и исправленія крѣпостей, были на рукахъ войска и флотилія. Большая часть гребной флотиліи находилась въ шхерахъ, меньшая—на озерѣ Саймѣ. Сначала флотиліей командовалъ принцъ Нассау-Зигенъ, но лѣтомъ 1791 года онъ отпросился у Екатерины на Рейнъ. Въ флотиліи числилось до 125 судовъ разныхъ названій и величинъ, съ 850 орудіями, и состояла она подъ начальствомъ контръ-адмирала маркиза де-Траверсе и генералъ-маіора Германа, подчиненныхъ Суворову. Но такъ какъ Суворовъ никогда не бывалъ номинальнымъ начальникомъ, то изучилъ морское дѣло и, будучи въ шутку отъэкзаменованъ, выдержалъ удовлетворительно испытаніе на мичмана.

Въ высшихъ служебныхъ сферахъ Петербурга пошли толки, что Суворовъ не жалѣетъ солдатъ, эксплуатируетъ ихъ безчеловѣчно съ цѣлью выслужиться самому, и оттого они въ огромномъ числѣ болѣютъ или бѣгутъ за границу. Говорили, что Суворовъ, имѣя странный взглядъ на медицину и лечебницы, закрылъ вовсе госпитали, а потому несчастные солдаты мрутъ, какъ мухи . . .

Финляндская дивизія дѣйствительно отличалась отъ другихъ большимъ числомъ бѣглыхъ и умершихъ, что, впрочемъ, было давнимъ ея свойствомъ, какъ послѣдствіемъ суроваго климата и обилія болотъ, а не виною Суворова.

Во время Суворовскаго командованія въ Финляндіи считалось по штатамъ въ войскахъ 44.164 чел.; изъ нихъ недоставало до комплекта 9.633, находившихся въ отлучкахъ и госпиталяхъ. Къ числу наиболѣе благопріятныхъ для бѣговъ районовъ принадлежала Финляндія. Она имѣла за собою еще одну

особенность: служила ссылочнымъ мѣстомъ для порочныхъ солдатъ. Русскія войска въ Финляндіи постоянно получали на свое укомплектованіе множество такъ называемыхъ кригсрехтныхъ (осужденныхъ по суду) и переведенныхъ изъ гвардіи за проступки. Немудрено поэтому, что въ финляндскихъ войскахъ было постоянно много бѣглыхъ. Суворовъ писалъ, что бѣглыхъ шведовъ на нашей территоріи еще больше.

Это одна сторона дѣла, сторона фактическая. Но такъ какъ на Суворова въ сущности распространялась клевета, то онъ былъ готовъ требовать сатисфакціи. Надо полагать, что его племянникъ Хвостовъ отыскалъ клеветника, ибо Суворовъ написалъ одному высокопревосходительству напоминаніе о томъ «чѣмъ честь платятъ».

Приведеніе финляндской границы въ оборонительное состояніе было главнымъ дѣломъ Суворова въ 1791 и 1792 годахъ.

Онъ проживалъ въ разныхъ мѣстахъ своего района, смотря по надобности: въ Выборгѣ, Кюменегордѣ, Роченсальмѣ. Въ Кюменегордѣ онъ оставилъ по себѣ память, между прочимъ, заботами о православной церкви, для которой выписалъ изъ Петербурга регента обучать тамошній хоръ и накупилъ разныхъ церковныхъ вещей на нѣсколько сотъ рублей. Тутъ у него образовался кружокъ знакомыхъ; свободное отъ службы время проводили весело: Суворовъ часто танцовалъ и въ письмѣ къ Хвостову хвасталъ, что однажды «сряду три часа контртанцъ прыгалъ». Проживая въ Фридрихсгамѣ, онъ занималъ верхній этажъ лучшаго въ городѣ дома, г-жи Гринъ, вдовы врача. Она была женщина умная, ловкая, пользовалась общимъ уваженіемъ, хорошо говорила по-русски и умѣла вполнѣ угодить своему причудливому постояльцу, который въ свою очередь оказывалъ ей вниманіе, заговаривалъ съ нею по-фински, называлъ ее маменькой и приходилъ побесѣдовать за чашкой чая. Просватавъ свою дочь и племянницу, г-жа Гринъ просила Суворова быть, по русскому обычаю, посаженнымъ отцемъ у дочери; онъ не только согласился, но вызвался быть тѣмъ же у племянницы, перебрался въ одну небольшую комнату, а остальное помѣщеніе уступилъ хозяйкѣ для свадебнаго праздника.

Наконецъ, 10 ноября 1792 г., послѣдовалъ рескриптъ Екатерины, которымъ подъ начальство Суворова отдавались войска въ Екатеринославской губерніи, въ Крыму и во вновь присоединенныхъ земляхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось представить

планы и смѣты производящимся въ Финляндіи работамъ, для приведенія всѣхъ укрѣпленій и каналовъ къ окончанію; требовалось также его, Суворова, мнѣніе на случай оборонительной и наступательной войны въ Финляндіи, со Швеціею. Суворовъ представилъ всѣ данныя для продолженія работъ, изложилъ также замѣчанія свои на случай войны со Швеціею; замѣчанія эти имѣютъ нынѣ только историческое значеніе, такъ какъ русско-шведская граница отодвинулась на нѣсколько сотъ верстъ отъ прежней.

Впослѣдствіи, а именно въ декабрѣ 1795 г., онъ ѣздилъ въ Финляндію осматривать, все ли тамъ исполнено по его указаніямъ, и, какъ сообщала Императрица Гримму, «вернулся вполнѣ довольный своей поѣздкой, такъ какъ тамъ не осталось ни одного уголка, куда бы шведы имѣли проникнуть, не встрѣтивъ сильнаго сопротивленія» [534]).

Ланжеронъ въ своихъ запискахъ очень хвалитъ Екатерину за сооруженіе сильныхъ укрѣпленій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ 1788—1790 гг. происходили сраженія со шведами. Эти работы напомнили Ланжерону осмотрительность и силу воли лучшей поры царствованія Екатерины. Роченсальмъ, по его мнѣнію, могъ служить хорошей стоянкой для флотиліи.

Въ 1799 г. Армфельту довелось встрѣтиться въ Прагѣ съ знаменитымъ генералиссимусомъ русскихъ войскъ, безсмертнымъ героемъ Суворовымъ. Первый разъ онъ видѣлъ его въ театрѣ, гдѣ въ честь полководца читался, между прочимъ, особый прологъ. Второй разъ Армфельтъ видѣлъ Суворова на приглашенномъ обѣдѣ. Онъ вбѣжалъ въ залъ, низко поклонился на всѣ стороны и сказалъ: «рекомендую себя добротѣ и дружбѣ дамъ»... Замѣтивъ Армфельта, бросился ему на шею и закричалъ: «Герой, герой, ты побилъ русскихъ и очень; Суворовъ только билъ турокъ, пруссаковъ, поляковъ и французовъ... Да, онъ насъ крѣпко побилъ, это заслуживаетъ уваженія и почтенія». Затѣмъ Армфельтъ былъ приглашенъ къ Суворову на обѣдъ. «Онъ мнѣ говорилъ,—пишетъ Армфельтъ,—совершенно новыя вещи касательно нашего ремесла, которыя я никогда не забуду. Если его тактика несовершенна, то нельзя отрицать, что онъ обладаетъ взглядомъ и способностію пользоваться одержаннымъ успѣхомъ или ошибкой непріятеля... Шпіоны!... Шпіонами Суворовъ никогда не пользовался. «Святой Духъ даетъ мнѣ внушеніе; это лучшій шпіонъ». «Онъ странный,—продолжаетъ Армфельтъ,—выражается странно, но все, что онъ говоритъ о военныхъ дѣлахъ,—marqué

au coin d'un grand génie et d'une profonde expérience.... Нельзя повѣрить, какъ этотъ человѣкъ, покрытый лаврами и ранами, интересенъ! Онъ не дуракъ, онъ не чудакъ, онъ чрезвычайно глубокъ и тонокъ, а въ особенности ловокъ судить о людяхъ и обстоятельствахъ» [535]).

Конецъ царствованія Екатерины былъ не радостенъ: много хлопотъ причинила ей французская революція, много огорченій принесла вѣсть объ убійствѣ Густава III, много крови было испорчено сватовствомъ Густава IV за внучкою ея Александрой Павловной.

Во Франціи разразилась гроза революціонной бури. Екатерина II не разъ заявляла, что она въ душѣ республиканка, и еще въ 1778 г. стойко защищала англійскую конституцію. За этотъ либерализмъ воззрѣній ей усиленно кадила передовая Франція.—Но жизнь постепенно охладила ея пылъ ко всякаго рода свободамъ и къ передовымъ идеямъ французскихъ философовъ. Мрачная фигура Пугачева воплотила на ея глазахъ народную вольность, а французская революція раскрыла банкротство философскихъ идей. Въ письмѣ къ Гримму она припомнила слова прусскаго короля, увѣрявшаго, что цѣль философовъ—опрокинуть всѣ троны, что энциклопедія, по сознанію Гельвеція, имѣла въ виду уничтожить всѣхъ государей и всѣ религіи. Она интересовалась собраніемъ представителей въ Парижѣ (1787 г.), не предугадавъ послѣдствій этого событія, но вскорѣ она увидѣла, что, обезумѣвшіе отъ революціоннаго наркоза, французы «въ состояніи повѣсить своего короля на фонарномъ столбѣ», что приверженцы конституціи не могутъ пользоваться ея расположеніемъ, потому что «они породили всѣ бѣдствія настоящаго и будущаго». «Какъ можно сапожникамъ править дѣлами государства», сказала она Храповицкому въ 1789 г. Французскую конституцію она назвала нелѣпой. Екатерина пришла, примѣрно, къ тому-же выводу, къ которому въ 1765 г. пришелъ одинъ французъ (Вилье), пообѣдавъ въ обществѣ Дидро, Гельвеція и Д'Аламбера: «Все, что я слышалъ, мой другъ,—сказалъ онъ женѣ,—убѣждаетъ меня, что у всѣхъ людей скоро умъ зайдетъ за разумъ».

Революціонныя волны Франціи стали грозить сосѣднимъ государствамъ.—Удаленность Россіи отъ Франціи обезпечивала ее на нѣкоторое время, но умный гр. Сем. Р. Воронцовъ предсказалъ, что «мы будемъ послѣдними, но и мы будемъ жертвами этой всеобщей чумы».... [536]).

Берлинскій и Вѣнскій дворы вмѣшались въ дѣла Франціи. Ланжеронъ увѣряетъ, что и Екатерина II, вмѣстѣ съ Густавомъ III, намѣревались выставить отрядъ войска изъ 24 тыс. русскихъ и 12 тыс. шведовъ. Намъ представляется болѣе достовѣрнымъ, что въ 1791 г. между Швеціей и Россіей состоялся трактатъ, въ силу котораго петербургскій кабинетъ обезпечивалъ Густаву III лишь денежную помощь [537]).

Гр. Штакельбергу Императрица писала: «зная умъ и рыцарскій духъ короля и его заботливый характеръ, я полагаю, что можно было-бъ предоставить ему возстановленіе французской монархіи, какъ дѣло въ высшей степени славное и достойное его политическихъ и военныхъ соображеній, что я далеко не буду противиться успѣху этого предпріятія, но что, напротивъ того, была-бы не прочь способствовать ему» [538]).

Но 16 марта 1792 г. Густавъ III былъ убитъ, и планъ посылки войска рушился. Не будь отвратительнаго убійства Густава III, писалъ Наполеонъ въ своихъ «Memoires de S.-t Hélène», Европа имѣла бы совсѣмъ другой видъ; потому что изъ тѣхъ 30.000 русскихъ, которые онъ получилъ бы для своего подкрѣпленія, съ цѣлью возстановленія трона во Франціи, ни одинъ барабанщикъ не вернулся бы назадъ, а пока русскія войска пребывали бы во Франціи, онъ (Наполеонъ) со своей арміей пошелъ бы въ Польшу и тамъ занялъ бы престолъ, какъ тогда было условлено, чтобы съ шведской и польской арміями напасть съ двухъ сторонъ на Россію, участь которой тогда была бы весьма сомнительной. «Это было всегдашнимъ стремленіемъ моей души».

Недовѣріе и нерасположеніе къ Густаву III въ Швеціи увеличивались, вслѣдствіе того, что финансы не улучшались, что онъ стѣснилъ свободу слова строгой цензурой, запретилъ крестьянамъ винокуреніе, учредилъ тайную полицію, воспретилъ упоминаніе обо всемъ, касавшемся французской революціи, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ Испаніи, Португаліи и Неаполѣ, «стонавшихъ подъ деспотическимъ правленіемъ». Наконецъ, шведы спрашивали, какой имъ интересъ вмѣшиваться въ дѣла антиреволюціонной Франціи? Чтобы спасти отечество, отвѣчали заговорщики, надо убить короля. Густавъ палъ жертвой мстительной дворянской оппозиціи и кипучихъ, неясныхъ идей свободы, нахлынувшихъ изъ Франціи.

16 марта 1792 г. въ Стокгольмѣ назначенъ былъ маскарадъ. Двое изъ заговорщиковъ, одѣтые въ маскарадные костюмы,

сошлись въ скудно меблированной комнатѣ. Первому—графу К. Горну было 29 лѣтъ, второму—30 лѣтъ, его звали Яковъ Іоганъ Анкарстремъ. Въ его жилахъ текла французская и шотландская кровь; въ немъ рано проявились врожденныя наклонности къ жестокости. На столѣ лежалъ заряженный пистолетъ, офицерская сабля и большой мясницкій ножъ.—Анкарстремъ возненавидѣлъ Густава за то, что народъ былъ обремененъ непосильными нало-

Маскарадъ 5—16 марта 1792 г., на которомъ Густавъ III былъ смертельно раненъ.

гами, нація разорялась бумажными деньгами. Война-же 1789 г. сдѣлала его непримиримымъ врагомъ Густава III. Онъ видѣлъ въ немъ клятвопреступника.—«Мы не можемъ быть счастливы до тѣхъ поръ, пока не отдѣлаемся отъ короля», говорилъ онъ. Начальникъ полиціи предлагаетъ арестовать заговорщиковъ. Густавъ отвѣтилъ: «Если они хотятъ моей жизни, они меня всегда найдутъ. Я не хочу дать имъ удовольствія думать, что я боюсь ихъ». Первоначальный планъ Горна и Анкарстрема сводился къ тому, чтобы содержать Густава временно въ тайномъ заключеніи, пока революціонеры произведутъ государственный переворотъ. Но Горнъ усмотрѣлъ, что «шведская нація—раболѣпная толпа, которою король будетъ править, пока живъ»... Убійцы давно охотились

на свою жертву; уже въ январѣ Анкарстремъ сидѣлъ съ заряженными пистолетами въ ложѣ оперы, а другой разъ находился въ маскарадѣ, поджидая подходящаго момента.—16 марта этотъ роковой моментъ насталъ. Короля предупредили анонимнымъ письмомъ, что онъ на этомъ маскарадѣ можетъ сдѣлаться жертвою измѣнническаго покушенія. «Я не привыкъ обращать вниманіе на безыменныя письма»... Король изъ ложи пошелъ въ публику; въ разгарѣ танцевъ, при звукахъ музыки и общаго веселья, его окружили около сцены 16 черныхъ масокъ. Раздался выстрѣлъ. Раненый Густавъ крикнулъ: je suis blessé, arrêtez-le, mais ne lui faites pas de mal! (я раненъ! задержите его, но не причиняйте ему ничего дурного!). Убійца, видя, что король не упалъ, оцѣпенѣлъ и выронилъ изъ рукъ пистолетъ и ножъ. «Пожаръ!» крикнули маски-заговорщики, но, по приказанію приближенныхъ короля, выходныя двери были уже заперты. На тринадцатый день король скончался, проявивъ большое мужество и удивительную силу характера. Анкерстремъ окончилъ дни свои на эшафотѣ [539]).

Екатерина II, съ ужасомъ узнавъ о гнусномъ посягательствѣ на жизнь короля, ея двоюроднаго брата, приказала своему представителю въ Стокгольмѣ, графу О. М. Стаккельбергу, увѣрить Густава «во всей полнотѣ своего сочувствія».

«Я боюсь одурѣть по милости событій, которыя такъ сильно потрясаютъ нервы, какъ, напримѣръ,... убійство шведскаго короля»,—писала Екатерина въ апрѣлѣ 1792 года Гримму.

Густавъ III—очень сложная натура. У него было много достоинствъ. Онъ обладалъ острымъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ, богатой памятью, большой наблюдательностью, сильной рѣчью. Но фантазія преобладала надъ всѣми его качествами. Любовь къ славѣ и родинѣ руководили его дѣйствіями. Онъ проявилъ рѣдкую способность къ работѣ, замѣчательную настойчивость, подвижность, политическое мужество, присутствіе духа въ опасности и виртуозность въ интригѣ. Любилъ блескъ, великолѣпіе, церемоніи. Нашъ представитель при шведскомъ дворѣ А. К. Разумовскій характеризуетъ Густава III своенравнымъ и тщеславнымъ. Тактомъ онъ не обладалъ.

Близкій къ королю Ульрикъ Шефферъ выдвигаетъ его глубокое лицемѣріе, склонность къ интригамъ, удовольствіямъ и суетѣ. «Представительство—его идолъ, блескъ двора—его слабость».

Чтобы въ разговорѣ съ Густавомъ вызвать хорошее его расположеніе духа,—сказала какъ-то Екатерина,—стоило только

поставить его такъ, чтобы онъ могъ видѣть себя въ зеркалѣ и любоваться своими добродѣтелями.

По мнѣнію Адлербета, ни единаго честнаго волоска не было на головѣ Густава. И въ то же время никто изъ коронованныхъ особъ съ большимъ достоинствомъ не говорилъ съ трона, никто въ частной жизни не былъ любезнѣе. Никто лучше него не умѣлъ отказать, не оскорбляя; никто не умѣлъ болѣе удовлетворительно сообщить неопредѣленное обѣщаніе. Въ его сердцѣ не было искренней добродѣтели, не было теплаго чувства къ другимъ. Присягу, обѣщанія, законы онъ признавалъ полезной уздою лишь для простолюдиновъ, и эти слова служили ему болѣе украшеніемъ рѣчи, чѣмъ управляли его поступками. Къ подобному-же выводу приходитъ жена его брата, Карла Зюдерманландскаго—впослѣдствіи королева Швеціи Гедвига-Елизавета-Шарлотта.—По словамъ ея дневника, не было собесѣдника очаровательнѣе, «но надо признать, что онъ лживъ и іезуитъ и для него цѣль оправдываетъ средства». Подъ очаровательными манерами, дѣйствительной добротой сердца и большимъ желаніемъ нравиться скрывалась склонность къ интригамъ, подозрѣніямъ, недостатокъ искренности, зависть къ самому скромному успѣху другихъ. «Все вмѣстѣ взятое въ концѣ концовъ отвращало самыхъ преданныхъ друзей, и онъ остался королемъ-чародѣемъ только въ народномъ воображеніи».

Вся политика Густава была построена на надеждѣ удачи наступательной войны. «Густавъ—пишетъ его своячeница—очень желалъ быть рыцаремъ и жить въ періодъ рыцарства». Любимѣйшими его удовольствіями были: карусели и рыцарскія игры, и русская война едва-ли была чѣмъ инымъ, какъ грандіозный карусель. Съ самаго ея начала Густавъ не сомнѣвался въ заключительномъ эффектѣ. До начала войны состоялось учрежденіе имъ новаго ордена Меча большого креста для тѣхъ, которые выиграютъ сраженіе; король при этомъ объявилъ, что не желаетъ носить его раньше, чѣмъ заслужитъ его на полѣ битвы. Онъ отправился въ море въ тотъ самый день, какъ Густавъ-Адольфъ отплылъ въ Германію для участія въ тридцатилѣтней войнѣ. Онъ при этомъ одѣлся «въ куртку, расшитую такъ же, какъ у Густава-Адольфа; на широкой портупеѣ висѣла шпага Карла XII».—Онъ вызвалъ поэта Леопольда въ Финляндію, чтобъ тамъ-же, на мѣстѣ, отпраздновать всѣ предполагаемыя имъ побѣды.

Когда серьезная опасность грозила его странѣ, онъ забывалъ о себѣ. Преимущественно при такихъ условіяхъ онъ оказывался

патріотомъ, героемъ, монархомъ «Wenn er in höchster Gefahr für sein Land schwebend, sich selbst vergass. Unter solchen Umständen, aber *auch nur dann* zeigte er sich als Patriot, als Held und Monarch», сказалъ польскій историкъ Валеріанъ Калинка.

Едва-ли даже враги въ состояніи упрекнуть его въ трусости; лично онъ не укрывался отъ опасности, его мужество особенно проявилось при Свенсксундѣ и Выборгѣ. Громъ пушекъ и грохотъ боя вліяли на него эстетически и воспламеняли въ немъ настоящаго героя. Трусъ не рѣшился бы произвести революцію 1772 г., когда онъ рисковалъ короной и, быть можетъ, даже жизнью; трусъ не могъ въ аньяльскіе дни съ спокойнымъ и улыбающимся лицомъ оставаться среди взбунтовавшейся арміи. Трусъ, имѣя предостереженіе въ карманѣ, не въ состояніи спокойно явиться на маскарадъ, гдѣ и былъ гнусно убитъ Анкарстремомъ.

Въ царствованіе Густава III составлялись иногда прекрасные законы, но они не исполнялись и въ шведскихъ департаментахъ царили чрезвычайные безпорядки. Военное дѣло интересовало его не менѣе юриспруденціи. Онъ столько-же любилъ войну, какъ и блестящее театральное представленіе, но подвигъ войны, конечно, не то, что подвигъ опернаго героя.

Густавъ никогда не переставалъ интересоваться литературой, искусствомъ и развитіемъ своего народа. Благодарные поэты и художники сплели ему лучшій вѣнецъ и озарили блескомъ его личность, его время. Потомство видитъ теперь рядомъ съ молодымъ королемъ-революціонеромъ короля мецената, какъ центръ развитія лучшей шведской жизни конца XVIII ст. —Сіяніе имени Густава III не меркнетъ въ сознаніи шведовъ. Они его любятъ, они имъ гордятся. Онъ для нихъ чарующій король—Tjusarkungen.

Плохіе финансы постоянно напоминали ему о важности экономическихъ вопросовъ, но онъ не находилъ времени предаваться трезвой и разумной финансовой политикѣ, а старался выпутаться изъ затрудненій подобно азартному игроку. Густавъ имѣлъ несчастье родиться въ государствѣ, доходы котораго были слишкомъ ничтожны для его широкихъ затѣй. Его изнѣженный и развращенный дворъ утопалъ въ роскоши. «Читая нѣмецкія газеты,—Ея Императорское Величество дивились турнирамъ короля шведскаго, дающаго хорошій видъ худымъ дѣламъ, «car il peut tromper les ignorants».

Въ королевствѣ сильный голодъ (1784 г.), а Густавъ восхищается во Флоренціи и Римѣ произведеніями искусства, ведетъ изящныя бесѣды съ иностранными государями о благѣ народа.

скупаетъ картины и статуи. Густава III особенно интересовали дворъ и внѣшняя политика. Онъ самъ былъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и своимъ собственнымъ церемоніймейстеромъ. Никто изъ шведскихъ королей болѣе его не любилъ платья и драгоцѣнности.

Густавъ кокетничалъ либерализмомъ, но тѣмъ не менѣе знатное происхожденіе составляло для него родъ исторической красоты.

Король ГУСТАВЪ III.

Одна шведская писательница выразилась примѣрно такъ: Кажется, что видишь предъ собою человѣка, которому не удалось создать для себя дома, въ которомъ онъ могъ бы отдохнуть; онъ создалъ Версаль, но въ форматѣ жилетнаго кармана, гдѣ приходилось носить отличіе сѣверной звѣзды даже на халатѣ и гдѣ, несмотря на всѣ претензіи игриваго остроумія и изящнаго наслажденія, чувствовалось, что это «общество, въ которомъ скучно».

Временами,—какъ это было въ 1776 г.,—дворъ представлялъ изъ себя театральную труппу. Ферзенъ сравниваетъ Грипсгольмъ, гдѣ тогда находились, съ посредственной гостиницей. Онъ разсказываетъ, что король, вставъ утромъ, сейчасъ-же отправлялся въ театръ, чтобы вмѣстѣ съ актерами репетировать пьесы для предстоящаго вечера. Его Величество часто обѣдалъ въ театрѣ и, по окончаніи представленія, являлся со своими придворными поужинать въ средѣ артистовъ.

Интересъ Густава къ театру—былъ интересъ актера, а не поэта. Онъ жилъ театральными сплетнями и даже во время кампаніи 1788—1790 г.г. аккуратно получалъ рапорты о театральной жизни. «Король будетъ въ Стокгольмѣ 4 сентября (1788 г.), прямо въ оперу «Густавъ» (его сочиненія).

Все для театра. Одна миѳологическая и феерическая картина возникала въ его фантазіи за другой. Сюжеты раздавались разнымъ авторамъ для обработки. Густавъ страстно любилъ наряжаться, румяниться, гримироваться. Министры, видя, что частыми

выступленіями Густава на театральныхъ подмосткахъ роняется престижъ королевской власти, рѣшились заявить ему объ этомъ. Онъ внялъ ихъ совѣту, и выступленія въ спектакляхъ сдѣлались рѣже.

Театромъ, роскошью двора и лестью Густавъ хотѣлъ покорить гордую шведскую аристократію.

Идеализмъ первой поры скоро исчезъ. Онъ видѣлъ, что его непопулярность росла, и въ политическихъ планахъ сдѣлался неразборчивымъ въ средствахъ. Густавъ самъ отдалъ приказаніе Гастферу устроить перестрѣлку на границѣ, чтобы получить поводъ обвинить русскихъ въ нарушеніи мира. Съ вѣдома Густава шведскій офицеръ собирался сжечь русскую эскадру, зимовавшую въ Копенгагенѣ. Густавъ зналъ о тѣхъ поддѣльныхъ деньгахъ, которыя во время войны сбывались шведами въ русской Финляндіи. Онъ подписалъ трактатъ съ Турціей и принялъ отъ нея субсидію, съ обязательствомъ не заключать съ Россіей односторонняго мира, и тѣмъ не менѣе Турція была имъ брошена на произволъ судьбы.—Въ политикѣ Густавъ не зналъ границы между добромъ и зломъ и для своихъ цѣлей не пренебрегалъ ничѣмъ.

Въ Густавѣ послѣднихъ лѣтъ трудно усмотрѣть черты того юношескаго благородства и очарованія, которыми дышало все его существо въ годы реформъ 70-хъ годовъ. Надежда на свѣтлое будущее болѣе не одушевляла его. Весеннее благоуханіе густавіанскаго режима прекратилось. Густавъ весь погрузился въ наслажденія и развлеченія, не покидая деспотическихъ порывовъ и хитрыхъ интригъ.

«За исключеніемъ періодовъ 1306—1320 и 1565—1668 г.г. въ исторіи Швеціи не было времени, которое было бы запятнано смутами, раздорами, измѣнами, преступленіями и несчастіями въ такой степени, какъ послѣднее четырехлѣтіе царствованія Густава III» [540]).

О бракѣ Густава IV съ Великой Княжной Александрой Павловной впервые заговорили въ 1793 г. Густавъ III зналъ, что Густавъ Адольфъ былъ сыномъ графа Мунка, но, чтобы обезпечить наслѣдіе престола, рѣшился скрыть истину его рожденія и создать нужную репутацію мнимому своему сыну [541]).

Разработывался уже планъ свиданья Густава IV съ Александрой Павловной, во время его поѣздки въ Финляндію. Но переговоры неожиданно прервались, вслѣдствіе того, что Россія узнала о состоявшемся шведско-датскомъ договорѣ. Чтобы отомстить Екатеринѣ, Густавъ IV обручился съ принцессой Мекленн-

бургъ-Шверинской, а шведскій дворъ опубликовалъ переписку Г. М. Армфельта съ Императрицей. Армфельтъ составилъ революціонный планъ, которымъ имѣлъ въ виду устранить отъ регентства герцога Зюдерманландскаго и его главнаго совѣтника Рейтергольма и вернуть къ власти приверженцевъ Густава III — такъ называемыхъ густавіанцевъ. Этотъ планъ былъ сообщенъ А. К. Разумовскимъ изъ Вѣны Императрицѣ.—Часть переписки попала въ руки шведскаго правительства. Такимъ образомъ оно узнало, что положеніе Швеціи было описано въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, что отъ Екатерины ожидалось возстановленіе спокойствія, прочности трона и дружескаго союза Россіи со Швеціей. Императрицу просили также послать небольшой русскій флотъ крейсировать на высотѣ Стокгольма, пока порядокъ не будетъ возстановленъ.

Г. М. Армфельтъ, состоявшій въ то время посланникомъ въ Неаполѣ, успѣлъ скрыться, предупрежденный въ минуту опасности многочисленными своими поклонницами, въ числѣ которыхъ находились княгиня Елена Меншикова и графиня Скавронская. «Любовь и дружба васъ охраняютъ», писала княгиня Меншикова, приведшая въ порядокъ его бумаги, послѣ бѣгства. Армфельта заочно осудили къ смертной казни, за государственную измѣну. Надпись у позорнаго столба гласила: «Густавъ Морицъ, отечества измѣнникъ, лишается безопасности на пространствѣ всего шведскаго королевства». Его переписка продавалась на улицахъ. Изданіе называлось: «Письма бывшей благородной дѣвицы... и государственнаго измѣнника, называвшагося прежде барономъ Армфельтомъ,—объ ихъ любовныхъ похожденіяхъ». А въ опубликованномъ протоколѣ шведскаго государственнаго совѣта говорилось, что этотъ авантюристъ находился въ перепискѣ «съ одной иностранной державой» (Россіей).

Екатерина дала пріютъ Г. М. Армфельту. Онъ водворился въ Калугѣ, гдѣ прожилъ 4 года. Карлу-же Зюдерманландскому разгнѣванная Императрица, чувствовавшая себя не совсѣмъ хорошо въ этой исторіи, гордо отвѣтила, что ея могущество позволяетъ ей не прибѣгать къ тайнымъ проискамъ, и что если бы она хотѣла ниспровергнуть правительство Швеціи, то располагала для этого достаточными средствами.

Герцогъ-регентъ, Карлъ Зюдерманландскій, зная о плохихъ финансахъ королевства, рѣшился вообще избѣгать вмѣшательства въ иностранныя событія, но не удержался. Былъ оставленъ планъ высадки во Францію и возобновлена мечта о возвратѣ

частей Финляндіи, утерянныхъ по миру въ Ништадѣ и Або. Съ этою цѣлью вновь стали подымать Турцію на Россію. Интрига была раскрыта, о чемъ въ мягкой формѣ было сообщено шведскому кабинету. Въ виду возможнаго разрыва со Швеціей, главнокомандующимъ войсками, флотомъ и крѣпостями въ Финляндіи (1795—1796 г.) назначенъ былъ, впослѣдствіи столь извѣстный, М. И. Голенищевъ-Кутузовъ (Смоленскій). Въ то же время, по волѣ Императрицы, Вел. Кн. Константинъ Павловичъ, въ сопровожденіи Кутузова, обозрѣлъ Роченсальмъ.

Когда это неудовольствіе улеглось, Стедингкъ пытался возобновить брачные переговоры, но Швеція поставила условіемъ выдачу Армфельта. Это было крайне непріятно Екатеринѣ.

А. Я. БУДБЕРГЪ.

Пл. Зубовъ отвѣтилъ Стедингку, что желаніе смѣшать бракъ съ выдачею преступника раскрываетъ истинное стремленіе Швеціи: ясно, что она брака не хочетъ. Съ своей стороны регентъ Швеціи заявилъ Стедингку: «Если Императрица не принимаетъ нашихъ условій, ея дорогая внучка никогда не будетъ королевой Швеціи... Пусть она не воображаетъ, что Швеція ищетъ ея расположенія, но гордая, великодушная нація соглашается забыть существующія несправедливости, только если она захочетъ исправить ихъ, выдавъ намъ измѣнника»... Первый министръ Рейтергольмъ написалъ Стедингку: «Все порвано. Избавьте меня отъ разговора о бракѣ, такъ какъ мы теперь презираемъ эту старую мегеру» [542]).

Но едва Екатерина покончила свои дѣла въ Польшѣ, какъ повела рѣчь со Швеціей въ иномъ тонѣ. Въ 1796 г. въ Стокгольмъ прибылъ ея представитель генералъ А. Як. Будбергъ [543]) и открыто заговорилъ о войнѣ, если Швеція не порветъ союза съ Франціей, если не будетъ отмѣнено обрученіе короля съ принцессой Ловизой-Шарлоттой Мекленбургъ-Шверинской, и если не отставятъ Рейтергольма. Пугая Швецію, Россія вооружилась на сушѣ и на морѣ, хотя въ дѣйствительности Екатерина войны не желала и ея помыслы обращены были на Турцію. Швецію застигли врасплохъ: она оказалась невооруженной, ея дѣла были

разстроены, правительство непопулярно. Ей пришлось идти въ Каноссу. Государственный канцлеръ формальнымъ циркуляромъ опровергнулъ слухъ о бракѣ съ нѣмецкой принцессой.

Екатерина потребовала еще, чтобы король и герцогъ сами явились въ Петербургъ, для заключенія союза. Это было весьма унизительнымъ условіемъ; подобная навязанная поѣздка, послѣ предыдущаго разрыва, являлась какъ-бы путешествіемъ васальнаго князя къ своему суверену для полученія прощенія [544]).

Король Густавъ IV Адольфъ и герцогъ выѣхали въ Петербургъ. Состоять при королѣ и регентѣ назначенъ былъ М. И. Кутузовъ, проявившій себя на дипломатическомъ поприщѣ съ самой лучшей стороны. Онъ отлично выполнилъ трудную задачу къ взаимному удовольствію обоихъ домовъ. Назначено было обрученіе. Всѣ собрались въ тронный залъ Зимняго дворца. Тамъ-же находилась уже Императрица. Шли переговоры о вѣроисповѣданіи будущей королевы. Екатерина хотѣла, чтобы Александра Павловна имѣла у себя православную церковь. Переговоры затянулись на три часа и «упрямый шведъ», наконецъ, запальчиво заявилъ: «нѣтъ, нѣтъ! Не хочу, не могу, не подпишу!» Захлопнувъ дверь, заперся въ своей комнатѣ. Въ тронный залъ пришелъ кн. Зубовъ. Таинственно шепнулъ нѣсколько словъ Императрицѣ. Она приподнялась, зашаталась и не въ состояніи была произнести ни одного слова. Екатерина едва перенесла это извѣстіе. Всѣ уныло разошлись [545]).

Памятникъ Екатеринѣ II въ Петербургѣ.

Позоръ 11 сентября сильно поразилъ самолюбіе и гордость Повелительницы великой Сѣверной Имперіи.

Грустно потянулись дни ея увяданія. Измѣнился обычный режимъ. Чаще наблюдалась задумчивость.— Она не могла болѣе оправиться отъ послѣдствій сентябрьскаго гнѣва и униженія. 6-го ноября 1796 г. все кончилось апоплексическимъ ударомъ.

Время Павла I.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I

XI.

Павелъ I. «Броженіе» въ Финляндіи. Спренгтпортенъ.

„Одушевленный лучшими намѣреніями въ мірѣ, вы заставите возненавидѣть себя".
Слова воспитателя Порошина.

Павлу Петровичу шелъ 43 годъ, и онъ все еще оставался обреченнымъ на бездѣйствіе. Ему была предоставлена лишь «игра въ солдаты». Легко себѣ представить, что долженъ былъ передумать и перечувствовать въ гатчинскомъ уединеніи наслѣдникъ Россійскаго престола, когда Зубовъ смотрѣлъ на него небрежно и недостаточно почтительно, когда обстоятельства побудили Цесаревича одолжиться деньгами у своего врага, кн. Потемкина, чтобы уплатить сдѣланный долгъ. Какую давящую пустоту долженъ былъ чувствовать вокругъ себя рожденный для престола, когда его держали, какъ въ заперти, въ маленькой Гатчинѣ. И въ заключеніе всего онъ узнаетъ, что Императрица-Мать намѣревалась передать престолъ его старшему сыну. Манифестъ объ этомъ имѣлось въ виду опубликовать 24 ноября, но 6 Императрица скончалась, не успѣвъ сдѣлать по этому вопросу никакихъ распоряженій.

Крикъ ужаса—«мы погибли»—вырвался изъ груди затворника при приближеніи посланца, гр. Н. А. Зубова, изъ Петербурга 6 ноября 1796 г . . . Зачѣмъ онъ прискакалъ? «Ваша Мать смертельно больна». Слѣдовательно, мелькнуло въ умѣ затворника, меня ожидаетъ корона . . . . Внезапная смерть Екатерины распахнула тѣсное заключеніе. Павелъ сразу очутился на полной свободѣ, безъ малѣйшей опеки.

Природа дала Павлу живой наблюдательный умъ. Его характеръ—постоянная смѣна свѣта и тѣней, съ прибавленіемъ гамлетовскихъ чертъ. Павелъ Петровичъ «весь былъ порывъ, огонь, вспыхивавшій быстро и горѣвшій ярко». Въ немъ все доходило

до крайности—умъ, страсти, чувствительность, жестокость, добродѣтели и пороки, энтузіазмъ въ дружбѣ и упорство въ ненависти [546]). Невѣроятная измѣнчивость, чудовищное самолюбіе, недовѣріе, подозрительность, болѣзненное воображеніе—все это выводило его ежедневно изъ равновѣсія къ ужасу окружающихъ. Можетъ быть все это признаки «истеріи», унаслѣдованной отъ отца, котораго, по словамъ Болотова, «рѣдко заставали трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ». Много еще загадочнаго въ этой исторической личности.

Но нельзя отказать ему ни въ умѣ, ни въ сердцѣ. «Le fond de son caractère était grand et noble. Ennemi généreux, ami magnifique» . . . сказала княгиня Доротея Ливенъ. Вездѣ и во всемъ онъ желалъ видѣть преобладаніе нравственнаго начала. Рыцарскій духъ былъ особенно близокъ его сердцу.

И вотъ онъ на тронѣ. У ногъ его растилается великая Имперія. «Онъ держалъ себя какъ государь». Ревниво относился къ своей власти. «Ты да я, я да ты, мы одни будемъ всѣ дѣла дѣлать», сказалъ Павелъ Петровичъ одному изъ своихъ секретарей. Въ его время въ Россіи во-истину было одно дѣйствующее начало, одна воля, одна личность. Онъ довелъ самодержавіе до его предѣловъ, возвелъ единовластіе въ культъ. Россію онъ любилъ горячо, имѣя о ея могуществѣ самое высокое понятіе.

Воспитывалъ его западникъ Н. И. Панинъ, человѣкъ «склонный къ гуляніямъ»; но, къ счастью, при Павлѣ оказался Порошинъ, и онъ сдерживалъ его отъ увлеченія иноземщиной и сообщилъ ему много полезнаго о Россіи, которую мало зналъ Панинъ.

Павелъ руководился лучшими чувствами. Онъ полонъ энергіи. Но вокругъ такъ много недочетовъ. Казна истощена, среди правительственныхъ лицъ царитъ произволъ, лихоимство парализовало правосудіе. Въ сенатѣ болѣе 11 тыс. нерѣшенныхъ дѣлъ. Военное вѣдомство въ упадкѣ. Повсюду недостаетъ просвѣщенныхъ и честныхъ людей.

Все надо исправить, зло необходимо искоренить. Павелъ нетерпѣливъ. Онъ повелѣваетъ и успокоивается, думая, что по мановенію ока все можетъ измѣниться къ лучшему. Онъ всегда спѣшилъ, спѣшилъ вставать, обѣдать, ложиться (Порошинъ). Разговоръ его шелъ скачками, съ непрестаннымъ оживленіемъ. Съ этой поспѣшностью естественно связано нетерпѣніе. По своей природѣ онъ неспособенъ глубоко вникнуть въ государственные вопросы, сосредоточенно и упорно работать надъ однимъ дѣломъ.

Его руководящія начала слишкомъ умозрительны и теоретичны. Отсюда его колебанія и многія неудачи.

Онъ желалъ избавить Россію отъ вмѣшательства въ чужія дѣла, дать ей прочный роздыхъ.—Стремленія его—самыя миролюбивыя. Въ его душѣ гнѣздилась истинно христіанская мысль. Но обстоятельства побудили его возстать противъ разлива по Европѣ революціонной волны. Нерасположеніе къ Англіи привело къ призыву $22^1/_2$ тыс. донцовъ, которымъ повелѣлъ выступить въ походъ на Индію (февр. 1801 г.).

Недовѣрчиво посматривалъ онъ и на Швецію, опасаясь ея нападенія. Чтобы вывѣдать, происходятъ ли военныя приготовленія въ Финляндіи, Императоръ отправилъ къ границѣ Спренгтпортена. Въ теченіе мая 1799 г. онъ исполнилъ порученіе, придя къ тому выводу, что Швеція не отважится на войну, въ виду того, что ея финансы и флотъ находятся въ плохомъ состояніи, что королевство еще не оправилось отъ послѣдней войны, и что оппозиція держитъ въ рукахъ короля. «Если-же шведы не желаютъ внять благоразумному слову,—писалъ Спренгтпортенъ,—то слѣдуетъ завладѣть Финляндіей. Это легко исполнить. Послѣ перехода черезъ Кюмень потребуется лишь три дня, чтобы кинуться тремя колоннами, и край будетъ принадлежать намъ» [547]).

Наиболѣе заботливо Павелъ I относился къ крестьянскому сословію, о которомъ въ «Наказѣ» было сказано, что оно „содержитъ собою и своими трудами всѣ прочія части“. Два года къ ряду имъ былъ отмѣняемъ рекрутскій наборъ. Онъ воспретилъ безотчетную работу крѣпостныхъ и установилъ трехдневную барщину въ недѣлю. Учредилъ для народа запасные магазины. Указъ Павла I о трехдневной барщинѣ не безъ основанія считается первымъ шагомъ къ упраздненію крѣпостного права. Онъ важенъ своей идейной стороной.

Павелъ—первый изъ государей подумалъ о введеніи у насъ общаго и единаго для всѣхъ закона. Его царствованіе является поэтому переходомъ отъ правленія личностей къ правленію закона. Другимъ его желаніемъ было, чтобы лица, которымъ ввѣрена участь массъ, сами являлись образцовыми для подчиненныхъ. Хотя въ военномъ мірѣ процвѣтали «парадоманія» и «экзерциція», но и здѣсь Павелъ Петровичъ руководился лучшими побужденіями. Его представленіе о службѣ проникнуто было возвышенными чувствами. Отпечатокъ рыцарскихъ понятій легко наблюсти во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Служба, по его мнѣнію, должна заклю-

чать въ самой себѣ награду. Службу въ передней, службу-пляску онъ не выносилъ. Павелъ I потому привязался къ военному дѣлу, что оно представлялось ему прежде всего школой благородства и рыцарства.

Сухопутная армія была раздѣлена на 11 дивизій. Третьей дивизіей была Финляндская, и ею командовалъ генералъ отъ инфантеріи Каменскій. При ревизіи она оказалась не въ особомъ порядкѣ, и Павелъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы объявить замѣчаніе всѣмъ генераламъ финляндской инспекціи. Онъ отказался признать ихъ даже посредственными, а пока они «будутъ таковы, вездѣ конечно и всѣми будутъ биты» [548]).

Павелъ Петровичъ, вступивъ на престолъ, — какъ утверждаетъ Ростопчинъ,—обнаружилъ желаніе «быть любезнымъ». Французскій посланникъ Ségur усмотрѣлъ въ немъ желаніе нравиться. Отсюда проистекло его стремленіе возстановить привилегіи. Это вполнѣ подтверждаетъ баронъ Гейкингъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Баронъ разсказывалъ, что на одномъ «petite entrée» Павелъ обратился къ нему съ вопросомъ: «довольны были бы ваши земляки, если бы возстановить ихъ прежніе судебные порядки?» Гейкинъ, конечно, отвѣтилъ, что такое возвращеніе вызоветъ среди нихъ восторгъ. «Чтобы успокоить сердца курляндцевъ, — сказалъ Павелъ,—вы можете сообщить, что я имъ отдамъ назадъ ихъ прежнія судебныя учрежденія». Въ другой разъ, говоря съ Гейкиномъ о полякахъ, послѣ того, какъ онъ далъ имъ свободу отъ плѣна, Павелъ сказалъ: «Я надѣюсь, что господа поляки мною довольны». Приведя эти извлеченія изъ записокъ барона Гейкина, профессоръ А. Н. Корсаковъ продолжаетъ: «Очевидно, что Павелъ, оказывая милости присоединеннымъ къ Россіи провинціямъ, желалъ привлечь къ себѣ любовь ихъ, но онъ не додумался до того, что эти милости если и вызовутъ съ ихъ стороны чувства любви и благодарности, то только лично къ нему, для Россіи же станутъ источникомъ того отчужденія, которое въ теченіе цѣлаго столѣтія заставляло ихъ, какъ волковъ, глядѣть къ лѣсу» [549]).

«Мелочность и формалистика прусскаго солдатства, привитыя Павломъ нашей арміи, и возстановленіе самоуправленія въ сказанныхъ провинціяхъ, оставившія въ Россіи такіе глубокіе и продолжительные слѣды, были несомнѣнно самыми крупными ошибками его царствованія».

При Петрѣ В. и Екатеринѣ II политическіе интересы Россіи не предавались забвенію. Они не терялись изъ вида даже въ періоды Бироновщины, т. е. особенно раболѣпнаго преклоненія передъ иностранцами. Дворъ Екатерины II говорилъ по-французски, но мыслилъ по-русски. Екатерина помнитъ, что она не «императрица лифляндская». Ея «секретнѣйшее наставленіе генералъ-прокурору кн. Александру Вяземскому—плодъ національной государственной мудрости».

Правда, управлялись провинціи недостаточно радиво, вслѣдствіе малаго нашего знакомства съ ихъ прошлымъ и ихъ законами.

Извѣстный писатель, Ив. Ив. Дмитріевъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ [550]), что, назначенный при императорѣ Павлѣ I оберъ-прокуроромъ 3-го департамента Сената, онъ почелъ своимъ долгомъ прежде всего ознакомиться съ тѣми законами, какими департаментъ этотъ руководствуется, и тогда оказалось, что «Третій сената департаментъ, кромѣ великороссійскихъ законовъ, руководствуется, по дѣламъ польскихъ губерній и Малороссіи, Литовскимъ статутомъ, Магдебургскимъ правомъ и разныхъ годовъ конституціями; остзейскихъ провинцій и Финляндіи—Шведскимъ земскимъ уложеніемъ; а по Курляндіи — особенными постановленіями, не помню подъ какимъ названіемъ. Изъ всѣхъ же оныхъ законовъ переведены были на русскій языкъ только Земское уложеніе, Литовскій статутъ и Магдебургское право; но переведены едва ли словесникомъ, въ вѣрности никѣмъ не засвидѣтельствованы, переписаны дурнымъ почеркомъ, безъ правописанія, отъ долговременнаго и частаго употребленія затасканы и растрепаны, прочія же хранились въ оригиналахъ. Но оберъ-секретари не могли ими пользоваться безъ пособія переводчика, ибо завѣдывавшій польскія дѣла не зналъ польскаго языка, а остзейскихъ провинцій и Курляндіи—ни нѣмецкаго, ни латинскаго».

Несмотря на это, части Финляндіи, пріобрѣтенныя въ 1721 и 1743 гг., продолжали русѣть. Но Павелъ I, разсчитывая расположить къ себѣ инородцевъ разными милостями, указомъ отъ 12 декабря 1796 г. [551]) повелѣлъ возстановить въ Выборгской губерніи «за оставленіемъ Губернскаго правленія и Казенной палаты» присутственныя мѣста «по тамошнимъ правамъ и привилегіямъ», кои существовали тамъ до открытія намѣстничества. «Возстановленному такимъ образомъ Лагманскому суду быть апелляціею Нашего Сената. Прокурору состоять токмо губернскому, а прочимъ такъ какъ и стряпчимъ не быть. Что касается до сбора податей,

то поступать по указамъ; а какъ оборона государственная требуетъ, дабы всѣ вѣрноподданныя Области, соразмѣрно оной способствовали, то и помянутая Выборгская губернія въ случающейся по нуждамъ государственныхъ рекрутскихъ наборовъ долженствуетъ участвовать въ нарядахъ по волѣ Нашей чинимыхъ. Сенатъ Нашъ имѣетъ распорядить, дабы управленіе въ той Губерніи въ предписанное Нами состояніе поставлено было немедленно».

Повелѣніе было исполнено, и въ февралѣ слѣдующаго года въ Выборгской губерніи состоялось возстановленіе «преждесуществовавшихъ мѣстъ и чиновъ». Пасторовъ предписано было избирать изъ мѣстныхъ уроженцевъ. — Но въ дѣлѣ обороны Имперіи исключеній для губерніи не дѣлали, и рекруты, набранные въ Вологодской губерніи и среди зырянъ, посылались въ финляндскіе егерскіе баталіоны. Общее запрещеніе выѣзда за границу безъ Высочайшаго разрѣшенія и ограниченія по ввозу книгъ и газетъ были распространены также и на Выборгскую губернію. Когда въ 1799 г. назначена была сенаторская ревизія въ Россіи, то для Выборгской губерніи не было сдѣлано исключенія, и сенаторы гр. Головкинъ и Камынинъ должны были обревизовать ее, вмѣстѣ съ прилегающими губерніями,—при чемъ, между прочимъ, выяснилось, что крестьяне терпѣли тамъ нужду отъ запрещенія рубки въ казенныхъ лѣсахъ [552]).

Тѣмъ не менѣе въ возстановленныхъ прежнихъ присутственныхъ мѣстахъ впервые проявилось общее не національное и не патріотическое направленіе, которое со дня воцаренія Павла выдвинулось на авансцену нашей исторіи. Это то самое направленіе, которое заставило Россію интересоваться отжившимъ Мальтійскимъ орденомъ, фантастическимъ Священнымъ Союзомъ, создавать Польшу для князя Чарторійскаго, Литву для Огинскаго, Бессарабію для Стурдзы, побудило болѣть за Венгрію и лить русскую кровь за совершенно чужую ей народность. Наше сознаніе перестало быть русскимъ.

До Павла дошли слухи о томъ, что въ шведской Финляндіи распространился революціонный духъ. Несмотря на то, что Государь былъ недоволенъ представителемъ Швеціи, Стедингкомъ, вслѣдствіе неудавшагося сватовства его дочери Александры Павловны за Густава IV, онъ немедленно пригласилъ его 3—14 марта 1800 г. на секретное засѣданіе у Кутайсова. Императоръ, указавъ на необходимость принятія безотлагательныхъ мѣръ для отвращенія опасности, сейчасъ-же предложилъ для этой цѣли 9 тыс. войска,

подъ командою вел. кн. Константина Павловича. Въ это время вошелъ вел. князь съ предписаніемъ о выступленіи войска въ Финляндію; предписаніе было ранѣе продиктовано Императоромъ и теперь имъ подписано. Павелъ выразилъ при этомъ желаніе, чтобы Стедингкъ, лично находясь при арміи, удостовѣрилъ благородныя и открытыя дѣйствія Главы Россіи. Павелъ говорилъ еще о своемъ расположеніи къ шведскому королю и со слезами обнималъ Стедингка.

Представитель Швеціи очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Онъ отлично зналъ, что въ Финляндіи никакого революціоннаго элемента не было и не могло быть, а между тѣмъ Павелъ требовалъ немедленнаго подписанія Стедингкомъ документа. Не согласиться съ мнѣніемъ вспыльчиваго Павла значило вызвать его гнѣвъ и на себя, и на Швецію. Присоединиться къ его плану являлось равносильнымъ признанію въ Финляндіи наличности броженія. Въ то же время Государь приступилъ уже къ обсужденію редакціи манифеста, который надлежало опубликовать во всеобщее свѣдѣніе, въ моментъ вступленія нашихъ войскъ въ предѣлы Финляндіи. Во всякомъ случаѣ, если Швеція и нуждалась въ помощи, то лишь въ денежной, а не военной. Сказать Павлу Петровичу, что свѣдѣнія его о настроеніи умовъ въ Финляндіи ложныя, никто не рѣшался. Такъ или иначе, но нужно было достичь того, чтобы Павелъ не вводилъ своихъ войскъ въ Финляндію и не вызвалъ ненужнаго серьезнаго осложненія. Стедингкъ, наконецъ, нашелся. Скрывая свое смущеніе, онъ сказалъ, что поднятый вопросъ, по основнымъ законамъ Швеціи, требуетъ обсужденія на риксдагѣ, и потому проситъ разрѣшенія отправить заготовленный документъ къ королю Густаву, который будетъ глубоко тронутъ этимъ свидѣтельствомъ искренней къ нему дружбы Павла. Государь желаетъ, чтобы проектъ похода въ Финляндію остался въ полной тайнѣ, чтобы о немъ не знали даже его министры. Государь требуетъ затѣмъ курьера; изъ его кабинета приносятъ бланкъ паспорта. Стедингкъ спѣшно редактируетъ заявленіе и дипломатически приписываетъ: «отдавая полную справедливость великодушію» Павла, онъ обѣщается согласиться на исполненіе его проекта, если въ Финляндіи окажется безпорядокъ. Присутствующіе понимали, что нужно было дать Государю время успокоиться, и впослѣдствіи онъ самъ откажется отъ своего страннаго проекта, поэтому Стедингкъ совѣтовалъ королю отклонить предложеніе въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ.

*

На другой день шведскій посолъ представилъ вел. кн. Константину Павловичу свои соображенія о томъ, что въ Финляндіи нѣтъ опаснаго настроенія умовъ, и что Густавъ IV не нуждается въ содѣйствіи русскаго войска. Немного позже самъ Павелъ сознался Стедингку, что въ Финляндіи все спокойно, и что онъ напрасно погорячился [553]).

Отношенія къ Швеціи улучшились. Павелъ довѣрительно бесѣдовалъ съ Стедингкомъ, который приходилъ къ нему по тайной лѣстницѣ прямо въ кабинетъ; онъ осуждалъ свою Мать за расточительность, за расходы на фаворитовъ, толковалъ о французской революціи, австрійскомъ министерствѣ и т. п. 4—16 декабря 1801 г. между Россіей и Швеціей былъ заключенъ договоръ о взаимной помощи для огражденія свободы на морѣ. Къ договору примкнули Пруссія и Данія.

Во время переговоровъ, предшествовавшихъ договору, Густавъ IV посѣтилъ Петербургъ (въ ноябрѣ 1800 г.). Но этотъ пріѣздъ, вслѣдствіе несдержаннаго характера Павла, къ сближенію сѣверныхъ монарховъ не повелъ. Серьезныхъ причинъ къ раздраженію не было, но Павла даже мелочи выводили изъ равновѣсія. Замѣтивъ красныя шапочки на дѣвушкахъ балета въ Эрмитажѣ, Густавъ, не придавая никакого значенія своимъ словамъ, сказалъ: это шапочки якобинцевъ.—«Можетъ быть»—отвѣтилъ Павелъ, «онѣ существуютъ въ другихъ государствахъ, но у меня ихъ нѣтъ», и рѣзко повернулся къ нему спиной. На другой же день послѣ отъѣзда Густава, Государь послалъ къ нему Ростопчина просить орденъ Серафима для своего любимца гр. Кутайсова. Король отказалъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Кутайсовъ не имѣетъ Св. Андрея Первозваннаго. Это окончательно разсердило Павла, и онъ отнялъ у высокаго путешественника нашу свиту и придворную кухню. Король Швеціи вынужденъ былъ облечься въ полное инкогнито и только благодаря помощи одного пастора досталъ себѣ и сопровождавшимъ его лицамъ необходимое пропитаніе. Высокаго гостя встрѣтилъ на границѣ и проводилъ М. И. Голенищевъ-Кутузовъ. Король любилъ его военный талантъ и его занимательную бесѣду. При встрѣчѣ онъ обнялъ и поцѣловалъ его, при разставаніи осыпалъ его знаками своего благоволенія.

Съ декабря 1797 г. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ состоялъ инспекторомъ войскъ Финляндской инспекціи. Командовалъ онъ здѣсь войсками до 1799 г., когда отправленъ былъ въ Голландію.

Весной 1800 г. Бонапартъ перешелъ Альпы и одержалъ побѣду при Маренго.—Россія оставила неблагодарную Австрію. Бонапартъ воспользовался случаемъ, чтобы сблизиться съ Россіей. Павелъ выразилъ свое сочувствіе этой комбинаціи. Первый консулъ рѣшилъ освободить и возвратить, безъ всякаго размѣна, русскихъ плѣнныхъ. Государь принялъ это предложеніе и для пріема ихъ отправилъ въ Парижъ генерала Спренгтпортена, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника. Графъ Панинъ былъ крайне удивленъ, когда Императоръ Павелъ сообщилъ ему, что рѣшился послать Спренгтпортена. «Вы удивлены,—сказалъ Павелъ,—вы находите мой выборъ страннымъ, но мнѣ кажется, что поступаю весьма послѣдовательно, когда я посылаю измѣнника къ узурпатору».

Г. М. СПРЕНГТПОРТЕНЪ.

Въ октябрѣ 1800 г. Спренгтпортенъ выѣхалъ изъ Россіи въ Берлинъ, гдѣ поселился у русскаго посланника, барона Крюденера. Въ Берлинѣ онъ имѣлъ нескромность въ день рожденія шведскаго короля оставить свою карточку шведскому министру при прусскомъ дворѣ—Энгестрёму. На слѣдующій день онъ давалъ офиціальный балъ, на который пригласилъ русскаго посланника, съ просьбой, чтобы Крюденеръ взялъ съ собой всѣхъ находящихся въ Берлинѣ соотечественниковъ; однако онъ просилъ барона «пощадить его отъ непріятнаго посѣщенія Спренгтпортена». Крюденеръ отвѣтилъ, что онъ этого не можетъ сдѣлать, потому что «имѣетъ повелѣніе Государя вездѣ представить генерала». Спренгтпортенъ былъ настолько безтактенъ, что явился на балъ, на которомъ онъ, однако, оставался недолго: ф.-Энгестрёмъ «маневрировалъ» такъ, что Спренгтпортену не удавалось поговорить съ нимъ. Энгестрёмъ доложилъ объ этомъ Густаву IV Адольфу, который выразилъ высочайшее одобреніе его поступку.

«При такихъ предзнаменованіяхъ,—заключилъ одинъ французъ,—посольство Спренгтпортена должно имѣть успѣхъ, и оно, сверхъ его ожиданій, имѣло его». Бонапартъ принялъ его благо-

склонно и въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ высказалъ свое желаніе заключенія мира съ Императоромъ. Бонапартъ весьма лестно отозвался о личности Государя.

Это посольство было самымъ блестящимъ эпизодомъ въ жизни Спренгтпортена, и онъ вернулся изъ Парижа, осыпанный благоволеніями перваго консула [554]).

Сближеніе съ Франціей естественно грозило разрывомъ съ Англіей, а это, въ свою очередь, требовало обезпеченія себя со стороны Финляндіи, почему, по личному приказанію Имп. Павла I, дано было особенно важное порученіе генер. Александру Яковлевичу Рудзевичу по составленію описанія и укрѣпленію береговъ Финляндіи, на случай обороны противъ Англійскаго флота. Рудзевичъ проявилъ большія способности въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, почему ему еще ранѣе, въ 1796 г., поручена была топографическая съемка Финляндіи.

АЛЕКСАНДРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ РУДЗЕВИЧЪ.

Лично на себя Павелъ ничего лишняго не тратилъ. Онъ имѣлъ одну шинель, которая, въ зависимости отъ времени года, подшивалась то ватой, то мѣхомъ.—Многія злоупотребленія были имъ уничтожены. Вставалъ онъ въ пять часовъ утра и принимался за работу, избѣгая шумныхъ удовольствій.

Но почему же кругомъ слышались восклицанія: «ужасное время»! Совершился переворотъ столь рѣзкій, что его не поймутъ потомства!—На это были, къ сожалѣнію, большія основанія.

Онъ вращался въ крайностяхъ; перемѣны въ настроеніи были неожиданныя и рѣзкія. Съ бурной стремительностью онъ приводилъ въ исполненіе свои рѣшенія, чѣмъ объясняется, что въ теченіе четырехъ лѣтъ успѣлъ удалить со службы 7 фельдмаршаловъ, болѣе 300 генераловъ и свыше 2.000 штабъ-и оберъ-офицеровъ. Назначенія и увольненія съ должностей слѣдовали такъ

быстро, что газеты едва успѣвали объявлять ихъ. Служить стало невыносимо. На плацпарады шли какъ на лобное мѣсто. Изъ 132 офицеровъ коннаго полка къ концу царствованія осталось лишь два. Все кишѣло доносами. Люди боялись своей тѣни. «Завтра у Павла I логически не вытекало изъ сегодня». Все проявлялось болѣзненно, экзальтированно. Все вызывало изумленіе и показывало, что въ дѣйствіяхъ преобладали нервы, капризъ и разстроенная фантазія. Все это крайне тяжело отражалось на окружающихъ и вызывало изумленіе Европы. Внутреннее равновѣсіе, душевная устойчивость въ Государѣ были нарушены. Честная и возвышенная въ своей основѣ душа была затемнѣна. «Къ неизъяснимому удивленію Россіянъ,—писалъ Н. М. Карамзинъ,—Павелъ I началъ господствовать ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды прелесть; унизилъ чины и ленты . . . . отвратилъ дворянъ отъ военной службы; презирая душу, уважалъ шляпы . . . . ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ, а соорудилъ гробницу».

Роковымъ образомъ создалось это самое «трепетное царствованіе». Ласки матери онъ не зналъ. Екатерина не любила сына. Лица, желавшія быть пріятными Императрицѣ, конечно, не щадили Великаго Князя. Она никогда не относилась къ нему, какъ мать; онъ же всегда оставался передъ нею почтительнымъ и покорнымъ сыномъ.—«Его всегда выставляли за ужаснаго человѣка», какъ онъ самъ пояснилъ шведскому послу Стедингку. Опальные гатчинскіе мундиры не смѣли показываться на Петербургскихъ улицахъ. Первая его супруга—Наталья Алексѣевна—ему измѣнила. Царствуя и повелѣвая, онъ узналъ, что тронъ его въ опасности, и этотъ страхъ помутилъ его разумъ. Дворяне не были довольны требованіями новаго царствованія. Чиновники, запятнавшіе свои руки лихоимствомъ, съ адскою ловкостью вели свою интригу и распространяли ядъ клеветы. Не была безупречна и окружавшая его придворная среда. Генералъ-губернаторъ Архаровъ, вмѣсто разумнаго исполненія государевыхъ повелѣній, извращалъ ихъ непріятными дополненіями. Гнуснѣйшимъ же предателемъ оказался «ливонскій визирь» гр. Паленъ.

Перомъ гр. С. Р. Воронцова изображена (5 февр. 1801 г.) слѣдующая прозрачная картина. Корабль въ морѣ. Подымается

Памятникъ Павлу I въ Гатчинѣ.

сильная буря. Пассажиры, страдая сильной морской болѣзнью, прикованы къ постели. Они узнаютъ при этомъ, что капитанъ сошелъ съ ума, бьетъ экипажъ, но люди не осмѣливаются противиться его выходкамъ, хотя ненормальность начальника для нихъ очевидна, ибо онъ бросилъ уже одного матроса въ море, а другого убилъ. Кораблю грозитъ гибель. Имѣется, однако, надежда на спасеніе: помощникъ капитана—молодой, кроткій и разсудительный человѣкъ; экипажъ питаетъ къ нему довѣріе. Пассажиры заклинаютъ молодого капитана и матросовъ спасти корабль, указывая, что имъ смѣшно бояться одного человѣка, который въ своемъ сумасшествіи потопитъ всѣхъ . . . . [555])

Въ ужасную ночь съ 11 на 12 марта 1801 г. «несчастнаго безумца» не стало . . . [556])

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

XX, № 290—1788 г. Госуд. Архивъ. Въ Финляндской арміи подъ командою господина генерала аншефа и кавалера графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина.

Генералъ-поручики.	Генералъ-маіоры.	Войска.	Гдѣ находятся.
		Конные:	
Апполонъ Волковъ.	Петръ Волковъ въ отпуску.	Ямбургскій карабинерный.	Въ Новой Ладогѣ.
Василій Левашовъ въ отпуску.	Кноррингъ.	Псковскій драгунскій съ гусарскими эскадронами.	Полкъ расположенъ въ Ямбургѣ, а эскадроны гусарскіе около Петербурга.
Пумсенъ.	Спренгтпортенъ за раною въ отпуску.		
		Пѣхотные:	
	Фекъ въ отпуску.	Лейбъ - гренадерскій	Оба сіи полка будущею весною возвратятся въ Финляндію.
	Берхманъ.	Мушкатерскія.	
	Шульцъ.	Муромскій.	Всѣ сіи полки, какъ и лейбъ-гренадерскій находятся въ Финляндіи, изъ коихъ Навагинскій, Кексгольмскій, Тенгинскій и Елецкій назначены быть будущею кампаніею на галерахъ.
	Боуверъ.	Великолуцкій.	
	Раутенфельдъ.	Тобольскій.	
	Денисовъ.	Невскій.	
	При особой части войскъ Игнатій Уваловъ.	Псковскій.	
		Навагинскій.	
		Каревской.	
		Кексгольмскій.	
		Тенгинскій.	
		Рязанскій, Выборгскій, Елецкій, Бѣлозерскій, Егерскій корпусъ, Финляндскій.	Всѣ 4 баталіона находятся въ Финляндіи.

2-го и 3-го батальона два донскихъ казачьихъ полка. Три полка башкиръ. Лейбъ-казачья команда. Полкъ казачій изъ ямщиковъ.	Эстляндскаго егерскаго корпуса и назначены будущею весною быть на галерахъ.
Три батальона морскихъ.	Въ Финляндіи и назначены быть также на галерахъ.
Полевой артиллеріи 63 орудія съ принадлежащимъ числомъ артиллерійскихъ служителей.	Въ Финляндіи.
Въ особой части.	
Казаки губерніи Олонецкой. Команды конныхъ егерей.	Въ Олонецкой губерніи.

Во всей означенной арміи, какъ на сухомъ пути, такъ и на галерахъ, кромѣ гвардейскихъ батальоновъ, морскихъ батальоновъ на галерахъ же бывшихъ и казачьихъ полковъ въ 1-мъ карабинерномъ, 1-мъ драгунскомъ, 1-мъ гренадерскомъ, 13-ти мушкатерскихъ полкахъ и въ 6-ти егерскихъ батальонахъ и при полевой артиллеріи.

Съ начала 1789 года кампаніи состояло	43.979 чел.
Въ продолженіе оной убито на сраженіи и безвѣстно пропало	982 »
Отъ ранъ померло	191 »
За увѣчностью сдѣлались къ службѣ не способными	85 »
Отъ разныхъ болѣзней померло	1.728 »
Бѣжало	470 »
Итого	3.456 чел.

Затѣмъ теперь на лицо состоитъ:

Здоровыхъ	33.434 чел.
Больныхъ	3.566 »
Въ отлучкахъ	3.721 »
Итого	40.721 чел.

Къ тому требуется въ добавку . . . . . 5.106 чел.

Сверхъ того находится иррегулярныхъ войскъ нижеслѣдующее число, а именно:

Донскихъ два полка по 500 каждый	1.000 чел.
Лейбъ-казачья команда	200 »
Изъ ямщиковъ казачій полкъ	1.000 »
Башкиръ 3 полка по 500 каждый	1.500 »

Коликое же число людей во время кампаніи изъ оныхъ убыло, по неполученію еще отъ нихъ рапортовъ неизвѣстно, такъ какъ и о числѣ войскъ въ Олонецкой губерніи расположенныхъ и о убыли ихъ.

Сверхъ упоминаемыхъ выше войскъ, составляющихъ финляндскую армію, состоятъ еще въ разныхъ частяхъ здѣшняго края слѣдующіе полки, изъ коихъ когда будущею кампаніею назначается изъяснено:

Полки:

Софійскій пѣхотный Эстлянд. егерск. корп. 4-й батальонъ Нашсбургскій пѣхотный	Въ СПБ., гдѣ полкъ имѣетъ остаться, батальонъ же егерскій назнач. будущ. кампаніею быть на кораб. флотѣ въ Ригѣ.

Карабинерные:

Московскій	Въ Эстляндіи	Гдѣ имѣютъ остаться.
Ингерманландскій	Въ Лифляндіи	
Эстляндскаго егерск. корпуса 1-й батальонъ.	Въ Ревелѣ и для будущей кампаніи назн. б. на корабел. флотѣ.	

Пѣхотные:

Курскій Козловскій Рижскій карабинерный	Въ Бѣлоруссіи.

Кирасирскіе:

Наслѣдниковъ	Въ Гатчинѣ.
Казанскій	Въ Старой Руссѣ.

Салтыковъ.

Изъ брошюры: „Слава русскихъ и горе шведовъ". Она принадлежитъ перу Александра Ив. Дмитріева (см. Геннадій, 39 стр.). Напечатана въ С.-Петербургѣ въ 1790 г.; въ ней воспѣвается побѣда принца Нассау-Зигена.

Младые воины, подпора Росска трона, отечества хвала! Вы! которыхъ сердца толикожъ чувствительны, какъ и славолюбивы! Вы стремясь собирать мирты и лавры, служите любви и защищаете отечество: при жертвенникѣ прекраснаго сына Латоны, Муза моя полагаетъ вамъ вѣнецъ, сплетенный изъ тѣхъ лавровъ, которые вы собрали на поляхъ Беллоны, и коими слава не возгордя душъ, увѣнчало чело ваше.... Едино почтеніе къ вашимъ подвигамъ ободряетъ мою лиру, каждая строка есть дань, платимая моимъ сердцемъ.....

Подобно сему къ вящимъ еще вѣроломствомъ, завистію терзаемый шведъ, въ то время, когда Екатерина отвратила отъ него свои громы, незапно вторгается въ предѣлы наши.

Уже Густавъ успѣлъ вдохнуть свою злобу въ сердца народовъ, скиптру его подвластныхъ, и знамена его возвѣвались на берегахъ финскихъ.

Лишь только гласъ Ея простерся, сердца Россіянъ воскипѣли: бросаютъ нѣгу, дворъ, текутъ на поле брани.

Лира съ мечемъ и война съ науками чрезъ счастливое искусство совокупляются.

Воины! имена ваши для Парнаса толикожъ тяжки, какъ руки ваши для шведовъ.

Искавъ славы, онъ нашелъ Екатерину, принялъ ее за оную, и спѣшилъ за нее отмстить. Отъ столповъ Иракловыхъ до каменистыхъ бреговъ Балтійскихъ; отъ моря Чернаго до знойныхъ пустынь Африканскихъ, слава его распространилась и Нептунъ подвигамъ его удивлялся... Онъ идетъ противу васъ:..... трепещите Шведы.

Россіяне! спѣшите, слава на водахъ васъ ожидаетъ.

Увы! свершилось: страшный знакъ битвы возгремѣлъ, возблистала молнія, расторглись воздушныя полости, и раздались ужасные громы. Убійственные шары подобно граду на суда летали.

Коль ужасны битвы морскія! Повсюду смерть длани свои распространяетъ: желѣзо, огнь, брегъ, вода, все тутъ ее представляетъ: воинъ погибаетъ въ безднѣ, едва она ему коснется.... Путешественникъ не узритъ его гробницы.... кости его на вѣки поглощены пучиною.

Нассау среди оной страшной бури, носящейся надъ его главою, покоенъ: подобно Марсу ободряетъ и укрѣпляетъ своихъ воиновъ. О Екатерина! въ сіи страшныя минуты обрати взоръ свой на сражающихся!

Жестокосердые Шведы! вы нарушаете самые законы чести.

Кто приводитъ васъ въ заблужденіе, о храбрые Скандинавы! уже нѣтъ болѣе вашихъ Карловъ и древнихъ Густавовъ; прошли времена для васъ счастливыя, въ которыхъ, сражаясь съ народомъ, еще непросвѣщеннымъ, вы мужеству его противополагали искусство.

Разрушайте мачты, рубите канаты, дерзайте пройти страшные проходы; послѣдуйте за Нассау, и побѣда останется при васъ.

Съ высоты кремнистой горы, покровительствующей брегу, самъ Густавъ, видѣлъ бѣгущія суда свои, преданныя пламени и сокрушенію, и въ безднахъ морскихъ потопляемыя. Коль плачевное позорище для Государя горестію терзающагося! преда его очами воинство его разбито, онъ видитъ море невмѣщающее въ себѣ труповъ; брызги крови подданныхъ досягаютъ до него. Любочестіе, чудовище терзающее смертныхъ, слава, величіе, суетные призраки! какое множество крови обагряетъ ваши жертвенники! количихъ слезъ вы стоите человѣкамъ!...

Спѣшите преслѣдовать Густава.... Счастливые побѣдители! вы видѣли бѣгуща отъ васъ короля.

Бѣги горделивый Государь, оставь навсегда сію область. Тебя обольстили; оплачь падшую свою славу и несовершившіяся намѣренія.

А вы, воины, отмстители Россіи! придите свершить желаніе своего отечества:

Сама Екатерина срѣтаетъ васъ торжественно, и священныя ея руки соплетаютъ вамъ вѣнцы.... вѣнцы, достойные увѣнчать чело безсмертныхъ.

I. Extrait d'un Projet pour une forme de gouvernement de la Finlande.

§ 1.

Les états auront le plus grand soin de tenir la Réligion Lutherienne respecté dans le pays; d'autres professions de foi ne pourront pas y avoir une culte publique; mais personne sera persecuté á cause de sa réligion. Tous les habitants de quelque réligion qui'ils peut-être, seront également sous la protection de l'état.

§ 2.

Pour ce qui regarde les loix civiles et criminelles etc., les juges et les cours de justice de la Republique auront à suivre ponctuellement celles qui ont été établis pour la Suède á la Diète de 1734 jusqu'à ce la Republique trouvera bon d'y foire des changements convenables.

§ 3.

La nation finnoise sera gouvèrné par des deputés des 4 états de la Republique. Chaque province y maintiendra deux nobles proprietaires et deux (odalmän) ou personnes qui ne sont pas nobles. Chaque ville deputera un bourgeois, et l'état éclesiastique sera representé dans le corps de la régence par leur éveque, qui aura séance dans l'assemblé. Ces dignités [1]) ni pourront être changé que dans le temps des diétes.

§ 4.

Quoique les paysans formeront un état, ils ne pourront avoir place parmi les deputés. Les affaires qui s'y traitent, étant au dessus de leurs

[1]) Вѣроятно: *deputés.*

capacités; mais ils seront representé par les odalmän, qu' ils pourront choisir eux mêmes dans leurs assemblées Provinciales.

§ 5.

Chaque 4:e année il y aura une Diète qui sera fixé par les deputés au temps de l'année qu'ils trouveront le plus commode. La noblesse s'y assemblera en corps et chacun des autres états dans leurs lieu d'Assemblée. Les deputés seront obligé de rendre aux états assemblés compte de leur administration entre chaque Diète; et les états auront le droit d'approuver ou de changer leurs resolutions selon les circonstances. A la fin de chaque diète on fera une nouvelle éléction de Deputés. Mais si la Province ou les villes veulent continuer leur confiance, les deputés pourront rester en place tant que cette confiance existe.

§ 6.

Les deputés, dont le corps prendra le nom de *Congrès de la Republique de Finlande* auront entre les diètes un pouvoir illimité á resoudre et à faire tout ce qu'ils trouveront utile au bonheur de la nation et de l'état; mais ils n'auront pas le pouvoir d'établir des contributions. Dans de tels cas et si l'affaire est trop pressante pour exiger une loix avant la Diète prochaine ils pourront deliberer et remettre l'affaire á la décision des Provinces qui donneront là dessus leurs avis ad interims; et l'affaire sera regardé comme loix jusqu' à la Diéte prochaine.

§ 7.

Chaque province et ville a le droit d'envoyer au congrès un ou deux membres extraordinaire outre les deputés ordinaires pour assister aux deliberations; mais ils n'y auront aucune voix.

§ 8.

Il y aura toujours un des deputés au congrès qui presidera. Il sera élu par les autres au pluralité des voix. Pendant le temps de la Présidence il jouira comme representant le souverainité de l'ètat de toutes les honneurs convenus.

§ 9.

Il y aura un *Conseil d'Etat* pour faciliter les affaires d'administration, le quel sera formé d'un *President d' Etat* de *6 Conseillers* et de *deux Secretaire d'Etat*. Le conseil aura le pouvoir executif. Il examinera toutes les affaires, qui seront remises à la décision du congrès. Toutes les ordonances du congrès dans toutes les parties de l'administration seront envoyé au Conseil d'état qui repond de l'execution. Le conseil d'Etat aura aussi l'Inspection immédiate sur toutes les affaires tant etrangères qu' intérieures. Par le President d'Etat il traite avec les ministres des autres Puissances, mais il ne peut rien conclure sans l'agrement du congrès. Les membres de ce conseil conserveront toujours leurs employs. Un des secretaires d'état est pour les affaires etrangères et l'autre pour les affaires intérieurs de la Republique.

§ 10.

Le Feldtmarechal de la Republique aura de commendement de l'armée et les détails de toutes les affaires militaires. Il sera élu par le congrès. Il présentera au congrès la nomination des Places jusqu'au Lieutenant-Colonel inclusivement, mais au dessus de cette dignité le congrès seul remplacera les vacances suivant les mérites d'un chacun des officiers qui determinera le congrès dans la nomination qu'il fera. Le Feldmarechal ne peut pas faire marcher la milice ni augmenter ou diminuer la garnizon ni commencer des nouvelles fortifications etc. sans l'agrement et l'approbation du congrès. Il aura place dans le conseil d'état, mais il n'a point de voix dans les resolutions.

§ 11.

Il appartient au conseil d'Etat de proposer pour les places suivantes: savoir: pour celle de l'Archevéque, de Président des Finances, du Chancelier, des Evêques, des Président [1]) des Cours de Justice, des Ministres, des Résidents, des chargés d'affaire, des Consuls etc. Les cours de justice proposeront les places d'assesseurs et des Conseillers et en un mot pour toutes les places grandes ou petites qui sont de leur dependance. Les consistoires proposeront pour toutes les dignités de l'état ecclesiastique, hormis pour le militaire qui seront sous dependance des colonels comme ci-devant. Les gouverneurs de provinces proposeront pour toutes les places dependant de leurs gouvernements; et chacun aura grand soin de suivre avec le plus éxtante [2]) équité le mérite de chaque sujet. Tout accord, achat ou vente ci-devant en usage sera sevèrement deffendu et aboli pour jamais comme la chose la plus pernicieuse pour le bien de l'état.

§ 12.

L'Archevêque qui sera le chef de l'église de la Republique des Provinces unies de la Finlande aura place dans le conssil d'état, mais sa voix ne sera pas compté.

§ 13.

Le Président de l'Etat a aussi place dans le conseil d'état et 'sa voix: déliberation [3]).

§ 14.

Le Chancelier de la Republique est chef de la Justice, il aura dans le conseil d'état la même consideration.

§ 16.

Le General Intendant sera nommé par le congrès pour avoir une Inspection particulière de la caisse de guerre, des magazins, des ammunitions

[1]) Вѣроятно: *Présidents.*
[2]) Можетъ быть *exacte?*
[3]) Вѣроятно: *la voix déliberative.*

et des munitions de tout espèce. Il sera appelé au Conseil d'etat chaque fois que ces [1]) devoirs le demande et aura dans cette conseil la voix déliberative.

§ 17.

Il y aura dans la Republique une liberté entière de presse et d'écriture; étant seulement défendu dans les écrits publiques d'attaquer la Religion et les bonnes moeurs.

§ 18.

Le congrès doit faire usage de tous les moyens publiques pour augmenter la population de pays, pour étendre la commerce et faire fleurir les arts et l'industrie et pour attirer des étrangers de merite à s'y fixer.

§ 19.

Dans le cas d'une guerre (que la Republique espère toujours de pouvoir éviter pour [2]) la bonne harmonie quelle cherchera toujours à entretenir avec les voisins et par la superiorité ou [3]) elle se mettra par sa force et ses bonnes dispositions vis-à-vis la nation dont elle a brisé le joug, qui la tenait dans l'abattement) alors les affaires demanderont une execution plus prompte et plus vigureuses que le permette les déliberations du congrès, souvent trop peu instruit des moyens propres à servir la cause de l'état,—les deputés de la Nation conviendront de se donner à la manière Romaine un chef Militaire, qui aura pleine authorité du congrès à agir suivant les circonstances. Et ils placeront cette confiance dans le general qui commende déja l'armée, si son âge le permet, ou ils se donneroit à celui qu'ils conviendront de choisir pour occuper cette poste. Toutes les operations seront alors soumis à sa direction selon le plan de guerre, qu'on se propose.

§ 20.

Suivant ce qui a été précrit dans les Articles précédentes pour determiner autant possible tout ce qui peut contribuer au forme de gouvernement juste et libre on aura vû que:

1. L'authorité suprême et législative réside dans la nation dont les deputés ci dessus précrites répresentent l'existence.

2. Que le corps de ces deputés qui forme le congrès ne répresente que le pouvoir executive, dont ils sont les dépositaires suivant les loix primitives et fondamentales fixées par la nation elle même, aux quelles rien ne peut être changé.

3. Que le Conseil d'Etat est une cour de pur regenge [4]) subordonnée au congrès, établie pour distribuer et pour reprendre plus en detail les

---

[1]) Вѣроятно: *ses*.
[2]) Вѣроятно: *par*.
[3]) Вѣроятно: *où*.
[4]) regence.

affaires de l'administration. Cette cour ne peut par conséquence posseder d'authorité qu'autant que le congrès leur en communiquera, soit pour la déliberation soit pour l'execution des affaires.

4. Le congrès sera donc le corps toujours existante de la Puissance Souveraine de la Republique, au quel toute affaire quelconque sera soumis, exepte de faire la guerre et la Paix et de contribuer les citoyens, ce qui seul appartient à l'authorité de la Nation.

Les Articles suivantes regardent les vacances du congrès et des autrés cours d'administration: le traitement des membres du congrès, la banque, la monnaie, des finances etc. etc.

Tout ce qui rapport aux Assemblées provinciales, aux Diètes etc. etc. sera statué et précrit dans les reglements pour les Diètes que le temps ne permet pas de translater dans ce moment.

Этотъ проектъ составленъ Г. М. Спренгтпортеномъ и былъ показанъ С. Колычеву и А. Моркову. Проектъ находится въ статсъ-архивѣ въ Гельсингфорсѣ и впервые напечатанъ К. К. Тигерстедтомъ въ Abo Lycei Program 1880—1881 г.г.

Финляндія середины XVIII ст. въ цифрахъ.

Шведское королевство состоитъ изъ пяти большихъ провинцій и административ. вѣдомство изъ четырехъ гофгерихтовъ Hofrätter.	Наименованіе губерній.	Число городовъ въ различныхъ губерніяхъ.	Эпархіи Архіепископовъ, Епископовъ; университеты.	Число лагманскихъ округовъ (Lagmansdömmen).	Число герадсгевдинговъ (Häradshöfdingar).	Таблица расположенія гейматовъ (Skatte-Krono-Frälse-hemmans), составленная по земельнымъ книгамъ (Jordeböckerna) 1772 г.													Исчисленіе по степени народонаселенія жителей по спискамъ приходовъ.		Излишекъ хлѣба для продажи въ смежныя губерніи.
						Шкатовые гейматы Skattehemmans.			Казенные гейматы. Kronohemmans.				Фрельзовые гейматы. Frälsehemmans.					Общая сумма всѣхъ гейматовъ какъ Skatte-Krono, такъ и Frälsehemman.			
						Herregårdar.	Крестьянскіе гейматы, Bondehemman.	Сумма различныхъ шкаттегейматовъ.	Kongsgårdar (королевскіе дворы).	Пасторскіе дворы. Prästegårdar	Крестьянскіе дворы (Bondegårdar).	Сумма всѣхъ казен. гейматовъ (Kronohemman).	Сетереи. (Säterier).	Ro och Rörshemman.	Strögods.	Skatte-Frälse.	Сумма всѣхъ фрельзегейматовъ.		1754 г. Ames.	1769 г. Ames.	
Финляндія, ея гофгерихты или высшіе суды находятся въ Або и въ Вазѣ, имъ подчинены 15 областныхъ судовъ подъ тремя сенемальствами (вѣдомства, суды).	Або, Біернеборгъ и Аландъ (Або)	5	Або, университетъ.	1	2	—	2.044	2.044	45	28	3.043	3.116	129	13	500	—	642	5.802	139.381	164.008	45.000
	Нюландія и Тавастгусъ .	5	Борго.	½	6	—	1.292	1.292	—	35	1.698	1.733	159	11	332	—	502	3.527	110.141	131.113	
	Кюменьгордъ (Heinola kapell)	—	—	—	3	—	623	623	—	25	939	964	42	27	83	—	152	1.739	111.604	138.712	
	Саволаксъ, Каянеборгъ, Карелія, Куопіо		—	½	—																
	Ваза . . . . . . (Ваза).	8	—	(1)	—	—	2.191	2.191	4	34	508	546	—	—	—	—	—	2.737	92.780	119.870	
	Эстерботнія и Кусамо (Улео)		—	(1)	4																

Mémoires Royaume de Suède
Tome Second
J. G. C.

ПРИМѢЧАНІЯ

I глава. Екатерина II. Окраины.

Общій указатель русской литературы по Финляндіи времени Екатерины II и Павла I см. «Финляндія въ русской печати» М. Бородкина. СПБ. 1902 г.

1. Рус. Арх. 1910, дек., 588—591.

2. Осмнадцатый вѣкъ. Сборн., кн. IV, стр. 216 и слѣд.

3. В. С. Иконниковъ. Значеніе царствованія Екатерины II; Кіевъ. 1897 г., стр. 16.

4. Журн. Мин. Народн. Просв. 1894, мартъ.

5. В. Бильбасовъ. Историч. Монографія. IV, 42—43.

В. С. Иконниковъ, стр. 11.

6. Въ запискахъ умнаго и наблюдательнаго du chevalier de Corberon'a (1775—1780) имѣются замѣчанія, которыя, кажется, рисуютъ истинное положеніе дѣла въ царствованіе Екатерины II.

«Недостаточно имѣть солдатъ и богатство, надо имѣть государственныхъ людей; надобно, чтобы было національное единеніе для процвѣтанія добродѣтелей, нравовъ, искусствъ и наукъ . . . . Въ этомъ громадномъ государствѣ я вижу только Государыню, женщину выше своего пола, но ниже созданнаго о ней мнѣнія; министры слабы, низкопоклонны, безъ генія, народъ—безъ характера . . . . Пустая, праздная и необразованная молодежь не даетъ надежды на полезныхъ и цѣнныхъ подданныхъ въ будущемъ. Нѣсколько проблесковъ ума, нѣсколько поверхностныхъ знаній могутъ поразить иностранца въ обществѣ, бѣгло его посѣщающемъ, но при близкомъ знакомствѣ вы не остановитесь ни на одной чертѣ силы и генія, ни на одномъ рѣшительномъ дѣйствіи, ни на одномъ твердо установленномъ вкусѣ, ни на одномъ опредѣленномъ и послѣдовательномъ поступкѣ: это люди (какъ сказалъ бы гр. Нессельроде) съ прекрасными воротничками и безъ рубашки . . . . Существуетъ академія, но нѣтъ таланта въ головахъ, нѣтъ крѣпкихъ началъ для основы . . . . Вотъ, мой другъ, какова эта блестящая нація, изумительная по газетамъ и такая бѣдная, какъ только вы видите ее у себя дома . . . . Она несомнѣнно богата пространствомъ, населеніемъ, качествомъ рудъ, свойствомъ земли, если бы только она не хотѣла казаться старше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, и не восприняла бы разнузданную и суетную роскошь, которая погубитъ ее еще вѣрнѣе тѣмъ, что сама не умѣетъ производить предметы этой ненасытной роскоши, которая, развращая ее, дѣлаетъ ее, мимо ея воли, данницею чужихъ націй» (1777 г.).

«Расшитыхъ платьевъ и роскошныхъ экипажей здѣсь множество, но подъ всѣмъ этимъ скрывается варварство».

7. Д. В. Милютинъ. Война 1799 г. между Россіей и Франціей въ царствованіе Павла I.

8. Въ Эрмитажѣ давали пьесу «Médecin par occasion». «Случайный докторъ». Въ ней между прочимъ рѣчь идетъ о влюбленныхъ женщинахъ. Артистъ произнесъ: «Что женщина въ тридцать лѣтъ можетъ быть влюбленною, пусть! Но въ шестьдесятъ! Это не терпимо!» Въ ту-же минуту Екатерина встала и ушла, сказавъ: «Эта вещь глупа, скучна». Пьесу прервали, спектакль прекратился.

Ея страсть влекла къ слабостямъ, непозволительнымъ для властелина.

Въ «Чистосердечной исповѣди» она писала: «ну, господинъ богатырь (Потемкинъ), могу-ли я надѣяться получить отпущеніе грѣховъ? . . . . Перваго по неволѣ, да четвертаго изъ дешпераціи . . . . А

если-бъ я въ участь получила съ молода мужа, котораго-бы любить могла, я-бы вѣчно къ нему не перемѣнилась. Бѣда та, что сердце мое не хочетъ быть ни на часъ охотно безъ любви. Въ своихъ Запискахъ она прибавила: «Человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; онъ не можетъ по произволу сжимать его въ кулакъ и потомъ опять давать свободу».

«Фаворитизмъ стоилъ России колоссальныхъ денегъ». Рус. Арх. 1911 г., 2, I, 108.

9. А. С. Пушкинъ. Полн. Собр., редакція П. О. Морозова, т. V, 11—12.

«Съ своими широкими замыслами и лучшими намѣреніями Екатерина II губила страну нравами, разоряла ее тратами и кончила тѣмъ, что о ней теперь судятъ какъ о женщинѣ слабой и романтичной». Записки Корберона, Рус. Арх. 1911, VI, стр. 195.

10. Ж. М. Н. Пр. 1912, № 1, стр. 50—51. О. Корниловичъ.

11. Храповицкій, стр. 304, 337, 364, 370, 375—Рус. Стар. 1887, май, 597. Статья проф. А. Брикнера.

12. Рамбо. Рус. Арх. 1877, № 7.

13. Герценъ, т. V, 279.

14. В. С. Иконниковъ, стр. 9.

15. А. Пушкинъ т. V, 2, изд. Морозова.

16. Записки о моей жизни Н. И. Греча, СПБ., 1886 г., стр. 105.

17. Владиміръ Григорьевъ. Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. СПБ. 1910.

18. Профессоръ А. Н. Филипповъ. Депутаты Екатерининской Коммисіи. СПБ. 1910 г. стр. 53.

19. П. Милюковъ. Очерки по исторіи рус. Культуры, ч. III, в. 2, стр. 264.

20. А. Кизеветтеръ. Историч. очерки, М. 1912, стр. 209—268, 275 и др.

21. Сбор. Импер. Историческ. Общ., томъ 68, стр. 85—94.

22. Осмнадцатый вѣкъ, кн. III, 238.

23. Чтеніе въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ при Москов. унив., кн. I, 1858 г., Смѣсь.

24. Исторія Правит. Сената за двѣсти лѣтъ, т. II, 388, 441, 617, 731.

II глава. Густавъ III. Форма Правленія 1772 г.

25. C. G. Malmström. 1772 års hist., s. 341 и слѣд.

26. G. Rein, Kriget i Finland, I, 14.

27. С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древн. вр. Изд. Т-во Общ. Польза VI, 882.

28. Sveriges Politiska Historia under Konung Gustaf III-s regering. Af. C. T. Odhner. Tredje delen. Första häftet. 1787—1788. Stockholm. 1905, стр. 69, 92, 110, 120 и 129.

29. Проф. Э. П. Берендтсъ. Хозяйство Швеціи, I, 736.

30. Сб. И. Р. И. Общ. XXIII, 470, Русск. Стар. 1893, апр. 11.

31. Проф. А. Брикнеръ. Война Россіи съ Шв., стр. 15, 16 и 24.

32. С. Т. Odner, I, 173 и 176.

33. С. М. Соловьевъ VI, 886—888.

34. С. Odhner, I, 182, 202, 205, 224.

35. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., XXVII, 23.

36. Арх. кн. Вяземскаго.

37. Семейство Разумовскихъ. Соч. А. А. Васильчикова, III, 87.

38. Проф. Э. Берендтсъ, 681, Однеръ, 309.

39. «Oma maa».

40. C. Odhner, I, 331.

41. C. Odhner, III, стр. 162.

42. C. Odhner, I, 332—333, 335, 396—397.

43. Сб. И. Р. И. Об. XXVII, 132.

44. «Рус. Арх.» 1911, № 6, стр. 174, Корберонъ.

45. Истор. Вѣстн. 1912 г., май, 681 стр. См. «La Fin d'une dynastie» par O. G. de Heidenstam. Paris, 1911.

46. Журн. Мин. Внутрен. Дѣлъ 1838 г., № 10, 101—107. Статья П. Г. Буткова, по бумагамъ архива Выборгскаго Магистрата и опросу старожиловъ.

47. С. И. Р. И. Об. XXVII, 261.

48. «Рус. Стар.» 1876, май, 40; Я. К. Гротъ, Его труды, т. IV, 240.

49. Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1838, № 10.

50. Труды Як. Грота, т. V, стр. 242.

51. «Рус. Стар.» 1873 г., стр. 657, ноябрь.

52. Фридрихсгамъ, 18 іюня 1783 г., «Рус. Стар.» 1873, ноябрь, стр. 654.

53. В. А. Бильбасовъ. Историч. Монографіи, IV, 245.

54. «Рус. Стар.» 1876, май, стр. 44.

55. C. Odhner, II, 249—250.

56. Фридрихсгамъ, 20 іюня, 1783. «Рус. Стар.» 1873, ноябрь, стр. 657.

57. Труды Я. Грота, т. V, 245.

58. Труды Як. Грота, т. V, 250. Проф. А. Брикнеръ «Война со Швеціей» 1788—1790 г., стр. 26.

III глава. Финляндія XVIII в.

59. Hirn. Förh. o. upps, 166, а также, «Oma maa».

60. Wilh. Lagus. Брошюра: Två franska emigranter i Finland.

61. M. G. Schybergson, Henr. Gabr. Porthan. Senare delen. 201—202. Когда Портанъ находился въ Улеоборгѣ, послѣдовало запрещеніе пить кофе. Мимоходомъ Портанъ шутя разсказываетъ, что въ домѣ губернатора всѣ дамы послѣ обѣда заснули за отсутствіемъ живительнаго напитка. «Вездѣ, гдѣ я проѣзжалъ, дамы жаловались на запретъ кофе; втихомолку всѣ утѣшали себя этимъ напиткомъ». Какъ извѣстно, запретъ кофе не могъ быть на практикѣ осуществленъ.

62. Gustaf Cygnaeus, K. Finska Hushållningssällskapet 1797—1897. sid. 11.

63. G. Cygneus — Finska Hushållningssällskapet.

64. I. К. Лангъ. Промысловое право Вел. Кн. Финляндскаго. Переводъ Э. Н. Берендтса. Ярославль, 1905, стр. 169.

65. Проф. Берендтсъ. Лекціи по администр. праву В. К. Фин. т. I, стр. 245 и др.

66. Проф. Г .К. Лангъ. Промысловое право В. К. Финляндскаго. Переводъ Э. Н. Берендтса. Ярославль, 1905 г., стр. 268—269.

67. En ämbetsberättelse af landshöfding A. I. Nordenskiöld. Lovisa den 21 Augustii 1753.

68. C. Gjörvell, «Arkisto» IX, 1886, 5, 64—65.

69. C. Gjörvell, «Arkisto», IX, 1887, s. 67.

70. Schybergson. H. G. Porthan. Senare delen, VIII+574 s. H-fors, 1911.

71. W. Lagus. Minnest. ö. Lönnrot, s. 21.

72. Письмо Портана къ Лидену (Lidèn), цитированное Шюбергсономъ, II, 455; ср. письмо къ Розенштейну, II, s. 273 (Hbl. № 321, 1911).

73. Schybergson, M. 453, 454.

74. E. S. Tigerstedt. Haapaniemi krigsskola.

75. Тамъ-же.

76. Oma maa, а также Koskinen. Finlands. hist. стр. 568.

77. Förh. o. Upps., 19, 1905. См. статью K. G. Leinberg—Bidrag till Frimureriets i Finland historia. Согласно Судебной книги Гельсингф. Ратгаузскаго суда за 1762 г., стр. 579—581.

78. Mörne. «Ateneum», h. II, 1900, s. 114, жители Финляндіи въ общей массѣ оставались лояльными подданными, хотя и замѣчалось иногда среди нихъ неудовольствіе распоряженіями правительства, и кое когда отдѣльныя лица даже запятнали себя измѣнническими замыслами. Главный городъ края—Або и его университетъ въ теченіе XVIII ст. постоянно заявлялъ о своей вѣрноподданнической преданности въ Королевскіе торжественные дни, и особенно въ царствованіе Густава III.

G. Cygnaeus. K. Fin. Hush. s. 1797—1897, s. 89.

IV. Разрывъ.

79. Rein. Kriget i Finland 1788—1790; I, 317.

80. Арх. кн. Вяземскаго, 1881.

81. «Рус. Бесѣда», 1857.

82. Odhner: «Gustaf III besök i Köpenhamn 1787», i Historisk Tidskrift 1881, s. 162. (S. I. Boethius, 2).

83. Григоровичъ, гр. А. А. Безбородко, т. II, стр. 1.

84. S. I. Boethius. Orsak till Gust. III krig med Russl., стр. 4.

85. Mémoires posthumes. Stedingk., T. I, 1845.

86. C. Odhner, III, ст. 10.

87. C. Odhner, III, стр. 36.

88. Рус. Стар. 1893, іюль, стр. 21.

89. C. Odhner, III, стр. 27.

90. А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, III, 82—83.

91. Рус. Ар. 1878, № 10, стр. 158.

92. Записки Гарновскаго, 6 іюня 1788 г.

93. Семейство Разумовскихъ. Соч. А. Васильчикова, т. V, стр. 285.

94. Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, стр. 493.

95. C. Odhner, ч. III, стр. 34.

96. Григоровичъ. Гр. А. А. Безбородко, II, стр. 12.

97. Арх. Госуд. Совѣта, т. I, стр. 550—551.

98. Арх. Гос. Совѣта, т. I, стр. 553.

99. Hochschild, стр. 142.

100. C. Odhner, ч. III, стр. 48, 51.

101. Malmanen, 16—17 стр. и Mémoires posthumes—Stedingk, т. I.

102. C. Odhner, III, 47.

103. C. Odhner, III, 47—48.

104. Рус. Арх. 1878 г., X, 156. Сбор. Имп. Р. И. Общ., т. XXIII, 449.

105. А. Брикнеръ, Война 1788 г., стр. 70.
106. Записки графа Сегюра. СПБ. 1865, стр. 317.
107. C. Odhner, III, стр. 52.
108. C. Odhner, III, стр. 53.
109. C. Odhner, III, стр. 54.
110. 24 марта, 1788 г. Сб. И. Р. И. Общ., XXVII, 482.
111. Госуд. Архивъ, Дѣло X, № 76—1796 г.
112. «Рус. Старина», іюнь, 1888 г., стр. 545; Дневникъ Храповицкаго 28 мая, 1788 г.
113. Сб. Им. Р. И. Общ., т. 27, стр. 493.
114. Полн. Собр. Зак. XXII, № 16663.
115. C. Odhner, III, стр. 88.
116. Записки графа Сегюра, стр. 302.
117. Григоровичъ, его соч. о Гр. А. А. Безбородко, II, 18—19. К. Ординъ, Покореніе Финляндіи, II, 112—113.
118. C. Odhner, III, стр. 67. См. также E. Tegnèr, его монографія о гр. Г. М. Армфельтѣ, II, 184.
119. Брикнеръ, Война 1788 г., стр. 73.
120. Госуд. Арх. Дѣло X, № 76.
121. Записки гр. Сегюра. СПБ. 1865, стр. 296.
122. C. Odhner, III, стр. 76.
123. Записки гр. Сегюра, изд. 1865 г., стр. 296.
124. Госуд. Арх., Дѣло X, № 76, 1796 г. и Русскій Арх. 1878, X, 157.
125. C. Odhner, III, стр. 77—78.
126. Записки гр. Сегюра 1785—1789. Изд. 1865 г., стр. 305—306.
127. M. Lamm, Iohan Gabriel Oxenstierna, Stockholm, 1911 г., стр. 303—304.
128. Брикнеръ, Война 1788, стр. 49.
129. Полн. собр. зак. XXII, № 16679.
130. Н. Григоровичъ, II, стр. 26, 30.
131. Храповицкій, Его Дневникъ, стр. 110.
132. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ., т. XXVII, стр. 491.
133. 4 іюля 1788 г., Зап. Гарновскаго.

V глава. Война 1788 г.

134. «Рус. Стар.», 1887, мартъ, 556.
135. «Рус. Стар.», 1895, мартъ, 165.
136. Рус. портреты, т. II, в. 4, 191.
137. Н. Григоровичъ, гр. А. А. Безбородко, II, стр. 69.
138. Зап. М. Гарновскаго, 4 іюля 1788 г.
139. Придворный мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Хр. 1789.
140. А. В. Шеловъ. Историч. очеркъ крѣпости Кронштадта. Кронштадтъ, 1904, стр. 142—143.
141. Придворный мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Хр. 1789.
142. Историч. обозрѣніе 2 Кадет. корпуса 1862 г., стр. 147—148.
143. «Рус. Арх.», 1887, XII, 466.
144. Арх. кн. Вяземскаго. СПБ. 1881, стр. 4.
145. «Рус. Арх.», 1879, I, 497.
146. Записки Корберона, «Рус. Арх.» 1911, V, 164.
147. «Рус. Старина» 1895, апрѣль, стр. 169—172.
148. «Рус. Арх.», 1879, I, 362.
149. Арх. гр. С. Р. Воронцова, т. X, 472—473. «Рус. Арх.» 1876, XI, 348.
150. I. Chr. Schulz. Berlin. 1795. Considération sur la guerre présente entre les Russes et les Turcs en Europe. Par Duvernois. Neuchâtel. 1774. (Von I. W. Bourcheid). См. у проф. В. А. Бильбасова, исторія Екатерины II, т. XII, ч. I, стр. 170, 233, 313, 314, 389, 554.
151. Kiercker, Förh. o. Upps., VII, 1892—93, 1788—1790, s. 54.
152. 4 іюля 1788 г., Зап. Гарновскаго.
153. «Рус. Архивъ», 1887, XII, стр. 463. Зап. Гарновскаго, 29 мая 1788 г.
154. Храповицкій, стр. 229.
155. Записки Гарновскаго, 29 іюня 1788 г.
156. С. И. Р. И. Об. XXVII, стр. 505.
157. Историч. монографія В. А. Бильбасова, III, 383, а также Сб. Р. И. Общ. XLII, 338, № 295.
158. Кирхгофъ. Вліяніе морской силы въ Балтійскомъ морѣ. СПБ. 1908, стр. 421.
159. Записки Гарновскаго, 29 іюня.
160. «Рус. Стар.» 1876, авг., стр. 576.
161. «Въ началѣ войны (въ іюнѣ 1788 г.) генералъ-поручикъ Гюнцель сообщилъ, что города Або и Тавастгусъ, кромѣ замковъ, ничѣмъ не укрѣплены, а городъ Борго совсѣмъ открытое мѣсто и городъ Ловиза, кромѣ начатой въ 1745 г., но потомъ не додѣланной стѣны, укрѣпленія никакого не имѣетъ. А въ 10 верстахъ отъ онаго въ морѣ имѣется крѣпость на островѣ Свартгольмѣ, построенная для защиты прохода въ Швецію; при границѣ-же въ Абборфорсѣ сдѣлано нынѣ вдоль рѣки Кюмени великое укрѣпленіе». (Матер. для Исторіи рус. флота, т. XIII, стр. 270). Ловиза (или, какъ кн. А. И. Вяземскій называлъ—Луиза)—прескверный городокъ, имѣвшій (въ 1782 г).

два развалившихся бастіона и армейскій гарнизонъ.

162. C. Odhner, I, 467.

163. C. Odhner, I, 468

164. C. Odhner, I, 473.

165. C. Odhner, ч. III, стр. 51.

166. Истор. Финляндіи. Время Имп. Александра I. М. Бородкина, стр. 67.

167. Maunu Malmanen. Anjala förbundet. Bidrag till dess historia, Stockholm, 1848.

168. C. Odhner, III, стр. 51—52.

169. Hildebrand, Sverg. hist., 8 afd., s. 121—122.

170. E. Tegnèr, Gustaf Mauritz Armfelt. Lund, 1893, II, 184, 187, 188, 191. Malmanen, 79 и 90.

171. Это-же говоритъ и Hochschild, Memoarer, стр. 144.

172. Malmanen, 57—58.

173. С. И. Р. И. Общ. XXVII, 498.

174. Гр. Д. А. Толстой—«Рус. Арх.» 1887, XII, 463—также держится того мнѣнія, что Густавъ сочинилъ перестрѣлку въ Пумала.

175. C. Odhner, III, стр. 91—92.

176. C. Odhner, III, стр. 92

177. C. Chr. Ekman. Dagbok förd under Kriget i Finland 1788—1790. H-fors, 1900, s. 60.

«Предъявленное повелѣніе Его Велич. Короля Густава III полковнику барону Хастферу, на Карельской границѣ (при Помала Зундѣ) начать войну съ переодѣтыми войсками» напечатано въ Секретныхъ дѣлахъ, относящихся къ исторіи Швеціи послѣ вступленія на престолъ Густава III, ч. I, стр. 203. (Malmanen, 19, примѣч.).

Полковникъ Робертъ Монгомери говорилъ, что Хастферъ подъ честнымъ словомъ разсказывалъ ему о слѣдующемъ происшествіи: Король и по почтѣ, и курьерами поднималъ его на смѣхъ за то, что онъ ничего не дѣлаетъ. Хастферъ отвѣчалъ и настаивалъ на приказѣ, но таковаго не отдавалось, онъ не хотѣлъ предпринимать, но вообще онъ не смѣлъ сдѣлать шага. Наконецъ получены были рѣшительныя приказанія. Хастферъ очень обрадовался при прочтеніи ихъ, такъ какъ онъ теперь могъ опираться на черное съ бѣлымъ; но когда онъ повернулъ листъ и прочелъ постскриптумъ, оказалось, что получено приказаніе тотчасъ-же вернуть приказы, или самому Королю, или-же своему зятю, его превосх. графу Бунде. Хастферъ, находясь въ прежнемъ положеніи, не зная, что ему дѣлать, показалъ письмо только полковнику Стедингку, сначала намѣревался сдѣлать съ него выпись за скрѣпою, однако рѣшился, наконецъ, тотчасъ-же отослать приказы, вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ увѣрялъ, что они будутъ исполнены, и что онъ вообще предоставляетъ себя и свою жизнь на попеченіе его величества». Послѣ этого «онъ послалъ нѣсколькихъ крестьянскихъ парней, которые въ лодкахъ переправились черезъ рѣку, и которые съ русской стороны сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ черезъ рѣчку и тотчасъ же вернулись назадъ». (Malmanen, 22—23).

178 «Рус. Арх.» 1878, X.

179. Описаніе морскихъ и сухопутныхъ сраженій 1788—1790 г.г., Смоленскъ, 1804 г., стр. 39. Авторъ не обозначенъ, но онъ мною установленъ: С. С. Апраксинъ.

180. 13 іюня, 1788. П. С. Зак. № 16677.

181. «Рус. Стар.» 1887, мартъ, стр. 566.

182. Сб. Имп. Р. И. Общ. XXVII, 503.

183. «Рус. Арх.» 1911 г., VII, 318.

184. Mémoires posthumes, Stedingk. Paris, 1845, t. I.

185. Кушелевъ. Поденныя записки. Рукопись (копія).

186. Кирхгофъ, 419 стр.

187. Веселаго. Его учебникъ.

188. В. Ф. Головачевъ. Дѣйствія русскаго флота въ войнѣ со шведами въ 1788—90 годахъ. СПБ. 1870—1871. I, 49.

189. А. И. Тургеневъ. «Рус. Стар.» 1886 г. Ноябрь, стр. 268.

190. Грановскій «Рус. Стар.» 1876 г., т. XVI, 15.

191. Арх. князя Воронцова, IX, 130.

192. Записки адм. П. В. Чичагова, «Рус. Стар.», іюнь 1888 г., стр. 546.

193. Зап. Гарновскаго, 29 іюня 1788 г.

194. Морск. Сборн. 1895 г, сент. 128—131.

195. Матер. для истор. рус. флота, ч. XIII, 270.

196. Записки Гарновскаго, 14 янв. 1788 г.

197. Гос. арх.; дѣло X, № 76.

198. Кирхгофъ, 419 стр.

199. Письмо Грейга отъ 14 іюля 1788 г. гр. Безбородко.

200. F. Larsson. Journal öfver Kungelig Svenska Flottans Sjö expedition är 1788, s. 21.

201. Hochschild, Memoarer, стр. 141.

202. Сб. И. Р. И. Общ. XXVII, 510. Зап. Гарновскаго, 13 іюля 1788 г.

203. Записка адм. П. В. Чичагова, «Рус. Стар.» 1888, іюль, стр. 8.

204. «Рус. Стар.» 1876, гл. XVI, 574, Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. XXVII. 504.

205. Зап. М. Гарновскаго, 13 іюля 1788 г.

206. С. Odhner, III, стр. 112.

207. Зап. Гарновскаго, 16 мая 1788 г.

208. 18 іюля 1788 г. Храповицкій.

209. Матер. для истор. рус. флота, часть XIII, 322.

210. В. Ф. Головачевъ, I, 83. Онъ ссылается на Арх. М. Ин. Д. и Морск. Мин.

211. Матер. для истор. рус. флота ч. XIII, 365—366.

212. Матер. для истор. рус. флота ч. XIII, 372.

213. Матер. для истор. рус. флота ч. XIII, 345.

214. Арх. Кн. Воронцова, кн. XIII, стр. 154.

215. Арх. кн. Воронцова, кн. XIII, стр. 156.

216. «Описаніе погребенія адмирала Грейга» безъ обозначенія мѣста и времени напечатанія. Очень рѣдка. Имѣется въ библіотекѣ Гл. Гидрографическаго Управленія.

217. «Море» 1907, № 8, статья Тиры-Соколовской.

218. «Рус. Стар.» 1888, іюль, стр. 10—12.

219. Письма (іюнь—іюль 1788 г.) гр. П. В. Завадовскаго къ фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву.—П. Майковъ. СПБ. 1901, стр. 87—90.

220. Арх. Финл. Статсъ-Секретаріата въ С.-Петербургѣ. Незарегистрованныя бумаги.

221. С. Odhner, III, 136.

222. Изъ письма Екатерины II отъ 6 іюля 1788 г. «Рус. Стар.» 1887, мартъ, 565.

223. «Рус. Стар.» 1887, мартъ, 567—568.

224. В. Ф. Головачевъ, I, 68.

225. Романъ Екатерины, К. Валишевскаго, изд. Суворина 1908 г., стр. 519. См. еще Bernhardi, «Vermischte Schriften», 1.

226. «Рус. Стар.» 1887, февр. 335.

227. «Рус. Стар.» 1888, Іюнь, 552—553.

228. Записки М. Гарновскаго, 29 іюля 1788 г.

229. «Рус. Стар.» 1887, февр., стр. 335. Вел. Кн. Павелъ Петровичъ рвался первоначально въ армію Потемкина; но фаворитъ отдѣлался отъ добровольца такого крупнаго ранга, предвидя, что съ нимъ будетъ не мало хлопотъ.

Собираясь на войну, Павелъ Петровичъ составилъ обширное завѣщаніе, устанавливая въ немъ право наслѣдованія. Супруга его, Марія Ѳеодоровна, желала сдѣлать ему сюрпризъ, поѣхавъ на день или на два повидать его, но не получила на это разрѣшенія Екатерины II. Конечно, порывистому Великому Князю, обладавшему пылкимъ воображеніемъ, трудно было примириться съ ролью подчиненнаго у вялаго гр. Мусинъ-Пушкина. Бездѣйствіе главнокомандующаго вызывало острую, иногда даже публичную, критику Великаго Князя. Критикѣ подвергались также дѣйствія Густава III, о которомъ онъ сообщалъ женѣ, что задаетъ пиры и устраиваетъ празднества въ своемъ лагерѣ («Рус. Стар.» 1873, т. VIII, 877).

Говорятъ, что въ своемъ интимномъ кружкѣ Екатерина иронизировала надъ ролью, которую игралъ Павелъ Петровичъ въ арміи Мусинъ-Пушкина, а въ письмахъ Гримму описывала Наслѣдника престола и его супругу подъ именами monsieur et madame de Secondat.

Въ 1789 г. Павелъ Петровичъ возобновилъ свои просьбы о поѣздкѣ въ дѣйствующую армію. Послѣдовалъ вѣжливый отказъ со ссылками на то, что нельзя заставить его семью плакать и тосковать.

О томъ, что Наслѣдникъ престола находился при арміи, публиковано не было въ тогдашнихъ петербургскихъ вѣдомостяхъ. До всеобщаго свѣдѣнія довели разрывъ со Швеціей и разныя свѣдѣнія съ театра войны, но замолчали отъѣздъ и возвращеніе изъ арміи Вел. Князя Павла Петровича. (Д. Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 343.—О поѣздкѣ Вел. Князя на войну см. еще П. Моранъ. Павелъ I до восшествія на престолъ, 335—341).

230. Храповицкій, 18 окт. 1788 г.

231. Екатерина II принцу де-Линю 2 дек. 1788 г.

232. Соч. кн. М. М. Щербатова, изд. 1898 г., т. II, 79 и слѣд.

233. Записки гр. Сегюра. Изд. 1865 г, стр. 302.

234. Дневникъ, 27 іюля 1788 г.

235. Госуд. Арх. Дѣло X, № 76.

236. Рус. Арх. 1878, № 10.

VI глава. Конфедерація въ Аньяла.

237. Om Gustaf den tredje såsom konung och menniska. Af Bernh. v. Beskow. Fjerde afdelningen.

238. С. Odhner, III, стр. 121—122.

239. G. Rein, I, 343. Тоже у Mankell'a въ его Anteckningar rörande Finska arméens och Finlands Krigshistoria. Stockholm 1870.

240. Tegnèr, II, 202.

241. C. Odhner, III, 130, примѣч.

242. Från bafnaår till silfverhår, A. Ramsay, I, 61.

243. Tegnèr, 201.

244. C. Ekman, стр. 31—34.

245. C. Odhner, ч. III, стр. 125—127.

246. Съ французскаго письма имѣется два перевода на шведскій языкъ. Между переводами значительная разница. Въ одномъ говорится не только о правахъ шведской націи, а въ другомъ... вся «нація вообще и финская въ особенности»...

Въ одномъ переводѣ читаемъ: «Поэтому они осмѣливаются просить Императрицу о возвращеніи края, уступленнаго ей 50 лѣтъ назадъ»... Этотъ варіантъ, видимо, циркулировалъ въ Петербургѣ, такъ какъ у Храповицкаго говорится (1 авг. 1788 г.) о возвращеніи Кюменегорской провинціи съ Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ».

Въ другомъ переводѣ ничего не говорится о возвращеніи завоеванія Елизаветы Петровны.

247. К. Ординъ, I, 355.

248. «Отеч. Зап.», 1865, № 10.

249. E. Tegnèr, II, 203.

250. C. Ekman. Dagbok, 6 авг. 1788 г.

251. C. Ekman. Dagbok, стр. 25, 28, 32, 59; K. K. Tigerstedt. G. M. Sprengtporten.

252. 6 августа н. ст., 1788, C. Ekman. Dagbok, стр. 38—40.

253. C. Odhner, III, стр. 134—135.

У Храповицкаго 28 іюня 1788 г. значится: «Король намѣренъ взять Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Курляндію, идучи прямо на Петербургъ; но ежели не удастся, то сложить корону по примѣру королевы Христины, и принявъ вѣру католическую, станетъ жить уединенно въ Италіи».

254. Mitt Minne, ss. 148, o. 158. M. Lamm, 304—305.

255. Брикнеръ. «Рус. Мысль», 1896, V. Храповицкій, 28 іюля 1788 г.

256. C. Odhner, ч. III, стр. 151. См. еще E. Tegnèr, II, 214.

257. Tornerhjelm. «Memoirer öfver 1788 års fälttåg i Finland».

258. К. Ф. Ординъ, изд. 2-ое, I, 140—142.

259. C. Ekman. Dagbok, 1788, стр. 52.

260. Fredrikhofska protokollen. Tom I, sid 564. Förh o. upps., 5, 1889—1890, стр. 150—151.

261. Tegnèr, II, 221.

262. К. Ординъ, изд. 2-ое, т. I, 153.

263. C. Ekman. Dagbok. Лагерь при Анъяла 24 августа н. ст. 1788 г.

264. Проф. Брикнеръ. Ж. М. Н. Пр. 1863 г., мартъ, стр. 738.

265. K. K. Tigerstedt, 175—176. C. Ekman, стр. 76—77.

266. Сб. И. Р. И. Общ. XXVII, 517— письма Екатерины II къ Потемкину от 14 и 29 авг. 1788 г.

267. C. Ekman. Dagbok, стр. 78 и 81.

268. C. Odhner, III, 240; K. K. Tigerstedt, 416—417.

269. С. И. Р. И. Общ. XXVII, 500.

270. К. Ординъ, I, 152.

271. Поденныя записки Кушелева. Рукопись (копія).

272. C. Odhner, III, 134.

273. Проф. Брикнеръ. «Русск. Вѣстн.», 1887—Россія, Англія и Пруссія въ 1787—1791 гг.

274. Сб. Имп. Р. И. Общ. т. XV, стр. 152.

275. Н. Григоровичъ, О гр. А. А. Безбородко, II, 36.

276. Зап. М. Гарновскаго, 21 сент. 1788.

277. Ординъ, К., I, 2 изд., стр. 184.

278. Отчетъ Моск. публ. и Румянц. музеевъ. М. 1873, стр. 47.

279. M. Lamm, 311.

Герцогъ Карлъ Зюдерманландскій «былъ очень малъ ростомъ, имѣлъ нѣсколько косые, но живые глаза, ротъ сердечкомъ, выпуклое брюшко и тоненькія ножки» (Compte Vitzthum. См. П. Моранъ. Павелъ I, стр. 446).

280. C. Odhner, III, стр. 180.

281. C. Odhner, ч. III, стр. 182.

282. C. Odhner, ч. III, стр. 254.

283. Н. Григоровичъ, Гр. А. А. Безбородко, II, 43.

VII глава. Планы независимости.

284. Ирье Коскиненъ.—О Спренгтпортенѣ. Hels. Dagbl. 1871, № 147.

285. Mörne. «Ateneum», h. III, 1900, s. 167.

286. Mörne. «Ateneum», h. III, 1900, s. 167.

287. К. Ординъ, I, 343.

288. G. Rein, I, стр. 36.

289. G. Rein, I, 42.

290. Рих. Даніельсонъ. Соединеніе Финляндіи съ Рос. Державой. Гельсингфорсъ, 1890 г. стр. 29.

291. Письмо Екатерины II отъ 10—21 іюня 1786 г. Царское Село.

292. Malmanen, 50—52.

293. Ж. М. Н. Пр. 1863 г., ч. CXXXVII, стр. 689.

294. К. К. Tigerstedt, G. M. Sprengtporten, IV, 198.

295. C. Odhner, III, 8. Р. Даніельсонъ, стр. 31.

296. А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, III, 88.

297. Рус. Бесѣда 1857 г.

298. Mörne. Ateneum, h. II, 1900, s. 100.

299. Malmanen, 38, прим.

300. К. Ординъ, I, 356.

301. К. Ординъ, I, 345.

302. Проф. Брикнеръ, Война 1788 г., 27.

303. К. Ординъ, I, стр. 353.

304. К. Ординъ, I, 350—352. I-е изд.

305. К. Tigerstedt, стр. 177.

306. Wilhelm Ekelund. Några upplysningar om G. M. Sprengtporten. Historiallisia Tutkimus-kokeita III, 1877, 10.

307. Русская служба кишѣла сомнительными личностями. Вотъ одинъ изъ многихъ Де-ла-Миль (De la Myhle) просилъ и получилъ разрѣшеніе въ 1778 г. отъ короля—въ теченіе двухъ лѣтъ, срокъ, который два раза былъ увеличенъ—поступить на заграничную службу.

Онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ, выдержавъ экзаменъ, получилъ мѣсто въ артиллерійскомъ и инженерномъ вѣдомствахъ.

Въ 1782 году русское правительство разрѣшило ему отпускъ и онъ отправился на родину.

При отъѣздѣ изъ русской столицы онъ рискнулъ взять отъ повѣреннаго въ дѣлахъ Швеціи барона d'Albedyl важныя депеши для передачи въ собственныя руки Короля въ Дротнингсгольмѣ.

«Я былъ весьма милостиво принятъ—говоритъ онъ—однако никакого вознагражденія не получилъ».

Въ 1784 г. De la Myhle согласно прошенію получилъ отставку съ русской службы; но четыре года спустя онъ, съ согласія Короля, имѣлъ въ виду вновь поступить на службу. Тогда ему предложено было ассессорское мѣсто съ государственной коллегіи и секретномъ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, съ большимъ окладомъ, однако при непремѣнномъ условіи «навсегда покинуть службу своего отечества». Это ему не нравилось; а такъ какъ опять стали ходить слухи о предстоящемъ нарушеніи мира со Швеціей, то онъ и отклонилъ предложеніе и уѣхалъ изъ русской столицы, съ депешами, которыя шведскій посланникъ баронъ фонъ-Нолькемъ довѣрилъ ему.

6-го іюня 1788 г. ему поручено было доставить Императрицѣ Екатеринѣ извѣстную ноту Густава III, съ ультиматумомъ, содержавшимъ въ себѣ, не исключая многихъ дерзкихъ требованій, требованіе уступки тѣхъ частей Финляндіи, которыя Швеція потеряла по Ништадтскому и Абоскому миру.

Изъ Петербурга онъ возвращался вмѣстѣ съ барономъ Нолькеномъ черезъ Бѣлоруссію, Польшу и Силезію.

Во время осады Фридрихсгама, онъ посланъ былъ парламентеромъ съ требованіемъ сдачи крѣпости, затѣмъ его послали парламентеромъ на эскадру принца Нассаускаго съ повелѣніемъ сообщить командиру русской шхерной эскадры, что король въ тотъ-же день общимъ салютомъ со всей своей эскадры будетъ чествовать именины ея велич. королевы.

(Hufvudstadsbladet, 1909, № 143).

308. Ж. М. Н. Просв., ч. CCXXXVII, отд. 2, стр. 31—32. Статья Я. К. Грота о Спренгтпортенѣ.

А также: К. К. Tigerstadt, Finsk Tidskrift, G. M. Sprengtporten, III, 200—202.

309. Письма А. А. Безбородко къ гр. П. А. Румянцеву. П. Майковъ, Спб. 1900, стр. 127—128.

310. Госуд. арх. Дѣло X, № 96. Сб. Им. Р. И. Общ. XXVII, 516.

311. Сборн. Имп. Р. Истор. Общ. XXVII, 512.

312. Арх. Гос. Совѣта, т. I, 591 стр.

313. Арх. Госуд. Совѣта, т. I, стр. 595.

314. Я. К. Гротъ. Ж. М. Н. Пр., 1885, ч. 239, стр. 32.

315. Mémoires posthumes. Stedingk. Paris. 1845, t. I. «L'ancien projet de M. de Sprengtporten d'ériger la Finlande en republique, projet si dangereux pour la Suède, si favorable à la Russie, fait tourner toutes les têtes finnoises».

316. Malmanen, 61—62.

317. Malmanen, 40.

318. Mémoires posthumes. Stedingk. Paris. 1845, t. I.

319. C. Odhner, III, стр. 164—165.

320. К. Tigerstedt, 180—181.

321. К. Ординъ, 2 изд., т. I, 168.

322. C. Ekman. Dagbok, 85.

323. Historisk Tidskrift, 1882, h. 1, 5, 72—74.

324. K. Tigerstedt, 433—436.

325. Н. Григорсвичъ, Гр. А. А. Безбородко, II, 40.

326. K. Tigerstedt, XII, стр. 170.

327. N. Tengberg. Om Kejsarinnan Catharina II äsyftade stora nordiska alliance, Lund, 1863, s. 76. В. А. Бильбасовъ, XII, 374.

328. Государственный архивъ. Дѣло X, № 76.

329. Рус. Мысль, 1896, V, стр. 98.

330. Письма Императрицы къ Потемкину отъ 31 іюля и 14 авг. 1788 г.—Сб. И. Р. И. Общ. XXVII. Храповицкій, 29 іюля, 11 и 16 авг. 1788 г. Брикнеръ. Ж. М. Н. Пр. 1863, мартъ.

331. Госуд. Арх. Дѣло X, № 76.

332. K. Tigerstedt, 269—270.

333. C. Odhner, III, 249.

334. K. Tigerstedt, стр. 271.

335. Въ Государственномъ Архивѣ Дѣло X, № 76.

336. K. Tigerstedt, 273, 275, 276, 277, 283—284, 288.

337. Mémoires posthumes. Stedingk. Paris, 1845; t. I.

338. Mémoires posthumes. Stedingk. Paris. 1845, t. I.

339. Förh. o. upps., 5, 1889—1890, s. 152.

340. Подобный планъ выполненъ былъ въ 1808 г.

341. K. Tigerstedt 176—179.

342. Госуд. Арх. Дѣло X, № 76.

343. 27 дек. 1788 г. Дневникъ Храповицкаго.

344. Храповицкій, 30 дек. 1788 г.

345. Арх. Государств. Сов., т. I, отд. историч.

346. K. Tigerstedt, 17—18.

347. C. Odhner, III, стр. 179. Malmanen, 63. Hochschild, 149.

348. Hochschild, 150.

349. K. Tigerstedt, стр. 161. Бильбасовъ XII, 1, 362, 363, 364 и 394.

350. J. R. Danielson. Anjala mies K. H. Klick Venäjallä. Valvoja, 1883, №№ 7, 13—14.

351. Malmanen, 25.

352. Schybergson, Henr. Gabr. Porthan, II, 451, 452, 454—455, 456, 458—459.

353. Finsk Tidskrift 1880, september. 5, 168.

354. Historisk Tidskrift 1899, II—Статья. Lydia Wahström.

355. Hildebrand, Sverg. hist. 8 afd. s. 148.

356. Записки адм. П. В. Чичагова, Рус. Стар. 1888, сент., стр. 474.

357. Рус. портреты. В. К. Николая Михайловича, II т., вып. IV, стр. 152.

358. «Дневныя записки воен. дѣйствій и другихъ происшествій арміи финляндской», помѣсячно подписанныя главнокомандующимъ гр. Мусинъ-Пушкинымъ. Мор. Сборн. 1857, IX.

359. «Lördagsqvällen». Ranken, Porrassalmi, s. 58.

360. Hildebrand, Sverg. hist., 8 afd., s. 149—150.

361. Храповицкій, 7 и 16 іюнь 1789 г.

362. Sillén, s. 63.

363. Mémoires posthumes. Stedingk. Paris, 1845, t. I.

364. Mémoires posthumes. Stedingk. Paris, 1845, t. I.

365. Hildebrand, Sverg. hist., 8 afd., s. 150.

366. Арх. кн. Воронцова, кн. XIII, 165.

367. Кирхговъ, стр. 472.

368. Mémoires posthumes. Stedingk. Paris, 1845, t. I.

369. Кротковъ. Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ, С.П.Б. 1894, стр. 276.

370. Русскій Біографич. Словарь. изд. А. А. Половцова, а также: Историч. монографіи В. А. Бильбасова, т. III, 402.

371. Арх. Кн. Воронцова, кн. XIII, 165.

372. Рус. портреты. Вел. Кн. Николай Михайловичъ, т. II, вып. 3, стр. 93.

373. «Новое Слово» 1894, мартъ, стр. 210 статья проф. В. А. Бильбасова.

374. В. Ф. Головачевъ. I, 160.

375. Проф. Бильбасовъ; «Новое Слово» 1894 г. мартъ, стр. 211.

376. Записки I. А. Эренстрема на шведскомъ языкѣ. Часть ихъ переведена въ «Рус. Старинѣ».

377. Записки I. А. Эренстрема.

378. Матер. для истор. рус. флота, ч. XIII, 577.

379. Записки С. А. Тучкова. СПБ. 1903 г. (1766—1806).

380. Проф. Брикнеръ, Рус. Мысль 1896, V.

381. Матер. для истор. рус. флота. т. XIII, 598, 599.

382. Историч. монографіи В. А. Бильбасова, III, 405 и слѣд.

383. Морск. Сборн. 1857, сент.

384. Сборн. И. Р. И. Общ. XXVII, 391, 492.

385. Записки М. Гарновскаго, 15 іюля 1789 г.

386. Н. Григоровичъ, Гр. А. А. Безбородко, т. II, стр. 65.—Арх. кн. Воронцова, XIII, 168 и 173.
387. Hildebrand, Sv. h., 8 afd., s. 155.
388. Mémoires posthumes. Stedingk. Paris, 1845, t. I.
389. Lettre à sa Majesté le Roi de Suède et Réfutation de la Relation, qui Lui est attribuée dans la Gazette de Hambourg, de la Bataille navale du 13 août vieux stile 1789, entre la Flotte de Galéres de Sa Majesté Suédoise et la Flotte Russe commandée par son Altesse Monseigneur le Prince de Nassau Siegen, a St. Pétesbourg, 1789.
B. Beskow Gustaf III; 4-de afd.s. 298—301. Modée, XIV; 255.
390. Профессоръ Брикнеръ, Ж. М. Н. Пр. 1863, мартъ, 757—758.
391. Hildebrand, Sverg. hist., 8 afd., s. 138—139.
392. Hildebrand, Sverg. hist., 8 afd., s. 140.
393. Храповицкій, 7 апр. 1789 г.
394. Ludvig Stavenow. Konung Gustaf III, andra uppl, Göteborg, 1910, s. 129 и 130.
395. Chr. Naumann. Svenska statsförfattningens historiska utveckling. Stockholm, 1866—1875, s. 282—289.
396. Изъ «Berättelse om Riksdagen i Stockholm 1789 af Olof Wallqvist», приведеннаго въ книгѣ П. Шиловскаго «Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи». Спб. 1903, стр. 54.
397. Rein. Kriget i Finland. I, 18.
398. Stedingk. Mémoires posthumes. I.
399. Проф. Брикнеръ. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. мартъ, 767.
400. Соч. кн. М. М. Щербатова, изд. 1898, т. II, 93—116.
401. Stavenow, 168—169.

IX глава. Война 1789 г.

402. С. С. Апраксинъ. Описаніе морскихъ и сухопутныхъ сраженій. Смоленскъ 1804 г. 239.
403. Записки С. А. Тучкова.
404. К. Орднъ. Жур. Мин. Нар. Просв. 1881. № 1, стр. 87.
405. Сб. И. Р. И. Общ. т. 42, стр. 43 и 45.
406. Рус. Біограф. словарь, 1904 г., а также П. П. Семенова: Біографич. очеркъ сенаторовъ, 1886.
407. А. Петрушевскій. Генералиссимусъ кн. Суворовъ, т. III, 409.
408. В. Ф. Головачевъ, II, 46.
409. Брикнеръ, Рус. Мысль 1896 г., V.
410. Арх. кн. Воронцова, кн. XIII, 176.
411. Арх. кн. Воронцова, кн. XIII, 178.
412. Храповицкій, 10 марта 1790.
413. Malmanen, 80.
414. C. Ekman. Dagbok, стр. 3.
415. Профес. Брикнеръ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1863, мартъ, 694 стр.
416. C. Ekman. Dagbok, 200.
417. Tegnèr, 237, Malmanen, 80.
418. Mémoires posthumes. Stedingk, Paris, 1845, t. I.
419. Malmanen, 88.
420. Schybergson, Porthan, II, 456—457.
421. E. Tegnèr, 289 и 300.
422. С. Апраксинъ, 253.
423. О. Ханникайаенъ. Положеніе старой Финляндіи въ XVIII в. На финскомъ языкѣ.
424. Апраксинъ, 273.
425. Храповицкій, апр. 1790 г.
426. E. Tegnèr, 291.
427. E. Tegnèr, II, 261, 275, 291, 298 и 305.
428. Проф. Брикнеръ, Война 1788 г., стр. 238.
429. Рус. Стар. 1876 г., окт. 412.
430. В. Ф. Головачевъ, I, 56.
431. Записки С. А. Тучкова.
432. В. Ф. Головачевъ, ч. II.
433. В. Ф. Головачевъ, ч. II, 49.
434. В. Ф. Головачевъ, ч. II.
435. Hildebrand, Sverg. hist. 8 afd. s. 159.
436. Записки С. А. Тучкова.
437. Силлѐнъ. En månad på Amphion. Minnen från Sjötåget 1790 upptecknade af En Deltagare. Stockholm, 1890, s. 21.
438. В. Ф. Головачевъ, ч. II.
439. En månad på Amphion, s. 24, Sillén.
440. С. А. Тучковъ. Его записки.
441. С. С. Апраксинъ, 279.
442. Sillén, s. 31.
443. В. Ф. Головачевъ.
444. Госуд Арх. Дѣло X, № 76.
445. Рус. Стар. 1888, авг., 231.
446. В. Ф. Головачевъ.
447. В. Ф. Головачевъ, ч. I, 94.
448. Храповицкій, 23 мая 1789 г. Профессоръ Брюкнеръ, Рус. Мысль 1896, V, 8. Зап. М. Гарновскаго, 9 іюня 1790 г.
449. Рус. Старина 1876 г., окт., 416.
450. Вел. Кн. Николай Михайловичъ. Русскіе портреты. Рус. Стар. 1888, авг., 231.
451. Sillén, s. 67—68 и 72.
452. Ланжеронъ, Русск. Мысль, 1896 г., V.
453. С. С. Апраксинъ, 291, а также В. Ф. Головачевъ.
454. Hochschild, II, 112.
455. Sillén, s. 69.

456. Проф. Брикнеръ, «Рус. Мысль», 1896. VI, 11.
457. Sillén, s. 81.
458. Рус. Арх. 1878, X.
459. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву отъ 14 іюня 1790 г. П. Майковъ. Спб. 1901. стр. 107.
460. Hildebrand. Sverg. hist. 8 afd., s. 159—160.
461. С. С. Апраксинъ, стр. 293.
462. В. Ф. Головачевъ.
463. Рус. Стар., 1876 г., дек., 419. См. еще Сб. И. Р. И. Общ., т. 42, стр. 88.
464. Проф. Брикнеръ, Рус. Мысль, 1896 г. V.

Генералъ Кречетниковъ, управлявшій малороссійскими губерніями, услыхавъ о томъ, что шведскій флотъ запертъ (въ Выборгской бухтѣ), сообщилъ князю Потемкину невѣрное свѣдѣніе о томъ, что шведскій флотъ сдался. Въ арміи свѣтлѣйшаго стрѣляли викторію и о мнимой побѣдѣ князь отправилъ свѣдѣнія съ курьеромъ австрійскому императору. (Дм. Кобеко, стр. 353—354).

465. Hochschild, II, 123.
466. В. Ф. Головачевъ,
467. Журн. Мин. Нар. Пр. 1888 г., I ч. CCIV,
468. Рус. портреты т. II вып. 4, 168.
469. Рус. Арх. 1911, VI, 181,
470. Mémoires posthumes. Stedingk. Paris 1845, t. I.

X глава. Верельскій миръ.

471. Hochschild, II, 31, 59.
472. Арх. кн. Воронцова, кн. XIII, 158.
473. Ходъ переговоровъ подробно изложенъ у К. Ф. Ордина. Покореніе Финляндіи, т. I. Для нашего очерка мы пользовались Записками I. A. Erenström'a, дневникомъ Храповицкаго (13-го іюля 1790 г.), записками Ekman'a (стр. 253), Рус. Арх. 1887 г., XII, 474), статьей гр. Д. А. Толстого, Воспоминаніями Hochschild'a (II, 114), капитальнымъ трудомъ E. Tegnèr'a объ Армфельтѣ (II, 302, 316—317, 320, 329, 333), монографіей К. Ордина, (изд. 2, т. I, 249) и нѣкоторыми замѣтками, хранящимися въ Госуд. Арх. (X, № 76—1796 г.).

Переписка же Армфельта и Игельстрёма взята изъ книги Elof'a Tegnèr'a Konung Gustaf III sbref till G. M. Armfelt. Stockholm, 1883.

Графъ Іосифъ Андреевичъ Игельстремъ (р. 1737 г. † 1817 г.) изъ Лифляндскихъ дворянъ. Служилъ подъ начальствомъ П. А. Румянцева и Н. В. Репнина. За тѣмъ былъ уфимскимъ и симбирскимъ намѣстникомъ.

474. К. Ф. Ординъ, 2 изд. I т., 280.
475. Іюля 25—1790 г., Госуд. Арх. X. № 76.
476. Госуд. Арх., Дѣло X, № 76. 30 іюля 1790 г.
477. Полн. Собр. Зак. 1791, т. XXIII, № 16893.
478. Рус. Арх. 1879, кн. I, 104.
479. Гр. С. Р. Воронцовъ 8—19 августа 1791 г. изъ Лондона гр. Безбородко, «Рус. Арх.», 1879, кн. I, 269.
480. С. Апраксинъ, 302.
481. С. Ekman. Dagbok, 258.
482. С. Апраксинъ. 304 стр.
483. Рус. Мысль 1896. Ст. Проф. Брикнера.
484. Рус. Стар. 1876 г. окт., 426; XII, 636.
485. Соч. Державина, ред. Я. Грота, 1878 г. т. VII, 216—220.
486. См. его Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную Ея Им. Величеству оберъ-прокуроромъ сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества шведскаго мира 1790, сент. 5. Соч. Кн. М. Щербатова, т. II стр. 117.
487. Соч. Державина. Ред. Я. Грота, т. I, 220—221.
488. I. ч. «Россійскій Магазинъ» Ѳ. Туманскаго, стр. 257.—Рус. Библіофилъ, 1911 г. VII, 40.
489. В. А. Бильбасовъ XII, I, 424—425 См. Tal om den våda och fara för Svea Rikes frihet och sjelfständighet, hvarifrån det, igenom konung Gustaf den III blifvit frälst och räddat, hållet af R. A. Gadd. Åbo (1790).
490. Исторія Монографіи Бильбасова, IV, 283.
491. E. Tegnèr, 326. Сборн. Им. Рус. Ист. Общ. XV, 611. В. А. Бильбасовъ, т. XII, 2, 397.
492. C. Odhner. Статья, Густавъ III и Екатерина II, стр. 155 и 156 на швед. яз. въ журналѣ Svenska Akademiens handlingar. 9 часть.
493. Госуд. Арх., Дѣло X, № 76.
494. Госуд. Арх., Дѣло X, № 76.
495. Госуд. Арх., Дѣло X, № 76.
496. C. Odhner. Его статья. Густавъ III. и Ек. II, стр. 171.
497. Рус. Арх. 1887 г. XII, 484, Гр. Д. А. Толстой.
498. Гос. Арх., Дѣло X, № 76.

499. Храповицкій, 30 іюля 1790 г.
500. C. Odhner. Густавъ III и Екатерина II стр. 166. (Gustaf III och Katerina II efter freden i Wärälä).
501. «Рус. Арх.» 1879, кн. I, стр. 204—205.
502. Госуд. Арх., Дѣло X, № 76.
503. Рус. Арх. 1878 г. XII, 487, Гр. Д. А. Толстой. Geffroy, Gustaf III et la cour de France, Paris, 1867. Tome II, 128—129.
504. C. Odhner. Густавъ III и Екат. II, стр. 178 и 182. А также Е. К. Cederstråle Bidrag till Kännedomen om underhandlingar, ne efter freden i Werela angående förbundet med Ryssland, Stockholm, 1866.
505. Истор. Вѣстн. 1912, май, 688. La fin d'une dynastie, Par O. G. de Heidenstam. Paris, 1911).
506. Рус. Арх. 1878, XII, 486—487. Stavenow Konung Gustaf III, s. 144.
507. Stavenow, Konung Gustaf III, S. 145.
508. Hochschild, II, 33, 48, 130 и 145.
509. Klerckers anteckn., Förh, o, Upps., VII, 1892—93, стр. 50, 53—54 и 55—56.
510. Госуд. Арх. I, 592.
511. Рескриптъ Императрицы 14 іюля 1789 г.
512. Hochschild, II, 13, 45, 46, 124.
513. Труды Я. К. Грота, IV, 460—461. Изъ сочиненія Барфода. Märkvärdigheter rörande Sveriges forhällanden 1788—1792. Stockholm 1846.
514. Сборникъ историч. матеріаловъ изд. М. Михайлова. СПБ. 1873, стр. 332.
515. Hochschild, II, 108, 126, 140, 141, 144.
516. Mankell, 523.
517. Ludvig Stavenow Konung Gustaf III. 2 изд., стр. 132.
518. Списокъ шведскимъ судамъ, взятымъ россіянами 1827 г.
519. Записки I. А. Эренстрема.
520. C. Ekman. Dagbok 255.
521. С. С. Апраксинъ, 310 стр.
522. Н. Григоровичъ, Гр. А. А. Безбородко. т. II, стр. 86.
523. Записки Сегюра, Изд. 1865, стр. 253, 288.
524. Рус. Арх. 1872, XI.
525. Храповицкій 18 іюля 1788 г. и 22 авг. 1790 г.
526. Н. Григоровичъ Гр. А. А. Безбородко, т. II, стр. 30.
527. Mémoires posthumes, t. I Stedingk.
528. Г. Майковъ, стр. 107.
529. Храповицкій, 22 авг. 1790 г. Въ запискѣ, представленной въ 1800 г. Растопчинымъ Императору Павлу о политическомъ состояніи Европы, сказано: «Со всею твердостью своего духа, (Екатерина) близка была оставить постыдно мѣсто своего пребыванія отъ набѣга короля шведскаго», «И лошади готовы были», собственноручно отмѣтилъ противъ этихъ словъ Павелъ Петровичъ. (Дм. Кобеко, стр. 345).
530. Рус. Арх. 1911, VII, 313.
531. Рус. Стар. 1876 г. XII, 641.
532. Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk. Paris, 1845, t. I.
533. Большая часть этой замѣтки является извлеченіемъ изъ книги А. Петрушевскаго «Генералиссимусъ кн. Суворовъ, т. III. «Вѣстн. Евр.» 1883 г. «Фин. Газ.» 1900 г., № 27. См. также Генералиссимусъ Кн. Суворовъ. А. Петрушевскаго, изд. 1884 томъ I.
534. «Рус. Арх.» 1878 г., X, 231.
535. М. Бородкинъ. Г. М. Армфельтъ, 34—35.
536. Арх. кн. Воронцова, т. IX, а также Рус. Старина 1893, іюнь, 434.
537. Сборн. Им. Р. И. Общ., т. IX, 1872, стр. 198.
538. Отношенія Екатерины къ революціи составляетъ предметъ отдѣльнаго разслѣдованія Charle de Lariviere (Catherine II et la Revolution francaise. Paris, 1895 г.
539. «Историч. Вѣстникъ» 1893, февр.
540. Для характеристики Густава III мы воспользовались сочиненіями: C. T. Odhner'a, Beskow'a, Ludvig'a Stavenow'a (Konung Gustaf III, Göteborg, 1910.), Oskar'a Levertin'a (Frän Gustaf III dagar, Stockholm, 1908) Henrik'a Shück'a (Gustaf III. En karaktärsstudie, Stockholm, 1904), Malmström'a, дневникомъ Королевы Швеціи Гедвиги-Елизаветы Шарлоты и мн. др. Сб. И. Р. И. Общ. IX, 199.
541. Отношенія королевы къ Мунку очень запутанная исторія. См. Дневникъ Королевы Швеціи. Истор. Вѣстн. 1912, іюнь.
542. Историч. Вѣстн. 1912, іюнь 1053.
543. Андрей Яковлевичъ Будбергъ (фонъ) (1750—1812) изъ Курляндцевъ. Сперва состоялъ на военной службѣ, а въ 1797 перешелъ на дипломатическое поприще и въ чинѣ тайнаго совѣтника былъ назначенъ посланникомъ въ Швецію, гдѣ оставался до 1802. Малообразованъ, «по россійски и по нѣмецки читать и писать умѣетъ, а другимъ наукамъ не обучался».
(Рус. портреты В. Кн. Николая Михайловича, II т, вып. 4, стр. 164).
544. Hildebrand, Sv. h. 8 afd. s. 211—212.

545. Рус. Стар. 1876, т. XVIII 700—701., По дневнику кн. Чарторижскаго, Императрица, съ исказившимися чертами лица, отдала распоряженіе отпустить «всѣхъ, кто ожидалъ исхода этого фарса». Екатерина характеризовала потомъ Густава IV «неподатливымъ, какъ колъ, и упорнымъ, какъ бревно». Черезъ день герцогъ Зюдерманландскій осторожно просилъ у Императрицы прощенія «за глупости» своего племянника.

Екатерина, конечно, не снесла бы оскорбленія и говорила уже: «кузенъ Густавъ будетъ проученъ» (Рус. Стар. 1874, т. X, 489).

Надо полагать, что безтактность Моркова и П. Зубова много повредили дѣлу.

Хотя Екатерина въ своихъ письмахъ и говорила, что она «весела и легка какъ зябликъ», но хорошее настроеніе ея было утеряно, послѣ раздраженія поведеніемъ шведскаго короля, и она измѣнила своимъ привычкамъ.

XI глава. Павелъ I.

546. Баронъ Гейкингъ—Aus den Tagen Kaiser Paulus. Leipzig, 1886.

547. К. Тигерстедтъ, 179.

548. Рус. Стар. 1897, ноябрь, 295.

549. «Истор. Вѣст.» 1896 г. декабрь, 958. Aus den Tagen Kaiser Paulus. Leipzig, 1886.

550. «Взглядъ на мою жизнь», 136.

551. I-е П. С. З. т. XXIV, № 17637.

552. Ист. Прав. Сената за двѣсти лѣтъ, II, 757 и 775.

553. Вѣстн. Евр. 1897, май; статья проф. А. Брикнера «Павелъ I и Густавъ IV.

554. Въ 1802 г. ему поручено было произвести инспекторскій смотръ южной границы Россіи отъ Кяхты до Астрахани. Въ 1803 году онъ находился въ Херсонѣ, а въ 1804 г. онъ предпринялъ морскую поѣздку въ Константинополь и Корфу.

Въ 1806 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, просилъ его дать свое заключеніе о составленномъ проектѣ одного комитета объ улучшеніи военнаго вѣдомства (дѣла) въ русской Финляндіи.

«Уже давно,—отвѣтилъ Спренгтпортенъ—я потерялъ изъ вида все, что касается гражданскаго и политическаго управленія Русской Финляндіи». Онъ просилъ сообщить ему воззрѣнія правительства въ этомъ отношеніи, «чтобы не ошибиться, когда дѣло коснется серьезнаго отзыва, основаннаго на знакомствѣ съ мѣстными дѣлами». Спренгтпортенъ предложилъ завести здѣсь русскую колонію, среди которой съ теченіемъ времени образовалась русская милиція.

Объ упадкѣ духа свидѣтельствуетъ составленное имъ прошеніе на имя Густава IV Адольфа, въ которомъ онъ проситъ разрѣшенія вернуться въ Швецію, чтобы окончить свои дни въ родной землѣ. Неизвѣстно, доложено ли было это прошеніе королю, или нѣтъ.

Въ 1812 г. онъ высказалъ мнѣніе объ учрежденіи собственнаго финскаго войска. (M. G. S. Fin. b. lex,. II, s. 2037).

555. Н. К. Шильдеръ. Императоръ Павелъ Первый. 1901 г., стр. 465. См. еще Арх. кн. Воронцова, кн. II, стр. 381.

556. Имп. Александръ I—соч. Вел. Кн. Николая Михайловича. СПБ. 1912 г. I, 17. Очень интереснымъ является новымъ трудомъ П. Морана: Павелъ I до его восшествія на престолъ (1754—1796) М. 1912 г.

ХРОНОЛОГІЯ.

1735 г.

Начало массонства въ Швеціи.

1747—1751 г.

Швеція получила субсидію отъ Франціи главнымъ образомъ для расходовъ по содержанію укрѣпленій въ Финляндіи.

1757 г.

Родился анъяльскій дѣятель І. А. Іегергорнъ.

1757—1762 г.

Померанская война. Ослабленіе партіи Шляпъ.

1758 г.

Августа 28. Массонская ложа St. Jean Auxiliaire начала свою дѣятельность въ г. Або.

1762 г.

Іюня 29. Петръ III отрекся отъ престола и отвезенъ въ Ропшу, а 6 іюля скончался.

Августа 13. Инструкціей, данной гр. И. А. Остерману, Екатерина II требовала прекратить всѣ попытки къ возстановленію самодержавной власти шведскаго короля.

Августа . Ложа St. Jean Auxiliaire перенесла свою дѣятельность въ Гельсингфорсъ.

1763 г.

Указомъ Сената была прекращена чеканка мѣдной монеты въ Систербекѣ.

1765 г.

Паденіе партіи Шляпъ.

Дѣятельность массонской ложи св. Августина снова пріостановилась въ Финляндіи и она перенесена была въ Стокгольмъ.

После 1766 г. ложа вновь вернулась въ Гельсингфорсъ.

Смотръ Екатерины II Балтійскаго флота.

1770 г.

Въ г. Або учреждено было общество любителей словесности Аврора (Aurora fösbundet или Sällskapet), имѣвшее цѣлью возбужденіе интереса къ финскому языку и къ просвѣщенію финскаго народа.

1771 г.

Въ Февралѣ. Вступилъ на шведскій престолъ Густавъ III.

1772 г.

Революція Густава III; изданіе Формы Правленія (21 Августа), увеличившей власть короля.

Поѣздка Императрицы Екатерины II въ Финляндію.

1772—1773 г.

Франція обязалась уплатить по 800.000 ливровъ Швеціи для приведенія въ боевой составъ арміи и флота.

1773 г.

Заключеніе союза между Россіей и Даніей.

1775 г.

Во время поѣздки Густава III по Финляндіи, въ Москву, привѣтствовать Императрицу, посланъ былъ Левенгауптъ.

Густавъ III объявилъ винокуреніе регальнымъ правомъ казны.

Король Густавъ III приказалъ приступить къ новой раскладкѣ податей въ Финляндіи.

*

1776 г.

На Скандинавскомъ сѣверѣ мѣдную валюту замѣнило серебро, рядомъ съ которымъ выпускалось и золото.

1777 г.

Въ Іюнѣ. Король Густавъ III пріѣхалъ въ Петербургъ инкогнито, подъ именемъ графа Готландскаго.

Основана была въ Гельсингфорсѣ ложа св. Андрея Шотландскаго подъ названіемъ Phoenix.

1778 г.

Риксдагъ въ Швеціи.

1780 г.

Ноября 30. Королевскимъ постановленіемъ объявлена свобода торговли хлѣбомъ.

Вооруженный нейтралитетъ.

1782 г.

Мая 27. Евреямъ было воспрещено пріѣзжать или селиться въ Финляндіи.

Учрежденъ въ Стокгольмѣ гидрографическій департаментъ, въ которомъ составлялись спеціальныя карты Финскаго залива.

1783 г.

Свиданіе Екатерины II и Густава III въ г. Фридрихсгамѣ.

Въ Финляндію прибыла первая странствующая театральная труппа.

1784 г.

(Въ день крещенія) Спренгтпортенъ предложилъ герцогу Карлу Зюдерманландскому будущую корону Финляндіи.

Свиданіе Аркадія Ивановича Моркова съ Густавомъ III въ Римѣ.

1785 г.

Спренгтпортенъ въ Голландіи.

1786 г.

Риксдагъ въ Швеціи.

Въ Голландіи (въ Гагѣ) Спренгтпортенъ сближается съ нашимъ представителемъ Степаномъ Колычевымъ, которому раскрываетъ весь свой планъ освобожденія Финляндіи.

Спренгтпортенъ прибылъ въ Стокгольмъ и принялъ участіе въ риксдагѣ.

Мая 31—11 Іюня. Посланникъ Морковъ отправилъ въ Петербургъ проектъ Спренгтпортена, объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи.

1787 г.

Право винокуренія предоставили владѣльцамъ гейматовъ подъ извѣстными условіями.

1788 г.

Марта 20. Въ Гос. Совѣтъ была внесена записка гр. А. А. Безбородко о мѣрахъ на случай нападенія Швеціи.

Мая 29—9 Іюня шведскій корабельный флотъ вышелъ въ море.

Іюня 7—18. Гр. К. Разумовскій передалъ шведскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Оксеншерна, свою записку, въ которой говорилось объ участіи націи въ правленіи.

Іюня 11—2 . Встрѣча шведскаго флота съ эскадрой вице-адмирала ф.-Дезина.

Іюня 12—23. Отвѣтъ шведскаго правительства на записку гр. Разумовскаго. Король требовалъ прекращенія сношеній съ графомъ и его удаленіе изъ Швеціи.

Іюня 12—23. Густавъ выѣхалъ изъ Стокгольма въ Финляндію.

Въ Іюнѣ начались враждебныя дѣйствія Швеціи противъ Россіи, безъ объявленія войны.

Іюня $^{16}/_{17}$—$^{27}/_{28}$. Маскарадная стычка въ приходѣ Пумала у мѣстечка Вуольтенсальми.

Іюня 18—19. Осада шведами крѣпости Нейшлота.

Іюня 21. Переходъ шведскихъ войскъ черезъ русскую границу и бомбардированіе Нейшлота.

Іюня 23. Гр. Мусинъ-Пушкинъ назначенъ главнокомандующимъ русскими войсками.

Іюня 26—7 Іюля. Шведскій флотъ получилъ увѣдомленіе короля, что война начата.

Въ тотъ-же день шведами были захвачены русскіе фрегаты Ярославецъ и Гекторъ, плававшіе съ кадетами.

Указомъ Іюня 30 Адмиралу Грейгу велѣно выступить съ эскадрой для дѣйствій противъ Шведскаго флота.

Іюня 30. Высочайшимъ указомъ повелѣно выступить арміи подъ начальствомъ графа Мусина-Пушкина.

Іюня 30. Манифестъ Екатерины II о войнѣ со Швеціею.

Іюля 1. Великій Князь Павелъ Петровичъ выѣхалъ въ Выборгъ въ сопровожденіи Кап. Кушелева, лейбъ-медика Ив. П. Кутайсова и другихъ.

Іюля 6—17 Іюля. Морское сраженіе при Гогландѣ между русскою эскадрою адмирала Грейга и шведскою флотиліею герцога Карла Зюдерманландскаго.

Іюля 10—21. Неудачная для шведовъ стычка при Кернакоски.

10—21 Іюля въ Гельсингфорсѣ, въ главной киркѣ, шведы отслужили молебенъ, въ присутствіи Густава III (по случаю Гогландской побѣды).

Іюля 12. Отрядъ Нарвскаго пѣх. полка подполковника Петровича штурмомъ взялъ редутъ на р. Пардакоски.

Іюля 21. Густавъ III въ Гельсингфорсѣ подписалъ пространную декларацію, въ которой обвиняетъ Россію въ коварствѣ и разныхъ интригахъ.

Въ ночь на 22 Іюля. Нападеніе шведскаго десанта на русскій постъ при мызѣ Бракелла, въ семи верстахъ отъ Фридрихсгама; шведы обращены въ бѣгство.

Въ ночь съ 22 на 23 Іюля (2—3 Авг.) шведы начали бомбардировку Фридрихсгама. 24 Іюля (4 авг.) осада была уже снята и шведы удалились.

Іюля 26 — Августа 6. Русскими подъ начальствомъ адмирала Грейга сожженъ шведскій корабль «Густавъ-Адольфъ», въ пяти верстахъ отъ Свеаборга.

Іюля 27. Отбита атака шведской пѣхоты и конницы на авангардъ отряда генералъ-поручика Михельсона, при деревнѣ Уттисъ.

Іюля 28. Г. М. Армфельдтъ просилъ начать переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ.

Іюля 31—Авг. 11. Іегергорнъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ заговорилъ о желаніи финляндцевъ видѣть свою родину независимой.

Въ Августѣ . Флота-капитанъ Тревсненъ занялъ постъ у Гангута.

10—21 Августа. Шведскій отрядъ Гастфера снялъ осаду Нейшлота.

10—21 Августа. Густавъ III получилъ увѣдомленіе о готовящемся нападеніи Даніи.

Августа 21. В. Кн. Павелъ Петровичъ отправился для рекогносцировки шведскаго лагеря въ Кюменегордскомъ островѣ.

Августъ 12—23. Іегергорнъ вернулся изъ Петербурга въ Финляндію.

Августа 13—24. Члены конфедераціи собрались въ Аньяла, для обсужденія мѣръ, которыя предстояло предпринять вслѣдствіе русскаго отвѣта.

Августа 14—25. Король Густавъ III въ Ловизѣ проѣздомъ въ Швецію.

Августа 15—26. Герцогъ Карлъ Зюдерманландскій назначенъ главнокомандующимъ шведскихъ войскъ, выставленныхъ противъ Россіи.

Августа 25. Гр. Мейерфельдъ донесъ Королю, что офицеры протестуютъ противъ обвиненія ихъ въ замыслѣ достигнуть независимости Финляндіи.

Сентября 14—25. Шведы добровольно отступили изъ Гегфорса.

Октября 15. Скончался адмиралъ С. К. Грейгъ.

Ноября 16—27. Іегергорнъ бѣжалъ въ Россію.

Ноября 24—Декабря 5. Іегергорнъ представилъ проектъ операціоннаго плана, подъ заглавіемъ «Планъ къ выполненію конфедераціи финской націи относительно независимости Финляндіи».

1789 г.

Января 2. Гр. Безбородко внесъ въ Гос. Совѣтъ финляндское дѣло.

Король Густавъ III приказалъ арестовать главарей аньяльскаго заговора и доставить ихъ въ Стокгольмъ.

Февраля 23. Городское сословіе шведскаго королевства получило грамоту привилегій, въ силу которой за нимъ сохранялись преимущества такъ называемаго Product-Placat'а (1724 г.).

Марта 5/16. «Актъ Соединенія и Безопасности» былъ формально доложенъ въ рыцарскомъ домѣ и безъ баллотировки отклоненъ.

Апрѣля 3. Король Густавъ III утвердилъ новый основной законъ «Актъ Соединенія и Безопасности».

Апрѣля 18. Неудачное нападеніе шведовъ на русскій пикетъ при р. Кюмени.

Апрѣля 29. Къ 1 Мая велѣно русскимъ войскамъ выступить съ зимнихъ квартиръ и занять на границѣ посты: на правомъ флангѣ Генералъ Шульцъ, на лѣвомъ флангѣ Генералъ Левашевъ; Генералъ Рекъ по Кюмени отъ Коувала.

Корпусу Михельсона приказано собраться къ Вильманстранду для поиска въ Саволакской области.

Мая 15. Послѣдовало изданіе постановленія о Высшемъ Судѣ Короля (или Ревизіонной Юстиціи).

Мая 23. Михельсонъ сталъ лагеремъ при Вильманстрандѣ.

Мая 31. При Кюро Михельсонъ разбилъ шведовъ.

Сельскіе жители получили разрѣшеніе продавать повсюду свои (сельскія) произведенія.

Іюня 1. Неудачное дѣло генералъ-поручика Михельсона при Порасальмѣ (близъ Сентъ-Михеля).—Русскіе отступили съ значительными потерями. Шведами командовалъ Стедингкъ.

Іюня 7. Русскіе уступили шведамъ Кюменгородскій постъ.

Іюня 8. Новое нападеніе генерала Михельсона на шведское укрѣпленіе при Порасальма: русскіе сбили непріятельскіе батареи, опрокинули шведовъ и, преслѣдуя ихъ до самаго С.-Михеля, завладѣли этимъ городомъ.

Іюня 17. Сраженіе при д. Уттисѣ; шведы отступили.

Іюня 17—28. Густавъ III, въ качествѣ волонтера, присутствовалъ при стычкѣ близъ Давидстата и Уттисмальма.

Іюня 20. Михельсонъ сталъ лагеремъ при Давыдовѣ.

Іюня 22. Шведы заняли лагерь въ Ликалѣ и Сиполѣ.

Іюня 25/Іюля 6. Большой военный шведскій флотъ приготовился къ отплытію изъ Карлскроны.

Іюля 3. Принцъ Нассау сталъ на якорь у входа въ Фридрихсгамскую бухту.

Іюля 3. Неудачное нападеніе шведовъ на русскія передовыя войска, подъ командою ген.-маіора Денисова, при дер. Коувала.

Іюля 4—15. Генералъ Денисовъ разбилъ Генерала Каульбарса, который отступилъ къ Вереле.

Іюля $^{8}/_{19}$—$^{9}/_{20}$. Стедингкъ разбилъ русскихъ при деревнѣ Паркумяки.

Іюля 10. Вслѣдствіе дѣйствій отряда Кнорринга шведы покинули постъ у д. Верела. Бригадиръ Римскій-Корсаковъ и подполковникъ Петровичъ напали у Ликола и Сиполы на шведскіе посты, которые отступили къ Мемелю; Сухтеленъ двинулся въ подкрѣпленіе нашимъ отрядамъ, преслѣдовалъ шведовъ и занялъ Мемель.

Іюля 15—26. Морское сраженіе у Эланда между эскадрою Чичагова и шведскимъ флотомъ. Шведы послѣ того отступили въ Карлскрону.

Въ ночь на 4 Августа. Русскій небольшой отрядъ атаковалъ шведскую батарею на берегу рѣки Кюмени, противъ Мемельскаго поста, и овладѣлъ ею.

Августа 13. Пораженіе принцемъ Нассау-Зигенъ шведскаго флота близъ Роченсальма.

Августа 21. Высадка принца Нассау на берега Финляндіи, близъ Куниса. Непріятельскія береговыя батареи сбиты и шведскіе отряды отступили.

Августа 21. Сраженіе при Гёгфорсѣ и Кюменгородѣ.

Сентября 28. Съ наступленіемъ холоднаго времени войска стали на зимнія квартиры.

Зимой прибылъ къ арміи новый главнокомандующій графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ.

Ноября 6. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возвращеніи флота въ гавани.

1790 г.

Въ апрѣлѣ военный судъ вынесъ свой вердиктъ, приговоривъ однихъ аньяльцевъ къ лишенію чести и имущества и жизни, большинство же было исключено со службы, одинъ полк. Хестеску казненъ.

Абоскій гофгерихтъ приговорилъ Г. М. Спренгтпортена къ лишенію чести, имущества и жизни.

Апрѣля 4. Шведы напали на зимнія квартиры 2-хъ Егерскихъ ротъ въ Пардакоскахъ и принудили ихъ отступить въ Савитайпаль.

Апрѣля 4—15. Шведы дѣйствовали успѣшно у Кернакоски и Пардакоски. Русскіе отступили къ Савитайпаль.

Апрѣля 18. Нападеніе шведовъ у Валкіала на отрядъ ген. Денисова, который, отступя, расположился близъ большой Ковальской дороги.

По приказанію генералъ-поручика барона Игельстрёма всѣмъ войскамъ приказано отступить.

Апрѣля 24. Ген.-лейтенантъ Нумсенъ овладѣлъ непріятельскими батареями на Кюмени, противъ Мемеля.

Мая 2. Морской бой Чичагова со шведской эскадрой вблизи Паргева у Ревеля. Шведскій флотъ отступилъ.

Мая 4. Подъ Фридрихсгамомъ нашъ гребной флотъ принялъ бой, но, по израсходованіи пороха, началъ спускаться подъ защиту крѣпости (Слизовъ).

Мая 9. Вторичное нападеніе шведовъ на Фридрихсгамскую флотилію. Нападеніе отбито огнемъ съ крѣпости.

Мая 23 и 24. Бой эскадры вице-адмирала Крузе съ флотиліею герцога Карла Зюдерманландскаго у Красной Горки. Шведы принуждены были уйти въ Выборгскую бухту.

Мая 24—4 Іюня. Гр. Армфельтъ былъ разбитъ русскими, подъ начальствомъ ген.-маіора Хрущова, при Савитайпалѣ.

Іюня 7. Отбита атака шведовъ на Выборгскую шхерную флотилію адмирала Т. Г. Козляинова.

Іюня 10—21. Шведы открыли сильный огонь по эскадрѣ Нассау-Зигена у Бьерке-Зунда. Послѣ пятичасового сраженія заливъ Бьеркъ-Зундъ занятъ былъ нами.

Іюня 22. Большой бой въ Выборгской бухтѣ; шведы, хотя съ большимъ урономъ, но прорвались и ушли къ Гельсингфорсу.

Іюня 23. Фрегатъ «Венусъ», подъ самымъ Свеаборгомъ, отрѣзалъ изъ шведской эскадры герц. Зюдерманланд. корабль «Ретвизанъ» и вмѣстѣ съ нашимъ кораблемъ «Изяславъ», взялъ его въ плѣнъ.

Іюня 28. Принцъ Нассау-Зигенъ совершенно разбитъ шведами при Роченсальмѣ (Свенскзундѣ), бывшими подъ начальствомъ Густава III.

Августа 3. Заключеніе Верельскаго мира.

1791 г.

Въ Апрѣлѣ мѣс. Суворова послала осмотрѣть Шведскую границу.

1791 г.

Былъ подписанъ союзный трактатъ въ Дротнингсгольмѣ между Россіей и Швеціей на 8 лѣтъ. Густавъ сталъ получать ежегодно по 300 тыс. рублей.

Іюня 25. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе на имя Суворова построить укрѣпленія подъ его наблюденіемъ на границѣ Финляндіи.

1792 г.

Марта 16. Густавъ III былъ убитъ на маскарадѣ.

1792—1809 г.

Царствовалъ король Густавъ IV Адольфъ.

1796 г.

Совершеннолѣтіе Густава IV. — Удаленіе Рейтергольма.

Ноября 6. Кончина Екатерины II.

Вступленіе на престолъ Павла I.

Декабря 12. Павелъ I повелѣлъ возстановить въ Выборгской губ. правительственныя мѣста «по тамошнимъ правиламъ и привилегіямъ», кои существовали тамъ до открытія намѣстничества.

1799 г.

Изданъ шведскій аптечный регламентъ.

1800 г.

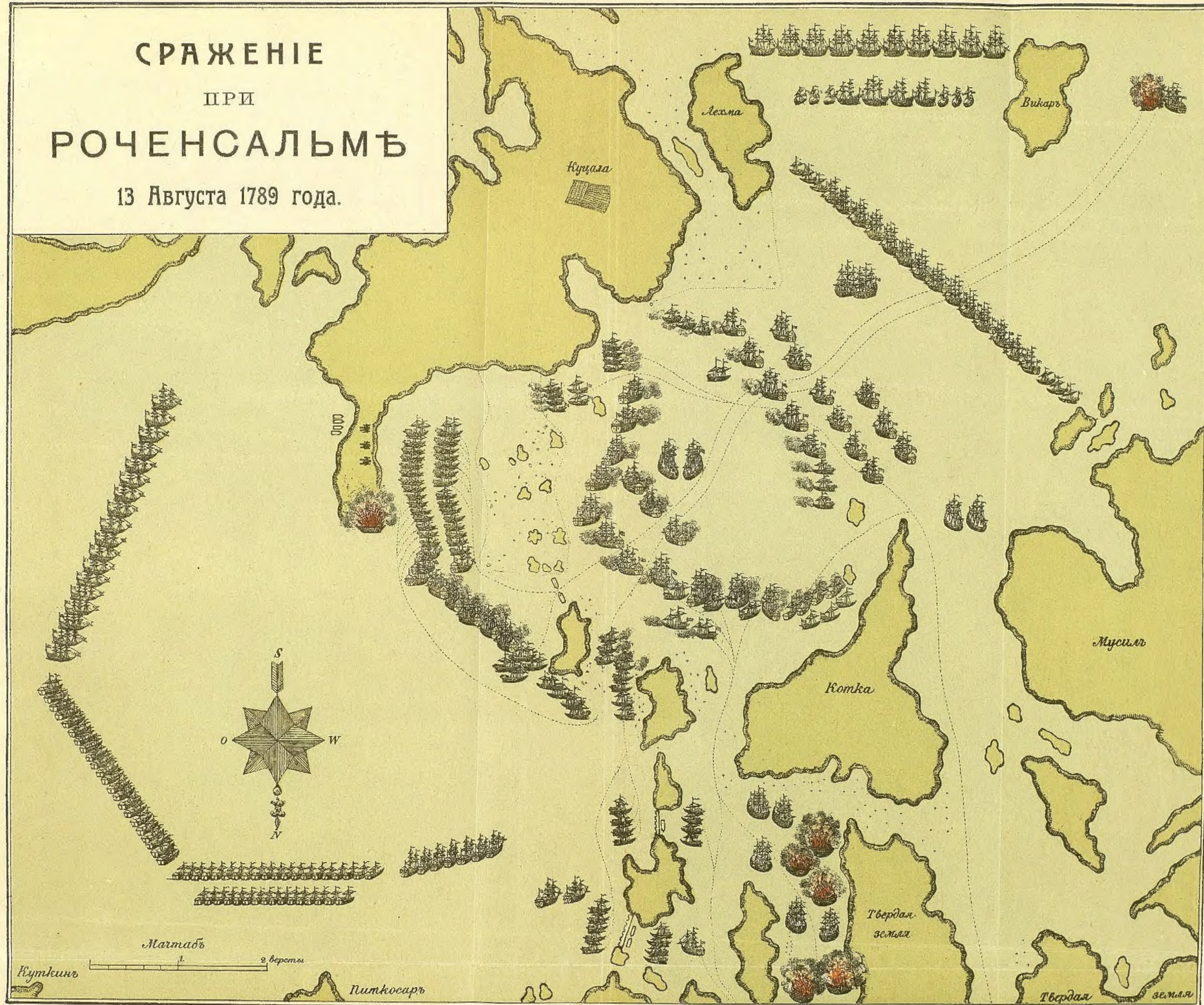
Густавъ IV посѣтилъ Петербургъ.

Марта 3/14. Состоялось секретное засѣданіе у Кутайсова по поводу распространившихся слуховъ о революціонномъ духѣ въ Финляндіи.

1801 г.

Декабря 4—16. Между Россіей и Швеціей былъ заключенъ договоръ о взаимной помощи, для огражденія свободы на морѣ.

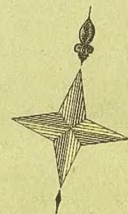
УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

СРАЖЕНІЕ
ПРИ
РОЧЕНСАЛЬМѢ
13 Августа 1789 года.
Куцала
Лехма
Викаръ
Мусилъ
Котка
Твердая земля
S
O
W
N
Мачтабъ
1.
2 версты
Куткинъ
Питкосаръ
Твердая земля

Ост: Нарген

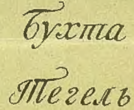
Ост: вульфъ

Часть Финскаго Залива

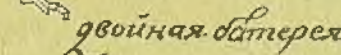
ост: больш: Карлус

Ост: мал: Карлус

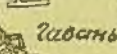

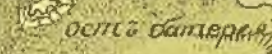
Бухта Тегель Копельская

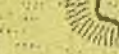
мыс Тегель Копельской

двойная батерея

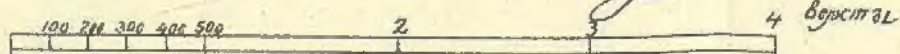
Ревель

Планъ баталіи и совершенной побѣды одержанной Россійско-Императорскою Ескадрою на Ревельской рейдѣ стоящею; подъ командою Адмирала и кавалера василья Яковлевича Чичагова, надъ Королевско-Шведскимъ флотомъ, во время нападенія Его на упомянутую Ескадру 2го Маія 1790го года.

ИЗЪЯСНЕНІЕ

Маія 1го числа Адмиралъ Чичаговъ, приметя что Шведскіи флотъ, намѣренъ атакодать нашу Ескадру, расположился за благовремянно по линѣе NO ZW. въ AA 2го числа усмотрено. что Шведскіи флотъ. приближаясь началъ выравниватся и строится въ положеніи BB и стремился сближится къ нашей линіи по направленію когда передовой ихъ корабль а занимъ и другіе поровнявшись противъ линіи нашего флота стали поворачиватся по вѣтру на другую сторону, то съ обѣихъ сторонъ открылась канонада и началось сраженіе, флотъ непріятельскіи будучи. упорно отражаемъ отъ нашей линіи началъ отдалятьса. Въ исходѣ 11го часа вице Адмиральскіи корабль C поровнявшись съ кораблемъ Адмирала Чичагова D началъ сильную пальбу, такъ же и Генералъ Адмиральскіи корабль E. на оба принуждены удалиться. Потомъ корабль F приступя къ нашей кордебаталіи и потерявъ гротъ и форстенгу влеченъ былъ въ линіи нашихъ кораблей, и спустя свой поднялъ Россійско-Императорской флагъ. Шведскіи Генералъ Адмиралъ видя такое пораженіе далъ знакъ оповоротѣ, и вскорѣ всѣ корабли старались поспѣшно удалится направляя путь свой по линѣе GG и одинъ передовой корабль H будучи много поврежденъ не могъ обойти рифа и остался на ономъ. флотъ Шведскіи продолжалъ плаваніе къ сѣверу дабы выйти изъ ускости мѣста и симъ образомъ одержана побѣда. Ставшей же намѣль Шведской корабль Ретвизанъ H при подошедшихъ съ 2го на 3е число въ ночи изъ Шведскаго флота кораблях сожженъ.

Масштабъ къ Плану

Сраженіе въ Выборгской бухтѣ 22 Іюня 1790 г.

2007065986